СТИВЕН

КИНГ

ЧЕТЫРЕ ПОСЛЕ ПОЛУНОЧИ

СТИВЕН

КИНГ

ЧЕТЫРЕ ПОСЛЕ ПОЛУНОЧИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Сое)-44
К41

Серия «Король на все времена»

Stephen King
FOUR PAST MIDNIGHT

Перевод с английского *В. Вебера* («Лангольеры», «Несущий смерть»), *О. Мышаковой* («Секретное окно, секретный сад»), *А. Санина* («Библиотечная полиция»)

Серийное оформление *А. Кудрявцева*

Компьютерный дизайн *А. Смирнова*

Фото автора на обложке *Shane Leonard*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Кинг, Стивен.

К41 Четыре после полуночи: [сборник; перевод с английского] / Стивен Кинг. — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 928 с. — (Король на все времена).

ISBN 978-5-17-096895-4

Четыре повести в одной книге — необычайно увлекательные и захватывающие. Четыре сюжета — настолько оригинально выстроенные, что от них невозможно оторваться...

Одиннадцать пассажиров авиалайнера понимают, что внезапно оказались во власти ужасных тварей — лангольеров...

На снимках, сделанных «Полароидом», вновь и вновь появляется чудовищный монстр, и он все ближе подкрадывается к владельцам камеры...

Писателя опутывает липкая паутина страха — ведь шаг за шагом он обращается в того, кого прежде видел лишь в ночных кошмарах...

В библиотеке маленького городка просыпаются темные силы — из глубин параллельного мира выходит безжалостный мститель-полицейский, готовый убивать...

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-5-17-096895-4

© Stephen King, 1990
© Перевод. В. Вебер, 1997
© Перевод. О. Мышакова, 2013
© Перевод. А. Санин, 1997
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ровно в полночь

В пустыне
желтовато-пастельной
увидел я его, в чешуе змея,
косматого, грязного, грозного.
Сжался, нелеп и наг,
от боли зверея,
сердце в ладонях стискивал.
Грыз его. Выл с тоски.

Спросил я: «Вкусно ли, друг?»
Дернулся он — вздрогнул.
«Горько, — ответил, — горько.
Жжет — гарью да горем,
огненным привкусом перца.
Да мне — по вкусу,
горько оно — гордо...
*Ведь это ж — мое сердце».**

Стивен Крейн

Детка, я стану тебя целовать.
Исполню все, что дерзнул обещать
в полночный глухой час...

Уилсон Пикетт

---

* Перевод Н. Эристави.

Вы только посмотрите — мы уже здесь. Снова с этим справились. Я надеюсь, что вы также счастливы, как и я. Все это напоминает мне об одной истории, а поскольку я зарабатываю на жизнь (и держу себя в тонусе) рассказыванием историй, то и перехожу к ней.

Пишу я все это в июле 1989 года. Меня словно громом поразило, когда я сидел перед телевизором и смотрел, как бостонские «Красные носки» играют с милуокскими «Пивоварами». Робин Йонт, играющий за «Пивоваров», как раз вошел в «дом», и комментаторы начали обсасывать тот факт, что Робину еще нет и тридцати пяти.

— Иногда кажется, что Робин помогал Абнеру Даблдею делать первые шаги, — говорил Нед Мартин, когда Йонт повернулся к Роджеру Клеменсу.

— Да, — соглашался Джо Кастильоне. — Он пришел к «Пивоварам» сразу после школы, думаю, он играет с 1974 года.

Я аж подпрыгнул, чуть не вывернув на себя банку пепси-колы. «Минуточку, — спохватился я. — Подождите минуточку! В 1974 году я опубликовал свою первую книгу! Это было не так уж и давно! Что он несет насчет первых шагов Абнера Даблдея?»

И тут я подумал, что скорость времени — тема, которая снова и снова будет возникать в нижеизложенных историях, — каждым воспринимается по-сво-

ему. Действительно, «Кэрри» опубликовали в 1974 году (точнее, весной, за два дня до открытия бейсбольного сезона, в котором Робин Йонт сыграл свои первые игры за «Пивоваров»), что, по моему разумению, совсем недавно, но есть и другие способы отсчета времени. Исходя из некоторых из них, пятнадцать лет — большой срок.

В 1974 году Джеральд Форд был президентом Соединенных Штатов, а шах еще правил Ираном. Джон Леннон был жив, так же как и Элвис Пресли. Донни Осмонд пел со своими братьями и сестрами. Уже появились на рынке домашние видеомагнитофоны, но в продажу поступили лишь экспериментальные модели. Знатоки предрекали их всеобщее распространение, утверждали, что «бета-стандарт» фирмы «Сони» превратит своего соперника, VHS, в пыль. Даже перспектива того, что люди будут брать напрокат любимые фильмы, как книги из библиотеки, была еще далеко за горизонтом. Цены на бензин поднялись до заоблачных высот: галлон обычного стоил сорок восемь центов, этилированного — пятьдесят пять.

У меня еще не засеребрилась первая седина. Моей дочери, ныне студентке второго курса колледжа, было четыре года. Старший сын, теперь выше меня ростом, тогда получил свой первый тренировочный костюм. Мой младший сын, сейчас играющий за детскую бейсбольную команду в чемпионате малой лиги, родился только через три года.

Забавная штука — время. Когда ты садишься в автобус, кажется, что он увезет тебя недалеко, может, на другую окраину города. Но вдруг — бах! И ты уже проехал полконтинента. Вы находите эту метафору наивной? Я тоже, но это не так уж и важно. Главное то, что время совершенно, поэтому даже такие сухие наблюдения, вроде приведенных мною выше, остаются без отклика.

Одно не изменилось за эти годы, как мне представляется, — главная причина, благодаря которой

мне (возможно, и Робину Йонту) кажется, что время остановилось. Я занимаюсь все тем же: пишу истории. И не просто пишу, а по-прежнему люблю это дело. Поймите меня правильно — я люблю жену, я люблю детей, но все так же нахожу удовольствие в поиске нехоженых дорог, прогулке по ним, знакомстве с теми, кто там живет. Интересно, знаете ли, посмотреть, что они делают, с кем и даже почему. Я все еще люблю необычность этих путешествий; особенно мне дороги в них моменты, когда поднимается туман и все становится ясным и понятным. В каждой истории главное — ухватить тигра за хвост. Зверь быстр, иногда это получается не сразу, но если уж удается, то моя хватка крепкая, и мне становится очень хорошо.

Эта книга намечена к публикации на 1990 год, то есть пойдет шестнадцатый год моих трудов на ниве беллетристики. Где-то на полпути, когда меня давно уже окрестили (не пойму почему) специалистом по «ужастикам», я опубликовал книгу под названием «Времена года». Она включала четыре ранее не публиковавшиеся повести, три из которых никак не подпадали под категорию «ужастик». Издатель взял книгу не без некоторой доли сомнения. Я это знаю, потому что и сам сомневался. Как выяснилось, мы оба волновались напрасно. Иногда писателю удается опубликовать книгу, которой сразу уготована счастливая судьба. Такой вот книгой стали для меня «Времена года».

Одну из повестей, «Тело», экранизировали, и фильму «Стой рядом со мной» сопутствовал немалый успех. Это была первая действительно удачная экранизация моего произведения после «Кэрри» (фильм вышел на экраны, когда Робин Йонт сам делал первые шаги в профессиональном бейсболе). Роб Рейтер, снявший «Стой рядом со мной», — один из лучших режиссеров, с кем мне довелось повстречаться, и я горжусь тем, что работал вместе с ним. Меня позабавило, что после

успеха фильма «Стой рядом со мной» мистер Рейтер создал кинокомпанию, которую назвал «Касл-Рок продакшн». Думаю, некоторые слова в этом названии покажутся знакомыми моим давнишним читателям.

Большинству критиков книга «Времена года» тоже понравилась. Хотя почти все они набрасывались на одну из повестей. Правда, в жертвы выбирались разные герои, потому я чувствовал, что не должен принимать их нападки близко к сердцу... и не принимал. Такое удается мне не всегда. В большинстве рецензий «Кристину» заклеймили как неудачный роман, мне пришлось согласиться с тем, что я, возможно, где-то что-то недотянул. Однако эти рецензии не остановили поток переизданий и, соответственно, приходящих на мое имя чеков с причитающимся гонораром.

Я знаю писателей, которые утверждают, что не читают критических статей, и двоим я верю. Они действительно не читают. Я же не такой, как эти двое, обожаю плохие рецензии и всегда размышляю над ними. Но надолго они мне настроение не портят. Достаточно укокошить несколько старушек и малолетних детей, и я снова в отличной форме.

Самое главное, что читателям книга «Времена года» понравилась. Я не помню ни одного письма, автор которого отругал бы меня за то, что я посмел написать нечто, отличное от «ужастика». Большинство читателей спешили сообщить мне, что одна из повестей разбудила их эмоции, заставила думать, чувствовать, и эти письма стали самым дорогим вознаграждением за мои труды. Господи, спаси и сохрани Постоянного читателя! Уста могут говорить, но истории не получится, если не будет внимательно слушающего уха.

То был 1982 год. Милуокские «Пивовары» выиграли первенство Американской лиги, ведомые, естественно, Робином Йонтом. Йонта в тот год признали Самым ценным игроком лиги.

То был хороший год для нас обоих.

Специально я не планировал писать «Времена года». Так уж получилось. Четыре разные истории рождались в разное время на протяжении пяти лет. Для рассказа слишком длинные, для отдельной книги — слишком короткие. Случается и такое, знаете ли. Меня очень порадовал успех этой книги, в то же время я испытывал сожаление, отправляя рукопись в «Викинг-пресс». Я знал, что книга хорошая. Но я знал и то, что второй такой книги мне уже скорее всего не написать.

Если вы думаете, что сейчас я скажу: «Ах, как я ошибался», то вас ждет разочарование. Книга, которую вы держите в руках, совсем не похожа на более ранние. «Времена года» включали три «обычные» повести и лишь одну о сверхъестественном. В этой же книге все четыре повести можно назвать «ужастиками». Они написаны за два последних года, когда я вроде бы удалился на покой, и несколько длиннее тех, что входили во «Времена года». Возможно, они другие и потому, что их замыслы родились в сознании, обратившемся, по крайней мере временно, к темным аспектам нашего бытия.

Например, ко времени и его разрушительному влиянию на человеческое сердце. Или к прошлому, тени которого падают на настоящее... тени, в которых произрастает что-то малоприятное и скрывается что-то еще менее приятное... чтобы иной раз выйти из тени.

Далеко не все мои принципы изменились, наоборот, в большинстве из них я еще больше укрепился. Я по-прежнему верю в жизнерадостность человеческого сердца и в особую силу любви. Я по-прежнему верю, что люди могут найти друг друга и души, которые живут в нас, иногда соприкасаются. Я по-прежнему верю, что цена этих соприкосновений невероятно высока... но польза, которую они приносят, значительно перевешивает цену, которую приходится за это платить. Я по-прежнему верю в приход эпохи Непорочности и в то, что человек должен найти свое место в жизни...

и защищать его до последней капли крови. Все это старомодные принципы, но я был бы лжецом, если б не признал, что так и не отказался от них. Все они по-прежнему со мной.

И я также люблю хорошую историю. Люблю слушать и люблю рассказывать. Вы, возможно, этого не знаете (а может, вам без разницы), но мне заплатили много денег за публикацию этой книги и двух последующих. А известно ли вам, что я не получил ни цента за написание повестей, собранных под обложкой этой книги? Как и все, что происходит само по себе, процесс создания литературного произведения в деньгах не оценить. Иметь деньги очень даже хорошо, но когда речь заходит о творческом акте, про деньги лучше забыть. Можно загубить процесс.

Полагаю, что свои истории теперь я рассказываю несколько иначе (надеюсь, что лучше, но, разумеется, об этом каждый читатель вправе судить сам). Когда «Пивовары» победили в 1982 году, Робин Йонт играл на краю, нынче — в центре. Наверное, немного потерял скорость... но по-прежнему ловит все, что летит в его направлении.

Меня такое вполне устраивает. Все идет нормально.

Поскольку многих читателей интересует, а откуда же берутся все эти истории и не являются ли они некими составными в более широком замысле автора, к каждой из историй я написал предисловие о том, как возникла та или иная идея. Эти предисловия могут вас позабавить, но, если не хотите, можете их и не читать. Это не задание на дом. Слава Богу, контрольную вам писать не придется.

Позвольте закончить, повторив, что как хорошо снова быть с вами, снова с вами говорить... как приятно осознавать, что и вы здесь и готовы пойти в другое место... место, где у стен есть глаза, а у деревьев — уши, где что-то ужасное пытается найти дорогу из подвала или с чердака туда, где живут люди. Эти коллизии все

еще интересуют меня... но я думаю, что еще больше меня интересуют люди, которые могут слушать, а могут и не слушать мои истории.

Прежде чем поставить точку, я должен сообщить вам, как закончился бейсбольный матч. «Пивовары» взяли верх над «Красными носками». Йонт (тот самый, что учил Абнера Даблдея делать первые шаги на поле) показал себя молодцом.

Робин еще не сыграл свою последнюю игру.

Я тоже.

Бангор, штат Мэн
Июль, 1989

ЛАНГОЛЬЕРЫ

Один после полуночи

Посвящается Джо, одному из пилотов

Предисловие к «Лангольерам»

Сюжеты приходят ко мне в разное время и в разных местах: в автомобиле, в душе, на прогулке, даже на вечеринках. В двух случаях они мне приснились. Но очень редко я начинаю писать, как только у меня сверкнет идея. И у меня нет «блокнота сюжетов». Я не записываю идеи и считаю, что это правильно. Возникает их множество, но лишь немногие из них действительно хороши, однако все без исключения идеи я отправляю в картотеку, которая хранится у меня в голове. Плохие там потихоньку распадаются, поэтому, открыв картотечный ящик и посмотрев, что у меня в загашнике, я нахожу только несколько отличных сюжетов, и каждый с ярким центральным образом.

В «Лангольерах» этот образ — женщина, прижимающая руку к трещине в фюзеляже пассажирского самолета.

Нет нужды говорить, что сам я знаю о пассажирских самолетах очень мало. В этом ни у кого не должно быть сомнений, но образ женщины возникал всякий раз, когда я заглядывал в картотеку в поисках нового сюжета. Такой четкий образ, что я даже ощущал духи женщины — назывались они «L'Envoi»*, — видел ее зеленые глаза, слышал испуганное, учащенное дыхание.

Как-то вечером, лежа в постели и уже засыпая, я понял, что эта женщина — призрак.

---

* Послание *(фр.). — Здесь и далее примеч. пер.*

Помнится, я сел, перекинул ноги на пол и включил свет. Какое-то время посидел, не думая ни о чем... по крайней мере сознательно. А вот в подсознании парень, который в действительности делает за меня всю работу, уже трудился, очищая рабочее место и готовясь запустить все свои машины. На следующий день я (или он) начал писать эту повесть. На это ушел месяц, и она далась мне легче, чем остальные повести в этой книге, слово ложилось за словом, эпизод за эпизодом. Иной раз истории и дети выходят на свет Божий без особых мук, эта повесть — тот самый случай. Из-за чувства обреченности, делающего эту повесть несколько похожей на более раннее мое произведение, «Туман», я решил давать каждой главе старомодные подзаголовки. И закончил я повесть в отличном настроении, с пониманием того, что она удалась... такое со мной случается редко.

Я не привык копаться в деталях, но на этот раз пришлось затратить немало времени на подготовку. Трое пилотов — Майкл Руссо, Френк Соарс и Дуглас Деймон — помогали мне ничего не перепутать. Стоило мне пообещать, что я ничего не разобью в кабине самолета, и они лезли из кожи вон, чтобы снять все мои вопросы.

Все ли я понял и записал правильно? Едва ли. Это не удалось даже знаменитому Даниелю Дефо. В «Робинзоне Крузо» его герой, раздевшись догола, плывет на корабль, который недавно покинул... а затем набивает карманы всякой всячиной, которая может понадобиться ему на необитаемом острове. А в одном романе (опущу и автора, и название) о нью-йоркской подземке писатель принял кабинки ремонтников за общественные туалеты.

Тут у меня *подход* однозначный: если я что-то изложил правильно — спасибо господам Руссо, Соарсу и Деймону. Если где ошибся — моя вина. И дело не просто в вежливости. Фактологические ошибки не есть результат неверного толкования полученной ин-

формации. Причина тому — неумение задать правильный вопрос. Разумеется, я *позволил* себе одну или две вольности в описании самолета, в который вы скоро войдете. Но вольности незначительные и необходимые для сюжета.

Вот теперь все. Прошу на борт.

Полетаем в недружественных небесах.

Глава 1

Плохие новости для капитана Энгла. Маленькая слепая девочка. Банда Долтона прибывает в Томбстоун. Странности рейса 29

1

Брайан Энгл остановил пассажирский лайнер «Л-1011», принадлежащий компании «Американская гордость», у галереи 22 и повернул тумблер, отключающий свет на табличках «Пристегните ремни», ровно в 22.14. Шумно выдохнул и отстегнул ремень безопасности.

Он не помнил случая, чтобы его так радовало завершение полета. И устал он, как никогда. Голова раскалывалась; планы на вечер определились окончательно и бесповоротно. Никакой выпивки в комнате отдыха пилотов, никакого ужина, даже никакой ванны по приезде в Уэствуд. Раздеться — и в кровать. Он намеревался проспать четырнадцать часов.

Рейс 7, Токио — Лос-Анджелес, сначала отложили из-за сильного встречного ветра, а потом из-за неразберихи в ЛАКСе, по мнению Энгла, самом худшем аэропорту Америки, если, конечно, не считать бостонский Логан. Более того, во второй половине полета возникла проблема с герметичностью салона. Понача-

лу незначительная, но постепенно ситуация ухудшалась и стала пугающей. Они уже опасались взрывной декомпрессии... но до этого дело не дошло: все как-то стабилизировалось само по себе. Такое нередко случалось, случилось и на этот раз. Пассажиры уже покидали самолет, даже не подозревая о том, что этот полет из Токио мог стать для них последним. Но Брайан это знал... и оттого голова у него просто раскалывалась.

— Эту суку прямо отсюда отбуксируют в диагностический центр, — сообщил второй пилот.

— Там знают, в чем проблема?

Второй пилот кивнул:

— Им это не нравится, но они знают.

— Плевать я хотел на то, что им нравится или нет, Дэнни. Мы сегодня едва не сыграли в ящик.

Дэнни Кин кивнул. Он тоже знал, что едва не сыграли.

Брайан вздохнул, потер шею. Голова не давала ему покоя хуже, чем больной зуб.

— Может, я уже становлюсь староват для таких дел?

Время от времени, обычно после особенно тяжелого перелета, такую фразу говорили многие пилоты, но Брайан чертовски хорошо знал, что он совсем и не стар. Сорок три года — для пилотов гражданской авиации самый расцвет. Тем не менее сейчас он почти что поверил в то, что сказал. Господи, как же он устал!

Постучали. Стив Сирлз, штурман, повернулся в кресле и, не поднимаясь, открыл дверь. На пороге стоял мужчина в зеленом блейзере — это фирменный цвет «Американской гордости». Выглядел он как дежурный по галерее, но Брайан знал, что это птица куда более высокого полета. Джон (а может, Джеймс) Диган, заместитель начальника операционного отдела «Американской гордости» в ЛАКСе.

— Капитан Энгл?

— Да? — Он мгновенно принял оборонительную стойку.

Первым делом подумал (мысль эта родилась от усталости и головной боли), что ему предложат взять на себя ответственность за прохудившийся самолет. Паранойя, конечно, но в этот момент Брайан Энгл мог предположить что угодно.

— Боюсь, у меня для вас плохие новости, капитан.

— Насчет разгерметизации? — резко спросил Брайан, и несколько пассажиров, проходивших мимо двери в кабину пилотов, обернулись, но слово не воробей, вылетит — не поймаешь.

Диган покачал головой:

— Насчет вашей жены, капитан Энгл.

Энгл не мог взять в толк, чего от него хочет этот человек, а потому молча таращился на Дигана. Наконец до него дошло. Речь, разумеется, шла об Энн.

— Она моя бывшая жена. Мы развелись восемнадцать месяцев назад. Что с ней?

— Несчастный случай. Может, пройдем в контору?

Брайан с любопытством посмотрел на него. После трех нервных часов полета происходящее сейчас казалось ему каким-то нереальным. Он едва подавил желание предложить Дигану катиться к чертовой матери. Но, разумеется, не предложил. В авиационных компаниях не принято разыгрывать шутки с пилотами, тем более с теми, кто только что прошел по самому краю пропасти.

— Что, Энн в порядке? — повторил Брайан уже мягче, заметив, что второй пилот смотрит на него с сочувствием.

Диган разглядывал свои начищенные туфли, и Брайан понял, что новости действительно плохие и с Энн далеко не все в порядке. Понял, но отказывался в это поверить. В тридцать четыре года Энн отличали отменное здоровье и умеренность в привычках. Он также подумал, что более здравомыслящего водителя нет во всем Бостоне... может, во всем штате Массачусетс.

Тут он услышал, как задает еще один вопрос... Брайану показалось, что какой-то незнакомец проник

в его мозг и использует его рот вместо громкоговорителя.

— Энн мертва?

Джон, или Джеймс Диган, огляделся как бы в поисках поддержки, но у люка стояла одна-единственная стюардесса, желавшая пассажирам провести приятный вечер в Лос-Анджелесе и бросающая тревожные взгляды на пилотов. Возможно, ее волновало то же, что минуту назад и Брайана: как бы на команду не возложили вину за утечку воздуха, превратившую последние часы полета в сущий кошмар. Так что Диган мог рассчитывать только на себя. Он вновь посмотрел на Брайана и кивнул:

— Да... боюсь, что мертва. Вы пройдете со мной, капитан Энгл?

2

В четверть первого Брайан Энгл уже устроился в кресле 5а рейса 29 (Лос-Анджелес — Бостон) авиакомпании «Американская гордость». Рейс этот завсегдатаи трансконтинентальных перелетов называли «красный глаз»*. До взлета оставалось пятнадцать минут. Брайан вспомнил, что после Логана ЛАКС считается самым опасным аэропортом. Получалось, что в течение восьми часов ему предстояло посетить оба эти аэропорта: ЛАКС — пилотом, Логан — пассажиром.

После посадки боль не прошла, а только усилилась. «Голова у меня горит огнем, — думал Брайан. — Просто полыхает. Что произошло с пожарными детекторами? Здесь же стоит лучшая автоматика...»

За последние четыре или пять месяцев он практически не вспоминал об Энн. В первый год после развода Энн буквально не выходила у него из головы. Что она делает, как одевается, конечно же, с кем видится?

---

* Название ночных рейсов, билеты на которые стоят дешевле.

Энн все время стояла у Брайана перед глазами. Он достаточно много читал о разводах, чтобы знать, как выйти из такого состояния: лекарства тут не помогали, а вот другая женщина могла бы. Как известно, клин клином вышибают.

Но другой женщины у Брайана не появилось, во всяком случае, пока. Несколько ничего не значащих свиданий, один осторожный сексуальный контакт (он пришел к твердому убеждению, что в эпоху СПИДа все внебрачные сексуальные контакты должны быть осторожными), но не другая женщина. Он просто... излечился.

Брайан наблюдал за поднимающимися на борт пассажирами. Молодая светловолосая женщина шла с маленькой девочкой. Маленькая девочка была в черных очках и держалась за локоть женщины, которая что-то тихонько ей сказала. Ребенок тут же повернулся на голос, и Брайан по движению ребенка понял, что девочка слепая. «Забавно, — подумал он, — сколь многое могут подсказать мелочи».

Энн, напомнил ему внутренний голос. *Не пора ли подумать об Энн?*

Но его усталый мозг старался уйти от этой темы. Не хотелось думать об Энн, теперь покойнице, его бывшей жене, единственной женщине, которую он со злости ударил.

Может, ему пора читать лекции? Разведенным мужчинам, да, пожалуй, и женщинам, почему нет? Тема: развод и умение забывать.

«Оптимальное время для развода — самое начало пятого года супружеской жизни, — сказал бы им Брайан. — Возьмем мой случай. Год после развода я провел, словно в чистилище, задаваясь вопросом, какая часть вины лежит на мне, а какая — на ней, гадая, правильно ли я поступал, вновь и вновь заводя разговор о детях. В этом мы никак не могли сойтись, хотя речь шла не о наркотиках или супружеской неверности. Дети против карьеры, ничего больше. А потом у меня в го-

лове словно возник скоростной лифт: Энн была в кабине, и лифт рухнул вниз».

Да. Рухнул. Исчез вместе с Энн. И несколько последних месяцев он об Энн совсем не думал... даже когда подходил срок очередной выплаты алиментов. Они разошлись полюбовно. Энн сама зарабатывала восемьдесят тысяч долларов в год, до вычета налогов. Деньги выплачивались через его адвоката, обычная статья ежемесячных расходов, две тысячи долларов, больше счета за электричество, но меньше взноса за квартиру в кондоминиуме.

Брайан наблюдал, как мимо прошел юноша в ермолке, под мышкой он нес футляр для скрипки. Нервный и взволнованный взгляд, устремленный в будущее. Брайан ему позавидовал.

В последний год совместной жизни они выплеснули друг на друга немало злобы и горечи, пока наконец, за четыре месяца до того как расстались, не случилось, наверное, неизбежное: рука Брайана среагировала прежде, чем мозг успел остановить ее. Он не любил это вспоминать. Энн крепко выпила на вечеринке, а когда вернулись домой, выдала ему по полной программе.

«Оставь меня в покое, Брайан. Говорю тебе, оставь. Чтоб больше никаких разговоров о детях. Хочешь проверить свою сперму — иди к врачу. Моя работа — реклама, а не производство детей. Надоел мне твой мужской шови...»

Тут он Энн и ударил, сильно, по губам. Удар вышиб у нее изо рта последнее слово. Они стояли друг против друга в квартире, где потом ей предстояло умереть, шокированные и испуганные (тогда он себе в этом не признался, но теперь, сидя в кресле 5а и наблюдая за поднимающимися на борт пассажирами рейса 29, мог позволить себе такую роскошь). Энн коснулась пальцами губ, которые начали кровоточить. Протянула руку к нему.

Ты меня ударил. В голосе слышалась не злость, а изумление. Скорее всего это был первый случай, ко-

гда кто-то в гневе приложил руку к Энн Куинлэн Энгл.

«Да, — тогда ответил он. — Можешь не сомневаться. И ударю снова, если ты не заткнешься. Больше ты не будешь сечь меня своим язычком. Лучше повесь на него замок. Говорю это для твоего же блага. Больше такого не повторится. Хочешь кого-то пинать в доме — заводи собаку».

Четыре месяца они еще прожили вместе, но семейная жизнь закончилась в тот момент, когда ладонь Брайана соприкоснулась с губами Энн. Его спровоцировали, Господь знает, что спровоцировали, но Брайан все равно многое отдал бы за то, чтобы того, что случилось, не произошло.

На борт поднимались последние пассажиры, и Брайан почему-то подумал о духах Энн. Запах он помнил, а вот название — нет. Как же они назывались? «Лиссам»? «Литсам»? Может, «Литиум»? Тепло, тепло. Но название вспомнить ему так и не удалось.

«Мне ее недостает, — мрачно решил Брайан. — Теперь, когда она ушла навсегда, мне ее недостает. Это же надо!»

«"Лаунбой"? Чушь собачья!»

«А может, хватит? — спросил он у внутреннего голоса. — Поставь точку, а?»

Ладно, легко согласился внутренний голос. *Нет проблем. Могу поставить точку. Как захочу, так и поставлю. Или «Лафбью»? Нет, это мыло. Извини. «Лавбайт»? «Лавлорн»?*

Брайан застегнул ремень безопасности, откинулся на спинку сиденья, закрыл глаза и вдохнул запах духов, название которых никак не мог вспомнить.

Именно в этот момент к нему обратилась стюардесса. Конечно же! Брайан Энгл точно знал, что именно этому девушек и обучали на спецкурсе после получения удостоверения об окончании учебного заведения: подождать, пока пассажир закроет глаза, и тут же предложить ему какую-нибудь незначительную услугу.

К примеру, как только пассажир заснул, осведомиться, не нужны ли ему одеяло и подушка?

— Простите, пожалуйста... — начала она и замолчала. Брайан увидел, как ее взгляд сместился с его погон на форменную фуражку, что лежала рядом на пустом сиденье.

Стюардесса, однако, быстро оправилась от удивления и предприняла вторую попытку.

— Извините меня, капитан, но не хотите ли выпить кофе или апельсинового сока? — Брайан заметил, что его взгляд заставил девушку чуть покраснеть. Она указала на маленький столик под телевизором. На нем стояли два ведерка со льдом, из которых выглядывали зеленые горлышки бутылок. — Разумеется, у нас есть и шампанское.

Энгл подумал, а не выпить ли ему шампанского, но тут же отмел эту мысль.

— Ничего не надо, благодарю. И в полете мне ничего не потребуется. Думаю, буду спать до самого Бостона. Как с погодой?

— Облака на высоте двадцати тысяч футов над Великими равнинами до самого Бостона, но это не проблема. Мы полетим на высоте тридцать шесть тысяч. Да, нам сообщили о северном полярном сиянии над пустыней Мохаве. Возможно, вы захотите на него посмотреть.

— Вы шутите! Северное полярное сияние над Калифорнией? В это время года? — Брови Брайана взлетели вверх.

— Так нам сказали.

— Кто-то перебрал дешевых наркотиков. — Стюардесса рассмеялась. — Нет уж, я, пожалуй, посплю.

— Очень хорошо, капитан. — Она замялась. — Вы тот самый капитан, только что потерявший жену, так?

Боль пульсировала в висках, но он заставил себя улыбнуться. Эта женщина, вернее девушка, явно ему сочувствовала.

— Бывшую жену. Но это я.

— Примите мои соболезнования.

— Благодарю.

— Я летала с вами?

— Вроде бы нет. — Вновь его лицо осветила улыбка. — Последние четыре года я летал только за рубеж. — Он протянул руку, полагая, что пора и познакомиться. — Брайан Энгл.

Стюардесса почтительно пожала ее.

— Мелани Тревор.

Энгл снова улыбнулся ей, откинулся назад и закрыл глаза. Задремал, но не заснул: предполетные объявления тут же разбудили бы его. Он решил, что времени выспаться ему хватит.

Рейс 29, как и все «красноглазые рейсы», взлетел вовремя: эти рейсы привлекали еще и точностью. В салонах «Боинга-767» пустовало меньше половины мест. Первым классом, помимо Брайана, летело человек шесть. Пьяниц и любителей поскандалить Брайан среди них не углядел. А потому *надежда выспаться* только укрепилась.

Он слушал, как Мелани Тревор показывает аварийные выходы, объясняет, как пользоваться маской в случае падения давления (эту процедуру Брайан совсем недавно прокручивал в своем мозгу), как доставать из-под сиденья спасательный жилет и как надувать его. Самолет оторвался от взлетной полосы, и Мелани снова подошла к нему и спросила, не хочет ли он чего-нибудь выпить. Брайан отрицательно покачал головой, поблагодарил ее, а затем нажал кнопку, откланяющую кресло назад. В какой уж раз закрыл глаза и тут же заснул.

Мелани Тревор он больше не увидел.

3

Через три часа после взлета маленькая девочка, Дайна Беллман, проснулась и спросила тетю Викки, можно ли ей попить.

Тетя Викки не ответила, и Дайна повторила вопрос. Ответа не последовало, и девочка протянула руку, чтобы коснуться плеча тети, но она уже знала, что нащупает только спинку пустого кресла. Так и произошло. Доктор Фелдман говорил ей, что дети, от рождения слепые, часто развивают в себе особое чувство, позволяющее определять — вроде радара — присутствие или отсутствие людей поблизости. Дайне эти сведения и не требовались. Девочка знала, что такое чувство есть. Оно срабатывало не всегда, но в большинстве случаев... особенно когда речь шла о ее поводыре.

«Тетя, наверное, пошла в туалет и сейчас вернется», — подумала Дайна, но ее все равно охватила безотчетная тревога. Проснулась она не внезапно, как от толчка; наоборот, просыпалась постепенно, как пловец, медленно поднимающийся из глубины на поверхность. Если бы тетя Викки, которая сидела у окна, протискивалась мимо нее в последние две или три минуты, Дайна бы это почувствовала.

«Значит, она ушла раньше, — сказала себе Дайна. — Возможно, по большой нужде... ничего в этом нет особенного. Или остановилась с кем-то поговорить».

Только Дайна не слышала, чтобы кто-то разговаривал в салоне самолета. Лишь мерно гудели двигатели. Чувство тревоги нарастало.

И тут в голове девочки послышался голос мисс Ли, ее психоаналитика (только Дайна всегда принимала ее за свою слепую учительницу): «Ты не должна бояться того, что боишься, Дайна. Все дети время от времени испытывают испуг, особенно в новых для них ситуациях. Тем более слепые дети. Поверь мне, я знаю. — И Дайна ей верила, потому что, как и девочка, мисс Ли была слепой от рождения. — Не подавляй свой страх... но и не поддавайся ему. Посиди и постарайся разобраться, что к чему. Очень помогает, уверяю тебя».

Особенно в новой для ребенка ситуации.

Что ж, именно такое с ней и случилось: Дайна летела в первый раз, тем более с побережья на побережье, на огромном трансконтинентальном лайнере.

Постарайся разобраться, что к чему.

Итак, она проснулась в странном месте и обнаружила, что ее поводырь ушла. Естественно, такое пугает, даже если ты знаешь, что отсутствует поводырь временно. В конце концов, не могло же у тети Викки возникнуть желание выйти из самолета, летящего на высоте тридцать семь тысяч футов. Что же касается странной тишины в салоне... в конце концов, это «красный глаз». Пассажиры скорее всего спят.

«Все спят? — не могла не спросить себя Дайна. — Чтобы все они спали? Возможно ли такое?» И тут же ответ пришел сам собой: «Кино. Те, кто не спит, смотрят кино. Естественно».

Дайна заметно успокоилась. Тетя Викки говорила, что показывать будут фильм «Когда Гарри встретил Салли», с Билли Кристалом и Мег Райан в главных ролях. Она сама собиралась посмотреть этот фильм... если ей удастся не заснуть.

Дайна провела рукой по креслу тети в поисках наушников, но их не нашла. Зато нащупала книжку в бумажной обложке. Несомненно, один из любовных романов, которые нравились тете Викки. О тех днях, когда мужчины были мужчинами, а женщины — нет.

Пальчики Дайны двинулись дальше и наткнулись на гладкую кожу. Потом на молнию, на ручку.

Сумочка тети Викки.

Тревога вернулась. Наушников нет, а сумочка есть. Вместе со всеми дорожными чеками. Дайна знала о чеках, потому что ее мать и тетя Викки говорили об этом перед тем, как уехать из дома в Пасадене.

Могла тетя Викки пойти в туалет и оставить сумочку на сиденье? Поступила бы она так, зная, что ее спутница, десятилетняя девочка, в данный момент спит?

Дайна в этом очень сомневалась.

Не подавляй свой страх... но и не поддавайся ему. Посиди и постарайся разобраться, что к чему.

Но Дайне не нравилось пустое сиденье и не нравилась тишина в салоне самолета. Возможно, конечно, большинство пассажиров спят, а остальные смотрят кино и стараются не шуметь, чтобы никого не разбудить, но все равно девочке это не нравилось. Животное, с удивительно острыми зубами и когтями, пробудилось в ней и начало рычать. Дайна знала, что животное это — паника, и понимала, что должна быстро обуздать его, иначе своим поведением она может поставить в неловкое положение и себя, и тетю Викки.

«Когда я смогу видеть, — подумала Дайна, — когда врачи вернут мне зрение, такие мысли больше не будут лезть ко мне».

Все так, но то, что могло быть в будущем, никоим образом не могло помочь ей сейчас.

Дайна внезапно вспомнила, как тетя Викки, когда они заняли свои места, взяла ее руку и положила на маленький пульт управления на боковине сиденья. С пультом девочка разобралась без труда. Два маленьких колесика, которые использовались вместе с наушниками: одно находило нужный аудиоканал, второе регулировало громкость звука. Прямоугольный переключатель для лампочки над сиденьем. «Тебе он не понадобится, — сказала тетя Викки с улыбкой в голосе. — Во всяком случае, на пути туда». И наконец, квадратная кнопка для вызова стюардессы.

Палец Дайны коснулся квадратной кнопки, погладил вогнутую поверхность. «Ты действительно хочешь нажать на кнопку? — спросила она себя и без запинки ответила: — Да, хочу».

Дайна нажала кнопку и услышала мелодичный звонок. Подождала.

Никто не подошел.

Лишь мерно, едва слышно гудели авиадвигатели. Никто не разговаривал. Никто не смеялся (может,

фильм не такой смешной, как ожидала тетя Викки). Никто не кашлял. Сиденье рядом с ней, сиденье тети Викки, по-прежнему пустовало, и стюардесса не наклонялась к Дайне, обдавая ее запахом духов и шампуня и спрашивая, не хочет ли она что-нибудь съесть или выпить воды.

Тишину нарушал только гул двигателей.

Паника все сильнее рвалась наружу. Чтобы справиться с ней, Дайна сосредоточилась на встроенном в ее сознании радаре, невидимом луче, которым она обвела салон. Обычно получалось неплохо. Если ей удавалось сконцентрироваться, она чуть ли не могла видеть глазами других. Так ей, во всяком случае, казалось. Однажды она рассказала об этом мисс Ли, и резкая реакция последней очень удивила девочку. «Разделенное зрение — частая фантазия слепых, — сказала тогда мисс Ли. — Особенно слепых детей. Не полагайся на это чувство, Дайна, иначе случится так, что ты упадешь с лестницы или выйдешь на дорогу перед несущимся автомобилем».

Поэтому она больше не пыталась смотреть на мир глазами другого человека, но иногда это случалось независимо от ее воли, и тогда Дайна видела все глазами мамы или тети Викки.

Сейчас же девочка просто боялась, вот и старалась найти вокруг других людей, почувствовать их, но никого не находила.

И тогда Дайну охватил ужас, паника подминала ее под себя. Она почувствовала, как крик рвется у нее из груди, и крепко сжала зубы, чтобы остановить его. Потому что вырвался бы не крик, а вопль: она заорала бы, как пожарная сирена.

Я не должна кричать, приказала она себе. *Я не должна кричать и ставить в неловкое положение тетю Викки. Я не должна кричать и будить тех, кто сейчас спит, и пугать тех, кто бодрствует. Они прибегут и скажут: «Посмотрите на эту трусливую маленькую*

девочку, посмотрите на эту трусливую маленькую девочку».

Но встроенный радар, который помогал компенсировать недостаток зрения, а иногда позволял видеть «через глаза» других (что бы там ни говорила мисс Ли), только усиливал страхи девочки.

Потому что докладывал ей, что вблизи нет никого.

Ни одного человека.

4

Брайану Энглу приснился очень плохой сон. Он вновь пилотировал самолет, летевший рейсом 7 из Токио в Лос-Анджелес. Только на этот раз с утечкой дело обстояло куда хуже. В кабине пилотов царила обреченность. Стив Сирлз плакал и ел плюшки.

— Если ты так расстроен, почему ешь? — спросил Брайан. Внезапно раздался пронзительный свист (так свистит чайник, когда закипает вода), указывающий, как предположил Брайан, на разгерметизацию салона. Глупо, конечно. Ведь если возникает щель, то воздух уходит в нее бесшумно, до того момента, как гремит взрыв, но во сне всякое возможно.

— Потому что я люблю плюшки и мне больше не удастся их поесть, — ответил Стив, рыдая все громче.

А потом свист прекратился, как отрезало. В кабину пилотов вошла улыбающаяся стюардесса, между прочим, Мелани Тревор, и сказала, что место утечки найдено и загерметизировано. Брайан поднялся и последовал за ней в большой салон, где Энн Куинлэн Энгл, его бывшая жена, стояла в небольшой нише, откуда убрали сиденья. Над ближайшим к ней иллюминатором кто-то написал странную фразу: «ТОЛЬКО ДЛЯ ПАДАЮЩИХ ЗВЕЗД». Красным, цветом опасности.

Энн была в темно-зеленой униформе стюардесс «Американской гордости», что удивило Брайана. Ведь она занимала крупный пост в одном рекламном

агентстве Бостона и всегда с пренебрежением поглядывала на стюардесс, которые летали с ее мужем. Рука Энн лежала на трещине в фюзеляже.

— Видишь, дорогой? — гордо воскликнула она. — Я обо всем позаботилась. Не важно, что ты ударил меня. Я тебя простила.

— Не делай этого, Энн! — крикнул он, но опоздал.

Ее ладонь засасывало в щель. Сначала провалился средний палец, потом безымянный, затем указательный, мизинец. Что-то хлопнуло, словно пробка вылетела из бутылки шампанского в руках неумелого официанта, и вся кисть провалилась в щель.

Однако Энн продолжала улыбаться.

— Это «L'Envoi», дорогой, — говорила она, когда за кистью последовала рука. Заколка, стягивающая волосы, соскочила, и они рассыпались по плечам. — Я всегда ими душусь, разве ты не помнишь?

Он вспомнил... теперь вспомнил. Только это уже не имело никакого значения.

— Энн, вернись! — крикнул он.

Она продолжала улыбаться, а руку медленно засасывало в окружающую самолет пустоту.

— Совсем не больно, Брайан, поверь мне. «L'Envoi», помнишь? — сказала Энн, когда ее высасывало сквозь щель.

Теперь Брайан вновь слышал этот звук. Однажды поэт Джеймс Дики назвал его «звериным свистом пространства». Громкость его нарастала и нарастала, вырываясь из сна в реальность, пока шипение воздуха не превратилось в человеческий крик.

Глаза Брайана открылись. Переход от сна к бодрствованию длился лишь мгновение: Брайан был профессионалом, а его сверхответственная, связанная с высоким риском работа прежде всего требовала быстрой и точной реакции в чрезвычайных ситуациях. Он летел рейсом 29, а не рейсом 7, не из Токио в Лос-Анджелес, а из Лос-Анджелеса в Бостон. Энн уже умерла,

и причиной смерти стала не щель в корпусе авиалайнера, а пожар в ее доме на Атлантик-авеню, рядом с набережной.

Но звук остался. Пронзительно кричала маленькая девочка.

5

— Пожалуйста, откликнитесь, — тихо, но отчетливо произнесла Дайна Беллман. — Очень сожалею, но моя тетя ушла, а я слепая.

Нет ответа. Впереди, через сорок рядов и две перегородки от нее, Брайану Энглу снилось, как его штурман плачет и ест плюшки.

Только мерно гудели двигатели.

Паника грозила подчинить себе разум, и у Дайны остался лишь единственный способ сдержать ее: она расстегнула ремень безопасности, встала и вышла в проход.

— Эй? — позвала она громче. — Эй, кто-нибудь!

Нет ответа. Дайна заплакала. Но тем не менее продолжала держать себя в руках.

Считай ряды, отчаянно заверещал внутренний голос. *Считай, сколько рядов ты прошла, а не то тебе никогда не найти дороги назад.*

Она остановилась у следующего ряда кресел по левую руку, наклонилась, протянула руку. Она знала, что там сидел мужчина, потому что тетя Викки разговаривала с ним за минуту или две до взлета. Когда он отвечал, голос доносился с того кресла, что находилось перед Дайной. Она это знала, определение местонахождения голосов стало для нее способом жить, совсем как дыхание. Спящий мужчина подпрыгнул бы от ужаса, почувствовав, что его ощупывают чьи-то пальцы. Но Дайну это уже не волновало.

Да только кресло пустовало.

Пустовало. Совсем.

Дайна выпрямилась, с мокрыми от слез щеками, испуганная. Они же не могли пойти в туалет вместе, не так ли? Разумеется, нет.

Может, туалетов два? В таком большом самолете их, конечно, два.

Но вопрос о количестве туалетов давно потерял актуальность.

Тетя Викки никуда бы не пошла без своей сумочки. Дайна в этом не сомневалась.

Девочка медленно двинулась дальше, останавливаясь у каждого ряда, ощупывая два ближайших кресла, слева и справа.

На одном нашла сумочку, на втором — брифкейс, на третьем — авторучку. На двух обнаружила наушники. Взявшись за вторую пару, прикоснулась к чему-то липкому. Потерла пальцы друг о друга, скорчила гримаску, вытерла руку о салфетку-подголовник. Ушная сера. Это точно. У нее особая, ни с чем не сравнимая консистенция.

Дайна Беллман продвигалась все дальше, уже не думая о том, что может кого-то потревожить. Она не попадала кому-либо в глаз, не щипала за щеку, не дергала за волосы.

Все кресла, которые она ощупывала, пустовали.

В какой-то момент, пока она спала, ее тетя и все пассажиры рейса 29 исчезли.

«Нет, — возразил ей голос мисс Ли, сохранивший способность мыслить логично. — Нет, это невозможно, Дайна! Если все покинули самолет, кто же сидит за штурвалом?»

Девочка прибавила шаг, хватаясь за ручки кресел, широко открыв глаза за темными очками. Со счета она давно сбилась, но тревожило ее другое: тишина.

Она вновь остановилась. Наклонилась над креслом справа. На этот раз ее руки нащупали волосы... но в странном месте. Волосы на сиденье — как такое могло быть?

Пальцы сжались... и она подняла волосы.

Тут Дайне открылась ужасная истина.

Волосы есть, а человека, которому они принадлежали, нет. Это скальп. Она держала в руке скальп мертвого человека.

Вот тут Дайна Беллман и разразилась криком, который вырвал Брайана Энгла из сна.

6

Алберт Косснер сидел у стойки бара, пил виски «Брэндинг айрон». Братья Эрпы, Уатт и Вирджил, устроились справа от него, док Холлидей — слева. Он как раз поднял стакан, чтобы провозгласить тост, когда в салун «Серджо Леоне» ворвался мужчина с деревянным протезом вместо левой ноги.

Уатт повернулся к нему. Спокойный, загорелый, симпатичный. Вылитый Хью О'Брайен*.

— Это Томбстоун, Маффин. Здесь суетиться не принято.

— Так они же скачут сюда! — воскликнул Маффин. — И они в ярости, Уатт! Говорю тебе, в ярости!

Словно подтверждая его слова, с улицы донеслись выстрелы: тяжелый грохот армейских револьверов сорок четвертого калибра (скорее всего украденных у солдат), отрывистые хлопки винтовок.

— Не попачкай штаны, Маффин. — Док Холлидей сдвинул шляпу на затылок. Алберт нисколько не удивился тому, что доктор выглядел как Роберт Де Ниро. Он всегда верил, что если кто и может сыграть роль ковбоя-дантиста, так это Де Ниро.

— О чем вы тут толкуете, парни? — Вирджил Эрп огляделся.

Он Алберту никого не напоминал.

---

* В этой подглавке упомянуты американские киноактеры, часто снимавшиеся в вестернах.

— Пошли. — Уатт поднялся. — Меня эти чертовы Клэнтоны уже достали.

— Это Долтоны, Уатт, — ровным голосом поправил его Алберт.

— Да хоть Джон Дилинджер или Красавчик Флойд. Ты с нами, Туз, или как?

— С вами.

Говорил Алберт Косснер мягко и вкрадчиво, с интонациями прирожденного убийцы. Одна его рука упала на рукоятку длинноствольного «бантлайн спешл», другая поднялась к голове, убедиться, что *ермолка* на месте. Убедилась.

— Отлично, парни! — Встал и док. — Поджарим Долтонам задницу.

Они вышли из салуна как раз в тот момент, когда колокол баптистской церкви Томбстоуна начал отбивать полдень.

Долтоны галопом мчались по Главной улице, постреливая в окна и витрины. Цистерну с водой перед «Торговой лавкой Дьюка» они превратили в фонтан.

Айк Долтон первым увидел на пыльной улице четырех мужчин в расстегнутых куртках, дабы последние не мешали схватиться за револьверы. Айк резко дернул за поводья, и его лошадь, протестующе заржав, поднялась на задние ноги. На удилах клочьями висела пена. Айк Долтон неуловимо напоминал Раттера Хауэра.

— Посмотрите, кто у нас здесь, — фыркнул он. — Никак Уатт Эрп и его братишка Вирджил. Или сестричка?

Эмметт Долтон (Доналд Сатерленд после месяца ночных попоек) остановил лошадь рядом с Айком.

— И еще их дружок дантист, — прорычал он. — Да кто захочет... — Тут он взглянул на Алберта и заметно побледнел.

Папаша Долтон подтянулся к сыновьям. В Папаше без труда узнавался Слим Пикенс.

— Господи, — выдохнул Папаша. — Да это Туз Косснер!

Френк Джеймс пристроился рядом с Папашей. Лицо его было цвета грязного пергамента.

— Какого черта, парни! — воскликнул Френк. — Я не против того, чтобы пограбить от скуки какой-нибудь городок, но никто не сказал мне, что здесь будет Аризонский Еврей!

Алберт Туз Косснер, от Седалии до Стимбоута известный как Аризонский Еврей, выступил вперед. Его рука зависла над рукояткой «бантлайна». Он сплюнул табачную жвачку, не отрывая холодных серых глаз от всадников, застывших в двадцати футах от него.

— Ваш ход, парни, — процедил Аризонский Еврей. — По моим расчетам, в аду еще достаточно свободных мест.

С последним ударом колокола на баптистской церкви банда Долтонов выхватила револьверы. Туз управился со своим гораздо быстрее. Но, едва он начал поливать Долтонов свинцовым дождем, на ступенях отеля «Лонгхорн» закричала маленькая девочка.

«Кто-то должен заставить замолчать эту малявку, — подумал Туз. — Чего она так орет? Ситуация под контролем. Не зря же меня называют самым быстрым стрелком-евреем к западу от Миссисипи».

Но крик нарастал, раздирая воздух, соединяя сон с реальностью.

На мгновение Алберт оказался в полной темноте, в промежутке между сном и бодрствованием. Лишь крик рвал барабанные перепонки, словно кто-то никак не хотел снять с плиты закипевший чайник.

Наконец молодой человек открыл глаза и огляделся. Он на своем сиденье, в передней части главного салона самолета, следующего рейсом 29. По проходу идет маленькая девочка, лет десяти, в розовом платье и черных очках.

«Она что, кинозвезда?» — почему-то подумал Алберт, уже не на шутку перепугавшись. Из любимого сна его вырвали, как репку из земли.

— Эй! — позвал он негромко, чтобы не разбудить других пассажиров. — Эй, девочка! Что случилось?

Маленькая девочка мгновенно повернула голову на звук его голоса. Затем повернулась всем телом, но задела одно из кресел центрального ряда. Дайну отбросило в сторону, и она через подлокотник повалилась в кресло левого ряда, ножки ее взлетели вверх.

— Есть тут кто-нибудь? — закричала девочка. — Помогите мне! Помогите!

— Эй, стюардесса! — с тревогой позвал Алберт и расстегнул ремень безопасности.

Встал, выскользнул в проход, направился к маленькой девочке... и остановился. Он смотрел в хвост самолета, и то, что видел, леденило его кровь.

«Похоже, я мог не волноваться, что перебужу остальных пассажиров», — сразу подумал он.

Широко раскрытыми глазами Алберт смотрел на — как ему казалось — абсолютно пустой главный салон «Боинга-767».

7

Брайан Энгл почти поравнялся с перегородкой, разделявшей салоны первого и бизнес-класса, когда до него неожиданно дошло, что в салоне первого класса нет ни души. Он даже остановился и лишь через секунду-другую двинулся дальше, решив, что остальные, возможно, услышали крик раньше его и поспешили посмотреть, что случилось.

Впрочем, он в этом сомневался. Брайан Энгл достаточно долго возил пассажиров и неплохо разбирался в групповой психологии. Если один начинал чудить, остальные предпочитали не обращать на это внимания. Большинство авиапутешественников слагали с себя право на индивидуальные действия, как только поднимались на борт серебристой птицы и пристегивали ремни безопасности. Для себя они оставляли решение са-

мых простых проблем, а все остальное перекладывали на плечи экипажа. Авиаторы держали их за дураков, но, скорее, следовало называть их овцами. Вот и обращались с пассажирами как со стадом. Это позволяло держать в узде самых нервных.

Брайан еще не проснулся окончательно, и часть его сознания твердила, что кричит Энн, что сейчас он найдет ее в главном салоне, с рукой, затянутой в щель, над которой краснела надпись: «СТРЕЛЬБА ТОЛЬКО НАЧАЛАСЬ».

В салоне бизнес-класса Брайан обнаружил только одного пассажира, пожилого мужчину в коричневом костюме-тройке. Его лысина поблескивала в свете лампы для чтения. Пальцы, с раздутыми от артрита суставами, лежали на пряжке ремня безопасности. Он крепко спал, оглашая салон громким храпом. Крики ему нисколько не мешали.

Брайан поспешил в главный салон и замер, потрясенный увиденным. Он просто не верил своим глазам. Юноша стоял рядом с маленькой девочкой, которая упала в кресло по левому борту. Юноша, однако, смотрел не на нее, а в глубь салона, и его нижняя челюсть уже проделала долгий путь от верхней до круглого воротника футболки с надписью «HARD ROCK CAFE».

Первая реакция Брайана ничем не отличалась от реакции Алберта Косснера: «Боже мой, самолет пуст!»

Потом он увидел, как из правого ряда встала женщина и вышла в проход, чтобы посмотреть, что случилось. Ее покачивало, по выражению лица и глаз чувствовалось, что она крепко спала и до конца еще не проснулась. Посередине салона, в центральном ряду, мужчина в водолазке тянулся вверх, без особого интереса поглядывая на маленькую девочку. Еще один мужчина, лет шестидесяти, поднялся из кресла неподалеку от Брайана, нерешительно оглядываясь. На нем была красная фланелевая рубашка, и он явно не понимал, где находится и как сюда попал. Волосы торчали в разные стороны.

— Кто кричит? — спросил он Брайана. — Самолет терпит аварию? Как по-вашему, мы падаем?

Маленькая девочка перестала кричать. Выбралась из кресла, в которое свалилась, и чуть не упала. Но юноша успел ее подхватить, хотя его движениям явно не хватало быстроты.

Куда они подевались? думал Брайан. *Господи, куда же все подевались?* А ноги уже несли его к юноше и маленькой девочке. Он миновал еще одного пассажира, девушку лет семнадцати. Она крепко спала. Рот приоткрылся, и воздух с неприятным шумом вылетал из него при каждом выдохе.

Брайан подошел к юноше и девочке в розовом платье.

— Где народ? — спросил Алберт Косснер. Его рука лежала на плече всхлипывающего ребенка, но он не смотрел на девочку: его глаза снова и снова обегали пустой салон. — Мы где-то приземлялись, пока я спал, и все вышли?

— Моя тетя ушла! — сквозь слезы выдохнула девочка. — Моя тетя Викки! Я думала, в самолете никого нет! Я думала, что осталась одна! Скажите, где моя тетя? Я хочу к моей тете!

Брайан опустился рядом с ней на корточки, его глаза оказались на уровне черных очков. Он вспомнил, как девочка шла рядом со светловолосой женщиной.

— С тобой все в порядке. Не волнуйся, с тобой все в порядке. Как тебя зовут?

— Дайна. — Вновь слезы. — Я не могу найти мою тетю. Я слепая и не могу видеть ее. Я проснулась, а рядом никого не...

— Что происходит? — спросил мужчина в водолазке; Брайана и Дайну он игнорировал, обращаясь к юноше в футболке с надписью «HARD ROCK CAFE» и мужчине во фланелевой рубашке. — Где остальные?

— С тобой все в порядке, Дайна, — повторил Брайан. — Тут есть и другие люди. Ты их слышишь, не так ли?

— Д-да. Я их слышу. Но где тетя Викки? И кого убили?

— Убили? — резко спросила женщина.

Та самая, что сидела по правому борту. Брайан взглянул на нее, увидел, что она молода, красива, черноволоса.

— *Кого-то* убили? Нас похитили?

— Никого не убили, — ответил Брайан. Только паники и не хватало. Но голова у него шла кругом. — Успокойся, дорогая.

— Я нашла его волосы! — настаивала Дайна. — Кто-то отрезал его ВОЛОСЫ!

Об отрезанных волосах думать не хотелось. Тем более что ему вспомнилась одна фраза Дайны («Я думала, в самолете никого нет»), и по спине побежал неприятный холодок. А кто, черт побери, сидит за штурвалом?

Брайан поднялся, повернулся к мужчине в красной рубашке:

— Я должен отойти. Останьтесь с маленькой девочкой.

— Хорошо, — кивнул мужчина. — Но что происходит?

К ним присоединился еще один мужчина, лет тридцати пяти, в отглаженных джинсах и оксфордской рубашке. В отличие от остальных он был совершенно спокоен. Достал из нагрудного кармана очки в роговой оправе, раскрыл дужки и водрузил очки на нос.

— У нас стало на несколько пассажиров меньше, не так ли? — спросил мужчина с британским акцентом. — Как насчет команды? Кто-нибудь в курсе?

— Именно это я и собираюсь выяснить. — И Брайан двинулся к кабине пилотов.

Выходя из главного салона, он оглянулся. Еще двое подошли к маленькой девочке в черных очках: девушка, которая крепко спала с открытым ртом, ее еще качало, словно она крепко выпила или обкурилась, и пожилой господин в потертом пиджаке спор-

тивного покроя. Восемь человек. Плюс он и мужчина в салоне бизнес-класса, который проспал все что можно.

Десять.

Да что же, во имя Господа, случилось с остальными?

Но времени думать об этом не было, сейчас следовало решать другие самые серьезные проблемы. Брайан поспешил в носовую часть самолета мимо мужчины, все так же мирно похрапывающего в салоне бизнес-класса.

8

Служебная зона, втиснутая между киноэкраном и двумя купе первого класса, пустовала. Вот там-то Брайан и увидел тележку с напитками, которую откатили к дверце туалета по правому борту. На нижней полке тележки стояли использованные стаканы.

«Они как раз собирались развозить напитки, — подумал Брайан. — Когда это произошло, уж не знаю что именно, они только выкатили тележку. Использованные стаканы собрали до взлета. Значит, все случилось сразу же после отрыва от земли, в течение первых тридцати минут или около того. Синоптики вроде бы докладывали об атмосферных возмущениях над пустыней. Да, да, какая-то чушь насчет северного полярного сияния.

Брайан уже подумал, что ему и это приснилось, но вспомнил, что сказала ему об этом Мелани Тревор, стюардесса рейса 29.

А вот кто бы теперь сказал ему, что здесь произошло?

При взгляде на брошенную тележку для напитков его охватил ужас и страх перед сверхъестественным. Наверное, те же чувства испытывали люди, первыми поднявшиеся на борт «Марии Селесты» и обнаружившие, что на корабле нет ни души, хотя паруса в полном порядке, в капитанской каюте накрыт стол к обеду,

а в кубрике еще курится трубка одного из моряков...

Неимоверным усилием воли Брайан отогнал эти парализующие волю мысли и подошел к двери между служебной зоной и кабиной пилотов. Постучал. Как он и опасался, никакой ответной реакции. Брайан забарабанил кулаком в дверь, хотя и знал, что это бесполезно.

Напрасно.

Он попытался повернуть ручку. Ничего не вышло. В эпоху не предусмотренных расписанием рейсов в Гавану, Ливан и Тегеран вход в кабину строго ограничили: пилоты только изнутри могли открыть дверь. Брайан мог бы сесть за штурвал этого самолета... но сначала надо было попасть в кабину.

— Эй! — крикнул он. — Эй, парни! Откройте дверь!

Он уже знал, что ему никто не ответит. Стюардессы исчезли вместе с большинством пассажиров, так что Брайан Энгл готов был поспорить на последний доллар, что в кабине пилотов тоже пусто.

И летящим на восток самолетом управляет автопилот.

Глава 2

Темнота и горы. Клад. Нос Водолазки. Нелающие собаки. Паника недопустима! Перемена курса

1

Брайан попросил мужчину в красной рубашке приглядеть за Дайной, но девочка услышала женский голос, молодой и приятный, устремилась к его обладательнице и крепко схватила ее за руку. После стольких лет, проведенных с мисс Ли, Дайна сразу отличала го-

лос учительницы. Темноволосая женщина не отдернула руки.

— Так тебя зовут Дайна, дорогая?

— Да, — кивнула девочка. — Я слепая, но после операции в Бостоне я снова смогу видеть. *Надеюсь*, что смогу. По мнению врачей, существует семидесятипроцентная вероятность того, что зрение восстановится частично, и сорокапроцентная — что полностью. А как вас зовут?

— Лорел Стивенсон, — ответила черноволосая женщина.

Она все оглядывала главный салон, и с огромным изумлением.

— Лорел — это растение*, не так ли? — спросила Дайна, чувствуя, как разговор помогает заглушить страх.

— Извините меня. — Мужчина в роговых очках и с британским акцентом чуть поклонился. — Пойду составлю компанию нашему другу.

— Я с вами, — присоединился к нему мужчина в красной рубашке.

— Я хочу знать, что тут происходит! — воскликнул мужчина в водолазке, при этом его лицо побледнело как мел, на щеках ярко выделялись пятна румянца. — Я хочу знать, что происходит, и *немедленно!*

— Меня это не удивляет, — ответил англичанин и пошел в носовую часть самолета.

Мужчина в красном пристроился рядом. Девушка потянулась следом, но у перегородки между главным салоном и салоном бизнес-класса в нерешительности остановилась, не зная, идти дальше или вернуться назад.

Пожилой мужчина в пиджаке спортивного покроя протиснулся к иллюминатору левого борта.

— И что вы видите? — спросила Лорел Стивенсон.

---

* Женское имя Лорел и растение лавр обозначаются одним и тем же английским словом — *Laurel.*

— Темноту и горы, — ответил мужчина.

— Рокки?* — спросил Алберт.

Мужчина в пиджаке спортивного покроя кивнул:

— Полагаю, что да, молодой человек.

Алберт решил, что и ему пора пройти в носовую часть самолета. В семнадцать лет ума ему было не занимать, поэтому и его не миновал Главный Вопрос: «А кто управляет самолетом?»

Потом, правда, он подумал, что не так это и важно... во всяком случае, на текущий момент. Они летят ровно, на одной высоте, значит, *кто-то* управляет, а может, и что-то, к примеру автопилот, но, так или иначе, он лично ничего изменить не мог.

Кто он, в конце концов? Если Алберт Косснер — то талантливый скрипач (но не гений), который летит учиться в Музыкальный колледж Беркли. Если Туз Косснер (это уже из снов), то самый быстрый стрелок из всех евреев, проживающих западнее Миссисипи, охотник за преступниками, отдыхающий по субботам, не ложащийся на постель в обуви, одним глазом выслеживающий жертву, а вторым выискивающий кафе с кошерной пищей. Изображая из себя Туза, он, конечно, искал спасения от чрезмерной любви родителей, которые не разрешили ему играть в Малой бейсбольной лиге из страха, что он повредит пальцы, и свято верили, что любой чих свидетельствует о первой стадии воспаления легких.

Стрелок-скрипач, несомненно, любопытная комбинация! Правда, он ничего не знал об управлении самолетом. Да еще маленькая девочка произнесла заинтриговавшую его фразу: «Я нашла его волосы. Кто-то отрезал его ВОЛОСЫ!»

Он покинул Дайну и Лорел (мужчина в потертом пиджаке спортивного покроя переместился к правому борту, чтобы посмотреть, что творится с другой сторо-

---

* Скалистые горы, крупнейшая горная система в Кордильерах Северной Америки, образующая их восточную часть.

ны, мужчина в водолазке уже шел в носовую часть самолета, хищно щурясь) и двинулся к хвосту, повторяя путь Дайны, но в обратном направлении.

Кто-то отрезал его ВОЛОСЫ!

Алберту не понадобилось много времени, чтобы понять, о чем говорила слепая девочка.

2

— Я молюсь, сэр, о том, чтобы фуражка пилота, которую я заметил в салоне первого класса, принадлежала вам.

Брайан стоял перед закрытой дверью в кабину пилотов, опустив голову и глубоко задумавшись, пытаясь найти нужное решение. Когда англичанин заговорил за его спиной, Брайан вздрогнул от неожиданности и круто развернулся.

— Покорнейше прошу простить, если я вас напугал, — продолжил англичанин. — Я — Ник Хопуэлл. — Он протянул руку.

Брайан ее пожал. При этом ему вновь почудилось, что все это происходит во сне. Том самом, причиной которого стали тяжелый перелет из Токио и известие о смерти Энн.

Часть его сознания понимала, что сейчас он вовсе и не спит, точно так же, как раньше та же часть сознания отметила, что крик маленькой девочки — диссонанс в обезлюдевшем салоне первого класса, хотя Брайан и старался убедить себя: все побежали помогать девочке. Если такие мысли шли на пользу, зачем их отбрасывать? К тому же вокруг все встало с ног на голову, и даже попытка подумать, разобраться, что к чему, вызывала острую головную боль. Благо времени думать просто не было, совсем не было, и его это только радовало.

— Брайан Энгл, — представился он. — Рад познакомиться с вами, хотя обстоятельства... — Он пожал плечами.

Так при каких обстоятельствах они знакомились? Подобрать определение не удавалось. Он не находил слова для точного определения этих обстоятельств.

— Необычные, не так ли? — пришел на помощь Хопуэлл. — Полагаю, сейчас лучше об этом не думать. Команда не откликается?

— Нет. — Брайан вновь стукнул кулаком по двери.

— Спокойнее, спокойнее, — остановил его Хопуэлл. — Расскажите мне о фуражке, мистер Энгл. Вы даже представить себе не можете, какие я испытаю радость и облегчение, если мне будет дозволено величать вас капитан Энгл.

Брайан не мог не улыбнуться.

— Я капитан Энгл, но, учитывая необычные обстоятельства, зовите меня Брайан.

Ник Хопуэлл схватил левую руку Брайана и сочно поцеловал ее.

— Я бы предпочел называть вас спасителем. Надеюсь, вы возражать не станете?

Брайан расхохотался. И Ник тоже. Они стояли у запертой двери и хохотали во все горло, пока к ним не подошли мужчина в красной рубашке и мужчина в водолазке. Судя по выражению их лиц, они решили, что Брайан и Ник свихнулись.

3

Алберт Косснер несколько мгновений держал парик в руке, пристально его разглядывая. Волосы черные, поблескивающие под светом ламп, на ощупь не отличимые от настоящих. Неудивительно, что маленькая девочка так напугалась, приняв парик за скальп. Алберту тоже стало бы страшно, схватись он за этот парик с завязанными глазами.

Он бросил парик обратно на сиденье, взглянул на сумочку на сиденье рядом и присмотрелся повнимательнее. Рядом с сумочкой лежало золотое обручальное кольцо. Алберт осмотрел его и положил на место. Медленно пошел в хвост. Не прошло и минуты, как он полностью забыл о мучившем его вопросе: кто управляет самолетом и как они сядут, если это автопилот?

Пассажиры рейса 29 исчезли, но от них остались баснословные сокровища. Чуть ли не на каждом сиденье Алберт находил драгоценности, главным образом обручальные кольца, но попадались и другие, с бриллиантами, изумрудами, рубинами. Хватало и сережек, в том числе и достаточно дорогих, по мнению Алберта. У его матери были неплохие драгоценности, но в сравнении с некоторыми находками они казались дешевой бижутерией. На сиденьях лежали также заколки для галстука, запонки, браслеты и идентификационные таблички. И часы, часы, часы. От «Таймекса» до «Ролекса», никак не меньше двух сотен часов, на сиденьях, на полу между рядами, в проходах. С поблескивающими циферблатами.

Компанию часам составляли очки. Их было не меньше шестидесяти. В тонкой металлической, роговой, золотой оправах. Производства таких фирм, как «Рай-Бэнс», «Полароид», «Фостер Грант».

Алберт видел пряжки от ремней, заколки, мелочь. Бумажных денег не было, но монет по двадцать пять, десять, пять и одному центу набиралось долларов на четыреста. Насчитал Алберт и с десяток бумажников, как из хорошей кожи, так и из пластика, несколько перочинных ножей, штук шесть калькуляторов.

Попадались и более странные вещи. Он поднял с сиденья пластиковый розовый цилиндр, смотрел на него добрых тридцать секунд, прежде чем понял, что это искусственный фаллос, и торопливо положил на место. На другом кресле он нашел маленькую золотую ложечку на золотой цепочке. Тут и там блестели сереб-

ряные и золотые кусочки металла. Подняв пару штук, он убедился, что его догадка верна: коронки и пломбы. В одном из дальних рядов Алберт наткнулся на два металлических цилиндра. И достаточно быстро сообразил, что это хирургические штыри, место которых не на полу опустевшего самолета, а в коленном или плечевом суставе.

Нашел он и еще одного пассажира, бородатого молодого человека, который развалился на двух сиденьях последнего ряда. Пассажир громко храпел, а разило от него, как из пивной бочки.

В том же ряду Алберт увидел миниатюрный прибор, как он предположил, имплантируемый кардиостимулятор.

Алберт оглядел огромный и пустой главный салон.

— Что же тут происходит? — спросил он дрожащим голосом.

4

— Я желаю знать, что здесь происходит? — отчеканил мужчина в водолазке.

Широким шагом он вошел в служебную зону между салоном первого класса и дверью в кабину пилотов. *Словно новый* владелец контрольного пакета акций, завладевший компанией вопреки желанию руководства.

— На текущий момент? — осведомился Ник Хопуэлл, одарив Водолазку улыбкой. — Мы как раз намеревались взломать эту дверь. Команда самолета, похоже, сгинула вместе с остальными пассажирами, но нам тем не менее повезло. Совершенно неожиданно выяснилось, что мой новый знакомый — пилот, который спал как бревно и...

— *Кто-то* действительно многое проспал, и я собираюсь выяснить, кто именно, поверьте мне. — Водолазка протиснулся мимо Ника и вперился грозным

взглядом в Брайана. — Вы работаете в «Американской гордости»?

— Да, но почему бы нам не отложить выяснение отношений на потом? Сейчас главное...

— Я скажу вам, что сейчас главное! — рявкнул Водолазка, обрызгав лицо пилота облаком мельчайших капелек слюны.

Брайан едва подавил удивительно сильное желание схватить этого мерзавца за шею и путем эксперимента определить, на какой угол требуется повернуть ему голову, чтобы внутри что-нибудь сломалось.

— В девять утра у меня совещание в Пруденшл-центре с представителями «Бэнк интернэшнл». *Ровно* в девять утра! Я купил билет на этот рейс в полной уверенности, что мы прибудем в Бостон точно по расписанию. Опаздывать я не собираюсь! А потому хочу выяснить три момента: кто санкционировал незапланированную посадку, пока я спал, *где* мы садились и *почему!*

— Вы когда-нибудь смотрели «Стар трек»? — неожиданно спросил Ник Хопуэлл.

Водолазка повернул к нему покрасневшее от прилива крови лицо. Было видно, что он считает англичанина сумасшедшим.

— О чем вы говорите?

— Это прекрасный американский сериал, — пояснил Ник. — Научная фантастика. Исследование странных новых миров, вроде того, что сейчас существует в вашей голове. И если вы не заткнете вашу пасть, паршивый кретин, я с удовольствием продемонстрирую вам знаменитый усыпляющий захват мистера Смока.

— Вы не имеете права разговаривать со мной в таком тоне! — огрызнулся Водолазка. — Вы знаете, кто я такой?

— Разумеется, — кивнул Ник. — Злая мелкая сошка, принявшая посадочный талон за удостоверение личности Создателя. Вы также очень испуганы. В этом

нет ничего плохого, но вы мешаетесь под ногами.

Водолазка побагровел до такой степени, что Брайан испугался, как бы у него не взорвалась голова. Такое он уже видел в кино. И не хотел повторения в реальной жизни.

— Не смейте так говорить со мной! Вы даже не американский гражданин!

Ник Хопуэлл отреагировал столь быстро, что Брайан едва уловил движение его руки. Мгновением раньше мужчина в водолазке кричал на Ника, а Ник стоял рядом с Брайаном, уперевшись руками в бедра, обтянутые отглаженными джинсами. А мгновение спустя согнутые указательный и средний пальцы правой руки Ника зажали нос Водолазки.

Он попытался вырваться. Пальцы Ника усилили хватку... а потом его кисть чуть повернулась, словно ввинчивая шуруп или заводя будильник. Водолазка вскрикнул от боли.

— Я могу сломать вам нос, — проворковал Ник. — Пустяковое дельце, уверяю вас.

Водолазка подался назад и обеими руками попытался оторвать пальцы Ника. Кисть вновь повернулась, Водолазка еще раз взвизгнул.

— Мне представляется, что вы меня не слышите. Я могу сломать нос. Вы поняли? Покажите, что поняли.

И третий раз крутанул нос Водолазки. Тут Водолазка взревел от боли.

— Классно, — прокомментировала подошедшая к ним обкуренная девушка. — Носовой захват.

— У меня нет времени обсуждать ваши деловые встречи, — продолжил Ник. — У меня нет времени на тех, кто маскирует агрессивностью истерию. Мы попали в передрягу, серьезную передрягу. Вы, сэр, никак не способствуете выходу из создавшейся ситуации, а я не могу допустить того, чтобы вы создавали лишние проблемы. Поэтому я собираюсь отослать вас в главный салон. Этот джентльмен в красной рубашке...

— Дон Гаффни, — представился джентльмен, изумленно таращась на Ника.

— Благодарю вас, — кивнул Ник.

Он по-прежнему держал Водолазку за нос, и Брайан увидел струйку крови, зазмеившуюся из одной ноздри. А Ник подтянул Водолазку поближе и заговорил мягким, вкрадчивым голосом:

— Мистер Гаффни вас проводит. В главном салоне, мой крикливый друг, вы сядете в кресло и пристегнетесь ремнем безопасности. Потом, когда капитан заверит нас, что мы не врежемся в гору, здание или другой самолет, мы сможем провести более продолжительную дискуссию о нашем теперешнем положении. Вы понимаете, что я вам говорю?

С губ Водолазки сорвалось что-то яростное и нечленораздельное.

— Если понимаете, пожалуйста, поднимите руку большим пальцем вверх.

Водолазка поднял правую руку с оттопыренным большим пальцем. Брайан отметил, что он пользуется услугами маникюрши.

— Отлично. И вот что еще. Когда я отпущу ваш нос, у вас, возможно, возникнет желание отомстить. Желание — дело святое. А вот попытка реализовать его на практике будет чудовищной ошибкой. Я хочу, чтобы вы помнили: то, что я сделал с вашим носом, я могу так же легко проделать и с вашими яйцами. Только когда я отпущу их, вы будете летать по салону, как детский аэроплан. Я рассчитываю, что вы спокойно уйдете с мистером...

Он вопросительно посмотрел на мужчину в красной рубашке.

— Гаффни, — повторил мужчина.

— Гаффни, правильно. Я рассчитываю, что вы уйдете с мистером Гаффни. Не выражая своего неудовольствия. Не протестуя. Учтите, если произнесете хоть слово, вы узнаете, что такое настоящая боль. Под-

нимите руку большим пальцем вверх, если вы меня хорошо поняли.

Водолазка отчаянно замахал рукой с оттопыренным пальцем, словно ловил попутку.

— Вот и славненько! — И Ник отпустил нос Водолазки.

Он отступил на шаг, зло и недоуменно глядя на Ника. Очень Водолазка напоминал кота, которого только что окатили холодной водой. Злость его Брайана не тронула. А вот недоумение заставило пожалеть. Он ведь и сам не понимал, что происходит.

Водолазка коснулся рукой носа, чтобы удостовериться, что последний на месте. Струйка крови, очень тоненькая, текла уже из каждой ноздри и окрасила подушечки пальцев. Водолазка смотрел на них, не веря своим глазам. Открыл было рот.

— Не советую, — вмешался Дон Гаффни. — Этот парень слов на ветер не бросает. Лучше бы вам пройти со мной.

И взял Водолазку за руку, но тот идти не хотел и вновь открыл рот.

— Напрасно, — покачала головой девушка, как показалось Брайану, обкуренная.

Водолазка закрыл рот и позволил Гаффни увести себя в салон первого класса. Один раз он оглянулся и посмотрел на них, в его глазах так и застыло недоумение.

Ник уже смотрел в иллюминатор.

— Вроде бы летим над Скалистыми горами и на безопасной высоте.

Взглянул и Брайан. Да, Рокки, похоже, это хребет. Высота полета примерно тридцать пять тысяч футов. Как и говорила Мелани Тревор. Значит, все в порядке... по крайней мере пока.

— Идите сюда, — позвал он Ника. — Помогите сломать эту дверь.

— Позвольте мне руководить операцией, Брайан? Опыт по этой части у меня есть.

— Будьте так любезны. — Брайан поневоле задался вопросом: откуда у Ника Хопуэлла опыт по части сворачивания носов и вышибания дверей? И решил, что история эта скорее всего длинная.

— Хорошо бы знать, насколько крепок замок. Если мы надавим слишком сильно, то можем влететь в кабину. А мне не хотелось бы, чтобы мы разбили то, чего бить не следует.

— Не знаю, — задумчиво ответил Брайан. — Но не думаю, что это сейфовый замок.

— Отлично! Теперь повернитесь ко мне лицом, правым плечом к двери. Я, соответственно, левым.

Брайан повернулся.

— Считаю я. На счет «три» бьем плечом в дверь. Ноги согните. У нас больше шансов выбить замок, если точка приложения силы будет ниже. Бьем не со всей силы. Если не хватит, прибавим во второй раз. Понятно?

— Так точно.

Девушка, уже более осознанно воспринимающая происходящее вокруг, неожиданно спросила:

— Наверное, запасной ключ под ковриком оставляют, не так ли?

Ник удивленно посмотрел на нее, потом повернулся к Брайану:

— Может, действительно есть запасной ключ?

Брайан покачал головой:

— Боюсь, что нет. Зачем давать террористам лишний шанс?

— Конечно, — кивнул Ник. — Естественно. — И подмигнул девушке. — Молодец, голова для того и нужна, чтобы думать.

Девушка выдавила из себя улыбку.

Ник вновь посмотрел на Брайана:

— Готовы?

— Да.

— Поехали. Раз... два... три!

Они синхронно ударили в дверь, и она открылась на удивление легко. Между служебной зоной и кабиной была маленькая приступочка, в три дюйма, ступенькой-то не назовешь. Нога Брайана соскочила с нее, и он полетел бы головой вперед, если бы Ник не схватил его за плечо. У англичанина была удивительно быстрая реакция.

— С дверью разобрались, — сказал он скорее себе, чем Брайану. — Теперь посмотрим, что мы имеем, не так ли?

5

Брайан увидел, что кабина пилотов пуста, и по рукам и шее побежали мурашки. Одно дело знать, что «767» может пролететь тысячи миль на автопилоте, руководствуясь информацией, заложенной в бортовую навигационную систему (Господи, да он сам сколько раз передавал управление автопилоту), но совсем другое — лицезреть два пустых кресла в первом ряду кабины. Брайана как громом поразило. Такого он не видел за всю свою карьеру.

Но вот довелось. Ручка управления двигалась сама по себе, удерживая самолет на заданном курсе. Приборный щиток горел зелеными лампочками. Два маленьких крылышка на индикаторе высоты покачивались выше черты, отмечающей уровень моря. А в небе горели миллионы звезд.

— Однако... — выдохнула девушка.

— Господи! — одновременно вырвалось у Ника. — Взгляните сюда, дружище.

Ник указывал на полупустую чашку кофе на столике-консоли по левую руку от кресла пилота. Рядом с чашкой лежала пару раз надкушенная плюшка. Брайану тут же вспомнился сон, и его аж затрясло.

— Что бы это ни было, произошло все неожиданно и очень быстро, — заметил он. — Посмотрите сюда. И сюда.

Он показывал на кресло пилота и на пол у кресла второго пилота. Там, в свете от приборного щитка, поблескивали часы: водонепроницаемый «Ролекс» и «Пульсар».

— Если вам нужны часы, то выбор очень богатый, — раздался голос у них за спиной. — В салоне их полным-полно.

Обернувшись, Брайан увидел Алберта Косснера, аккуратненького и очень юного в ермолке и футболке с надписью «HARD ROCK CAFE». Рядом с ним стоял пожилой господин в пиджаке спортивного покроя.

— Правда? — спросил Ник.

Похоже, впервые он потерял присущую ему самоуверенность.

— Часы, драгоценности и очки, — пояснил Алберт. — А также сумочки и бумажники. Но самое странное... я уверен, что там есть вещи, которые находились *внутри* людей. Вроде хирургических штифтов и кардиостимуляторов.

Ник посмотрел на Брайана. Англичанин заметно побледнел.

— Откровенно говоря, я склонялся к точке зрения нашего грубого и болтливого друга. Думал, что самолет где-то приземлился, пока я спал. А потом команда и большая часть пассажиров выгрузились незаметно для меня.

— Я бы проснулся, если бы самолет начал спускаться. Это привычка. — Брайан неожиданно для себя заметил, что не может оторвать глаз от пустых кресел, недопитой чашки кофе, недоеденной плюшки.

— Со своей стороны я мог бы сказать то же самое, — согласился Ник, — поэтому я решил, что мне подсыпали снотворного.

«Уж не знаю, чем зарабатывает этот парень на жизнь, — подумал Брайан, — но он наверняка не продает подержанные автомобили».

— Мне снотворного подсыпать не могли, потому что я ничего не пил, — ответил Брайан.

— Я тоже, — поддакнул Алберт.

— В любом случае, пока мы спали, самолет не садился, не взлетал, — заверил их Брайан. — Самолет *может лететь* на автопилоте, «конкорд» *может садиться* на автопилоте, но без человека самолет в воздух не поднять.

— Значит, мы не садились, — кивнул Ник.

— Нет.

— Тогда куда же они подевались, Брайан?

— Не знаю. — Брайан шагнул к креслу пилота, сел.

6

«Боинг-767» летел на высоте 36 тысяч футов, как и говорила Мелани Тревор, курсом 090. Через час или два им предстояло изменить курс, повернув на север. Брайан взял штурманскую книгу, взглянул на датчик скорости, сделал несколько быстрых расчетов. Потом надел наушники.

— Денверский центр, говорит «Американская гордость», рейс двадцать девять, прием.

Он переключился в режим приема и... ничего не услышал. Абсолютно ничего, даже статических помех. Проверил радиочастоту. 7700, как и положено. Вернулся в режим передачи.

— Денверский центр, пожалуйста, ответьте, говорит «Американская гордость», рейс двадцать девять, повторяю, «Американская гордость». У меня проблемы, Денвер, проблемы.

Режим приема. И ничего.

От следующего движения Брайана сердце Алберта Туза Косснера учащенно забилось. Действительно испугаешься, если пилот бьет ребром ладони по контрольной панели. «Боинг-767» — едва ли не самый современный, напичканный электроникой пассажирский самолет. А высокочувствительная электроника не любит, когда с ней так обращаются. Подобные методы

применимы разве что к старому радиоприемнику, который покупаешь за доллар на какой-нибудь распродаже.

Брайан вновь вызвал Денверский центр. И снова не получил ответа. Никакого ответа.

7

Поначалу Брайан просто ничего не мог понять. А потом испугался, по-настоящему испугался. До этого момента времени на страх у него не было. Впрочем, он еще не исчерпал все возможности. Брайан перешел на аварийную радиочастоту. Снова не получил ответа. Такого он и представить себе не мог. Все равно что набираешь на Манхэттене номер 911, а автоответчик сообщает тебе, что все уехали на уик-энд. Если обращаешься за помощью по аварийной радиочастоте, ответ приходит *всегда*.

«Во всяком случае, до этой ночи», — уточнил про себя Брайан.

Он перешел на UNICOM, частотный диапазон, в котором пилоты частных самолетов получали инструкции, касающиеся посадки в маленьких аэропортах. И ничего не услышал. Он не верил своим ушам. Обычно пилоты частных самолетов трещали без умолку. Девчушка в «пайпере» интересовалась погодой. Парень из «сессны» выпрыгивал из штанов, требуя позвонить его жене и сказать, что к обеду приедут трое гостей. Пилот «лира» просил дежурную в аэропорту Арвады сообщить пассажирам, зафрахтовавшим его самолет, что он задержится на пятнадцать минут, но на бейсбольный матч в Чикаго они успеют.

Сейчас в эфире стояла мертвая тишина. Разговоры как отрезало.

Брайан вернулся на аварийную радиочастоту ФАУ*.

---

* Федеральное авиационное управление.

— Денвер, отвечайте! Немедленно отвечайте! Говорит «АГ», рейс двадцать девять, отвечайте мне, черт бы вас побрал!

Ник положил руку ему на плечо:

— Спокойно, приятель.

— Сторожевая собака не лает! — В голосе Брайана послышались истеричные нотки. — Это невозможно, но вот случилось! Господи, что у них там внизу? Атомная война?

— Спокойно, — повторил Ник. — Возьмите себя в руки, Брайан, и скажите мне, при чем тут собака, которая не лает.

— Я про Денверский центр управления полетами! Это сторожевая собака! Я про аварийную радиочастоту ФАУ! Это *тоже* сторожевая собака! И UNICOM *тоже* сторожевая собака! Я никогда...

Брайан щелкнул другим переключателем.

— Видите, коротковолновый диапазон. Станции должны перебивать друг друга, как лягушки на болоте, а стоит-то полная тишина.

Брайан бросил испуганный взгляд на Ника и Альберта Косснера, которые склонились над ним.

— Нет луча наведения из Денвера.

— То есть?

— То есть я не могу связаться с Денвером по радио и не могу засечь луч наведения радиолокационной станции. Бортовые приборы говорят о том, что Денверский центр управления полетами не функционирует. Это же чушь собачья! Такого быть *не может*.

И тут Брайана осенила ужасная мысль. Он побледнел как полотно. Посмотрел на Альберта.

— Слушай, парень, выгляни в окно. По левому борту.

Альберт Косснер выглянул. И долго не оборачивался к Брайану и Нику.

— Ничего, — наконец сказал он. — Абсолютно ничего. Последние отроги Скалистых гор и начало равнины.

— Огней нет?

— Нет.

Брайан поднялся. Ноги стали как ватные. Долго смотрел вниз.

— Денвер пропал, не так ли? — нарушил Ник затянувшееся молчание.

Штурманские карты, показания бортовой навигационной системы свидетельствовали о том, что самолет летит пятьюдесятью милями южнее Денвера... но внизу Брайан видел только темноту: Рокки плавно переходили в Великие равнины.

— Да, — выдохнул он. — Денвер пропал.

8

Какое-то время в кабине пилотов стояла могильная тишина, а потом Ник повернулся к аудитории, состоящей на тот момент из Алберта, мужчины в поношенном пиджаке спортивного покроя и девушки. Ник хлопнул в ладоши, как воспитательница детского садика. И заговорил с ее же интонациями:

— Значит, так! Возвращайтесь на свои места. Я думаю, нам не помешают тишина и покой.

— Мы и не шумим, — резонно возразила девушка.

— Как мне представляется, этот джентльмен подразумевает не тишину, а возможность поговорить с пилотом наедине. — По голосу мужчины в поношенном пиджаке чувствовалось, что человек этот интеллигентный, многое знает и понимает. В его взгляде, устремленном на Брайана, была тревога.

— Именно это я имею в виду, — согласился Ник. — Пожалуйста.

— С ним все будет в порядке? — спросил мужчина в пиджаке, понизив голос. — Очень уж мистер Брайан расстроен.

— Да. Он оклемается. Я об этом позабочусь, — ответил Ник тем же доверительным тоном.

— Пошли, детки, — скомандовал мужчина в пиджаке, положил одну руку на плечо Алберта, вторую — на плечо девушки. — Вернемся в салон, займем свои места. У нашего пилота много дел.

Если они понижали голос, чтобы не тревожить Брайана Энгла, то зря старались. Сейчас он был рыбой, плывущей в реке, над которой проносилась стайка птиц. Они щебетали, звук этот долетал до рыбы, но та не обращала на него ни малейшего внимания. Вот и Брайан лихорадочно перескакивал с одного радиодиапазона на другой, пытался ухватить бортовым радаром сигнал хотя бы одной работающей наземной радиолокационной станции.

Он чувствовал, как пот, словно слезы, течет по щекам, чувствовал прилипшую к спине рубашку.

Должно быть, пахну я, как свинья, думал Брайан, *или...*

Тут его словно пронзила молния. Он переключился на армейскую радиочастоту, хотя инструкции это строго-настрого запрещали. Стратегическое авиационное командование практически оккупировало Омаху. Уж они-то должны остаться в эфире. Они, конечно, прикажут ему убраться с их частоты, может, даже пригрозят пожаловаться в ФАУ, но Брайана это не пугало. Может, он будет первым, кто сообщит военным о том, что город Денвер «отправился в отпуск».

— Военный авиационный контроль, военный авиационный контроль, говорит «Американская гордость», рейс двадцать девять. У меня проблемы, серьезные проблемы, вы меня слышите? Прием.

Эта собака тоже не залаяла.

Вот тут Брайан почувствовал, как изнутри, возможно из подсознания, лезет что-то большое и страшное. Лезет, чтобы утащить его разум в темные глубины.

9

Ник Хопуэлл положил руку ему на плечо, у самой шеи. Брайан подпрыгнул в кресле и чуть не вскрикнул от неожиданности. Повернулся, увидел лицо Ника в трех дюймах от своего.

«Сейчас он схватит меня за нос и крутанет», — подумал Брайан.

Но Ник не схватил его за нос. Он заговорил твердо и решительно, не отрывая взгляда от глаз Брайана:

— Я вижу, что с вами происходит, друг мой... но мне не нужно смотреть вам в глаза, чтобы знать, что там. Я слышу это в вашем голосе; для того чтобы понять что к чему, достаточно посмотреть, как вы сидите в кресле. А теперь слушайте меня, и слушайте внимательно: ПАНИКА НЕДОПУСТИМА!

Брайан смотрел на него, завороженный.

— Вы меня понимаете?

— На мою работу не берут тех, кто может запаниковать, Ник. — Слова давались Брайану с трудом.

— Это мне известно, но ситуация уникальная. Вы, однако, должны помнить, что на борту десять или больше человек, и ваша работа остается прежней — опустить их на землю целыми и невредимыми.

— Вам нет нужды объяснять, в чем заключается моя работа! — отрезал Брайан.

— Боюсь, что такая нужда была, — покачал головой Ник. — Но теперь вы выглядите гораздо лучше, и я этому только рад.

Брайан не просто выглядел лучше, он уже приходил в себя. Ник задел самую *чувствительную* струнку — напомнил ему об ответственности перед пассажирами. *А ведь он туда и метил*, подумал Брайан.

— А чем вы зарабатываете на жизнь, Ник? — спросил Брайан. Самообладание почти полностью вернулось к нему.

Ник откинул голову и рассмеялся:

— Занимаю пост атташе по делам молодежи в посольстве Великобритании, старичок.

— Ой ли?

Ник пожал плечами:

— Ну... так, во всяком случае, написано в моих бумагах, и это всех устраивает. Если у кого-то возникнут возражения, придется подаваться в механики ее величества. Я могу починить все, что требует ремонта. Сейчас вот требуется починить вас.

— Благодарю, — сухо ответил Брайан, — но я уже починился.

— Отлично. Тогда... что вы собираетесь делать? Можете вы ориентироваться в пространстве без всех этих наземных штучек? Сможете избежать столкновения с другими самолетами?

— Для прокладки курса вполне достаточно бортового навигационного оборудования. Что же до других самолетов... — Брайан указал на экран радара. — Этот господин утверждает, что *других* самолетов нет.

— Могут и быть, — покачал головой Ник. — Наверное, изменились исходные условия, хотя бы на время. Вы упоминали атомную войну, Брайан. Я думаю, если бы произошел обмен ядерными ударами, мы бы об этом знали. Но остается вероятность инцидента. Вы знакомы с таким феноменом, как электромагнитный импульс?

Брайан вспомнил Мелани Тревор. «Нам сообщили о полярном сиянии над пустыней Мохаве. Может, захотите посмотреть?»

А если дело в этом? И происходящее вокруг — результат необъяснимого природного феномена?

Конечно, возможно и такое. Но тогда почему он не слышал статических помех? Почему на экране радара нет интерференционных волн? Почему он абсолютно пуст? И едва ли можно возлагать на полярное сияние ответственность за исчезновение почти двухсот пассажиров.

— Так что? — спросил Ник.

— Вы, конечно, отличный механик, Ник, — после долгой паузы ответил Брайан, — но я думаю, что электромагнитные импульсы тут ни при чем. Все бортовое оборудование, включая компас, работает нормально. — Он указал на цифры, высвечивающие направление полета. — Если б мы подверглись воздействию электромагнитного импульса, на приборном щитке разверзся бы ад. А вы сами видите, что горят на нем только зеленые лампочки.

— Понятно. Так вы решили лететь в Бостон?

«Так вы решили...» — эти слова изгнали из сознания Брайана последние остатки паники.

«Все правильно, — подумал он. — Кому еще отвечать на этот вопрос, как не мне. Теперь я — капитан этого лайнера... и это, между прочим, самое главное. Следовало напомнить мне об этом в самом начале, друг мой, и тогда нам не пришлось бы переживать столько неприятных минут».

— Садиться в Логане на рассвете, даже не представляя, что творится в окрестностях аэропорта да и во всем мире? Ни в коем случае.

— Тогда куда нам лететь? Или вам нужно время, чтобы подумать об этом?

Времени Брайану не требовалось: получив отправную точку, он быстро составил план дальнейших действий.

— Я знаю, куда нам лететь. И думаю, что пора побеседовать с пассажирами. Оставшимися в самолете.

Он взял микрофон, и тут же в кабину пилотов заглянул лысый мужчина, который спал в салоне бизнес-класса.

— Не соблаговолит ли кто-нибудь из джентльменов объяснить мне, что случилось с обслуживающим персоналом этого самолета? — сварливым тоном осведомился он. — Я отлично выспался... но теперь хочется есть.

10

Дайна Беллман чувствовала себя гораздо увереннее. Как хорошо, что рядом люди, как приятно ощущать их присутствие. Девочку окружили Альберт Косснер, Лорел Стивенсон и мужчина в потертом пиджаке спортивного покроя, который представился Робертом Дженкинсом. Он сказал, что написал больше сорока детективов и летит в Бостон на конгресс, организованный поклонниками этого жанра.

Все четверо устроились в центральном ряду головной части главного салона. Мужчина в водолазке занял кресло в правом ряду, ближе к хвосту. Сидел он, приложив к носу платок, хотя кровотечение уже прекратилось, и медленно наливался желчью. Дон Гаффни расположился поблизости, нервно поглядывая на Водолазку. Заговорил Гаффни лишь однажды, спросив Водолазку, как его зовут. Водолазка не ответил. Лишь пронзил Гаффни злобным взглядом, и тот от дальнейших вопросов воздержался.

— Кто-нибудь представляет себе, что здесь происходит? — Голос Лорел переполняла мольба. — Впервые за десять лет я отправилась в настоящий отпуск, и вот такой сюрприз.

Так уж получилось, что Альберт смотрел на мисс Стивенсон, когда она произносила эти слова. И заметил, что при упоминании о первом за десять лет настоящем отпуске она три или четыре раза быстро моргнула, словно в глаз попала пылинка. И он почему-то подумал: «А ведь дамочка лжет. По известной только ей причине, но лжет». Альберт пригляделся к мисс Стивенсон повнимательнее: на лице признаки увядающей красоты, еще чуть-чуть, и Лорел перейдет в категорию женщин среднего возраста, станет бесцветной мышкой (для юноши средний возраст начинался с тридцати лет). Зато сейчас ее щеки так и полыхали румянцем. Альберт не знал, что кроется за этой ложью, но видел,

как женщина вдруг расцвела, превратившись чуть ли не в красавицу.

«Этой даме надо бы почаще лгать», — решил Алберт.

Но прежде чем кто-то успел ответить на вопрос мисс Стивенсон, из динамиков громкой связи донесся голос Брайана:

— Дамы и господа, с вами говорит капитан.

— Тоже мне капитан, — фыркнул Водолазка.

— Заткнись! — рявкнул Гаффни.

Водолазка зыркнул на него, но больше ничего не сказал.

— Как вы все, несомненно, знаете, мы оказались в более чем неординарной ситуации, — продолжил Брайан. — Мне нет нужды объяснять, что к чему. Вам достаточно оглядеться, чтобы все понять.

— Я ничего не понимаю, — пробормотал Алберт.

— Мне, правда, известно кое-что еще. Боюсь, ничего хорошего я вам сказать не смогу, но, раз уж мы все завязли в этой истории, буду предельно откровенен. У меня нет связи с землей. Примерно пять минут назад мы должны были увидеть огни Денвера. Но не увидели. Сейчас я могу назвать только одну причину: кто-то позабыл оплатить счет за электричество. И пока мы не получим дополнительной информации, будем считать, что другой причины и быть не может.

Последовала пауза. Лорел держала Дайну за руку. Алберт присвистнул. Роберт Дженкинс, автор детективных романов, положив руки на колени, смотрел в никуда.

— Все это — плохие новости, — вновь заговорил Брайан. — Но есть и хорошие. Все системы самолета работают нормально, топливо есть, я обладаю достаточной квалификацией, чтобы управлять этой машиной. И посадить ее на землю. Думаю, мы все согласны с тем, что безопасное приземление — наша основная цель. И пока она не достигнута, мы с вами ничего не можем поделать. Я хочу заверить вас, что проблем

с посадкой у нас не будет. И последнее, о чем я хочу вам сейчас сообщить: теперь мы летим в Бангор, штат Мэн.

Водолазка аж подпрыгнул и проревел:

— *Чт-т-о-о-о?*

— К нашему бортовому навигационному оборудованию претензий нет, чего я не могу сказать о наземных радиолокационных станциях, информация которых всегда используется при выполнении сложных маневров, к каковым относится и посадка. В сложившихся обстоятельствах я не считаю возможным входить в воздушное пространство аэропорта Логан. Я не могу ни с кем связаться по радио, ни в воздухе, ни на земле. Бортовое оборудование функционирует нормально, но мне представляется, что при сложившихся обстоятельствах этого недостаточно. Международный аэропорт Бангора обладает следующими преимуществами: подлетный участок проходит над землей, а не над водой, самолетов в момент нашего прибытия, в половине девятого утра, будет немного, если они вообще будут. И наконец, МАБ, в прошлом база военно-воздушных сил, обладает самой длинной посадочной полосой из всех гражданских аэропортов Восточного побережья Соединенных Штатов. Наши французские и английские друзья сажают там «конкорд», если не могут сесть в Нью-Йорке.

— Этим утром, в девять часов, у меня важная встреча в Пру, — завопил Водолазка, — и я ЗАПРЕЩАЮ ВАМ ЛЕТЕТЬ В ДЕРЬМОВЫЙ МЭНСКИЙ АЭРОПОРТ!

Дайна подпрыгнула, испугавшись вопля Водолазки, прижалась щекой к груди Лорел. Девочка еще не плакала, но Лорел почувствовала, что малышку вот-вот начнут сотрясать рыдания.

— ВЫ МЕНЯ СЛЫШИТЕ? — бушевал Водолазка. — МЕНЯ ЖДУТ В БОСТОНЕ НА ОБСУЖДЕНИИ ВАЖНОЙ ПРОБЛЕМЫ, КАСАЮЩЕЙСЯ КРУПНЕЙШЕЙ СДЕЛКИ ПО ГОСУДАРСТВЕННЫМ ОБ-

Он расстегнул ремень безопасности, приподнялся. Щеки его пылали румянцем, лоб, наоборот, побледнел. Особенно испугала Лорел пустота в его глазах.

— ВЫ ПОНИМАЕ...

— Пожалуйста, — взмолилась Лорел. — Пожалуйста, успокойтесь, мистер, вы пугаете маленькую девочку.

Водолазка обернулся, и взгляд пустых глаз остановился на ней. Лорел не могла вымолвить ни слова.

— ПУГАЮ МАЛЕНЬКУЮ ДЕВОЧКУ? МЫ ЛЕТИМ ЧЕРТ ЗНАЕТ КУДА, В КАКОЙ-ТО ДЕРЬМОВЫЙ АЭРОПОРТ, А ВАС ВОЛНУЕТ, КАК БЫ НЕ ИС...

— Сядь и заткнись, а не то я тебе врежу, — встал Гаффни, лет на двадцать старше Водолазки, но крупнее и гораздо шире в плечах.

Рукава красной фланелевой рубашки он закатал до локтей, а когда пальцы его сжались в кулаки, все увидели, какими буграми вспухли бицепсы. Он напоминал дровосека, который только что вышел на пенсию и еще не потерял былой силы.

Верхняя губа Водолазки поползла вверх в зверином оскале. Лорел перепугалась еще больше, почувствовав, что он не владеет собой. Ей первой пришла мысль о том, что Водолазка тронулся умом.

— Не думаю, что тебе удастся справиться со мной в одиночку, — процедил Водолазка.

— А я ему помогу, — подал голос лысый мужчина из салона бизнес-класса. — С удовольствием врежу тебе, если не заткнешься.

Тут набрался храбрости и Алберт Косснер.

— И я тоже, поц паршивый, — добавил он, чувствуя себя одним из героев Аламо, переступающим черту, проведенную по песку полковником Трейвисом.

Водолазка огляделся. Верхняя губа опустилась и поднялась вновь, все в том же зверином оскале.

— Я вижу. Вижу. Вы все против меня. Хорошо. — Он сел, бросая на всех злобные взгляды. — Если б вы что-нибудь знали о рынке государственных облигаций Южной Америки... — И осекся.

Рядом с ним, на ручке соседнего кресла, лежала бумажная салфетка. Водолазка взял ее, внимательно оглядел и начал мять.

— Злиться на нас не надо, — заговорил Гаффни. — Не думайте, мистер, что я какой-нибудь громила. — «Он старается разрядить обстановку, — подумала Лорел, — но чувствуется, что здорово злится на Водолазку». — Успокойтесь, расслабьтесь. Постарайтесь увидеть во всем этом светлую сторону. Авиакомпания наверняка возместит вам стоимость билета в оба конца.

Водолазка на мгновение вскинул глаза на Дона Гаффни и вновь посмотрел на салфетку. Теперь он уже не мял ее, а разрывал на длинные полоски.

— Кто-нибудь знает, как пользоваться печкой на камбузе? — спросил Лысый, словно ничего и не произошло. — Есть хочется.

Ему никто не ответил.

— Наверное, никто не знает, — грустно вздохнул Лысый. — Эра специализации. В какое ужасное время мы живем. — С этим философским утверждением он и удалился в салон бизнес-класса.

Лорел посмотрела на девочку и увидела, что из-под черных очков по щекам бегут слезы. Она тут же забыла о собственных страхах и крепко прижала Дайну к себе.

— Не плачь, милая... этот мужчина просто расстроился. Теперь ему лучше.

«Во всяком случае, сидит на месте и как зачарованный рвет салфетку», — подумала Лорел.

— Мне страшно, — прошептала девочка. — Мы все кажемся этому мужчине чудовищами.

— Нет, я так не думаю. — В голосе Лорел слышались нотки удивления. — С чего ты это взяла?

— Не знаю.

Дайне нравилась эта женщина, понравилась, как только услышала ее голос, но девочка не собиралась говорить Лорел, что какое-то мгновение видела их всех, включая себя, глазами мужчины с громким голосом. Она побывала в сознании мужчины с громким голосом, то ли мистера Тумса, то ли мистера Тунни, а может, фамилия у него была и другая, но для него пассажиры представлялись сворой злых, эгоистичных троллей.

Если бы Дайна сказала такое мисс Ли, последняя подумала бы, что она сошла с ума. Почему эта женщина, которую она только что встретила, должна была воспринять такое иначе?

Вот Дайна и промолчала.

Лорел поцеловала девочку в щеку, горевшую огнем.

— Не бойся, милая. У нас есть капитан, он знает, что надо делать, ты это чувствуешь, не так ли, и через несколько часов мы вновь вернемся на землю.

— Это хорошо. Только я хочу, чтобы тетя Викки была со мной. Где она, как вы думаете?

— Не знаю, милая, — ответила Лорел. — Но хотелось бы знать.

Дайна вновь подумала о лицах, которые видели глаза кричавшего мужчины: злых лицах, жестоких. Подумала о своем лице, пухлом детском личике с глазами, спрятавшимися за громадными черными очками. Вот тут мужество покинуло ее, и она разрыдалась, прижимаясь к груди Лорел. Женщина обнимала ее, не зная, что делать, и вскоре сама начала плакать. Так они поплакали минут пять, а потом Дайна начала успокаиваться. Лорел взглянула на худощавого молодого человека, его звали то ли Алберт, то ли Лавин, и увидела, что и у него глаза на мокром месте. Он поймал взгляд Лорел и торопливо уставился на свои руки.

Дайна последний раз всхлипнула и затихла.

— Похоже, слезы не помогают, а? — спросила она после долгой паузы.

— Похоже, что нет, — согласилась Лорел. — Почему бы тебе не поспать, Дайна?

Девочка вздохнула, в горле у нее что-то забулькало.

— Не думаю, что смогу. *Я спала.*

Я тоже спала, подумала Лорел.

«767» продолжал лететь в восточном направлении на высоте 36 тысяч футов, каждый час оставляя за собой пятьсот миль погруженной в темноту центральной части Америки.

Глава 3

Метод дедукции. Случайности и статистика. Возможности для спекуляций. Давление во впадинах. Проблема Бетани. Начало спуска

1

— Час тому назад маленькая девочка высказала очень интересную мысль, — неожиданно нарушил тишину Роберт Дженкинс.

Маленькая девочка уже давно крепко спала, несмотря на свои сомнения в том, что сможет заснуть. Алберт Косснер тоже клевал носом, мечтая вновь вернуться на таинственные улицы Томбстоуна. Он достал скрипку из багажной ячейки над креслом, и теперь она лежала у него на коленях.

— Что? — Он выпрямился.

— Извини. Ты дремал.

— Нет, — ответил Алберт. — Не до сна сейчас, знаете ли. — И повернулся к Дженкинсу, наверное, чтобы это доказать.

Под налитыми кровью глазами темнели мешки. Дженкинс подумал, что чем-то этот юноша напомина-

ет енота, которого спугнули, когда тот шарил по мусорным контейнерам.

— Так какую мысль она высказала?

— Она сказала мисс Стивенсон, что *не сможет* заснуть, потому что уже спала. Раньше.

Алберт скосился на Дайну.

— Но она спит.

— Я вижу, что спит, дорогой мальчик. Но не в этом дело, совсем не в этом.

Алберт хотел было сказать, что Тузу Косснеру, самому быстрому стрелку-еврею к западу от Миссисипи и единственному техасцу, выжившему в битве при Аламо, не нравится, когда его называют дорогим мальчиком, но решил не придавать этому особого значения... пока.

— Тогда в чем же?

— Я тоже спал. Отключился до того, как капитан, наш первый капитан, погасил табличку с надписью «НЕ КУРИТЬ». Такое со мной случается всегда. Поезда, автобусы, самолеты — я засыпаю, как младенец, как только они заводят двигатель. А как насчет тебя, дорогой мальчик?

— А что насчет меня?

— Ты спал? Спал, не так ли?

— Э... да.

— Мы *все спали*. А вот люди, которые бодрствовали, исчезли.

Алберт задумался.

— Возможно...

— Никаких возможно, — отмахнулся Дженкинс. — Я пишу детективные романы, зарабатываю этим на жизнь. Можно сказать, дедукция — мои хлеб и масло. Если бы кто-то бодрствовал в момент, когда исчезали все эти люди, неужели ты думаешь, что он не поднял бы крик и не разбудил нас?

— Поднял бы, — согласился Алберт. — Только того парня, что лежит в самом хвосте, он бы не разбудил. Думаю, его не разбудила бы и сирена.

— Возражение принимается. Но никто не кричал, не так ли? И никто не вызвался рассказать нам, что произошло. Поэтому я и предполагаю, что самолет покинули только не спавшие пассажиры. Естественно, вместе с бодрствующим экипажем.

— Да. Похоже на то.

— У тебя в глазах тревога, дорогой мальчик. По выражению лица ясно видно, что моя идея тебе не нравится, несмотря на всю ее привлекательность. Позволь спросить, почему? Я что-то упустил? — По тону Дженкинса было понятно, что он в это не верит, но чувствовалось, что мама привила ему хорошие манеры.

— Не знаю, — честно признался Алберт. — Сколько нас? Одиннадцать?

— Да, считая того парня, что храпит в хвосте, нас одиннадцать.

— Если вы правы, нас не должно быть больше?

— Почему?

Но Алберт не ответил, потому что внезапно перед его мысленным взором возник образ из детства. Теологически его воспитывали в некой буферной зоне, поскольку родители уже не были ортодоксами, но еще не стали агностиками. Он и его братья соблюдали диетологические традиции (или законы, как ни назови), все праздновали бармитцву, все знали, кто они такие, откуда пришли и что сие означает. А то, что он сейчас вспомнил, ему рассказали в храме. Историю о последней казни египетской, о том, что свершил ночью по велению Господа ангел смерти.

Но теперь Алберт видел ангела, идущего не по Египту, а по салонам «767», летящего рейсом 29, прижимая пассажиров к своей ужасной груди... не потому, что они забыли помазать дверные косяки (или спинки кресел) кровью агнца, а потому...

Почему? Почему?

Ответа Алберт не находил, и по его телу пробежала дрожь. Лучше б ему не вспоминалась *эта история*.

— Алберт? — Голос Дженкинса донесся откуда-то издалека. — Алберт, с тобой все в порядке?

— Да. Просто задумался. — Юноша откашлялся. — Если бы все спящие пассажиры остались в креслах, нас было бы человек шестьдесят. Может, и больше. Я хочу сказать, это же «красный глаз».

— Дорогой мальчик, а ты...

— Не могли бы вы называть меня Албертом, мистер Дженкинс? Это мое имя.

Дженкинс потрепал Алберта по плечу.

— Прошу прощения. Искренне. Только не подумай, что я отношусь к тебе свысока. Я нервничаю, а когда нервничаю, у меня привычка уходить в... знаешь, как черепаха прячется под панцирь. Только я прячусь в выдуманный мир. Представляю себе, что играю Фило Вэнса. Это детектив, великий детектив, созданный Эс.Эс. Ван-Дайном. Полагаю, ты его книг не читал. Едва ли кто читает их в наши дни, о чем можно только сожалеть. Но все равно извини меня.

— Ничего страшного.

— Отныне ты Алберт и будешь Албертом во веки веков, — пообещал Роберт Дженкинс. — Но я хотел спросить, летал ли ты раньше «красным глазом»?

— Нет. Я вообще первый раз лечу через всю страну.

— А я летал. Многократно. Несколько раз даже изменял своим привычкам и какое-то время бодрствовал. Когда я был моложе, а двигатели шумели гораздо сильнее. Я, наверное, покажусь тебе глубоким стариком, если признаюсь, что первый раз с побережья на побережье летел на самолете с турбовинтовыми двигателями и с двумя промежуточными посадками, так как на весь перелет горючего не хватало.

Так вот, я заметил, что очень мало людей засыпают в первый час полета... зато потом спят практически все. В этот первый час люди приспосабливаются к новым условиям, знакомятся с попутчиками, пропускают рюмку или две...

— Вы хотите сказать, обустраиваются, — поддакнул Алберт.

Он мог подписаться под словами Дженкинса, хотя сам обустроился на удивление быстро. Должно быть, потому, что практически не спал две последние ночи, думая о путешествии и новой жизни, которая ждала его в Бостоне. В результате он провалился в сон, едва «767» оторвался от взлетной полосы.

— Вьют себе маленькие гнездышки, — согласился Дженкинс. — Ты, часом, не заметил тележку с напитками около кабины пилотов... Алберт?

— Да, видел.

— Конечно! — Глаза Дженкинса блеснули. — Ты *внимательно* ее рассмотрел?

— Наверное, нет, если вы увидели то, чего не заметил я.

— Замечает не глаз, а *мозг*, Алберт. Натренированный упражнениями по дедукции мозг. Я не Шерлок Холмс, но заметил, что ее выкатили из маленького чуланчика, где она обычно хранится, а на нижней полочке *еще* стояли использованные в прошлом полете стаканы. Отсюда, руководствуясь дедуктивным методом, я сделал вывод: самолет взлетел, как обычно; плавно набрал высоту, капитан уже готовился передать управление автопилоту и погасил табличку «ПРИСТЕГНИТЕ РЕМНИ». На это ушло примерно тридцать минут, то есть, если мои предположения соответствуют действительности, происходило все это примерно в час ночи, разумеется, по лос-анджелесскому времени. Стюардессы поднялись со своих мест и занялись наипервейшим делом: напоить сто пятьдесят (или около того) пассажиров. Капитан тем временем запрограммировал автопилот выровнять самолет на высоте 36 тысяч футов и лететь на восток. Несколько пассажиров, точнее одиннадцать, уже спали. Кто-то дремал, но еще не заснул, а потому тоже не спасся, остальные бодрствовали.

— Вили свои гнездышки, — вставил Алберт.

— Совершенно верно! Вили свои гнездышки! — Дженкинс выдержал театральную паузу. — А потом это и произошло!

— Что *это*, мистер Дженкинс? — спросил Алберт. — Есть у вас какие-нибудь идеи?

Дженкинс долго не отвечал, а когда наконец заговорил, прежнего веселья в голосе как не бывало. И Алберт впервые понял, что уверенность в себе, демонстрируемая Дженкинсом, наигранная, а на самом деле писатель напуган не меньше его, Алберта. Юношу это только порадовало: пожилой детективщик в видавшем виды пиджаке стал ему ближе и понятнее.

— Расследование преступления в закрытой комнате — вот где дедуктивный метод проявляется наиболее полно. Я написал на эту тему несколько детективов, даже больше, чем несколько, но и представить себе не мог, что стану участником одного из них.

Алберт не знал что ответить. Ему вспомнился один из рассказов о Шерлоке Холмсе, который назывался «Пестрая лента». В нем ядовитая змея попадала в знаменитую закрытую комнату через вентиляционную шахту. Бессмертному Холмсу даже не пришлось напрягаться при решении этой головоломки. Но если багажные ячейки над сиденьями были битком набиты ядовитыми змеями, то куда подевались трупы? *Где тела?*

Страх вновь стал закрадываться в душу Алберта. Юноша подумал о том, что сейчас он совсем не похож на Туза Косснера, знаменитого стрелка.

— Если б речь шла только о самолете, — медленно заговорил Дженкинс, — я бы, пожалуй, мог предложить достаточно убедительную версию. В конце концов именно этим я зарабатываю на хлеб последние двадцать пять лет. Хочешь ее выслушать?

— Конечно.

— Очень хорошо, Алберт. Представим, что какое-нибудь государственное агентство, предпочитающее не светиться на публике, назовем его Контора, решило

провести эксперимент, а мы стали подопытными. Цель такого эксперимента — определение эффекта эмоционального стресса на группе средних американцев. Они, ученые, проводящие эксперимент, ввели в бортовую систему подачи воздуха не имеющий запаха снотворный препарат...

— А такие препараты есть? — осведомился Алберт.

— Конечно. Диазалин, например. Или метопроминол. Я помню, как читатели, полагавшие себя «серьезными людьми», смеялись над романами Сакса Ромера о Фу Манчи, называя их никуда не годной мелодрамой. — Дженкинс покачал головой. — Теперь благодаря развитию биологических исследований и многочисленным агентствам вроде ЦРУ мы живем в мире, который Сакс Ромер не мог представить себе и в самом дурном сне.

Диазалин, по существу, нервный газ, подошел бы лучше всего. Действует он очень быстро. После его подачи в систему кондиционирования *все* бы заснули, кроме пилота, который дышал бы чистым воздухом через кислородную маску.

— Но... — начал Алберт.

Дженкинс улыбнулся и поднял руку.

— Твое возражение мне известно, Алберт, и я смогу все объяснить. Позволишь?

Алберт кивнул.

— Пилот сажает самолет на секретном аэродроме, скажем, в Неваде. Пассажиров, которые не спали в момент подачи газа, и, разумеется, стюардесс выносят некие люди в белых защитных костюмах, как в фильме про Андромеду, помнишь? Пассажиры, которые заснули до подачи газа, в том числе ты и я, продолжают спать, возможно, чуть крепче, чем раньше. Потом пилот возвращает «767» на расчетные высоту и курс. Включает автопилот. Когда самолет достигает Скалистых гор, эффект действия газа сходит на нет. Диазалин относится к так называемым «чистым наркотикам», то есть остаточных явлений вроде головной

боли, рези в глазах или похмелья не наблюдается. Пилот, через систему внутренней связи услышавший крики маленькой слепой девочки, знает, что она перебудит остальных. Эксперимент вступает в решающую фазу. Поэтому капитан встает, выходит из кабины пилотов, закрывает за собой дверь.

— Как он это делает? Снаружи нет ручки.

Дженкинс махнул рукой.

— Сущий пустяк, Алберт. Он запирает дверь только на собачку.

Губы Алберта начали расползаться в улыбке и замерли.

— В этом случае пилот — один из нас?

— Да и нет. По моей версии, Алберт, пилот — он и есть пилот. Пилот, вроде бы летящий в Бостон, случайно оказывается на борту. Он должен сидеть в салоне первого класса, футах в тридцати от кабины.

— Капитан Энгл, — выдохнул Алберт.

Дженкинс самодовольно улыбнулся, как ученый, только что доказавший сложную теорему.

— Капитан Энгл, — согласился он.

Они не заметили, что Водолазка давно уже не спускает с них глаз. Но теперь Водолазка достал из кармана на спинке сиденья распространяемый авиакомпанией журнал, развернул его и начал рвать обложку на длинные полоски. Полоски падали на пол, на уже разорванную салфетку, на его коричневые туфли.

Губы Водолазки беззвучно шевелились.

2

Если бы Алберт изучал Новый Завет, он бы понял, что почувствовал Саул, этот самый яростный преследователь первых христиан, когда он прозрел на дороге в Дамаск. Алберт воззрился на Роберта Дженкинса сверкающими глазами, последние остатки сна как ветром сдуло.

Разумеется, когда подумаешь об этом... когда кто-нибудь, вроде мистера Дженкинса, сохранившего способность ясно мыслить, в поношенном пиджаке или без оного, разобъяснит тебе, что к чему, открывается очевидная истина: по-другому и быть не может. Почти все пассажиры и команда самолета «Боинг-767» авиакомпании «Американская гордость», вылетевшего рейсом 29, исчезли между пустыней Мохаве и Великим водоразделом*... но среди оставшихся на борту (о чудо! чудо!) оказался *еще* один пилот «Американской гордости», обученный управляться именно с этой моделью самолета.

Дженкинс пристально посмотрел на Алберта, потом улыбнулся. Впрочем, глаза у писателя были грустные.

— Любопытная версия, не правда ли?

— Мы должны арестовать его, как только приземлимся! — с жаром воскликнул Алберт. — Вы, я, мистер Гаффни и этот англичанин. Он, видать, парень крепкий. Только... а если англичанин тоже в деле? Может, он телохранитель капитана Энгла. На случай, если кто-то вроде вас раскроет их замыслы.

Дженкинс уже хотел ответить, но Алберт продолжил, не дав ему вымолвить ни слова:

— Нам придется брать их обоих. Уж не знаю как. — Он сухо улыбнулся мистеру Дженкинсу: улыбкой Туза Косснера, холодной и безжалостной, улыбкой человека, который выхватывает револьвер быстрее молнии и знает об этом. — Я, возможно, не самый умный человек, мистер Дженкинс, но я не хочу быть чьей-то лабораторной крысой.

— Но, знаешь ли, кажется, эта версия не выдерживает проверки жизнью, — вставил Дженкинс.

Алберт мигнул.

— Не понял.

---

* Еще одно название Скалистых гор, которые являются водоразделом рек, впадающих в бассейны Тихого и Атлантического океанов.

— Версия, которую я только что изложил тебе. Она нереальна.

— Но... вы сказали...

— Я сказал, «если бы речь шла только о самолете, я мог бы предложить убедительную версию». И предложил. И очень неплохую. Если из нее сделать книгу, мой литературный агент наверняка бы ее продал. К сожалению, самолетом дело не ограничивается. Денвер, к примеру, мог бы быть под нами, но все огни потушены, и его, похоже, нет. Я прикинул, какие города мы должны пролетать, и могу доложить тебе, что Денвером дело не ограничивается. Нет ни Омахи, ни Де-Мойна. Внизу темно, друг мой. Я не могу различить ни одного огонька. Ни ферм, ни элеваторов, ни развилок автострад. Обычно они хорошо видны даже с высоты шести миль. Земля обесточена. Можно поверить, что есть некое государственное агентство, которое может накачать нас наркотиками, чтобы потом понаблюдать за нашей реакцией. Но я и представить себе не могу, что какая-то Контора убедила всех и каждого, кто находится под нами, погасить свет, дабы усилить иллюзию нашего одиночества.

— А может... это ловкий трюк? — предположил Алберт. — Может, мы на земле и все, что мы видим в иллюминаторы, — кинопроекция. Я смотрел такой фильм.

Дженкинс печально покачал головой:

— Я уверен, что фильм был очень интересный, но в реальной жизни ничего не выйдет. Если только наше гипотетическое тайное агентство не научилось создавать гигантские трехмерные проекции, в чем я сильно сомневаюсь. Случившееся не ограничивается пространством самолета, Алберт, а потому дедуктивный метод для разгадки не годится.

— Но пилот! — воскликнул Алберт. — Он ведь оказался в нужном месте и в нужное время!

— Ты бейсбольный болельщик, Алберт?

— Что? Нет. Я, конечно, иногда смотрю «Ловкачей» по телевизору, но не более того.

— Тогда позволь познакомить тебя с самыми удивительными статистическими данными, зафиксированными знатоками этой игры, обожающими статистику. В 1957 году Тед Уильямс добежал до базы при шестнадцати подачах подряд. В течение шести игр. В 1941 году Джо Димаджо удачно подавал в пятидесяти шести играх подряд, но вероятность того, что он умножит свои достижения, бледнеет в сравнении с тем, чего добился Уильямс. Она равна одной двухмиллиардной. Бейсбольные фэны говорят, что повторить подвиг Уильямса невозможно. С этим я не согласен. Но готов поставить последний цент на то, что в ближайшую тысячу лет, если на Земле будут по-прежнему играть в бейсбол, рекорд Уильямса устоит.

— И что все это значит?

— Это значит, что присутствие капитана Энгла на борту самолета — случайность, точно такая же, как и уникальная серия подач Уильямса. Учитывая обстоятельства, счастливая для нас случайность. Если бы в жизни, как в детективном романе, не было случайностей и не происходило невероятных событий, пожалуй, на Земле было бы тише и скучнее. Но я убедился, что в реальности совпадение — скорее правило, чем исключение.

— Тогда что же произошло? — прошептал Алберт.

Дженкинс тяжело вздохнул:

— Боюсь, спрашивать об этом надо не меня. Жаль, что среди нас нет Ларри Нивена или Джона Варли.

— А кто это?

— Писатели-фантасты, — ответил Дженкинс.

3

— Полагаю, вы не читаете научную фантастику? — неожиданно спросил Ник Хопуэлл.

Брайан повернулся к нему. После того как Брайан взял управление самолетом на себя, Ник почти два

часа просидел в кресле штурмана, наблюдая за безрезультатными попытками Брайана связаться с землей.

— В детстве только ее и читал. А вы?

Ник улыбнулся:

— До восемнадцати лет я истово верил, что Святая Троица состоит из Роберта Хайнлайна, Джона Кристофера и Джона Уиндема. Я вот сижу и перебираю в голове их романы, дружище. И думаю о такой фантастике, как свертывание времени, свертывание пространства, вторжение инопланетян.

Брайан кивнул. На душе у него полегчало. Приятно сознавать, что не тебя одного посещают безумные мысли.

— У нас нет возможности узнать, что же происходит внизу, не так ли?

— Нет, — подтвердил Брайан.

Над Иллинойсом облака плотной пеленой закрыли темную землю. Брайан не сомневался, что все еще летит над сушей: Рокки ему это гарантировали, но за что-либо еще он поручиться не мог. Да и что он мог знать, если служба безопасности полетов вышла из игры. А облака могли тянуться до самого Бангора. Брайан рассмотрел несколько вариантов, в том числе и самый неприятный: выныривают они из облаков, а все следы человеческой цивилизации исчезли, в том числе и аэропорт, на посадочную полосу которого он намеревался приземлиться. И что ему тогда делать с этой серебристой птичкой?

— Я всегда находил, что ожидание — самая трудная участь.

«Участь чего?» — Брайан был озадачен, но вслух спрашивать не стал.

— А если снизиться до пяти тысяч футов? — неожиданно предложил Ник. — Посмотреть, что к чему? Может, вид маленьких городков и широких автострад успокоит нас.

Брайан уже думал об этом. Обсосал эту идею со всех сторон.

— Хотелось бы, конечно, но не могу.

— Почему?

— Пассажиры — по-прежнему моя первейшая ответственность, Ник. Они, возможно, запаникуют, даже если я заранее все объясню. И особенно меня смущает тот горластый тип, которому вы выкрутили нос и которого ждут не дождутся в Пру.

— С ним я разберусь. И с другими, кто будет дергаться.

— Я уверен, что разберетесь, но все-таки считаю, незачем пугать их без нужды. А что творится внизу, мы выясним. Не можем же мы вечно оставаться на этой высоте.

— Это точно, дружище, — сухо согласился Ник.

— Я бы снизился, если бы знал, что на высоте четырех или пяти тысяч футов мы выйдем из облаков, но без СУП и радиоконтакта с другими самолетами я не уверен, что нам это удастся. Я даже не знаю, какая внизу погода, и просто представить себе не могу, что нас там может ждать. Смейтесь надо мной, если хотите, но...

— Я не смеюсь, дружище. Более того, мне совсем не до смеха. Уверяю вас.

— Допустим, мы прошли сквозь дыру во времени, как в фантастическом романе. Вдруг мы выйдем из облаков и увидим стадо бронтозавров, щиплющих травку на пастбище фермера Джона, а в следующее мгновение нас разорвет циклон или поджарят молнии?

— Вы действительно думаете, что такое возможно? — спросил Ник.

Брайан даже взглянул на него, чтобы убедиться, не подтрунивает ли над ним англичанин. Вроде бы не похоже, но как знать. Англичане славятся особым чувством юмора, не так ли?

Брайан уже хотел сказать, что видел нечто подобное в фильме «Сумеречная зона», но решил, что к делу это не относится.

— Пожалуй, нет, но вы должны понять ход моих мыслей: мы понятия не имеем, с чем нам пришлось столкнуться. Мы можем врезаться в новенькую гору, которая выросла в штате Нью-Йорк. Или в другой самолет. Черт, даже в космический челнок! В конце концов, если это дыра во времени, она может привести не только в прошлое, но и в будущее.

Ник посмотрел в окно.

— У меня такое ощущение, что, кроме нас, в небе никого нет.

— На этой высоте — да. А вот внизу... кто знает? Для пилота авиалайнера ситуация очень неприятная. Я собираюсь пролететь мимо Бангора, если эти облака будут по-прежнему закрывать землю. Развернусь над Атлантическим океаном и там пробью облака. Наши шансы на удачное приземление возрастут, если большая часть спуска будет проходить над водой.

— А пока летим вперед?

— Так точно.

— И ждем.

— Так точно.

Ник вздохнул:

— Что ж, капитан — вы.

Брайан улыбнулся:

— Вновь не могу с вами не согласиться.

4

В глубоких впадинах, прорезающих дно Тихого и Индийского океанов, есть рыбы, которые живут и умирают, не видя и не чувствуя солнца. Эти необычные существа курсируют по глубинам, словно шары-призраки, светясь изнутри. Хотя выглядят они очень хрупкими, на самом деле рыбы эти — чудеса биологии, потому что выдерживают давление, которое в мгновение ока сплющило бы человека почище асфальтового катка. Их великое достоинство одновременно и огром-

ный недостаток. Пленники своих тел, они обречены на плавание в темных глубинах. Если их ловят и вынимают на поверхность океана, поближе к солнцу, то они просто взрываются. Уничтожает их не внешнее давление, а как раз его отсутствие.

Крейг Туми воспитывался в такой вот впадине, жил в атмосфере такого же высокого давления. Его отец занимал достаточно высокий пост в «Бэнк оф Америка», частенько отсутствовал дома и требовал совершенства не только от себя, но и от других. Своему единственному сыну он тем более не давал спуску. Истории, которые он рассказывал на ночь маленькому Крейгу, вызывали у ребенка ужас. И неудивительно, потому что именно этого и добивался Роджер Туми. Истории эти главным образом касались чудовищных существ, называемых ланголье́рами.

Их работа, их задача в жизни (в мире Роджера Туми у *каждого* была своя работа, к исполнению которой все относились очень серьезно) заключалась в охоте на ленивых, тратящих время попусту детей. К семи годам Крейг уже во всем подражал отцу. И он твердо решил: ланголье́рам *до него* не добраться.

Табель успеваемости, в котором значились оценки, отличные от «А», Роджером Туми воспринимался как личное оскорбление. Если он видел только «А», дело ограничивалось лекцией о том, каково всю жизнь рыть канавы и опорожнять бачки для мусора. За единственную «В» следовало наказание: недельное заключение в комнате. В течение этой недели Крейгу разрешалось выходить из комнаты только в школу и к столу. За хорошее поведение никаких поблажек не полагалось. Выдающиеся достижения — к примеру, как-то раз Крейг выиграл первенство трех школ по десятиборью — тоже не гарантировали похвалы. Когда Крейг показал отцу медаль, врученную ему за победу, тот искоса глянул на нее, буркнул что-то нечленораздельное и вновь уткнулся в газету.

Крейгу было девять лет, когда отец умер от сердечного приступа. У мальчика его смерть вызвала облегчение.

Мать Крейга была алкоголичкой, которую сдерживал только страх перед мужем. Как только Роджера Туми положили в землю, лишив возможности отыскивать спрятанные ею бутылки, бить их, отвешивать жене оплеухи и говорить, что она должна держать себя в руках, Кэтрин Туми полностью отдалась любимому занятию. Своего сына она то нежно любила, то не переносила на дух, в зависимости от количества джина, циркулирующего в ее кровеносной системе.

Иной раз поведение матери, мягко говоря, вызывало удивление. Когда Крейгу исполнилось десять лет, она вставила горящую спичку между двумя пальцами на его правой ноге и запела «Happy Birthday to you», но сначала предупредила Крейга, что сдаст его в сиротский приют, если он дернется. Спичка горела, Кэтрин пела. Напившись, она часто вспоминала о сиротском приюте. «Придется тебя сдать, придется. Ты такой же, как и твой отец. Он не знал, как люди развлекаются, и ты не знаешь. Ты *зануда*, Крейги-Вейги». Спичку Кэтрин задула, когда кожу второго и третьего пальцев, между которыми она торчала, уже здорово припекало, но Крейг на всю жизнь запомнил маленький желтенький огонек, медленно ползущий к его пальцам, и мамашу, заплетающимся языком желающую ему счастливого дня рождения.

Давление.

Давление во впадинах.

Крейг Туми продолжал учиться исключительно на «А» и продолжал проводить много времени в своей комнате. Из темницы она превратилась для мальчика в убежище. В основном он грыз там гранит науки, но иногда, если что-то шло наперекосяк, если он чувствовал, что «прижат к стенке», Крейг вырывал из блокнота лист за листом и рвал их на узкие полосы. Полоски

эти падали у его ног, а глаза невидящим взглядом смотрели в никуда. Но такие периоды отчаяния случались не часто. Во всяком случае, тогда.

На выпускном вечере он удостоился чести выступить от своего класса. Его мать не пришла. Лежала дома, пьяная в стельку. Школу менеджмента Лос-Анджелесского университета он закончил девятым. Его мать и на вручение дипломов не пришла. Она умерла. В глубине души Крейг Туми знал: лангольеры все-таки добрались до нее.

В калифорнийскую банковскую корпорацию «Солнце пустыни» Крейг попал во время практики. Туда же его пригласили на работу после окончания университета. Дела у него сразу пошли хорошо, что, впрочем, неудивительно: Крейга Туми с малых лет готовили к тому, что он все будет делать на «А», его не пугало давление больших глубин. Но иногда, возвращаясь после работы в свою квартиру в Уэствуде, всего в полумиле от кондоминиума, в котором поселится Брайан Энгл после развода, Крейг часами рвал листы бумаги на длинные полосы. Он занимался этим все чаще и чаще.

Первые пять лет работы в корпорации Крейг напоминал борзую, несущуюся за механическим кроликом. Уже ходили разговоры, что он станет самым молодым вице-президентом «Солнца пустыни» за всю славную сорокалетнюю историю корпорации. Но каждая рыба может подняться только на определенную высоту. Лишний метр, и она взрывается, перешагнув установленный природой предел.

Восемь месяцев назад Крейга Туми поставили во главе первого большого проекта, по корпоративным меркам соответствовавшего защите докторской диссертации. Проект разработал отдел государственных облигаций. Облигации иностранных государств и с высокой степенью риска (зачастую речь шла об одних и тех же облигациях) были коньком Крейга. Этот проект предусматривал покупку определенного числа облигаций

южноамериканских государств (иногда их называли безнадежные долги) по тщательно просчитанному графику. Было проведено достаточно серьезное теоретическое обоснование: такая покупка не только могла принести спекулятивную прибыль, но и обеспечила бы значительные налоговые льготы, что в итоге позволило бы еще более увеличить прибыль (Дядя Сэм из кожи лез вон, чтобы сложное строение задолженности южноамериканских государств не рухнуло как карточный домик). Однако реализация этой идеи требовала филигранного мастерства.

Представленный Крейгом Туми план вызвал немалое удивление. Основывался он на крупной закупке аргентинских облигаций, пожалуй, самых рискованных из всех. Крейг отчаянно отстаивал свой план, приводя факты, графики, расчеты и доказывая, что надежность аргентинских облигаций выше, чем кажется многим игрокам. Одним махом, утверждал он, «Солнце пустыни» станет самым серьезным и самым богатым покупателем иностранных облигаций на Западе. Мало того, что корпорация заработает на этом деньги, она приобретет кредит доверия.

После многочисленных дискуссий, в том числе и очень жарких, проекту Крейга дали зеленый свет. Том Холби, старший вице-президент, после решающего заседания отвел Крейга в сторону, чтобы поздравить и... предупредить:

— Если к концу финансового года все будет, как ты говоришь, ты станешь всеобщим любимчиком. Если нет, боюсь, ты окажешься на семи ветрах, Крейг. Я думаю, что тебе надо загодя построить убежище.

— Мне не нужно убежище, мистер Холби, — уверенно ответил Крейг. — Потому что за убежищем придет черед строить виселицу. Это будет самая удачная сделка века... все равно что найти бриллианты в купленном сарае. Вот увидите.

В тот день домой он отправился пораньше, и когда запер дверь на три замка, маска уверенности сползла

с его лица. У Крейга были пустые глаза. По пути он купил пачку журналов. Отнес их на кухню, аккуратной стопкой сложил на столе и начал разрывать на длинные, узкие полоски. Рвал шесть часов. Пока «Ньюсуик», «Тайм», «Ю-Эс ньюс энд уорлд рипорт» не превратились в ворох бумаги у его ног, под которым исчезли туфли от «Гуччи». Выглядел он как единственный выживший после взрыва на билетной фабрике.

Предложенная им покупка аргентинских облигаций таила в себе куда более высокий риск, чем указывался в представленных им материалах. Он добился одобрения своего проекта, выпятив одни факты, затенив другие... выдумав третьи. Причем выдумал он не так уж и мало. Но, придя домой и разорвав несколько журналов, задался вопросом, а зачем он это сделал. Крейг ничего не знал о рыбах, обитающих в океанских впадинах, которые живут и умирают, ни разу не увидев солнца. Он не знал, что есть рыбы и люди, беда которых не во внешнем давлении, а в его отсутствии. Крейг только знал, что ему очень уж хотелось купить эти облигации, и теперь, получив на это необходимые средства, он крепко подставился.

В Бостон он летел на встречу с представителями пяти крупных банковских корпораций, специализирующихся на операциях с государственными облигациями. Собравшись в Пруденшл-центре, они намеревались обсудить сложившуюся ситуацию, поговорить о будущем рынка государственных облигаций, провести обстоятельную дискуссию о крупных покупках этих облигаций в последние шестнадцать месяцев и результатах, к которым привели эти покупки. И еще до окончания первого дня трехдневной конференции они бы узнали то, что Крейг Туми знал последние девяносто дней: купленные им облигации при продаже могли вернуть лишь шесть центов от каждого затраченного доллара.

А вскоре руководство «Солнца пустыни» узнало бы и все остальное: он в три раза перекрыл лимит отпу-

щенных на покупку средств. Он также вложил в аргентинские облигации все свои деньги... Но едва ли начальство поставило бы ему это в заслугу.

Вместо того чтобы сгореть от стыда, Крейг Туми сел в самолет авиакомпании «Американская гордость», вылетающий рейсом 29 в Бостон, с чувством безмерного облегчения и ни с чем не сравнимого счастья. Он чувствовал, что скоро взорвется, но его это нисколько не огорчало. Наоборот, он буквально жаждал этого взрыва. Он чувствовал, как отступает давление с его кожи по мере приближения к поверхности. И впервые за последние недели у него не возникло ни малейшего желания рвать бумагу. Он заснул еще до того, как «767» выкатился на взлетную полосу, а разбудили его вопли этой маленькой слепой паршивки.

И тут ему заявили, что все переменилось, но допускать такого просто нельзя. Нельзя, и точка! Он попал в сеть, он чувствовал, как растягивалась его кожа, пытаясь компенсировать перепад давлений. Они не имеют права передумать и вновь бросить его в океанские глубины.

Бангор?

Бангор, штат Мэн?

Нет. Никогда!

Крейг Туми вроде бы осознавал, что большая часть пассажиров рейса 29 исчезла, но не придавал этому какого-либо значения. Что они ему? Они не являлись частью того, что его отец называл ОБЩИМ ЗАМЫСЛОМ. Вот совещание в Пру входило в ОБЩИЙ ЗАМЫСЕЛ.

Эта безумная идея лететь в Бангор, штат Мэн... Кому она могла прийти в голову?

Разумеется, пилоту. Конечно, это идея Энгла. Так называемого капитана.

Энглу, значит... Энгл вполне мог стать частью ОБЩЕГО ЗАМЫСЛА. А также ВРАЖЕСКИМ АГЕНТОМ. Крейг подозревал это с того самого момента, как голос Энгла раздался в динамиках громкой связи, но в дан-

ном случае он мог и не полагаться на голос сердца, не так ли? Он прислушивался к разговору между костлявым парнем и мужчиной в пиджаке, купленном на какой-то распродаже. Вкуса у мужчины не было никакого, но говорил он разумные вещи... во всяком случае, для Крейга Туми.

«В этом случае пилот — один из нас», — сказал юноша.

«Да и нет, — ответил ему мужчина в поношенном пиджаке спортивного покроя. — По моей версии, пилот — он и есть пилот. Пилот, случайно оказавшийся на борту, вроде бы летящий в Бостон. Он должен сидеть в салоне первого класса, футах в тридцати от кабины пилотов».

Другими словами, Энгл.

И еще другой парень, тот, что чуть не сломал ему, Крейгу, нос. Наверняка с Энглом заодно, охраняет псевдокапитана от тех, кто может раскусить его.

Далее разговор между юношей и мужчиной в поношенном пиджаке спортивного покроя Крейг слушать не стал, потому что мужчина понес какую-то чушь насчет исчезновения Денвера, Де-Мойна, Омахи. Куда могли пропасть три больших американских города? Но *эта* чушь не означала, что старикан ошибается и в остальном.

Конечно, речь идет об эксперименте. Дельная, правильная мысль. А вот другая идея, что эксперимент ставится над всеми, кто остался в самолете, уже не выдерживала критики.

«Эксперимент ставится на мне, — подумал Крейг. — Только на мне. Подопытный объект — я, и никто больше».

Всю жизнь Крейг полагал себя подопытным объектом в таком вот эксперименте. «Вопрос, господа, в выборе соотношения нажима и успеха. Оптимальное соотношение дает наилучший результат. Как его определить? Да с помощью нашего подопытного кролика, мистера Крейга Туми!»

И вот тут Крейг Туми сделал то, чего они не ожидали, на что не решались их мыши, крысы и морские свинки: сказал им, что выходит из игры.

«Но ты не можешь этого сделать, — заверещали экспериментаторы. — Ты взорвешься!»

«Взорвусь? Отлично». Да уж, все ясно, яснее некуда.

«Остальные пассажиры — посторонние или специально нанятые люди. Все делается с одной целью: не допустить меня в Бостон, не позволить мне помахать экспериментаторам ручкой. Но я им еще покажу».

Крейг раскрыл еще одну страницу журнала, взглянул на нее. Увидел счастливого мужчину, который слыхом не слыхивал о лангольерах, знать не знал, что они шныряют везде, прячутся за каждым деревом и кустом, в каждом темном углу. Счастливый мужчина ехал по сельской дороге в автомобиле, взятом напрокат в компании «Авис». Рекламное объявление гласило, что обладателям карточки «Постоянный клиент "Американской гордости"» достаточно предъявить ее в пункте проката автомобилей компании «Авис», чтобы получить такой вот автомобиль, а может, и симпатичную девушку-водителя, которая отвезет его по нужному адресу. Крейг начал раздирать страницу на длинные полосы. Звук рвущейся бумаги успокаивал.

«Я им покажу, — думал Крейг. — Если я сказал, что больше не желаю участвовать в их эксперименте, значит, так оно и будет».

Он выронил полоску на пол, начал отрывать вторую. «Главное, рвать бумагу медленно. Главное, отрывать узкую полосу. Но не очень узкую, а не то полоса оборвется, не дойдя до нижнего края». Для того чтобы определить нужную ширину полосы, требовались острый глаз и твердая рука.

«Я возьму их за горло, — думал Крейг. — Можете мне поверить. Советую мне поверить».

Ри-и-ип.

Возможно, придется убить пилота.

Руки его замерли, не дорвав полосу. Крейг посмотрел в иллюминатор, увидел отражение своего длинного бледного лица. *Возможно, придется убить и англичанина.*

Крейг Туми в своей жизни еще никого не убивал. Сможет убить? Подумав, решил, что сможет. Разумеется, не в воздухе. Англичанин слишком быстр, слишком силен, а оружия здесь не найти. А вот после посадки?

Да, если придется, убью обоих, решил Крейг.

В конце концов, конференция в Пру будет продолжаться три дня. На начало он уже опоздал, но по крайней мере сможет оправдаться: тайное государственное агентство накачало его наркотиками и захватило в заложники. Он уже видел изумленные лица банкиров, собравшихся со всей страны, чтобы обсудить перспективы рынка государственных облигаций и долговых обязательств. Вместо этого они услышат правду о том, к каким грязным методам прибегает государство. «Друзья мои, меня похитили...»

Ри-и-ип.

«...и я смог сбежать лишь...»

Ри-и-ип.

«Если придется убить, я убью их обоих, — утвердился Крейг в принятом решении. — Если понадобится, я могу убить их всех».

Руки Крейга Туми вновь пришли в движение. Он дорвал полосу, бросил на пол, принялся за следующую. В журнале страниц хватало, из каждой получалось много полосок, а это означало, что до посадки самолета ему предстояла большая работа.

Но Крейг Туми никогда не бегал от работы.

5

Лорел Стивенсон не заснула, а лишь погрузилась в легкую дрему. И ее мысли, а может, грезы вернулись к истинной причине поездки в Бостон.

Насчет первого настоящего отпуска за десять лет она солгала. Конечно, частичка правды в ее словах была, хотя Лорел сомневалась, что говорила достаточно убедительно. Лгать девушка не привыкла, не то воспитание, а потому вряд ли у нее что получилось. Но с другой стороны, едва ли кто из оставшихся пассажиров рейса 29 задался вопросом, лгала она или нет. Ситуация к этому не располагала. И ее намерение лететь в Бостон, чтобы встретиться, и почти наверняка переспать, с человеком, которого она никогда в жизни не видела, казалось пустяком в сравнении с происшедшей трагедией: исчезновением из летящего на восток самолета команды и чуть ли не всех пассажиров.

Дорогая Лорел!

Я с таким нетерпением жду встречи с тобой! Тебе не придется смотреть на мою фотографию перед тем, как выйти из самолета. У меня в животе столько бабочек, что хватит и того, чтобы поискать мужчину, парящего под потолком...

Звали его Даррен Кросби.

Необходимости смотреть на фотографию у нее и не возникло бы. Она запомнила его лицо, как и большинство полученных от него писем. Но оставался вопрос: почему? Ответа не находилось. Наверное, ее поступок служил еще одним доказательством наблюдения Дж.Р.Р.Толкина: всякий раз, выходя за дверь, надо быть очень осторожным, потому что тропинка, начинающаяся у крыльца, на самом деле дорога, а дорога бесконечна. И если забыть об осторожности, можно оказаться... очень далеко и обнаружить, что ты чужак в чужой стране, а как ты туда попал, неведомо и тебе самому.

Лорел рассказала всем, куда она летит, но опустила причину и цель поездки. Она закончила Калифорнийский университет, получила диплом библиотекаря. Конечно, на модель Лорел не тянула, но лицо и фигу-

ра — очень даже ничего. У нее был маленький круг хороших друзей, которые и представить себе не могли, что в очаровательной головке Лорел мог созреть подобный план: отправиться в Бостон и провести несколько дней и ночей с мужчиной, с которым познакомилась через колонку персональных объявлений в журнале «Друзья и любовники» и которого она знала только по письмам.

Она и сама не подозревала, что способна на такое.

А подбил ее на это синеглазый Даррен Кросби, ростом в шесть футов и один дюйм, весом в сто восемьдесят фунтов. Он предпочитал шотландское (но знал меру), держал кота по кличке Стэнли, был убежденным сторонником гетеросексуальных отношений, называл себя настоящим джентльменом (так, во всяком случае, отрекомендовался в одном из первых писем) и считал «Лорел» самым прекрасным из женских имен. Полученная от Даррена фотография запечатлела мужчину с приятным, интеллигентным, открытым лицом. Она догадывалась, что мужчина этот будет выглядеть страшновато, если не станет бриться дважды в день. На этом и исчерпывались ее сведения о Даррене Кросби.

За последние шесть лет Лорел переписывалась с пятью или шестью мужчинами (хобби, знаете ли), но о следующем шаге, таком вот шаге, даже не думала. Возможно, ее привлек особый, суховатый юмор Даррена. Но Лорел хватало ума понять, что истинные причины принятого решения надо искать не в нем, а в себе. Может, она хотела выйти из тех рамок, которыми ограничивала себя? Может, надеялась на чудо, головой бросаясь в омут?

Что ты делаешь? — вновь и вновь спрашивала себя Лорел.

Самолет чуть качнуло, но он тут же выровнялся. Лорел подняла голову, огляделась. Девушка сидела по другую сторону прохода. Смотрела в иллюминатор.

— Видно что-нибудь? — спросила Лорел.

— Солнце встало. Но ничего больше.

— А как насчет земли? — Лорел не хотелось пересаживаться, чтобы посмотреть самой. Да и головка спящей Дайны по-прежнему лежала у нее на плече.

— Не вижу. Сплошные облака. — Девушка повернулась, и Лорел заметила, что взгляд у нее прояснился от «тумана», на щеках затеплился румянец. — Меня зовут Бетани Симмс. А вас?

— Лорел Стивенсон.

— Вы думаете, все образуется?

— Думаю, да, — ответила Лорел и с неохотой добавила: — Надеюсь на это.

— Я боюсь того, что может быть под этими облаками, — призналась Бетани, — но я и так боялась Бостона. Моя мать внезапно решила, что мне неплохо бы провести пару недель с тетей Шаной, хотя занятия в школе начинаются через десять дней. Я думаю, идея состояла в том, чтобы я вышла из самолета, как бедная овечка, а уж потом тетя Шана быстренько взяла бы меня в оборот.

— В оборот?

— Туда не ходи, двести долларов по чеку не получай, а прямиком отправляйся в реабилитационный центр, чтобы тебя там как следует пролечили. — Бетани провела рукой по коротким черным волосам. — Я и садясь в самолет не могла отличить реальность от иллюзии, так что для меня, пожалуй, ничего не изменилось. — Она пристально посмотрела на Лорел. — Происходит все наяву, не так ли? Я уже щипала себя. Несколько раз. Ничего не изменилось.

— Наяву.

— А мне кажется, что все это *нереально*. Словно я попала в один из этих глупых фильмов-катастроф. «Аэропорт-1990», что-то в этом роде. Я все оглядываюсь в поисках старых актеров, Уилфорда Бримли, к примеру, и Оливии де Хэвилленд. Они вроде бы должны встретиться в этом аду и влюбиться друг в друга.

— Не думаю, что они на нашем самолете, — очень серьезно ответила Лорел.

Они встретились взглядом и едва не рассмеялись. Обычно общий смех сближает людей... но здесь, сейчас, этого не произошло. Во всяком случае, если и сблизило девушек, то не очень.

— А как насчет вас, Лорел? У вас нет ощущения, что все это фильм?

— Боюсь, что нет, — ответила Лорел... и неожиданно для себя все-таки рассмеялась, потому что в мозгу у нее словно сверкнула яркая надпись: «Ну ты и лгунья!»

Бетани прикрыла рот рукой и тоже захихикала.

— Господи, — сказала она минуту спустя. — Да это же полный отпад, разве нет?

— Согласна с тобой. — Лорел кивнула и, помолчав, добавила: — А тебе действительно нужен реабилитационный центр, Бетани?

— Не знаю. — Девушка вновь отвернулась к иллюминатору. Улыбка исчезла, взгляд погас. — Может, и нужен. Я думала, что это всего лишь развлечение, но теперь уверенности у меня нет. Боюсь, ситуация вышла из-под контроля. Но когда тебя туда гонят... Я чувствую себя, как свинья на бойне.

— Мне очень жаль, — ответила Лорел, но жалела она и себя.

Слепая девочка уже определила ее своей мамашей. Во второй приемной дочке она не нуждалась. Теперь, окончательно проснувшись, она не испытывала ничего, кроме страха, чуть ли не животного страха. Она не хотела, чтобы еще и Бетани вываливала на нее свои проблемы. Лорел против своей воли улыбнулась, вспомнив, как охарактеризовала девушка происходящее с ними. Действительно, полный отпад.

— И мне жаль, — кивнула Бетани, — но думаю, сейчас волноваться надо не об этом, не так ли?

— Полагаю, ты права.

— Пилот никогда не исчезал в этих фильмах об *аэропортах*, правда?

— Не припоминаю.

— Почти шесть часов. Еще два с половиной часа лету.

— Да.

— Если только мир все еще есть. Как хочется, чтобы он никуда не делся! — Бетани вновь наклонилась к Лорел. — Как я понимаю, «травки» у вас нет?

— Боюсь, что нет.

Бетани пожала плечами и вздохнула:

— Наверное, по-другому и быть не могло.

6

Брайан Энгл проверил курс, скорость, координаты самолета, взглянул на карту. Наконец посмотрел на часы. Две минуты девятого.

— Что ж, — не поворачиваясь, бросил он Нику, — думаю, пора. Пан или пропал.

Он наклонился вперед и щелкнул переключателем, зажигающим таблички «ПРИСТЕГНИТЕ РЕМНИ». Мелодично звякнул звонок. Затем Брайан включил систему громкой связи и взял микрофон.

— Приветствую вас, дамы и господа. Вновь говорит капитан Энгл. В настоящий момент мы находимся над Атлантическим океаном, примерно в тридцати милях от побережья Мэна, и скоро я начну спуск к Бангору. При обычных обстоятельствах я не стал бы так рано просить вас пристегнуть ремни, но обстоятельства далеки от обычных, а моя мама всегда говорила, что благоразумие — главная составляющая доблести. Исходя из этого я и хочу, чтобы ремни крепко поддерживали вас в креслах. Атмосферные явления, кажется, пока нам не грозят, но, поскольку радиосвязи с землей нет, погода может преподнести нам любой сюрприз. Я продолжаю надеяться, что облака рассеются,

я даже видел несколько просветов над Вермонтом, но, к сожалению, их вновь затянуло. По моему опыту могу вам сказать, что характер облаков не предполагает сильных ливней и гроз. Думаю, в Бангоре пасмурно, может, даже идет небольшой дождь. Начинаю снижение. Прошу сохранять спокойствие. На моем приборном щитке горят только зеленые лампочки, это означает, что все системы работают нормально.

Брайан не стал перепрограммировать автопилот на снижение: он взял управление на себя. Самолет описал широкий полукруг и пошел на сближение с облаками.

— Звучало успокаивающе, — кивнул Ник. — Вам пора подаваться в политики, дружище.

— Сомневаюсь, что пассажиры совсем уж успокоились, — возразил Брайан. — Мне вот до спокойствия ой как далеко.

Собственно, никогда еще, сидя за штурвалом самолета, он не испытывал такого страха. Утечка воздуха на рейсе 7 из Токио казалась сущим пустяком в сравнении с нынешней ситуацией. Сердце его билось редко и гулко, словно погребальный барабан. Брайан шумно глотнул, почувствовал, как в ушах щелкнуло. «767» миновал отметку тридцать тысяч футов. Белые облака заметно приблизились. Они простирались от горизонта до горизонта.

— Я перепуган до смерти, дружище. — У Ника Хопуэлла сел голос. — Я видел, как люди умирали на Фолклендах, сам получил пулю в ногу, теперь у меня тефлоновый коленный сустав. Я чудом остался жив в Бейруте после взрыва грузовика, начиненного взрывчаткой, в восемьдесят втором году, но никогда еще не испытывал такого страха, как сейчас. Мне так и хочется схватить вас и заставить вернуть эту птичку на прежнюю высоту. А то и подняться еще выше.

— Проку от этого не будет. — Брайан слышал, как дрожит его голос, чувствовал, как усилилось сердцебиение. — Вспомните мои слова: навечно нам здесь не остаться.

— Это я знаю. Но меня страшит то, что *под* облаками. Или в облаках.

— Сейчас мы все и выясним.

— Выбора у нас нет, дружище?

— Никакого.

«767» отделяли от земли уже двадцать пять тысяч футов. Снижение продолжалось.

7

Все пассажиры собрались в главном салоне. Даже лысый мужчина, упрямо цеплявшийся за свое место в салоне бизнес-класса, присоединился к остальным. Никто не спал, за исключением бородача в самом хвосте самолета, оттуда доносилось его похрапывание. Алберт Косснер даже позавидовал бородачу. Проснется, понимаешь, на земле, когда все страхи останутся позади, и спросит: «А где это мы, черт побери?»

И еще один звук долетал до них: ри-и-ип... ри-и-ип... ри-и-ип. Крейг Туми продолжал рвать журнал, распространяемый среди пассажиров. Его туфли уже скрылись под горкой бумажных полосок.

— Может, прекратишь? — нервно спросил Дон Гаффни. — Твое занятие сводит с ума, приятель.

Крейг посмотрел на Дона Гаффни пустыми глазами. Снова опустил голову. И принялся дорывать очередную страницу, на которой «Американская гордость» изобразила схему своих полетов.

Ри-и-ип.

Гаффни хотел что-то сказать, открыл было рот, но потом снова закрыл.

Лорел правой рукой обняла Дайну за плечи. А ее левую девочка держала в своих руках.

Алберт сидел с Робертом Дженкинсом, впереди — Гаффни. А перед ним устроилась девушка с короткими черными волосами. Она смотрела в иллюминатор. Впереди нее сел Лысый из салона бизнес-класса.

— По крайней мере внизу мы сможем найти что-нибудь съестное, — изрек он.

Никто не ответил. Главный салон застыл в нарастающем напряжении. Алберт Косснер чувствовал, как каждый волосок на его теле вытянулся в струнку. Поискал защиты у Туза Косснера, герцога пустыни, барона «бантлайна», но не смог его найти. Туз ретировался в другие края.

Облака надвинулись. Более они не казались ровной белой поверхностью. На них появились округлые горы и заполненные тенями долины. Взглянув на них, Лорел подумала, а ждет ли ее Даррен Кросби, нетерпеливо поглядывая на галерею, по которой прибывают в здание аэропорта Логан пассажиры «Американской гордости». Она нисколько не удивилась, осознав, что ей в принципе уже все равно, ждет он ее или нет. Взгляд Лорел вновь упал на облака, и она напрочь забыла о Даррене Кросби, который предпочитал шотландское (но знал меру) и называл себя настоящим джентльменом.

Лорел представила себе руку, огромную зеленую руку, внезапно вытягивающуюся из белых облаков и хватающую «767» за хвост, как рассердившийся ребенок хватает игрушку. Она представила себе, как пальцы сжимаются и самолет охватывают оранжевые языки пламени. От страха она даже закрыла глаза.

«Не надо спускаться! — рвался из груди крик. — Пожалуйста, не надо спускаться!»

Но какой у них был выбор? Какой?

— Мне очень страшно. — У Бетани Симмс стучали зубы; она перебралась в центральный ряд, пристегнула ремень безопасности, обхватила себя руками. — Я сейчас отключусь.

Крейг Туми взглянул на нее и принялся отрывать следующую полоску. Мгновение спустя Алберт расстегнул ремень безопасности и направился к Бетани, сел рядом с ней, пристегнулся. Как только он это сделал, девушка схватила его руку. Своей, холодной как мрамор.

— Все будет хорошо, — сказал Алберт.

Он постарался изгнать дрожь из голоса, чтобы говорить тоном, приличествующим самому быстрому стрелку-еврею к западу от Миссисипи. Да только голос его принадлежал Алберту Косснеру, семнадцатилетнему студенту-скрипачу, который в любой момент мог от страха надуть в штаны.

— Я надеюсь... — начала Бетани, и тут самолет затрясло.

Девушка вскрикнула.

— Что случилось? — озабоченно спросила Дайна, повернув голову к Лорел. — С самолетом что-то не так? Мы разобьемся?

— Это обычные атмосферные возмущения, — послышался из динамиков голос Брайана. — Пожалуйста, не волнуйтесь. При входе в слой облаков невозможно избежать воздушных ям. Большинство из вас летят не в первый раз и хорошо это знают. Все нормально.

Ри-и-ип.

Дон Гаффни посмотрел на мужчину в водолазке. Гаффни очень хотелось вырвать журнал у него из рук и отхлестать им Водолазку по физиономии.

Облака были совсем рядом. Роберт Дженкинс видел черную тень «767», скользящую по неровной белизне. Скоро самолет поцелует собственную тень и исчезнет. Никогда раньше у автора детективов не было дурного предчувствия, а вот тут появилось, и очень острое. «Выйдя из облаков, мы увидим то, что еще не открывалось человеческому глазу, — думал он. — Поверить в это будет невозможно... однако придется поверить. Деваться нам некуда».

— Все будет хорошо? — испуганно спросила Дайна, и ее ручонки стиснули руку Лорел: маленькие, а сжимали сильно, до боли. — Правда, все будет хорошо?

Лорел посмотрела в иллюминатор. «767» уже срезал вершины облаков, мимо иллюминатора пролетали белые хлопья. Самолет вновь затрясло, и с губ Лорел едва

 не сорвался стон. Впервые в жизни ужас вызвал у нее физическую боль.

— Надеюсь, что да, милая, — ответила она. — Очень надеюсь, но не знаю.

8

— Что на радаре, Брайан? — спросил Ник. — Видите что-нибудь необычное? Вообще что-нибудь видите?

— Нет. Радар показывает, что под нами земля, но ничего больше. Мы...

— Подождите, — вырвалось у Ника. — Давайте подниматься. Еще раз все обдумаем. Подождем, пока рассеются облака.

— Нет времени и нет топлива. — Брайан не отрывался от приборов; самолет затрясло, Брайан внес необходимые корректировки. — Так что будем спускаться.

И толкнул вперед ручку управления. Стрелка высотомера побежала быстрее. «767» нырнул в облака. Какое-то мгновение из них торчал хвост самолета, напоминая плавник акулы, скоро исчез и он. Небо опустело... словно самолета и не было.

Глава 4

В облаках. Добро пожаловать в Бангор. Аплодисменты. Желоб и транспортер. Незвонящие телефоны. Крейг Туми в автономном плавании. Предупреждение маленькой слепой девочки

1

Солнечные лучи, бьющие в иллюминаторы, сменил серый туман, в главном салоне воцарился полумрак, самолет трясло все сильнее. После одного осо

бенно сильного толчка Алберт почувствовал тяжесть на правом плече и увидел лежащую на нем голову Бетани, тяжелую, как вызревшая октябрьская тыква. Девушка лишилась чувств.

Самолет бросило вниз, и тут же в салоне первого класса что-то упало. На этот раз вскрикнула Дайна, а у Гаффни вырвалось:

— Что это? Ради Бога, что это?

— Тележка для напитков, — сухо ответил Боб Дженкинс и возвысил голос, чтобы его услышали все. — Тележка для напитков, которая оставалась в служебной зоне, помните? Думаю, она покатилась и...

Самолет бросило вниз, в сторону, и тележка с грохотом упала на пол. Зазвенело разбитое стекло. Дайна снова вскрикнула.

— Все нормально, — попыталась успокоить ее Лорел. — Дайна, не сжимай мне так руку. Ничего страшного...

— Пожалуйста, я не хочу умирать! Я не хочу умирать!

— Обычные атмосферные возмущения, друзья. — Голос Брайана, доносящийся из динамиков, звучал спокойно и уверенно... но Бобу Дженкинсу показалось, что и капитан едва сдерживает страх. — Так что...

Еще толчок. Остальные стаканы и бутылки посыпались из лежащей на боку тележки.

— ...не волнуйтесь.

Ри-и-ип.

Дон Гаффни повернулся к Водолазке:

— Прекрати, козел, а не то я заткну то, что осталось от журнала, тебе в пасть.

Крейг посмотрел на него пустыми глазами:

— Попробуй, старый хрен.

Самолет бросало вверх, вниз, в стороны. Алберт перегнулся через Бетани, чтобы взглянуть в иллюминатор. При этом юноша случайно коснулся ее мягкой груди, но впервые за последние пять лет это ощущение не заставило его забыть обо всем на свете. Он

сверлил взглядом иллюминатор, надеясь увидеть разрыв в облаках, словно желая усилием воли *создать* такой разрыв. Но все застилала серая пелена.

2

— На какой высоте пробьем облака, дружище? — спросил Ник.

Как только самолет вошел в облака, он заметно успокоился.

— Точно не знаю, — ответил Брайан. — Но ниже, чем я надеялся.

— А что случится, если облака очень низкие?

— Если приборы не врут, вдоволь напьемся океанской воды. Если мы опустимся до пятисот футов и не увидим земли, я уйду вверх и полечу в Портленд.

— Может, сразу следовало лететь туда?

Брайан покачал головой:

— Погода там всегда хуже.

— А как насчет Преск-Айл? Разве не там расположена база стратегической авиации?

Брайан подумал, что этот парень знает куда больше, чем ему положено.

— Туда нам не долететь. Рухнем в лесах.

— Значит, не долететь и до Бостона.

— Именно так.

— Складывается впечатление, что решение принято неудачное, дружище.

«767» вновь попал в полосу атмосферных возмущений и задрожал, как собака на сильном морозе. Из главного салона донеслись приглушенные крики. Брайан не стал говорить, что «Боингу-767» нипочем и куда более сильная болтанка. Его больше занимала другая проблема: на какой высоте они вынырнут из облаков.

— Земли еще не видно.

По показаниям высотомера, до земли оставалось 2200 футов.

— Как бы нам не врезаться.

— Мы... — От радости у Брайана перехватило дыхание. — Пробились!

Перед носом «767» облака стремительно редели. Уже была видна свинцовая поверхность Атлантического океана.

Брайан заговорил в микрофон:

— Дамы и господа, облака остались выше. Я ожидал, что нам придется столкнуться с атмосферными возмущениями. Через несколько минут снизу донесется глухой щелчок. Я выпущу и закреплю шасси. Мы идем на посадку в аэропорт Бангора.

Он выключил микрофон и взглянул на мужчину, который сидел в кресле штурмана.

— Пожелайте мне удачи, Ник.

— Желаю, дружище, желаю!

3

Лорел выглянула в иллюминатор, и сердце у нее екнуло. Облака практически рассеялись. Она видела океан: волны, буруны, скалу, торчащую, словно зуб великана. Ее взгляд поймал какую-то оранжевую точку, наверное, буй.

Они пролетели над заросшим деревьями островком. Вытянув шею, Лорел смогла увидеть лежащий вдали берег. Потом облака на сорок пять секунд закрыли иллюминатор. Когда они вновь рассеялись, Лорел увидела, что самолет уже летит над сушей. Они прошли над полем, лесом, водохранилищем.

«Но где дома? — спросила себя Лорел. — Где дороги и автомобили? Где города и линии высокого напряжения?»

И тут с ее губ сорвался крик.

— Что такое? — испугалась Дайна. — Что случилось, Лорел?

— Ничего! — радостно выдохнула она, увидев внизу узкую дорогу, ведущую к маленькому прибрежному городку. Игрушечные дома выстроились вдоль Главной улицы, на которой стояли игрушечные автомобили. Лорел увидела и церковный шпиль, и торговый центр, и бейсбольное поле. — Все нормально! Все на месте! *Все по-прежнему на месте!*

Из-за ее спины послышался голос Роберта Дженкинса. Ровный, спокойный, но очень уж печальный:

— Мадам, боюсь, вы ошибаетесь.

4

Длинный белоснежный авиалайнер скользил над землей в тридцати пяти милях восточнее Международного аэропорта Бангора. На хвосте красовалось число «767». Фюзеляж украшала надпись «АМЕРИКАНСКАЯ ГОРДОСТЬ» с чуть заваленными назад буквами, изображающими скорость. Носовую часть с обеих сторон облапил фирменный знак компании: большой красный орел с синими звездами на крыльях. Как и самолет, орел вроде бы готовился к посадке.

Тени на землю самолет не отбрасывал: дождя не было, но утро выдалось серым и мрачным. Открылись люки, выдвинулись шасси.

Самолет авиакомпании «Американская гордость», следующий рейсом 29, направлялся к Бангору, заворачивая влево. Капитан Энгл теперь мог корректировать курс визуально, что он, собственно, и делал.

— Я его вижу! — воскликнул Ник. — Я вижу аэропорт! Господи, какое прекрасное зрелище!

— Если видите, значит, поднялись с кресла, — говорил Брайан, не оборачиваясь. Оборачиваться времени не было. — Сядьте, пристегнитесь и помолчите.

Но длинная посадочная полоса радовала и его глаз.

Брайан нацелил на нее нос самолета и снизился с тысячи футов до восьмисот. Под крыльями «767» тянулся бесконечный лес. Наконец лес уступил место россыпи домов. Мозг Брайана автоматически фиксировал мотели, бензозаправки, закусочные быстрого обслуживания. Они миновали Пенобскот-ривер и вошли в зону аэропорта.

— Центр управления, говорит рейс 29. У меня чрезвычайная ситуация. Повторяю, у меня чрезвычайная ситуация. Прошу очистить взлетно-посадочную полосу. Иду на посадку.

Брайан посмотрел на датчик скорости, с удовлетворением отметил, что стрелка миновала цифру 140 — разрешенную скорость касания земли. Последние деревья остались позади, теперь они летели над полем для гольфа. Уголком глаза Брайан поймал зеленую вывеску «Холидей инн», посадочные огни, маркирующие торец взлетно-посадочной полосы. На бетоне белели две тройки. А вот огни не светились ни зеленым, ни красным: просто не горели, и все.

Но Брайан не стал над этим задумываться. Как и над тем, что навстречу мог подниматься «лирджет» или маленькая «дойка» с поршневыми двигателями. Он полностью сосредоточился на главном — посадке «767».

Отрезок гравия, сквозь который пробивались сорняки, и вот уже в тридцати футах под шасси потянулся бетонный язык посадочной полосы. Они пролетели над белыми поперечными полосами, потом над черными отметинами колес — возможно, в этом месте касались бетона реактивные самолеты Национальной гвардии.

Брайан прижимал «767» к бетонной полосе. Второй ряд поперечных полос промелькнул под ними и практически сразу же, с легким толчком, главное шасси коснулось земли. Теперь самолет с чуть задранным носом катился по посадочной полосе 33 со скоростью сто двадцать миль в час. Брайан повернул до предела закрылки и реверсировал двигатели. Еще толчок, слабее первого, и носовое шасси коснулось бетона.

Скорость самолета замедлялась: со ста двадцати миль до ста, восьмидесяти, сорока, наконец, до скорости бегущего человека.

Брайан сделал свое дело. Они сели.

— Обычная посадка, — прокомментировал Брайан. — Ничего особенного.

Он шумно выдохнул и остановил самолет в четырехстах ярдах от ближайшей стоянки. Брайана внезапно пробрала дрожь. Он поднял руку, вытер со лба пот. Посмотрел на мокрую ладонь, нервно рассмеялся.

Рука Ника легла ему на плечо.

— С тобой все в порядке, Брайан?

— Да. — И капитан взял микрофон. — Дамы и господа, добро пожаловать в Бангор.

Из главного салона до него донеслись радостные крики и аплодисменты. Капитан вновь рассмеялся.

А вот Ник Хопуэлл не смеялся. Он сосредоточенно вглядывался в окно кабины. Ничего не двигалось на рулежных дорожках. Ничего не двигалось на маркированных самолетных стоянках. Ни грузовички, ни автомобили службы безопасности не шныряли по бетонному летному полю. Он видел несколько автобусов, видел армейский транспортный самолет, отбуксированный на одну из дальних стоянок, видел «Боинг-727» авиакомпании «Дельта», стоящий у передвижного посадочного рукава. Все они застыли, словно памятники.

— Спасибо, что пригласили нас в Бангор, друг мой, — нарушил Ник затянувшуюся паузу. — Складывается впечатление, что, кроме вас, приглашать нас сюда некому. Аэропорт пуст.

5

Несмотря на радиомолчание, Брайану очень не хотелось соглашаться с этим заключением. Но когда он вывел самолет между двух рулежных дорожек к зданию аэровокзала, то не мог не признать правоту Ника. Речь

шла не только об отсутствии людей, не только о том, что к ним не подкатил автомобиль службы охраны для выяснения, откуда взялся этот «767», которого никто не ждал. Международный аэропорт Бангора словно начисто лишили жизни, а последний человек если и побывал здесь, то, наверное, тысячу лет тому назад.

Под самолетом авиакомпании «Дельта» стоял джип с прицепленными к нему несколькими багажными тележками. На них лежали чемоданы, к которым то и дело возвращался взгляд Брайана, когда он подгонял «767» к зданию аэровокзала. Чемоданы казались совсем древними, словно их обнаружили при раскопках какого-то знаменитого старинного города. «Интересно, — подумал Брайан, — неужели человек, открывший могилу Тутанхамона, испытывал те же чувства, что и я?»

Он заглушил двигатели, посидел, прислушиваясь. Из хвостовой части доносился шум работающей вспомогательной силовой установки, одной из четырех. Брайан потянулся к выключателю с надписью «БОРТОВАЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА», даже коснулся его, но потом убрал руку. Не хотелось ему обесточивать самолет. Причин для этого вроде бы и не было, но интуиция, внутренний голос требовали, чтобы капитан оставил выключатель в покое.

Кроме того, решил Брайан, вряд ли кто будет зудеть из-за напрасно растрачиваемого топлива... все равно его осталось совсем ничего.

Он расстегнул ремень безопасности, встал.

— Что теперь, Брайан? — поднялся и Ник.

Брайан впервые заметил, что англичанин выше его на добрых четыре дюйма. «До сих пор парадом командовал я, — подумал он. — С того самого момента, как все это случилось... точнее, с того момента, как мы узнали о случившемся, командовал парадом я. Но скоро все должно перемениться».

И понял, что особых возражений у него нет. Полет в облаках исчерпал его запасы мужества, похвалы

Брайан не ожидал: он делал свое дело, а платили ему в том числе и за мужество. Он вспомнил слова одного пилота: «Нам платят по сто тысяч долларов в год, Брайан, а то и больше, лишь по одной причине. Они знают, что на всю карьеру пилота приходится тридцать или сорок секунд, когда он действительно может что-то изменить. Нам платят за то, что мы не застынем столбом, когда придет черед этих секунд».

Конечно, мозг может говорить тебе, что ты должен спускаться, есть облака или нет облаков, что выбора у тебя просто нет. Но как нелегко зажать в кулак нервы, кричащие от ужаса перед неведомым. Даже Ник в какой-то момент потребовал, чтобы они прекратили приземление. Чтобы посадить самолет, ему требовался Брайан. И ему, и остальным. Но вот они сели, и под облаками их не ждали чудовища.

Только необъяснимая тишина и брошенные багажные тележки под брюхом «Боинга-727», принадлежащего авиакомпании «Дельта».

Так что, если желаешь стать капитаном, друг мой, вот тебе мое благословение, мысленно обратился к Нику Брайан. *Если хочешь, я даже отдам тебе фуражку. Но только за пределами самолета. А пока пассажиры не на земле, отвечаю за них я.*

Но Ник задал ему вопрос и заслуживал ответа.

— Теперь выйдем из самолета и разберемся, что к чему. — И Брайан протиснулся мимо англичанина.

Ник придержал его за плечо.

— Ты думаешь...

Внезапно Брайан разозлился и сбросил его руку.

— Я думаю, мы покинем самолет. Никто не подгонит трап и не подтянет переходной рукав, так что придется воспользоваться спасательным желобом. А потом думать будешь ты, дружище.

Он направился в салон первого класса... и едва не рухнул на пол, споткнувшись о тележку, упавшую поперек прохода. Пол устилали осколки стекла, от раз-

литого алкоголя защипало глаза. Ник догнал его у салона бизнес-класса.

— Брайан, если я чем-то обидел тебя, извини. Ты сотворил чудо.

— Ты меня не обидел. Просто за последние десять часов я пережил чуть ли не разгерметизацию над Тихим океаном, узнал о смерти моей бывшей жены, а потом еще и обнаружил, что население Соединенных Штатов перебралось то ли на другой континент, то ли на другую планету. Вот я и сорвался.

Он вошел в главный салон. Брайана встретила тишина: горстка пассажиров смотрела на него во все глаза.

Первым зааплодировал Алберт Косснер.

Мгновение спустя к нему присоединился Боб Дженкинс... Дон Гаффни... Лорел Стивенсон. Лысый мужчина огляделся и тоже принялся аплодировать.

— Что такое? — спросила Дайна. — Что случилось?

— Пришел капитан. — По лицу Лорел покатились слезы. — Капитан, который благополучно посадил самолет.

Зааплодировала и Дайна.

Брайан смотрел на них, не зная, что и сказать. Ник, стоявший позади, тоже присоединился к аплодирующим. Они расстегнули ремни, поднялись и аплодировали ему стоя. Только трое остались на своих местах: Бетани, еще не очнувшаяся; бородач, по-прежнему храпящий в заднем ряду; и Крейг Туми, который бросил на них пустой взгляд и принялся за очередную страницу.

6

Брайан почувствовал, что краснеет: к таким почестям он не привык. Поднял руки, но какое-то время все продолжали хлопать в ладоши.

— Дамы и господа, пожалуйста... пожалуйста... Уверяю вас, это была самая ординарная посадка...

— Пустяки, мэм... о чем и говорить. — Боб Дженкинс очень удачно скопировал техасский акцент Гэри Купера.

Алберт рассмеялся. Тут и Бетани открыла глаза: огляделась, не понимая, где она и что происходит.

— Мы сели живыми, не так ли? — спросила девушка. — Боже мой! Как здорово! Я думала, мы расшибемся в лепешку!

— Пожалуйста. — Брайан поднял руки повыше, чувствуя себя Ричардом Никсоном, соглашающимся с решением партии выдвинуть его кандидатом на пост президента на второй срок.

Капитану пришлось подавить распиравший его смех: пассажиры бы не поняли. Им не хватало героя, вот выбор и пал на него. Брайан мог с ними согласиться... и воспользоваться этим. Все-таки еще предстояло высадить их из самолета.

— Пожалуйста, уделите мне минуту внимания!

Аплодисменты стихли, все в ожидании смотрели на него, все, за исключением Крейга, который неожиданно отбросил журнал. Расстегнул ремень безопасности, встал, вышел в проход, расшвыривая полоски бумаги, и начал сосредоточенно рыться в багажной ячейке над сиденьем.

— Вы выглядывали в иллюминаторы, поэтому знаете то, что известно мне. Большинство пассажиров и вся команда этого самолета исчезли, пока мы спали. Это, конечно, безумие, но теперь мы столкнулись с еще более безумной ситуацией. Такое ощущение, что исчезли многие люди... но логика подсказывает: где-то люди все-таки должны остаться. Раз мы пережили то, что произошло с нами, значит, есть и другие выжившие.

Боб Дженкинс, автор детективных романов, что-то прошептал себе под нос. Алберт услышал его, но слов не разобрал. Он повернулся к Дженкинсу как раз в тот

момент, когда писатель вновь пробормотал те же два слова. Вот тут Алберт их уловил: *ложная логика.*

— Я думаю, что в сложившихся обстоятельствах решать задачи надо по мере их поступления. Задача первая — покинуть самолет.

— Я купил билет до Бостона, — неожиданно заявил Крейг Туми ровным, спокойным голосом. — И я хочу лететь в Бостон.

Ник выступил из-за плеча капитана. Крейг взглянул на англичанина, его глаза сузились. Вновь он выглядел как домашний кот со скверным характером. Ник поднял руку с двумя согнутыми и чуть разведенными пальцами. Теми самыми, что выкручивали нос Водолазки. И Крейг Туми, которому уже доводилось ждать, пока под пьяные вопли мамаши, поздравлявшей с днем рождения, догорит спичка, зажатая пальцами его ноги, сразу понял, что хотел сказать англичанин. Крейг вообще схватывал все на лету. И он мог подождать.

— Нам придется воспользоваться спасательным желобом, — продолжил Брайан, — поэтому я хочу напомнить вам, как это делается. Слушаете внимательно, а потом строитесь в колонну по одному и следуете за мной в носовую часть самолета.

7

Четыре минуты спустя люк у кабины пилотов «Боинга-767» авиакомпании «Американская гордость», следовавшего рейсом 29, откинулся. Потянуло холодным воздухом. Все разговоры стихли. Тут же что-то зашипело, и у порога расцвел необычный оранжевый цветок. Начал удлиняться и, падая вниз, принял форму желоба. Нижняя его часть легла на бетон огромным оранжевым матрацем.

Брайан и Ник стояли во главе маленькой колонны.

— С воздухом что-то не так, — заметил Ник.

— В каком смысле? — спросил Брайан и понизил голос: — Думаешь, отравлен?

— Нет... это вряд ли. Но у него нет ни вкуса, ни запаха.

— Ты чокнулся. — Голосу Брайана недоставало уверенности.

— Отнюдь. Это *аэропорт*, дружище, а не весенний луг. Но ты улавливаешь запах масла, керосина? Я — нет.

Брайан принюхался. Действительно, никаких запахов. Если воздух отравлен (он, конечно, в это не верил, но если), значит, в нем распылили какой-то медленно действующий токсин. Во всяком случае, легкие этот воздух перерабатывали. Но Ник прав. Запаха не было. Как и той составляющей, которую англичанин назвал вкусом. Воздух за пределами самолета был без запаха и не имел никакого вкуса.

— Что-то не так? — озабоченно спросила Бетани Симмс. — Я не уверена, хочу ли я это знать, но...

— Все нормально, — ответил Брайан, он сосчитал головы — десять, вновь повернулся к Нику: — Этот парень в хвосте все еще спит. Стоит его будить?

Ник на мгновение задумался, потом покачал головой:

— Пусть спит. У нас и так хватает забот. Кому охота лечить его от тяжелого похмелья?

Брайан улыбнулся. Ник озвучил его мысли.

— Действительно, никому. Ладно. Ты идешь первым, Ник. Придержи желоб снизу. Я помогу остальным.

— Может, тебе спуститься первым? На случай, если мой горластый приятель вновь начнет возражать против незапланированной остановки?

Брайан покосился на мужчину в водолазке. Тот стоял последним, с брифкейсом в руке, уставившись в потолок, напоминая манекен в магазинной витрине.

— Едва ли у меня будут с ним проблемы, потому что плевать я хотел на его выходки. Захочет он остаться или пойдет с нами, мне без разницы.

Ник улыбнулся.

— Ты прав. Начинаем великий исход. Ботинки снимаем?

Брайан кивнул.

Через несколько секунд Ник уже держал в руке пару черных туфель.

— Отлично, счастливого пути. — Брайан повернулся к Бетани: — Смотрите внимательно, мисс... вы следующая.

— Господи... как же мне этого не хочется.

Тем не менее Бетани придвинулась к Брайану вплотную и с опаской наблюдала, как Ник Хопуэлл управляется с желобом. Он прыгнул на желоб, сразу высоко вскинув ноги. Опустился на задницу и заскользил вниз. Получилось у него ловко, низ желоба даже не дернулся. Ткнулся в бетон пятками, тут же вскочил на ноги и картинно поклонился.

— Видите, как все просто! — прокричал он. — Следующий!

— Ваша очередь, мисс. — Брайан смотрел на девушку. — Бетани, не так ли?

— Да, — нервно откликнулась она. — Боюсь, я не смогу. Я три семестра прогуливала физкультуру, так что в конце концов мне разрешили сдавать вместо нее домоводство.

— Все у вас получится, — заверил ее Брайан.

Он по опыту знал, что людей гораздо проще уговорить воспользоваться спасательным желобом, когда они чего-то боятся. К примеру, видят дыру в фюзеляже или горящий двигатель.

— Обувь сняли?

Розовые кроссовки Бетани сняла, но все равно пятилась от оранжевого желоба.

— Может, если бы я чего-нибудь выпила для храб-

— Мистер Хопуэлл придерживает желоб внизу, так что беспокоиться не о чем, — настаивал Брайан, почувствовавший, что придется силком усаживать Бетани на желоб.

Ему не хотелось этого делать, но если она будет и дальше упираться... Нельзя разрешать пассажирам отходить от желоба и дожидаться, пока к ним вернется храбрость. Так каждый будет уступать свою очередь стоящему следом.

— Давай, Бетани, — неожиданно поддержал его Алберт. — Я до смерти боюсь спускаться, но, если спустишься ты, мне не останется ничего другого, как последовать за тобой.

Бетани удивленно воззрилась на него.

— Почему?

Алберт густо покраснел и еще крепче прижал к груди свою скрипку.

— Потому что ты — девушка, — честно ответил он. — Можешь считать меня мужским шовинистом, но причина именно в этом.

Бетани какое-то мгновение смотрела на него, потом рассмеялась и повернулась к желобу. Брайан решил подтолкнуть ее, если она вновь даст задний ход, но она воскликнула:

— Господи, как мне не хватает «травки»! — И прыгнула.

Бетани видела, как это проделал Ник, и хотела повторить его маневр, но в последний момент храбрость покинула девушку, и она попыталась подобрать ноги под себя. В результате опустилась не на середину желоба, а на его боковую поверхность. Брайан уже подумал, что сейчас она вывалится из желоба, но Бетани заметила опасность и сумела откатиться. Вниз она сползла на правом боку, с одной рукой, заброшенной за голову. Блузка задралась до самой шеи. Ник поймал ее и поставил на ноги.

— Однако, — выдохнула она. — Совсем как в детстве.

— Все в порядке? — спросил Ник.

— Да. Думаю, я немножко подпустила в трусики, а так все в порядке.

Ник улыбнулся девушке и снова повернулся к желобу.

Алберт с виноватой улыбкой протянул Брайану футляр со скрипкой.

— Вас не затруднит подержать ее? Я боюсь, что она разобьется, если я вывалюсь из желоба. Родители меня убьют. Это Гретч*.

Брайан взял скрипку. Лицо его оставалось серьезным, но в душе он улыбался.

— Можно взглянуть? Тысячу лет назад я играл на такой.

— Пожалуйста, — кивнул Алберт.

Интерес Брайана к скрипке успокоил юношу, на что капитан и надеялся. Он открыл три защелки, откинул крышку. Действительно, Гретч, хотя и не из первых. Брайан знал, что такой инструмент стоил никак не меньше легкового автомобиля.

— Прелесть. — Он взял четыре ноты, в воздухе поплыл мелодичный звук; Брайан вернул скрипку на место, закрепил крышку защелками. — Сохраню в целости. Обещаю.

— Благодарю. — Алберт шагнул к проему, глубоко вдохнул, выдохнул.

— Джеронимо! — вырвалось у него, и, спрятав кисти под мышки, он прыгнул на желоб: не зря родители учили его, что при любых обстоятельствах Алберт прежде всего должен беречь руки; плюхнулся на заднищу и заскользил вниз.

— Отлично! — прокомментировал его успехи Ник.

— Ерунда, — ответил Туз Косснер, поднялся и едва не упал, запутавшись в собственных ногах.

— Алберт! — крикнул ему Брайан. — Лови!

---

* Известный скрипичный мастер.

Он положил футляр на середину желоба, и Алберт без труда поймал инструмент в пяти футах от свободного торца спуска.

Дженкинс перед прыжком закрыл глаза и покатил вниз на одной ягодице. Ник зашел с левой стороны желоба и поймал писателя, который по инерции чуть не выскочил на бетон.

— Благодарю вас, молодой человек.

— Пустяки, приятель.

Гаффни последовал за писателем, потом лысый мужчина. Наконец в проеме появились Лорел и Дайна Беллман.

— Я боюсь, — прошептала Дайна.

— Все будет хорошо, дорогая, — успокоил ее Брайан. — Тебе даже не придется прыгать. — Он положил руки Дайне на плечи и повернул ее так, чтобы она встала лицом к нему и спиной к желобу. — Дай мне твои руки, и я положу тебя на желоб.

Но Дайна убрала руки за спину:

— Не вы. Я хочу, чтобы это сделала Лорел.

Брайан повернулся к черноволосой женщине:

— Сможете?

— Да. Если вы скажете, что надо делать.

— Дайна уже все знает. Опустите ее на желоб за руки. Когда она уляжется на попку ногами вперед, отпускайте. Она спокойно доедет до самого низа.

Руки Дайны были холодны как лед.

— Я боюсь, — вновь прошептала она.

— Дорогая, это все равно что горка на детской площадке, — попытался подбодрить ее Брайан. — Мужчина с английским акцентом ждет внизу, чтобы поймать тебя. Он уже наготове.

Дайна повернулась к нему, словно капитан сморозил какую-то глупость.

— Я не о спуске. Я боюсь этого места. Оно как-то странно пахнет.

Лорел, нос которой забивал только запах собственного пота, беспомощно посмотрела на Брайана.

— Дорогая! — Брайан опустился на колено рядом с девочкой. — Мы должны покинуть самолет. Ты это знаешь, не так ли?

Темные очки смотрели прямо на него.

— Почему? Почему мы должны покидать самолет? Тут же никого нет.

Брайан и Лорел переглянулись.

— Ну, мы этого не узнаем, пока не проверим, не так ли?

— Я уже знаю. Тут нет ни запахов, ни звуков. Но... но...

— Что — но, Дайна? — спросила Лорел.

Дайна замялась. Девочка хотела, чтобы взрослые поняли: ее тревожит не спуск по желобу. Она уже каталась на горках, и она доверяла Лорел. Лорел не отпустит ее руки, если Дайне будет грозить какая-либо опасность. Что-то было не так с окружающим миром, именно его она и боялась. И речь шла не о тишине или пустоте. Этим дело не ограничивалось.

Не стоило входить в этот мир, ох не стоило.

Но взрослые не верили детям, особенно слепым детям, тем более слепым девочкам. Она хотела сказать им, что оставаться здесь нельзя, что они должны немедленно вернуться в самолет и улететь.

Но что они ответят? Да, конечно, как скажешь, Дайна, ведь все возвращаются? Как бы не так. Они увидят, думала маленькая слепая девочка. *Они увидят, что тут никого нет, и вернутся в самолет, чтобы улететь в другое место. Туда, где нет предчувствия беды. Время еще есть.*

Так по крайней мере ей казалось.

— Не важно. — В голосе Дайны слышалось смирение. — Положите меня в желоб.

Лорел осторожно опустила ее на оранжевую резину. Мгновение спустя Дайна посмотрела на нее (а Лорел подумала, что посмотреть девочка никак не может, просто повернулась к ней лицом).

— Все в порядке, Дайна? — спросила Лорел.

— Нет. Ничего не в порядке. — И прежде чем Лорел отпустила девочку, она сама разжала пальчики и заскользила вниз, где ее поймал Ник.

Лорел последовала за Дайной, прыгнув в желоб. Ей даже удалось оправить юбку, когда до конца оставалось совсем немного. В самолете остались Брайан, храпящий пьяница да крикливый специалист по разрыванию журналов, мистер Водолазка.

Брайан еще сказал, что проблем с Водолазкой у него не будет, потому что ему без разницы, спустится тот вниз или останется в самолете. Теперь он понял, что заблуждался. Этот мужчина держал камень за пазухой. Брайан подозревал, что даже маленькая девочка это знала, несмотря на слепоту. Вдруг он взбесится, если его оставить в самолете? Вдруг, взбесившись, решит разнести кабину пилотов?

Ну и что? спросил Брайана внутренний голос. *Все равно ты никуда не полетишь. Баки почти пусты.*

Однако мысль эта капитану не понравилась, и не только потому, что «767» стоил миллионы долларов. Скорее, ему передались ощущения Дайны, когда та стояла перед желобом. Что-то тут не так, а дальше могло стать еще хуже, хотя хуже, кажется, не бывает. Самолет, однако, был в полном порядке. Даже с пустыми баками самолет оставался частичкой того мира, который он знал и понимал.

— Ваша очередь, приятель, — обратился Брайан к мужчине в водолазке.

— Вы знаете, что я подам иск, не так ли? — вкрадчиво спросил Крейг Туми. — Вы знаете, что я намерен обратиться в суд и потребовать компенсацию в тридцать миллионов долларов? А ответственность ваша авиакомпания разделит с вами.

— Это ваше право, мистер...

— Туми. Крейг Туми.

— Мистер Туми. — Брайан запнулся. — Мистер Туми, вы понимаете, что с нами случилось?

Крейг выглянул в открытый люк, посмотрел на пустое летное поле, чуть затемненные окна второго этажа здания аэровокзала, где обычно друзья и родственники встречали прибывающих пассажиров, а отбывающие ожидали своего рейса.

Разумеется, он знал: лангольеры. Лангольеры пришли за глупыми и ленивыми, как и обещал его отец.

Но заговорил Крейг тем же вкрадчивым голосом о другом:

— В отделении государственных облигаций банковской корпорации «Солнце пустыни» меня называли Ломовой Лошадью. Вам это известно? — Он помолчал, вероятно, ожидая ответа Брайана, но поскольку Брайан не произнес ни слова, Крейг продолжил: — Разумеется, нет. Не знаете вы и о том, сколь важна эта конференция в Пруденшл-центре. И знать не хотите. Но вот что я вам скажу, капитан: экономическая судьба многих государств зависит от исхода этой конференции, на открытие которой я благодаря вам и вашей авиакомпании не попал.

— Мистер Туми, все это очень интересно, но, боюсь, у меня нет времени...

— Времени! — внезапно вскричал Туми. — Да что вы, черт побери, знаете о времени? Спросите меня! Спросите! Я о времени кое-что знаю. Да я знаю о времени все! *Время на исходе, сэр! Его осталось чертовски мало!*

«Похоже, мне придется вышвыривать из самолета этого сукина сына», — подумал Брайан, но, прежде чем он перешел от слов к делу, Крейг повернулся и прыгнул на желоб. Съехал по нему, прижимая к груди брифкейс, напомнив Брайану старый рекламный ролик агентства по прокату автомобилей «Хертц», в котором О. Дж. Симпсон летал из аэропорта в аэропорт в костюме и галстуке.

— *Времени чертовски мало!* — прокричал Крейг, скользя вниз с прижатым к груди брифкейсом; штанины его брюк поползли вверх, открыв высокие, почти до колен, черные нейлоновые носки.

— Господи, ну и псих! — пробормотал Брайан, еще раз оглядел уютный салон самолета, шагнул к желобу... и прыгнул.

8

Десять человек, разбившись на две группы, стояли под гигантским крылом «767», на носовой части которого распластался красно-синий орел. Брайан, Ник, лысый мужчина, Бетани Симмс, Алберт Косснер, Роберт Дженкинс, Дайна, Лорел и Дон Гаффни стояли чуть ли не прижавшись друг к другу. И только Крейг Туми, известный также как Ломовая Лошадь и Водолазка, стоял в одиночестве.

Крейг наклонился и левой рукой поправил стрелки на брюках. В правой у него был брифкейс. Туми Крейг выпрямился и безразличным взглядом окинул летное поле.

— Что теперь, капитан? — спросил Ник.

— Вот ты мне и скажешь. Точнее, нам.

Ник коротко посмотрел на него, его брови чуть приподнялись, как бы спрашивая Брайана, не шутка ли это. Брайан чуть заметно кивнул. Другого подтверждения Нику и не требовалось.

— Первым делом нам надо попасть в здание. Какой путь самый быстрый? Есть идеи?

— Думаю, раз уж мы не можем воспользоваться переходным рукавом, проще всего попасть в здание по транспортеру для багажа. — И Брайан указал на багажные тележки, стоящие под козырьком у самой стены.

— Отлично, — согласился Ник. — Дамы и господа, попрошу следовать за мной.

До транспортера они добрались быстро, но Лорел, которая шла, крепко держа Дайну за руку, показалось, что это самая странная прогулка в ее жизни. Она словно видела всех с большой высоты: десять точек, направляющихся к зданию аэровокзала. Ни дуновения

ветерка. Ни пения птиц. Ни рева моторов. Ни человеческих голосов. Ничто не нарушало эту неестественную тишину. Даже собственные шаги звучали как-то странно. Ее высокие каблучки не цокали по бетону, казалось, при каждом шаге она слышала глухой стук.

Казалось, думала Лорел. Вот оно, *ключевое слово*. В ситуацию она попала *странную, вот все вокруг и кажется странным*. В конце концов, это же бетон. На бетоне высокие каблуки звучат не так, как на мраморе.

Но ей и раньше приходилось ходить на высоких каблуках по бетону. А вот такого звука, каким сопровождались ее шаги сейчас, она не помнила. Он стал... глуше. Слабее.

Они подошли к багажным тележкам. Ник проскользнул между ними, показывая путь, и остановился у застывшего транспортера, который торчал из дыры, прикрытой листами резины. Транспортер образовывал широкий полукруг, на который носильщики ставили багаж, и нырял во вторую дыру, также прикрытую резиной.

— Зачем эти куски резины? — нервно спросила Бетани.

— Наверное, чтобы зимой не напустить в здание холод, — ответил Ник. — Дайте-ка мне посмотреть, что там внутри. Не волнуйтесь, я на секунду. — И прежде чем кто-либо успел открыть рот, он прыгнул на транспортер, присел на корточки у одной из дыр. Потом встал на колени и нырнул под резину.

«Сейчас мы услышим свист, потом удар, — подумал Алберт, — а вытащим мы его без головы».

Но ни свиста, ни удара они не услышали. А когда Ник вылез из-под листов резины, голова прочно сидела у него на плечах. Правда, на лице отражалась задумчивость.

— Горизонт чист! — объявил он, но его веселость показалась Алберту наигранной. — Вперед, друзья! Когда тело встречается с телом, и так далее.

Бетани отпрянула.

— Какие тела? Мистер, там мертвецы?

— Я их не видел, мисс. — От легкости тона не осталось и следа. — Перефразировал старую песню Бобби Бурнса, ничего больше. Боюсь, попытка повеселить вас не удалась. Никого я там не увидел. Но ведь мы этого и ожидали, не так ли?

Ожидали... в надежде ошибиться. По тону Ника чувствовалось, что и он в глубине души не верил, что аэропорт окажется совершенно пуст.

Один за другим они залезали на транспортер и подползали под листы резины.

Дайна замялась перед самой дырой, повернулась к Лорел. От ее черных очков отражались световые блики.

— Нехорошее тут место, — сказала девочка и поползла дальше.

9

Пассажиры рейса 29 поднялись в зал выдачи багажа Международного аэропорта Бангора. Это был самый оригинальный багаж, который когда-либо поднимался этим путем. Алберт помог Дайне слезть с транспортера. Они снова стояли все рядом, молчаливо оглядываясь.

Сначала они проснулись в самолете, из которого таинственным образом исчезли чуть ли не все пассажиры. Теперь попали в абсолютно пустой аэропорт. Пустовали пункты проката автомобилей. Не горели мониторы, на которых обычно высвечивалась информация о прибытии и отлете самолетов. Никто не стоял у стоек «Дельты», «Юнайтед», «Нортуэст эйр-линк», «Мид-кост эйруэйз». Гигантский, наполненный водой аквариум с надписью «ПОКУПАЙТЕ ЛОБСТЕРЫ МЭНА» по-прежнему стоял в центре зала, но ни одного лобстера в аквариуме не наблюдалось. Флюоресцентные

лампы под потолком не горели, свет проникал только через двери в дальнем конце зала получения багажа. Десять пассажиров жались друг к другу, пугливо косясь на тени.

— Попробуем позвонить, — решил Ник.

Он зашагал к телефонам, а Алберт подошел к одному из пунктов проката автомобилей. В ячейках на задней стенке обнаружил конверты с напечатанными на них фамилиями БРИГГС, ХЭНДЛФОРД, МАРЧАНТ, ФЕНУИК, ПЕСТЛМАН. В каждом, несомненно, лежал договор об аренде автомобиля вместе с картой центральной части Мэна, а на карте имелась стрелка с надписью «ВЫ ЗДЕСЬ», острием утыкающаяся в город Бангор.

«Но где мы на самом деле? — спросил себя Алберт. — И где эти Бриггс, Хэндлфорд, Марчант, Фенуик и Пестлман? Они перенеслись в другое измерение? Может, все дело в «Грейтфул дэд»? Может, «Грейтфул дэд» выступают в Бангоре, вот все и подались на концерт?»

За его спиной что-то скрипнуло. Алберт чуть не выпрыгнул из штанов, резко обернулся, закрывшись футляром со скрипкой как щитом. В двух шагах от него Бетани подносила спичку к сигарете.

Ее брови взлетели вверх.

— Испугала тебя?

— Немного. — Алберт опустил футляр и попытался улыбнуться.

— Извини. — Она затушила спичку, бросила ее на пол, глубоко затянулась. — Уф! Так-то лучше. В самолете я курить не решалась. Боялась, как бы что не взорвалось.

К ним подошел Боб Дженкинс.

— Знаете, я бросил курить лет десять тому назад.

— Пожалуйста, только никаких лекций о вреде курения, — взмолилась Бетани. — И без того такое ощущение, если, конечно, мы выберемся отсюда, что меня ждет целый месяц лекций, с утра и до вечера.

Дженкинс не полюбопытствовал, что, собственно, она имела в виду.

— Я, между прочим, хотел попросить у вас сигаретку. Мне представляется, что сейчас самое время вспомнить о давних привычках.

Бетани улыбнулась и предложила ему «Мальборо». Дженкинс взял сигарету, прикурил от сигареты Бетани. Вдохнул и тут же закашлялся.

— Вы действительно давно не курили, — отметила Бетани.

— Зато быстро привыкну. По-другому не бывает. Вы не обратили внимания на время?

— Нет, — ответил Алберт.

Дженкинс указал на круглые часы над дверями мужского и женского туалетов. Они показывали 4.07.

— Все сходится. Мы знаем, что уже какое-то время летели, когда произошло... назовем случившееся Событием, пока нет другого названия. Четыре часа семь минут утра на Восточном побережье соответствует часу и семи минутам в Лос-Анджелесе. Так что теперь мы знаем точное время События.

— Как здорово! — воскликнула Бетани.

— Да, конечно. — Дженкинс предпочел не заметить в ее голосе сарказма. — Но со временем что-то не так. Жаль, что мы не видим солнца.

— А зачем оно вам? — спросил Алберт.

— От часов, во всяком случае электрических, проку нам никакого. Потому что нет тока. А вот если бы вышло солнце, мы смогли бы по длине и направлению теней хотя бы приблизительно определить, который час. На моих часах четверть девятого, но я им не верю. Мне кажется, они сильно отстают. Доказательств у меня нет, объяснить это я не могу, но чувствую, что отстают.

Алберт обдумал его слова. Огляделся. Посмотрел на Дженкинса.

— Знаете, вы правы. И мне кажется, что *уже* время ленча. Или это глупость?

— Не глупость, — ответила Бетани, — а простое нарушение суточного ритма организма в связи с перелетом через несколько часовых поясов.

— Я не согласен, — покачал головой Дженкинс. — Мы летели с запада на восток, юная дама. Поэтому у нас должно складываться впечатление, что сейчас *раньше*, чем на самом деле.

— Я хочу спросить вас насчет одной фразы, которую вы произнесли в самолете, — сменил тему Алберт. — Когда капитан сказал нам, что здесь должны быть другие люди, вы пробормотали «ложная логика». Причем дважды. Но мне кажется, что он прав. Мы спали, и теперь мы *здесь*. Случилось это, — Алберт взглянул на часы, — в семь минут пятого по бангорскому времени, когда практически все должны были спать.

— Да, — кивнул Дженкинс. — И где же они?

Вопрос поставил Алберта в тупик.

— Ну...

С глухим стуком Ник насадил трубку последнего телефона на рычаг. Автоматы выстроились длинным рядом: он перепробовал все.

— Тишина и покой. Ни один не работает. Ни платные, ни бесплатные, прямого вызова. Ты можешь добавить незвонящие телефоны к нелающим собакам, Брайан.

— Так что же нам теперь делать? — спросила Лорел.

Звук ее голоса словно заглох в вате, отчего девушка почувствовала себя маленькой и слабой. Рядом с ней Дайна медленно поворачивалась вокруг оси. Словно антенна радиолокатора.

— Пойдем наверх, — предложил Лысый. — Там должен быть ресторан.

Они все посмотрели на него. Гаффни фыркнул:

— Да у вас только одно на уме, мистер.

Лысый насупился.

— Во-первых, меня зовут не мистер, а Руди Уэрвик. А во-вторых, на полный желудок лучше думается. — Он пожал плечами. — Закон природы.

— Я думаю, мистер Уэрвик прав, — поддержал его Дженкинс. — Нам всем надо поесть... И потом, наверху нам, возможно, удастся получить новую информацию, которая поможет понять, что же произошло. Я уверен, что удастся.

Ник вздохнул. На него словно навалилась безмерная усталость.

— Почему нет? Я уже превращаюсь в мистера Робинзона Крузо.

Они двинулись к эскалатору, естественно, замершему. Алберт, Бетани и Боб Дженкинс держались в арьергарде.

— Вы что-то знаете, не так ли? — неожиданно спросил Алберт. — Что именно?

— Возможно, я что-то и знаю, — поправил его Дженкинс. — А возможно, и нет. Поэтому пока моими предположениями делиться не буду... но хочу дать один совет.

— Какой?

— Не тебе, а юной даме. — Он повернулся к Бетани. — Поберегите спички. Вот мой совет.

— Что? — вытаращилась на него Бетани.

— Вы меня слышали.

— Да, слышала, но не понимаю, что это значит. Наверху наверняка есть киоск с газетами, мистер Дженкинс. И спичек там полно. Равно как сигарет и одноразовых зажигалок.

— Согласен. И все-таки советую вам поберечь спички.

«Опять он изображает Фило Кристи или как он там его называл», — подумал Алберт и уже собрался попросить Дженкинса помнить о том, что они не герои очередного его романа, когда Брайан вдруг резко остановился у самого эскалатора. Так резко, что Лорел при-

шлось дернуть Дайну за руку, иначе слепая девочка врезалась бы в капитана.

— Поосторожнее! — вырвалось у нее. — На случай, если вы не заметили, что девочка слепа.

Брайан пропустил ее слова мимо ушей. Он смотрел на маленькую группу.

— Где мистер Туми?

— Кто? — переспросил лысый мужчина... Уэрвик.

— Тот парень, что рвался в Бостон.

— Какая разница? — спросил Гаффни. — Баба с воза — кобыле легче.

Но Брайан придерживался иного мнения. Его тревожило отсутствие Туми. Он не мог объяснить почему, но ему это очень не нравилось. Он взглянул на Ника. Тот пожал плечами.

— Я не видел, как он уходил, дружище. Возился с телефонами. Извини.

— Туми! — прокричал Брайан. — Крейг Туми! Где вы?

Ответа не было. Их обволакивала странная, давящая тишина. И Лорел заметила нечто такое, от чего у нее похолодело внутри. Перед тем как закричать, Брайан рупором приложил руки ко рту. В зале с высоким потолком такой крик должен был вызвать эхо.

Не вызвал.

10

Пока остальные толклись внизу, два подростка и старикан стояли у пункта проката автомобилей, остальные наблюдали, как английский головорез копошится у телефонов, Крейг Туми тихонько, как мышка, поднялся по эскалатору. Он знал, что ему нужно и где надо искать.

Быстрым шагом с брифкейсом, болтающимся в руке у правого колена, прошел через зал ожидания, не обращая внимания на пустые кресла и пустой бар «Красный

барон». В дальнем конце над широким темным коридором висела таблица-указатель:

ГАЛЕРЕЯ 5: МЕЖДУНАРОДНЫЕ РЕЙСЫ
МАГАЗИНЫ БЕСПОШЛИННОЙ ТОРГОВЛИ
ТАМОЖЕННАЯ СЛУЖБА США
СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ АЭРОПОРТА

Уже у самого коридора он посмотрел в широкое, выходящее на летное поле окно... и сбился с шага. Медленно направился к окну.

Туми не увидел ничего, кроме уходящего вдаль бетона под затянувшими небо неподвижными облаками. Но глаза его тем не менее широко открылись, а в душе начал подниматься страх.

Они идут, послышался в голове мертвый голос. Голос отца, а говорил он из маленького мавзолея, задвинутого в дальний уголок сердца Крейга Туми.

— *Нет*, — прошептал он, и от этого слова на стекле образовалось пятнышко тумана. — Никто не идет.

Ты вел себя плохо. Хуже того, ты лгнлся.

— Нет!

Да. Тебе назначили встречу, а ты ее проигнорировал. Убежал. И куда? В Бангор, штат Мэн. Как такое могло прийти тебе в голову?

— Не моя вина, — прошептал Крейг Туми, сжимая ручку брифкейса так, что побелели костяшки пальцев. — Меня увезли против моей воли. Я... меня принудили.

Ответа не последовало. Но он чувствовал неодобрение отца. И вновь Крейг ощутил, как давят на него призраки. Внутренний голос мог не говорить, что оправдания не принимаются. Крейг и так это знал. Знал с самого детства.

ОНИ здесь были... и они вернутся. Ты в курсе, не так ли?

Он в курсе. Лангольеры вернутся. Вернутся *за ним*. Он чувствовал их далекое присутствие. Он никогда их

не видел, но знал, какие они ужасные. Только он? Пожалуй, что нет.

Крейг подумал, что и маленькая слепая девочка что-то знает о лангольерах.

Но это не имело ни малейшего значения. Его задача — вернуться в Бостон... вернуться в Бостон до того, как лангольеры вновь прибудут в Бангор с одной только целью: съесть его живьем. Он должен успеть на конференцию в Пру, должен показать им, чего он достиг, а потом будет...

Свободен.

Он будет свободен.

Крейг оторвался от окна, от пустоты и застылости, и нырнул в темный коридор. Прошел мимо обезлюдевших магазинов, даже не удостоив их взглядом. А за ними нашел дверь, которую искал. С маленькой табличкой над глазком СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ АЭРОПОРТА.

Он должен попасть туда. Так или иначе, но должен.

«Все это, — думал он, — это безумие... оно не должно сидеть во мне. Сколько можно держать его в себе? Хватит!»

Крейг коснулся ручки двери. Пустота в его взгляде сменилась решимостью и целеустремленностью.

«Слишком долго на меня давили, — думал он. — Слишком долго. С семи лет? Нет... все началось еще раньше. На меня давили с той поры, как я себя помню. И эта история — все тот же нажим, только в новой форме. Возможно, мужчина в потертом пиджаке спортивного покроя не ошибся, сказав, что это эксперимент, что агенты какого-то секретного федерального учреждения или иностранной разведки проводят опыт. Но я больше не хочу участвовать в чьих-либо экспериментах. Мне без разницы, кто руководит всем этим — мои отец или мать, декан школы менеджмента или совет директоров банковской корпорации «Солнце пустыни». Я принимаю решение не участвовать в эксперименте. Я принимаю решение выйти из

 игры. Я принимаю решение добраться до Бостона и закончить то, что начал, предложив купить аргентинские государственные облигации. Если я...»

Но он и так знал, что произойдет, если он этого не сделает.

Он просто сойдет с ума.

Крейг взялся за ручку. Она не поворачивалась. Однако стоило нажать на нее, и дверь распахнулась. То ли ее не закрыли на задвижку, то ли замок автоматически открылся после отключения электричества. Крейга это не волновало. Главное в том, что он мог войти в дверь, а не пробираться через вентиляционную шахту. Он намеревался еще до вечера попасть на конференцию и не хотел появляться там в грязной одежде. Одна из усвоенных им жизненных аксиом гласила: к людям в несвежей одежде относятся недоверчиво.

Крейг решительно переступил порог.

11

Брайан и Ник поднялись по эскалатору первыми, скоро к ним подтянулись и остальные. Они попали в главный зал ожидания МАБа, большое квадратное помещение с креслами и установленными на подлокотниках телевизорами. Одну стену занимали тонированные окна, из которых открывался вид на летное поле. Слева находился газетный киоск и контрольно-пропускной пункт первой галереи. Правее и на другой стороне зала ожидания — бар «Красный барон» и ресторан «Девятое облако». За рестораном начинался коридор, который вел к штаб-квартире службы безопасности аэропорта и галерее, обслуживающей прибывающие международные рейсы.

— Пойдем... — начал Ник, но Дайна остановила его:

— Подождите.

Решительный тон девочки заставил всех повернуться к ней.

Дайна отпустила Лорел, подняла руки, приставила их к ушам, словно локаторы, и замерла, прислушиваясь к только ей ведомым звукам.

— Что... — начал Брайан, но Дайна тут же осекла его:

— Ш-ш-ш-ш...

Она чуть повернулась влево, постояла, повернулась в другую сторону, встала лицом к окнам. В падающем сквозь них свете ее и без того бледное лицо побелело еще сильнее. Она сняла черные очки. И все увидели ее широко раскрытые карие глаза, совсем не пустые.

— Вот, — мечтательно произнесла Дайна, и Лорел почувствовала, как ужас ледяными пальцами сжимает сердце.

Не она одна. Бетани прижалась к ней с одной стороны, Дон Гаффни — с другой.

— Вот... я чувствую этот свет. Поэтому врачи и решили, что мне можно вернуть зрение. Я чувствую свет. Он — словно тепло внутри головы.

— Дайна, что... — вновь подал голос Брайан.

Ник локтем толкнул его в бок. Англичанин не отрываясь смотрел на Дайну. Брови сошлись у него на переносице.

— Тихо, приятель.

— Свет... там.

Она медленно пошла к окнам, руки ее оставались за ушами, локти она выставила чуть вперед, чтобы не наткнуться на что-нибудь. Меньше чем в двух футах от окна она остановилась. Медленно потянулась вперед руками, пока ее пальцы не коснулись стекла. Выглядела она как черная морская звезда на фоне белого неба.

— И стекло не такое, каким должно быть. — Все тот же мечтательный тон.

— Дайна... — не выдержала Лорел.

— Ш-ш-ш... — не поворачиваясь, прошептала Дайна; она стояла у окна, словно маленькая девочка, ожидающая, когда же отец вернется с работы. — Я что-то слышу.

Эти произнесенные шепотом слова вызвали безотчетный ужас в душе Алберта Косснера. У него заболели плечи. Он опустил голову и увидел, что стоит, крепко обхватив себя руками.

Брайан прислушался. Услышал собственное дыхание, дыхание остальных... но ничего больше.

«Это ее воображение, — подумал он. — Только воображение».

— Что? — спросила Лорел. — Что ты слышишь?

— Не знаю. — Дайна все не поворачивалась. — Звук очень слабый. Я слышала его, когда мы вышли из самолета, но решила, что это мое воображение. Теперь я слышу его лучше, даже сквозь стекло. Звук этот... примерно такой же раздается, когда высыпаешь рисовые хлопья в молоко.

Брайан повернулся к Нику и прошептал:

— Ты что-нибудь слышишь?

— Ни черта, — тоже шепотом ответил Ник. — Но она слепая. Слух у нее намного острее нашего.

— Я думаю, это истерия. — Теперь Брайан уже шептал, наклонившись к самому уху Ника.

Дайна повернулась к ним.

— «Ты что-нибудь слышишь? Ни черта. Но она слепая. Слух у нее намного острее нашего». — Пауза. — «Я думаю, это истерия».

— Дайна, что ты такое говоришь? — испуганно спросила Лорел, не слышавшая, как шептались Брайан и Ник, хотя стояла к ним гораздо ближе.

— Спросите их. — Голос Дайны дрожал. — Я не сумасшедшая! Слепая, но не сумасшедшая!

— Конечно, — кивнул Брайан. — Конечно, не сумасшедшая, Дайна. — Он обратился к Лорел: — Я разговаривал с Ником. Она нас услышала. Услышала, стоя у окна.

— У тебя отличный слух, детка, — вставила Бетани.

— Я слышу то, что слышу. И я слышу какие-то звуки. Оттуда. — Она указала на восток и обвела всех невидящими глазами. — Это плохой звук. Ужасный звук, жуткий.

— Если вы знаете, что это за звук, маленькая мисс, может, это нам чем-то поможет.

— Я не знаю. Но звук этот приближается. — Дрожащей рукой она надела очки. — Мы должны убраться отсюда. И побыстрее. Потому что надвигается зло. Зло, издающее потрескивающие звуки.

— Дайна, в самолете, на котором мы прилетели, практически не осталось топлива, — напомнил Брайан.

— Значит, вы должны залить в него топливо! — пронзительно закричала Дайна. — Надвигается беда, вы это понимаете? Надвигается, и, если мы не улетим до того, как она настигнет нас, мы все умрем! Мы все умрем!

Голос ее сломался, она зарыдала. Не сивилла, не пророчица, а маленькая девочка, вынужденная жить в кромешной тьме. Дайна поплелась к ним, уверенности в себе как не бывало. Лорел успела подхватить ее, прежде чем девочка наткнулась на одну из веревок, огораживающих зону контрольно-пропускного пункта, и прижала к себе. Лорел попыталась успокоить девочку, но в ушах по-прежнему звенели ее слова: «Если мы не улетим до того, как она настигнет нас, мы все умрем!»

Мы все умрем!

12

Крейг Туми услышал, как заверещала эта девчонка, но не стал прислушиваться к ее воплям. Он нашел то, что искал, в третьем из открытых им шкафчиков.

На дверце значилось: МЭРКИ. На верхней полке лежал ленч мистера Мэрки: сандвич, аккуратно завернутый в плотную бумагу. На нижней стояли уличные туфли мистера Мэрки. Между ними на крючке висели белая рубашка и пояс с кобурой. Из кобуры торчала рукоятка служебного револьвера мистера Мэрки.

Он расстегнул кобуру, достал револьвер. В оружии Крейг ничего не понимал и не мог сказать, какого револьвер калибра, тридцать второго, тридцать восьмого или сорок пятого, но ума разобраться с устройством револьвера ему хватило, так что несколько секунд спустя он смог откинуть барабан. Убедился, что во все шесть гнезд вставлены патроны, услышал щелчок, подтверждающий, что барабан встал куда надо, затем обследовал курок и обе стороны рукоятки. Искал он рычажок предохранителя, но его, похоже, не было. Крейг положил палец на спусковой крючок, осторожно нажимал до тех пор, пока не увидел, как двинулись курок и барабан, и, удовлетворенно кивнув, снял палец.

Повернулся к двери и внезапно осознал, как же он одинок в своей взрослой жизни. Револьвер словно прибавил в весе, потянув руку вниз. Теперь Крейг стоял, ссутулившись, с брифкейсом в правой руке и служебным револьвером исчезнувшего охранника в левой. А на лице его застыла безмерная тоска. Он вспомнил сцену из детства, сцену, о которой и думать забыл: двенадцатилетний Крейг Туми лежит на кровати в своей комнате, заливаясь горючими слезами. В другой комнате громко играет стереопроигрыватель и его мать пьяным голосом поет вместе с Меррили Раш: «Назови меня... *утренним ангелом*, крош-шка... прикоснись к моей щеке... прежде чем покинешь меня, крош-шка...»

Он лежал на кровати. Дрожал. Плакал. Беззвучно. И думал: «Почему ты не можешь любить меня

и оставить меня в покое, мама? Почему ты не можешь любить меня и оставить в покое?»

— Я никому не хочу причинять вред, — сквозь слезы пробормотал Крейг Туми. — Не хочу, но это... непереносимо.

У другой стены выстроились телемониторы, все погасшие. Он уставился на них, и в это мгновение ему едва не открылась истина, оставалось совсем немного, чтобы понять, что произошло, что происходит. Сквозь сложную систему психологических блоков правда почти прорвалась в бомбоубежище, в котором он прожил всю жизнь.

Весь мир ушел, Крейги-Вейги, твердила ему мать. *Весь мир ушел, кроме тебя и людей, оставшихся на этом самолете.*

— Нет, — простонал Крейг и упал на один из стульев у стола в центре комнаты. — Нет, это не так. Быть такого не может! Я отвергаю эту идею. Полностью отвергаю.

Лангольеры были здесь, и они вернутся. Как всегда, голос отца заглушил голос матери. *Тебе бы лучше смотаться отсюда до их прибытия... ты же знаешь, что за этим последует.*

Он знал, естественно. Они съедят Крейга Туми. Лангольеры сожрут его заживо.

— Но я не хочу причинить кому-то вред, — отстраненно повторил он.

На столе лежал бланк с графиком дежурств. Крейг поставил брифкейс на пол, положил револьвер на стол. Взял бланк, с минуту изучал его невидящим взглядом и... начал отрывать полосу с левой стороны.

Ри-и-ип.

Скоро он уже был загипнотизирован растущей на столе стопкой узких полосок бумаги. Но и тогда голос отца продолжал звучать в голове Крейга: *Ты же знаешь, что за этим последует.*

Глава 5

Коробка бумажных спичек. Приключения сандвича с салями. Еще один пример использования дедуктивного метода. Аризонский Еврей играет на скрипке. Единственный звук в городе

1

Мертвую тишину, повисшую в зале ожидания после предупреждения Дайны, нарушил Роберт Дженкинс.

— У нас, конечно, есть проблемы, — заговорил он голосом опытного лектора. — Если Дайна что-то слышит, а учитывая продемонстрированные ею незаурядные способности, я склонен думать, что так оно и есть, неплохо бы знать, какая беда надвигается на нас. Мы не знаем. Это одна проблема. Недостаток топлива в самолете — другая проблема.

— Тут стоит «727», — напомнил Ник. — Подогнанный к посадочному тоннелю. Ты сможешь лететь на нем, Брайан?

— Да.

Ник посмотрел на Боба, как бы говоря: вот видите, один узел мы уже развязали.

— Предположим, что мы сможем взлететь. И куда мы отправимся? — продолжил Боб Дженкинс. — Третья проблема.

— Подальше отсюда, — без запинки ответила Дайна. — Подальше от этого звука. Мы должны держаться подальше от этого звука, от его источника.

— И сколько времени в нашем распоряжении? — мягко спросил ее Боб. — Когда это неведомое доберется сюда, Дайна? Можешь сказать хотя бы приблизительно?

— Нет, — ответила она, прильнув к Лорел. — Я думаю, оно еще далеко. Я думаю, у нас еще есть время. Но...

— Тогда почему бы нам не последовать предложению мистера Уэрвика? — спросил Боб. — Давайте перейдем в ресторан, перекусим и обсудим, что делать дальше. Еда оказывает благотворное влияние на часть организма человеческого существа, которую месье Пуаро любил называть маленькими серыми клетками.

— Мы не должны оставаться *здесь*, — настаивала на своем Дайна.

— Пятнадцать минут. Не больше, — не сдавался Боб. — Даже в твоем нежном возрасте ты должна знать, Дайна, что перед тем, как приступить к действиям, очень неплохо и подумать.

И тут Алберт понял, что у писателя есть свои причины перебраться в ресторан. Маленькие серые клетки мистера Дженкинса работали отлично и на голодный желудок. Учитывая более чем интересный анализ сложившейся ситуации, проведенный на борту самолета, писателю и теперь было что сказать.

«Он хочет нам кое-что продемонстрировать, — решил Алберт. — Доказать какую-то свою мысль».

— У нас наверняка есть пятнадцать минут, не так ли? — вмешался он.

— Ну... полагаю, что да, — с неохотой признала Дайна.

— Отлично, — подвел итог Боб. — Пошли. — И направился к ресторану, не сомневаясь, что остальные последуют за ним.

Брайан и Ник переглянулись.

— Пойдемте, — сказал им Алберт. — Он знает, что делает.

— Что?

— Точно сказать не могу, но идет он туда не только для того, чтобы перекусить.

Алберт последовал за Бобом, Бетани — за Албертом, остальные потянулись за ними. Лорел вела Дайну за руку. Маленькая девочка побледнела как полотно.

2

Ресторан «Девятое облако» скорее представлял собой кафетерий, с большим холодильным шкафом, в котором стояли напитки и лежали сандвичи, длинным прилавком из нержавеющей стали, двумя микроволновыми печками. Все блестело чистотой. Нигде не осталось ни крошки, ни капли жира. Посуда ровными рядами стояла на полках.

Роберт Дженкинс остановился у кассового аппарата и спросил Бетани:

— Не угостите сигареткой, Бетани?

— А вы, однако, заядлый курильщик, — добродушно ответила она, достала пачку «Мальборо» и вытряхнула сигарету.

Писатель взял сигарету, но отвел ее руку с коробкой спичек.

— Могу воспользоваться этими, не так ли?

У кассового аппарата стояла керамическая тарелка, наполненная бумажными спичками с рекламой бизнес-школы Лассаля. Наклейка на наружной поверхности тарелки гласила: «ДЛЯ НАШИХ БЕССПИЧЕЧНЫХ ДРУЗЕЙ». Боб взял коробку-книжицу, раскрыл, оторвал спичку.

— Конечно, — кивнула Бетани. — Но почему?

— На этот вопрос мы сейчас и попытаемся ответить. — Он обвел взглядом остальных.

Все встали полукругом, за исключением Руди Уэрвика, который уже добрался до холодильного шкафа и внимательно изучал содержимое его полок.

Боб чиркнул спичкой. Она оставила белый след на коричневой полоске серы, но не зажглась. Он повто-

рил попытку, результат тот же. На третьей спичка сломалась. Большая часть воспламеняющейся головки стерлась.

— Однако. — Впрочем, удивления в голосе писателя не чувствовалось. — Наверное, они мокрые. Возьмем другую коробку, со дна. *Те* уж точно сухие.

Он запустил руку в тарелку, пара коробочек сверху вывалилась на прилавок. Алберту они показались абсолютно сухими. За его спиной Ник и Брайан вновь переглянулись. Боб выудил со дна новую коробку, раскрыл, оторвал спичку, чиркнул. Спичка не зажглась.

— Черт побери! Похоже, мы столкнулись еще с одной проблемой. Могу я позаимствовать ваши спички, Бетани?

Она молча протянула ему коробку.

— Одну минуту, — вмешался Ник. — Что вы об этом знаете, приятель?

— Только то, что дело не ограничивается отсутствием людей, звуков и запахов. — Взгляд Дженкинса оставался спокойным, но лицо заметно осунулось. — И, подозреваю, мы все допустили одну большую ошибку. Вполне объяснимую, учитывая обстоятельства... но боюсь, пока мы заново не оценим сложившуюся ситуацию, едва ли чем-то поможем себе. Вот и давайте разбираться, что к чему.

Уэрвик уже присоединился к остальным. Он позаимствовал из холодильного шкафа сандвич с салями и бутылку пива. Новые приобретения заметно подняли ему настроение.

— И что тут происходит? — полюбопытствовал он.

— Будь я проклят, если знаю, — ответил Брайан. — Но то, что я вижу, мне совсем не нравится.

Боб Дженкинс вынул спичку из коробки Бетани, чиркнул. Она тут же зажглась.

— Ага. — Он поднес спичку к кончику сигареты.

Запах дыма тут же ударил в нос Брайану, необычайно едкий, необычайно сладкий, и через секунду он

понял, в чем причина: помимо лосьона после бритья Ника и духов Лорел, он чувствовал *только* этот запах. Впрочем, нет, улавливал он и запах пота своих попутчиков.

Боб все еще держал спичку в руках. Он отогнул крышку коробки-книжицы, поднес огонек к головкам бумажных спичек. Поначалу ничего не изменилось. Писатель водил огоньком вдоль головок, но они не загорались. Остальные как завороженные следили за его манипуляциями.

Наконец раздалось п-ш-ш-ш-с, и несколько спичек вспыхнули, чтобы, не разгоревшись, погаснуть. Щупальца дыма потянулись вверх... дым был без запаха.

Боб оглядел стоящих вокруг, мрачно улыбнулся:

— Это больше, чем я ожидал.

— Ладно, — кивнул Брайан. — А теперь расскажите нам об этом. Я понимаю...

Но его прервал возмущенный вопль Руди Уэрвика. Дайна вскрикнула и прижалась к Лорел. Алберту показалось, что у него остановилось сердце.

Руди успел развернуть сандвич с салями и сыром и надкусил его. А теперь все выплюнул на пол.

— Он протух! — воскликнул Руди. — Черт побери! Какая гадость!

— Протух? — вкрадчиво спросил Боб Дженкинс, и его глаза заблестели. — Я в этом сомневаюсь. В копченую колбасу кладут столько консервантов, что она может восемь часов лежать на открытом солнце. А мы знаем, что после отключения электричества прошло меньше пяти часов.

— Может, и больше, — ввернул Алберт. — Вы сами говорили, что наши ручные часы могут отставать.

— Да, но я не думаю... Холодильный шкаф еще не нагрелся, мистер Уэрвик? Когда вы открыли его, оттуда пахнуло холодом?

— *Холода нет*, хотя внутри явно прохладнее, чем снаружи, — ответил Руди. — Но сандвич — просто

дерьмо. Прошу извинения у дам. Вот. — Он протянул сандвич Дженкинсу. — Если не верите, попробуйте его *сами*.

Боб подозрительно посмотрел на сандвич, как показалось Алберту, набираясь храбрости, откусил маленький кусочек. По его лицу Алберт понял, что сандвич действительно никакой, но выплевывать его Дженкинс сразу не стал. Жеванул раз... другой... потом аккуратно выплюнул все на ладонь. Бросил недожеванный кусочек сандвича в корзину для мусора, отправил следом и сам сандвич.

— Он не протух. Просто начисто лишился вкуса. Даже у риса или картофеля, сваренных без соли, есть хоть какой-то вкус. А тут он отсутствует напрочь. Все равно что жуешь бумагу, поэтому вы и решили, что сандвич протух.

— Он протух, — упрямился лысый мужчина.

— Попробуйте пиво, — предложил Боб. — Оно-то протухнуть не может. Крышка на месте, а закупоренное в бутылке пиво не портится и без холодильника.

Руди задумчиво посмотрел на бутылку «Будвайзера», которую держал в руке, протянул ее Бобу.

— Расхотелось.

Он бросил злобный взгляд на холодильный шкаф, словно подозревал, что Дженкинс каким-то образом разыграл его.

— Я попробую пиво, если не останется другого выхода, но я уже пошел на жертву ради науки. Не хочет ли кто-то еще пригубить пиво? Я думаю, это надо сделать.

— Дайте бутылку мне, — вызвался Ник.

— Нет, — подал голос Дон Гаффни. — Давайте ее сюда. Пиво — мой любимый напиток. Я могу пить его и теплым.

Он взял бутылку, сшиб пробку, жадно глотнул. В следующее мгновение пиво из его рта фонтаном выплеснулось на пол.

— Господи! Выдохлось! Чистая вода!

— Неужели? — оживился Боб. — Хорошо! Отлично! На это надо поглядеть всем! — Он прошел за стойку и взял с полки стакан.

Гаффни поставил бутылку рядом с кассовым аппаратом, и Брайан пристально разглядывал ее, пока Боб Дженкинс не взял бутылку. Действительно, пены в горлышке не было. «И правда, вода водой», — подумал Брайан.

Впрочем, то, что налил Боб в стакан, выглядело как пиво, а не вода. Пиво, из которого вышел весь газ. Пиво, не дающее пены. Несколько пузырьков прилипли к стенкам стакана, но ни один не поднялся на поверхность.

— Понятно, — кивнул Ник. — Газа нет. Такое иной раз случается. На фабрике поставили бракованную крышку, вот газ и вышел. Время от времени каждому достается пиво без газа.

— Но когда такое пиво приходится заедать безвкусным сандвичем, это уже говорит о многом, не так ли?

— Хотелось бы знать, *о чем?* — взорвался Брайан.

— Сейчас узнаем. Но сначала давайте посмотрим, из одной ли бутылки вышел газ. — Писатель повернулся, схватил с полки несколько стаканов (два или три упали на пол), начал расставлять их на прилавке с ловкостью бармена. — Принесите мне еще пива. А заодно что-нибудь из прохладительных напитков.

Алберт и Бетани принесли из холодильника по четыре или пять банок и бутылок.

— Он чокнулся? — тихим голосом спросила Бетани.

— Не думаю. — Алберт уже представлял себе, куда клонит писатель... и ему все это очень не нравилось. — Помнишь, он советовал тебе беречь спички? Он предугадал, что должно случиться. Поэтому и тащил нас в ресторан. Хотел показать, что его догадка верна.

3

Бланк распался на три десятка узких полосок, а лангольеры приблизились.

Крейг чувствовал их приближение — по тяжести в затылке.

Тяжести, которая увеличивалась.

Пора, пора идти.

Он подхватил брифкейс и револьвер и вышел из штаб-квартиры службы безопасности. Шагал медленно, подготавливая монолог, который ему предстояло произнести: «Я не хочу стрелять в вас, но выстрелю, если вы не оставите мне другого выхода. Доставьте меня в Бостон. Я не хочу стрелять в вас, но выстрелю, если вы не оставите мне другого выхода. Доставьте меня в Бостон».

— Выстрелю, если придется, — бормотал Крейг, возвращаясь в зал ожидания. — Выстрелю, если придется. — Его палец нащупал и взвел курок.

Его внимание вновь привлек бледный свет, падающий из окон. Крейг повернулся к летному полю и почувствовал: они где-то там. Лангольеры. Они съели всех никчемных, ленивых людей и теперь возвращались за ним. Он *должен* попасть в Бостон. Только так он мог спасти себя и остальных... потому что смерть *их* будет ужасна. Ужасна!

Крейг направился к окнам, выглянул наружу, игнорируя — во всяком случае пока — приглушенные голоса пассажиров у него за спиной.

4

Боб Дженкинс налил по чуть-чуть из каждой бутылки и банки в отдельный стакан. Ни пузырьков, ни пены, как и в первом эксперименте с пивом. Выдохшиеся, скорее всего безвкусные жидкости.

— Я вас убедил? — спросил он Ника.

— Да, — кивнул тот. — Если вы знаете, что здесь происходит, выкладывайте. Пожалуйста, не томите нас.

— Есть идея, — кивнул Боб. — Не очень приятная, знаете ли, но я отношусь к той категории людей, которая полагает, что знание всегда лучше невежества, особенно в долгосрочной перспективе. Даже если не хочется верить тому, что знаешь. Надеюсь, вы понимаете, о чем я толкую?

— Нет, — тут же ответил Гаффни.

Боб пожал плечами, сухо улыбнулся и продолжил:

— Тем не менее остаюсь при своем мнении. Но прежде чем я начну, попрошу вас оглядеться и сказать мне, что вы видите.

Они огляделись, сосредоточившись почему-то на столах и стульях, поэтому никто не заметил Крейга Туми, который в противоположном конце зала ожидания застыл у окна, всматриваясь в летное поле.

— Ничего, — наконец ответила Лорел. — Извините, но я ничего не вижу. Наверное, у вас более острый взгляд, мистер Дженкинс.

— Отнюдь. Я вижу то же, что и вы: ни-че-го. Но аэропорты работают двадцать четыре часа в сутки. Когда это... Событие произошло, здесь, конечно, был мертвый сезон, самое спокойное время. Но я не верю, чтобы хоть несколько человек не пили кофе или не завтракали даже в столь ранний час: сотрудники аэропорта, вспомогательных служб. Может, даже пассажиры, которые оказались в Бангоре пролетом и решили сэкономить на отеле, проведя пять или шесть часов в аэропорту. Когда я спустился с транспортера и огляделся, мне стало не по себе. Почему? Потому что аэропорты никогда не пустуют, точно так же, как никогда не пустуют полицейские участки и казармы пожарной охраны. Вот теперь вы и спросите себя: где тарелки с недоеденной пищей, где полупустые стаканы? Помните недоеденную плюшку и недопитый кофе в ка-

бине пилотов? Здесь ничего подобного нет. *Где хоть одно доказательство того, что здесь были люди, когда свершилось Событие?*

Алберт медленно огляделся.

— Дымящейся трубки нет, не так ли?

Боб уставился на него.

— Что? Что ты сказал, Алберт?

— Когда мы летели в самолете, я подумал об одном паруснике. Где-то я о нем читал. Назывался он «Мария Селеста». Кто-то заметил его, когда он бесцельно дрейфовал в открытом море. Нет... *не дрейфовал*, в книжке говорилось, что он шел под всеми парусами. Однако люди, поднявшиеся на борт «Марии Селесты», никого там не нашли. Ни матросов, ни капитана. Вещи их остались, на плите готовилась еда. Кто-то даже обнаружил в кубрике трубку. Она еще дымилась.

— Браво! — воскликнул Боб.

Теперь все смотрели только на него, и никто не замечал медленно приближающегося Крейга Туми. Дуло его револьвера уже не смотрело в пол.

— Браво, Алберт! — повторил Боб Дженкинс. — Ты попал в самую точку! Было еще одно знаменитое исчезновение — колонии поселенцев с Роанок-Айленда... кажется, у берегов Северной Каролины. Все исчезли, оставив дома, очаги, вещи, мусор. А теперь, Алберт, сделаем следующий шаг. Чем еще этот аэропорт отличается от нашего самолета?

На мгновение лицо Алберта превратилось в подобие застывшей маски, а потом он просиял.

— Кольца! — вскричал он. — Сумочки! Бумажники! Хирургические штифты! Здесь ничего этого нет!

— Правильно, — кивнул Боб. — На все сто процентов. Как ты и говоришь, здесь ничего этого нет. Но все это было в самолете, когда проснулись пережившие Событие, не так ли? Вместе с недоеденной плюшкой и недопитым кофе в кабине пилотов. Эквивалентом дымящейся трубки в кубрике.

— Вы думаете, мы перенеслись в другое измерение, не так ли? — В голосе Алберта слышался благоговейный трепет. — Как в фантастическом романе?

Дайна склонила голову набок. В этот момент она удивительно напоминала Ниппера, собаку, которая долгие годы служила фирменным знаком «Эр-си-эй»*.

— Нет, — ответил Боб. — Я думаю...

— Осторожно! — воскликнула Дайна. — Я слышу...

Но она опоздала. Выйдя из транса, Крейг Туми действовал быстро. Прежде чем Ник или Брайан обернулись, он уже обхватил шею Бетани и потянул девушку назад. Одновременно вдавив дуло револьвера ей в висок. Бетани в ужасе закричала.

— Я не хочу стрелять в нее, но выстрелю, если у меня не останется другого выхода, — отбарабанил Крейг. — Доставьте меня в Бостон. — Пустота исчезла из его глаз, уступив место безумной решимости. — Вы меня слышите? Доставьте меня в Бостон!

Брайан шагнул к нему, но Ник задержал его, ни на секунду не сводя глаз с Крейга.

— Не дергайся, приятель, — прошептал он. — Спешить тут не надо. У нашего приятеля поехала крыша.

Бетани пыталась вырваться из захвата Крейга.

— Вы меня задушите! Пожалуйста, не душите меня!

— Что происходит? — спросила Дайна. — Что происходит?

— Хватит! — рявкнул Крейг на Бетани. — Перестань дергаться! Или ты вынудишь меня сделать то, чего делать мне совсем не хочется! — И он ткнул дулом ей в висок. Бетани продолжала вырываться, и тут Алберт понял, что она ничего не знает о револьвере.

— Успокойся, девочка! — резко бросил Ник. — Перестань сопротивляться!

---

* «RCA Corp.» — известная фирма по производству электрической и электронной бытовой техники.

Впервые за свою сознательную жизнь Альберт не просто воображал себя Аризонским Евреем, но и начал действовать в духе этого вымышленного персонажа. Не спуская глаз с психа в водолазке, он начал медленно поднимать футляр со скрипкой. Обеими руками. Туми на него не смотрел, его взгляд торопливо перебегал с Ника на Брайана и обратно. Одной рукой Крейг по-прежнему держал Бетани за шею, второй сжимал рукоятку нацеленного ей в голову револьвера.

— Я не хочу стрелять в нее... — И тут рука Крейга дернулась вверх, потому что девушке удалось ногой ударить ему в промежность и мгновенно впиться зубами ему в руку.

Крейг закричал от боли и, краем глаза уловив движение Алберта, тут же навел на него револьвер. Мгновение Алберт смотрел прямо в дуло, совсем как в своих фантазиях и снах. Смотреть в дуло револьвера — удовольствие не из приятных. Все равно что заглядывать в только что отрытую могилу.

«Наверное, я допустил ошибку», — подумал он, и тут же Крейг Туми нажал на спусковой крючок.

5

Вместо грохота выстрела раздался тихий хлопок, словно Крейг нажал на спусковой крючок духового ружья. Алберт почувствовал, как что-то ткнулось в футболку, прямо в надпись «HARD ROCK CAFE», и понял, что в него выстрелили, а уж потом он обрушил футляр со скрипкой на голову Крейга. Сильный удар отдался ему в руки, и он тут же услышал негодующий голос отца: «Ты в своем уме, Алберт? Разве можно так обращаться с дорогим музыкальным инструментом?»

В футляре звякнуло: скрипка подпрыгнула, ударившись о крышку. Одна из латунных защелок врезалась Туми в лоб, хлынула кровь, он повалился на пол, глаза

 его закатились. И мгновение спустя Крейг Туми, лишившись чувств, лежал у ног Алберта.

Безумная мысль сверкнула в голове юноши: «Господи, никогда в жизни я так хорошо не играл!» И тут же понял, что держится из последних сил. Он повернулся к остальным, его губы разошлись в улыбке.

— Кажется, меня зацепило, — выдохнул Туз Косснер.

Затем мир подернулся чем-то серым, ноги подкосились, и он опустился, подмяв под себя футляр со скрипкой.

6

Отключился он максимум секунд на тридцать. А когда пришел в себя, Брайан, с тревогой в глазах, тихонько шлепал его по щекам. Рядом на коленях стояла Бетани, в ее сверкающих глазах было восхищение. За ней, прижавшись к Лорел, плакала Дайна Беллман. Алберт взглянул на Бетани, и его сердце расширилось до размеров груди.

— Аризонский Еврей снова сядет в седло, — пробормотал он.

— Что ты сказал, Алберт? — спросила Бетани, погладив его по щеке; удивительно нежной, восхитительно прохладной рукой. Алберт решил, что влюбился.

— Ничего, — ответил он, и тут же пилот ударил его по другой щеке.

— С тобой все в порядке, парень? — спрашивал Брайан. — Все в порядке?

— Думаю, да. Хватит с меня оплеух. И зовут меня Алберт. Для друзей — Туз. Рана тяжелая? Я ничего не чувствую. Вам удалось остановить кровотечение?

Ник Хопуэлл присел на корточки рядом с Бетани. На его губах играла улыбка.

— Думаю, жить ты будешь, приятель. Никогда не видел ничего подобного... а повидал я немало. Вас,

американцев, нельзя не любить, такие вы иногда смешные. Протяни руку — и получишь от меня сувенир.

Алберт протянул трясущуюся руку, и Ник что-то положил на ладонь. Алберт поднес руку к глазам, увидел, что это пуля.

— Поднял ее с пола, — объяснил Ник. — Даже не потеряла формы. Она, должно быть, ударила тебе в грудь, на футболке осталось пороховое пятнышко, и отскочила. Револьвер дал осечку. Бог, должно быть, очень любит тебя, приятель.

— Я помнил о спичках, — прошептал Алберт. — И думал, что выстрела вовсе не будет.

— Мой мальчик, с твоей стороны это очень смелый и очень глупый поступок. — Боб Дженкинс побледнел как мел: казалось, он сам был на грани обморока. — Никогда не верь писателю. Слушай его, это обычное дело, но никогда не верь. Господи, а если бы я ошибся?

— Вы почти ошиблись. — Брайан помог Алберту подняться. — С порохом произошло то же, что и со спичками из керамической тарелки. Энергии газов хватило только на то, чтобы вытолкнуть пулю из ствола. А будь этой энергии чуть побольше, пуля сидела бы сейчас у парня в легких.

У Алберта вновь закружилась голова. Его качнуло, и Бетани мгновенно обхватила юношу за талию.

— Это геройский поступок. — Она продолжала с восторгом смотреть на своего спасителя. — Какой же ты молодец!

— Спасибо. — Туз чуть улыбнулся. — Невелик труд.

Самый быстрый стрелок-еврей к западу от Миссисипи чувствовал, как девушка прижимается к нему всем телом и как от девушки очень приятно пахнет. Настроение у него резко поднялось. Никогда в жизни ему не было так хорошо. Тут он вспомнил о скрипке, наклонился, поднял футляр: глубокая вмятина, одна из защелок открылась, на ней остались кровь и воло-

сы. Алберт почувствовал, как его желудок подбирается к горлу. Он открыл футляр и заглянул в него. Вроде бы инструмент цел и невредим. Алберт облегченно вздохнул.

Потом вспомнил о Крейге Туми, и радость сменилась тревогой.

— Слушайте, я не убил этого психа? Ударил я его сильно.

Он посмотрел на Крейга Туми. Над ним склонился Дон Гаффни. Лицо и лоб Крейга заливала кровь. Алберту снова стало дурно.

— Он жив, — ответил Дон, — но без сознания.

Алберт, который в своих снах справлялся и не с такими головорезами, почувствовал, как тревога уходит.

— Господи, так много *крови!*

— Это ничего не значит. Раны на голове обычно сильно кровоточат, — пояснил Ник, взял Крейга за запястье и пощупал пульс. — Ты должен помнить, что этот тип приставил револьвер к голове девушки. И мог бы ее убить. Помнишь актера, который несколько лет назад погиб на съемочной площадке, где стреляли холостыми патронами? Мистер Туми получил по заслугам. Не кори себя.

Ник выпустил руку Туми, встал.

— Кроме того, — он взял с ближайшего стола стопку бумажных салфеток, — пульс у него сильный и регулярный. Я думаю, через несколько минут он придет в себя. Правда, голова будет побаливать. По-моему, мы должны подготовиться к этому счастливому событию. Мистер Гаффни, как это ни странно, но столы в этом заведении накрыты скатертями. Не могли бы вы принести мне парочку? Я думаю, нам стоит связать руки *этому торопящемуся* в Бостон господину.

— Вы действительно думаете, что это необходимо? — спросила Лорел. — В конце концов, он без сознания, а из раны течет кровь.

Ник положил бумажную салфетку на лоб Туми и посмотрел на женщину.

— Вас зовут Лорел, не так ли?

— Да.

— Так вот, Лорел, не надо представлять его поведение в радужных тонах. Этот человек — сумасшедший. Не могу сказать, то ли он рехнулся из-за того, что с нами приключилось, то ли *всегда* был таким, но я знаю, что он опасен. Он мог бы схватить не Бетани, а Дайну, если б она стояла ближе. Если не связать этому психу руки, в следующий раз он так и сделает.

Крейг застонал, его руки дернулись. Боб Дженкинс отпрянул, хотя Брайан давно уже засунул револьвер за пояс своих брюк. Лорел последовала примеру писателя, потянув за собой Дайну.

— Кто-нибудь умер? — нервно спросила Дайна. — Надеюсь, никто?

— Нет, милая.

— Мне следовало услышать его раньше, но я слушала мужчину, который говорит как учитель.

— Все хорошо, — успокоила ее Лорел. — Окончилось все хорошо, Дайна. — Она оглядела пустынный зал ожидания и подумала: «Какое там — хорошо? Все просто *ужасно!*»

Дон вернулся с клетчатой красно-белой скатертью в каждой руке.

— Великолепно. — Ник взял одну скатерть, ловко скрутил ее в веревку. Середину зажал в зубах, чтобы скатерть не разворачивалась, и перевернул Крейга на живот.

Крейг вскрикнул, веки его задрожали.

— Зачем же так *грубо?* — резко бросила Лорел.

Ник коротко посмотрел на нее, и Лорел отвела взгляд. Она не могла не сравнивать глаза Ника Хопуэлла и Даррена Кросби на присланных им фотографиях. Широко посаженные ясные глаза на интересном, но не особо запоминающемся лице. Да и глаза ничем не запоминались, не так ли? А не было ли в глазах Даррена Кросби чего-то такого, что и заставило ее отправиться в эту поездку? Не решила ли она после долгих

 раздумий, что это глаза мужчины, который умеет себя вести достойно? Мужчины, который дает задний ход, когда ему говорят, что пора подавать назад?

Поднимаясь на борт самолета, вылетающего рейсом 29, Лорел говорила себе, что это самое большое приключение в ее жизни — трансконтинентальный прыжок в объятия высокого темноволосого незнакомца. Но иногда она попадала в ситуации, когда не оставалось ничего другого, как смотреть правде в глаза, а правда состояла в следующем: Лорел выбрала Даррена Кросби только потому, что он, судя по письмам и фотографиям, не слишком отличался от тех спокойных, уравновешенных юношей и мужчин, которые с пятнадцати лет приглашали ее на свидания. Эти юноши и мужчины всегда вытирали ноги о коврик, входя в дом после дождя, помогали мыть посуду без всякой просьбы, по первому слову убирали руки.

Летела бы она рейсом 29, если бы с фотографий на нее смотрели карие глаза Ника Хопуэлла, а не темно-синие Даррена? Едва ли. Скорее, она написала бы ему вежливое письмо: «Позвольте поблагодарить вас за ваш ответ и вашу фотографию, мистер Хопуэлл, но мне представляется, что мы с вами слишком разные», и продолжила бы поиски такого, как Даррен. Разумеется, она сильно сомневалась, что мужчины вроде мистера Хопуэлла когда-нибудь раскрывают журналы об одиноких сердцах, тем более заглядывают в персональные колонки. Однако теперь Лорел рядом с ним, да еще в столь неординарной ситуации.

Что ж... она хотела приключений, хотя бы одного приключения, прежде чем плавно перейти в средний возраст. Разве не так? Так. Вот она его и получила, в полном соответствии с утверждением Толкина: прошлым вечером вышла из собственной двери, точно так же, как и всегда, и где в итоге очутилась — в странной и ужасной разновидности страны Фантазии. Но вот насчет приключений, тут претензий нет. Аварийные

посадки... безлюдные аэропорты... лунатик с револьвером. Разумеется, это приключение!

Внезапно Лорел вспомнилась фраза, которую она прочитала давным-давно: «Будь осторожна, когда молишь о чем-либо, потому что ты можешь получить именно то, о чем просишь».

Чистая правда.

Но иногда ставит в тупик.

Зато взгляд Ника Хопуэлла не оставлял сомнений в том, что ему все ясно и понятно. А вот что во взгляде отсутствовало, так это жалость. По телу Лорел пробежала дрожь, вызванная отнюдь не романтическими мечтами.

Ник завернул руки Крейга ему за спину, перекрестил кисти на пояснице. Крейг застонал, на этот раз громче, и начал вырываться.

— Не волнуйся, старина. — Голос Ника звучал успокаивающе.

Он дважды обернул руки Крейга пониже локтей веревкой, затянул узел. Локти Крейга стукнулись друг о друга, он вскрикнул от боли.

— Вот и отлично! Упакован, как рождественская индейка отца Джона. — Ник поднялся и примостился на краешке одного из столов. — Так о чем вы говорили, когда нас так грубо прервали? — обратился он к писателю.

Боб таращился на Ника, похоже, не понимая, о чем речь.

— Что?

— Продолжайте. — Ник больше напоминал заинтересованного слушателя в лекционном зале, а не севшего на стол крутого парня, у ног которого лежал мужчина со связанными руками, уткнувшись физиономией в лужу собственной крови. — Вы как раз говорили о том, что рейс 29 в чем-то схож с плаванием «Марии Селесты». Любопытное сравнение, знаете ли.

— И вы хотите, чтобы я... просто продолжал? — изумился Боб. — Словно ничего и не произошло?

— Развяжите меня! — прокричал Крейг.

Его слова приглушал напольный ковер. Да, ожил он на удивление быстро, учитывая, что об его голову пять минут назад едва не раскололи футляр для скрипки.

— Развяжите меня *немедленно!* Я требую...

Реакция Ника шокировала всю компанию, включая тех, кто видел, как англичанин выкручивал Крейгу нос. Англичанин двинул ему ногой по ребрам. В последний момент сдержал удар... но Крейгу все-таки досталось. Он вскрикнул от боли и замолчал.

— Начнешь снова, приятель, пеняй на себя, — процедил Ник. — Мое терпение на исходе.

— Послушайте! — воскликнул Гаффни. — Разве можно так...

— Это вы меня послушайте! — круто обернулся к нему Ник. Он был в ярости, просто кипел от злости. — Вам пора проснуться, дорогие мои, и на этот раз мне придется обойтись без сантиментов. Эта маленькая девочка, Дайна, говорит, что мы попали в серьезную передрягу. И я ей верю. Она говорит, что слышит что-то, что-то такое, что может набрести на нас. И я ей верю. Я ничего не слышу, но нервы у меня напряжены до предела, и я не могу оставить это без внимания. Я думаю, нас действительно может кто-то навестить, и совсем не для того, чтобы продать нам новейший пылесос или страховой полис. Так давайте решим: будем кудахтать над этим психом или постараемся понять, что происходит вокруг? Понимание, возможно, не спасет нам жизни, но я все более и более склоняюсь к тому, что непонимание сильно их укоротит.

Ник внимательно посмотрел на Дайну:

— Скажи мне, в чем я не прав, Дайна? Тебя я выслушаю с радостью.

— Я не хочу, чтобы вы причиняли боль мистеру Туми, но я думаю, что вы во всем правы, — глотая слезы, ответила девочка.

— Ладно. Это справедливо, — кивнул Ник. — Я постараюсь больше не причинять ему боли... но обещать не могу. Давайте начнем с самого простого. Этот тип...

— Туми, — вставил Брайан. — Его зовут Крейг Туми.

— Пусть так. Мистер Туми сошел с ума. Возможно, если нам удастся вернуться в наш мир или в то место, куда отправились все люди, мы сумеем найти специалистов, которые ему помогут. Но сейчас мы можем помочь ему, только лишив свободы действий. Что я и сделал, не без помощи Алберта... А теперь вернемся к текущим делам. Кто-нибудь желает высказать особое мнение?

Ему ответила тишина. Пассажиры рейса 29 молча смотрели на Ника.

— Отлично. Пожалуйста, продолжайте, мистер Дженкинс.

— Я... Я не привык. — Боб предпринял отчаянную попытку взять себя в руки. — В своих романах я перебил столько людей, что им не хватило бы места в нашем самолете. А вот в жизни впервые столкнулся с насилием. Извините, если... я вел себя не так, как положено.

— Я думаю, вам не за что стыдиться, мистер Дженкинс, — заговорила Дайна. — И мне нравится вас слушать. Даже настроение от этого улучшается.

Боб с благодарностью посмотрел на нее, улыбнулся.

— Спасибо тебе, Дайна. — Он сунул руки в карманы, бросил тревожный взгляд на Крейга Туми, затем посмотрел на окна. — Думаю, я уже упомянул о главной ошибке в наших рассуждениях. Она проста: мы все предположили, как только осознали случившееся, что *Событие* захватило весь мир. Понятно, откуда взялась такая оценка: мы в полном порядке, а все остальные, включая других пассажиров нашего рейса, которые вместе с нами поднялись на борт самолета в Междуна-

родном аэропорту Лос-Анджелеса, вроде бы исчезли. Но имеющиеся у нас улики говорят о том, что наше предположение неверно. Случившееся ограничивается нами, и только нами. Я убежден, что мир, каким мы его знали, ничуть не изменился и живет по тем же законам. И только мы, пропавшие пассажиры и одиннадцать выживших, потерялись.

7

— Может, я туп как дубина, но я не понимаю, куда вы клоните, — прервал возникшую паузу Руди Уэрвик.

— Я тоже, — присоединилась к нему Лорел.

— Мы упомянули два знаменитых исчезновения, — продолжил Боб.

Вроде бы теперь его слушал и Крейг Туми, по крайней мере он оставил попытки освободить руки.

— Одна, в случае «Марии Селесты», имела место в *открытом* море. Вторая — я про Роанок-Айленд — около моря. Однако этими двумя знаменитыми происшествиями список не ограничивается. Я могу вспомнить еще два, связанные с самолетами. Во-первых, исчезновение летчицы Амелии Эрхарт над Тихим океаном, во-вторых, исчезновение нескольких военных самолетов над районом Атлантического океана, известным под названием Бермудский треугольник. Случилось это, насколько я помню, в 1945 или 1946 году. Вроде бы командир что-то передал по радио, с военно-воздушной базы во Флориде вылетели спасатели, но не нашли никаких следов пропавших самолетов.

— Я слышал об этом случае, — кивнул Ник. — С него и пошла недобрая слава Треугольника.

— Нет, там пропало *множество* самолетов и кораблей, — не согласился с ним Алберт. — Об этом Чарлз Берлиц написал книгу. Я ее читал. Очень интересная книга. — Он огляделся. — Но никогда не думал, что могу оказаться *среди* исчезнувших.

— Я не знаю, пропадали ли самолеты над континентальной территорией Соединенных Штатов, но...

— С маленькими самолетами такое случалось очень часто, — прервал его Брайан. — А однажды, примерно тридцать пять лет тому назад, пропал авиалайнер. С сотней пассажиров на борту. В 1955 или 1956 году. Принадлежал авиалайнер то ли «Транс уорлд эйрлайнс», то ли «Монарху». Летел он из Денвера в Сан-Франциско. Пилот связался с центром управления полетами в Рено, в полном соответствии с инструкцией, а потом об этом авиалайнере больше не слышали. Разумеется, его искали, но... безрезультатно.

Брайан заметил, что все смотрят на него как зачарованные, и невесело рассмеялся.

— Пилотские истории о призраках, — добавил он с извиняющимися нотками в голосе.

— Готов спорить, они тоже проскочили, — пробормотал писатель и почесал щеку. На лице его вдруг отразился ужас. — Раз тел не нашли...

— Пожалуйста, расскажите нам, что вы знаете или думаете, что знаете, — взмолилась Лорел. — Человек не может всего этого вынести. Если я тотчас же не получу ответов на мучающие меня вопросы, вам придется связать меня и положить рядом с мистером Туми.

— Не льстите себе, — отчетливо, но зловеще произнес Крейг.

Боб вновь бросил на него тревожный взгляд и продолжил:

— Здесь стерильная чистота, в самолете — осколки стекла и разлитые напитки. Здесь нет электричества, в самолете — есть. Однако надо помнить, что в самолете автономная энергетическая установка, а аэропорт получает электричество от какой-нибудь ГЭС, ТЭС или АЭС. Но возьмем спички. Бетани была в самолете, и ее спички зажигаются. А вот спички, находившиеся здесь, — нет. Револьвер, который мистер Туми взял,

как я понимаю, в помещении службы безопасности, не выстрелил. Думаю, если б я попробовал посветить ручным фонариком на батарейках, у меня бы ничего не вышло. А если бы он и заработал, то батарейки сели бы очень быстро.

— Вы правы, — поддержал Ник. — И нам не надо искать ручной фонарь, чтобы подтвердить вашу версию. — И указал на фонарь аварийной осветительной системы, что находился рядом с вытяжкой: он не горел, как и лампы под потолком. — Аварийная система питается от аккумуляторов. Светочувствительный датчик реагирует на освещенность. Здесь достаточно темно, чтобы он сработал, однако фонарь не горит. То ли сломался датчик, то ли сели аккумуляторы.

— Думаю, и датчик сломался, и аккумуляторы сели, — отозвался Боб Дженкинс. Он медленно подошел к двери ресторана, открыл ее. — Мы оказались в мире, где еще поддерживается относительный порядок, но который находится при смерти. Все газированные напитки потеряли вкус, выдохлись. *Мы* еще чем-то пахнем, я могу уловить духи Лорел или лосьон после бритья капитана, но здешних запахов уже нет.

Алберт поднял стакан с пивом, принюхался. Запах есть, решил он, но очень-очень слабый. Воспоминание о запахе. Так, наверное, пахнет лепесток, много лет пролежавший между страницами книги.

— То же самое относится и к звукам, — добавил Боб. — Они глухие, одномерные, без резонанса.

Лорел вспомнила, *как* стучали ее каблучки по бетону, *как* вяз в воздухе крик капитана Энгла, когда тот, сложив руки рупором, звал мистера Туми.

— Алберт, тебя не затруднит сыграть что-нибудь на скрипке? — попросил Боб.

Алберт взглянул на Бетани. Девушка улыбнулась и кивнула.

— Нет. Разумеется, нет. Мне даже интересно, как она будет звучать после того... — Он посмотрел на Крейга Туми. — Вы понимаете.

Он открыл футляр, поморщившись, когда его пальцы коснулись защелки, врезавшейся в лоб Крейга Туми, достал скрипку. Ласково погладил ее и устроил скрипку под подбородком. Замер, задумавшись. Какая музыка достойна этого нового мира, где не звонили телефоны и не лаяли собаки? Ралф Вогэн Уильямс? Стравинский? Моцарт? Может, Дворжак? Нет, все не то. Тут его осенило, и он заиграл «Кто-то на кухне с Дайной».

Но, взяв несколько нот, опустил смычок.

— Наверное, ты все-таки попортил скрипку, хватив этого парня по голове, — предположил Дон Гаффни. — Такое ощущение, что она набита ватой.

— Нет, — медленно ответил Алберт. — Моя скрипка в полном порядке. Я в этом уверен. Дело в другом. Подойдите сюда, мистер Гаффни. — Гаффни подошел, встал рядом с Албертом. — А теперь наклонитесь к скрипке как можно ближе. Нет... не так близко, я попаду вам в глаз смычком. Так. Так хорошо. А теперь слушайте.

Алберт заиграл вновь.

— Чувствуете разницу? — спросил он, опустив смычок.

— Вблизи скрипка звучит гораздо лучше, если ты об этом, — ответил Гаффни и с уважением посмотрел на Алберта. — Ты превосходно играешь, парень.

Алберт улыбнулся Дону Гаффни, но заговорил, обращаясь к Бетани Симмс:

— Иногда, когда я уверен, что поблизости нет моего учителя музыки, я играю старые песни «Лед Зеппелин». Скрипка прямо-таки для них и создана. Вы бы удивились их звучанию. — Он повернулся к Бобу: — Ваша версия вновь подтвердилась. Чем ближе стоишь, тем лучше звучит скрипка. Причина *в воздухе*, а не в инструменте. Он не проводит звуки как должно, а значит, со звуком происходит то же, что и с пивом.

— Выдыхается, — уточнил Брайан.

Алберт кивнул.

— Спасибо, Алберт, — поблагодарил юношу Боб.

— Не за что. Можно убрать скрипку?

— Разумеется, — кивнул Боб и продолжил, пока Алберт укладывал скрипку в футляр, протирал пальцы и защелки салфеткой: — Вкус, запах и звук не единственные — ключевые — особенности обстоятельств, в которых мы оказались. Возьмем, к примеру, облака.

— А что с ними? — спросил Руди Уэрвик.

— Они не двинулись с момента нашего прибытия, и я думаю, что не собираются двигаться. Полагаю, что и погода как бы застыла. — Боб замолчал. На лице его были написаны беспомощность и испуг. — Как сказал бы Ник Хопуэлл, давайте обойдемся без сантиментов. Здесь все не так, это гиблое место. У Дайны все чувства, включая и то, что принято называть шестым, развиты сильнее, чем у нас, поэтому ее ощущения более острые, но думаю, мы все — в той или иной степени — осознаем: *здесь все не так.*

А теперь мы подходим к главному.

Пятнадцать минут назад я сказал, что вроде бы подошло время ленча. Сейчас, как мне представляется, гораздо позже. Четыре или пять часов дня. Мой желудок требует не ленча, а чая. У меня предчувствие, что темнеть за окном начнет еще до того, как наши часы будут показывать без четверти десять утра.

— Ближе к делу, приятель, — вставил Ник.

— Я думаю, речь идет о времени. Не об измерении, упомянутом Албертом, а *о времени*. Предположим, что в силу каких-то причин в потоке времени возникает дыра. *Не ловушка, а дыра*. Дыра во временно́й ткани.

— *Такого* бреда слышать мне еще не доводилось! — воскликнул Дон Гаффни.

— Аминь! — отозвался с пола Крейг Туми.

— Нет, — отрезал Боб, — это не бред. Бред в другом, мистер Гаффни. Вспомните, как звучала скрипка Албер-

та. Оглянитесь вокруг. Подумайте, что с нами случилось... где мы очутились... вот это бред.

Дон нахмурился, засунул руки в карманы.

— Продолжайте, — прошептал Брайан.

— Хорошо. Я не утверждаю, что мои слова — истина в последней инстанции. Я лишь высказываю свою версию, которая, может быть, объяснит происходящее с нами. Давайте предположим, что такие дыры во временно́м потоке появляются постоянно, но в основном над территорией, где не живут люди. Разумеется, я имею в виду океан. Не могу сказать почему, но это логичное предположение, поскольку большинство исчезновений имело место именно там.

— Атмосферные процессы над водой очень отличаются от тех же процессов над сушей, — добавил Брайан. — Возможно, вы правы.

— Дело не в том, прав я или нет. Но теперь, обсуждая проблему, мы можем оперировать понятными нам терминами. В атмосфере также наблюдаются феномены: перевернутые торнадо, кольцевые радуги, видимые днем звезды. Эти временны́е дыры могут возникать и исчезать по воле случая, они могут перемещаться, как перемещаются грозовые фронты, но они крайне редко появляются над сушей.

Правда, статистика скажет вам, что рано или поздно случается все, что может случиться, поэтому давайте исходить из того, что прошлой ночью временна́я дыра возникла над сушей... и мы, вот уж не повезло, залетели в нее. Этим полученная нами информация не исчерпывается. Теперь мы знаем еще одно свойство этого феномена: пролететь сквозь него живым может только тот, кто спит крепким сном.

— Прямо сказка какая-то! — воскликнул Гаффни.

— Полностью с вами согласен, — поддакнул с пола Крейг.

— Заткни хлебало, — рыкнул на него Гаффни.

Крейг заморгал, и его верхняя губа приподнялась в зверином оскале.

— Вроде все сходится, — прошептала Бетани. — Мы проснулись... в другом мире.

— А что произошло с командой и пассажирами? — спросил Алберт. Чувствовалось, что он чуть не плачет. — Если самолет пролетел сквозь дыру, что случилось с *нашими* попутчиками?

Воображение тут же нарисовало ему ответ: сотни людей, падающих с неба на землю, развевающиеся пиджаки, задранные юбки, открывающие нижнее белье, сваливающиеся с ног туфли, выскакивающие из карманов ручки, те, что не остались в самолете, люди, размахивающие руками и ногами, пытающиеся что-то выкрикнуть в разреженном воздухе, люди, оставившие на сиденьях сумочки, бумажники, часы, мелочь и даже кардиостимулятор. Он видел, как они врезаются в землю, приминая кусты, поднимая столбики пыли, превращаясь в ничто.

— Я предполагаю, что они испарились, — ответил Боб. — Полностью. Превратились в пар.

Дайна сначала его не поняла. Потом подумала о сумочке тети Викки, набитой дорожными чеками, и заплакала. Лорел обняла слепую девочку за плечи, прижала к себе. Алберт тем временем истово благодарил Бога за то, что его мать в последний момент передумала и решила не лететь вместе с ним на Восточное побережье.

— В большинстве случаев их вещи испарились вместе с ними, — продолжал писатель. — Остались бумажники, которые их владельцы, возможно, вынули в момент... События. Тут трудно что-то утверждать. Что пропало, что осталось... меня больше всего занимает парик, хотя это все мелочи, которые ничего не определяют. Наверное, ответа нам не найти никогда.

— Тут вы правы, — заметил Алберт. — Взять, к примеру, хирургические штифты. Я сомневаюсь в том, что человек, которому их вставили, решил вынуть их из плеча или бедра и поиграть ими от скуки.

— Согласен, — кивнул Уэрвик. — Полет только начался, до *такой* степени они еще не успели заскучать.

Бетани в изумлении вытаращилась на Уэрвика, а затем рассмеялась.

— Я родом из Канзаса, — добавил Боб, — и, раздумывая над тем, почему одни остались, а другие исчезли, я вспомнил смерчи, которые случаются у нас летом. Они могут стереть с лица земли фермерский дом, но оставить стоящий рядом туалет или разнести коровник, но не тронуть силосную башню.

— Давайте подводить итог, приятель, — подал голос Ник. — Не знаю, что там показывают наши часы, но у меня тоже такое ощущение, что дело идет к ночи.

Брайан подумал о Крейге Туми, который так стремился в Бостон, вспомнил о том, как тот стоял у желоба и орал: *«Времени в обрез! Его осталось чертовски мало!»*

— Хорошо, — не стал спорить Боб. — Подводим итог. Исходим из того, что временны́е дыры существуют и мы провалились в одну из них. Я думаю, мы очутились в прошлом и открыли не слишком приятную правду о путешествиях во времени: невозможно попасть в Техасское книгохранилище 22 ноября 1963 года и предотвратить убийство Кеннеди. Не удастся понаблюдать за строительством пирамид или падением Рима. И с изучением живых динозавров тоже ничего не выйдет.

Он развел руки, словно старался охватить молчаливый мир, в который их занесло волею судьбы.

— Присмотритесь к тому, что вы видите вокруг, дорогие путешественники во времени. Это прошлое. Оно пустое. Оно беззвучное. В нем *никого* нет. Весь мир... а может, и вся Вселенная напоминает выброшенную упаковочную коробку. Я думаю, мы отпрыгнули назад на очень малое время, минут на пятнадцать... по крайней мере первоначально. Но мир уже тает вокруг нас. Что-то происходит со звуком. Элек-

тричество уже отключилось. Погода не изменяется. Боюсь, дело идет к тому, что планета просто рассосется.

— А может, это будущее? — осторожно спросил Алберт.

Боб Дженкинс пожал плечами. Казалось, он постарел на добрый десяток лет.

— Утверждать не могу, откуда мне это знать, но думаю, что нет. Место, в котором мы находимся, дышит старостью, слабостью, безнадежностью. Такое ощущение... даже не знаю...

— ...что с ним *все кончено*, — подсказала Дайна.

— Да, — кивнул Дженкинс. — Спасибо тебе, дорогая. Именно эти слова я и старался найти.

— Мистер Дженкинс! Тот звук, о котором я говорила... Я снова его слышу. — Слепая девочка помолчала. — Он приближается.

8

Все молчали, настороженно прислушиваясь. Брайану показалось, что он слышит нечто, но потом решил, что это биение его сердца. Или просто разыгралось воображение.

— Я хочу вновь подойти к окнам. — Ник переступил через Крейга, даже не посмотрев на него, и широким шагом вышел из ресторана.

— Эй! — воскликнула Бетани. — Я тоже хочу посмотреть!

Алберт устремился за ней, большинство последовало их примеру.

— А вы? — спросил Брайан оставшихся в ресторане Дайну и Лорел.

— Я не хочу идти, — ответила Дайна. — Я и здесь все слышу. — Она помолчала, потом добавила: — И буду слышать еще лучше, если мы скоро не уйдем отсюда.

— Я останусь с Дайной, — тихо ответила она.

— Хорошо, — кивнул Брайан. — Только держитесь подальше от мистера Туми.

— Держитесь подальше от мистера Туми, — передразнил его Крейг и вывернул голову, чтобы встретиться взглядом с Брайаном. — Вам это с рук не сойдет, капитан Энгл. Не знаю, какую игру вы затеяли с вашим дружком лайми*, но вам это с рук не сойдет. И в следующий раз вам удастся сесть лишь за штурвал самолета, вывозящего из Колумбии героин. Ни одна приличная авиакомпания больше не захочет иметь с вами дело.

Брайан хотел уже ответить, но в последний момент передумал. Ник ведь сказал, что у этого человека, по крайней мере временно, помутился рассудок, и капитан чувствовал, что Ник не ошибся. А урезонивать сумасшедшего, во-первых, бесполезно, а во-вторых, отнимает драгоценное время.

— Мы будем держаться от него подальше, не беспокойтесь, — ответила Лорел и отошла с Дайной к одному из столиков, усадила ее на стул и тоже села. — Нам ничего не грозит.

— Хорошо. Кричите, если он постарается освободиться.

— Будьте уверены, закричим, — улыбнулась Лорел.

Брайан наклонился, проверил, не ослаб ли узел, которым Ник затянул руки Крейга, и направился вслед за остальными к окнам, выходящим на летное поле.

9

Звук донесся до Брайана, когда он дошел до середины зала ожидания, а уж возле окон не осталось никаких сомнений в том, что это не слуховая галлюци-

* Пренебрежительное прозвище англичан.

 нация. «У девочки потрясающий слух», — подумал капитан.

Звук этот Брайан едва различал, но он тем не менее имел место быть и доносился с востока. Дайна говорила, что он похож на звук сыплющихся рисовых хлопьев, но Брайану он больше напоминал особый тип статических радиопомех, какие заполняют эфир в периоды высокой солнечной активности. В одном, впрочем, разногласий с Дайной у него не было: звук этот предвещал надвигающуюся беду.

Брайан почувствовал, как от этого звука волосы на затылке встают дыбом. Он посмотрел на остальных и увидел, что на лице каждого застыли страх и отвращение. Ник держался лучше всех, а девушка, Бетани, та самая, что никак не хотела спускаться по желобу, похоже, перепугалась до полусмерти. Но звук этот теперь слышали они все.

Плохой звук.

Зло грядет, говорил он. *Спешите убраться отсюда.*

Ник повернулся к капитану:

— Что будем делать, Брайан? Есть идеи?

— Нет. Ни одной. Я знаю только одно: больше ничего не слышно во всем городе.

— До города он еще не дошел, — поправил его Дон, — но дойдет. Хотелось бы только знать, сколько на это потребуется времени.

Все замолчали, прислушиваясь к шипящему потрескиванию, накатывающему с востока. *Я вроде бы знаю, что это за звук*, думал Брайан. *Не потрескивание заливаемых молоком хлопьев, не статические помехи, а... что? Если б он не был таким слабым...*

Но Брайан не хотел знать, что это за звук. Внезапно он это понял со всей очевидностью. Не хотел знать, и все. Звук этот пробирал его до костей.

— Мы *должны* убраться отсюда! — выкрикнула Бетани.

Алберт обнял ее за талию, она обеими руками схватилась за его руку и повторила в истерике:

— Мы должны немедленно убраться отсюда!

— Да, — кивнул Боб Дженкинс. — Она права. Этот звук... я не знаю, что это, но он *ужасен*. Мы должны убираться отсюда.

Они все смотрели на Брайана, и он подумал: *Похоже, я снова капитан. Но ненадолго. Потому что они не понимают. Даже Дженкинс не понимает, со всей его дедукцией и индукцией, что никуда нам отсюда не убраться. И не важно, какое существо или машина является источником этого звука, потому что мы все равно будем здесь, когда этот источник доберется до аэропорта. Деваться нам некуда. Я знаю почему. Даже если до остальных это еще не дошло...*

И тут Брайан Энгл внезапно понял, какие чувства испытывает животное, попавшее в капкан и услышавшее шаги приближающегося охотника.

Глава 6

В западне. Спички Бетани. Впереди участок с двусторонним движением. Эксперимент Алберта. Приход ночи. Тьма и лезвие

1

Брайан пристально посмотрел на писателя:

— Вы говорите, что мы должны убираться отсюда?

— Да. И чем быстрее, тем...

— И куда нам отправиться? В Атлантик-Сити? Майами-Бич? Клаб-Мед?

— Вы полагаете, капитан Энгл, что деваться нам некуда? Я думаю, надеюсь, что вы ошибаетесь. У меня есть идея.

— Какая же?

— Сначала ответьте мне на один вопрос. Вы сможете заправить самолет? При том, что аэропорт обесточен?

— Думаю, да. Скажем так: с помощью нескольких мужчин смогу. А что?

— Тогда мы вновь поднимемся в воздух, — ответил Боб. Капельки пота выступили у него на лбу. — Этот звук... это хрумканье... идет с востока. Временна́я дыра в нескольких тысячах миль к западу. Если мы полетим тем же маршрутом... это возможно?

— Да, — кивнул Брайан.

Вспомогательные энергетические установки он не выключал, следовательно, программа полета сохранилась в навигационном компьютере. Эта программа зафиксировала их маршрут в мельчайших подробностях, от момента взлета в Южной Калифорнии до момента приземления в центральной части Мэна. Стоит только коснуться кнопки, чтобы компьютер просто реверсировал маршрут. Другая кнопка, уже в полете, включит автопилот, который поведет самолет по этому маршруту. А уж инерциальная навигационная система компании «Теледайн» не позволит самолету сбиться с курса.

— Полетим, если надо, но для чего? — спросил капитан.

— Для того, чтобы проскочить через *временну́ю дыру*. Неужели вы не поняли? Она все еще там!

Ник впился взглядом в Боба, потом повернулся к Брайану.

— В этом что-то есть, приятель. Нутром чую, есть.

А вот Алберту Косснеру пришла совсем уж дикая мысль: если временна́я дыра на месте, а их самолет летел выверенным маршрутом на стандартной высоте, тогда, возможно, и другие самолеты проскочили в эту дыру в промежутке между семью минутами второго и утром (хотя непонятно, утро сейчас или вечер). Может, и другие самолеты приземляются сейчас или уже приземлились на другие пустующие аэродромы Аме-

рики, другие команды и пассажиры ходят по залам аэровокзалов, не понимая, что к чему...

«Нет, — тут же подумал он. — На борту нашего лайнера чудом оказался пилот. Какова вероятность того, что такое может случиться дважды?»

Ему вспомнились слова мистера Дженкинса о рекорде Теда Уильямса, и по телу пробежала дрожь.

— Может, есть, а может, и нет, — ответил Брайан. — Впрочем, никакого значения это не имеет, потому что на нашем самолете нам отсюда не улететь.

— Почему нет? — спросил Руди Уэрвик. — Если мы сможем заправить его, тогда...

— Помните спички? Которые не зажигались в ресторане?

Руди, недоумевая, воззрился на Брайана, а вот Боб Дженкинс сразу помрачнел. Прижал руку ко лбу, отступил на шаг. Буквально уменьшился в размерах.

— При чем здесь спички? — Дон смотрел на Брайана из-под кустистых бровей, во взгляде его читалось не столько недоумение, сколько подозрительность. — Какое отношение имеют...

Ник сразу сообразил, что к чему.

— Разве вы не понимаете? — мягко спросил он. — До вас не доходит, приятель? Если аккумуляторы сели, если спички не зажигаются...

— ...значит, и топливо гореть не будет, — закончил за него Брайан. — Оно выдохлось, как и все остальное в *этом* мире. — Капитан по очереди оглядел каждого. — С тем же успехом я мог бы наполнить баки сиропом.

2

— Никто из вас, милые дамы, не слышал о лангольерах? — неожиданно спросил Крейг веселым таким, жизнерадостным тоном.

Лорел подпрыгнула и нервно посмотрела на остальных пассажиров, все еще стоявших у окон. Дайна сразу же повернулась к Крейгу, его желание поговорить ничуть не удивило ее.

— Нет, — ответила девочка. — А кто они?

— Не разговаривай с ним, Дайна, — прошептала Лорел.

— Я вас слышу, — так же весело продолжил Крейг. — Не только у Дайны острый слух.

Лорел покраснела.

— Я не собираюсь причинять девочке никакого вреда. Точно так же, как не причинил бы вреда той девушке. Я просто испугался. А вы?

— Я тоже, — резко ответила Лорел. — Но от испуга я не захватываю в заложники девушек и не стреляю в юношей.

— Потому что вы не опасались того, что на вас разом навалится целая толпа. И еще этот англичанин... — Крейг рассмеялся *нормальным* человеческим смехом. — Если вы думаете, что я сумасшедший, то вам следовало бы понаблюдать за ним. Вот уж у кого мозги устроены совсем не так, как у обычных людей.

Лорел не знала, что и сказать. Она понимала, что Крейг Туми далек от истины, но, с другой стороны, то, что он говорил об англичанине, вполне соответствовало ее собственным наблюдениям. Глаза этого человека... и этот пинок в ребра связанного мистера Туми... Лорел передернуло.

— Кто такие лангольеры, мистер Туми? — спросила Дайна.

— Я предпочитал думать, что это вымышленные существа, — сказал Крейг по-прежнему весело. — Но теперь у меня зародились сомнения... потому что я тоже слышу этот звук, юная дама. Да, слышу.

— Звук? — повторила Дайна. — Этот звук издают лангольеры?

Лорел положила руку ей на плечо.

— Я бы хотела, чтобы ты с ним не разговаривала, дорогая. Он меня нервирует.

— Почему? Он же связан, не так ли?

— Да, но...

— И мы всегда можем позвать остальных, не правда ли?

— Ну, я думаю...

— Я хочу узнать, кто такие лангольеры.

С усилием Крейг повернул голову, чтобы посмотреть на них... И Лорел почувствовала обаяние и силу характера, которые позволяли Крейгу держаться на коне и не снижать скорости, заданной ему родителями. Она видела его обаяние и силу, хотя Крейг лежал на полу, со связанными за спиной руками, с запекшейся на лице кровью.

— Мой отец говорил, что лангольеры — маленькие существа, которые живут в шкафах, прячутся в темных углах и под кроватями.

— Как эльфы? — полюбопытствовала Дайна.

Крейг рассмеялся и покачал головой.

— Боюсь, они далеко не такие симпатичные, как эльфы. Он говорил, что они волосатые, зубастые и с множеством шустрых маленьких ножек. Таких шустрых, что они без труда догоняют плохих мальчиков и девочек, как бы быстро те ни неслись прочь.

— Перестаньте, — холодно бросила Лорел. — Вы пугаете ребенка.

— Нет, меня он не пугает, — возразила Дайна. — Я могу отличить выдумку от правды. Это забавно и интересно, ничего больше.

Но по выражению ее лица чувствовалось, что не просто интересно. Девочка впитывала каждое слово.

— Интересно, не правда ли? — самодовольно усмехнулся Крейг. — А вот Лорел наверняка решила, что я тебя пугаю. Я выиграл сигару, Лорел? Если да, то предпочел бы «Эль Продакто». Дешевок вроде «Белых сов» я не признаю. — И он снова рассмеялся.

Лорел промолчала, поэтому Крейг вновь вернулся к лангольерам.

— Мой отец говорил, что лангольеров тысячи. И никак не меньше, потому что *миллионы* плохих мальчиков и девочек носятся по миру. Так он всегда говорил. Мой отец не видел ни одного ребенка, который бежал. Они всегда носились. Я думаю, ему нравилось это слово, потому что оно подразумевало отсутствие цели, направления, указывало на непродуктивную трату энергии. А лангольеры... *они* бегали. У *них* была цель. Собственно, само их существование определялось этой целью.

— А что плохого делали эти дети? — спросила Дайна. — Почему стали такими плохими, что на них пришлось напускать лангольеров?

— Знаешь, я рад, что ты задала этот вопрос. Когда мой отец говорил, что кто-то плохой, Дайна, он имел в виду лень. Ленивый человек не мог быть частью ОБЩЕГО ЗАМЫСЛА. Ни в коем разе. В моем доме ты или участвовал в ОБЩЕМ ЗАМЫСЛЕ, или УВИЛИВАЛ ОТ РАБОТЫ. Хуже этого просто ничего не могло быть. Убийство считалось мелким грехом в сравнении с УВИЛИВАНИЕМ ОТ РАБОТЫ. Если ты не часть ОБЩЕГО ЗАМЫСЛА, говорил он, лангольеры обязательно придут и разберутся с тобой. Как-нибудь ночью ты будешь лежать в кровати, услышишь их приближение... их похрустывающие, чавкающие шаги... и даже если ты попытаешься унестись от них, они тебя догонят. Благодаря шустрым маленьким...

— Достаточно! — оборвала его Лорел.

— *Их* шаги мы и слышим. — Глаза Крейга сияли. — От этого никуда не уйдешь. Доносящийся сюда звук и есть...

— Замолчите, а не то я вас чем-нибудь ударю!

— Хорошо. — Крейг перевернулся на спину, поморщился, лег на бок затылком к ним. — Надоедает, когда тебя бьют, лежачего и связанного.

На этот раз Лорел покраснела до корней волос, прикусила губу и ничего не ответила. Ей хотелось плакать. Как можно держать в узде такого человека? Как? Сначала он вел себя как буйно помешанный, теперь казался совсем нормальным. А тем временем весь мир... ОБЩИЙ ЗАМЫСЕЛ, по определению мистера Туми... катился в тартарары.

— Готова спорить, вы боялись вашего отца, не так ли, мистер Туми?

Крейг резко повернул голову, удивленно взглянул на Дайну. Снова улыбнулся, но уже другой улыбкой. В которой читались печаль и обида.

— На этот раз *ты* выиграла сигару, мисс. Он меня *ужасал*.

— Он умер?

— Да.

— Он УВИЛИВАЛ ОТ РАБОТЫ? Лангольеры добрались до него?

Крейг надолго задумался. Ему вроде бы говорили, что отец скончался на работе от инфаркта. Когда секретарь в десять утра позвонила в его кабинет, чтобы напомнить о совещании, и не получила ответа, она открыла дверь и увидела, что мистер Туми лежит на полу с выпученными глазами и пеной у рта. Мертвый.

«Кто-нибудь действительно говорил мне об этом? — спросил себя Крейг Туми. — О выпученных глазах, пене у рта? Могла сказать мать в приличном подпитии... Или это мои собственные домыслы?»

— Мистер Туми! Добрались?

— Да, — после долгой паузы ответил Крейг. — Я думаю, увиливал, и они добрались до отца.

— Мистер Туми!

— Что?

— Я не такая, какой вы меня видите. Я не уродлива. И остальные тоже.

Он в изумлении уставился на девочку.

— Как ты можешь знать, какими я вас вижу, маленькая слепая мисс?

— Оказывается, могу.

Лорел повернулась к девочке, и внезапно ей стало не по себе... Разумеется, Лорел ничего не увидела. Черные очки Дайны отсекали любопытные взгляды.

3

Остальные пассажиры стояли у окон, прислушиваясь к далекому потрескиванию, и молчали. Похоже, они уже сказали все, что могли.

— Так что же нам теперь делать? — первым не выдержал Дон.

Алберту показалось, что красная рубашка Гаффни уже не такая яркая, вроде бы полиняла.

— Не знаю, — ответил Брайан.

Его бесило собственное бессилие. Он посмотрел на самолет, свой самолет, и в какой уже раз поразился чистоте линий, плавности обводов. «Боинг-727» авиакомпании «Дельта», застывший у посадочного рукава, в сравнении с ним напоминал неопрятную матрону. «Он так тебе нравится, потому что ты больше на нем не полетишь, — сказал себе Брайан. — Он для тебя как для водителя — красавица на заднем сиденье лимузина. Она кажется тебе еще более прекрасной, поскольку ты знаешь, что она не твоя и никогда не будет твоей».

— Сколько у нас осталось топлива, Брайан? — неожиданно спросил Ник. — Может, в этом мире двигатели работают на другом соотношении компонентов. Может, его осталось больше, чем ты предполагал.

— Топлива уходит столько же, — ответил Брайан. — Когда мы приземлились, в баках осталось чуть меньше шестисот фунтов. Чтобы вернуться назад, нам нужно порядка пятидесяти тысяч фунтов.

Бетани достала пачку сигарет, предложила Бобу. Тот покачал головой. Она вынула коробку спичек, чиркнула. Спичка не зажглась.

— Однако, — вырвалось у девушки.

Алберт посмотрел на Бетани. Она чиркнула спичкой еще раз... второй... третий. С тем же результатом. В испуге она вскинула глаза на Алберта.

— Дай-ка мне.

Но у него тоже не получилось.

— Похоже, эта штука заразная, — резонно заметил Руди Уэрвик.

Бетани разрыдалась, и Боб, не говоря ни слова, предложил ей носовой платок.

— Одну минуту. — Алберт вновь чиркнул спичкой.

На этот раз она зажглась... но горела неохотно, еле-еле. Он поднес огонек к кончику сигареты Бетани, и внезапно перед его мысленным взором возник знак, мимо которого в последние три года он проезжал на велосипеде каждый день по дороге в Пасаденскую среднюю школу: «ВНИМАНИЕ! ВПЕРЕДИ УЧАСТОК С ДВУСТОРОННИМ ДВИЖЕНИЕМ».

Что бы это значило? — подумал он.

Он не знал... пока. Но не сомневался, что нечто очень нужное пробивалось из подсознания, пытаясь достучаться до него.

Алберт тряхнул рукой, спичка тут же погасла.

Бетани затянулась, скорчила гримаску:

— Солома, а не табак!

— Выдохни дым мне в лицо, — попросил Алберт.

— Что?

— Ты меня слышала. Выдохни дым мне в лицо.

Она подчинилась, Алберт втянул в себя дым. Запах явно изменился.

Действительно, эта штука, чем бы она ни была, заразная.

ВНИМАНИЕ! ВПЕРЕДИ УЧАСТОК С ДВУСТОРОННИМ ДВИЖЕНИЕМ.

— Я возвращаюсь в ресторан, — объявил Ник; выглядел он совсем подавленным. — Наш друг хитер и коварен. Мне не хотелось бы надолго оставлять его с дамами.

Все последовали за ним. «Прямо-таки коровы, услышавшие летний гром», — подумал Алберт.

— Пошли, — дернула его за рукав Бетани. — Чего стоять? — Она бросила в пепельницу недокуренную сигарету, носовым платком Боба вытерла глаза и взяла Алберта за руку.

Брайан, Ник, Боб, Дон Гаффни, Руди Уэрвик уже миновали половину зала ожидания, и Алберт вглядывался в обтянутую красной рубашкой спину мистера Гаффни, когда перед ним вновь возник тот же дорожный знак: «ВНИМАНИЕ! ВПЕРЕДИ УЧАСТОК С ДВУСТОРОННИМ ДВИЖЕНИЕМ».

— Стой! — воскликнул он, ухватил Бетани за талию, притянул к себе и зарылся лицом в ложбинку над ключицей.

— Ой! Да мы же совсем не знаем друг друга! — воскликнула Бетани.

Затем захихикала и обняла Алберта за шею. Алберт, природная юношеская застенчивость которого исчезала только в грезах, не обратил на это ни малейшего внимания. Он еще раз шумно вдохнул через нос. Запахи ее волос, пота, духов еще оставались, но ослабели, очень ослабели.

— Странный кавалер! — Бетани все хихикала, но уже раскраснелась.

Алберт посмотрел на их «767» и увидел то, что несколько минут назад отметил Брайан: невероятную белизну обшивки и чистоту линий. Он словно вибрировал энергией на сером, тусклом фоне окружающего мира.

И вот тут яркой вспышкой его осенило, прорвалось-таки наружу. Главная мысль напоминала огненный шар, от него змеились протуберанцы — варианты ее практического использования. У Алберта перехватило дыхание.

— Алберт? — спросил Боб. — Алберт, что слу...

— Капитан Энгл! — закричал Алберт.

В ресторане Лорел вскочила на ноги. Дайна тут же вцепилась в нее своими ручонками. Крейг Туми вывернул шею, чтобы увидеть, что происходит в зале ожидания.

— Капитан Энгл, подойдите сюда!

4

На летном поле у звука прибавилось громкости.

Брайану он напоминал статические радиопомехи. Нику Хопуэллу — шуршание сухой травы в тропиках под сильным ветром. Алберту, который летом работал в «Макдоналдсе», — жарящийся в масляной ванне картофель. Бобу Дженкинсу казалось, будто кто-то мнет бумагу в дальней комнате.

Все четверо спустились по транспортеру, подлезли под листами резины и теперь стояли в зоне разгрузки багажных тележек, прислушиваясь к звукам, издаваемым неведомыми существами, которых Крейг Туми называл лангольерами.

— Сильно они приблизились? — спросил Брайан Ника.

— Трудно сказать. Вроде бы приблизились, но окна и стены приглушают звук.

— Пошли. — Алберт нетерпеливо переминался с ноги на ногу. — Как мы заберемся в самолет? По желобу?

— В этом нет необходимости. — Брайан указал на передвижной трап, который стоял у галереи 2.

— Ты знаешь, что это очень смелое предположение, не так ли, Алберт? — спросил Брайан по пути к трапу.

— Да, но...

— Лучше смелое, чем никакого, — закончил за него Ник.

— Не волнуйтесь, — вмешался писатель. — Я буду разочарован не меньше вашего. Идея у юноши очень

 логичная... хотя, Алберт, ты понимаешь, что, *возможно*, есть факторы, о которых мы еще ничего не знаем, не так ли?

— Конечно!

Они подошли к трапу, Брайан дернул вверх педаль тормоза, освобождая колеса. Ник взялся за правый поручень, Брайан — за левый.

— Надеюсь, он покатится, — вырвалось у Брайана.

— Покатится, — уверенно ответил Боб Дженкинс. — Самые простые химические и физические законы по-прежнему действуют. Наши тела могут перерабатывать вдыхаемый воздух, двери открываются и закрываются...

— Не забудьте гравитацию, — поддакнул Алберт. — Земля все так же притягивает к себе.

— Может, прекратим дискуссию и займемся делом? — предложил Ник.

Трап легко стронулся с места. Ник и Брайан, не прилагая особых усилий, покатили его к «767», Алберт и Боб зашагали следом. Одно из колес ритмично поскрипывало. Поскрипывание сопровождалось постоянным похрустыванием, доносящимся с востока.

— Посмотрите на него. — Алберт указал на самолет. — Только посмотрите. Неужели вы не видите, сколь разительно отличается он от всего остального?

Ответа не требовалось, все и промолчали. Конечно, они видели. И Брайан, пусть и с неохотой, начал признавать, что парень, возможно, говорил дело.

Они поставили трап под углом к желобу, верхнюю ступеньку отделяла от люка пара футов.

— Я залезу в самолет первым, — сказал Брайан. — После того как уберу желоб, ты, Ник, и Алберт установите трап как положено.

— Да, капитан. — Ник четко отдал честь, костяшки указательного и среднего пальцев чуть коснулись лба.

— Атташе по делам молодежи, — усмехнулся Брайан и легко взбежал по ступенькам.

Пара минут ушла у него на то, чтобы с помощью лебедки втянуть желоб в самолет. Потом он выглянул из люка и проследил за установкой трапа: не хватало только, чтобы его неумелые помощники случайно повредили самолет.

5

Руди Уэрвик и Дон Гаффни теперь приглядывали за Крейгом. Бетани, Дайна и Лорел стояли у окна в зале ожидания.

— Что они делают? — спросила Дайна.

— Они убрали желоб и поставили на его место трап, — ответила Лорел. — Теперь поднимаются в самолет. — И посмотрела на Бетани. — Ты действительно не знаешь, что они задумали?

Бетани покачала головой.

— Я знаю, что Туз, в смысле Алберт, чуть не сошел с ума. Мне бы хотелось думать, что его разобрала страсть ко мне, но я знаю, что дело не в этом. — Она помолчала. — Во всяком случае, пока. Он что-то сказал насчет самолета. И насчет того, что мои духи здесь быстро выдыхаются. Едва ли это понравилось бы Коко Шанель или как там ее звать. Еще он говорил о двустороннем движении. Этого я совсем не поняла. Нес какую-то белиберду.

— Я знаю, что он имел в виду, — подала голос Дайна.

— Что же, дорогая?

Дайна только покачала головой.

— Я лишь надеюсь, что они поторопятся. Потому что бедный мистер Туми прав. Лангольеры идут.

— Дайна, их же выдумал его отец.

— Может, когда-то они и были выдумкой. — Дайна повернулась незрячими глазами к окнам. — Теперь уже нет.

6

— Давай, Туз, — подбодрил юношу Ник. — Приступай.

У Алберта гулко билось сердце и дрожали руки, когда он выкладывал четыре экспериментальных объекта на полку-столик в первом классе, где давным-давно и на другом побережье континента женщина, которую звали Мелани Тревор, держала пакеты апельсинового сока и две бутылки шампанского.

Брайан наблюдал, как на столе появились книжица-коробка спичек, бутылка «Будвайзера», банка пепси и запечатанный в пластиковую упаковку сандвич с ореховым маслом из холодильного шкафа в ресторане.

— Ладно. — Алберт шумно выдохнул. — Давайте посмотрим, что мы имеем.

7

Дон вышел из ресторана и направился к окнам.

— Что происходит?

— Мы не знаем, — ответила Бетани.

Ей удалось зажечь еще одну спичку, и она вновь курила. Когда вынула сигарету изо рта, Дон заметил, что девушка оторвала фильтр.

— Они вошли в самолет и все еще там. Больше нам ничего не известно.

Дон несколько секунд оглядывал летное поле.

— Что-то изменилось. Не могу только понять, что именно.

— Смеркается, — ответила Дайна. — Вот что изменилось. — Голос ее звучал ровно, но лицо выражало одиночество и страх. — Я чувствую, что смеркается.

— Она права, — согласилась Лорел. — День длился всего два или три часа, но уже близится ночь.

— Мне все кажется, что это сон, — признался Дон. — Самый жуткий кошмар, какой мне только снился, но я надеюсь скоро проснуться.

Лорел кивнула.

— А как там мистер Туми?

Дон невесело рассмеялся.

— Вы не поверите.

— Не поверим чему? — полюбопытствовала Бетани.

— Он заснул.

8

Крейг Туми, разумеется, не спал. Люди, которые засыпают в критические моменты, вроде того типа, который должен был приглядывать за Иисусом Христом, пока тот молился в Гефсиманском саду, определенно не являлись частью ОБЩЕГО ЗАМЫСЛА.

Он наблюдал за обоими мужчинами, прикрыв глаза, в надежде, что они уйдут и оставят его одного. Наконец один, в красной рубашке, ушел. Уэрвик, лысый, с большими вставными зубами, подошел к Крейгу, наклонился над ним. Крейг плотно закрыл глаза.

— Эй, ты не спишь?

Крейг лежал не шевелясь, ровно дыша. Подумал, а не всхрапнуть ли ему, но решил, что без этого можно и обойтись.

Уэрвик легонько ткнул его в бок. Крейг не открыл глаза, не сбился с дыхания.

Лысый выпрямился, постоял над ним, направился к двери ресторана, где и остановился, глядя на женщин и Дона Гаффни. Крейг чуть приоткрыл один глаз, убедился, что Уэрвик повернулся к нему спиной. А потом очень осторожно попытался выпутаться из узла, охватывающего его запястья. Веревка, свернутая из скатерти, уже дала слабину.

Он дергал руки взад-вперед, пристально наблюдая за спиной Уэрвика, готовый застыть в тот самый мо-

мент, как только Уэрвик начнет поворачиваться. Крейг страстно желал, чтобы он *не* повернулся. Крейг хотел освободиться до того, как эти говнюки выйдут из самолета и вернутся в здание аэропорта. Особенно английский говнюк, который чуть не свернул ему нос и пнул в ребра, когда он лежал на полу. Английский говнюк и связал его как надо. Слава Богу, англичанину пришлось довольствоваться свернутой скатертью. Будь она из нейлона... Тогда бы крепко не повезло, а так...

Один из узлов ослаб, и теперь Крейг вращал руки из стороны в сторону. Он слышал, как приближаются лангольеры. И намеревался убраться отсюда до их прибытия. В Бостоне он будет в безопасности. В зале, полном банкиров, трудно будет носиться.

И горе тому мужчине, женщине или ребенку, кто попытается встать у него на пути.

9

Алберт поднял книжицу спичек, которую принес из ресторана.

— Вещественная улика А, — объявил он. — Приступаем.

Он оторвал спичку и чиркнул ею. Дрожащие руки подвели, спичка прошла выше шершавой полоски и согнулась.

— Дерьмо! — вырвалось у Алберта.

— Может, позволишь мне... — начал Боб.

— Оставьте его в покое, — остановил писателя Брайан. — Это его идея.

— Возьми себя в руки, Алберт, — посоветовал Ник.

Алберт оторвал новую спичку, выдавил из себя улыбку. Чиркнул.

Спичка не зажглась. Чиркнул снова. Спичка не зажглась.

— Я так и думал, — вздохнул Брайан. — Ничего...

— *Запах* серы, — перебил его Ник. — Я его почувствовал. Попробуй другую, Туз.

Но Алберт третий раз чиркнул той же спичкой... и она вспыхнула. И не погасла, когда сгорела головка. Продолжала гореть, как обычная спичка.

Алберт поднял голову, его рот расползся в широкой улыбке.

— Видите? Видите?

Он тряхнул рукой, загасил спичку, бросил на пол, оторвал новую. Эта вспыхнула с первого захода. Он поднес ее к оставшимся спичкам, как сделал Боб Дженкинс в ресторане. На этот раз они разом загорелись. И Алберту пришлось задувать их, как свечи на торте в день рождения. Ему пришлось дунуть дважды.

— Видите? — радостно воскликнул он. — Видите, что это значит? Двустороннее движение! *Мы привезли с собой наше время!* За бортом самолета — прошлое, к востоку от временно́й дыры оно повсюду... *Но здесь в самолете еще настоящее!*

— Ну не знаю. — В голосе Брайана слышалось сомнение, но душа у него уже пела: он чувствовал, что ничего невозможного больше нет, ему так хотелось обнять Алберта, похлопать парня по спине.

— Браво, Алберт! — воскликнул Ник. — Теперь пиво! Попробуй пиво!

Алберт сшиб крышку с бутылки, пока Ник искал целый стакан среди посуды, вывалившейся с тележки для напитков.

— Где дымок? — спросил Брайан.

— Дымок? — удивился Боб.

— Ну, не то чтобы дымок, скорее, пар, который выглядит как дым и собирается в горлышке.

Алберт понюхал, протянул бутылку Брайану.

— Убедитесь сами.

Брайан принюхался и заулыбался.

Запах пива, хотя и без дымка.

Ник протянул стакан, и Алберт не без удовольствия отметил, что рука у англичанина тоже дрожит.

— Наливай, — торопил его англичанин. — Ожидание действует мне на нервы.

Алберт налил, и улыбки поблекли.

Пиво выдохлось. Абсолютно выдохлось. Какая там пена? Пиво напоминало принесенную на анализ мочу.

10

— Святый Боже, темнеет!

Стоящие у окна оглянулись на приближающегося к ним Руди Уэрвика.

— Вроде бы вы должны приглядывать за психом, — напомнил ему Дон, но Руди отмахнулся.

— Он вырубился. Думаю, этот удар по голове подействовал сильнее, чем казалось на первый взгляд. Что тут происходит? Почему так быстро темнеет?

— Мы не знаем, — ответила Бетани. — От нас ничего не зависит. Вы думаете, этот странный тип впал в кому?

— Понятия не имею. А если и так, мы же не будем его беспокоить, не правда ли? Господи, какой *жуткий* звук! Словно стая термитов набросилась на дерево. — Впервые Руди забыл о своем желудке.

Дайна посмотрела на Лорел:

— Думаю, нам лучше проверить, как там мистер Туми. Я за него тревожусь. Готова спорить, он очень напуган.

— Если мистер без сознания, Дайна, едва ли мы сможем...

— Не думаю, что он без сознания, — возразила Дайна. — Он даже не спит.

Лорел задумчиво посмотрела на девочку и взяла ее за руку.

— Хорошо. Пойдем посмотрим, как он там.

11

Узел, затянутый Ником Хопуэллом на правом запястье Крейга, наконец-то растянулся, и он смог вытащить руку. Затем освободил и вторую. Вскочил. Боль прострелила голову, его качнуло. Перед глазами запрыгали черные точки, потом медленно исчезли. Он заметил, что в зале ожидания быстро сгущается тьма. Наступала ночь. Похрустывание лангольеров слышалось все отчетливее, то ли потому, что его слух был настроен на этот звук, то ли потому, что лангольеры действительно приближались.

Крейг увидел, как в дальнем конце зала ожидания два силуэта, высокий и низкий, отделились от остальных и направились к нему. Женщина с надменным голосом и маленькая слепая девочка с отвратительной, надутой физиономией. Он не мог допустить, чтобы они подняли тревогу. В его планы это не входило.

Крейг попятился от кровавого пятна на ковре, оставшегося в том месте, где лежала его голова, не спуская глаз с приближающихся фигур.

На прилавке, слева от кассового аппарата, стояли ящики с вилками, ложками, ножами. Но пластиковыми, а потому для него неподходящими. Крейг заглянул за кассовый аппарат, и не зря: на полке лежал мясницкий нож. Крейг схватил его и спрятался за кассовым аппаратом. Особенно внимательно он следил за маленькой девочкой. Маленькая девочка много знала... может, слишком много. А потому возникал вопрос: что она будет делать с тем, что знала?

Очень интересный, животрепещущий вопрос.

Не так ли?

12

Ник переводил взгляд с Алберта на Боба.

— Итак, со спичками получается, а с пивом нет. — Он вновь посмотрел на стакан с пивом. — И что это должно...

Со дна стакана сорвалась первая гроздь пузырьков. Они быстро поднимались, расширялись, взбили поверхность тонким слоем пены. У Ника округлились глаза.

— Вероятно, — заговорил Боб, — требуется какое-то время, чтобы вещи перешли из прошлого в настоящее. — Он взял стакан, отпил, чмокнул губами. — Отличное пиво. — Все смотрели на нарастающий слой пены. — Могу ответственно заявить, что лучшего пива мне пить не приходилось.

Алберт добавил пива. На этот раз оно сразу дало обильную пену, которая вспухла над стаканом и выплеснулась из него. Брайан поднял стакан.

— Ты уверен, что хочешь выпить пива? — Ник улыбался во весь рот. — Вроде бы у пилотов есть правило не прикасаться к спиртному перед полетом?

— Это правило не действует, когда речь идет о полетах во времени. Можешь заглянуть в инструкцию. — Капитан отпил пива, рассмеялся и посмотрел на Боба. — Вы правы, это самое лучшее пиво, которое мне доводилось пить. Теперь попробуй пепси, Алберт.

Алберт вскрыл банку, и они услышали характерное шипение, непременный атрибут всех рекламных клипов, расхваливающих безалкогольные прохладительные напитки. Алберт поднял банку ко рту, а когда опускал ее, у него в глазах стояли слезы.

— Господа, сегодня особенно хороша пепси-кола, — возвестил он голосом старшего официанта, и все дружно рассмеялись.

13

Дон Гаффни догнал Лорел и Дайну у двери ресторана.

— Я решил, что мне лучше... — И, замолчав на полуслове, огляделся. — Черт. Где же он?

— Я не... — начала Лорел, и тут же раздался голос Дайны:

— Тихо!

Ее голова медленно повернулась, словно антенна радиолокатора. На мгновение в ресторане повисла мертвая тишина... во всяком случае, Лорел ничего не слышала.

— Там. — Дайна указала на кассовый аппарат. — Он прячется там.

— Откуда ты знаешь? — нервно спросил Дон. — Я ничего не слышу...

— Знаю, — спокойно ответила девочка. — Я слышу, как его ногти скребут по металлу. И я слышу удары его сердца. Оно бьется очень часто и очень сильно. Он испуган до смерти. Мне его так жалко. — Внезапно она вырвала руку из ладони Лорел и шагнула вперед.

— *Дайна, нет!* — крикнула Лорел.

Девочка ее словно и не услышала. Шла к кассовому аппарату, выставив перед собой руки, чтобы не наткнуться на стол или стул. Тени, казалось, поглотили ее.

— Мистер Туми? Пожалуйста, выходите. Мы не хотим причинять вам вреда. Пожалуйста, не бойтесь...

Волна крика поднялась из-за кассового аппарата. Громкого и пронзительного. Вроде бы это было одно короткое слово, но произнесенное голосом безумца.

— Ты-ы-ы-ы-ы-ы...

Крейг выскочил из-за укрытия, со сверкающими глазами, с ножом в руке, внезапно осознав, что девочка — одна из *них*, что она прячется за черными очками, что она не просто лангольер, а *главный* лангольер, что именно она созывает остальных, созывает мертвыми, слепыми глазами.

— Ты-ы-ы-ы-ы-ы...

С криком он бросился на девочку. Дон Гаффни отшвырнул Лорел в сторону и рванулся вперед. Быстро, но недостаточно быстро. В охватившем его безумии Крейг Туми мог посостязаться в скорости с любым лангольером. Он мчался прямо на Дайну.

Девочка не сделала попытки уклониться.

Дайна протягивала к нему руки, чтобы обнять и успокоить.

— ...ы-ы-ы-ы-ы...

— Все в порядке, мистер Туми. Не бой...

И в этот момент Крейг всадил в нее нож и выбежал в зал ожидания, по-прежнему заходясь в крике.

Дайна на мгновение застыла. Ее руки нащупали деревянную рукоятку ножа, торчащую из платья, изучая, прошлись по ней. А потом она медленно, грациозно осела на пол, став еще одной тенью в сгущающейся темноте.

Глава 7

Дайна в долине Теней. Самый быстрый тостер к востоку от Миссисипи. Наперегонки со временем. Ник принимает решение

1

Алберт, Брайан, Боб и Ник пустили по кругу сандвич с ореховым маслом. Каждый откусил по два раза... и от сандвича остались одни воспоминания. Алберт подумал, что такой восхитительной еды не готовила даже его мама. Желудок уже требовал добавки.

— Я думаю, нашему лысому другу мистеру Уэрвику эта часть эксперимента понравилась бы больше всего. — Ник посмотрел на Алберта. — Ты гений, Туз. Ты это знаешь, не так ли? Истинный гений.

Алберт раскраснелся от счастья.

— Это уж перебор. Я лишь воспользовался дедуктивным методом, о существовании которого напомнил мистер Дженкинс. Если два потока, двигающиеся в противоположных направлениях, встречаются, они

смешиваются и образуют водоворот. Я увидел, что произошло со спичками Бетани, и решил, что в самолете может случиться обратное. Да еще ярко-красная рубашка мистера Гаффни. Она начала терять цвет, тускнеть прямо на глазах. Вот я и решил: если что-то теряет первоначальные качества *вне* самолета, может, в самолете эти качества начнут восстанавливаться. Вот...

— Прости, что перебиваю, — вмешался Боб Дженкинс, — но я думаю, что процесс восстановления нам надо начинать как можно скорее. Эти звуки! Но еще больше тревожит другое. Самолет — не замкнутая система. Боюсь, пройдет не так уж много времени, прежде чем он начнет терять свою... свою...

— Свою временну́ю принадлежность?

— Да. Хорошо сказано. Топливо, которое мы зальем в баки сейчас, может, и будет гореть... но через несколько часов... возможно, и нет.

Неприятная мысль посетила Брайана: а если топливо перестанет гореть, когда они пролетят только половину пути, на высоте 36 тысяч футов? Он открыл рот, чтобы сказать об этом... и закрыл, не произнеся ни слова. К чему говорить об этом, если что-то изменить они бессильны?

— С чего начнем, Брайан? — по-деловому спросил Ник.

Брайан мысленно прокрутил все этапы заправки. Учитывая, что его помощники играли в самолетики только в детстве, проблемы, конечно, будут. Но неразрешимых он не видел.

— Начнем с того, что я запущу двигатели и подгоню самолет к «Боингу-727». Потом выключу правый двигатель борта, но оставлю в работе левый. Нам повезло. Этот «767» оснащен заправочным клапаном на крыле и системой вспомогательных силовых установок, которые...

Пронзительный крик перекрыл мерное похрустывание. Затем кто-то стремительно взбежал по трапу.

192 Ник мгновенно занял боевую стойку. Но в проеме появилось бледное, перекошенное от ужаса лицо Бетани, и Ник опустил руки.

— Пойдемте! — выкрикнула Бетани. — Вы должны пойти со мной! — И тут же подалась назад, на трап.

Алберт и Брайан решили, что сейчас она свалится с крутых ступеней и сломает себе шею. Но Ник прыгнул вперед, схватил ее и втащил в самолет. Бетани, похоже, даже не поняла, что была на волосок от смерти. Ее темные глаза переполнял ужас.

— Пожалуйста, пойдемте! Он зарезал ее! Я думаю, она умирает!

Ник положил руки на плечи, наклонился к ней, словно хотел поцеловать.

— Кто кого зарезал? Кто умирает?

— Я... она... мистер Т-т-туми...

— Бетани, скажи «чашка».

Она изумленно вытаращилась на него. Да и Брайан смотрел на Ника как на безумца.

— Скажи «чашка». Немедленно.

— Ч-ч-чашка.

— Чашка и блюдце. Повтори, Бетани.

— Чашка и блюдце.

— Молодец. Тебе лучше?

Она кивнула.

— Да.

— Хорошо. Если будешь терять контроль над собой, немедленно скажи слово «чашка», и ты сразу придешь в норму. Итак, кого зарезали?

— Слепую девочку. Дайну.

— Дерьмо собачье! Понятно, Бетани. Только этого... — Ник увидел, как Брайан, а вслед за ним и Алберт направляются к трапу. — Нет! — бросил он. — Оставайтесь здесь!

Брайан служил во Вьетнаме и хорошо знал, как звучит приказ, требующий безусловного выполнения. Он замер как вкопанный, и Алберт, не такой дисци-

планированный, ткнулся ему в спину. «Я это знал, — подумал Брайан. — Я знал, что он возьмет командование на себя. Вопрос был лишь — когда и при каких обстоятельствах».

— Ты знаешь, как это случилось и где сейчас наш нехороший попутчик? — спросил Ник Бетани.

— Этот парень... этот парень в красной рубашке...

— Понятно. Можешь не продолжать. — Глаза Ника горели гневом. — Эти болваны оставили его одного. Готов поспорить на мою пенсию. Что ж, больше этого не повторится. Это была последняя выходка нашего мистера Туми.

Он вновь повернулся к девушке. Бетани поникла головой и дышала часто-часто. Волосы упали на лицо.

— Она жива, Бетани? — мягко спросил Ник.

— Я... я... я...

— Чашка, Бетани.

— Чашка! — выкрикнула Бетани и подняла на него красные от слез глаза. — Я не знаю. Она была жива, когда я... вы понимаете, побежала к вам. Сейчас она, возможно, и умерла. Он ударил ее ножом в грудь. Господи, ну почему среди нас оказался псих? Разве без него мало проблем?

— И никто из вас, кому поручалось следить за ним, не имеет ни малейшего понятия, куда он убежал после нападения на Дайну, так?

Бетани закрыла лицо руками и разрыдалась.

— Не ругайте ее. — Алберт обнял Бетани за талию, она положила голову ему на плечо и зарыдала еще сильнее.

Ник мягко отодвинул их в сторону.

— Если кого и надо ругать, Туз, так это меня. Мне следовало остаться с ними.

Ник повернулся к Брайану.

— Я возвращаюсь в здание аэровокзала. Ты — нет. Мистер Дженкинс абсолютно прав: наше время на исходе. Включи двигатели, но пока не трогай самолет с места. Если девочка еще жива, нам потребуется трап,

чтобы поднять ее на борт. Боб, останьтесь у трапа. Туми в самолет допускать нельзя. Алберт, пойдешь со мной.

А потом он сказал то, от чего кровь застыла в жилах и у Брайана, и у Алберта, и у Боба, и у Бетани:

— Я надеюсь, что она умерла, да простит меня Бог. Ее смерть сэкономит нам время.

2

Но Дайна не умерла. Даже не потеряла сознания.

Лорел сняла с нее очки, чтобы вытирать пот со лба, и глаза Дайны, темно-карие, широко раскрытые, ничего не видящие, смотрели в зеленовато-синие глаза Лорел. За ее спиной плечом к плечу стояли Дон и Руди, с тревогой глядя на девочку.

— Мне очень жаль, — в пятый раз повторил Руди. — Я действительно думал, что он отключился. Отключился напрочь.

Лорел его словно не замечала.

— Как ты, Дайна? — ласково спросила она.

Лорел не хотела смотреть на рукоятку ножа, торчащую из платья, но взгляд то и дело возвращался к ней. Крови практически не было, во всяком случае, пока. Только платье чуть потемнело в том месте, где нож вошел в тело.

— Больно, — чуть слышно ответила Дайна. — Трудно дышать. И *жарко*.

— Все будет хорошо.

Рукоятка ножа так и притягивала взгляд Лорел. Она не могла понять, почему лезвие не пробило насквозь маленькое тельце Дайны, почему девочка до сих пор жива.

— ...отсюда, — вымолвила Дайна, скривилась, тоненькая струйка крови потекла из уголка рта, зазмеилась по щеке.

— Не надо говорить, дорогая. — Лорел смахнула мокрые от пота кудряшки со лба Дайны.

— Мы должны выбраться *отсюда*, — настаивала Дайна тихим, едва слышным шепотом. — И не надо винить мистера Туми. Он... напуган, ничего больше. *Ими.*

Дон злобно огляделся.

— Если я найду этого мерзавца, я его так напугаю... — Его руки сжались в кулаки, на одном из пальцев блеснул тяжелый перстень. — Этот ублюдок пожалеет о том, что родился на свет Божий.

Ник влетел в ресторан в сопровождении Алберта. Протиснулся мимо Руди Уэрвика и опустился на колени рядом с Дайной. Его взгляд лишь на секунду задержался на рукоятке ножа.

— Привет, крошка. — Голос звучал весело, но глаза потемнели. — Я вижу, тебе устроили вентиляцию легких. Не волнуйся, скоро снова будешь здоровой и веселой.

Дайна чуть улыбнулась.

— Правда? — прошептала она.

Кровь вновь побежала у нее изо рта, а зубы покраснели. Лорел увидела это, и к горлу подкатила тошнота.

— Конечно. Я хочу повернуть твою голову набок. Пожалуйста, не дергайся.

— Хорошо.

Ник осторожно поворачивал голову Дайны, пока ее щека не коснулась ковра.

— Больно?

— Да, — прошептала Дайна. — Жарко. Трудно... дышать.

В голосе появились хрипы. Кровь уже текла не переставая, пачкая ковер в десяти футах от того места, где подсыхала кровь Крейга Туми.

— Тебе хочется кашлять, Дайна?

— Да... нет... не знаю.

— Старайся не кашлять. Если появится такое желание, не замечай его. И больше не говори, хорошо?

— Не... причиняйте вреда... мистеру Туми. — Чувствовалось, что Дайне это было очень важно.

— Не волнуйся, детка, его никто и пальцем не тронет. Можешь мне поверить.

— ...не могу... вам... доверять...

Ник наклонился, поцеловал ее в щеку, прошептал на ухо:

— *Можешь*, ты же знаешь, я заслуживаю доверия. А теперь лежи тихо, а мы позаботимся об остальном.

Он взглянул на Лорел:

— Вы не пытались вытащить нож?

— Я... нет. — В горле у нее стоял большой горячий комок, Лорел шумно сглотнула, отправить его вниз не удалось. — А следовало?

— Нет, иначе шансов у нее уже не было бы. Вы умеете оказывать первую помощь?

— Нет.

— Ладно, буду говорить вам, что надо делать... но сначала я должен узнать: не падаете ли вы в обморок от вида крови? Только говорите правду.

— Кровь я видела только один раз, — ответила Лорел. — Когда мы играли в прятки с сестрой, она ударилась о дверной косяк и выбила себе два передних зуба. Тогда я в обморок не упала.

— Хорошо. Значит, не упадете и теперь. Мистер Уэрвик, принесите мне из бара полдюжины скатертей. — Ник улыбнулся девочке. — Еще минута или две, и тебе станет гораздо лучше, Дайна. Молодой доктор Хопуэлл знает, как помочь дамам, особенно если они такие юные и красивые.

У Лорел возникло неожиданное абсурдное желание протянуть руку и коснуться волос Ника.

«Что это с тобой? — одернула она себя. — Маленькая девочка умирает, а тебе вдруг захотелось знать,

какие на ощупь у него волосы! Прекрати! Откуда в тебе такая дурь?

Но с другой стороны... Разве не дурью объясняется решение лететь через весь континент на встречу с человеком, адрес которого я нашла в журнале? — думала Лорел. — А чем еще можно объяснить намерение переспать с ним, если он окажется достаточно симпатичным... и если у него изо рта не будет идти плохой запах! Хватит, Лорел! Хватит!»

Да, вдруг произнес в ее голове другой голос. *Ты абсолютно права, это безумие, для таких мыслей время самое неподходящее... но все-таки интересно, каков молодой доктор Хопуэлл в постели? Нежный или...*

Лорел задрожала и подумала, уж не с этого ли начинается истерический припадок.

— Они все ближе, — прошептала Дайна. — Вам надо...

Она закашлялась, большой красный пузырь вырос на губах, распался мельчайшими капельками, окропившими ей щеки. Дон Гаффни что-то пробормотал и отвернулся.

— ...торопиться, — закончила фразу девочка.

Радостная улыбка Ника ни на йоту не изменилась.

— Я знаю, — ответил он.

3

Крейг пулей проскочил зал ожидания, слетел вниз по эскалатору, в голове у него бушевала паника, на какие-то мгновения она даже заглушала похрустывание лангольеров. Никто не заметил, куда он убежал. В вестибюле первого этажа он огляделся, бросился к входным дверям и врезался в одну из них. Он забыл обо всем, в том числе и об отключенном электричестве. Фотоэлемент не работал, соответственно дверь и не открылась при его приближении.

Его отбросило назад, он упал на пол, тяжело дыша, словно вытащенная на берег рыба. Крейг полежал, пытаясь прийти в себя, остановил взгляд на своей правой руке. В сумраке она казалась лишь бледным пятном, но Крейг различал на ней темные капли: кровь маленькой девочки.

«Только это не маленькая девочка, — напомнил он себе, — совсем не девочка. Она просто выглядела как маленькая девочка. А на самом деле она главный лангольер, и без нее остальные не смогут... не смогут... Не смогут что? Найти меня?»

Но теперь он вновь слышал их голодную поступь, сводящее с ума похрустывание: с востока на него словно накатывалась армия гигантских прожорливых насекомых.

Все смешалось у него в голове.

Крейг увидел маленькую дверь, ведущую наружу, поднялся, двинулся к ней. Остановился. Шоссе, несомненно, вело в Бангор. А зачем ему Бангор? *Бангор* определенно не вписывался в ОБЩИЙ ЗАМЫСЕЛ. Он должен добраться до *Бостона*. Если он попадет туда, все образуется. И что сие должно означать? Его отец наверняка нашел бы ответ. А значит, от сына требовалось одно: ПРЕКРАТИТЬ НОСИТЬСЯ И ДЕЙСТВОВАТЬ ОСМЫСЛЕННО.

Его разум схватился за эту идею, как жертва кораблекрушения хватается за все, что оказывается под рукой, все, что держится на воде, пусть даже это будет дверь от сортира. Если он сможет добраться до Бостона, обо всем, что произошло здесь, можно будет... можно будет...

— Забыть, — пробормотал Крейг.

От этого слова луч рационального пробил мрак в его мозгу, и голос (скорее всего голос отца) прокричал подтверждение: ДА!

Но как ему это сделать? До Бостона пешком не дойти, а на борт самолета, единственного, который мог

долететь до Бостона, они его не пустят. После того, что он сделал с их маленькой слепой любимицей.

— Но они же ничего не знают, — прошептал Крейг. — Они же не знают, какую я оказал им услугу, они не знают, кто она на самом деле. — Его глаза, огромные, влажные от слез, блеснули в темноте.

Спрячься, шепнул голос отца, *спрячься в самолете.*

Точно, поддакнула мать. *Спрячься. Это выход, Крейги-Вейги. Опять же, если спрячешься, тебе не понадобится билет, не так ли?*

Крейг посмотрел в сторону багажного транспортера. Да, по нему можно попасть на летное поле. А вдруг они выставили у самолета охрану? Пилот до этого бы не додумался: попав в кабину, он забыл бы обо всем, кроме своих приборов, но вот англичанин скорее всего об охране не забыл.

И что же теперь делать?

Если в Бангор идти бесполезно и на летное поле выходить смысла нет, что же ему делать и куда идти?

Крейг повернулся к эскалатору. Они скоро бросятся за ним в погоню, наверняка с англичанином во главе, а он стоит у всех на виду, словно стриптизерша, которая только что бросила зрителям свои трусики и пояс.

Я должен спрятаться, решил он, *хотя бы на время.*

Крейг услышал, как на летном поле взревели двигатели, но нисколько не обеспокоился: в самолетах он кое-что понимал, поэтому знал, что без дозаправки Энглу никуда не улететь. Так что пока можно не волноваться из-за того, что его оставят здесь.

Он медленно поворачивался, вглядываясь в сгущающуюся темноту, и увидел табличку на двери между пунктом проката автомобилей компании «Авис» и стойкой Бангорского туристического агентства. На табличке он прочитал: СЛУЖБЫ АЭРОПОРТА.

Означать это могло что угодно.

Крейг поспешил к двери и, тревожно оглядываясь, попытался ее открыть. Дверь открылась, стоило только чуть надавить на нее плечом. Крейг в последний раз оглянулся, никого не увидел, переступил порог и закрыл дверь за собой.

Полная, абсолютная тьма окутала его, он ослеп. Как маленькая девочка, которую он ударил ножом. Крейг не возражал. Темноты он не боялся, наоборот, радовался ей. Если только ты не с женщиной, в темноте можно ничего не делать. В темноте эффективность твоих действий уже не являлась основным критерием.

Более того. В закрытой комнате похрустывание лангольеров слышалось не столь отчетливо.

Крейг медленно двинулся вперед, выставив перед собой руки, не отрывая ног от пола. Три осторожных шага, и бедром он во что-то уперся. Кажется, в край стола. Крейг опустил руки. Да. Стол. Руки прошлись по поверхности, находя предметы, знакомые каждому американскому «белому воротничку»: стопка бумаги, проволочная корзинка для входящих и исходящих документов, баночка со скрепками, письменный прибор. Он обошел стол, опять же бедром наткнулся на кресло. Втиснулся между креслом и столом, сел. Настроение сразу улучшилось. Крейг почувствовал себя самим собой, к нему вернулись спокойствие и хладнокровие. Выдвинул верхний ящик, сунул в него руку в поисках оружия... хотя бы чего-нибудь острого. Усилия его не пропали даром: он сразу же нашел нож для вскрытия писем.

Посидел, прислушиваясь к биению сердца и приглушенному реву авиадвигателей, затем его руки нашли стопку бумаги. Крейг взял верхний листок, поднес к себе, но не увидел его белизны: такая стояла тьма.

Все правильно, Крейги-Вейги, вновь где-то в его мозгу прозвучал голос матери. *Посиди в темноте. Посиди, пока не придет время действовать. Когда оно придет...*

Я тебе скажу, мрачно добавил отец.

— Хорошо, — согласился Крейг. Пальцы переместились к правому торцу листка. Оторвали аккуратную длинную полоску.

Ри-и-ип.

Разум его наполнился покоем, как бассейн — прохладной, отливающей синим водой. Он выронил невидимую полоску на невидимый стол, принялся за следующую. Все получалось как нельзя лучше. Просто отлично. Он даже начал напевать себе под нос:

— Назови меня... утренним ангелом, крош-шка...

Ри-и-ип.

— Прикоснись к моей щеке, прежде чем покинешь меня... крош-шка...

Спокойный, умиротворенный, Крейг сидел и ждал, пока отец скажет ему, что делать дальше, точно так же, как не раз бывало в далеком детстве.

4

— Слушай внимательно, Алберт, — говорил Ник. — Мы должны переправить ее в самолет, а для этого нам понадобятся носилки. На борту их нет, но в здании аэропорта должны быть. Где?

— Мистер Хопуэлл, капитан Энгл наверняка знает это лучше...

— Но капитана Энгла здесь нет, — нетерпеливо бросил Ник. — Так что нам придется управляться самим.

Алберт нахмурился... и вспомнил табличку на двери, которую видел на первом этаже.

— Службы аэропорта? — спросил он. — Может, там?

— Скорее всего. Где ты это видел?

— Этажом ниже. Рядом с пунктом проката автомобилей.

— Хорошо, — кивнул Ник. — Теперь распределяем обязанности. Ты и мистер Гаффни разыскиваете носилки. Мистер Гаффни, я рекомендую вам осмотреть гриль за стойкой. Думаю, вы найдете там острые ножи. Я уверен, что наш нехороший приятель обзавелся своим именно там. Один возьмите для себя, один — для Алберта.

Дон молча направился к стойке. Руди Уэрвик вернулся из бара «Красный барон» с охапкой клетчатых красно-белых скатертей.

— Я очень сожалею... — начал он, но Ник тут же оборвал его.

Смотрел он на Алберта, его лицо белым пятном выделялось над скрывшимся в тени телом Дайны. Сумерки практически перешли в ночь.

— Возможно, вы не столкнетесь с мистером Туми. Я полагаю, он убежал отсюда в панике, безоружный. А сейчас или прячется в каком-нибудь чулане, или покинул здание аэропорта. Если вы его увидите, настоятельно рекомендую не приближаться к нему, если только он сам не нападет на вас. — Ник повернулся к Дону, который возвращался с двумя острыми тесаками. — Прошу четко отличать главное от второстепенного. Перед вами не ставится задача захватить мистера Туми, чтобы потом воздать ему по справедливости. Вы посланы за носилками и должны принести их как можно скорее. Потому что нам надо выметаться отсюда. И побыстрее.

Дон предложил Алберту нож, но юноша покачал головой, посмотрел на Руди Уэрвика и спросил:

— Могу я взять одну из скатертей?

Дон вытаращился на Алберта как на безумца.

— Скатерть? Зачем она тебе?

— Сейчас покажу.

Алберт стоял на коленях рядом с Дайной. Теперь поднялся, направился к стойке. Пошуровал за прилавком, нашел то, что искал: старенький тостер на два кусочка хлеба. Поднял его, выдернул штепсель из ро-

зетки, обернул провод вокруг корпуса, вернулся к остальным. Взял скатерть, расстелил ее на полу, положил тостер на угол. Затем дважды завернул тостер в скатерть, словно рождественский подарок. Два угла завязал в узлы, закрепив тостер внутри, взялся за оставшийся свободный угол и встал, вооруженный палицей на гибкой ручке.

— Ребенком я часто играл в Индиану Джонса, — объяснил Алберт. — Я сделал себе вот такое оружие и говорил всем, что это мой кнут. Однажды я чуть не сломал руку моему брату Дэвиду. Взял старое одеяло и завернул в него гирю. Глупо, конечно. Я понятия не имел, что удар может получиться таким сильным. Мне тогда крепко досталось от отца. Выглядит эта штука смешной, но тому, кто окажется у нее на пути, не поздоровится. Это я гарантирую.

Ник с сомнением взглянул на эту палицу, но ничего не сказал. Если Алберт будет чувствовать себя спокойнее с тостером, завязанным в скатерть, почему нет?

— Хорошо. А теперь найдите носилки и принесите сюда. Если их не окажется за дверью с надписью СЛУЖБЫ АЭРОПОРТА, поищите где-нибудь еще. Если не найдете в течение пятнадцати минут... нет, десяти, возвращайтесь, и мы перенесем ее на руках.

— На руках нельзя! — воскликнула Лорел. — Если внутреннее кровотечение...

Ник вперился в нее взглядом.

— Внутреннее кровотечение уже есть. А вот выделить на поиски носилок больше десяти минут я не могу.

Лорел открыла было рот, чтобы возразить, но ее остановил хриплый шепот Дайны:

— Он прав.

Дон засунул нож за пояс и сказал Алберту:

— Пошли, сынок.

Они пересекли зал ожидания, спустились на первый этаж по застывшему эскалатору. Алберт обмотал кулак свободным концом скатерти.

5

Теперь Ник сосредоточил внимание на лежащей на полу девочке.

— Как ты себя чувствуешь, Дайна?

— Мне больно, — выдохнула она.

— Да, конечно, больно. И то, что я сейчас сделаю, причинит более сильную боль, но лишь на несколько секунд. Нож сидит у тебя в легком, и его обязательно надо вынуть. Ты это понимаешь?

— Да. — Темные невидящие глаза смотрели на Ника. — Я боюсь.

— Я тоже, Дайна. Я тоже боюсь. Но это надо сделать. Ты готова?

— Да.

— Молодец. — Ник поцеловал ее в щечку. — Хорошая, смелая девочка. Все произойдет быстро, обещаю. Я хочу, чтобы ты расслабилась, Дайна, и постаралась не кашлять. Ты меня поняла? Это очень важно. Постарайся не кашлять.

— Я постараюсь.

— Сначала тебе покажется, что ты не можешь дышать. Ты даже почувствуешь, что воздух выходит из тебя, как из спущенной шины. Это неприятное ощущение, дорогая, и, возможно, ты захочешь дернуться или закричать. Этого делать нельзя. И кашлять нельзя.

Ответа Дайны никто не расслышал.

Ник шумно глотнул, вытер со лба пот, повернулся к Лорел.

— Сложите две скатерти в квадратные прокладки. Как можно более толстые. Встаньте рядом со мной на колени. Чем ближе, тем лучше. Уэрвик, снимите пояс.

Ник посмотрел на Лорел. Она потупилась под его взглядом.

— Я собираюсь взяться за рукоятку и вытащить нож. Если он не зацепится за ребра, а судя по его положению, этого не произойдет, нож выйдет легко. Я сразу подамся назад, освобождая вам место. Одну из

прокладок вы быстро положите ей на грудь и прижмете со всей силой. Не волнуйтесь о том, что причините ей боль или что она не сможет дышать. У Дайны перфорация легкого, а скорее всего даже две. Вот о чем надо тревожиться. Вы меня поняли?

— Да.

— После этого я сразу подниму девочку. Вы по-прежнему должны прижимать прокладку к ее груди. Мистер Уэрвик подсунет вторую прокладку ей под спину, если мы увидим кровь на спине. Потом мы затянем обе прокладки ремнем мистера Уэрвика. — Он взглянул на Руди. — Как только я попрошу, подайте ремень, приятель. Не заставляйте меня просить дважды.

— Не заставлю.

— Вам хватит света, чтобы все это увидеть, Ник? — спросила Лорел.

— Думаю, что да, — ответил Ник. — Надеюсь на это. — Он вновь посмотрел на Дайну. — Ты готова?

Дайна что-то пробормотала.

— Хорошо. — Он глубоко вдохнул, медленно выдохнул. — Да поможет мне Бог.

Обеими руками взялся за рукоятку, совсем как бейсболист берется за биту. Потянул. Дайна вскрикнула. Кровь брызнула у нее изо рта и окатила лицо Лорел, склонившейся над девочкой. Лорел отпрянула.

— Нет! — рявкнул Ник, не оглядываясь. — Только посмей лишиться чувств! Только посмей!

Лорел вновь подалась вперед, дрожа всем телом. Лезвие вышло из груди. Раздался свистящий звук, словно рана засасывала воздух.

— Давай! — выдохнул Ник. — Дави! Как можно сильнее!

Лорел увидела хлынувшую из раны кровь и тут же накрыла ее прокладкой. Ткань мгновенно нагрелась и набухла у нее в руках.

— Сильнее! — рявкнул Ник. — Дави сильнее! Зажимай рану! Зажимай!

— Я не могу! — выкрикнула Лорел. — Я сломаю ей ребра, если...

— К черту ребра! Мы *должны* зажать рану!

Лорел подалась вперед, перенеся весь вес на руки. Даже через толстую прокладку она чувствовала, как кровь сочится из раны.

Англичанин отбросил нож, склонился над Дайной. Увидел, что глаза закрыты, оттянул веки.

— Наконец-то она лишилась чувств. Точно сказать не могу, глаза у нее странные, но, по-моему, лишилась. — Он отбросил со лба упавшие волосы, взглянул на Лорел. — Вы все делали как надо. Так и продолжайте, хорошо? Я ее поднимаю. Давите с прежней силой.

— Столько крови, — простонала Лорел. — Она выживет?

— Не знаю. Главное, не ослабляйте давление. Готовы, мистер Уэрвик?

— Господи, полагаю, что да, — прохрипел Руди Уэрвик.

— Отлично. Поехали. — Ник подсунул ладонь под правую лопатку Дайны, поморщился. — Все хуже, чем я думал. Гораздо хуже. Кровь так и хлещет.

И начал медленно поднимать Дайну. Девочка застонала, изо рта у нее вновь хлынула кровь. И тут Лорел услышала, как из раны в спине барабанит по ковру кровь. Внезапно мир закачался у нее перед глазами.

— Давите сильнее! — крикнул Ник. — Придите же в себя!

Лорел была уже почти в обмороке.

И лишь осознание того, что подумает о ней Ник, если она таки упадет в обморок, подвигло ее на крайнюю меру. Лорел высунула язык между зубов, как ребенок, который хочет кого-то подразнить, и с силой прикусила его. Острая боль и солоноватый вкус собственной крови вернули ее к жизни. Опасность обморока миновала.

А снизу донесся крик боли и изумления. За ним последовал хриплый вопль. И вновь громкий, пронзительный крик.

Руди и Лорел одновременно повернули головы.

— Мальчишка! — выдохнул Руди. — Мальчишка и Гаффни! Они...

— Они все-таки нашли мистера Туми. — Лицо Ника закаменело, на шее вздулись вены. — Нам остается лишь надеяться...

Снизу донесся глухой удар, затем ужасный вопль. Еще удары.

— ...что они контролируют ситуацию. Сейчас мы им ничем не можем помочь. Если мы бросим то, что делаем, эта маленькая девочка наверняка умрет.

— Но вроде бы кричал мальчишка!

— Мы бессильны помочь. Подсуньте под нее прокладку, Уэрвик. Быстро, а не то я дам вам хорошего пинка.

6

Дон первым спустился по эскалатору, на мгновение остановился, достал из кармана блестящий прямоугольный предмет.

— Моя зажигалка «Зиппо». Как думаешь, сработает?

— Не знаю, — ответил Алберт. — Может... пока лучше не пробовать. Воспользуемся ею только при необходимости. Очень хочется, чтобы зажглась. Иначе мы ничего не увидим.

— А где эти службы аэропорта?

Алберт указал на дверь, за которой несколько минут назад скрылся Крейг Туми.

— Ты думаешь, дверь не заперта?

— Есть только один способ это выяснить, — ответил Алберт.

Дон направился к указанной двери с зажигалкой в правой руке. Алберт последовал за ним.

7

Крейг услышал их шаги, несомненно, слуг лангольеров. Они его не пугали. Он разобрался с той тварью, что прикидывалась маленькой девочкой, разберется и с другими. Он схватил нож для вскрытия писем, встал, выскользнул из-за стола.

— Ты думаешь, дверь не заперта?

— Есть только один способ это выяснить.

«Сейчас вы выясните и кое-что еще», — подумал Крейг. Он уже добрался до стены, нащупал рукой дверные петли и встал за открывающейся внутрь дверью. В комнате было темно, как в заднице слона. Крейг поднял нож для вскрытия писем на уровень плеча.

— Ручка не поворачивается. — Дон был в растерянности.

Крейг облегченно вздохнул... но его ждало разочарование.

— Попробуйте ее толкнуть. — Это был голос юного умника.

Дверь начала открываться.

8

Дон переступил порог. Большим пальцем отбросил крышку зажигалки, поднял ее, крутанул колесико. Фитиль занялся с первой искры. В свете маленького факела они увидели, что помещение используется и как контора, и как кладовая. В одном углу были свалены какие-то вещи, в другом стоял ксерокс. Вдоль стен тянулись полки, на которых лежали стопки различных бланков.

Дон шагнул вперед, еще выше поднял зажигалку, указал на правую стену:

— Эй, парень! Туз! Смотри!

На стене красовался плакат, изображающий мужчину в деловом костюме, нетвердой походкой выходя-

щего из бара и посматривающего на часы. Надпись на плакате гласила: РАБОТА — ПРОКЛЯТИЕ ПЬЮЩЕГО ЧЕЛОВЕКА. Рядом с плакатом к стене крепился большой пластиковый ящик с красным крестом на дверце. Под ящиком лежали складные носилки.

Но Алберт смотрел не на плакат, не на аптечку, не на носилки. Он не мог оторвать глаз от стола, занимающего середину комнаты.

На столе лежал ворох разорванной бумаги.

— Берегитесь! — крикнул Алберт. — Берегитесь, он где-то з...

Крейг Туми выступил из-за двери. И первым нанес удар.

9

— Пояс, — скомандовал Ник.

Руди не шевельнулся, не ответил. Он смотрел на дверь ресторана. Снизу не доносилось ни звука. Лишь снаружи накатывало похрустывание да рев работающих авиационных двигателей.

Ник пнул его в лодыжку и приказал:

— Пояс! Живо!

Руди неуклюже опустился на колени рядом с Ником, который одной рукой держал Дайну на весу, а другой прижимал к ее спине вторую прокладку.

— Подсуньте пояс под прокладку. — Ник тяжело дышал, по лицу градом катился пот. — Быстро! Я же не могу держать ее до скончания века!

Руди подсунул пояс. Ник опустил Дайну, приподнял левое плечо девочки, подсунул пояс и под него, затянул потуже, отдал конец Лорел.

— Держите крепче. С пряжкой ничего не получится. Девочка слишком маленькая, такой дырки наверняка нет.

— Вы идете вниз? — спросила Лорел.

— Да. По-моему, это и так ясно.

— Будьте осторожны. Пожалуйста, будьте осторожны.

Он неожиданно улыбнулся, белые зубы ярко сверкнули в сгустившемся сумраке... но ее это не испугало. Даже наоборот.

— Естественно. Только этим и спасаюсь. — Он положил руку на плечо Лорел, сжал пальцы; по телу Лорел пробежала дрожь. — Вы вели себя достойно, Лорел. Спасибо вам.

И уже начал поворачиваться, чтобы уйти, когда маленькая ручонка схватила его за отворот синих джинсов. Ник увидел, что слепые глаза Дайны вновь открыты.

— Не... — начала она и тут же зашлась в кашле, капельки крови брызнули из носа.

— Дайна, тебе нельзя...

— Не... убивайте... его! — Даже в темноте Лорел видела, какими невероятными усилиями даются девочке эти слова.

Ник задумчиво смотрел на девочку.

— Этот мерзавец ударил тебя ножом. Почему ты стараешься защитить его?

Дайне удалось произнести еще несколько слов. Пусть и негромко, но отчетливо. Они все их услышали:

— Все... что я знаю... он нам понадобится. — И глаза девочки вновь закрылись.

10

Крейг глубоко вонзил нож для вскрытия писем в шею Дона Гаффни. Дон закричал и выронил зажигалку. Она упала на пол, продолжая гореть. Алберт закричал от страха, а Дона качнуло к столу.

Крейг выхватил нож и нанес второй удар. Дон издал отчаянный вопль и повалился на стол руками вперед, сметая с него стопку бумаг, письменный прибор,

А Крейг уже обернулся к Алберту, сжимая в руке рукоятку ножа для вскрытия писем, с которого на пол капала кровь.

— Чтоб ты сдох! Мне надо в Бостон, и ты не сможешь меня остановить. Никто не сможет меня остановить!

Зажигалка погасла, и комната погрузилась в темноту.

Алберт отступил на шаг, и тут же волна теплого воздуха окатила ему лицо: Крейг нанес удар, и нож прошел через ту точку, где мгновением раньше была грудь Алберта. Юноша выставил назад свободную руку, боясь оказаться в углу, когда Крейг вновь взмахнет ножом (в слабом свете «Зиппо» Алберту показалось, что нож настоящий). Для его оружия требовалось свободное пространство. Но пальцы нащупали лишь пустоту, и он попятился в открытую дверь. Собранность и хладнокровие куда-то подевались, он не чувствовал себя самым быстрым стрелком-евреем по любую сторону Миссисипи. Туз превратился в неуклюжего подростка. Более того, испуганного подростка, который выбрал детскую игрушку вместо настоящего оружия, так как не верил, что ему придется бороться за свою жизнь, не верил, несмотря на то что собственными глазами видел, как обошелся этот лунатик с маленькой слепой девочкой. Алберт чувствовал запах собственного пота. Чувствовал даже в этом мертвом воздухе. И пот его пах страхом.

Крейг проскользнул в дверной проем вслед за ним. С поднятой рукой, сжимающей нож для вскрытия писем.

— Я вижу тебя, сынок, — промурлыкал он. — Я как кошка вижу тебя.

И двинулся на Алберта. Тот пятился, одновременно раскачивая тостер взад-вперед и напоминая себе,

что может нанести только один удар, прежде чем Туми вонзит нож ему в шею или грудь.

«А если тостер вылетит из этой чертовой скатерти до того, как ударит лунатика, я покойник», — подумал Алберт.

11

Крейг приближался, раскачиваясь из стороны в сторону, словно змея, поднимающаяся из корзины. Улыбка играла на его губах, отчего на щеках появились ямочки.

Все правильно, звучал в голове голос отца. *Если ты прикончишь их одного за другим, то сможешь добраться до Бостона. ТНПЗ, Крейг, помнишь? ТНПЗ. Труд не пропадает зря.*

Совершенно верно, Крейги-Вейги, добавила мать. *Ты можешь это сделать и должен сделать.*

— Извини, — с улыбкой пробормотал Крейг, обращаясь к побледневшему как мел юноше. — Очень сожалею, действительно сожалею, но я должен это сделать. Если бы ты взглянул на все с моей колокольни, ты бы понял.

И он стал приближаться к Алберту, подняв нож для вскрытия писем на уровень глаз.

12

Алберт быстро оглянулся, увидел, что пятится к стойке «Юнайтед эйрлайнс». Еще шаг, другой, и он при замахе заденет тостером стойку. Значит, отступать больше нельзя. Он начал все быстрее раскачивать тостер, крепко сжав потными пальцами намотанную вокруг ладони скатерть.

Крейг уловил какое-то движение в темноте, но не мог понять, что там болтается. Впрочем, особого зна-

чения это не имело. Не было у него времени обращать внимание на всякую ерунду. Он весь подобрался и бросился на Алберта.

— Я ЛЕЧУ В БОСТОН! — проорал он. — Я ЛЕЧУ В...

Глаза Алберта уже привыкли к темноте, и он заметил рывок Крейга. Поэтому его рука пошла не вперед, а назад, описав полную дугу. Тостер взлетел вверх, а сам Алберт отступил влево. Головка «палицы» со свистом прорезала воздух и, миновав высшую точку, пошла вниз, в полном соответствии с законами движения, до предела натянув рукоять-скатерть. Помог и Крейг, которого рывок вывел прямо под нисходящую дугу траектории. Тостер опустился на лоб и переносицу Крейга. Хрустнули кости.

Крейг завопил от боли, выронил нож для вскрытия писем и поднял руки к лицу. Кровь хлынула между пальцев, как вода из сорванного гидранта. Алберт пришел в ужас от содеянного, но не мог заставить себя остановиться: раненого Туми он боялся больше, чем здорового. Поэтому вновь взмахнул тостером. На этот раз удар пришелся Крейгу в грудь. С диким воплем тот повалился на спину.

В голове Алберта Туза Косснера осталась одна мысль, заглушившая слова, образы, эмоции: *Я должен сделать так, чтобы он перестал двигаться, иначе он вскочит и убьет меня. Я должен сделать так, чтобы он перестал двигаться, иначе он вскочит и убьет меня.*

По крайней мере Туми выронил оружие. Алберт наступил на него ногой и вновь взмахнул тостером. Когда последний пошел вниз, Алберт согнулся в поклоне, словно вышколенный дворецкий, встречающий члена королевской семьи. Головка «палицы» врезалась в раззявленный рот Крейга. И Алберту показалось, будто кто-то бьет стекла, завернутые в носовой платок. *Господи!* подумал юноша. *Это же его зубы.*

Крейг извивался на полу, взмахивал руками. Алберта переполнял ужас. Своей живучестью Крейг на-

поминал ему какое-то мерзкое и неуничтожимое насекомое.

Он ухватился за ботинок Алберта. С криком отвращения Алберт отдернул ногу с ножа для вскрытия писем, и Крейг тут же попытался его схватить. Между его глаз зияла рана. Алберта он не видел совсем: перед глазами сверкали ослепительные звезды. В голове гудело.

Крейг уже никому не мог причинить вреда, но Алберт этого не знал. В панике он вновь обрушил тостер на голову Крейга. Внутри тостера загремело: отвалились нагревательные элементы.

А Крейг перестал шевелиться.

Алберт стоял над ним, жадно ловя ртом воздух. Завернутый в скатерть тостер тянул его руку к земле. Потом он отошел на два шага, согнулся пополам, и его стошнило.

13

Брайан перекрестился, прежде чем снять черный пластиковый кожух с монитора бортового навигационного компьютера «Боинга-767», опасаясь, что увидит погасший экран. Пристально всмотрелся в него... и облегченно выдохнул.

ПОСЛЕДНЯЯ ПРОГРАММА ЗАВЕРШЕНА,

высветил экран зеленовато-синими буквами. И ниже:

НОВАЯ ПРОГРАММА? Y/N

Брайан напечатал «Y», потом:

РЕВЕРС АП 29: ЛАКС/ЛОГАН

Экран на мгновение потемнел, и на нем высветилось:

ВКЛЮЧИТЬ ОТКЛОНЕНИЕ
В РЕВЕРС-ПРОГРАММУ АП 29? Y/N

Брайан напечатал «Y».

ПРОГРАММИРУЮ РЕВЕРС, —

сообщил ему экран, а меньше чем через пять секунд добавил:

ПРОГРАММИРОВАНИЕ ЗАВЕРШЕНО

— Капитан Энгл?

Брайан обернулся. В дверном проеме кабины пилотов стояла Бетани. Бледная, уставшая.

— Я сейчас занят, Бетани.

— Почему они не возвращаются?

— Не могу знать.

— Я спросила Боба... мистера Дженкинса, не видит ли он какого-нибудь движения в здании аэропорта, и он ответил, что не видит. Может, они все мертвы?

— Я уверен, что нет. Может, спустишься к нему и постоишь у трапа? Думаю, с мистером Дженкинсом тебе будет спокойнее, а у меня еще есть работа.

«По крайней мере я думаю, что есть», — добавил он про себя.

— Конечно, спущусь. Одной так страшно. — Бетани попыталась улыбнуться. — Но тогда вы останетесь в одиночестве.

— Обо мне не беспокойся. И можешь не сомневаться, они скоро вернутся.

Девушка ушла, а Брайан повернулся к монитору и напечатал:

ЕСТЬ ЛИ КАКИЕ-ЛИБО ПРОБЛЕМЫ
С ЭТОЙ ПРОГРАММОЙ?

Нажал клавишу EXECUTE.

НИКАКИХ ПРОБЛЕМ.
БЛАГОДАРИМ ВАС ЗА ТО,
ЧТО ВЫ РЕШИЛИ ЛЕТЕТЬ РЕЙСОМ
«АМЕРИКАНСКОЙ ГОРДОСТИ».

14

Боб услышал шаги по трапу, быстро повернулся. По ступеням медленно и осторожно спускалась Бетани, но он все равно чуть не подпрыгнул от неожиданности. Доносящийся с востока звук заметно усилился.

То есть его источник приблизился.

— Привет, Бетани. Не угостишь сигаретой?

Она предложила ему пачку, взяла одну сама. Оторвала спичку от экспериментальной книжицы Альберта. Спичка легко зажглась с первой попытки.

— От них никаких сведений?

— Смотря что подразумевать под сведениями, — уклончиво ответил Боб. — Вроде бы я слышал крики перед тем, как ты спустилась вниз.

На самом деле он слышал не крики, а жуткие вопли, возможно, вызванные дикой болью, но счел возможным опустить подробности. Девушка и так испугана, и потом, Боб видел, что она прониклась к Альберту нежными чувствами.

— Я надеюсь, что с Дайной все будет в порядке, — вздохнула Бетани, — но уверенности у меня нет. Рана тяжелая.

— Ты видела капитана?

— Он, можно сказать, меня выгнал. Как мне показалось, он программирует компьютер.

Боб Дженкинс кивнул:

— Я на это надеюсь.

Разговор завял. Оба смотрели на восток. К похрустыванию добавился новый звук. Более резкий, пронзительный. Механический звук. Боб подумал об ав-

томатической коробке передач, в которую забыли долить масло.

— Звук приближается, не так ли?

Боб неохотно кивнул. Затянулся, и красный огонек на мгновение вырвал из темноты его усталые, испуганные глаза.

— Что же это такое, мистер Дженкинс?

Он покачал головой:

— Девочка моя, я очень надеюсь, что этого мы никогда не узнаем.

15

Спускаясь по эскалатору, Ник заметил кого-то, согнувшегося чуть ли не пополам, у стены с незвонящими телефонами. Определить, Алберт это или Крейг Туми, не представлялось возможным. Англичанин сунул руку в правый карман джинсов, достал пару четвертаков. Сжал правую руку в кулак и вставил четвертаки между пальцами, соорудив некое подобие кастета. И двинулся вниз.

Фигура у телефонов выпрямилась при приближении Ника.

— Не наступите на блевотину, — пробормотал Алберт.

Ник вернул четвертаки в карман. От блевотины поднимался острый, резкий запах. На него накладывался не менее сильный запах страха, исходивший от юноши. Эти запахи Ник знал как по Фолклендам, так и по Северной Ирландии. Он обнял выпрямившегося Алберта за плечи:

— Где они, Туз? Гаффни и Туми, где они?

— Мистер Туми там. — Он указал на неподвижное тело, распростертое на полу. — Мистер Гаффни за дверью с табличкой «Службы аэропорта». Я думаю, они мертвы. Мистер Туми прятался в той комнате. Когда мы зашли, он притаился за дверью. И убил мистера

Гаффни, потому что тот вошел первым. Если бы первым вошел я, он бы убил меня.

Алберт шумно сглотнул слюну.

— Потом я убил мистера Туми. Пришлось убить. Он бросился на меня, понимаете? Где-то раздобыл нож и бросился на меня.

Говорил он тоном, который кто-то мог бы назвать безразличным, но Ник прекрасно понимал, в чем дело. И на лице Алберта он увидел совсем не безразличие, а шок.

— Ты сможешь совладать с нервами, Туз? — мягко спросил Ник.

— Не знаю. Я ни-ни-никогда ни-никого не убивал, и... — Алберт всхлипнул.

— Понятное дело. Ужасно, конечно, но можно пережить. Я знаю. И ты должен это пережить, Туз. Понятия не имею, когда мы сможем уснуть, но для психотерапии времени сейчас точно нет. Звук все громче.

Он оставил Алберта, направился к распростертому на полу телу, склонился над ним. Крейг Туми лежал на боку, одна рука прикрывала лицо. Ник перекатил его на спину и присвистнул. В Туми еще теплилась жизнь, слышалось его тяжелое, с присвистом дыхание, но Ник мог поставить последний фунт со своего банковского счета, что жить Туми осталось совсем недолго. Носа как не бывало, вместо рта зияла кровавая каверна с остатками зубов. Посреди лба красовалась приличных размеров вмятина, свидетельствующая о том, что Алберт несколько изменил конфигурацию черепа Туми.

— И все это он сделал *тостером?* — прошептал Ник. — Иисус и Мария, Том, Дик и Гарри! — И выпрямился. — Туз, он не умер.

— Неужели? — спросил Алберт, не сходя с места.

— Послушай сам. Он без сознания, но дышит. — «Хотя скоро и перестанет», — отметил Ник про себя. — Давай проверим, как там мистер Гаффни. Может, ему тоже повезло. А что ты можешь сказать насчет носилок?

— А? — переспросил Алберт, словно Ник обратился к нему на иностранном языке.

— Насчет носилок, — терпеливо повторил Ник, когда они двинулись к комнате, отданной службам аэропорта.

— Мы их нашли.

— Правда? Потрясающе!

Алберт зашел в комнату первым.

— Одну минуту. — Он присел, пошарил руками по полу, быстро нашел зажигалку Дона. Еще теплую на ощупь. Встал. — Мистер Гаффни, думаю, на столе или около него.

Алберт поднял зажигалку, несколько раз крутанул колесико. С пятой попытки фитиль занялся и горел три или четыре секунды. Этого было достаточно. Дон Гаффни лежал рядом со столом, на спине, с открытыми глазами, на лице его застыло изумление. Ему совсем не повезло.

— Как получилось, что Туми не зарезал и тебя? — спросил Ник.

— Я знал, что он здесь. Еще до того, как он напал на мистера Гаффни.

Голос Алберта еще подрагивал, но он уже чувствовал себя увереннее; особенно после того как увидел, что сталось с бедным мистером Гаффни.

— Ты его услышал?

— Нет, я увидел на столе горку бумажных полосок.

— И хорошо, что увидел. — Ник положил руку на плечо Алберта. — Ты заслуживаешь того, чтобы жить, дружище. Ты заработал это право. Понимаешь?

— Стараюсь понять.

— Постарайся, старичок. Тогда тебе гораздо реже будут сниться кошмары. Можешь мне поверить, уж я-то знаю, что говорю.

Алберт кивнул.

— Держи хвост пистолетом, Туз. Как бы то ни было, держи хвост пистолетом, и все окончится как надо.

— Мистер Хопуэлл!

— Да.

— Вас не затруднит больше не называть меня так? Я... — У Алберта перехватило дыхание, он откашлялся. — Не нравится мне больше это прозвище.

16

Тридцать секунд спустя они вышли из темной пещеры, именуемой «Службами аэропорта». Ник нес носилки. У телефонов-автоматов он передал носилки Алберту, который молча их взял. Скатерть лежала на полу в пяти футах от Туми, который все еще дышал.

Времени в обрез, время истекало, но Ник не мог не посмотреть на орудие убийства. Должен был посмотреть.

Он вывернул скатерть, достал тостер. Один из нагревательных элементов застрял в щели, второй выпал на пол. Диск таймера и рычажок, которым опускали ломтики хлеба, отвалились. Один угол тостера прогнулся. На левой стороне появилась глубокая вмятина.

«Эта часть «поцеловалась» с нюхалкой мистера Туми, — подумал Ник. — Потрясающе!» Он тряхнул тостер, прислушиваясь к звяканью отлетевших деталей.

— Тостер. — В голосе Ника сквозило восхищение. — У меня есть друзья, Алберт, настоящие профессионалы, которые этому не поверят. Мне самому едва верится. Это же надо... тостер!

Алберт отвернулся.

— Выбросьте его. — Он осип. — Не могу на него смотреть.

Ник отбросил тостер, хлопнул юношу по плечу:

— Тащи носилки наверх. Я тебя догоню.

— А что вы собираетесь делать?

— Хочу посмотреть, нет ли в той комнате еще чего полезного.

Алберт всмотрелся в Ника, но в темноте не мог разглядеть выражения его лица.

— Я вам не верю.

— Не хочешь, не верь. — Голос Ника звучал до странного мягко. — Иди, Туз... я хочу сказать, Алберт. Я тебя догоню. И не оглядывайся.

Алберт еще мгновение сверлил его взглядом, а потом начал подниматься по эскалатору с опущенной головой. Он ни разу не оглянулся.

17

Ник подождал, пока юноша растворится в темноте. Потом вернулся к Крейгу Туми, присел на корточки. Туми еще не пришел в себя, но дыхание его стало более регулярным. Ник даже предположил, что одна или две недели квалифицированного лечения в больнице могли бы поставить Туми на ноги. Во всяком случае, он уже доказал, что голова у него необычайно крепкая.

«Жаль, что мозги в ней оказались такими мягкими», — подумал Ник. Он потянулся к Туми, намереваясь одной рукой закрыть рот, а другой — нос. Минута-полторы, и они больше не будут нервничать из-за Туми. Другие могли бы прийти в ужас, расценив это деяние как хладнокровное убийство, но Ник видел в этом гарантии безопасности, ничего больше. Один раз они поверили, что Туми без сознания, и мистер Гаффни заплатил за это своей жизнью, а Дайна оказалась на грани смерти. Какой смысл вновь наступать на те же грабли?

И вот еще о чем думал Ник: *Если оставить Туми в живых, какая ему будет уготована судьба? Одиночество в мертвом мире? Возможность дышать стерильным воздухом под недвижимыми облаками? Шанс встретиться с тем, что надвигалось с востока... А что могло надвигаться с таким звуком? Возможно, армия гигантских муравьев?*

Нет, зачем ему такая судьба? Тем более что смерть будет безболезненной.

— Такой легкой смерти этот мерзавец и не заслужил, — пробурчал Ник, но руки его застыли над лицом Туми.

Ему вспомнилась маленькая девочка, уставившаяся на него темными незрячими глазами.

Не убивайте его!

Не просьба — скорее приказ. Она исчерпала свои последние резервы, чтобы отдать ему этот приказ.

Все, что я знаю... он нам понадобится.

ПОЧЕМУ СЛЕПОЙ РЕБЕНОК ТАК ЗАЩИЩАЕТ ЕГО?

Ник еще немного посидел, вглядываясь в изуродованное лицо Крейга Туми. И тут его позвал Руди Уэрвик:

— Мистер Хопуэлл! Ник! Вы идете?

— Уже бегу! — обернувшись, крикнул он.

Вновь потянулся к Туми и вновь остановился на полпути, вспомнив глаза девочки.

Он нам понадобится.

Ник встал, так и не прикоснувшись к Крейгу Туми.

— Бегу, — повторил он и взлетел по эскалатору.

Глава 8

Заправка. Слабый свет зари. Приход лангольеров. Утренний ангел. Чистильщики вечности. Взлет

1

Бетани отбросила ставшую безвкусной сигарету и уже поднималась по трапу, когда Боб Дженкинс закричал:

— Кажется, они выходят!

Бетани повернулась и скатилась вниз. Несколько теней появились у багажного транспортера. Боб и Бетани побежали им навстречу.

Дайна лежала на носилках. По транспортеру Руди и Ник тащили их, не поднимаясь с колен. Бетани услышала тяжелое дыхание лысого мужчины.

— Давайте я вам помогу, — обратилась она, когда они сняли носилки с транспортера, и Руди с готовностью уступил ей свое место.

— Только старайся не трясти ее, — предупредил Ник. — Алберт, подстраховывай Бетани. Поможешь, когда мы будем поднимать носилки по трапу. Сильно наклонять их нельзя.

— Как она? — спросила Бетани Алберта.

— Плоха. Без сознания, но еще жива. Это все, что я могу сказать.

— А где Гаффни и Туми? — спросил Боб. Ему пришлось возвысить голос: похрустывание набирало силу.

— Гаффни мертв, Туми скорее всего тоже, — ответил Ник. — Сейчас для объяснений нет времени. — Он остановился у трапа. — Поднимайте ваш край.

По трапу они поднимались медленно и осторожно. Ник — спиной вперед, как можно ниже опустив свой край. Алберт и Бетани подняли ручки на уровень головы и поднимались по узкому трапу, то и дело соприкасаясь бедрами. Боб, Руди и Лорел следовали за ними. После возвращения Алберта и Ника Лорел лишь раз открыла рот: спросила, умер ли Туми. Когда Ник ответил, что нет, она пристально посмотрела на него, а потом облегченно выдохнула.

Ник поднялся на верхнюю площадку трапа, и Брайан помог занести носилки в самолет.

— Я хочу положить ее в салоне первого класса, — повернулся к нему Ник. — Так, чтобы голова была выше ног. Можно?

— Конечно. Закрепим носилки ремнями безопасности. Заносите в салон.

— Хорошо, — кивнул Ник, взглянул на Алберта и Бетани. — Поехали. Вы просто молодцы.

При свете кровяные пятна на щеках и подбородке Дайны ярко выделялись на фоне желтовато-бледной кожи. Глаза девочка не открывала. Под ремнем (Ник все-таки продавил в нем новую дырку, далеко от остальных) прокладки стали темно-красными от пропитавшей их крови. Брайан слышал ее булькающее дыхание.

— Она совсем плоха, да? — прошептал он.

— Задето легкое, а не сердце, но она потеряла столько крови... да, дело плохо.

— Не доживет до нашего возвращения?

— Откуда мне знать? — Неожиданно англичанин сорвался на крик: — Я солдат, а не гребаный костоправ!

Остальные замерли, уставившись на него. Лорел почувствовала, как у нее по спине пробежал холодок.

— Извините, — пробормотал Ник. — Путешествия во времени действуют на нервы, не так ли? Прошу меня извинить.

— Извиняться не за что. — Лорел коснулась его руки. — Мы все едва держимся.

Ник улыбнулся:

— Вы прелесть, Лорел, в этом нет никаких сомнений. Давайте устроим ее, а потом посмотрим, что надо сделать для того, чтобы убраться отсюда к чертовой матери.

2

Пять минут спустя носилки с Дайной привязали к двум креслам салона первого класса под небольшим углом: голова выше ног. Все пассажиры столпились вокруг Брайана на пятачке служебной зоны салона.

— Нам надо заправить самолет, — начал Брайан. — Сейчас я запущу второй двигатель и подгоню наш «бо-

инг» к «727», который стоит у посадочного рукава. — Он указал на самолет авиакомпании «Дельта», серой тенью маячивший в темноте. — Поскольку у нашего самолета крыло расположено выше, я смогу положить правое крыло на левое «727». Пока я буду этим заниматься, четверо мужчин должны подкатить заправочную тележку, она находится у второго посадочного рукава. Я ее заметил до того, как стемнело.

— Может, разбудить Спящую Красавицу, чтобы он помог? — спросил Боб.

Брайан на мгновение задумался, покачал головой.

— Чего нам сейчас не хватает, так это еще одного испуганного, ничего не понимающего пассажира, да еще с жуткого похмелья. Опять же, его помощь нам ни к чему. Двое мужчин без труда перекатят тележку куда надо. Я видел, как это делается. Главное — поставить ручку коробки передач в нейтральное положение. Тележку надо подвезти под крылья. Это понятно?

Все кивнули. Брайан оглядел всех, отметил, что Руди и Бетани совсем выдохлись, когда тащили носилки.

— Ник, Боб и Алберт. Будете толкать тележку. Лорел сядет за руль. Вопрос решен?

Они кивнули.

— Тогда за дело. Бетани! Мистер Уэрвик! Спускайтесь вниз со всеми. Откатите трап от самолета, а когда я поставлю его рядом с «727», подкатите его к крыльям. Не к люку, а к крыльям. Понятно?

Они кивнули. Брайан увидел, что впервые после посадки здесь глаза у всех чистые и ясные. «Естественно, — подумал он. — Теперь у них есть дело. Как и у меня, слава Богу».

3

Когда они подходили к заправочной тележке, притулившейся у посадочного рукава, Лорел с изумлением поняла, что видит ее.

— Господи! — воскликнула она. — Уже рассвет. Сколько же длилась ночь?

— По моим часам, меньше сорока минут, — ответил Боб, — но у меня такое ощущение, что доверять им нельзя. И вообще время здесь, похоже, ничего не значит.

— А что будет с мистером Туми? — спросила Лорел.

Они подошли к тележке. Точнее, к маленькому автомобильчику с баком вместо багажника, открытой кабиной и двумя черными свернутыми шлангами по бокам. Ник взял Лорел за талию, развернул девушку к себе. На мгновение она подумала, что Ник хочет ее поцеловать, почувствовала, как учащенно забилось сердце.

— Я не знаю, что с ним будет. Могу сказать лишь одно: в решающий момент я поступил так, как просила Дайна. Оставил его на полу. Без сознания, но живого. Ясно?

— Нет. — Голос ее чуть дрожал. — Но я думаю, вы поступили правильно.

Ник улыбнулся, кивнул, его пальцы сжали талию Лорел.

— Вы пообедаете со мной после возвращения в Лос-Анджелес?

— Да, — без запинки ответила она. — Буду с нетерпением ждать этого торжественного момента.

Ник снова кивнул.

— Я тоже. Но мы останемся без обеда, если не заправим самолет. — Он посмотрел на открытую кабину. — Вы сможете найти нейтральную передачу?

Лорел с опаской взглянула на торчащую в полу ручку переключения скоростей.

— В моей машине автоматическая коробка.

— Я найду. — Алберт прыгнул за руль, склонился над ручкой, вглядываясь в диаграмму на набалдашнике.

За их спинами взревел второй двигатель, потом оба прибавили в мощности. Ревели они очень громко, но Лорел не имела ничего против. Потому что они заглу-

шали другой звук, накатывающий с востока, сводящий с ума. И ее так и подмывало вновь взглянуть на Ника. Неужели он и впрямь пригласил ее на обед? Она не могла в это поверить.

Алберт выжал сцепление, поставил ручку в нужное положение, подергал ее взад-вперед, вправо-влево.

— Готово. Садитесь, Лорел. Вам остается только рулить.

— Хорошо.

Она нервно оглянулась на трех мужчин, пристроившихся к тележке сзади и уперевшихся руками в бак. Ник занял место посередине.

— Готовы? — спросил он.

Алберт и Боб кивнули.

— Отлично. Толкаем.

Боб уже собрался вложить в толчок всю силу, моля Бога, чтобы у него вновь не заболела спина (последние десять лет его мучил радикулит), но тележка с удивительной легкостью сдвинулась с места. Лорел, вцепившись в большущий руль, направляла движение. Описав полукруг на сером бетоне, желтая тележка покатила к «767», занимавшему позицию справа от самолета авиакомпании «Дельта».

— Как же разительно отличаются самолеты, — отметил Боб.

— Точно, — согласился Ник. — Ты был прав, Алберт. Мы, возможно, ушли из настоящего, но каким-то чудом этот самолет все еще остается его частью.

— И *мы* тоже, — добавил Алберт. — Во всяком случае, пока.

Двигатели «767» смолкли, лишь мерно гудели вспомогательные силовые установки, все четыре. Но они не могли перекрыть звук, доносящийся с востока. Он прибавил не только в мощности, усложнился, размножился. Вся эта какофония казалась теперь на удивление знакомой.

«Прямо-таки стадо жующих коров, — подумала Лорел, дрожа всем телом. — Вот на что это похоже.

Словно записали звуки, издаваемые жующими коровами, и многократно их усилили».

Паника, которую Лорел уже была не в состоянии контролировать, захлестнула ее рассудок.

— Может, мы сможем с этим бороться, если увидим, что нам противостоит? — предположил Боб, когда тележка вновь сдвинулась с места.

Альберт взглянул на писателя и выдохнул:

— Это вряд ли.

4

Брайан выглянул из люка, подал знак Бетани и Руди, чтобы те подкатили к нему трап. Перешел на верхнюю площадку и указал на крылья двух самолетов, *зависшие* одно над другим. Пока они везли его, Брайан прислушивался к приближающемуся звуку и неожиданно вспомнил фильм, который видел давным-давно. В этом фильме Чарлтону Хестону принадлежала большая плантация в Южной Америке. На плантацию напали муравьи, полчища муравьев, сжиравших все на своем пути: траву, деревья, дома, коров, людей. Как же назывался этот фильм? Название на ум не приходило. Вспоминались лишь ухищрения, к которым прибегал Чарлтон, чтобы остановить муравьев или хотя бы замедлить их продвижение. В конце концов ему удалось победить? Это Брайан тоже забыл, потому что воспоминание о фильме перекрыло другое воспоминание — красная надпись из недавно приснившегося кошмара:

ТОЛЬКО ДЛЯ ПАДАЮЩИХ ЗВЕЗД

— Стойте! — крикнул он Бетани и Руди.

Они остановили трап. Брайан осторожно спускался вниз, пока его голова не оказалась на одном уровне с нижней поверхностью «727». Как в «767», так и в «727»

заправка производилась через один клапан, расположенный на левом крыле. Так что сейчас Брайан смотрел на небольшой квадратный люк с красными надписями: ДОСТУП К ТОПЛИВНОМУ БАКУ и ПЕРЕД ЗАПРАВКОЙ ПРОВЕРИТЬ ОТСЕЧНОЙ КЛАПАН. А какой-то шутник присобачил к люку желтую наклейку с улыбающейся рожицей.

Алберт, Боб и Ник поставили заправочную тележку под крылом и теперь, задрав головы, смотрели на Брайана, ожидая дальнейших указаний. Их лица серыми пятнами выделялись в окружающем сумраке. Брайан наклонился вниз.

— Там два шланга, по одному с каждого бока! — крикнул он Нику. — Мне нужен короткий!

Ник раскрутил шланг, протянул конец Брайану. Держа шланг и цепляясь за поручень одной рукой, Брайан подлез под крыло и открыл люк. Внутри увидел вилочную часть соединения с торчащим стальным штырем. Хотел подобраться к нему поближе, поскользнулся... и чуть не упал.

— Подожди, дружище. — Ник поднялся по трапу. — Помощь идет. — Он остановился тремя ступеньками ниже и ухватил Брайана за пояс. — Только я попрошу тебя об одном одолжении, хорошо?

— Каком?

— Не порть воздух.

— Я постараюсь, но обещать не могу.

Брайан вновь посмотрел вниз. Руди и Бетани уже стояли рядом с Бобом и Албертом.

— Отойдите в сторону, а не то вас окатит топливом! — крикнул он. — Вдруг отсечной клапан потечет. — «А возможно, в баках нет ни капли», — тут же подумал Брайан.

Он вновь потянулся к заправочному клапану, на этот раз обеими руками, потому что Ник крепко держал его. Вставил розеточную часть соединителя в вилочную, надавил. Брызнул керосин, чему Брайан только порадовался, раздался металлический щелчок,

и Брайан повернул шланг на четверть оборота, жестко зафиксировав его. Послушал, как топливо течет вниз по шлангу и заливает установленный на тележке бак. Дальше его не пускал закрытый вентиль.

— Отлично. — Брайан схватился за поручень трапа. — Пока все хорошо.

— Что теперь, дружище? Как мы подключим тележку? От самолета?

— Сомневаюсь, чтобы нам это удалось, даже если бы мы знали, где найти соединительные кабели. Да и необходимости в этом нет. Тележка служит только для транспортировки и фильтрации топлива. Для перекачки я задействую вспомогательные силовые установки нашего самолета. Отсосу топливо из «727» точно так же, как соломинкой отсасывают лимонад из стакана.

— И сколько на это уйдет времени?

— При оптимальных условиях, то есть при перекачке топлива с помощью наземного насоса, в минуту закачивается две тысячи фунтов. У нас ситуация другая. Я никогда не перекачивал топливо с помощью ВСУ. Как минимум час. Может, два.

Ник с тревогой взглянул на восток и заговорил, понизив голос:

— Сделай одолжение, дружище... не говори об этом остальным.

— Почему?

— Я не думаю, что у нас *есть* два часа. Возможно, нет даже ни одного.

5

Оставшаяся одна в салоне первого класса, Дайна Кэтрин Беллман открыла глаза.

И УВИДЕЛА.

— Крейг, — прошептала она.

6

Крейг.

Он не хотел слышать свое имя. Он хотел, чтобы его оставили в покое. Он больше не хотел слышать свое имя. Когда люди называли его по имени, всегда случалось что-то плохое. Всегда.

Крейг! Поднимайся, Крейг!

Нет. Он не встанет. Голова его превратилась в большой пчелиный улей. В каждом медовом соте, в каждой ячейке, в каждой его клетке урчала и ворочалась боль.

«В голову залетели пчелы. Пчелы решили, что я мертв. Вот они и превратили череп в улей. А теперь... теперь... Они чувствуют мои мысли и пытаются зажалить их насмерть», — подумал Крейг и застонал. Жалобно и протяжно. Его залитые кровью пальцы разжались и сжались вновь.

«Позвольте мне умереть, — мысленно взмолился он, — пожалуйста, позвольте мне умереть».

Крейг, ты должен встать! Немедленно!

Голос его отца, единственный голос, которому он ни в чем не мог отказать. Но теперь он ему откажет. Теперь он его изгонит.

— Уходи, — прохрипел он. — Я тебя ненавижу. Уходи.

Боль озарила мозг яркой вспышкой. Тучи пчел, яростных, жалящих, слетались на свет.

«Позвольте мне умереть, — думал Крейг. — Пожалуйста, позвольте мне умереть. Это ад. Я попал в пчелиный ад».

Вставай, Крейги-Вейги. Это твой день рождения, и знаешь, что я тебе скажу? Как только ты встанешь, один человек даст тебе пчелу и ударит по голове... потому что ЭТОТ удар предназначается только тебе!

— Нет, — прошептал Крейг. — Не надо меня больше бить.

Его руки елозили по ковру. Он попытался открыть глаза, но пленка запекшейся крови не давала разлепить веки.

— Ты умерла. Вы оба умерли. Ты не можешь бить меня и указывать, что мне делать. Вы оба умерли, и я тоже хочу умереть.

Но он не умер. Откуда-то, перекрывая голоса призраков, доносился рев авиационных двигателей... и еще какой-то звук. То шли лангольеры. Или *бежали.*

Крейг, вставай. Ты должен встать.

Он понял, что этот голос не принадлежит ни матери, ни отцу. Его бедный избитый рассудок пытался одурачить самого себя. Этот голос доносился из... из...

(свыше?)

из какого-то другого места, светлого, красивого места, где боль — миф, а стресс — досужая фантазия.

Крейг, они идут к тебе... те люди, с которыми ты хотел встретиться. Они покинули Бостон и приехали сюда. Вот как важна для них встреча с тобой. Не упусти своего шанса, Крейг. Ты можешь успеть. У тебя есть время, чтобы вручить им все бумаги и покинуть армию своего отца... если, конечно, тебе достанет мужества.

«Если тебе достанет мужества», — повторил он про себя последнюю фразу.

— Мужества? — вырвалось у него. — Мужества? Кто бы ты ни был, *незачем* унижать меня.

Он вновь попытался раскрыть глаза. Корочка крови, сцепившая ресницы, чуть треснула, но глаза так и не раскрылись. Крейгу удалось поднести к лицу одну руку. Случайно он задел остатки носа и зашелся в крике. В голове зазвучали горны, зажужжали пчелы. Он подождал, пока боль немного утихнет, потом двумя пальцами разодрал веки сначала на одном глазу, потом на другом.

Перед глазами встала белая стена.

Медленно, очень медленно он поднял голову.

Стена поблекла, и Крейг увидел *ее*.

Окруженную сиянием.

Ту самую маленькую девочку, но уже без черных очков. Она смотрела на него добрыми глазами.

Ну же, Крейг. Вставай. Я знаю, это трудно, но ты должен встать... должен. Потому что они уже здесь, они ждут... но они не смогут ждать вечно. Лангольеры за этим проследят.

Теперь он видел: девочка стояла не на полу. Ее туфельки отделялись от пола на дюйм или два, она купалась в окружающем ее сиянии.

Ну же, Крейг. Вставай.

Он начал подниматься. С невероятным трудом. Голова так и грозила отвалиться, и в ней жужжали злые пчелы. Дважды он падал на пол, но поднимался вновь, зачарованный образом девочки с добрыми глазами и обещанием навсегда освободить его от отца.

Они ждут, Крейг. Тебя. Они ждут тебя.

7

Дайна лежала на носилках, ее незрячие глаза, казалось, видели, как Крейг поднялся на одно колено, повалился набок, снова начал подниматься. Ее сердце сжимала боль за этого тяжело раненного, страдающего мужчину, эту рыбу, одержимую жаждой смерти, мечтающую только о том, чтобы взорваться. На его изувеченном лице читались страх, надежда и нечеловеческая решимость.

«Я очень сожалею, что приходится так поступать, мистер Туми, — думала она. — Очень сожалею. Но вы нам нужны».

И она воззвала к нему вновь со своего смертного одра:

Быстрее, Крейг. Быстрее! Они ждут тебя. Они тебя ждут!

8

Длинный шланг протянули под фюзеляжем «767», подсоединили к заправочному клапану на левом крыле. Брайан вернулся в кабину пилотов, закольцевал ВСУ и начал выкачивать топливо из баков самолета авиакомпании «Дельта». Наблюдая за тем, как стрелка уровнемера правого бака медленно ползет к цифре 24 тысячи, он с тревогой ждал того момента, когда ВСУ начнут чихать и кашлять в попытке продолжить работу на топливе, которое не горит.

В правый бак налилось уже 8 тысяч фунтов керосина, когда мерное гудение маленьких реактивных двигателей, установленных в хвостовой части самолета, изменилось, стало натужным.

— Что происходит, дружище? — спросил Ник.

Он вновь сидел в кресле второго пилота. Волосы его растрепались, чистенькая, отглаженная рубашка покрылась потеками крови, грязи, масла.

— ВСУ пробуют на вкус топливо из «727», и оно им не нравится. Я надеюсь, что магия Алберта сработает, но гарантировать ничего не могу.

В правый бак залилось 9 тысяч фунтов топлива, и первая ВСУ отключилась. На приборном щитке зажглась красная табличка «ВЫКЛЮЧЕНИЕ ДВИГАТЕЛЯ». Брайан щелкнул тумблером.

— И что нам теперь делать? — Ник встал, подошел к Брайану, навис над его плечом.

— Использовать три ВСУ для подачи электроэнергии на насосы и надеяться на лучшее, — ответил Брайан.

Вторая ВСУ выключилась через тридцать секунд, не успел Брайан протянуть руку к тумблеру, выключилась и третья. С ней погасло и освещение кабины. Светился лишь приборный щиток. Последняя ВСУ то взвывала, то затихала, сотрясая весь самолет.

— Я выключаю все ВСУ. — У Брайана сел голос. — Придется подождать, пока топливо с «727» перейдет

в наш временной ритм или как там это называется. Колебательный режим работы недопустим. Такие скачки напряжения могут вывести из строя навигационный компьютер.

И Брайан уже взялся за тумблер, когда последняя ВСУ вновь мерно загудела. Он посмотрел на Ника, не веря своим ушам. А лицо Ника медленно расплывалось в широкой улыбке.

— Похоже, удача нас не оставила, дружище.

Брайан перекрестил пальцы на обеих руках, потряс ими в воздухе.

— Надеюсь на это. — И вновь включил ВСУ номер один, три и четыре.

Они плавно вошли в работу. Вновь вспыхнуло освещение кабины. Ник издал победный вопль и хлопнул Брайана по спине.

В дверном проеме возникла Бетани.

— Что происходит? Все в порядке?

— Думаю, да, — не поворачиваясь, ответил Брайан. — Но мы висели на волоске.

9

Крейг сумел-таки встать. Сияющая девочка зависла теперь над багажным транспортером. Смотрела на него, и в ее взгляде читалась удивительная нежность и что-то еще... что-то такое, о чем он мечтал всю жизнь. Что же?

Не сразу, но Крейг понял, что именно увидел в ее взгляде.

Сострадание.

Сострадание и понимание.

Крейг огляделся. Темнота сменялась светом. Неужели пролежал без сознания всю ночь? Он об этом и не подозревал. Впрочем, это не имело значения. Главное заключалось в том, что девочка привела их к *нему*, банкиров, специалистов по государственным облигациям, брокеров. Они прибыли, они хотят услышать объяснения Крейги-Вейги, Туми-Вуми, они хо-

тят познакомиться с его *фокусами!* А фокусов этих у него предостаточно. Их у него тысячи, миллионы. И когда он им все это расскажет...

— Им придется отпустить меня... не так ли?

Да, ответила девочка, *но тебе надо спешить, Крейг. Ты должен появиться перед ними до того, как им надоест ждать и они уйдут.*

Крейг двинулся к транспортеру. Ноги девочки не шевелились, но при его приближении она, словно мираж, отдалялась к листам резины, отделявшим зону выдачи багажа от разгрузочной площадки.

И... о радость: девочка *улыбалась*.

10

Они все поднялись в самолет, за исключением Боба и Алберта, которые сидели на ступенях трапа и вслушивались в накатывающую на них звуковую волну.

Лорел Стивенсон стояла у открытого люка и смотрела на здание аэропорта. Она думала о том, что же им делать с мистером Туми, когда Бетани дернула ее за блузу.

— Дайна что-то говорит. Она то ли спит, то ли в забытьи.

Лорел поспешила в салон первого класса. Руди Уэрвик сидел рядом с Дайной, держал ее за руку, озабоченно всматривался в лицо девочки.

— Я не уверен, — пробормотал он. — Я не уверен, но мне кажется, она уходит.

Лорел пощупала лоб Дайны. Сухой и очень горячий. Кровотечение заметно уменьшилось, а может, прекратилось вовсе. Но дышала девочка по-прежнему с присвистом.

— Я думаю... — начала Лорел, но тут заговорила Дайна, ясно и отчетливо:

— *Тебе надо спешить, Крейг. Ты должен появиться перед ними до того, как им надоест ждать и они уйдут.*

Лорел и Бетани недоуменно, испуганно переглянулись.

— Кажется, ей снится этот Туми, — предположил Руди. — Она уже называла его имя.

— *Да*, — вновь заговорила Дайна; глаза ее были закрыты, но создавалось впечатление, что девочка к чему-то прислушивается. — *Да, буду. Если ты этого хочешь, буду. Но поторопись. Я знаю, тебе больно, но ты должен поторопиться.*

— Она в забытьи, да? — прошептала Бетани.

— Нет, — покачала головой Лорел. — Не думаю. Скорее... ей снится сон.

Но Лорел чувствовала, что сном тут и не пахнет. Она чувствовала, что с Дайной происходит совсем иное: Дайна что-то затеяла. И Лорел не хотелось знать, что именно, хотя мысль эта так и рвалась из подсознания. Лорел знала, что при малейшем желании сможет сформулировать намерения Дайны, но желания такого не испытывала. Потому что происходило что-то очень уж *странное*, навевающее ужас, и это что-то, пусть ей и не хотелось в это верить, имело непосредственное отношение

(не убивайте его... он нам понадобится)

к мистеру Туми.

— Оставьте ее в покое, — сухо добавила Лорел. — Оставьте ее в покое, и пусть она

(делает с ним то, что считает нужным)

спит.

— Господи, я надеюсь, что мы скоро взлетим, — жалобно пропищала Бетани, и Руди обнял ее за плечи, чтобы хоть как-то успокоить.

11

Крейг доковылял до багажного транспортера и упал на него. Боль молнией пронзила голову, шею, грудь. Крейг пытался вспомнить, что с ним случилось,

и не мог. Он спустился вниз по неработающему эскалатору, спрятался в маленькой комнате, сидел в темноте, рвал бумагу... а потом память как отсекло.

Он поднял голову, волосы падали на глаза, но он увидел сияющую девочку, которая сидела скрестив ноги у листов резины, в дюйме над транспортером. До чего же она красивая! Как он мог подумать, что девочка — одна из *них?*

— Ты ангел? — прохрипел Крейг.

Да, ответила сияющая девчушка.

И Крейг почувствовал, как боль отступает, сметенная радостью. Из глаз брызнули слезы, первые слезы его взрослой жизни. И внезапно ему вспомнился нежный, пьяный голос матери, которая пела старую песню.

— Ты утренний ангел? Ты будешь моим утренним ангелом?

Да... Буду. Если ты этого хочешь, буду. Но поторопись. Я знаю, тебе больно, но ты должен поторопиться.

— Да. — Крейг всхлипнул и пополз к ней по багажному транспортеру. Каждое движение отдавалось болью, кровь капала с остатков носа, из разбитого рта. Однако он торопился. Торопился как мог. А впереди маленькая девочка прошла сквозь листы резины, которые при этом даже не шелохнулись.

— Прикоснись к моей щеке, прежде чем покинешь меня, крошка, — прошептал вслед Крейг, отхаркнув кровь: красный плевок повис на стене, как мертвый паук.

Крейг попытался ползти еще быстрее.

12

С востока донесся оглушающий треск. Боб и Альберт вскочили, побледневшие, испуганные. Переглянулись.

— Что это? — спросил Алберт.

— Вроде бы упало дерево. — Боб облизнул пересохшие губы.

— Но ветра нет!

— Нет, — согласился Боб. — Ветра нет.

Шумовой фон распался на составляющие. Что-то трещало, визжало, чуть ли не лаяло. Постоянными оставались лишь мерное похрустывание и устойчивый пронзительный вой.

— Что происходит? — Из люка показалась бледная как полотно Бетани.

— Ниче... — начал Алберт, но Боб схватил его за плечо.

— Посмотри! — крикнул он. — Посмотри туда!

Далеко на востоке, на самом горизонте, над лесом возвышались опоры линии электропередачи, шагающие по вершинам холмов с севера на юг. На глазах Алберта одна из опор задрожала, а потом свалилась, потянув за собой провода. Мгновением позже упала вторая опора, потом третья, четвертая...

— Это еще не все, — заметил Алберт. — Посмотрите на деревья. Они трясутся, как кусты.

Но деревья не только тряслись. У них на глазах деревья начали падать и исчезать из виду.

Хрум, бум, хрум, трах, БАХ!

Хрум, бум, БАХ, трах, хрум!

— Нам надо выметаться отсюда. — Боб схватил Алберта за плечи, его глаза широко раскрылись, до краев наполненные ужасом. Умное, интеллигентное лицо застыло маской. — Нам надо *немедленно* убираться отсюда.

На горизонте, милях в десяти от них, гигантская башня ретранслятора завибрировала от основания до вершины и обрушилась, чтобы исчезнуть среди падающих деревьев. Теперь они чувствовали, что начала дрожать и земля. Дрожь эта поднималась по трапу и передавалась их ногам.

— Прекратите это! — взвизгнула за их спинами Бетани и зажала уши руками. — Пожалуйста, *прекратите это!*

Но звуковой вал накатывал на них, хрумканье и чавканье, сопровождающие трапезу лангольеров, были совсем рядом.

13

— Не хочу показаться надоедливым, Брайан, но сколько тебе еще нужно времени? — нервно спросил Ник. — В четырех милях к востоку есть река, я заметил ее при посадке, и мне представляется, что эти хрумкающие твари, уж не знаю какие, как раз добрались до нее.

Брайан взглянул на уровнемеры. 24 000 фунтов в правом крыле, 16 000 — в левом. Теперь заправка шла чуть быстрее, потому что не приходилось перекачивать топливо из «727» в другое крыло.

— Пятнадцать минут. — Брайан чувствовал выступившие на лбу большие капли пота. — Имеющегося топлива нам не хватит, Ник. Мы сможем дотянуть только до пустыни Мохаве. И еще десять минут, чтобы отсоединить шланги, закрыть люки и вырулить на взлетную полосу.

— Нельзя ли ужаться? Ты уверен, что нельзя ужаться?

Брайан покачал головой и вновь уставился на приборы.

14

Крейг медленно прополз под листами резины, вылез в мертвенный свет нового короткого дня. Ужасный звук оглушал, звук приближающейся армии людоедов. Даже небо дрожало от этого звука, и Крейг на мгновение замер: страх превратил его в статую.

Посмотри, сказал его утренний ангел и протянул руку.

Крейг посмотрел... и забыл про страх. Вдали, за «767», на треугольнике жухлой травы, образованном взлетно-посадочной полосой и двумя рулежными дорожками, стоял длинный, красного дерева стол для совещаний. Полированная поверхность поблескивала даже в этом безжизненном свете. Перед каждым креслом лежал блокнот, стояли кувшин с ледяной водой и хрустальный стакан. За столом сидели два десятка мужчин в строгих деловых костюмах. Все они повернулись к нему.

И внезапно захлопали в ладоши. Поднялись, продолжая хлопать, не сводя с него глаз, стоя приветствуя его появление. Крейг почувствовал, как губы у него сами растягиваются в счастливой, благодарной улыбке.

15

Дайна осталась одна в салоне первого класса. Дышать ей становилось все труднее, в голосе появились хрипы.

Беги к ним, Крейг! Скорее! Скорее!

16

Крейг свалился с транспортера, ударился плечом о бетон, тут же поднялся. К черту боль! Кто будет обращать внимание на боль? Ангел привел их! Разумеется, их привела она! Ангелы — что призраки в историях о мистере Скрудже, они могут сделать все, что только пожелают! Сияние вокруг девочки начало меркнуть, но и это уже не имело значения. Она принесла ему спасение: сеть, в которую он наконец-то попался.

Беги к ним, Крейг! Обегай самолет! Держись от самолета подальше! Беги к ним!

Крейг побежал. Он спотыкался, его бросало из стороны в сторону, но он бежал. Голова его то поднималась, то вновь падала на грудь. Он бежал к этим лишенным юмора, не знающим жалости людям — своим спасителям, которые могли быть рыбаками, склонившимися над бортом своей шхуны, чтобы посмотреть, какие удивительные жители морских глубин на этот раз попали им в сети.

17

Стрелка уровнемера левого бака замедлила свое движение при подходе к цифре 21 000 и застыла на цифре 22 000. Брайан понял, что произошло, щелкнул двумя переключателями, остановив насосы. «727» отдал им все, что мог, чуть больше 46 000 фунтов авиационного керосина. Этого должно было хватить.

— Ладно. — Брайан встал.

— Что ладно? — поднялся и Ник.

— Отсоединяем шланги и улетаем к чертовой матери.

Шум уже оглушал. Хрумканье и чавканье остались, но к ним присоединились треск ломающихся деревьев, грохот рушащихся домов. Как раз перед тем как Брайан отключил насосы, послышалось несколько громких всплесков. «Обрушился мост», — догадался Ник.

— Мистер Туми! — внезапно прокричала Бетани. — Вон мистер Туми!

Ник первым выскочил из кабины пилотов, Брайан последовал за ним. Они увидели Крейга, бредущего по рулежной дорожке. На самолет он не обращал никакого внимания. Направлялся он к пустынному треугольнику жухлой травы, ограниченному парой пересекающихся рулежных дорожек и торцом взлетно-посадочной полосы.

— Что он делает? — выдохнул Руди.

— Какая разница! — ответил Брайан. — Времени у нас в обрез. Ник, спускайся по трапу первым. Подержишь меня, пока я буду отсоединять шланг.

Брайану казалось, что он стоит на берегу, а с моря на него катит девятый вал.

Ник вновь держал Брайана за пояс, когда тот быстро отсоединил шланг, бросил его на бетон, захлопнул люк.

— Пошли, — повернулся он к Нику, лицо его стало серым. — Больше нам тут делать нечего.

Но Ник не шевельнулся. Замер, уставившись на восток. Кровь отхлынула от лица. На нем застыл ужас. Верхняя губа задрожала, он напоминал пса, слишком испуганного, чтобы лаять.

Брайан медленно повернул голову, слыша, как скрипят, словно несмазанные ржавые петли, сухожилия шеи. И убедился: лангольеры пришли.

18

— Как вы сами видите, — заговорил Крейг, подойдя к свободному стулу во главе стола и дождавшись, пока все сядут, — брокеры, с которыми я имел дело, не просто нечестные люди. Большинство из них — агенты ЦРУ, и их задача — обманывать и водить за нос таких банкиров, как я. Тех, у кого возникает срочная необходимость пополнить портфель государственных облигаций. С их точки зрения, цель — предотвращение экспорта коммунизма в Южную Америку — оправдывает любые средства.

— Какие вы предприняли меры для проверки своих контрагентов? — спросил толстяк в дорогом синем костюме. — Вы воспользовались услугами компании, страхующей сделки с государственными облигациями, или ваш банк нанял частное детективное агентство, специализирующееся на подобных делах?

Чисто выбритые щеки Синего Костюма светились то ли благодаря отменному здоровью, то ли благодаря многолетней привычке пить шотландское с содовой. Его глаза напоминали кристаллы синего льда. Прекрасные глаза. Глаза его отца.

Где-то далеко-далеко от конференц-зала, расположенного на третьем сверху этаже Пруденшл-центра, шла большая стройка. «Наверное, прокладывают дорогу», — предположил Крейг. В Бостоне постоянно строили дороги, ему представлялось, что в большинстве случаев никакой необходимости в этом не было, но причина этого бесконечного строительства не составляла для него тайны: бесчестные наживались за счет неведающих. К нему это не имело никакого отношения. Абсолютно никакого. Он имел дело с толстяком в синем костюме, и больше ни с кем.

— Мы ждем, Крейг, — подал голос президент его банковской корпорации.

Крейг удивился: мистер Паркер не собирался участвовать в конференции. А потом его охватила безмерная радость.

— Никаких мер предосторожности я не предпринимал! — выкрикнул он в их потрясенные физиономии. — Я просто покупал, покупал и покупал! Я не предпринимал НИКАКИХ... МЕР... ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ!

Он уже собрался продолжить, перейти к детальному объяснению своего *плана*, когда его остановил какой-то звук. Звук очень *близкий,* источник которого, возможно, находился в конференц-зале.

Хрумкающий звук, дробь голодных зубов.

Внезапно у Крейга возникло желание разорвать какой-нибудь листок, любой листок. Он потянулся к блокноту, который лежал перед ним, но блокнот исчез. Вместе со столом. Вместе с банкирами. Вместе с *Бостоном.*

«Где я?» — в замешательстве спросил себя Крейг и огляделся.

И тут же понял... и тут же увидел *их*.
Лангольеры пришли.
Лангольеры пришли за *ним*.
Крейг Туми закричал.

19

Брайан их видел, но не мог понять, что же он видит. Они словно не желали, чтобы их видели, и он чувствовал, что его и без того работающий на пределе мозг старается переработать поступающую информацию, трансформировать образы существ, появившихся на восточном торце взлетно-посадочной полосы 21, во что-то удобоваримое, доступное человеческому восприятию.

Поначалу их было двое: одно черное, другое — темно-красное.

Это мячи? с сомнением спрашивал мозг. *У них шарообразная форма?* Что-то щелкнуло, и в представлении Брайана существа превратились в пляжные мячи, эти мячи, с поверхностью, вибрирующей в горячем воздухе, то чуть сдувались, то вновь надувались. Они выкатились из высокой травы, в которую упиралась взлетно-посадочная полоса 21, оставляя за собой черные следы. Они словно прорезали траву...

Нет, с неохотой уточнил мозг. *Они не просто прорезают траву, и ты это знаешь. Они прорезают все, что попадается у них на пути.*

А оставляют за собой полосы идеальной черноты. Вот и теперь, катясь по светлому бетону взлетно-посадочной полосы, они по-прежнему оставляли за собой черные полосы. Которые блестели, как вар.

Нет, вновь с неохотой возразил мозг. *Не вар. Ты знаешь, что это за чернота. Это ничто. Абсолютное ничто. Они сжирают не только покрытие взлетно-посадочной полосы.*

В их повадках чувствовалось какое-то веселье. Траектории их движения то и дело пересекались, они высоко подпрыгивали и мчались к самолету. На бетоне оставались не прямые линии, а зигзаги.

Брайан вскрикнул, за его спиной вскрикнул Ник. Они увидели *морды* приближающихся мячей, чудовищные морды пришельцев с иных планет. Они мерцали и меняли облик, словно лица призраков. Брайан видел крошечные глазки и гигантские рты — пещеры, полные поблескивающих зубов.

Они ели на ходу, отхватывая кусочки окружающего их мира.

Топливозаправщик фирмы «Тексако» стоял на внешней рулежной дорожке. Лангольеры надвинулись на него, хищно ощерившись. Пронзили заправщик насквозь, не задержавшись ни на секунду. Один прорубил тропу через задние колеса, и на мгновение — до того как заправщик осел на землю — Брайан увидел тоннель, оставленный за собой лангольером, прямотаки мышиную норку из какого-то мультфильма.

Второй лангольер подпрыгнул, исчез за громадным баком заправщика, чтобы тут же показаться в прорезанной в корпусе дыре, из которой широким потоком хлынул авиационный керосин. Лангольеры вырывали тонкие полосы реальности, разрывали реальность на части, и Брайан осознал, что этим дело не кончается: остающаяся за лангольерами пропасть зияла бесконечностью пустоты.

На границе летного поля лангольеры притормозили. Словно в раздумье, куда направить свои стопы.

А потом резко изменили направление.

Взяли курс на Крейга Туми, который не отрывал от них глаз и вопил от ужаса.

И невероятным усилием воли Брайан заставил себя выйти из транса. Схватил за локоть застывшего двумя ступенями ниже Ника.

— Бежим!

Ник не отреагировал, и Брайан резко дернул его за руку.

— Я сказал, шевелись! Мы улетаем!

Вдалеке появились новые черные и красные шары. Они подпрыгивали, танцевали, кружили... и надвигались.

20

Ты не сможешь убежать от них, говорил его отец. *Их ножки тебе этого не позволят. У них маленькие быстрые ножки.*

Крейг тем не менее попытался.

Повернулся и побежал к зданию аэропорта, то и дело в ужасе оглядываясь. На «Боинг-767», принадлежащий авиакомпании «Американская гордость», который выруливал на взлетную полосу, Крейг внимания не обратил. Бежал он к багажному транспортеру.

Напрасно, Крейг, зазвучал в голове голос отца. *Ты, возможно, думаешь, что бежишь, но это не так. Ты знаешь, как это называется, не так ли? Ты НОСИШЬСЯ!*

А следом катились два шара-мяча, набирая скорость и неуклонно сокращая расстояние, отделяющее их от Крейга. Дважды они поменялись местами, оставив за собой черные перекрестья. А потом сблизились на расстояние семи дюймов и двинулись вместе, обозначив позади черную «лыжню». Крейга они настигли в двадцати футах от багажного конвейера. Только что его туфли лихорадочно отталкивались от асфальта. А через тысячную долю секунды Крейг стал на три дюйма ниже: лангольеры одновременно отхватили его ступни вместе с дорогими туфлями, купленными в магазине «Болли». Крови не было — раскаленные пасти лангольеров мгновенно прижигали раны.

Крейг и не понял, что остался без ступней. Он продолжал нестись на обрубках, а когда боль двинулась

вверх по ногам, лангольеры вновь надвинулись на него. На этот раз они отхватили ему ноги повыше колен. Крейг упал, все еще пытаясь бежать, не бежать, так ползти. Отмеренный ему путь он прошел до конца.

— Нет! — закричал он. — Нет, папа! Я буду хорошим! Пожалуйста, отгони их! Я буду хорошим, КЛЯНУСЬ, С ЭТОГО МОМЕНТА Я БУДУ ХОРОШИМ, ТОЛЬКО ОТГОНИ ИХ ОТ...

Но лангольеры накинулись на него. Крейг успел увидеть их чудовищные зубы, почувствовать жаркое, вибрирующее от распирающей их энергии дыхание. «Почему их маленькие ножки такие быстрые? — успел подумать Крейг. — Такие ма...»

И тут лангольеры разорвали его на части.

21

Уже появились десятки черных и красных шаров. Лорел поняла, что скоро их будут сотни, тысячи, миллионы, миллиарды. Даже сквозь рев авиационных двигателей, врывающийся в открытый люк, она слышала жуткий, нечеловеческий вой лангольеров.

Брайан отводил «767» от самолета, принадлежащего авиакомпании «Дельта», и от трапа. Черные полосы пересекали дальний конец взлетно-посадочной полосы 21, черные полосы вели к зданию аэропорта: *все* шары устремились в погоню за Крейгом Туми.

Наверное, им редко удается отведать живого мяса, подумала Лорел, и ее чуть не стошнило.

Ник Хопуэлл последний раз выглянул наружу и захлопнул дверь люка. Он шел между кресел, его качало из стороны в сторону. Глаза стали в пол-лица, превратившись в огромные плошки. Кровь текла по подбородку: он прикусил нижнюю губу, чтобы сдержать рвущийся из груди крик.

Ник обнял Лорел, зарылся горящим лицом в ложбинку, где встречались шея и плечо. Она обвила Ника руками и крепко прижала к себе.

22

Брайан развернул «767» и погнал его к взлетной полосе с максимально возможной, пожалуй, даже запредельной скоростью. Восточная граница аэропорта уже почернела после наступления шаров. Дальний конец взлетно-посадочной полосы 21 полностью исчез под ними. Исчезал и простирающийся за полосой мир. Бледное неподвижное небо словно обваливалось на черные расщелины и упавшие деревья.

Самолет уже подруливал к взлетной полосе, и Брайан схватил микрофон:

— Пристегнитесь! Пристегнитесь! Если не можете пристегнуться, схватитесь за что-нибудь!

Он чуть снизил скорость, занимая позицию для разгона по взлетной полосе 33. И тут увидел нечто такое, от чего сердце у него ушло в пятки: громадные куски мира, пространства, лежащие к востоку от взлетной полосы, проваливались в никуда, оставляя после себя пустоту.

«Они поедают планету, — подумал Брайан. — Господи, они поедают планету!»

А потом «767» развернулся носом на запад, и перед Брайаном открылась длинная и свободная, от ланголь-еров или кого бы то ни было, взлетная полоса 33.

23

Багажные ячейки распахнулись настежь, их содержимое вывалилось на пол и кресла. Бетани, которая не успела пристегнуться, плюхнулась на колени к Албер-

ту Косснеру. Алберт не заметил ни теплой попки девушки, ни «дипломата» с хромированными углами, просвистевшего в трех дюймах от его носа. Он видел только стремительные темные шары на полосе 21 да остающиеся за ними блестящие черные следы. Следы эти сходились у зоны разгрузки багажа.

«Они тянутся к мистеру Туми, — подумал Алберт, — или туда, где был мистер Туми. Если б *они* не повернули к зданию аэропорта, то наверняка набросились бы на самолет. Пожрали бы его и нас вместе с ним».

— Теперь мы знаем, не так ли? — раздался за спиной Алберта дрожащий голос Боба Дженкинса.

— *Что?* — воскликнула Лорел, не узнав своего голоса; ей на колени упала дорожная сумка, Ник поднял голову, увидел сумку, отбросил ее в проход. — *Что мы знаем?*

— Знаем, что происходит с настоящим после того, как оно становится прошлым. Прошлое ждет, мертвое, пустое, покинутое. Ждет *их* прихода. Ждет чистильщиков вечности, которые всегда бегут следом за настоящим, убирая остатки прошлого самым эффективным способом: съедая их.

— Мистер Туми знал о них, — вдруг ясно и отчетливо сказала Дайна. — Мистер Туми говорил, что их зовут лангольеры.

Реактивные двигатели наконец взревели на полную мощность: самолет помчался по взлетной полосе 33.

24

Брайан увидел два черных шара, которые пересекли взлетную полосу перед самолетом, прорезав поверхность реальности двумя параллельными щелями, которые блестели, как черный эбонит. Тормозить возможности не было. «767» подбросило, когда он перепрыгивал через расщелины, но Брайану удалось удержать его на взлетной полосе. Он форсировал

и форсировал работу двигателей, с нетерпением ожидая, когда же самолет наберет необходимую для отрыва скорость.

Даже рев двигателей не мог перекрыть маниакальные чавканье и похрустывание... хотя Брайан не знал, слышит ли он все это ушами или отвратительные страшные звуки уже внутри его. Впрочем, он старался об этом не думать.

25

Перегнувшись через Лорел, чтобы посмотреть в иллюминатор, Ник увидел, как Международный аэропорт Бангора раздирают, рвут на куски. Здание прорезали зигзагообразные щели, крыша и стены проваливались в никуда.

Закричала Бетани Симмс. Черный след тянулся параллельно «767», сжевывая край взлетной полосы. Внезапно он нырнул вправо и исчез под фюзеляжем.

Самолет вновь сильно тряхнуло.

— Он добрался до нас? — воскликнул Ник. — *Он добрался до нас?*

Ему никто не ответил. Побледневшие, испуганные пассажиры смотрели в иллюминаторы; и ему никто не ответил. Деревья слились в синевато-зеленую стену. В кабине пилотов Брайан застыл в кресле, каждую секунду ожидая, что один из шаров появится перед лобовым стеклом и прошьет кабину насквозь.

На приборном щитке последние красные таблички сменились зелеными. Брайан потянул ручку на себя, и «767» оторвался от земли.

26

В главном салоне бородач с налитыми кровью глазами, пошатываясь, шел по левому проходу.

— Уже подлетаем к Бостону? — спрашивал он у пустых кресел. — Я очень на это надеюсь, потому что мне надо снова лечь в постель. Голова у меня просто раскалывается.

Глава 9

Прощание с Бангором. Путь на запад сквозь дни и ночи. Взгляд на мир чужими глазами. Дыра во времени. Предупреждение. Решение Брайана. Посадка. Стрельба только начинается

1

Самолет круто повернул на восток, бросив проснувшегося наконец пассажира на ряд пустых кресел. Он обвел взглядом другие пустые кресла, крепко зажмурился.

— Господи, — пробормотал он. — Белая горячка. Чертова белая горячка! Такого со мной еще не бывало. — Еще один испуганный взгляд. — Теперь появятся чертики... Где же эти долбаные чертики?

«Чертиков не будет, — подумал Алберт. — Но зато у тебя есть возможность взглянуть на шары. Тебе они очень понравятся».

— Пристегнись, приятель, — бросил Ник, — и затк...

Он замолчал, глядя на аэропорт... вернее, на то место, где был аэропорт. Само здание исчезло, та же участь ждала и базу Национальной гвардии, занимающую западную часть аэропорта.

«767» взлетал над растущей каверной, черной и бездонной.

— Господи, что же это такое, Ник?! — прошептала Лорел и закрыла глаза руками.

Когда они пролетали над взлетно-посадочной полосой 33 на высоте 1500 футов, Ник увидел шестьдесят, а может, и сто параллельных линий, рассекающих бетон на длинные полосы. Полосы эти напомнили ему о Крейге Туми.

Ри-и-ип.

По другую сторону прохода Бетани перегнулась через Алберта, опустила шторку и истерично взвизгнула:

— Не смей ее поднимать!

— Не волнуйся, — ответил Алберт и тут же вспомнил, что оставил скрипку в аэропорту.

Что ж... теперь и она канула в вечность. Резким движением он закрыл лицо руками.

2

Перед тем как вновь повернуть на запад, Брайан увидел, *что* лежало к востоку от Бангора. Там просто ничего не осталось. Гигантское море пустоты простиралось от горизонта к горизонту под белым куполом неба. Деревья исчезли, город исчез, исчезла сама Земля.

«Будто летишь в космосе», — подумал Брайан и почувствовал, что у него вот-вот поедет крыша. Капитан нашел единственный способ сохранить рассудок: сконцентрировался на управлении самолетом.

Брайан быстро набирал высоту, стремясь как можно скорее войти в облака, чтобы больше не видеть этого дьявольского зрелища. Но перед тем как белая пелена скрыла землю, он все-таки посмотрел вниз: холмы, леса, озера, расположенные к западу от Бангора, прорезали тысячи черных нитей. Громадные куски реальности один за другим проваливались в никуда, и тут Брайан совершил поступок, который прежде воспринял бы как невероятный.

Закрыл глаза... сидя в кресле пилота. И открыл их, лишь когда самолет вошел в облака.

3

На этот раз они не попали ни в одну из воздушных ям. Как и предугадал Боб Дженкинс, атмосфера словно застыла. Полет в облаках продолжался десять минут, а потом, на высоте 18000 футов, «767» вырвался к синему небу. Пассажиры нервно переглянулись, и тут же из динамиков по салону разнесся голос Брайана:

— Мы взлетели. Вы все знаете, что нас теперь ждет: полетим обратно в надежде на то, что дверь, через которую мы попали сюда, до сих пор открыта. — Он помолчал, потом продолжил: — Полет займет от четырех с половиной до шести часов. Я бы хотел назвать более точное время, но не могу. При обычных обстоятельствах полет на запад длится дольше, чем полет на восток, но, насколько я могу верить показаниям приборов, встречного ветра нет. — Брайан вновь замолчал. — Здесь ничего не движется, кроме нас.

Послышался треск, Брайан оставил громкую связь, словно хотел что-то добавить, затем выключил ее, так и не сказав ни слова.

4

— Ради Бога, скажите, что здесь происходит? — дрожащим голосом спросил бородач.

Алберт окинул его долгим взглядом.

— Не думаю, что вы захотите это узнать.

— Я снова в больнице? — испуганно спросил бородач, и Алберт его даже пожалел.

— Если это вам поможет, считайте, что да.

Бородач какое-то мгновение всматривался в него, затем объявил:

— Пожалуй, пойду спать, прямо сейчас.

Он ретировался в главный салон, плюхнулся в первое попавшееся кресло, закрыл глаза. Не прошло и ми-

нуты, как его грудь уже мерно поднималась и опускалась, а он сладко посапывал.

Альберт ему завидовал.

5

Ник на секунду прижал Лорел к себе, расстегнул ремень безопасности, встал.

— Пойду к нашему пилоту. Составишь мне компанию?

Лорел покачала головой, глядя на носилки, которые стояли по другую сторону прохода.

— Я останусь с девочкой.

— Мы ей ничем не поможем. Боюсь, все сейчас в руках Божьих.

— Я знаю, — ответила Лорел, — но хочу остаться с ней.

— Хорошо, Лорел. — Ник пробежался ладонью по ее волосам. — Такое красивое имя. Ты его заслужила.

Она посмотрела Нику в глаза, улыбнулась.

— Спасибо.

— Мы договорились вместе пообедать... Ты не забыла, надеюсь?

— Нет. — Лорел все улыбалась. — Не забыла и не забуду.

Ник наклонился и легонько поцеловал ее в губы.

— Хорошо. Я тоже.

Он прошел в кабину пилотов, а Лорел прижала пальцы к губам, словно хотела удержать его поцелуй. Обед с Ником Хопуэллом, темноволосым загадочным незнакомцем. Может, при свечах и с бутылкой вина. А потом и с поцелуями... настоящими поцелуями. Прямо-таки сюжет для любовных романов, которые она иногда почитывала. Почему нет? Приятные сказочки, полные сладких грез. Немного помечтать совсем не вредно, не так ли?

Разумеется, нет. Но откуда столь горькое предчувствие, что эта мечта не станет явью?

Лорел расстегнула ремень безопасности, поднялась, пересекла проход, положила руку на лоб девочки. Горячечного жара как не бывало. Холодная, восковая на ощупь кожа.

Ей вспомнилась фраза Руди, произнесенная перед тем, как самолет вырулил на взлетную полосу. «Мне кажется, что она уходит». Только теперь Лорел осознала жуткий смысл этих слов. Дышала Дайна быстро-быстро. Грудь поднималась и опадала, стянутая ремнем, прижимающим прокладки к ране.

Лорел с бесконечной нежностью убрала со лба девочки прядку волос, вспомнила о том, как Дайна схватила Ника за штанину и прошептала: «Не убивайте его... он нам понадобится».

«Ты спасла нас, Дайна? — задала она безмолвный вопрос. — Нас спасло то, что ты сделала с мистером Туми? Ты заставила мистера Туми отдать *его* жизнь в обмен на *наши?*»

Лорел подумала, что именно так, возможно, все и было. Хотя и не понимала, как маленькая слепая девочка могла принять такое непростое решение, да еще и реализовать его... Маленькая девочка, тяжело раненная, прикованная к носилкам, пребывающая в мире полной темноты.

Лорел наклонилась и поцеловала холодные веки Дайны.

— Держись, — прошептала Лорел. — Пожалуйста, держись, Дайна.

6

Бетани повернулась к Алберту, сжала его руки своими.

— Что будет, если топливо окажется никуда не годным?

Алберт пристально смотрел на нее.

— Ты и сама знаешь ответ, Бетани.

— Если хочешь, можешь звать меня Бет.

— Хорошо.

Она достала пачку сигарет, бросила взгляд на все еще горящую табличку «НЕ КУРИТЬ», убрала сигареты.

— Да, — вздохнула она. — Знаю. Мы рухнем на землю. Конец истории. И знаешь, что я тебе сейчас скажу?

Алберт покачал головой, улыбнулся.

— Если мы не сможем найти эту дыру во времени, я надеюсь, капитан Энгл больше не будет пытаться сажать самолет. Я надеюсь, он выберет красивую высокую гору и врежется в вершину. Ты видел, что случилось с этим безумцем? Я не хочу, чтобы такое же случилось и со мной.

По ее телу пробежала дрожь, и Алберт тут же обнял ее. Она вскинула голову.

— Хочешь меня поцеловать?

— Да, — мгновенно ответил Алберт.

— Так целуй. Со временем у нас, возможно, негусто.

Алберт не заставил просить себя дважды. Самый быстрый к западу от Миссисипи стрелок-еврей целовался третий раз в жизни и млел от счастья. Он мог бы весь полет не отрываться от этой девушки и больше ни о чем не думать.

— Спасибо, — прошептала Бетани, положив голову ему на плечо. — Мне этого так не хватало!

— Если захочешь еще, только скажи.

Она подняла голову, бросила на него удивленный взгляд.

— А разве об этом надо говорить, Алберт?

— Полагаю, что нет, — согласился Аризонский Еврей и приступил к делу.

7

По пути к кабине пилотов Ник остановился рядом с креслом Боба Дженкинса: ему пришла очень уж жуткая идея, и Ник хотел обсудить ее с писателем.

— Как по-вашему, могут эти твари быть и на такой высоте?

Боб на мгновение задумался.

— Исходя из того, что мы видели в Бангоре, нет. Но утверждать ничего нельзя. Этот мир живет по своим правилам.

— Да, — вздохнул Ник. — Это точно. Правила тут свои. — Он помолчал. — А как насчет вашей дыры во времени? Каковы наши шансы обнаружить ее?

Боб Дженкинс медленно покачал головой:

— Не берусь загадывать.

Тут со следующего ряда заговорил Руди Уэрвик:

— Меня вы не спрашиваете, но я все равно выскажу свое мнение. Я бы оценил их как один к тысяче.

Ник обдумал его слова, а потом его лицо осветилось счастливой улыбкой.

— Неплохие шансы. Очень неплохие, учитывая, что есть альтернатива.

8

Не прошло и сорока минут, как синее небо, которое пронизывал «767», в стародавние времена вылетевший рейсом 29 из Лос-Анджелеса в Бостон, начало темнеть. Голубизна сменилась индиго, потом пришел черед фиолетовым оттенкам. Брайан не отрывал глаз от приборов, мечтая о чашечке кофе. Ему вспомнились слова то ли песни, то ли стихотворения: «...темно-фиолетовая ночь, вставшая над спящими садами...»

Сады, понятное дело, отсутствовали, но зато появились первые сверкающие ледяным блеском звезды. Знакомые созвездия, появившиеся на привычных местах, успокаивали. Брайан не ожидал, что увидит их неизменными в мире, где изменилось чуть ли не все, поэтому встретил их как добрых друзей.

— Сутки тут очень уж короткие, не так ли? — раздался за его спиной голос Ника.

— Да уж. Дни и ночи так и летят.

— А впереди у нас, похоже, самое сложное. — Ник вздохнул. — Будем ждать того, что должно случиться. Наверное, стоит и помолиться.

— Полагаю, это не повредит. — Брайан Энгл пристально посмотрел на Ника Хопуэлла. — Я летел в Бостон, потому что моя бывшая жена погибла при пожаре в своей квартире. Дайна — потому что врачи обещали вернуть ей зрение. Боб — на конгресс. Алберт — в музыкальную школу. Лорел — в отпуск. А почему полетел в Бостон ты, Ник? Признавайся. Время поджимает.

Ник долго молчал, потом рассмеялся:

— Почему нет? Что значит классификация Особой важности после того, как ты повидал этих шаровидных тварей, сжирающих мир, словно старый ковер? — Он снова рассмеялся и продолжил: — Соединенные Штаты отнюдь не монополисты по части темных дел и секретных операций. Мы, лайми, забыли больше трюков, чем вы, янки, вообще знали. Мы славно поработали в Индии, Южной Африке, Китае и той части Палестины, которая теперь зовется Израилем. Естественно, в последнем случае мы схватились не с теми. Тем не менее мы, британцы, свято верим в могущество плаща и кинжала, и знаменитая MI-5 не даром ест свой хлеб. Я в армии уже восемнадцать лет, Брайан, последние пять участвую в специальных операциях. Иногда задания мне поручали самые невинные, иногда лилась кровь.

Самолет окутала ночь, звезды сверкали, как блестки на вечернем платье светской дамы.

— В Лос-Анджелесе я проводил краткосрочный отпуск, когда со мной связались и приказали прибыть в Бостон. Немедленно. На подготовку дали всего четыре дня, так что я еле стоял на ногах от усталости, потому и проспал знаменательное Событие мистера Дженкинса.

Видишь ли, в Бостоне живет один человек... или жил... или будет... с этими путешествиями во времени не знаешь, как и сказать. Политик. Из тех, кто предпочитает держаться в тени, но имеет реальные рычаги власти. Этот человек, назовем его О'Баньон, во-первых, очень богат, а во-вторых, активный сторонник Ирландской республиканской армии. Он переправил миллионы долларов на счета ИРА, и на его руках много крови. Не только британских солдат, но и детей со школьных дворов, женщин из прачечных, младенцев, взорванных прямо в колясках. Он из идеалистов самого опасного толка: тех, кто не видит конечного результата, тех, кому не приходится лицезреть в канаве оторванную ногу. Потому у него и нет повода задуматься и переосмыслить свои действия.

— Тебе поручили убить этого О'Баньона?

— Только в случае крайней необходимости, — ответил Ник. — Он очень богат, но этим дело не ограничивается. Он действительно крупный политик, и в Ирландии редко что происходит без его ведома. У него много влиятельных американских друзей... некоторые из них и наши друзья... такова уж сущность политики. Все переплелось... Убийство О'Баньона — большой политический риск. Но у него есть любовница. Вот ее-то мне и поручили убить.

— Последнее предупреждение.

— Да, — кивнул Ник. — Если не последнее, то одно из.

С минуту мужчины смотрели друг на друга. Тишину нарушало лишь сонное гудение двигателей. В глазах Брайана застыл шок. На лице Ника — усталость.

— Если мы выберемся из этой передряги, — нарушил молчание Брайан, — если вернемся, ты выполнишь это задание?

Ник покачал головой. Медленно, но с решимостью человека, который уже все знает наперед.

— Боюсь, для меня это все в прошлом, дружище. Больше никаких ночных прогулок для сына миссис

Хопуэлл. Если мы вернемся, что еще очень сомнительно, я подам в отставку.

— И что потом?

Ник задумчиво посмотрел на капитана, прежде чем ответить.

— Ну... наверное, пойду переучиваться на пилота.

Брайан рассмеялся. Через мгновение ему составил компанию и Николас, сын миссис Хопуэлл.

9

Тридцать пять минут спустя в кабине пилотов начало светать. Через три минуты уже было позднее утро. Через пятнадцать минут наступил полдень.

Лорел увидела, что блестящие незрячие глаза Дайны открыты.

Такие ли они *незрячие?* Было в этих глазах нечто, заставившее Лорел в этом усомниться. Она почувствовала, как ее охватывает благоговейный трепет и одновременно безотчетный страх.

Она осторожно взяла Дайну за руку и ласково сказала:

— Не пытайся говорить. Если ты в сознании, Дайна, не пытайся говорить, только слушай. Мы летим. Мы возвращаемся, и с тобой все будет хорошо... это я тебе обещаю.

— Не волнуйтесь обо мне, Лорел. Я получила... что хотела.

— Дайна, не надо тебе...

Незрячие глаза повернулись на звук голоса. Легкая улыбка тронула запятнанные кровью губы Дайны.

— Я видела, — прошептала девочка. — Я видела глазами мистера Туми. В самом начале,.. и в конце. В конце лучше. В начале все казалось ему злым и страшным. В конце было лучше.

У Лорел перехватило дыхание.

Пальцы девочки выскользнули из руки Лорел, коснулись ее щеки.

— Он был не таким уж плохим человеком. — Она закашлялась, крохотные капельки крови брызнули изо рта.

— Пожалуйста, Дайна! — Лорел охватила паника: у нее возникло ощущение, что маленькая слепая девочка стала прозрачной. — Пожалуйста, ничего больше не говори.

Дайна улыбнулась.

— Я вас видела. Вы красавица, Лорел. И все вокруг такое красивое... даже те вещи, которые умерли. Так прекрасно... знаете ли... видеть.

Девочка вдохнула, выдохнула, а больше просто не вдохнула. И ее незрячие глаза смотрели уже не в глаза Лорел Стивенсон, а в вечность.

— Пожалуйста, дыши, Дайна, — шепнула Лорел.

Схватила руки девочки и начала целовать, словно надеялась поцелуями вдохнуть в нее жизнь. Как могла Дайна умереть после того, как спасла их всех! Бог не мог требовать такой жертвы, даже от людей, которые оказались вне времени.

— Пожалуйста, дыши, пожалуйста, пожалуйста, дыши.

Но Дайна не дышала. Лорел сложила ручки девочки у нее на груди и долго всматривалась в бледное застывшее личико. Лорел ждала, что ее глаза наполнятся слезами, но слезы не приходили. Только щемило сердце да в висках стучало одно и то же: «Нет! Это несправедливо! Несправедливо! Верни ее, Господи! Верни ее, черт тебя побери, верни! Ты должен ее вернуть!»

Но Бог ничего не изменил. Гудели двигатели, через иллюминатор солнечный луч падал на окровавленный рукав платья Дайны. Бог ничего не хотел возвращать. Лорел отвернулась и увидела по другую сторону прохода целующихся Алберта и Бетани. Рука Алберта осторожно, нежно поглаживала грудь девушки. Они

являли собой ритуальный образ, символ, олицетворяющий жизнь, ее нескончаемость, ее неистребимость даже в самые тяжелые моменты, выпадающие на долю человека. Лорел с надеждой вновь посмотрела на Дайну, но... Бог ее не вернул.

Бог ее не вернул.

Лорел поцеловала девочку в застывшую щечку, подняла руку к ее лицу, пальцы замерли в дюйме от век.

Я видела глазами мистера Туми. Все вокруг такое красивое... даже те вещи, которые умерли. Так прекрасно видеть.

— Да, — сказала себе Лорел. — С этим я смогу жить.

И оставила глаза Дайны открытыми.

10

«Боинг-767» авиакомпании «Американская гордость» летел на запад сквозь дни и ночи, сменявшие друг друга, словно большие толстые облака. С каждым циклом сутки становились все короче.

Примерно через три часа полета облачный слой оборвался, как раз в том месте, где он начался, когда самолет летел на восток. Брайан мог поспорить на любые деньги, что облака не сдвинулись ни на дюйм. Теперь под ними расстилались Великие равнины.

— Их тут не видно, — заметил Руди Уэрвик; он мог не уточнять, о ком идет речь.

— Не видно, — согласился Боб Дженкинс. — Должно быть, мы обогнали их: или в пространстве, или во времени.

— Или и там, и там, — вставил Алберт.

— Да, или и там, и там.

Но они не обогнали. Когда «767» пересекал Рокки, они снова увидели внизу черные полосы, с высо-

ты похожие на нити. Они прорезали склоны и вершины, вычерчивали какие-то фигуры на синевато-сером лесном ковре. Ник подошел к двери, приник лицом к иллюминатору. Непонятно почему, но стекло иллюминатора обладало увеличительным эффектом. Так что Ник увидел больше, чем хотел. На его глазах две черные линии разделились, обежали покрытую снегом вершину и по склону устремились вниз, все больше удаляясь друг от друга. А вершина провалилась, оставив после себя лишь кратер вулкана.

— Господи, спаси и помилуй, — пробормотал Ник, дрожащей рукой смахивая со лба пот.

Когда они летели над западными отрогами, держа курс на Юту, вновь начали сгущаться сумерки. Кроваво-красный свет заливал дьявольский ландшафт, и никто из них уже не мог смотреть на то, что оставалось от Земли. Один за другим, следуя примеру Алберта и Бетани, они опускали шторки. Ник нетвердой походкой вернулся к своему креслу, сел, уткнулся подбородком в грудь. Через минуту-другую повернулся к Лорел, и она молча обняла его.

И только Брайан был вынужден смотреть на творящееся внизу: в кабине пилотов шторок не было.

Западная часть Колорадо и восточная Юты громадными кусками проваливались в колодец вечности. Горы, холмы, долины переставали существовать под напором лангольеров, подчищающих прошлое, отправляющих его в бездонные глубины. Ни одного звука не долетало на такую высоту, и это, пожалуй, пугало больше всего. Земля исчезала молча, как исчезают пылинки.

Наступившую темноту Брайан воспринял как акт милосердия и обратил свой взгляд к звездам. Залюбовался ими, единственной реалией, оставшейся в этом ужасном мире: Орион-охотник, Пегас, великий полуночный скакун, Кассиопея на своем звездном троне.

11

Полчаса спустя вновь взошло солнце, и Брайан почувствовал, что вплотную подошел к границе, отделяющей нормальную психику от безумия. Земля внизу исчезла. Полностью и окончательно. Синее небо повисло над циклопическим океаном чернейшей пустоты.

Лангольеры сожрали мир под летящим «767».

Брайану пришла мысль, ранее уже озвученная Бетани: если дыру во времени найти не удастся, если их будет ждать самое худшее, лучше уж направить самолет в гору и покончить с этим раз и навсегда. Да только внизу не было гор!

Не было и земли!

«Что же будет, если мы не найдем этой дыры? — спросил Брайан свой внутренний голос. — Что произойдет, когда у нас закончится топливо? Только не говори мне, что мы куда-то врежемся, потому что в это я не поверю. Нельзя врезаться в ничто. Я думаю, мы будем падать... и падать... и падать. Как долго? Как далеко? Сколько можно падать в пустоту?»

Не думай об этом, ответил внутренний голос.

«Но как это сделать? Как не думать о пустоте?»

Брайан вновь вернулся к своим расчетам, часто сверяясь с данными компьютера навигационной системы, пока вновь не начало темнеть. Время между рассветом и закатом сократилось до двадцати восьми минут.

Он включил громкую связь, взял микрофон.

— Ник, сможешь зайти ко мне?

Ник появился в дверях секунд через тридцать.

— Они опустили шторки? — спросил Брайан, прежде чем Ник успел переступить порог.

— Будь уверен.

— Мудрое решение. Я хочу попросить тебя не смотреть вниз, если сможешь. Я хочу, чтобы ты смотрел в окно, но боюсь, ты не сможешь удержаться от того,

чтобы не взглянуть вниз, хотя настоятельно советую как можно дальше оттянуть этот момент. Зрелище... не из приятных.

— Значит, ничего нет?

— Да. Ничего.

— И маленькая девочка ушла от нас. Дайна. На глазах Лорел. Она держится очень хорошо. Лорел полюбила девочку. Я тоже.

Брайан кивнул. Новость Ника его не удивила. Рана девочки требовала оперативного вмешательства хирургов в первоклассно оборудованной больнице, да и в этом случае никто не мог гарантировать благополучный исход. И все-таки у Брайана защемило сердце. Он тоже полюбил девочку, и он верил в то, во что верила Лорел: они выжили во многом благодаря усилиям Дайны. Она что-то сделала с мистером Туми, каким-то образом использовала его. Брайан почему-то думал, что Туми и не возражал против того, чтобы его использовали. Поэтому ее смерть скорее всего не предвещала им ничего хорошего.

— Значит, до операции она так и не дожила, — вздохнул Брайан.

— Не дожила, — откликнулся Ник.

— Лорел в порядке?

— Более или менее.

— Она тебе приглянулась, не так ли?

— Да. У меня есть приятели, которые бы посмеялись над этим, но она мне приглянулась. Конечно, много плачет, но характер у нее крепкий.

Брайан вновь кивнул.

— Что ж, если вернемся благополучно, желаю вам счастья.

— Благодарю. — Ник сел в кресло второго пилота. — Я все думал о вопросе, который ты мне тут задал. Насчет того, что я буду делать, если мы выберемся из этой передряги... помимо того, что я приглашу прекрасную Лорел на обед. Возможно, я все-таки пойду по следу мистера О'Баньона. Мне представляется, что

он не многим отличается от нашего друга Туми.

— Дайна просила тебя не убивать мистера Туми, — напомнил Брайан. — Может, тебе стоит принять во внимание и это?

Теперь кивнул Ник. Тяжело, словно голова не хотела держаться у него на плечах.

— Может, и стоит.

— Послушай, Ник, я позвал тебя в кабину, потому что мы приближаемся к тому месту, где должна находиться временна́я дыра Боба, если, конечно, она существует. Будем искать ее вместе. Ты берешь на себя правую сторону, я — левую. Если увидишь что-то похожее на дыру во времени — свистни.

Глаза Ника широко раскрылись.

— Мы ищем какую-то определенную дыру во времени или нам подойдет любая?

— Очень забавно. — Брайан, однако, не мог не улыбнуться. — Я понятия не имею, как она должна выглядеть, не знаю даже, сможем ли мы ее увидеть. Если не сможем, если она уйдет куда-то в сторону, если ее высота изменилась, беды не миновать. Возможно, легче найти иголку в стоге сена, чем эту чертову дыру.

— А как насчет радара?

Брайан указал на цветной экран монитора.

— Ничего, можешь убедиться сам. И неудивительно. Пилоты не увидели временну́ю дыру на радаре, поэтому и влетели в нее.

— А если бы увидели? — мрачно спросил Ник.

— Интересный вопрос. Возможно, они увидели ее слишком поздно и не смогли отвернуть. Реактивные самолеты летают быстро, а пилоты не все время оглядывают небо в поисках неопознанных летающих объектов. Необходимости в этом нет, для этого существуют наземные службы. Основная работа пилота заканчивается через тридцать — тридцать пять минут после взлета. Птичка в воздухе, район интенсивного воздуш-

ного движения позади, датчик, предупреждающий об опасном сближении с другими самолетами, пикает каждые девяносто секунд, компьютер инерциальной навигационной системы запрограммирован и указывает автопилоту, что надо делать. С точки зрения пилотов, как первого, так и второго, самое время выпить кофе. Они могли сидеть, глядя друг на друга, обсуждая последний увиденный ими фильм или футбольный матч. Если бы к ним зашел кто-то из стюардесс, появилась бы еще одна пара глаз, которая могла бы заметить Событие. Но мы знаем, что в кабине пилотов больше никого не было. Пилоты пили кофе и ели плюшки, стюардессы готовили для пассажиров выпивку.

— Очень уж подробный сценарий. Ты хочешь убедить меня или себя?

— В данный момент я готов убедить в этом кого угодно.

Ник улыбнулся, подошел к окну правого борта. Невольно посмотрел вниз, на землю, и улыбка застыла, а потом сползла с его лица. Колени подогнулись, он оперся о стену, чтобы удержаться на ногах. Лицо его стало серым.

— Святый Боже! — вырвалось у него.

— Зрелище не для слабонервных, не так ли?

— Всю жизнь, когда люди говорили о дыре, я представлял себе, что речь идет об Австралии. Оказывается, ошибался. Вот она, эта дыра, под нами.

Брайан сверился с компьютером и штурманскими картами. Он загодя нанес на карту красный кружок: они как раз подлетали к нему.

— Можешь ты сделать то, о чем я тебя попросил? Если нет, так и скажи. Гордость — это та роскошь, которую мы не...

— Разумеется, могу, — пробормотал Ник и, оторвав взгляд от гигантского черного провала под брюхом самолета, уставился в небо. — Я бы только хотел знать, что надо искать.

— Думаю, ты сразу узнаешь временну́ю дыру, когда увидишь ее, — ответил Брайан и после паузы добавил: — *Если* увидишь.

12

Боб Дженкинс сидел, крепко обхватив себя руками, словно замерз. Он действительно чувствовал холод, но не телом. Озноб гулял в его голове.

Что-то не так.

Он никак не мог понять что и не находил себе покоя. Что-то упущено... потеряно... забыто. То ли они совершили ошибку, то ли вот-вот совершат. Это ощущение не покидало его: в какие-то мгновения почти оформлялось в мысль, а потом вновь куда-то юркало, словно мышь в норку.

Что-то не так.

Упущено. Потеряно.

Забыто.

Перед ним Алберт и Бетани самозабвенно целовались и обнимались. За спиной Руди Уэрвик сидел, закрыв глаза. Губы его безмолвно шевелились, пальцы перебирали четки. На другой стороне прохода Лорел Стивенсон, устроившись рядом с Дайной, поглаживала ее ручку.

Не так.

Боб приподнял шторку, глянул вниз, резко опустил ее. Такое зрелище не способствовало рациональному мышлению, наоборот, лишало способности соображать. Под самолетом плескался океан безумия.

«Я должен их предостеречь, — думал Дженкинс. — Должен. Мы реализуем мою версию, но, если я где-то ошибся и этот процесс сопряжен с опасностью, я должен их предостеречь».

Предостеречь от чего?

Вновь мысль будто достигла поверхности, а потом ушла на глубину, став тенью среди теней, но тенью с поблескивающими тревогой глазами.

Боб резко расстегнул ремень безопасности, встал.

Алберт оглянулся:

— Куда вы идете?

— В Кливленд. — И двинулся в хвостовую часть самолета, все еще пытаясь нащупать причину снедающего его страха.

13

Брайан оторвал взгляд от неба, на котором появились признаки очередного рассвета, коротко глянул на дисплей навигационного компьютера, затем нашел кружок на штурманской карте. Они приближались к дальней границе кружка. Если временна́я дыра здесь, то до встречи оставалось совсем немного. Если нет, ему не оставалось ничего другого, как взять управление самолетом на себя и пройти этот же круг на другой высоте и в другом направлении. Конечно, топлива в обрез, но, если они не найдут временну́ю дыру, проблема с топливом потеряет всякую актуальность.

— Брайан! — Голос Ника заметно дрожал. — Брайан! Вроде бы я что-то вижу.

14

Боб Дженкинс дошел до самого хвоста, развернулся и медленно двинулся обратно, проходя ряд за рядом. Смотрел он на вещи, лежащие в креслах, на полу: сумочки... очки... наручные часы... карманные часы... металлические набойки на каблуки... коронки... обручальные кольца...

Что-то не так.

Неужели? А может, это реакция перенапряженного мозга? Эквивалент мышечного перенапряжения,

когда они продолжают сокращаться, хотя человек уже отдыхает?

Забудь об этом, посоветовал себе Боб, но не мог.

Если чего-то действительно не хватает, то почему ты этого не видишь? спрашивал он себя. *Разве ты сам не говорил мальчику, что дедуктивный метод — твои хлеб и масло? Разве ты не написал сорок детективных романов, десять из которых действительно недурны? Разве «Ньюгейт календер» не назвал «Спящую мадонну» шедевром логики, когда...*

Боб Дженкинс замер, глаза его широко раскрылись. Смотрел он на кресло в левом ряду, в самом начале главного салона. В нем, похрапывая, сладко спал бородач, так и не узнавший, что они побывали в Бангоре. Вот тут Дженкинса и осенило. Он действительно допустил ошибку. Ужасную ошибку. Чудовищную ошибку.

Спящая мадонна.

Спящий человек.

Он открыл рот, попытался закричать, но ни звука не сорвалось с губ. У него перехватило дыхание. Ужас невероятной тяжестью навалился на него. Еще одна попытка закричать закончилась едва слышным писком.

Спящая мадонна, спящий мужчина.

ОНИ, ВЫЖИВШИЕ, ТОГДА ВСЕ СПАЛИ.

А ТЕПЕРЬ, ЗА ИСКЛЮЧЕНИЕМ БОРОДАЧА, НИКТО НЕ СПИТ.

Боб опять открыл рот, снова попытался крикнуть, но по-прежнему безрезультатно.

15

— Господи Иисусе! — прошептал Брайан.

Дыра во времени зависла в девяноста милях впереди, в семи-восьми градусах справа от направления полета. Если она и сместилась, то чуть-чуть. Брайан даже

предположил, что смещение это — результат минимальной навигационной ошибки. Ромбовидная дыра, ведущая в реальный мир, а не в черную пустоту. Она переливалась розово-пурпурным цветом, совсем как северное полярное сияние. Широкая белая лента пара то ли втекала в этот висящий в вышине ромб, то ли вытекала из него. Эдакая небесная автострада.

«Полетим прямо на нее! — радостно подумал Брайан. — Тут мы с пути не собьемся. Она наведет нас на цель лучше луча радиолокатора».

— Мы в деле! — Брайан громко расхохотался, потряс кулаками в воздухе.

— Ширина у нее не меньше двух миль, — прошептал Ник. — Господи, Брайан, сколько еще самолетов угодили в нее?

— Не знаю, — последовал ответ. — Но я готов поспорить на свою фуражку, что дважды через нее пролетим только мы.

Он включил громкую связь.

— Дамы и господа, мы нашли то, что искали! — Голос Брайана вибрировал от восторга и облегчения. — Я не знаю, как это случилось и почему, но перед нами подвешена дверь. Я собираюсь влететь в нее. И мы вместе узнаем, что находится по другую ее сторону. А теперь попрошу пристегнуть ремни...

И вот тут к Бобу Дженкинсу вернулся дар речи. Он побежал по проходу, вопя во весь голос:

— Нет! Нет! Мы все погибнем, если полетим туда! Поворачивайте! Вы должны повернуть!

Брайан переглянулся с Ником. Тот расстегнул ремень безопасности, встал.

— Это Боб Дженкинс. Похоже, у него помутилось в голове. Занимайся своим делом, Брайан. Я его утихомирю.

— Хорошо, — кивнул Брайан. — Главное, не подпускай его ко мне. Я не хочу, чтобы в самый ответ-

и мы врезались в край дыры.

Брайан отключил автопилот и взял управление на себя. Начал плавно поворачивать самолет направо, пока нос «767» не уставился на центр ромба. Теперь он слышал новый звук, перекрывающий гудение двигателей: низкий пульсирующий шум, словно впереди на холостых оборотах работал гигантский дизель. По мере приближения к реке пара — она втекала в дыру, а не вытекала — Брайан начал различать в ней и другие цвета: зеленый, синий, фиолетовый, красный, розовый. «Первые настоящие цвета, которые я вижу в этом мире», — подумал он.

А за его спиной Боб Дженкинс уже несся по салону первого класса к узкому проходу, что вел в служебную зону... и угодил в объятия Ника.

— Спокойно, дружище, — проворковал Ник. — Все будет хорошо.

— Нет! — Дженкинс отчаянно вырывался, но Ник удерживал его безо всяких усилий, словно расшалившегося котенка. — Нет, вы не понимаете! Он должен повернуть назад! Он должен повернуть назад, еще не поздно!

Ник оттащил писателя от кабины пилотов в салон первого класса.

— Сейчас мы сядем, привяжемся, не так ли? — Все тот же мягкий, успокаивающий голос. — Самолет может как следует тряхнуть.

До Брайана слова Ника не долетали. Войдя в широкую ленту пара, он почувствовал, как могучая рука схватила самолет и потащила к временной дыре. Ему вспомнилась утечка воздуха во время перелета Токио — Лос-Анджелес. И там воздух быстро покидал самолет за счет разности давления внутри и за бортом.

Остатки мира уходят в эту дыру, подумал Брайан, и тут же перед мысленным взором вспыхнула надпись из его сна: ТОЛЬКО ДЛЯ ПАДАЮЩИХ ЗВЕЗД.

Дыра во времени лежала теперь прямо по курсу «767» и быстро увеличивалась в размерах.

«Мы вырвемся, — подбадривал себя Брайан. — Мы вырвемся, да поможет нам Бог».

16

Боб продолжал бороться с Ником и когда тот усадил его в кресло, удерживая одной рукой, а второй пытаясь застегнуть ремень безопасности. Маленький, костлявый, Боб весил не больше ста сорока фунтов, но паника добавила ему сил.

— Все будет хорошо, приятель, — продолжал успокаивать его Ник и после того, как закрепил ремень. — Мы спокойно пролетим через дыру, можешь не сомневаться.

— *Мы все спали, когда пролетели через дыру первый раз, безмозглый кретин!* — проорал ему в лицо Боб. — *Понимаешь? МЫ ВСЕ СПАЛИ! Ты должен его остановить!*

Ник, уже собравшийся застегнуть свой ремень безопасности, замер. Так Боб говорит... он и раньше пытался сказать... *вот тут и* Нику открылась истина.

— Господи, — выдохнул он. — Господи, о чем же мы думали!

Ник выпрыгнул из кресла и бросился к кабине пилотов.

— Брайан, остановись! Поворачивай назад! *Поворачивай!*

17

Брайан не мог оторвать взгляд от дыры во времени, смотрел словно загипнотизированный. Воздух так и засасывало в нее, словно в гигантскую аэродинамическую трубу. Он взглянул на приборный щиток «767»

и увидел, что скорость самолета заметно возросла.

И тут Ник начал кричать, а мгновением позже оказался рядом, затряс Брайана за плечи, с ужасом глядя на переливающийся разноцветьем зев временно́й дыры, вырастающей перед самолетом. Низкий шум работающего дизеля сменился громовыми раскатами.

— Брайан, остановись! Поворачивай назад! ПОВОРАЧИВАЙ!

Ник знает, что говорит, или его заразила паника Боба? Времени для принятия решения на основе логических умозаключений не было. Оставалось лишь одно: довериться интуиции.

Брайан Энгл резко подал ручку управления влево.

18

Ника бросило на шпангоут. Послышался хруст ломающейся кости. В главном салоне из багажных ячеек посыпалось все то, что осталось там после того, как Брайан резко вывернул на взлетную полосу в МАБе. Чернобородого мужчину вышвырнуло из кресла. Он не успел вскрикнуть, как ударился головой о ручку и без чувств распластался в проходе. Бетани закричала, и Алберт крепко прижал ее к себе. Руди Уэрвик еще плотнее закрыл глаза, продолжая перебирать четки и молиться.

Самолет затрясло. Он попал в полосу сильных атмосферных возмущений. Его так и бросало из стороны в сторону. Ручка управления вырвалась из пальцев Брайана, но он тут же схватил ее вновь, до предела увеличил подачу топлива, и двигатели взвыли, выходя на максимальную мощность. Тряска нарастала. Уже заскрежетал металл, работающий на предельной нагрузке.

Боб Дженкинс вцепился в ручки кресла, возблагодарив Бога, что англичанин успел пристегнуть его. Казалось, он в вибрационной камере. Самолет подпрыг-

нул, буквально встал на левое крыло, и тут же изо рта Боба выскочила вставная челюсть.

Мы вошли в дыру? гадал он. *Господи, вошли или нет?*

Он не знал. Окружающее превратилось в ревущий кошмар... но по-прежнему являло собой часть этого мира.

Во всяком случае, пока.

19

Атмосферные возмущения нарастали, пока Брайан выводил самолет из широкой воздушной реки, втекающей во временну́ю дыру. Но постепенно дыра стала уходить вправо, самолет еще раз основательно тряхнуло, и он выровнялся. Дыра исчезла, оставшись справа. Им удалось миновать ее... Брайан даже думать не хотел, на каком расстоянии.

— Ник! — крикнул он, не поворачиваясь. — Ник, с тобой все в порядке?

Ник медленно поднялся, прижимая правую руку к животу, придерживая ее левой. Его бледное как мел лицо перекосила гримаса боли. Струйки крови текли из ноздрей.

— Бывало и лучше, дружище. Сломал правую руку. Не первый раз, знаешь ли. От дыры мы ушли, так?

— Ушли, — подтвердил Брайан; самолет он вел по широкому кругу. — А теперь скажи почему, если мы так стремились ее найти. Хотелось бы услышать вескую причину, пусть ты и сломал руку ради того, чтобы этого добиться.

Капитан потянулся к микрофону.

20

Лорел открыла глаза, когда в динамиках громкой связи раздался голос Брайана. Она поправила Дайне волосы и уложила девочку ровно на носилки.

— Говорит капитан Энгл. Сожалею о том, что доставил вам несколько неприятных минут. Самолету досталось, но испытание он выдержал. На приборном щитке горят только зеленые лампочки. Позвольте повторить: мы нашли то, что искали, но...

Внезапно он отключил громкую связь.

Пассажиры ждали продолжения. Бетани Симмс рыдала на груди Алберта. Двумя рядами дальше Руди все перебирал четки и молился.

21

Брайан отключил микрофон, когда почувствовал, что за его спиной стоит Боб Дженкинс. Писатель дрожал всем телом, на его брюках появилось мокрое пятно, а рот как-то странно завалился... но, похоже, он уже совладал с нервами. Ник тяжело опустился в кресло второго пилота, кривясь от боли. Правая рука начала раздуваться.

— Что все это значит? — резко спросил Брайан. — Если бы нас тряхнуло чуть сильнее, эта птичка развалилась бы на тысячи осколков.

— Могу я говорить через эту штуковину? — Боб указал на тумблер, включающий громкую связь.

— Да, но...

— Тогда давайте мне микрофон.

Брайан хотел было возразить, но передумал.

— Говорите. Только без глупостей.

— Слушайте меня все! — заорал Боб. Из салона донесся протестующий визг: динамики не воспринимали такой громкий голос. — Мы...

— Не повышайте голоса, — заметил Брайан. — У них разорвутся барабанные перепонки.

Невероятным усилием Бобу удалось понизить голос.

— Мы должны были повернуть назад, и мы повернули. Капитан ясно дал понять, что удалось это сделать в самый последний момент. Нам удивительно повез-

ло... Тем более что мы вели себя на удивление глупо. Мы упустили из виду самое элементарное. Когда самолет первый раз пролетел через временну́ю дыру, *исчезли все, кто бодрствовал.*

Брайан аж подпрыгнул. Ему словно отвесили крепкую оплеуху. В тридцати милях от них в небе вновь появился ромб временно́й дыры. Ромб этот, напоминающий гигантский драгоценный камень, словно смеялся над ним.

— Сейчас мы все бодрствуем. (Алберт покосился на лежащего на полу бородача и мысленно добавил: *Если исключить одного, конечно.*) Логика подсказывает: если мы пролетим через нее вновь, то обязательно исчезнем. — Пауза. — Вот и все.

Брайан отключил громкую связь. Ник нервно хохотнул:

— Это все? *Все?* А что же *нам*, черт побери, делать?

Брайан посмотрел на него и не ответил. Промолчал и Дженкинс.

22

Бетани подняла голову, всмотрелась в недоумевающее лицо Алберта.

— Мы должны спать? Как мы сможем заснуть? Никогда в жизни я не чувствовала себя такой бодрой.

— Не знаю. — Алберт с надеждой посмотрел на Лорел, сидевшую по другую сторону прохода.

Та покачала головой. Она хотела бы заснуть, просто заснуть и положить конец этому кошмару, но, как и Бетани, никогда в жизни не ощущала такого прилива бодрости.

23

Боб шагнул вперед, зачарованно уставился на временну́ю дыру.

— Так вот, значит, как она выглядит! — вырвалось у него после долгой паузы.

В мозгу Брайана всплыла строчка из популярной песни: «Ты можешь смотреть, но лучше не трогай». Он посмотрел на уровнемеры. Увиденное не обрадовало, он покосился на Ника. Как и у остальных, сна у него не было ни в одном глазу.

— Не знаю, что нам делать, но, если уж мы решим прорываться через дыру, тянуть с этим нельзя. Топлива нам хватит на час, может, чуть дольше. А потом про дыру можно забыть. Есть идеи?

Ник наклонил голову, все еще покачивая сломанную руку. Потом посмотрел на Брайана.

— Да, есть. Люди редко сдают свои лекарства в багаж. Обычно берут с собой, на случай если багаж где-то затеряется и найдет владельца лишь через несколько дней. Если мы просмотрим сумки, «дипломаты», брифкейсы, то наверняка найдем гору снотворного. Нам даже не придется вынимать их из багажных ячеек. Судя по звукам, которые доносились из салона, все уже валяется на полу... что? Что не так?

Последнее относилось к Бобу Дженкинсу, который начал качать головой, как только Ник упомянул про снотворное.

— Вы что-нибудь знаете о действии снотворного? — спросил он Ника.

— Немного, — признался тот. — Самую малость.

— А вот я знаю более чем достаточно. Изучил все, от «Олнайта» до «Ханакса». Убийство с использованием снотворного — одна из любимых тем детективщиков. Даже если мы сразу найдем один из самых эффективных препаратов, в чем я сомневаюсь, нам не удастся подобрать безопасную дозу, которая подействует достаточно быстро.

— Почему нет?

— Потому что снотворное действует минут через сорок, и я не уверен, что оно усыпит всех. Тем более что в стрессовой ситуации организм стремится отторг-

нуть снотворное. И перебороть эту естественную реакцию практически невозможно. Конечно, можно заглотнуть лошадиную дозу, но тогда едва ли кто проснется. Мы просто превратим самолет в Джонстаун. Через временну́ю дыру мы прорвемся, да только никогда об этом не узнаем.

— Сорок минут, — простонал Ник. — Вы уверены? Вы абсолютно уверены?

— Да, — без малейшего колебания ответил Боб.

Брайан посмотрел на сияющий ромб. «767» летел по кругу, и ромб уже уходил из поля зрения. Чтобы скоро вернуться... но не приблизиться.

— Я не могу в это поверить. — Ник покачал головой. — Такое пережить, вырваться из этого ада, найти эту чертову временну́ю дыру... и выяснить, что вернуться в наше время невозможно, поскольку никто из нас не сможет заснуть.

— И у нас нет сорока минут, — напомнил Брайан. — Если мы прождем так долго, самолет рухнет в шестидесяти милях к востоку от аэропорта.

— Наверняка есть и другие...

— Есть, но их посадочные полосы не позволяют принимать такие большие самолеты.

— Если мы проскочим дыру и повернем на восток?

— Вегас. Но до Вегаса нам не долететь, если мы проторчим здесь... — Брайан сверился с приборами, — ...еще восемь минут. Я думаю, надо лететь в ЛАКС. До него тридцать пять минут. При условии, что они уберут все с нашего пути и откроют нам зеленую улицу. Следовательно... — взгляд на хронометр, — ...у нас есть двадцать минут, чтобы определиться с преодолением временно́й дыры.

Боб задумчиво посмотрел на Ника.

— А как насчет вас?

— В каком смысле?

— Я думаю, вы солдат... но не из регулярной части. Может, имеете отношение к группе специального назначения?

Лицо Ника окаменело.

— Допустим, имею, но что из этого, приятель?

— Может, *вы* сможете усыпить нас? Разве спецназовцев не учат таким штучкам?

Брайану вспомнилось первое столкновение Ника с Крейгом Туми. «Вы видели «Стар трек»? Это прекрасный американский сериал... И если вы не заткнете вашу пасть, паршивый кретин, я с удовольствием продемонстрирую вам знаменитый усыпляющий захват мистера Смока».

— Так что, Ник? Как раз сейчас и возникла необходимость в знаменитом усыпляющем захвате мистера Смока.

Ник переводил взгляд с Боба на Брайана.

— Пожалуйста, не заставляйте меня смеяться, джентльмены... От смеха у меня еще сильнее разболится рука.

— И что сие означает? — спросил Боб.

— Я ошибся со снотворным, не так ли? Тогда позвольте вам сказать, что и вы принимаете меня не за того. Я не Джеймс Бонд. В реальном мире Джеймса Бонда никогда и не было. Наверное, я смогу убить вас, Боб, ударив ребром ладони в известное мне место на шее, но скорее всего я вас парализую на всю жизнь. А может, вы даже не потеряете сознание. А теперь еще вот это. — Ник указал на сломанную руку. — Между прочим, моя рабочая рука. Я, наверное, смогу защититься и левой, особенно в схватке с непрофессионалом, но мы ведь говорим не об этом? Нет. Ничего не выйдет.

— Вы забываете самое главное, — ворвался в их дискуссию новый голос.

Они обернулись. В дверях стояла Лорел Стивенсон. Бледная, осунувшаяся, с прижатыми к груди руками.

— Если мы все будем спать, кто поведет самолет? — спросила она. — Кто посадит его в Лос-Анджелесе?

Трое мужчин молча таращились на нее. А за их спинами вновь всплывал «драгоценный камень» — дыра во времени.

— Мы проиграли, — сдался Ник. — Вы это понимаете? Мы проиграли вчистую. — Он засмеялся, но тут же поморщился от боли, как только потревожил сломанную руку.

— Может, и нет. — Рядом с Лорел появился Алберт, обнимающий Бетани за талию.

Мокрые от пота волосы прилипли ко лбу, но в его темных глазах светилась надежда. Смотрел Алберт только на Брайана.

— Я думаю, *вы* можете погрузить нас в сон, и думаю, что вы сможете посадить самолет.

— О чем ты говоришь? — резко спросил Брайан.

— О давлении, — ответил Алберт. — Я говорю о давлении.

24

Сон Брайана вернулся к нему с ужасающей четкостью: Энн, прижимающая руку к щели в фюзеляже, слова «ТОЛЬКО ДЛЯ ПАДАЮЩИХ ЗВЕЗД», краснеющие на стене.

Давление.

Видишь, дорогой? Я обо всем позаботилась.

— О чем он, Брайан? — спросил Ник. — В его словах *что-то* есть, я это вижу по твоему лицу. Что именно?

Брайан словно и не услышал его. Он смотрел на семнадцатилетнего музыканта-студента, который, возможно, указал выход из западни.

— А что потом? — спросил он. — После того как мы пролетим через дыру? Как мне проснуться, чтобы посадить самолет?

— Может, кто-нибудь объяснит, о чем речь? — взмолилась Лорел.

Ник обнял ее здоровой рукой.

— Алберт предлагает усыпить нас с помощью вот этой штуковины. — Брайан похлопал по реостату на приборном щитке, реостату с маркировкой «ДАВЛЕНИЕ КАБИНЫ».

— Ты действительно можешь это сделать, дружище? Действительно можешь?

— Да, — кивнул Брайан. — Я знал пилотов, пилотов чартерных рейсов, которые именно так и поступали, если пассажиры перебирали выпивки и ситуация на борту грозила выйти из-под контроля. Отключить пьянчугу снижением давления в салоне — пара пустяков. Чтобы заснули все, давление придется понизить чуть сильнее, примерно до половины атмосферного давления на уровне моря. Все равно что человек решил подняться без кислородной маски на высоту двух миль. Раз! И он в ауте.

— Если это возможно, почему таким способом не борются с террористами? — спросил Боб.

— Потому что есть кислородные маски, не так ли? — ввернул Алберт.

— Да, — кивнул Брайан. — В самом начале полета на реактивном пассажирском лайнере стюардессы показывают, как ими пользоваться... натяните на рот и нос и дышите как обычно, помните? Они выскакивают автоматически, как только давление в салоне падает ниже двенадцати пси*. Если пилот захваченного самолета попытается вырубить террориста понижением давления, террористу достаточно схватить маску, натянуть на лицо и начать стрелять. На маленьких реактивных самолетах такого нет. Если давление в салоне падает, каждому пассажиру приходится самому доставать маску из ниши, где она хранится.

Ник взглянул на хронометр. В их распоряжении осталось лишь четырнадцать минут.

— Я думаю, нам пора переходить от слов к делу. Время поджимает.

---

* Пси — единица измерения давления.

— Еще нет. — Брайан вновь смотрел на Алберта. — Я смогу вывести нас на временну́ю дыру, Алберт, смогу аккуратно снизить давление в салоне, и я уверен, что дыру мы проскочим. Но на вопрос Лорел ответа у нас по-прежнему нет. Кто посадит самолет, если мы все будем спать?

Алберт открыл рот, чтобы тут же закрыть его и покачать головой.

А заговорил Боб Дженкинс. Голосом судьи, выносящего окончательный, не подлежащий обжалованию приговор.

— Я думаю, самолет посадите вы, Брайан. Но кому-то придется ради этого умереть.

— Объясните, — коротко бросил Ник.

Боб объяснил. Много времени для этого не потребовалось. Когда он заканчивал, к маленькой группе присоединился и Руди Уэрвик.

— Получится, Брайан? — спросил Ник.

— Да, — рассеянно ответил Брайан, но думал он совсем о другом. — Почему нет? — Он посмотрел на хронометр.

Осталось одиннадцать минут. Одиннадцать минут, чтобы перебраться на другую сторону временно́й дыры. Одиннадцать минут, чтобы вывести самолет на нужный курс, перепрограммировать навигационный компьютер и пролететь сорок миль.

— Но кто это сделает? Будем тянуть спички? — спросил Боб.

— В этом нет необходимости, — тут же ответил Ник, легко и непринужденно, словно речь шла о пустяке. — Это сделаю я.

— Нет! — воскликнула Лорел; глаза ее широко раскрылись, потемнели. — Почему ты? Почему ты должен это сделать?

— Заткнитесь! — прошипела Бетани. — Если он этого хочет, его право!

Алберт взглянул на Бетани, на Лорел, вновь на Ника. Внутренний голос, не очень настойчивый, шеп-

тал ему, что вызваться должен он, ведь эта работа как раз для выжившего в битве при Аламо или для Аризонского Еврея. Но он очень любил жизнь... и еще не хотел обрывать ее. Поэтому он открыл рот и закрыл, не произнеся ни слова.

— Почему ты? — не успокаивалась Лорел. — Почему мы не можем тянуть спички? Почему не Боб? Или Руди? Почему не я?

Ник взял ее за руку:

— Выйди со мной на минутку.

— Ник, времени у нас совсем ничего. — Брайан пытался изгнать из голоса дрожь... а может, отчаяние или даже панику.

— Я знаю. Делай все, что надо.

И Ник потянул Лорел за дверь.

25

Она попыталась упереться, потом сдалась. Ник остановился в маленькой нише-кухне, повернул девушку лицом к себе. Их разделяло лишь четыре дюйма, и в этот момент она окончательно все поняла: именно такого мужчину надеялась она найти в Бостоне. А он все время был рядом, в самолете. В открытии этом не было ничего романтического: Лорел охватил ужас.

— Я думаю, у нас могло что-то получиться, у тебя и меня, — начал он. — Как по-твоему, я не ошибаюсь? Если нет, так и скажи. Ходить вокруг да около некогда. Счет идет на секунды.

— Да. — У нее пересохло во рту. — Полагаю, ты прав.

— Но мы этого не узнаем. Не сможем узнать. Все канет в Лету, не так ли? Время... и сон... и незнание. Но спасать вас должен я. Я пытался прикинуть, а что я сделал за всю свою жизнь, и получилось: только грешил. Это мой единственный шанс искупить содеянное, и я не хочу его упускать.

— Я не понимаю, что...

— Ты — нет, зато я очень даже понимаю. — Ник говорил быстро, слова наскакивали друг на друга; он взял Лорел за локоть, подтянул к себе. — Ты ведь летела к любовнику, Лорел?

— Я не понимаю, о чем...

Ник ее тряхнул.

— Повторяю, некогда ходить вокруг да около. Ты летела к любовнику?

— Я... да.

— Ник! — позвал из кабины пилотов Брайан.

— Иду! — прокричал он. — Я попрошу тебя слетать еще в одно место. Если ты вернешься в Лос-Анджелес живой и согласишься.

Лорел молча смотрела на него. Губы ее дрожали. Голова отказывалась что-либо соображать. Держал он ее очень крепко, но поняла она это потом, когда увидела синяки, оставленные его пальцами. В этот момент куда сильнее была хватка его глаз.

— Слушай. Слушай внимательно. — Ник помолчал, а потом заговорил четко и размеренно: — Я собирался покончить с этим. И уже принял окончательное решение.

— Покончить с чем? — пискнула Лорел.

Ник нетерпеливо замотал головой.

— Не важно. Главное в другом, веришь ты мне или нет? Веришь?

— Да. Я не знаю, о чем ты говоришь, но верю, что говоришь искренне.

— Ник! — крикнул из кабины пилотов Брайан. — Мы поворачиваем к временной дыре!

Ник покосился на кабину пилотов. Глаза его сузились.

— Иду! — И он впился взглядом в Лорел. — Мой отец живет в городке Флутинг, к югу от Лондона. Можешь спросить его адрес в любом магазине на Высокой улице. Мистер Хопуэлл. Старики еще зовут его десятником. Пойди к нему и скажи, что я решил с этим

покончить. Тебе придется проявить настойчивость. У отца есть привычка отворачиваться и громко браниться, если кто-то в его присутствии произносит мое имя. Он даже утверждает, что у него нет сына. Ты будешь настойчивой?

— Да.

Ник кивнул и мрачно улыбнулся.

— Хорошо. Повтори, что я тебе сказал, и добавь, что ты мне поверила. Скажи отцу, что я постарался искупить то, что сделал в тот день за церковью в Белфасте.

— В Белфасте.

— Точно. А если он не захочет слушать, скажи, что он должен тебя выслушать. Из-за маргариток. Из-за того... когда я принес маргаритки. Ты это запомнила?

— Потому что однажды ты принес ему маргаритки.

Ник вроде бы рассмеялся, но на лице его застыли грусть и горечь.

— Нет... не ему, но это тоже сойдет. Так ты повидаешься с ним?

— Да... но...

— Хорошо. Лорел, спасибо тебе. — Левой рукой он обнял ее за шею, притянул к себе, поцеловал. Холодными губами. Она почувствовала в его дыхании горький привкус страха.

И ушел.

26

— У нас будет ощущение... что нас душат? — спросила Бетани. — Что мы задыхаемся?

— Нет. — Брайан поднялся, чтобы посмотреть, идет ли Ник.

Тот как раз выступил из ниши, за ним появилась бледная Лорел Стивенсон, поэтому Брайан вновь сел в кресло.

— У вас немного закружится голова... и больше вы ничего не почувствуете. — Он посмотрел на Ника. — Пока мы все не очнемся.

— Точно! — радостно подхватил Ник. — И кто знает? Может, я встречу вас. Все-таки мы летим в другую сторону. Не так ли, Брайан?

— Наверное, все возможно. — Брайан чуть увеличил расход топлива, временная дыра лежала прямо по курсу. — Ник, садись рядом со мной. Я хочу показать тебе, что надо делать... и когда.

— Одну секунду, — вмешалась Лорел.

Она взяла себя в руки, на щеках затеплился румянец. Поднявшись на цыпочки, Лорел поцеловала Ника в губы.

— Спасибо, — вырвалось у Ника.

— Ты собирался с этим покончить. Ты решил. А если он не будет слушать, я напомню ему о том дне, когда ты принес маргаритки. Я все запомнила правильно?

Ник улыбнулся.

— Абсолютно, любовь моя. Абсолютно. — Он обнял Лорел левой рукой, жарко поцеловал, и на его губах заиграла легкая улыбка. — На дорожку. А теперь пора и за дело.

27

Три минуты спустя Брайан включил систему громкой связи.

— Я начинаю снижать давление. Проверьте, пристегнуты ли ваши ремни.

Они проверили. Алберт напряженно ждал какого-то звука, к примеру, свиста уходящего из салона воздуха, но слышал лишь мерное гудение двигателей. Никогда в жизни он не чувствовал себя таким бодрым.

— Алберт? — испуганно прошептала Бетани. — Ты не мог бы обнять меня?

— Конечно, — ответил Алберт. — А ты обними меня.

У них за спиной Руди Уэрвик вновь молился. На другой стороне прохода Лорел Стивенсон вцепилась в подлокотники. Ее губы еще чувствовали жар поцелуя Ника. Подняла голову, уставилась в потолок и начала дышать медленно и глубоко. Лорел ждала, когда же из своих ниш выскочат маски... и они выскочили, примерно через девяносто секунд.

Не забыть бы о том дне в Белфасте, думала она. *За церковью. Акт искупления. Его поступок — акт искупления...*

И Лорел провалилась в сон.

28

— Ты знаешь... что делать? — вновь спросил Брайан. Говорил он заплетающимся языком.

Временна́я дыра надвигалась на них, заслоняя все небо. Дыру подсвечивали рассветные лучи, так что ее нутро переливалось всеми цветами радуги.

— Знаю. — Ник стоял рядом с Брайаном, из-за надетой на голову кислородной маски слова его звучали глухо. — Не бойся, Брайан. Все будет исполнено в лучшем виде. Засыпай. Сладких тебе снов.

Брайана тянуло в сон. Он чувствовал, что засыпает... но продолжал бороться, глядя на природную аномалию, к которой летел его самолет.

Какая же она прекрасная! думал Брайан. *Господи, до чего же она прекрасна!*

Он почувствовал, как невидимая рука схватила «767» и вновь потащила к временно́й дыре. Только на этот раз он не стал уводить самолет в сторону.

— Ник. — Слово далось ему с неимоверным трудом, казалось, что его рот отделяют от мозга десятки миль. Он поднял руку.

— Спи. — Ник пожал его руку. — Не борись со сном, а то составишь мне компанию. Осталось недолго.

— Я просто хотел... поблагодарить тебя.

Ник улыбнулся, сжал пальцы Брайана.

— Спасибо, дружище. Такие перелеты запоминаются надолго. Даже без кино и свежих цветов.

Брайан перевел взгляд на временну́ю дыру. Многоцветная река вливалась в нее. Струи немыслимых оттенков завивались спиралью... смешивались, пересекались, образовав до боли знакомую фразу:

ТОЛЬКО ДЛЯ ПАДАЮЩИХ ЗВЕЗД

— Это... про нас? — полюбопытствовал Брайан, и его собственный голос пришел к нему из какой-то далекой галактики.

Темнота поглотила его.

29

Ник остался один, единственный бодрствующий на борту самолета авиакомпании «Американская гордость», вылетевшего из Лос-Анджелеса рейсом 29. Тот самый Ник Хопуэлл, который однажды перестрелял трех мальчишек за церковью в Белфасте, трех мальчишек, которые перекидывались картофелинами, выкрасив их в темно-серый цвет, отчего те стали похожи на гранаты. Почему они это сделали? Что толкнуло их на такую глупость? Этого он так и не узнал.

Ник не испытывал страха, только чувство одиночества переполняло его. Знакомое чувство. Не впервые он нес вахту, охраняя жизни других людей.

А дыра во времени приближалась. Ник положил руку на реостат, регулирующий давление в самолете.

«Она великолепна!» — думал он. И переливающаяся дыра во времени словно награждала Ника своей

красотой за те ужасы, которые ему довелось испытать в последние часы. Казалось, он смотрел на источник новой жизни.

«А почему ей не быть прекрасной? — размышлял Ник. — Это место, где рождается жизнь, может, вообще все живое. Место, где жизнь обновляется каждую секунду каждого дня, колыбель созидания и родник времени. Через нее не проскочит ни один лангольер».

Отблески временно́й дыры падали ему на лицо. Сочно-зеленый цвет сменялся ярко-оранжевым, ему на смену спешили ослепительно желтый и холодно-голубой. Рев двигателей отдалился и затих. Ник посмотрел на кресло пилота и не удивился, увидев, что спящий Брайан буквально растворился в сверкании калейдоскопа света, превратился в призрак.

Не удивился Ник и тому, что его руки тоже стали прозрачными. Видно, призраком стал не только Брайан, но и он сам.

Временна́я дыра надвинулась на самолет.

Рев двигателей напрочь растворился в новом звуке: «767» будто влетел в аэродинамическую трубу, заполненную перышками. Внезапно прямо по курсу вспыхнула сверхновая дыра. Ник увидел цвета, которые человек не мог даже представить себе. Они полыхали не только во временно́й дыре, они заполнили его разум, его нервы, мышцы, кости. Ник превратился в факел.

— *О Боже, как это все прекрасно!* — воскликнул он и, когда самолет уже втягивало во временну́ю дыру, вернул реостат в исходное положение.

Не прошло и секунды, как пломбы из зубов Ника упали на пол кабины пилотов. Рядом лег тефлоновый диск из коленного сустава — свидетельство участия Ника еще в одном конфликте, не столь позорном, как бесконечная война в Северной Ирландии.

Ника Хопуэлла больше не существовало.

30

Прежде всего Брайан почувствовал, что его рубашка вся мокра от пота, а голова буквально раскалывается.

Он медленно выпрямился в кресле, поморщился (малейшее движение отдавалось в висках и затылке острой болью) и попытался вспомнить, кто он, где он и отчего ему хочется как можно быстрее проснуться. Почему это так важно?

Утечка, прошептал внутренний голос. *В главном салоне утечка. Если она не стабилизируется, будет сильный вз...*

Нет, все не так. С утечкой справились, вернее, щель заткнулась сама по себе, и он благополучно посадил самолет в Лос-Анджелесе. А потом пришел мужчина в зеленом блейзере и...

Похороны Энн, осенило его. *Господи, проспал похороны Энн!*

Глаза Брайана широко раскрылись, и ему стало ясно, что он не в мотеле и не в спальне для гостей у брата Энн. Через окно кабины пилотов на капитана смотрели звезды.

И резко, разом... он вспомнил все.

Но он слишком быстро оторвался от спинки кресла. Боль парализовала мозг. Кровь хлынула из носа, обрызгав приборный щиток. Он увидел, что и рубашка в крови.

«Да, утечка была. Потек я сам. Естественно, — подумал Брайан. — Декомпрессия редко обходится без этого. Следовало предупредить пассажиров... А сколько их у меня осталось?»

Он не мог вспомнить. Голову заполнял туман.

Брайан взглянул на уровнемеры, увидел, что ситуация приближается к критической, посмотрел на монитор навигационного компьютера. Они приближались к Лос-Анджелесу и в любой момент могли войти в воздушный коридор, уже занятый другим самолетом.

Кто еще находился рядом, перед тем как я потерял сознание... кто? Он порылся в памяти, и небезуспешно. *Ник, разумеется. Ник Хопуэлл. Ник ушел. Такой славный парень. Но он, видно, сделал все, что от него требовалось, иначе я не проснулся бы.*

Капитан включил радиопередатчик.

— Наземный контроль ЛАКСа, говорит «Американская гордость», рейс... — Брайан запнулся. Каким рейсом они летели? Он не мог вспомнить. Мешала стена тумана.

— Двадцать девять? — раздался за его спиной неуверенный голос.

— Спасибо, Лорел. — Брайан даже не взглянул на нее. — А теперь вернись на место и пристегнись. Возможна аварийная посадка. — И вновь заговорил в микрофон: — «Американская гордость», рейс двадцать девять, повторяю, два девять. Мэйдэй*, наземный контроль, у меня чрезвычайная ситуация. Пожалуйста, освободите мне путь. Я иду курсом 85, и у меня нет топлива. Известите пожарников...

— Прекрати, — пробубнила за его спиной Лорел. — Хватит.

Брайан развернулся, не обращая внимания на очередной приступ головной боли и кровь, брызнувшую из носа от резкого движения.

— Возвращайся на место, черт побери! Мы входим в зону интенсивных полетов. Если ты не хочешь сломать себе шею...

— Нет тут никаких полетов, — все тем же безжизненным голосом возразила Лорел. — Ни интенсивных полетов, ни пожарников. Ник умер зря, и я не смогу передать его *послание*. Посмотри сам.

Брайан посмотрел. Хотя по времени они уже летели над пригородами Лос-Анджелеса, внизу царила темень.

Не светилось ни огонька.

---

* Мэйдэй (mayday) — международный сигнал бедствия.

Под ними лежала пустынная земля.

За его спиной Лорел разрыдалась от ужаса и горя.

31

Длинный белоснежный лайнер скользил над землей в шестнадцати милях к востоку от Международного аэропорта Лос-Анджелеса. На хвосте красовалось число «767». Фюзеляж украшала надпись АМЕРИКАНСКАЯ ГОРДОСТЬ с чуть заваленными назад буквами, изображающими скорость. Носовую часть с обеих сторон облапил большой красный орел с синими звездами на крыльях. Как и самолет, орел, казалось, готовился сесть на землю.

На проносящиеся внизу дома и улицы самолет тени не отбрасывал: до рассвета оставался еще час. Под ним не ездили автомобили, не горели уличные фонари. Впереди не светились посадочные огни.

Раскрылись люки. Выдвинулись шасси.

Самолет спускался, чуть заворачивая вправо. Капитан Энгл мог корректировать курс только визуально. Они пролетели над мотелями, промелькнул монумент в центре аэродромного комплекса: изящный треножник, поддерживающий ресторан. Миновали участок жесткой травы, от бетонной посадочной полосы самолет отделяли лишь тридцать футов.

Времени для мягкой посадки не осталось. Индикаторы расходомеров стояли на нулях. Стальная птичка могла в любое мгновение превратиться в стерву. Брайан бросил самолет вниз, словно телегу, наполненную кирпичами. От удара лязгнули зубы, из носа вновь потекла кровь. Брайана бросило на приборный щиток, и только ремень безопасности удержал его. С кресла второго пилота донесся вскрик Лорел.

Брайан до предела повернул закрылки и реверсировал двигатели. Они еще мчались со скоростью сто

миль в час, когда два двигателя вырубились и на приборном щитке вспыхнули красные огни ОТКЛЮЧЕНИЕ ДВИГАТЕЛЕЙ. Брайан схватил микрофон.

— Держитесь! Мы не успеваем затормозить! Держитесь.

Несколько мгновений спустя отключились второй и четвертый двигатели. Теперь самолет катился по посадочной полосе в жуткой тишине, тормозили его только закрылки. Брайан беспомощно наблюдал, как исчезает под кабиной бетон посадочной полосы. А впереди уже возник самолет авиакомпании «Пасифик эйруэйз».

Скорость «767» снизилась лишь до шестидесяти пяти миль. Брайан попытался увести самолет вправо, изо всех сил навалившись на ручку управления. «767» отреагировал вяло, но все-таки успел разминуться с замершим на летном поле самолетом. Мимо Брайана пронеслись слепые глазницы его иллюминаторов.

Теперь они катили к терминалу «Юнайтед эйрлайнс», где не меньше дюжины самолетов стояли у передвижных посадочных рукавов. Скорость упала до тридцати миль.

— ДЕРЖИТЕСЬ КРЕПЧЕ! — крикнул Брайан, забыв, что самолет мертв, как и окружающий их мир, и система громкой связи не работает. — ДЕРЖИТЕСЬ КРЕПЧЕ, МЫ СЕЙЧАС СТОЛКНЕМСЯ! ДЕР...

Самолет авиакомпании «Американская гордость», вылетевший из Лос-Анджелеса рейсом 29, врезался в галерею авиакомпании «Юнайтед эйрлайнс» на скорости двадцать девять миль в час. Удар, скрип корежащегося металла, звон бьющегося стекла. Брайана вновь бросило на приборный щиток, но ремень безопасности вернул его к спинке сиденья. Он замер, ожидая взрыва... потом вспомнил, что баки пусты: взрываться нечему.

Брайан выключил все тумблеры: щиток управления давно отключился, но сработала привычка. По-

 смотрел на Лорел. В ее глазах застыла безнадежность.

— Я сделал все, что мог. — Голос Брайана дрожал от напряжения.

— Лучше бы мы врезались на полной скорости. Все наши старания... Дайна... Ник... Дон... все впустую. Здесь то же, что и там. Такая же пустота.

Брайан расстегнул ремень безопасности, встал на негнущиеся ноги. Достал из заднего кармана брюк носовой платок, протянул Лорел.

— Вытри нос. Из него течет кровь.

Лорел сначала взяла платок, потом посмотрела на него, словно увидела впервые в жизни.

Брайан медленно вышел за дверь. Число его пассажиров вроде бы не изменилось. Бетани рыдала, уткнувшись лицом в грудь Алберта. Руди Уэрвик расстегнул ремень, резко встал, ударился головой о багажную ячейку и вновь сел, не отрывая глаз от Брайана. Тот почему-то задался вопросом, по-прежнему ли Руди голоден? И решил, что вряд ли.

— Давайте выйдем из самолета, — предложил Брайан.

— Когда они придут? — истерично выкрикнула Бетани. — Сколько потребуется времени, чтобы они пришли? Их еще не слышно?

Молния боли пронзила голову Брайана, он зашатался и испугался, что лишится чувств.

И тут же его поддержала чья-то крепкая рука. Он в удивлении обернулся. Лорел.

— Капитан Энгл прав. Давайте выйдем из самолета. Может, все не так уж и плохо, как кажется на первый взгляд.

Бетани расхохоталась.

— А как это все должно выглядеть? Что вам надо для того, чтобы...

— Что-то изменилось, — оборвал ее Алберт, он смотрел в иллюминатор. — Что-то изменилось. Не могу сказать, что именно... но в Бангоре было иначе. —

Он взглянул на Бетани, потом на Брайана и Лорел. — Иначе.

Брайан наклонился к иллюминатору, в том ряду, где сидел Боб Дженкинс. Никаких отличий от МАБа не заметил. Побольше самолетов, но все они покинутые, умершие... и все-таки он почувствовал, что Алберт прав. Почувствовал, а не увидел. Какая-то разница была, но выразить ее словом он не мог. Слово это ускользало от Брайана, совсем как название духóв, которым отдавала предпочтение его бывшая жена.

Это «L'Envoi», дорогой, прошелестел голос Энн. *Я ими всегда пользовалась, разве ты не помнишь?*

Разве он не помнил?

— Пошли. — Брайан повернулся. — На этот раз выйдем через кабину пилотов.

32

Брайан откинул дверцу в полу и попытался вспомнить, почему он не воспользовался лесенкой, чтобы выгрузить пассажиров в Международном аэропорту Бангора. Все-таки по лестнице спускаться куда проще, чем по желобу. Ответа не находилось. Просто он и не вспомнил о лестнице, возможно, потому, что в мозгу накрепко засела инструкция: в чрезвычайной ситуации использовать спасательный желоб.

Он спустился в техническую зону, поднырнул под электрические кабели, открыл люк. Алберт присоединился к нему, помог спуститься Бетани. Алберт протянул руку Лорел, затем она и Алберт подхватили Руди. Тот совсем расклеился. В технической зоне было очень тесно, так что Бобу Дженкинсу пришлось остаться наверху. Он присел на корточки, уперся руками в пол и смотрел, что делается внизу.

Брайан снял лестницу с кронштейнов, закрепил в люке, один за другим они спустились на летное поле. Брайан — первым, Боб — последним.

Когда ноги Брайана коснулись тверди, ему отчаянно захотелось приложить руку к сердцу и закричать во весь голос: *Я объявляю эту землю владением выживших рейса двадцать девять... по крайней мере до прибытия лангольеров.*

Он ничего не сказал. Молча ждал, оглядываясь, чувствуя щекой легкий ветерок. Издалека донесся какой-то звук. Не похрустывание и чавканье вечно жующих существ в Бангоре. Нет, ничего похожего. Но что это за звук, капитан пока сказать не мог.

— Что это? — спросила Бетани. — Что-то гудит? Похоже, электрические провода.

— Нет, — задумчиво возразил Боб. — Скорее это... — Он покачал головой, не найдя нужного слова.

— Вроде бы такого звука я еще не слышал, — вырвалось у Брайана, но он знал, что это неправда; слышал он этот звук, слышал, только никак не мог припомнить, где и когда.

— Это они, да? — В голосе Бетани вновь послышались истерические нотки. — Это они? Они идут? Это лангольеры, о которых говорила нам Дайна?

— Я так не думаю, — покачал головой Брайан. — Звук не такой. — Но живот у него скрутило от страха.

— Что теперь? — прохрипел Руди. — Пойдем по второму кругу?

— Во-первых, на этот раз мы сможем обойтись без багажного транспортера, — ответил Брайан. — Открыта дверь служебного входа.

Он вышел из-под самолета, показал. От удара «767» в галерею 29 трап отъехал от двери к стене передвижного рукава, но поставить его на место не составляло труда.

— Пошли.

Они направились к трапу.

— Алберт. — Брайан повернулся к юноше. — Помоги мне по...

— Подождите! — воскликнул Боб.

Брайан посмотрел на него, увидел, что Боб настороженно оглядывается, принюхивается. А выражение его глаз... неужели в них появилась надежда?

— Что? В чем дело, Боб? Что ты видишь?

— Вижу еще один покинутый аэропорт. Вопрос в том, что я *чувствую*. — Он поднес руку к щеке... потом вытянул перед собой, словно ловил попутку.

Брайан хотел уже спросить, *что* все это значит, но понял, что и сам знает ответ. Разве он сам этого не заметил? Когда они еще стояли под самолетом?

Ветерок. Слабенький, но ветерок. *Воздух двигался.*

— Святая ворона! — Алберт сунул палец в рот, облизнявил, поднял руку, губы его разошлись в счастливой улыбке.

— Это еще не все, — вставила Лорел. — Послушайте!

Она побежала к крылу «767». Затем вернулась, с развевающимися волосами. Высокие каблучки звонко цокали по бетону.

— Вы слышали? — спросила она. — Слышали?

Они слышали. Звуки не глохли, как в вате. Теперь, вслушиваясь в слова Лорел, Брайан понял, что в Бангоре на их головы словно надели колпаки из металла, заглушающего звук, вроде латуни или свинца, там изменился даже тембр их голосов.

Бетани подняла руки, несколько раз хлопнула в ладоши. Четкий, чистый звук разнесся по летному полю. Девушка заулыбалась.

— И что все это з... — начал Руди.

— Самолет! — выкрикнул Алберт, чем-то напомнив Брайану одного из героев старого фильма «Остров Фантазия». — Я знаю, в чем разница! Посмотрите на *наш самолет! Он ничем не отличается от других!*

Все повернулись, посмотрели. Долго никто не мог произнести ни слова. Они словно лишились дара речи. «Боинг-727» авиакомпании «Дельта», стоявший рядом

с их самолетом в Бангоре, казался серым и безжизненным. Сейчас же все самолеты, и «767» авиакомпании «Американская гордость», и принадлежащие «Юнайтед эйрлайнс», выглядели новехонькими, сверкающими. Даже в предрассветном сумраке поблескивали фирменные знаки компаний и их названия, написанные на фюзеляжах.

— Что это все значит? — спросил Руди, повернувшись к Бобу. — Что это все значит? Если все действительно пришло в норму, почему нет электричества? И где люди?

— И что это за шум? — добавил Алберт.

Звук приближался, нарастал, что-то гудело, это Бетани отметила правильно. Но не как электрические провода. Словно ветер дул в трубе, словно нечеловеческий хор тянул одну букву: а-а-а-а-а-а...

Боб покачал головой:

— Не знаю. Давайте поставим трап на место и войдем в...

Лорел схватила его за плечо.

— Вы что-то знаете! — Голос звенел от напряжения. — Я вижу, что знаете. Почему вы не хотите сказать нам о том, что знаете?

Боб помялся, вновь покачал головой.

— Я еще не готов, Лорел. Сначала хочу войти в здание аэропорта и оглядеться.

Больше ничего они от писателя не добились. Брайан и Алберт подкатили трап к служебной двери. Одна из алюминиевых ступенек шаталась, и Брайан поддерживал ее, пока остальные поднимались по трапу. Сам он замкнул колонну, перескочив через поврежденную ступеньку. Остальные дожидались его в посадочном рукаве, затем плотной группой они направились в здание.

И попали в большой зал, одна из стен которого была полукруглой. От нее, через равные промежутки, отходили посадочные рукава. Середину зала занимали ряды пустых кресел, под потолком темнели квадраты

матового пластика, за которыми прятались флюоресцентные лампы. Алберт, однако, ощутил человеческий запах, словно сидевшие в зале отбыли за несколько секунд до того, как из посадочного рукава появились те, кто совершил рейс 29.

А снаружи все нарастал тот странный звук: а-а-а-а-а-а...

— Пойдемте со мной. — Боб Дженкинс взял командование на себя; никто не возражал. — Только быстро.

Он направился к пустой площадке за рядами кресел, остальные двинулись следом. Алберт и Бетани шли, обняв друг друга за талии. Их шаги гулко отдавались от стен и потолка, словно шагали два десятка человек, а не шестеро. Они прошли мимо рекламных плакатов на стене: «Смотри Си-эн-эн», «Кури "Мальборо"», «Поезжай с "Хертцем"», «Читай "Ньюсуик"», «Побывай в Диснейленде».

И звук, все та же единственная, первая буква алфавита, нарастал и нарастал. Он уже проник в здание, словно певцы, если речь могла идти о певцах, находились где-то рядом. Звук этот не пугал, наоборот, наполнял благоговейным трепетом.

Они добрались до кафетерия. Боб, не останавливаясь, влетел в зал, прошел за стойку, взял завернутое в целлофан пирожное. Попытался сдернуть зубами обертку, вспомнил, что вставная челюсть осталась в самолете, поморщился и через стойку пододвинул пирожное Алберту.

— Давай, Алберт! — Его глаза лихорадочно блестели. — Быстро! Быстро!

— Быстро, Ватсон, игра началась! — расхохотался Алберт.

Сорвал целлофан, впился зубами в пирожное. В стороны полезли крем и малиновый джем. Алберт закатил глаза.

— Хак ше фкушно! — говорил он с набитым ртом. — Фанташтика! — И протянул пирожное Бетани.

Откусила и она.

До ноздрей Лорел долетел запах малинового джема, и у нее заурчало в желудке. Она засмеялась. Внезапно ей стало на удивление весело. Последствия декомпрессии сняло как рукой. Она словно вышла из душной комнаты и почувствовала свежий морской бриз. Лорел подумала о Нике, которого не было с ними, который умер, чтобы они попали сюда, и решила, что Ник только бы одобрил ее нынешнее состояние души.

Звук окутал их со всех сторон.

— А-А-А-А-А-А-А-А...

Боб Дженкинс обежал стойку, едва не сшиб кассовый аппарат. Ему пришлось схватиться за сервировочный столик, чтобы не упасть. На пол полетели пластмассовые вилки, ложки, ножи, пакетики с горчицей и кетчупом.

— Скорее! — крикнул он. — Нам нельзя здесь оставаться! Это скоро произойдет, боюсь, в любую секунду, мы не можем находиться здесь в этот момент! Я думаю, это небезопасно!

— *Что* должно про... — Договорить Бетани не успела. Алберт схватил ее за руку и увлек вслед за Бобом, который спешил к двери.

Они выбежали из кафетерия и вновь понеслись в зал посадки на самолеты компании «Юнайтед». Теперь их шаги терялись в мощном гуле, заполнявшем терминал.

Брайан почувствовал, как единственная нота начала распадаться на *отдельные звуки*. То же самое происходило и при приближении лангольеров к Бангору.

Вбежав в посадочный зал, он увидел, как темнота начинает светиться, вызывая к жизни ряды кресел, мониторы, фиксирующие время прибытия и отлета, регистрационные стойки. Синий цвет сменился красным, желтым, зеленым. Брайан содрогнулся. Волосы встали дыбом. Ему открылась истина: *сейчас должно произойти что-то невероятное, невероятное и удивительное.*

— Сюда!

Боб указал на стену около посадочного рукава, через который они вошли в зал. Вдоль нее тянулась красная бархатная лента. Боб легко перемахнул через нее.

— Прижимайтесь к стене!

— Прижимайтесь к стене! — повторил Алберт и внезапно расхохотался во весь голос.

Все выстроились вдоль стены, словно подозреваемые во время проводимого в полиции опознания. Цвета, играющие в круглом зале, на мгновение прибавили в яркости... и стали блекнуть. Зато звук нарастал, становился все более реальным. Брайан уже различал в нем голоса, шаги, даже детский плач.

— Не знаю, что это такое, но мне нравится! — воскликнула Лорел. Она и смеялась, и плакала одновременно. — Я просто *счастлива*.

— Надеюсь, мы здесь в безопасности. — Бобу пришлось возвысить голос, иначе его бы не услышали. — Хочется в это верить. Вдоль стен мало кто ходит.

— А что должно произойти? — спросил Брайан. — Чего вы ждете?

— Летя на восток, мы проскочили временну́ю дыру и попали в прошлое! — прокричал Боб. — Отстоящее от нашего времени минут на пятнадцать... помнится, я говорил об этом, не так ли?

Брайан кивнул, и тут же Алберт все понял.

— А на этот раз временна́я дыра занесла нас в будущее! — воскликнул он. — Я прав? Мы попали в будущее!

— Я думаю, да! — последовал ответ Боба. Он тоже улыбался во весь рот. — И вместо того чтобы прибыть в мертвый мир, мир, для которого уже все позади, мы очутились в *нарождающемся мире!* Мире чистом и свежем, как бутон розы, который вот-вот распустится! Вот это сейчас и происходит вокруг нас. Это мы слышим, это мы чувствуем... отсюда и переполняющее нас счастье. Я уверен, что сейчас мы станем свидетелями уди-

вительного события, лицезреть которое более никому не удастся. Мы видели смерть мира, теперь нам предстоит посмотреть на его рождение. Я чувствую, что ждать осталось недолго.

Цвета поблекли окончательно, звуковой фон пропал, зато голоса стали громче, отчетливее. Лорел поняла, что разбирает отдельные слова, фразы.

— ...должен позвонить ей до того, как она решит...

— Я не думаю, что ему можно в этом доверять...

— ...домой и разберись, сможем ли мы перекинуть этот заказ нашей дочерней компании...

Последняя фраза прозвучала совсем близко, у самой бархатной веревки.

Брайан Энгл чувствовал поднимающуюся в нем волну восторга. Он взял Лорел за руку, улыбнулся ей, почувствовал ответное пожатие. Алберт прижал к себе Бетани, и она, смеясь, начала покрывать поцелуями его лицо. Боб и Руди радостно улыбались друг другу, как давние друзья, случайно встретившиеся в Богом забытом городке.

Над головой начали вспыхивать флюоресцентные лампы. Начиная от центра, расширяющимися кругами, выгоняя прочь ночные тени.

В нос Брайану внезапно ударили запахи: пот, духи, лосьон после бритья, одеколон, сигаретный дым, кожа, мыло.

Еще мгновение круглый зал пустовал, в нем слышались лишь голоса да шаги невидимок-призраков. «Я увижу, как это случится, — подумал Брайан. — *Я увижу, как движущееся настоящее наедет на стационарное будущее и потянет его за собой*, точно так же, как на почтовых экспрессах использовали специальные крюки, чтобы без остановки подхватывать мешки с почтой, висевшие на столбах в сонных маленьких городках Юга и Запада. *Я увижу, как откроется время, откроется, будто роза летним утром*».

— Приготовьтесь, — пробормотал Боб. — Возможен толчок.

И долю секунды спустя Брайан его почувствовал. Не ногами — всем телом. И одновременно невидимая рука отпихнула его от стены. Его бросило вперед, вместе с Лорел. Алберта кинуло на Руди. Тот не возражал: улыбался во весь рот.

— Посмотри! — ахнула Лорел. — Брайан, ты только посмотри!

Прозрачные фигуры заполнили посадочный зал: мужчины в деловых костюмах с брифкейсами, женщины в дорожных нарядах, подростки в джинсах и футболках с названиями популярных рок-групп. Они увидели призрака-папу, ведущего двух призраков-детей, а сквозь них — других призраков, сидящих в креслах, читающих прозрачные журналы «Космополитен», «Эсквайр», «Ю-Эс ньюс энд уорлд рипорт». Потом цвет начал вливаться в прозрачные силуэты, придавая им реальность; море голосов разделилось на ручейки, каждый из которых обрел владельца.

Только для падающих звезд, вспомнилось Брайану. *Только для падающих звезд.*

Только им выпало счастье увидеть это удивительное зрелище.

Двое детей оказались единственными, кто смотрел на переживших рейс 29 в момент, когда настоящее настигло будущее, в которое попали Брайан, Лорел, Алберт, Бетани, Руди и Боб. Только двое детей увидели четырех мужчин и двух женщин, возникших у стены, где мгновением раньше их не было.

— Папа! — воскликнул маленький мальчик, дернув отца за правую руку.

— Папа! — потребовала к себе внимания маленькая девочка, дернув за левую.

— Что такое? — спросил отец, одарив их нетерпеливым взглядом. — Я ищу вашу мать!

— *Новые люди!* — Девочка указала на Брайана и иже с ним. — Посмотри на новых людей!

Мужчина посмотрел на Брайана, его щека нервно дернулась. «Кровь», — догадался Брайан. У него, Лорел

и Бетани при понижении давления пошла носом кровь. Мужчина крепче сжал ручонки детей и поволок их в сторону.

— Да, очень интересно. А теперь помогите мне найти вашу маму. Эта поездка выходит нам...

— Но *раньше* их тут не было! — стал упираться маленький мальчик. — Они...

Больше Брайан ничего не услышал. Мужчина с мальчиком и девочкой смешались с толпой.

Брайан посмотрел на мониторы. Четыре часа семнадцать минут. Утра.

«Очень уж здесь много людей, — подумал он. — И, готов спорить, я знаю, в чем причина».

Словно подтверждая его слова, из динамика громкой связи загремел женский голос: «Все рейсы из Международного аэропорта Лос-Анджелеса на Восточное побережье откладываются из-за необычных атмосферных возмущений над пустыней Мохаве. Мы приносим извинения за причиненные неудобства, просим проявлять выдержку и сознательность, поскольку речь идет о безопасности полетов. Повторяю: все рейсы...»

«Необычные атмосферные возмущения, — повторил про себя Брайан. — Да уж. Более чем необычные».

Лорел повернулась к Брайану, по ее щекам катились слезы, но она не пыталась вытереть их.

— Ты слышал? Ты слышал, что сказала эта маленькая девочка?

— Да.

— Это мы, Брайан? Новые люди? Ты думаешь, это о нас?

— Не знаю, но думаю, что девочка не ошиблась.

— Это было прекрасно, — вырвалось у Алберта. — Господи, как же я счастлив!

— *Фантастика!* — выкрикнула Бетани и захлопала в ладоши.

— Что нам теперь делать, Брайан? — спросил Боб. — Есть идеи?

Брайан оглядел набитый людьми посадочный зал.

— Думаю, пора отсюда уходить. Хочется вдохнуть свежего воздуха. Посмотреть на небо.

— Не следует ли нам поставить в известность...

— Поставим, — оборвал его Брайан. — Но сначала взглянем на небо.

— А может, по пути перехватим что-нибудь из еды? — с надеждой спросил Руди.

Брайан рассмеялся.

— Почему нет?

— Мои часы остановились, — заметила Бетани.

Брайан взглянул на свои, увидел, что остановились и они. Часы остановились *у всех* шестерых.

Брайан снял часы, бросил на пол, обнял Лорел за талию.

— Сматываемся. Если, конечно, кто-то из вас не хочет подождать следующего рейса на Восток.

— Сегодня — нет, — ответила ему Лорел, — но скоро придется полететь. В Англию. Есть один человек, которого я должна увидеть. Живет он в... — На мгновение ее охватил ужас: она забыла название городка! Но нет, память ее не подвела. — Во Флутинге. На Высокой улице любой скажет, как пройти в его дом. Старожилы называют его десятником.

— О чем вы говорите? — спросил Алберт.

— О маргаритках, — ответила Лорел и рассмеялась. — Думаю, я говорю о маргаритках. Но не будем терять время... Пошли отсюда.

Боб широко улыбнулся, обнажив розовые десны.

— Что касается меня, то я в следующий раз поеду в Бостон на поезде.

Лорел поддела носком туфельки часы Брайана.

— Ты уверен, что они тебе не нужны? Часы-то дорогие.

Брайан усмехнулся, покачал головой, поцеловал Лорел в лоб. Как же вкусно пахли ее волосы! Он не просто пребывал в хорошем настроении. Он словно родился во второй раз, обретя себя в новом, чистом, не потрепанном жизнью теле. Капитану казалось, что он

взлетит, если раскинет руки. И никакие двигатели ему не нужны.

— Зачем они мне? Время я знаю и без них.

— Правда?

— Конечно. Мы в *настоящем*, и это главное!

Алберт хлопнул Брайана по спине, показывая, что полностью с ним согласен.

Они вышли плотной группой, прокладывая путь сквозь толпу раздраженных, недовольных задержкой рейсов людей. Многие пассажиры с любопытством смотрели на них. Не потому, что у некоторых одежда была в крови. Просто они смеялись, когда остальные хмурились и злились.

Смотрели на них, потому что во всем аэропорту только эти шестеро буквально *светились* от счастья.

Их все радовало.

Они не находили повода для печали.

Только для падающих звезд, подумал Брайан и внезапно вспомнил, что на борту самолета остался еще один пассажир — мужчина с черной бородой. *Такого похмелья этому парню не забыть ни в жизнь*, решил Брайан и улыбнулся. Подхватил Лорел и закружил. Она засмеялась, обняла Брайана.

И все шестеро побежали из аэровокзала в простирающийся за ним мир.

СЕКРЕТНОЕ ОКНО, СЕКРЕТНЫЙ САД

Два после полуночи

Посвящается Чаку Верриллу

Предисловие к повести «Секретное окно, секретный сад»

Я из тех людей, которые считают, что жизнь состоит из нескольких циклов — колесики в колесиках, одни цепляются друг за друга, другие крутятся автономно, но каждое выполняет некую повторяющуюся функцию. Мне нравится абстрактное представление жизни как эффективного механизма, потому что реальность со всеми ее интимными подробностями кажется странной и запутанной. Приятно отступить порой на шаг и воскликнуть: «И все-таки здесь есть шаблон! Не знаю, как его понять, но я его вижу!»

Свой цикл колесики заканчивают почти одновременно, где-то раз в двадцать лет, и наступает время подводить итоги. Психологи даже тиснули словечко парламентариев для описания этого феномена — *cloture**.

Сейчас мне сорок два, и, оглядываясь на последние четыре года, я вижу сплошной конец прений — и в работе, и просто в жизни. В романе «Оно» мне потребовалось непомерное пространство, чтобы прекратить болтать о детях и широте их восприятия, освещающего внутренний мир ребенка. В будущем году

---

* Закрытие заседания, прекращение прений (*англ.*). — *Здесь и далее примеч. пер.*

я собираюсь опубликовать новый роман из цикла о Касл-Роке — «Нужные вещи» (последняя повесть сборника, «Несущий смерть», служит прологом к этому роману). А данное произведение станет, наверное, последней историей о писателях, писательском творчестве и о странной ничейной территории, находящейся между фантазией и реальностью. Полагаю, большинство читателей, давно увлекающихся моими книгами и терпеливо взращивающих во мне интерес к этой теме, воспримут эту весть с радостью.

Несколько лет назад я написал роман «Мизери» в попытке показать, как сильно произведение подчас воздействует на читателя. В прошлом году вышла «Темная половина», где я предпринял попытку исследования противоположного случая — как сила искусства воздействует на писателя. Когда роман был еще в черновиках, я задумался о том, как рассказать сразу обе истории, рассмотрев элементы сюжета «Темной половины» под другим углом. Работа над книгой — тайное действо, сродни тайне сновидений, и об этом аспекте нашего странного и опасного искусства я никогда особенно не размышлял.

Знаю, порой писатели перерабатывают свои прежние произведения — Джон Фаулз делал это с «Волхвом», а я — с «Противостоянием», но сейчас моей целью не была переработка. Мне хотелось взять уже использовавшиеся части и сложить из них совершенно иной узор. Я пробовал такое по меньшей мере однажды, поменяв местами и обновив основные элементы «Дракулы» Брэма Стокера. Получился «Жребий», и совесть меня абсолютно не мучает.

Однажды поздней осенью 1987 года, когда идея новой повести варилась в голове, я пошел бросить в стирку грязную рубашку. Помещение, где стоит стиральная машина, — маленькое и узкое, на втором этаже. Избавившись от рубашки, я подошел к одному из двух окошек прачечной — случайное любопытство, не более. Мы жили в этом доме уже лет одиннадцать или

двенадцать, но я никогда не выглядывал именно из этого окна. Причина проста: оно у самого пола и почти полностью загорожено сушилкой, перед которой стоят корзины для вещей на штопку, — в общем, до него трудно добраться.

Тем не менее я протиснулся и посмотрел. Окно выходило на маленькую, выложенную кирпичом нишу между домом и застекленной верандой. Нишу эту я видел каждый день... но сейчас смотрел на нее под другим углом. Жена выставила туда полдюжины горшечных цветов, чтобы растения могли насладиться солнышком начала ноября, и получился прелестный садик, которым мог любоваться только я. Пришедшая в голову фраза и стала названием повести. Эта фраза показалась мне ничуть не хуже других метафор, отражающих то, что днем и ночью делают писатели, особенно те, кто работает в жанре фэнтези. Сидеть за пишущей машинкой или с карандашом в руке — это физическая деятельность; в переносном смысле мы выглядываем в почти забытое окно, глядя на привычное с неожиданного ракурса, и банальное кажется незаурядным. Задача писателя — смотреть в такое окно и записывать, что он видит.

Но иногда стекла в окнах разбиваются. Именно это, по-моему, и стало основной проблемой повести: что станется с наивным наблюдателем, когда оконное стекло, отделяющее реальность от нереальности, разобьется и полетят осколки?

1

— Вы украли мой рассказ, — сказал человек прямо с порога. — Вы его украли, и с этим нужно что-то делать. Правда есть правда, справедливость есть справедливость, давайте решать, как поступить.

Мортон Рейни, внезапно разбуженный и еще не совсем проснувшийся, не нашелся с ответом. Такого

с ним никогда не случалось, когда он работал — больной или здоровый, полусонный или хорошо выспавшийся. Он был писателем и почти никогда не терялся, если нужно было вложить в уста персонажа остроумную реплику. Рейни открыл было рот, не нашел там колкого комментария (даже бездарного не нашел) и закрыл рот.

Этот человек как будто не совсем реален, мысленно отметил Мортон. *Он словно сошел со страниц романов Уильяма Фолкнера.*

При создавшейся ситуации это наблюдение было бесполезным, но, несомненно, точным. Человеку, отыскавшему Рейни в глухомани Западного Мэна, на вид можно было дать лет сорок пять. Он был очень худым. Лицо спокойное, почти безмятежное, прорезанное глубокими морщинами. Они волнами взбегали по высокому лбу, вертикальными углублениями тянулись от уголков тонких губ к подбородку и крошечными лучиками расходились вокруг глаз — невыцветших, ярко-голубых. Рейни не мог разглядеть, какие у него волосы: незваный гость был в большой черной шляпе с круглой тульей, вроде тех, которые носят квакеры, и натянул ее по самые уши. Бачков у него не было, и Мортону Рейни оставалось предположить, что пришедший лыс, как Телли Савалас, под своей круглой фетровой шляпой.

Незнакомец был в синей рубашке с коротким рукавом, аккуратно застегнутой до самой шеи, дряблой, красной от бритвы, хотя галстука на нем не было. Подол рубашки исчезал в синих джинсах, немного великоватых пришедшему. Отвороты джинсов аккуратно лежали на потертых грубых желтых ботинках, пригодных лишь для того, чтобы ходить по тощей пашне в трех с половиной футах от задницы мула.

— Ну? — спросил он, пока Рейни продолжал молчать.

— Я вас не знаю, — выдавил наконец Рейни. Это было первое, что он произнес после того, как встал

с дивана и открыл входную дверь, и прозвучало это высокомерно-глупо даже для его собственных ушей.

— *Это* я знаю, — сказал человек. — *Это* значения не имеет. Я вас знаю, мистер Рейни, вот что важно. — И он повторил: — Вы украли мой рассказ.

Он протянул руку, и Рейни впервые заметил, что пришедший что-то с собой принес. Это была стопка листков, но не какая-нибудь пухлая старая пачка — это была рукопись. «Поваришься немного в нашем бизнесе, — подумал Рейни, — научишься узнавать рукопись с одного взгляда. Особенно невостребованную».

Мелькнула запоздалая мысль: *Повезло тебе, старина Морт, что это не пистолет. Попасть бы тебе в ад, не успев сообразить, что тебя ухлопали.*

И с еще бóльшим запозданием он понял, что, видимо, столкнулся с представителем Племени Ненормальных. Что ж, давно пора: три последние книги Рейни стали бестселлерами, а представитель этого легендарного народца явился к нему только сейчас. Рейни ощущал страх, смешанный с грустью. Мысли сконцентрировались на одном: как побыстрее — и с наименьшими потерями — избавиться от этого типа.

— Я не читаю рукописей... — начал он.

— Эту вы уже прочли, — ровным тоном сказал человек с лицом работяги-испольщика. — Вы ее украли, — повторил он, словно констатируя очевидный факт — например, что взошло солнце и стоит прекрасная осенняя погода.

В тот день все мысли приходили к Морту с большим опозданием; только тут он спохватился, что остался в доме совершенно один. Он приехал в Тэшмор-Глен в начале октября после двух тяжелейших месяцев в Нью-Йорке: не далее чем на прошлой неделе его развод стал свершившимся фактом.

Дом был большим, но летним; Тэшмор-Глен и сам был летним городком. У дороги, опоясывающей север-

ную бухту озера Тэшмор, насчитывалось коттеджей двадцать. В июле — августе большинство бывали заняты... но сейчас не июль и не август, а конец октября. Выстрела никто не услышит, подумал Морт. А если и услышат, решат, что кто-то стреляет по перепелам или фазанам — охотничий сезон в самом разгаре.

— Могу вас уверить...

— Я *знаю*, что можете, — с прежним ангельским терпением произнес мужчина в черной шляпе. — Это я *знаю*.

За его спиной Морт заметил машину — старый синий универсал, прошедший очень много миль и совсем мало — по хорошим дорогам. По номеру было видно, что машина не из штата Мэн, но Морт не мог разобрать, из *какого* она штата: он все собирался сходить к окулисту и подобрать другие очки, еще прошлым летом хотел заняться этим скучным делом, но в апреле ему позвонил Генри Янг и спросил, с кем это он встретил Эми в торговом центре — с родственником, что ли? — и начались подозрения, кульминацией которых стало начало на удивление быстрого и тихого, по взаимному согласию, развода. Лавина неприятностей отнимала все время и силы. Последние месяцы Морт считал, что держится молодцом, если не забывал сменить трусы; что уж говорить о таких эзотерических проектах, как поход к окулисту...

— Если вы хотите с кем-то поговорить, считая, что у вас есть повод для жалобы, — неуверенно начал Морт, стыдясь собственного пафоса — вылитая говорящая «рыба», но не зная, как ответить иначе, — можно побеседовать с моим адво...

— Это касается только вас и меня, — терпеливо возразил человек на пороге. Бамп, кот Морта, который лежал свернувшись на низенькой тумбе, встроенной в боковую стену, — мусор приходилось держать в закрытом ящике, иначе ночью набегут еноты и растащат его к чертям собачьим, — спрыгнул на пол, беззастен-

чиво пролез между ног незнакомца и принялся ходить кругами и тереться. Ярко-голубые глаза пришедшего не отрывались от лица Морта. — Посторонних нам не надо, мистер Рейни. Это дело строго между нами.

— Мне не нравятся обвинения в плагиате, если вы к этому клоните, — сказал Морт. У него вдруг возникла мысль, что с визитерами из Племени Ненормальных следует обращаться очень осторожно. Поддакивать ему? Да. Но этот человек, кажется, пришел без оружия, плюс сам Морт на пятьдесят фунтов тяжелее. *На первый взгляд я к тому же на пять или десять лет моложе*, подумал он. Морт читал, что истинные Ненормальные порой обладают нечеловеческой силой, но будь он проклят, если просто останется стоять и позволит человеку, которого видит впервые в жизни, утверждать, что он, Мортон Рейни, украл его рассказ. Без единого контраргумента — ни за что.

— Я не виню вас в нелюбви к таким обвинениям, — сказал человек в черной шляпе. Он говорил все так же спокойно и мирно. *Как врач*, подумал Морт, *обучающий детей с легкой умственной отсталостью.* — Но вы же это совершили. Вы украли мой рассказ.

— Вам придется уйти, — заявил Морт. Он уже полностью проснулся, и вся его растерянность испарилась. — Мне нечего вам сказать.

— Да, я уйду, — кивнул человек. — Мы поговорим позже. — Он протянул пухлую рукопись, и Морт вдруг потянулся за ней. Осознав это, он поспешно опустил руку, прежде чем незваный и нежеланный гость успел сунуть ему рукопись, как судебный пристав повестку должнику, прятавшемуся много месяцев.

— Я это не возьму, — сказал Морт, мысленно восхитившись тем, насколько приспособляемая тварь человек: когда тебе что-то дают, первый инстинкт — хватать. И не важно, чек это на тысячу долларов или динамитная шашка с шипящим зажженным фитилем: первым делом вы протянете руку.

— Игры со мной ни к чему хорошему вас не приведут, — мягко заметил гость. — *Это* надо уладить.

— По мне, мы уже все уладили, — сказал Морт и закрыл дверь перед человеком с морщинистым, испитым и каким-то вневременным лицом.

Страх он ощущал только секунду-другую, когда сообразил, заспанный, сбитый с толку, о чем говорит этот человек. Затем страх смыло гневом — гневом на то, что его побеспокоили во внеурочное время, и еще большим гневом от сознания, что беспокоить его явился представитель Племени Ненормальных.

Когда дверь закрылась, страх, однако, вернулся. Морт, сжав губы, ждал, когда гость снова начнет стучать. Было тихо, но Морт не сомневался: незнакомец так и стоит на пороге, неподвижный, как камень, и такой же терпеливый, ожидая, пока ему опять откроют дверь... что рано или поздно произойдет.

Затем Рейни услышал глухой тяжелый удар — и сразу легкие удаляющиеся шаги по дощатой веранде. Морт пошел в спальню, где было два больших окна. Одно выходило на подъездную дорожку и холм за ней, из другого открывался вид на склон, уходивший в синеву, и приятный простор озера Тэшмор. Оба окна были зеркальные, то есть Рейни из дома видел все, а внутрь никто заглянуть не мог, разве что расплющив нос о стекло и прикрыв глаза руками.

Он увидел, как мужчина в синей рубашке и джинсах с отворотами подошел к старому универсалу. С этого места Рейни разобрал номер — машина была из Миссисипи. Когда человек открыл дверцу со стороны водителя, Морт подумал: *Черт, в машине пистолет. Он его не взял, думал, сможет со мной побеседовать... как он себе это представлял. Сейчас вернется. Пистолет, наверное, в бардачке или под сиденьем...*

Но человек сел за руль, помедлив лишь, чтобы снять черную шляпу и бросить на заднее сиденье. *В нем что-то изменилось.* И только когда незваный

гость, дав задний ход, выехал на дорогу и пропал за густой листвой живой изгороди, которую давно не стригли, Рейни понял, что именно.

Когда человек садился в машину, в руках у него уже не было рукописи.

2

Она оказалась на веранде. Сверху лежал камень, чтобы легкий бриз не разметал страницы по маленькому палисаднику. Глухой звук удара, который слышал Рейни, раздался, когда гость положил булыжник на тощую стопку.

Рейни стоял в дверях, сунув руки в карманы парусиновых брюк, и смотрел на рукопись. Он знал, что безумие не заразно (кроме как при длительном контакте, по его тайному убеждению), но все равно не хотел прикасаться к этому дерьму. Хотя он и понимал, что придется. Рейни не знал, сколько пробудет на озере: день, неделю, месяц, год, — сейчас все казалось одинаково возможным, но он не позволит всякой дряни здесь лежать. Во-первых, Грег Карстерс, смотритель коттеджей, зайдет сегодня сказать, во сколько приблизительно обойдется перекрыть крышу, и он может заинтересоваться, что это. Хуже того, Грег может подумать, что это рукопись самого Рейни, а такой поворот повлечет больше объяснений, чем эта ерунда заслуживает.

Рейни стоял на пороге, пока гул мотора универсала не растаял в низком медленном гудении дня. Затем он вышел на веранду, с опаской ступая босыми ногами (пол надо было покрасить еще год назад, сейчас из пересохших досок торчали колючие щепки, которые вполне могли стать занозами), поднял листки и посмотрел на первую страницу. На ней значилось:

Секретное окно, секретный сад
Автор — Джон Шутер

Морт испытал невольное облегчение. Он никогда не слышал о Джоне Шутере и не читал (*и не писал*) повести «Секретное окно, секретный сад».

На ходу он бросил рукопись в мусорное ведро на кухне, вернулся к дивану в гостиной, лег и заснул минут за пять.

Во сне он видел Эми. Теперь он много спал, часто видел во сне Эми и уже не удивлялся, просыпаясь от собственных хриплых криков. Он полагал, что это пройдет.

3

На следующее утро Рейни сидел перед своим ворд-процессором в комнатушке рядом с гостиной, которая почти всегда становилась его кабинетом, когда они с Эми приезжали на озеро. Компьютер был включен, но Рейни смотрел в окно. Две моторные лодки оставляли широкий белый след на синей глади озера. Сначала он решил, что это рыбаки, но моторки не останавливались, носились взад-вперед большими кругами, подрезая друг друга. Щенки, решил он. Детки резвятся.

Моторки не выделывали ничего особо интересного, но ведь и Морт не был занят. Он не написал ничего сто́ящего после ухода Эми. Он сидел перед компьютером каждый день с девяти до одиннадцати, как делал ежедневно последние три года (а тысячу лет назад проводил эти два часа перед пишущей машинкой «Ройял» офисного образца), но с тем же успехом мог сесть в моторную лодку и лихо подрезать деток на озере.

Сегодня за два часа поденщины он родил следующий отрывок бессмертной прозы:

> Четыре дня спустя после того, как Джордж, к своему удовлетворению, убедился, что жена ему изменяет, он завел с ней разговор.

— Мне надо с тобой поговорить, Эбби, — сказал он.

Это было так себе.

Слишком напоминало жизнь, чтобы быть хорошим.

В реальной жизни Морт был вовсе не так талантлив. Возможно, все проблемы начались отчасти поэтому.

Он выключил компьютер, через секунду спохватившись, что забыл сохранить текст. Ну и пусть. Должно быть, у него в подсознании сидит критик, сказавший, что это сохранять не стоит.

Миссис Гэвин, видимо, закончила на втором этаже: монотонный вой «Электролюкса» стих. Приходящая прислуга долго молчала в шоке, когда два вторника назад Морт ей сказал, что они с Эми расстались. Он чувствовал, что миссис Гэвин любит Эми гораздо больше, чем его. Но она продолжала приходить, и Морт решил не обращать внимания на мелочи.

Он встал и пошел в гостиную, куда как раз спускалась миссис Гэвин. Держа за трубу небольшой цилиндрический агрегат, она тянула его за собой. «Электролюкс» сошел по ступенькам с серией глухих стуков, как маленький механический пес. *Попробуй я вот так тянуть пылесос по лестнице, он ударил бы меня по щиколотке и кубарем скатился вниз*, подумал Морт. *Как ей удается вести его так плавно?*

— Приветствую вас, миссис Джи, — сказал он, проходя через гостиную к кухне. Ему хотелось колы. После написания дряни у него всегда возникала жажда.

— Здравствуйте, мистер Рейни.

Он сто раз просил, чтобы она называла его Морт, но миссис Гэвин не соглашалась. Она не звала его даже Мортоном. Она была принципиальной женщиной, хотя принципы не мешали ей называть его жену Эми.

Может, сказать ей, что я застал Эми в постели с другим мужчиной в одном из лучших мотелей Дерри? — подумал Морт, проходя через качающуюся дверь. *Может, тогда она хотя бы начнет снова называть ее миссис Рейни.*

Это была низкая, злая мысль; подобные мысли, как подозревал Рейни, и стали причиной его проблем с сочинительством, но он не мог себя пересилить. Может, и это пройдет... как сон. Почему-то при этой мысли ему вспомнилась наклейка на бампер, которую он видел на дряхлом «фольксвагене-жуке»: «Запор. И у тебя не выйдет».

Когда кухонная дверь качнулась назад, миссис Гэвин сказала:

— Я нашла среди мусора вашу рукопись, мистер Рейни. Может, она вам понадобится — я оставила ее на кухонном столе.

— О'кей, — сказал Морт, недоумевая, о чем она говорит. У него не было привычки отправлять неудачные рукописи или их фрагменты в кухонное ведро. Когда у него получалась ерунда, а в последнее время он выдавал ее сверх нормы, она отправлялась либо в рай для цифровых данных, либо в «круглую папку» справа от компьютера.

Человек с морщинистым лицом и в черной квакерской шляпе ему ни разу не вспомнился.

Морт открыл холодильник, передвинул две маленькие пластиковые тарелки с неопределимыми остатками, нашел бутылку пепси и открыл, придерживая дверцу бедром. Бросив пробку в ведро, он увидел рукопись — титульный лист был заляпан, кажется, апельсиновым соком, — лежавшую на столе рядом с тостером. *Тут* он вспомнил. Правильно, Джон Шутер. Член-основатель миссисипского отделения Племени Ненормальных.

Отпив глоток пепси, Морт взял рукопись. Переложив титульный лист в конец стопки, он прочел на первой странице:

Джон Шутер
До востребования
Деллакорт, Миссисипи

30 страниц
Приблизительно 7500 слов
Готов продать право на публикацию частями в периодической печати Северной Америки.

Секретное окно, секретный сад
Автор — Джон Шутер

Бумага была хорошая, белая, но машинка, судя по шрифту, свое отжила: старая, офисная, не знавшая нормального ухода. Буквы кривые, как зубы старика.

Морт прочел первое предложение, затем второе, третье и на несколько мгновений утратил ясность мысли.

Тодд Дауни считал, что женщина, укравшая любовь мужчины, когда любовь к ней — все, что у него есть, — не очень-то и женщина. Поэтому он решил ее убить. Он сделает это в глубокой узкой нише, где дом и амбар сходятся под острым углом, — там, где жена разбила садик.

— Ни хрена себе, — выдохнул Морт, опуская рукопись, и при этом сбил локтем бутылку. Пенящаяся жидкость разлилась по столу и потекла вниз по дверцам шкафчиков.

Миссис Гэвин, вбежав в кухню, мгновенно оценила ситуацию:

— О, это ничего. Я по звуку подумала, что вы себе горло перерезали, мистер Рейни. Подвиньтесь немного, пожалуйста.

Он отодвинулся, и первое, что сделала уборщица, — схватила рукопись со стола и сунула ему в руки. Листки не пострадали — пепси вылилась в другом на-

правлении. Когда-то Морт был человеком с прекрасным чувством юмора — во всяком случае, он так считал, — но сейчас, глядя на бумагу в руке, смог родить только кислую шутку: *Это не рукопись, а кот из колыбельной — все возвращается и возвращается.*

— Если вы хотели ее загубить, — сказала миссис Гэвин, кивая на рукопись и доставая из-под раковины полотенце для посуды, — то вы на правильном пути.

— Это не мое, — сказал Морт, но кое-что вдруг показалось ему забавным. Вчера, машинально едва не взяв рукопись у человека, который ее принес, Морт подумал, какая приспособляемая тварь человек. Потребность приспосабливаться развита у нас во всех направлениях, ведь первое, что он почувствовал, прочитав три предложения, была вина... а разве не ощущения вины Шутер (если это не псевдоним) от него добивался? Ну конечно. *Вы украли мой рассказ*, сказал он, а ворам полагается чувствовать себя виноватыми.

— Простите, мистер Рейни, — сказала миссис Гэвин, поднимая полотенце.

Он отступил, чтобы она могла подойти к луже.

— Это не мое, — настойчиво повторил он.

— Надо же, — пожала плечами уборщица, промокая пепси на столе и отступая к раковине, чтобы отжать полотенце. — А я думала, ваша.

— Здесь написано «Джон Шутер», — сказал Морт, положив первую страницу сверху и повернув к миссис Гэвин. — Видите?

Миссис Гэвин удостоила титульный лист самым коротким взглядом, какой позволяла вежливость, и принялась вытирать дверцы шкафчика.

— Я решила, это один из ваших, как бишь их, — сказала она. — Псевдонеймов. Или нимов. В общем, вымышленная фамилия.

— Я не пишу под псевдонимами, — возразил Морт. — И никогда не писал.

На этот раз миссис Гэвин удостоила его коротким взглядом — по-провинциальному проницательным и слегка насмешливым — и опустилась на колени протирать пол.

— Вряд ли вы признались бы мне, если бы и писали, — сказала она.

— Извините за беспорядок. — Он отступил к двери.

— Это моя работа, — коротко произнесла уборщица, не глядя на него. Морт понял намек и вышел.

Пару секунд он постоял в гостиной, глядя на оставленный в центре ковра пылесос. Он словно слышал, как человек с морщинистым лицом терпеливо говорит: *Это касается только вас и меня. Посторонних нам не надо, мистер Рейни. Это дело строго между нами.*

Морт думал об этом лице, вспоминал его во всех подробностях — натренированная память схватывала лица и поступки, — и сказал себе: это не было временное помрачение рассудка или странный способ познакомиться со знаменитым, по мерке этого человека, автором. Он еще вернется.

И Морт неожиданно для себя направился в кабинет, на ходу скатывая рукопись в трубку.

4

Три из четырех стен кабинета закрывали книжные полки; одна была отведена для произведений Мортона Рейни, в том числе переведенных и изданных за рубежом. Всего Морт выпустил шесть книг: пять романов и сборник коротких рассказов. Рассказы и первые два романа были тепло приняты ближайшими родственниками и кое-кем из друзей. Третий роман, «Мальчик Перемалывателя органов», сразу стал бестселлером. Ранние работы Морта были переизданы после этого успеха и были встречены довольно хорошо, но не достигли популярности его зрелых работ.

Сборник назывался «Все стучат». Большинство рассказов впервые увидели свет в мужских журналах, их втиснули между фотографиями женщин с густо накрашенными глазами и почти без одежды. Но один рассказ напечатали в «Детективном журнале Эллери Куина»; он назывался «Время сева» и имел прямое отношение к рукописи, которую Морт сейчас начал читать.

> Женщина, укравшая вашу любовь, когда любовь была почти всем, что у вас было, не очень-то и женщина — так по крайней мере думал Томми Хейвлок, когда решил убить жену. Он даже выбрал точное место: маленький садик, который она развела на остроугольном клочке земли, там, где флигель примыкал к дому.

Морт сидел и медленно сравнивал два рассказа, читая то там, то здесь. Осилив половину, он понял, что продолжать нет смысла. В некоторых местах рассказы отличались выбором лексики, но кое-где были идентичны, слово в слово. За исключением разницы в изложении отдельных фрагментов, рассказы были *одинаковые*. В обоих рассказах муж убивал жену. В обоих рассказах жена оказалась холодной, равнодушной дрянью, занимавшейся только своим садом и домашним консервированием. В обоих рассказах убийца расправлялся с супругой в ее садике и затем ухаживал за ним, вырастив невиданный урожай. В рассказе Мортона Рейни это были бобы. В рассказе Шутера — кукуруза. В обоих рассказах убийца в конце концов сходил с ума, и полиция являлась, когда он поедал эти овощи в невероятных количествах и кричал, что он избавится от нее, что рано или поздно он от нее избавится.

Морт не считал «ужастики» своим коньком. Во «Времени сева» не было ничего сверхъестественного, и все же от него почему-то шел мороз по коже. Эми дочитала его с легкой дрожью и сказала: «Рассказ, по-

жалуй, хороший, но голова у этого человека... Боже, Морт, просто банка с червяками».

Это очень точно описывало ощущения самого Морта. Ландшафт «Времени сева» не был таким, по которому тянет часто ездить, это не был новый «Сердце-обличитель»*, но Рейни искренне считал, что справился с описанием нервного срыва, толкнувшего Тома Хейвлока на убийство. Редактор «Эллери Куина» с этим согласился, как и большинство читателей, — рассказ вызвал одобрительные отклики. Редактор просил писать дальше, но Морт так никогда и не создал ничего, хотя бы отдаленно напоминающего «Время сева».

Я знаю, я в состоянии это сделать, — сказал Тодд Дауни, накладывая себе еще кукурузы из дымящейся миски. — Я уверен, со временем она исчезнет целиком.

Так заканчивался рассказ у Шутера.

Я не сомневаюсь, что справлюсь с этим делом, — сказал Том Хейвлок и положил себе еще бобов из полной до краев дымящейся миски. — Я уверен, что со временем ее смерть станет загадкой даже для меня.

Так заканчивался рассказ у Рейни.

Морт закрыл томик «Все стучат» и, задумавшись, вернул его на полку первых изданий.

Он снова сел и принялся методично перебирать ящики письменного стола. Стол был большой — настолько большой, что грузчики вносили его в комнату по частям, — и ящиков было много. Стол находился исключительно в ведении Морта, ни Эми, ни миссис Джи к нему не прикасались, и в ящиках собралось немало хлама, копившегося десять лет. Четыре года назад

* Рассказ Эдгара Аллана По.

Морт бросил курить, и если в доме и остались сигареты, так только здесь. Если найдутся, он закурит. Именно сейчас ему отчаянно хотелось курить. Не найдутся — тоже не беда. Перебирать мусор в столе оказалось занятием успокаивающим. Письма, которые он когда-то отложил, чтобы ответить, да так и не ответил; прежде такие важные, сейчас они казались старинными, даже загадочными; открытки, которые он купил, но так и не отправил; рукописи в разных стадиях завершенности; полпакета очень старых «Доритос»; конверты; скрепки; оплаченные счета. Морт различал почти геологические пласты — слои летней жизни, застывшей на месте, и чувствовал себя увереннее. Покончив с одним ящиком, он перешел к другому, все время думая о Джоне Шутере и о том, какое впечатление рассказ Шутера — да нет же, черт побери, *его* рассказ, Морта! — на него произвел.

Прежде всего после чтения рассказа ему захотелось курить. Разумеется, за последние четыре года это случалось не раз: иногда один вид курящего водителя соседней машины на светофоре вызывал у Морта на минуту острое желание затянуться. Но ключевые слова здесь — «на минуту». Желание быстро проходило, как неистовый шквал с дождем, когда через пять минут после мутной серебристой водной пелены уже вовсю светит солнце. Он ни разу не ощущал непреодолимой потребности зайти в ближайший магазин за пачкой сигарет... или перерыть бардачок в поисках случайно завалившейся сигареты-другой, как рылся сейчас в столе.

Морт чувствовал себя, как ни абсурдно, *виноватым,* и это выводило его из равновесия. Он не крал рассказ Джона Шутера, знал, что не крал, если кража вообще имела место (а без нее наверняка не обошлось: Морт не верил, что рассказы могли быть так похожи, если один из авторов не ознакомился предварительно с оригиналом). Но тогда получалось, что *Шутер* украл рассказ у *него*, Рейни.

Это же очевидно, как нос на лице... или круглая черная шляпа на голове Джона Шутера.

И все же Морт был расстроен, выбит из колеи, виноват... он чувствовал себя *растерянным*, иного слова, пожалуй, и не подобрать. Почему? А вот потому что.

Морт поднял ксерокопию «Мальчика Перемалывателя органов», под которой оказалась пачка сигарет «Эл энд Эм». Сейчас еще выпускают «Эл энд Эм»? Он не знал. Пачка была старая, мятая, но явно не пустая. Глядя на нее, Морт подумал, что купил ее году в восемьдесят пятом, согласно неформальной науке стратификации, которую можно назвать, за неимением лучшего, столологией.

Заглянув в пачку, он увидел три сигареты, лежащие в ряд.

Путешественницы во времени из другой эпохи, подумал Морт, сунул одну сигарету в рот и пошел на кухню взять спичку из коробка у плиты. *Путешественницы во времени из другой эпохи, прошедшие через годы, терпеливые цилиндрические пассажирки с миссией быть начеку, выжидать и не упустить удобный момент наладить меня по накатанной дорожке к раку легких.*

— На вкус, наверное, дерьмо, — произнес он в пустом доме (миссис Гэвин давно ушла) и поднес пламя к концу сигареты. Однако она оказалась вовсе не такой уж гадостью. На вкус она была очень даже ничего. Морт неторопливо побрел в кабинет, выдыхая дым, ощущая приятную легкость и головокружение. *Ах, это невероятное терпеливое упорство пагубной склонности*, подумал он. Что сказал Хемингуэй? «Не в августе и не в сентябре — весь этот год ты еще можешь жить, как тебе нравится»*. Но времена возвращаются. Они всегда возвращаются. Рано или поздно ты снова суешь что-нибудь в свой большой немой старый рот — стакан, сигарету, ствол пистолета. Не в августе и не в сентябре...

---

* Автор цитирует «Заметки о будущей войне» Э. Хемингуэя.

...к сожалению, шел октябрь.

На ранней стадии разведочных работ Морт нашел старую банку с остатками арахиса «Плантерс». Орехи вряд ли были съедобными, но из крышки получилась отличная пепельница. Он сидел за письменным столом, смотрел на озеро (подобно миссис Джи, лодки, курсировавшие по озеру, куда-то делись), наслаждался старой дурной привычкой и нашел, что может думать о Джоне Шутере и рассказе Джона Шутера более спокойно.

Этот человек *точно* из Племени Ненормальных: теперь это подтверждено железно, если вообще требовались доказательства. Что до того, какие чувства охватили Рейни, когда он убедился, что сходство действительно существует...

Рассказ был вещью, был чем-то *материальным* — во всяком случае, о нем можно думать как о вещи, если вам за него заплатили, — но в другом, более важном смысле вещью он не был. Рассказ — не ваза, не стул, не машина. Конечно, рассказ — это чернила на бумаге, но он не чернила и не бумага. Морта иногда спрашивали, откуда он берет свои идеи, и, хотя он презрительно фыркал в ответ, ему всегда становилось немного стыдно, словно он лгал. Люди будто верили, что где-то существует центральный склад идей, вроде кладбища слонов или затерянного золотого города, а у него есть секретная карта, с помощью которой он ходит туда и обратно, но Морт знал правду. Он *помнил, где он был*, когда ему в голову приходили идеи, и знал, что идея зачастую есть результат видения или ощущения странной связи между объектами, событиями или людьми, которые прежде казались никак не связанными, и лучше он это объяснить не мог. Что касается того, почему он видел эту связь или, увидев, захотел писать об этом рассказы... Морт ответа не знал.

Если бы Джон Шутер явился к нему на порог и сказал: «Вы украли мою машину», а не «Вы украли мой рассказ», Морт пресек бы его поползновения бы-

стро и решительно, даже окажись машины одного года выпуска, марки, модели и цвета. Он показал бы человеку в круглой черной шляпе техпаспорт, предложил сравнить номер в документах с номером на дверной стойке и послал незваного гостя ко всем чертям.

Но когда в голову приходит идея рассказа, вам не выдают чека за покупку. Тут не отследишь происхождение товара. Да и как это возможно? На то, что достается даром, чека не дают. Ты заламываешь цену тем, кто хочет купить у тебя твою вещь — о да, все, что сможешь унести, и даже больше, чтобы отыграться за те времена, когда вся эта сволочь: журналы, газеты, книгоиздатели, кинокомпании — платила тебе меньше условленного, но сам предмет торговли достается тебе бесплатно, чистым и ничем не обремененным. Вот в чем дело, подумал Морт. Вот почему он ощущает вину, хоть и знает, что не крал рассказа фермера Джона Шутера. Он чувствует себя виноватым, потому что написание рассказов всегда немного напоминает воровство и, наверное, вечно будет напоминать. Джон Шутер просто первым заявился к нему в дом и обвинил напрямую. Морту казалось, что подсознательно он уже много лет ждал чего-то подобного.

Раздавив сигарету в крышке от орехов, Морт подумал прилечь поспать, но счел это плохой мыслью. Будет лучше для здоровья, как душевного, так и физического, пообедать, полчаса почитать и отправиться на приятную долгую прогулку к озеру. Он слишком много спит, а это — признак депрессии. Но на полпути к кухне Морт отклонился от курса, свернув к длинному дивану из нескольких секций у стеклянной стены гостиной. *Да пошло оно все*, подумал он, подкладывая подушку под шею и еще одну под голову. *Да, у меня депрессия.*

Последней мыслью перед тем, как его одолел сон, стала такая: *Он со мной не закончил. Кто-кто, но не этот. Он закуда.*

5

Морту приснилось, что он заблудился на бескрайнем кукурузном поле. Он спотыкаясь шел от одного ряда к другому, солнце отражалось от стекол часов на его руках — по шесть штук на обеих, и каждые часы показывали свое время.

Помогите! — кричал он. *Помогите, кто-нибудь! Я заблудился, мне страшно!*

Впереди, по обе стороны борозды, кукуруза затряслась и зашелестела. С одной стороны показалась Эми. С другой появился Джон Шутер. Оба с ножами в руках.

Я уверен, что справлюсь с этим, сказал Шутер, когда они надвигались на него с занесенными ножами. *Я уверен, со временем твоя смерть станет загадкой даже для нас.*

Морт повернулся бежать, но кто-то — Эми, как он понял, — схватил его за ремень и потащил назад. И тогда ножи, блеснув на жарком солнце бескрайнего секретного сада...

6

Морт проснулся от телефонного звонка, проспав час с четвертью. Очнувшись от кошмарного сна — кто-то его преследовал, это все, что он помнил, — он резко сел на диване. Ему было страшно жарко, каждая клетка его кожи, казалось, истекала потом. Солнце подобралось к этой стороне дома, пока он спал, и светило на него через стеклянную стену бог знает сколько времени.

Морт медленно пошел к телефону в холле, тяжело ступая, — так человек в водолазном костюме движется по речному дну против течения. В голове медленно и больно стучало, во рту он словно подержал дерьмо старого дохлого суслика. С каждым шагом арка в холл

будто отдалялась — так бывает, когда спишь слишком много и слишком крепко в жаркий летний день. Но хуже всего было даже не это. Хуже всего было странно грустное ощущение пребывания вне тела, будто некий наблюдатель смотрит в телекамеру с мутными линзами.

Морт взял трубку, думая, что звонит Шутер.

Да, это он, все правильно — единственный человек в огромном мире, с кем я не должен говорить, когда моя бдительность снижена и одна половина мозга, по ощущениям, отстегнута от другой. Конечно, это он — кому же еще быть?

— Алло?

Это не был Шутер. Услышав голос на другом конце линии, Морт понял, что есть еще по меньшей мере один человек, с которым ему не стоит разговаривать, когда он так беззащитен.

— Алло, Морт, — сказала Эми. — У тебя все в порядке?

7

Чуть позже Морт облачился в большую красную фланелевую рубашку, которую носил вместо куртки ранней осенью, и отправился на прогулку — это следовало сделать еще несколько часов назад. Кот Бамп увязался за ним, быстро убедился, что хозяин настроен серьезно, и вернулся домой.

Морт намеренно брел неторопливо. День выдался прекрасный — сплошь синее небо, красные листья и золотой воздух. Морт шел, сунув руки в карманы, и старался впитать в себя тихий ритмичный шум озера и успокоиться, как всегда бывало прежде, — должно быть, поэтому он приехал сюда, а не остался в Нью-Йорке, как ожидала Эми, пока их дело размеренно катилось к разводу. Морт приехал сюда, потому что Тэшмор — волшебное место, особенно осенью, а если

и есть на свете неудачник, кому нужна хоть капля волшебства, так это он. Если магия этого уголка подвела его сейчас, когда писалось из рук вон плохо, он не знал бы, что делать.

Оказалось, волновался Морт зря. Спустя какое-то время тишина и особая атмосфера отрешенности, овладевшая озером Тэшмор с приходом осени и отъездом летних отдыхающих, начала действовать, и Морта постепенно отпускало, будто под мягко массирующими руками. Но теперь он стал думать не только о Джоне Шутере: пришлось подумать и об Эми. Он вспомнил их разговор.

— Конечно, у меня все в порядке, — ответил он, услышав ее вопрос. Морт тщательно выговаривал слова, как пьяный, старающийся убедить окружающих, что он трезв. Вообще-то он тогда не вполне очнулся от сна и *в самом деле* чувствовал себя немного пьяным. Слова, как какие-то формы, казались чересчур большими для рта, будто куски мягкого, рыхлого камня, и Морт продолжал с большой осторожностью, ощупью пробираясь через начальные формальности, будто впервые вел телефонный разговор. — А как ты?

— О, прекрасно, я прекрасно, — сказала Эми, и в трубке зажурчал короткий смешок, означавший, что она либо флиртует, либо отчаянно нервничает. Насчет флирта Морт сомневался. Сейчас? Вряд ли. Осознав, что она нервничает, Морт немного расслабился. — Просто ты там совсем один, может случиться все, что угодно, и никто не узнает... — Она резко оборвала фразу.

— Я не совсем один, — кротко сказал он. — Сегодня заходила миссис Гэвин, и Грег Карстерс всегда рядом.

— О, я и забыла о том, что крышу надо чинить, — произнесла Эми, и Морт на мгновение испытал удовольствие от того, как естественно они разговаривают. Естественно и... неразведенно. *Послушать нас*, подумал он, *так никогда не догадаешься, что в моей постели*

ждал, когда вернется боль, обида, ревность, ярость обманутого мужа, но только призрак шевельнулся там, где раньше бурлили эти, пусть и неприятные, чувства.

— Зато Грег не забыл, — сказал Морт. — Вчера он заходил и полтора часа ползал по крыше.

— Там очень все плохо?

Морт начал рассказывать, и они минут пять говорили о крыше, пока он медленно просыпался; они говорили о старой крыше как ни в чем не бывало, будто все осталось по-старому, будто они проведут следующее лето под новыми кедровыми досками. «Дайте мне крышу, дайте мне доски, — подумал он, — и я проговорю с этой стервой целую вечность».

Он словно со стороны слушал свои реплики, и в нем возникло и росло ощущение нереальности, словно он возвращался в полусон-полубодрствование, в состояние зомби, в котором отвечал на звонок. Он не мог больше этого выносить. Если это соревнование, кто дольше сможет притворяться, что последних шести месяцев не было, он охотно уступит первое место. Более чем охотно.

Эми спрашивала, где Грег собирается взять кедровую дранку и позовет ли мастеров из города, когда Морт перебил ее:

— *Зачем* ты позвонила, Эми?

Возникла секундная пауза. Морт чувствовал, как Эми подбирает и тут же отвергает ответы, как женщина примеряет шляпки, и от *этого* в нем действительно зашевелился гнев. Одно из качеств Эми — из очень немногих, кстати, которое он в ней ненавидел, — абсолютно бессознательная двуличность.

— Я тебе сказала зачем, — ответила она наконец. — Узнать, как у тебя дела. — Ее голос снова звучал взволнованно и неуверенно, а это обычно означало, что она говорит правду. Когда Эми лгала, у нее появлялась интонация, с которой обычно сообщают,

что земля круглая. — У меня было предчувствие... я знаю, ты в такое не веришь... не веришь ведь, да, Морт? Но ты знаешь, что они у меня бывают и что *я* в это верю... Да, Морт? — Поразительно, в ее голосе не осталось и следа усвоенного жеманства или гневно-оборонительной манеры: казалось, она почти умоляла его.

— Да.

— Ну у меня возникло... Я делала себе сандвич, и у меня возникло предчувствие, что ты... что с тобой не все хорошо. Я некоторое время сдерживалась — думала, пройдет, но это ощущение не уходило. Поэтому я не выдержала и позвонила. У тебя *точно* все в порядке?

— Да, — сказал он.

— И ничего не случилось?

— Ну *кое-что* случилось, — признал он после короткой внутренней борьбы. Возможно, даже очень возможно, что Джон Шутер (*если это его настоящее имя*, твердил голос в голове Морта) сначала искал его в Дерри и лишь потом приехал сюда. В это время года Морт обычно жил в Дерри. Что, если это Эми направила Шутера в Тэшмор-Глен?

— Я *так и знала*, — насторожилась она. — Ты порезался своей мерзкой цепной пилой? Или...

— Ничего, требующего госпитализации, — сказал Морт, улыбнувшись. — Всего лишь досадное недоразумение. Эми, тебе что-нибудь говорит имя Джон Шутер?

— Нет, а что?

Он коротко и раздраженно выдохнул. Эми была умная женщина, но у нее раз и навсегда замкнуло связь между мозгом и ртом. Он помнил, как однажды подумал — ей надо ку́пить футболку с надписью: «Говори сейчас, думай потом».

— Не отвечай сразу, выжди несколько секунд и подумай. Он довольно высокий, около шести футов, на вид, я бы сказал, лет сорока пяти. По лицу можно

дать и больше, но двигается как человек сорока с небольшим. Лицо провинциального жителя — румянец, много мелких морщин от солнца. Увидев его, я еще подумал, что он похож на персонаж Фолкне...

— К чему ты клонишь, Морт?

И тут он все ощутил заново. Сейчас он уже понимал, почему, задетый, ошарашенный, он не поддался отчаянному желанию, появлявшемуся в основном по ночам, попросить Эми хотя бы попытаться уладить возникшие разногласия. Ему казалось, если просить достаточно долго и настойчиво, то она согласится. Но факт есть факт: брак трещал по швам и без риелтора. Пронзительно-сварливая интонация, появившаяся сейчас в голосе Эми, — еще один симптом того, что убило их брак. *Что ты еще наделал?* — спрашивала... нет, требовала ответа интонация. *Во что ты на этот раз влез? Объяснись!*

Он закрыл глаза и с сипением выдохнул через стиснутые зубы, прежде чем ответить. Он рассказал Эми о Джоне Шутере, о его рукописи и о своем рассказе. Эми отлично помнила «Время сева», но поклялась, что не знает Джона Шутера — «такую фамилию не забудешь», сказала она, и Морт был склонен согласиться, — и уж тем более она не видела его.

— Ты уверена? — настаивал Морт.

— Да, — ответила Эми. В ее голосе появилась обида. — После твоего отъезда такой человек не появлялся. Прежде чем ты снова посоветуешь мне сначала подумать, а потом говорить, позволь тебя уверить: я очень четко помню все, что происходило после этого.

Она замолчала. Морт слышал, что она сейчас говорит с усилием, будто ей и в самом деле больно, и в нем проснулась маленькая злая радость. В глубине души он совсем не радовался. Он даже испытывал отвращение от этого своего злорадства. Однако в то же время Морт внутренне ликовал. И это никак нельзя было изменить или не замечать.

— Может, Тед его видел, — настаивал он.

Тед Милнер — так звали риелтора. Морт до сих пор не мог поверить, что Эми бросила его ради этого риелтора, и понимал, что отчасти именно его собственное самомнение стало причиной разрушения их брака. Но ведь он не утверждает, особенно перед самим собой, что невинен, как барашек Мэри?

— Это у тебя такие шутки? — В голосе Эми прозвучали гнев, стыд, обида и вызов.

— Нет, — ответил Морт, начиная уставать.

— Тед здесь не бывает, — сказала она. — Тед сюда практически не заходит. Это я... Я хожу к нему.

Спасибо, что со мной поделилась, чуть не сказал Морт, но сдержался, желая хотя бы один разговор закончить без взаимных обвинений. Поэтому он не поблагодарил Эми за откровенность и не съязвил, что это ненадолго, и даже не спросил у нее: «Да что за фигня с тобой творится?»

В основном потому, что она могла задать ему тот же вопрос.

8

Эми предложила позвонить Дейву Ньюсаму, констеблю Тэшмора-Глена, — в конце концов, этот Шутер может быть опасен. Морт ответил, что пока не видит в этом необходимости, но если тот человек объявится снова, он, пожалуй, побеспокоит Дейва звонком. После обмена высокопарными учтивостями они положили трубки. Морт чувствовал: Эми очень задета его уклончивым предположением, что риелтор Тед теперь сидит в кресле Медвежонка Морти и спит в постели Медвежонка Морти, но искренне не понимал, как обходить тему Теда Милнера. Этот человек стал частью жизни Эми. И позвонила *она* сама, вот в чем штука. У нее в очередной раз возникло глупейшее предчувствие, и она *ему* позвонила.

Морт дошел до развилки, откуда правая тропинка поднималась по крутому берегу озера к Лейк-драйв. Он пошел туда, ступая медленно, любуясь красками осени. Когда Морт миновал последний изгиб и впереди показалась узкая асфальтовая лента, он даже не очень удивился, увидев пыльный синий универсал с номерами штата Миссисипи. Автомобиль напоминал часто поротого пса, посаженного у дерева на цепь. Рядом находился Джон Шутер — он прислонился к правому переднему крылу, скрестив руки на груди.

Морт ждал, что пульс участится от притока адреналина, но сердце билось ровно, и надпочечники, посовещавшись, решили пока не напрягаться.

Прятавшееся за тучей солнце выглянуло снова, и осенние краски, и без того яркие, словно взорвались и запылали. На земле появилась его, Морта, тень — темная, длинная, четкая. Круглая шляпа Шутера показалась еще чернее, голубая рубашка еще синее, а воздух был так прозрачен, что визитер казался вырезанным ножницами из иной реальности, ярче и живее той, которую знал Морт. Он понял, что ошибался насчет причин нежелания звонить Дейву Ньюсаму, — ошибался или обманывал себя и Эми. Правда заключалась в том, что он хотел разобраться с этим делом сам. *Доказать себе, что по-прежнему есть кое-что, с чем я В СОСТОЯНИИ справиться,* подумал он и пошел вверх, туда, где его ждал Джон Шутер.

9

Прогулка вдоль озера была долгой и неторопливой — Морту требовалось обдумать не только звонок Эми, пока он выбирал, перешагнуть или обойти упавшее дерево, или останавливался запустить по воде попадавшиеся на тропинке плоские камешки (в детстве он бросал «блинчик» на воду, камешек подпрыгивал

не меньше девяти раз, но сегодня лучшим результатом стали четыре касания). Морт думал, как быть с Шутером, когда — и если — Шутер снова появится.

Он действительно ощутил мимолетную — а может, не такую и мимолетную — вину, увидев, что два рассказа почти идентичны, но с этим он разобрался: в том крылась вселенская вина, которая, как ему казалось, время от времени накрывает всех беллетристов. Что касается самого Шутера, тут Морт испытывал лишь раздражение, гнев... и некое облегчение. Его несколько месяцев переполняла безвекторная ярость. Наконец-то появился осел, которому можно привесить этот дрянной вонючий хвост.

Морт знал старый афоризм о том, что если четыреста обезьян четыре миллиона лет будут стучать по клавишам пишущих машинок, одна из них отстучит полное собрание сочинений Шекспира. Он этому не верил. Даже если это научный факт, Джон Шутер не обезьяна и четыре миллиона лет не прожил, какие бы морщины не бороздили его лицо.

Стало быть, Шутер скопировал его рассказ. Почему он выбрал «Время сева», оставалось за пределами понимания Морта Рейни, но он не сомневался, что именно так и было, поскольку исключал совпадение и чертовски хорошо знал, что если этот рассказ, как и другие, сам он украл из великого банка идей вселенной, он никоим образом не крал его у Джона Шутера из великого штата Миссисипи.

Тогда *откуда* скопировал его Шутер? Морту казалось, что это самый важный вопрос: в ответе кроется шанс выставить Шутера лжецом и мошенником.

Возможностей было две, потому что «Время сева» печатали всего дважды — в «Детективном журнале Эллери Куина» и в сборнике «Все стучат». Дату первой публикации обычно указывают на обратной стороне титульного листа; так сделали издатели сборника. Согласно ссылке на источник, «Время сева» впер-

вые был опубликован в июньском номере «ДЖЭК» в 1980 году. Сборник «Все стучат» вышел в издательстве «Сент-Мартинс пресс» в 1983-м. С тех пор были дополнительные тиражи в мягкой обложке, но это уже не важно. Все, с чем предстояло работать, — эти две даты, восьмидесятый и восемьдесят третий... и еще тлела надежда на то, что, кроме агентов и юристов издательств, никто не обращает внимания на строчки мелкого шрифта на обороте титульного листа.

Надеясь доказать этим правду Джону Шутеру, надеясь, что Шутер, как подавляющее большинство читателей, уверен, что рассказ из сборника ранее нигде не появлялся, Морт направился к человеку у машины и наконец остановился перед ним на обочине.

10

— Стало быть, вы нашли время прочитать мой рассказ, — сказал Шутер. Он словно констатировал ничего не значащий факт, будто речь шла о погоде.

— Нашел.

Шутер серьезно кивнул.

— Как я понимаю, он вам кое-что напомнил?

— Безусловно, — согласился Морт и с деланной небрежностью спросил: — Когда вы его написали?

— Я ожидал, что вы об этом спросите, — сказал Шутер. На его губах промелькнула еле заметная загадочная улыбка, но он ничего не добавил. Его руки по-прежнему были скрещены на груди, ладони покоились чуть выше подмышек. Казалось, он готов простоять здесь вечно или по крайней мере пока солнце не провалится за горизонт, перестав согревать ему лицо.

— Ну а как же, — небрежно бросил Морт. — Вынужден был, знаете ли. Когда появляются два человека с одинаковыми рассказами, это серьезно.

— Серьезно, — задумчиво подтвердил Шутер.

— Единственный способ разобраться, — продолжал Морт, — кто у кого скопировал, — это выяснить, кто первым написал эти строчки. — Он впился в выцветшие голубые глаза Шутера непримиримым взглядом. Где-то рядом в гуще деревьев затенькала и тут же замолчала синица, и опять стало тихо. — Вы согласны, что это правильно?

— Надо думать, — сказал Шутер. — Я для этого проделал долгий путь из Мис'ипи.

Послышалось дребезжание приближавшейся машины. Они оба повернулись на звук — из-за ближайшего холма появился «скаут» Тома Гринлифа, поднимая за собой маленький торнадо опавших листьев. Том, еще крепкий уроженец Тэшмора лет семидесяти с небольшим, присматривал за большинством коттеджей по эту сторону озера, которыми не занимался Грег Карстерс. Проезжая, Том приветственно поднял руку. Морт помахал в ответ. Шутер сдвинул руку с плеча и покачал пальцем дружеским жестом, который смутно свидетельствовал о многолетней жизни в провинции, о бессчетных и уже забытых случаях, когда он так же по-свойски салютовал проезжавшим водителям грузовиков и тракторов, сеноворошилок и сеновязалок. Когда «скаут» Тома скрылся из виду, Шутер замер в прежней позе. Листья шурша оседали на дороге, и терпеливый, неподвижный, спокойный взгляд Шутера вновь обратился на Морта Рейни.

— О чем мы говорили? — спросил он почти нежно.

— О том, что нужно установить происхождение, — сказал Морт. — Это означает...

— Я понимаю, что это значит. — Шутер одарил Морта слегка презрительным взглядом. — Я понимаю, я одет деревенщиной, вожу говенную машину и сам из среды деревенщин; возможно, это делает деревенщиной меня самого, но не обязательно *тупой* деревенщиной.

— Я так и не думал, — возразил Морт. — Но природный ум автоматически не делает человека еще

и честным. Более того, я считаю, что чаще бывает наоборот.

— Глядя на вас, я мог бы сказать то же самое, не знай я этого наверняка, — сухо сказал Шутер.

Морт почувствовал, что краснеет. Он не любил оскорблений и редко их слышал, но Шутер только что унизил его, совершенно непринужденно и легко, так опытный охотник попадает в глиняного голубя.

Надежда загнать Шутера в угол пропала. Не совсем, но почти. Умный и проницательный — не одно и то же, но теперь Морт заподозрил, что Шутер обладает обоими этими качествами. Однако затягивать дело не имело смысла. Морт не хотел находиться рядом с ним дольше, чем требовалось. Странным образом он ждал подобного столкновения с того момента, как уверился в его неизбежности, — может, как отдушины, способной отвлечь от надоевшей, неприятной обыденности. Ему хотелось, чтобы все поскорее закончилось. Сейчас он не стал бы утверждать, что Джон Шутер сумасшедший — во всяком случае, не явно, — но по-прежнему считал, что этот человек может быть опасен, ведь он был чертовски непримирим. Морт решил нанести хорошо рассчитанный удар и разом со всем покончить, не расхаживая вокруг да около.

— Мистер Шутер, когда вы написали свой рассказ?

— А может, я не Шутер, — сказал гость, явно забавляясь. — Может, это псевдоним.

— Как же вас зовут по-настоящему?

— Я не утверждаю, что это так; я сказал — может быть. Но этот вопрос останется за рамками нашего дела. — Шутер говорил безмятежно, словно больше интересуясь облаком, которое медленно плыло по высокому синему небу к солнцу, уже начинавшему клониться к закату.

— Хорошо, — согласился Морт. — Однако дата, когда вы написали свой рассказ, относится к делу напрямую.

— Я написал его семь лет назад, — сказал Шутер, по-прежнему глядя на облако, коснувшееся края солнца и получившее золотую кайму. — В восемьдесят втором.

Бинго, подумал Морт. *Старый хитрый негодяй или нет, он все-таки угодил в ловушку. Он украл рассказ из сборника, ежу понятно. А так как «Все стучат» вышел в 1983-м, он думает, что может спокойно назвать любую дату до этого года. Надо было проверить по титульному листу, старый ты сукин сын!*

Однако вместо ощущения торжества пришло только немое облегчение — этого дурака можно послать веселым курсом без дальнейшего шума и пыли. И все же Морта мучило любопытство, проклятие пишущей братии: почему именно этот рассказ, который резко выбивался из общего ряда и казался совершенно нетипичным для самого Морта? Если этот Шутер задумал обвинить его в плагиате, зачем выбрал проходной рассказ, когда можно было состряпать почти идентичную рукопись бестселлера, например, «Мальчика Перемалывателя органов»? Вот *то* было бы сильно; а это казалось почти курьезом.

Должно быть, подделывать роман — слишком тяжкий, почти писательский труд, подумал Морт.

— Что же вы столько ждали? — спросил он. — Мой сборник рассказов вышел в восемьдесят третьем, шесть лет назад. Скоро семь будет.

— Потому что я не знал, — ответил Шутер. Отведя взгляд от облака, он с презрением уставился на Морта. — Такие, как вы, люди вашего сорта, уверены, что все в Америке и других странах, где издают ваши книги, так и кидаются читать то, что вы написали.

— Ну это мне лучше знать, — сказал Морт, и на этот раз пришел его черед говорить сухо.

— А это не так, — продолжал Шутер с пугающей безмятежностью и одержимостью, явно игнорируя слова Морта. — Это абсолютно не так. Я не видел этого рассказа до середины июля нынешнего года.

Морту захотелось сказать: *Знаешь что, деревенская ты рожа? Я ни разу не видел свою жену в постели с другим до середины мая!* Интересно, изменит ли Шутер тон, если сказать ему что-нибудь подобное?

Взглянув в лицо собеседнику, Морт решил промолчать. Безмятежность испарилась из выцветших глаз Шутера, как туман на холмах от дыхания дневной жары. Сейчас он казался проповедником-фундаменталистом, готовым излить солидную порцию огня и серы на головы своей дрожащей паствы, не смеющей поднять глаза. И в первый раз Морт Рейни ощутил неподдельный страх перед этим человеком. Однако к страху примешивался и гнев. Мысль, пришедшая в голову Морту в конце первой встречи с Джоном Шутером, вернулась снова: испуганный или нет, будь он проклят, если станет стоять и покорно слушать, как его обвиняют в краже, особенно сейчас, когда фальсификация разоблачена самим Шутером.

— Позвольте предположить, — начал Морт, — должно быть, люди *вашего* сорта чересчур большие снобы в выборе книг, чтобы открывать макулатуру моего сочинения? Вам подавай Марселя Пруста и Томаса Харди? Вечерами, подоив коров, вы любите зажечь старую добрую деревенскую керосинку, ухнуть ее на кухонный стол, покрытый, разумеется, домашней красно-белой клетчатой скатертью, и расслабиться над главой-другой из «Тесс» или «В поисках утраченного времени»? А по выходным, причесавшись пятерней и придя в игривое настроение, открываете Эрскина Колдуэлла или Энни Диллард? Это кто-то из друзей сказал вам, что я похитил ваш честно склепанный рассказ? Так было дело, мистер Шутер, или как вас там?

Он говорил почти грубо, с удивлением отмечая в себе настоящую ярость, хотя эта вспышка и не стала для него полной неожиданностью.

— У меня нет друзей, — ответил Шутер сухим тоном человека, констатирующего факт. — Ни друзей,

ни семьи, ни жены. Есть маленькая ферма милях в двадцати к югу от Перкинсберга, и действительно есть клетчатая скатерть на кухонном столе. Правда, у нас в городе электричество. Керосинкой я пользуюсь, только когда его отключают во время грозы.

— Рад за вас, — бросил Морт.

Шутер проигнорировал сарказм.

— Ферма мне досталась от отца, а на маленькое бабкино наследство я прикупил земли. У меня действительно стадо молочных коров, около двадцати голов, насчет этого вы правы, но вечерами я пишу рассказы. У вас небось один из новомодных компьютеров с экранами, а я обхожусь старой пишущей машинкой.

Шутер замолчал. Несколько мгновений тишину нарушал только резкий шорох листьев, потревоженных поднявшимся легким вечерним бризом.

— То, что ваш рассказ такой же, как мой, я выяснил без помощи друзей. Я, видите ли, подумывал продать ферму и рассудил: будут деньги — смогу писать днем, пока голова свежая, а не только на ночь глядя. Риелтор в Перкинсберге предложил мне встретиться в Джексоне с человеком, у которого в Мис'ипи много молочных ферм. Я не люблю ездить дальше десяти — пятнадцати миль: голова начинает болеть, особенно если ехать нужно по городу — дураков там расплодилось больше некуда, поэтому я выбрал автобус. И при входе вдруг вспомнил, что не взял ничего почитать. А я ненавижу долго ехать в автобусе без книги.

Морт спохватился, что невольно кивает, слушая. Он тоже терпеть не мог садиться в автобус, поезд, самолет или машину, не прихватив что-нибудь почитать, и посущественнее, чем газета.

— В Перкинсберге нет автовокзала — «грейхаунд» на пять минут останавливается у «Рексолла»*. Я уже стоял на ступеньке автобуса, когда спохватился, что

* Сетевая аптека.

еду с пустыми руками, вот и попросил водителя подождать. Он ответил — с меня жирно будет, он и так опаздывает и отъедет через три минуты по своим карманным. Успею — он будет рад, нет — могу поцеловать его в задницу при следующей встрече.

Он говорит как писатель, подумал Морт. *Черт меня побери, если это не так.* Он попытался отогнать эту мысль — вряд ли стоило сейчас об этом думать, но не мог справиться с собой.

— Я вбежал в аптеку — в перкинсбергском «Рексолле» есть старомодная проволочная стойка для газет, такая крутящаяся, как в маленьком универсаме неподалеку от вашего дома.

— В «Боуис»?

Шутер кивнул:

— Да. Я схватил первую книжку, попавшуюся под руку. С тем же успехом это могла быть Библия в мягкой обложке, там стояли такие, но не судьба. Это оказался сборник ваших коротких рассказов — всех, кроме этого.

Пора прекращать. Это же бойлер, который вот-вот взорвется. Надо сбросить пар прямо сейчас.

Но Морт с удивлением почувствовал, что ему не хочется. Возможно, Шутер *действительно* писатель, раз он соответствует двум основным требованиям — рассказывает историю, которую хочется дослушать до конца, хотя уже понимаешь, чем все это закончится, и переполнен дерьмом настолько, что чуть не лопаешься.

Вместо того чтобы сказать то, что полагалось, — даже если Шутер, по дикой натяжке воображения, говорил правду, он, Морт, обогнал его с этим несчастным рассказом на два года и потому сказал:

— Значит, вы прочли «Время сева» в июне прошлого года в междугороднем автобусе по дороге в Джексон, куда направлялись продавать свою молочную ферму?

— Нет. Если точно, я прочел его на обратном пути. Ферму я продал и поехал на «грейхаунде» с чеком на шестьдесят тысяч долларов в кармане. Первую половину ваших двенадцати рассказов я прочитал до Джексона. Истинными шедеврами я их не назову, но один раз прочитать можно.

— Спасибо.

Шутер изучающе посмотрел на Рейни:

— Я не старался сделать вам комплимент.

— А то я не понял.

Шутер секунду подумал и пожал плечами:

— В общем, на обратном пути я прочитал еще два рассказа... а потом этот. Мой рассказ.

Он взглянул на облако, ставшее воздушной массой переливчатого золота, и снова на Морта. Его лицо по-прежнему было бесстрастным, но Морт вдруг понял, что сильно ошибался, считая, что в Шутере есть хоть капля спокойствия или безмятежности. Просто Шутер натянул на себя железную смирительную рубашку, чтобы не разорвать Мортона Рейни голыми руками. Лицо оставалось бесстрастным, но глаза горели глубочайшей, дичайшей яростью, какую Морту доводилось когда-либо видеть. Он понял, какую глупость совершил, отправившись по тропинке у озера навстречу, возможно, собственной гибели от рук этого типа. Перед ним стоял человек, обезумевший достаточно, чтобы совершить убийство.

— Я удивлен, что никто раньше не спрашивал у вас об этом рассказе, ведь он не похож на остальные. Нисколько. — Голос Шутера был ровным, но Морт уловил огромное напряжение человека, едва удерживающегося, чтобы не наброситься с кулаками, с палкой, вцепиться в горло; это был голос человека, который знает: чтобы перейти от слов к убийству, ему достаточно услышать собственный голос, закручивающийся восходящей спиралью до регистра воплей обманутого; голос человека, знающего, как фатально легко он может превратиться в одержимого линчевателя.

Морт словно оказался в темной комнате, пересеченной волосяно-тонкими растяжками, идущими к пакетам с бризантной взрывчаткой. Трудно было поверить, что всего несколько секунд назад он чувствовал себя хозяином положения. Его проблемы: Эми, творческий тупик — казались теперь второстепенными деталями не имеющего важности ландшафта. Они вообще перестали иметь значение. У него осталась только одна цель — добраться живым до дома, не говоря уж о том, чтобы увидеть сегодняшний закат.

Он открыл рот и снова закрыл, не отважившись ничего сказать. Не сейчас. Комната полна растяжек.

— Я был крайне удивлен, — с тяжелым нажимом повторил Шутер. Его голос казался чудовищной пародией на спокойствие.

Морт услышал свой голос:

— Моей жене он не понравился. Она сказала, этот рассказ не похож на все, что я писал раньше.

— Как вы его достали? — медленно, сдерживая бешенство, произнес Шутер. — Вот что я на самом деле хочу знать. Как, черт возьми, набитый деньгами паршивый писака вроде вас унизился до приезда в засранный миссисипский городишко и украл мой чертов рассказ? Еще я хочу знать — зачем. Разве что и остальные у вас краденые, но пока меня устроит и «как».

От чудовищной несправедливости происходящего ярость Морта вернулась неутоленной жаждой. На миг он забыл, что стоит на Лейк-драйв один на один с сумасшедшим из Миссисипи.

— Прекратите! — хрипло сказал он.

— *Прекратить?* — изумился Шутер, глядя на Морта. — *Прекратить?* Что вы, черт возьми, хотите сказать? Как прекратить?

— Вы сказали, что написали свой рассказ в 1982 году, — напомнил Морт. — Свой я, кажется, закончил в конце 1979-го, точной даты не помню, но знаю, что впервые он был опубликован в июне 1980-го.

В журнале. Я опередил вас на два года, мистер Шутер, или как бишь вас там. Если кому-то и надо жаловаться насчет плагиата, так это мне.

Морт не уловил движения. Только что они стояли у машины, глядя друг на друга, а в следующую секунду Морт оказался прижатым к дверце водителя, пальцы Шутера впились ему выше локтей, а лицо ненормального приблизилось вплотную, почти коснувшись его лба. Между этими мгновениями мелькнуло только смутное ощущение железной хватки и резкого поворота.

— Ты лжешь, — сказал Шутер. Его дыхание слабо отдавало корицей.

— Хрена с два я *лгу*. — Морт рванулся вперед на навалившегося всем весом Шутера.

Шутер был силен, наверняка сильнее Рейни, но Рейни был моложе, тяжелее и имел возможность оттолкнуться от старого синего универсала. Ему удалось вырваться — Шутер по инерции отступил на несколько шагов.

Сейчас он на меня бросится, подумал Морт. Он не дрался с четвертого класса, после потасовки типа потягушки-пихалочки, и сейчас изумился, насколько ясно стало в голове. *Мы будем лупить друг друга из-за идиотского дрянного рассказа. Ну и ладно: сегодня у меня все равно нет других дел.*

Однако ничего такого не произошло. Шутер посмотрел на свои руки, увидел, что они сжаты в кулаки... и с усилием разжал пальцы. Морт понял, каких сил стоило Шутеру снова облачиться в невидимую смирительную рубашку, и невольно восхитился. Шутер поднес ладонь ко рту и вытер губы, очень медленно и очень нарочито.

— Докажите, — сказал он.

— Пожалуйста. Пойдемте ко мне, я покажу вам ссылку на источник в сборнике...

— Нет, — сказал Шутер. — Меня не интересует сборник. На сборник мне плевать. Покажите мне рас-

сказ. Покажите журнал с рассказом, чтобы я сам мог прочитать.

— Здесь у меня нет этого журнала.

Он хотел что-то добавить, но Шутер поднял лицо к небу и хрипло, лающе, коротко рассмеялся. Сухой звук напоминал ломающуюся щепу, которую топором отделяют от полена на растопку.

— Ну еще бы, — сказал он. Ярость по-прежнему горела и плясала в глазах Шутера, но он, казалось, снова овладел собой. — Готов спорить, у вас его нет.

— Слушайте, — не выдержал Морт, — обычно мы с женой приезжаем сюда на лето. У меня здесь авторские экземпляры моих книг, в том числе переведенных и изданных за рубежом. Но я же печатался и во многих журналах — статьи, эссе, рассказы. Эти журналы хранятся у меня дома, в Дерри.

— Тогда почему вы не в Дерри? — спросил Шутер. В его глазах читалось недоверие и болезненное удовлетворение: он ожидал, что Морт будет изворачиваться, и, по его мнению, сейчас это и происходило.

— Я не в Дерри, потому что... — Морт замолчал. — А как *вы* узнали, что я здесь?

— По обложке купленной книги, — сказал Шутер, и Морт готов был треснуть себя по лбу от досады и внезапного озарения. Конечно, там его фотография — и на суперобложке дорогого, и на мягкой обложке дешевого издания «Все стучат». Эми сама его фотографировала, и снимок получился прекрасный. На первом плане стоял Морт, за ним виднелся дом, а на заднем плане расстилалось озеро Тэшмор. В пояснении говорилось: «Мортон Рейни в своем доме в западной части Мэна». Стало быть, когда Шутер приехал на запад Мэна, ему не пришлось долго ходить по барам и/или аптечным магазинам сельских городишек, прежде чем он услышал: «Морт Рейни? Черт, конечно, знаю! У него дом у самого Тэшмора. Он мой близкий друг!»

Ну хоть одна загадка разрешилась.

— Я здесь, потому что мы с женой развелись, — сказал он. — Только что вышло окончательное постановление. Она осталась в Дерри. Если бы не это, здешний дом сейчас стоял бы пустым.

— У-гу, — кивнул Шутер. Его тон вновь взбесил Морта. *Ты лжешь,* говорила эта интонация, *хотя в данном случае это маловажно. Я знал, что ты будешь лгать. В конце концов, у тебя профессия такая — лгать.* — Я все равно нашел бы вас, здесь или еще где-нибудь. — Он не сводил с Морта решительного взгляда. — Я отыскал бы вас даже в Бразилии.

— Верю, — сказал Морт. — Тем не менее вы ошиблись. Или намеренно обманываете меня. Я сделаю вам одолжение и поверю, что это лишь ошибка, поскольку вы кажетесь искренним... — *О Боже, разве это так?* — Но я опубликовал рассказ за два года до того, как, по вашим словам, вы его написали.

Он снова увидел вспышку безумия в глазах Шутера, которая тут же пропала, причем не сама потухла, а словно была схвачена за загривок, — так человек придерживает за ошейник злобного пса.

— Вы сказали, этот журнал у вас в другом доме?

— Да.

— И в журнале есть ваш рассказ?

— Да.

— И номер журнала от июня 1980 года?

— Да.

Сначала Морт ощутил нетерпение — каждому вопросу предшествовала долгая, полная раздумий пауза, — однако тут же в нем зародилась надежда: может, этот человек пытается вбить в себя услышанную правду... Но правду, тут же подумал Морт, Джон Шутер должен знать с самого начала — схожесть, почти идентичность двух рассказов *не была* совпадением. Он по-прежнему в это верил, но ему пришло в голову, что у Шутера могли и не сохраниться воспоминания о совершенном акте плагиата. Он ведь сумасшедший.

Сейчас Морт был испуган меньше, чем при виде ненависти и ярости, плясавших в глазах Шутера отражением охваченного пламенем амбара, который уже не потушить. Когда он оттолкнул Шутера и тот попятился, Морт подумал, что, дойди дело до драки, он, пожалуй, смог бы за себя постоять... а то и уложить Шутера на обе лопатки.

И все же лучше до этого не доводить. Странно, но он ощущал некую вину перед Шутером.

Тем временем гость из Миссисипи флегматично шел своим курсом:

— Второй дом, который остался вашей жене, тоже в Мэне?

— Да.

— Она сейчас там?

— Да.

На этот раз пауза была гораздо длиннее. Шутер напоминал Морту компьютер, обрабатывавший большой объем информации. Наконец он сказал:

— Я даю вам три дня.

— Как великодушно с вашей стороны, — съязвил Морт.

Верхняя губа Шутера приподнялась, обнажив зубы, слишком ровные, чтобы быть чем-то иным, кроме заказанных по почте вставных челюстей.

— Не стоит меня недооценивать, сынок, — сказал он. — Я сдерживаюсь изо всех сил, и пока мне это удается, но...

— *Вы!* — закричал на него Морт. — А как же *я*? Это неслыханно! Появляетесь из ниоткуда и бросаете самое серьезное обвинение, которое можно бросить писателю, а когда я вам говорю, что у меня есть доказательства: вы либо ошибаетесь, либо лжете, — вы начинаете хвалить себя за то, что хорошо сдерживаетесь! *Это неслыханно!*

Веки Шутера опустились, что придало лицу лукавое выражение.

— Доказательства? — сказал он. — Я не вижу доказательств. Я слышу слова, но *разговоры* — это не *доказательство*.

— Я же вам *сказал*! — закричал Морт, чувствуя себя беспомощным, как человек, пытающийся уложить в коробок паутину. — Я же все *объяснил*!

Шутер долго смотрел на Морта, потом повернулся и сунул руку в открытое окно своей машины.

— Что вы делаете? — напряженно спросил Морт. Вот теперь он ощутил, как адреналин вбрасывается в кровь, готовя его к драке или к бегству... скорее к бегству, если Шутер полез за пистолетом.

— Сигареты достаю, — пояснил Шутер. — Штаны не обмочи. — Его рука появилась из окошка с красной пачкой «Пэлл-Мэлл». Шутер взял ее с приборной доски. — Хотите покурить?

— Свои имеются, — угрюмо сказал Морт и вынул старую пачку «Эл энд Эм» из кармана под красной фланелевой рубашкой.

Они закурили — каждый из своей пачки.

— Если продолжать в таком духе, мы скоро подеремся, — сказал наконец Шутер. — А я этого не хочу.

— Иисусе, я хочу, что ли?!

— Отчасти хотите, — возразил Шутер. Он продолжал изучать Морта из-под полуопущенных век с проницательностью сельского жителя. — В глубине души вы хотите *именно* этого. Но драку вы стремитесь затеять не только из-за меня или моего рассказа. У вас другая пчела под одеялом, от которой вы на взводе, и от *этого все* только сложнее. Вас тянет подраться, но вы не понимаете, что если мы начнем драку, она не закончится, пока один из нас не упадет мертвым.

Морт вглядывался в Шутера, думая, что тот преувеличивает для пущего эффекта, но ничего не увидел. По его спине вдруг пробежал холодок.

— Но я дам вам три дня. Позвоните своей бывшей и попросите прислать журнал с рассказом, если он су-

ществует. А я вернусь. Конечно, никакого журнала нет, мы оба это знаем, но вы кажетесь мне человеком, которому надо долго и серьезно подумать. — Он посмотрел на Морта с непонятным выражением суровой жалости. — Вы считали, что вас никогда не выведут на чистую воду? — спросил он. — Да, вы и правда так считали.

— Если я покажу вам журнал, вы уедете? — спросил Морт. Он словно задал этот вопрос себе, а не Шутеру. — Вот что мне действительно хочется знать — стоит дело того или нет.

Шутер резко открыл дверцу машины и сел за руль. Скорость, с которой иногда двигался этот человек, пугала Морта.

— Три дня. Проживите их, как хочется, мистер Рейни.

Он завел мотор, который заработал с утробным скрипом, говорящим, что нужно привести в порядок клапаны, и резкий запах бензиновой гари из старой выхлопной трубы осквернил воздух угасающего дня.

— Правда есть правда, а справедливость есть справедливость. Первым делом мне надо было накрыть вас там, где, как видите, я вас накрыл. Из этой передряги вы легко не выберетесь, как выпутывались, наверное, из других переделок, в которые попадали уже не раз. Вот что было у меня первым делом. — Он бесстрастно смотрел на Морта из окна водителя. — Второе дело, — продолжил он, — это настоящая причина, отчего я приехал.

— И что же это? — услышал Морт свой голос. Против всякой логики, вызывая ярость, странное ощущение вины безжалостно охватывало его снова, будто он действительно сделал то, в чем его обвинял этот деревенский сумасшедший.

— Об этом мы еще поговорим, — пообещал Шутер и включил передачу. Старый универсал тронулся с места. — А вы пока подумайте, что правильно и что справедливо.

— Вы просто псих! — крикнул Морт, но Шутер уже ехал по Лейк-драйв туда, где дорога выводила на шоссе номер 23.

Морт проследил, как универсал исчез вдали, и медленно пошел в дом. В голове становилось все более пусто, когда он подходил ближе. Ярость и страх ушли. Морт озяб, устал и тосковал по семейной жизни, которая осталась позади и которой, как теперь ему начинало казаться, у него никогда не было.

11

Телефон зазвонил, когда Морт добрался до середины подъездной дорожки, поднимавшейся по крутому склону холма от Лейк-драйв до его дома. Морт перешел на бег, зная, что все равно не успеет, и проклиная себя за невольный дурацкий порыв. Тоже мне, собачка Павлова.

Распахнув сетчатый экран, он возился с ручкой второй двери, когда телефон замолчал. Войдя, Морт посмотрел на телефон на старинном столике, купленном Эми на блошином рынке в Меканик-Фоллс*. В тот момент он легко мог представить, что телефон смотрит на него с напускным механическим нетерпением: *Ко мне никаких вопросов, босс, — не я делаю новости, я их только сообщаю.* Морт подумал — нужно купить приставку, принимающую сообщения... а может, и нет. Телефон никогда не был его любимой домашней техникой. Кому нужно, тот перезвонит.

Он сделал себе сандвич, налил тарелку супа и тут же понял, что не хочет есть. Морт чувствовал себя одиноким, несчастным и слегка заразившимся безумием Джона Шутера. Он почти не удивился, что сочетание этих ощущений вызывает еще и сонливость, и стал алчно поглядывать на диван.

---

* Город в штате Мэн.

Ладно, прошептал внутренний голос. *Но помни — убежать можно, спрятаться нельзя. Все дерьмо по-прежнему будет здесь, когда ты проснешься.*

Истинная правда, подумал Морт, но хоть ненадолго это все исчезнет, уйдет, оставит его в покое. О сиюминутных решениях можно сказать одно: они лучше, чем ничего. Морт решил позвонить домой (мозг упорно думал о Дерри как о *доме*, и он подозревал, что так будет еще долго), попросить Эми найти «Детективный журнал Эллери Куина» со «Временем сева» и выслать ему в Тэшмор экспресс-почтой. Затем он приляжет на пару часов, в семь встанет отдохнувшим, засядет в кабинете и напишет еще немного чуши.

С таким отношением все, что ты напишешь, будет чушью, упрекнул его внутренний голос.

— Пошел ты на... — сказал этому голосу Морт. Одно из преимуществ одинокой жизни, как он успел убедиться, в том, что можно говорить вслух с самим собой, и никто не спросит, не сбрендил ли ты.

Подняв трубку, он набрал телефон Дерри, услышал обычные щелчки междугороднего соединения и затем самый раздражающий из всех телефонных звуков: та-та-та-та — короткие гудки. Занято. Эми с кем-то разговаривает. На телефоне она может висеть часами, а то и днями.

— Отлично, блин! — крикнул Морт и ударил трубкой по рычагам с такой силой, что слабо звякнул звонок.

Теперь что?

Он подумал позвонить Изабелл Фортин, жившей напротив, но быстро отбросил эту мысль. Изабелл чересчур живо интересовалась их с Эми разводом, только что домашнее видео не снимала. К тому же шел шестой час — до завтрашнего утра журнал не начнет движения по почтовому каналу между Дерри и Тэшмором, даже если его отправят сегодня. Он позвонит Эми позже, вечером, и если домашний телефон снова

окажется занят (не исключено, что Эми еще будет говорить с тем же собеседником), вот тогда он обратится с просьбой к Изабелл. Диван в гостиной неодолимо влек Морта к себе, как песни сирен.

Он вытащил вилку телефона из розетки — кто бы ни звонил, когда он подходил к дому, подождет еще немного (всегда пожалуйста) — и пошел в гостиную.

Морт привычно разложил подушки — одну под голову и одну под шею — и стал смотреть на озеро, где тонуло солнце в конце слепящей золотой дорожки. *Еще никогда в жизни мне не было так чудовищно плохо и одиноко*, подумал он с некоторым удивлением. Затем веки медленно опустились, прикрыв покрасневшие глаза, и Морт Рейни, которому еще только предстояло столкнуться с настоящим ужасом, заснул.

12

Ему приснилось, что он в классе.

Это был знакомый класс, хотя Морт не мог объяснить почему. Он был в классе с Джоном Шутером. На сгибе локтя Шутер держал хозяйственную сумку. Из сумки он вынул апельсин и задумчиво подбрасывал и ловил его одной рукой. Он смотрел в направлении Морта, но не на него: его взгляд словно притягивало нечто, находившееся за плечом Морта. Рейни повернулся и увидел шлакобетонную стену, школьную доску и дверь с матовым стеклом. Через секунду он разобрал надпись на обратной стороне матового стекла.

«Добро пожаловать в школу ударов судьбы», — значилось там. Надпись на доске прочесть было проще: «"Время сева", рассказ Мортона Рейни».

Что-то просвистело над плечом Морта, едва не попав в его голову. Апельсин. Морт отшатнулся, съежившись, и апельсин, ударившись о доску, лопнул с отвратительным хлюпающим звуком и залил написанное кровью.

Морт повернулся к Шутеру. *Прекратите!* — крикнул он дрожащим бранчливым голосом.

Шутер снова полез в сумку. *В чем дело?* — спросил он спокойно и твердо. *Разве ты не умеешь сразу распознавать кровавые апельсины? Что же ты за писатель тогда?*

Он бросил новый апельсин и забрызгал темно-красным имя Морта. Медленные красные струйки поползли по стене.

Хватит! — закричал Морт, но рука Шутера снова медленно и неотвратимо опустилась в сумку. Длинные мозолистые пальцы впились в кожуру очередного апельсина — кровь выступила через поры крохотными каплями.

Не надо больше! Не надо! Пожалуйста! Не надо! Я признáюсь! Я признáю все, что угодно, только прекратите! Все, что угодно, только перестаньте! Только...

13

...прекратите, только прекратите...

Морт куда-то летел. В последнюю секунду он схватился за край дивана, предотвратив короткое и наверняка болезненное падение на пол. Поспешно перекатившись к спинке, он несколько секунд лежал, вцепившись в подушки, дрожа и пытаясь удержать обрывки сна.

Что-то о классе, кровавых апельсинах и школе ударов судьбы. Образы стремительно стирались; остальное вообще ушло. Все это было реальным. Слишком реальным.

Открыв наконец глаза, Морт, к счастью, мало что увидел: закат давно отгорел. Мышцы ужасно затекли, особенно у основания шеи: должно быть, он проспал часа четыре или пять. Он осторожно подошел к выключателю, удачно разминувшись с восьмиугольным

 стеклянным кофейным столиком (появилась мысль, что чертов столик обладает каким-то разумом и с наступлением темноты передвигается, чтобы было удобнее кромсать хозяину голени), затем направился в холл звонить Эми. На ходу Морт посмотрел на часы. Четверть одиннадцатого. Выходит, он проспал больше пяти часов... и не в первый раз. Но все равно ему не придется целую ночь ворочаться с боку на бок. Судя по опыту последних дней, он провалится в сон, едва голова коснется подушки.

Морт снял трубку, удивился мертвой тишине и тут же вспомнил, что вырвал проклятому аппарату ядовитый зуб. Он пропустил провод между пальцами, нашел штекер, повернулся, чтобы вставить его в гнездо, и... замер. Отсюда через маленькое окно слева от двери черного хода было видно крыльцо, где таинственный и неприятный мистер Шутер вчера оставил под камнем свою рукопись. Морт увидел, что на мусорном ящике что-то лежит. Что-то белое и что-то темное. Темное выглядело отвратительно: на долю секунды Морта окатило испугом, что там копошится огромный паук.

Уронив телефонный провод, он поспешно включил свет на крыльце. После этого какое-то время — Морт не знал, долго или нет, и не хотел знать, — он не мог сдвинуться с места.

Чем-то белым оказался листок бумаги — простой листок для пишущей машинки, восемь с половиной на одиннадцать дюймов. Хотя мусорный ящик был в добрых пятнадцати футах от места, где стоял Морт, слова на листке были выведены размашисто и читались легко. Шутер писал либо карандашом с очень мягким грифелем, либо куском угля для рисования: «ПОМНИТЕ, У ВАС ТРИ ДНЯ. Я НЕ ШУЧУ».

А чем-то черным оказался Бамп. Шутер сломал коту шею, прежде чем прибить его к крышке мусорного ящика отверткой, взятой в пристройке дома Морта Рейни.

14

Морт не помнил, как очнулся от оцепенения, сковавшего тело. Только что он стоял, застыв, в холле у телефона, уставившись на старого доброго Бампа, у которого, казалось, выросла рукоятка отвертки в центре груди, где у него было белое пятнышко («манишка», как любила говорить Эми). И уже в следующее мгновение Морт оказался на веранде в стылом ночном воздухе, обжигавшем через тонкую рубашку, и старался смотреть сразу в шести направлениях.

Морт попытался успокоиться. Шутер, конечно, ушел, потому и оставил записку. Он не производил впечатления извращенца, получающего удовольствие от подглядывания. Он помешанный, без сомнений, но помешанный на другом. Бампа он просто использовал, использовал для запугивания Морта, так фермер прибегает к помощи лома, наткнувшись на заупрямившийся камень на своих сорока акрах. Ничего личного, просто очередное безотлагательное дело.

Морт вспомнил, какие глаза были у Шутера днем, и его затрясло. Нет, дело как раз было личным. В высшей степени личным.

— Он уверен, что я все-таки сделал это, — прошептал Морт, глядя в холодную мэнскую ночь. Слова вырывались у него отрывистыми кусками, словно откушенными стучащими зубами.

Он подошел к мусорному ящику — желудок описал кульбит, как собака, обученная трюкам. На лбу проступил холодный пот. Морт не был уверен, что сможет сделать то, что требовалось. Голова Бампа свисала влево, что придавало ему гротескно-вопросительный вид. Зубы, мелкие, чистые и острые, как иголочки, были оскалены. Вокруг жала отвертки на

(манишка)

белом пятне была кровь, но совсем мало. Бамп был ласковый. Если бы Шутер к нему подошел, Бамп не стал бы убегать. Так, видимо, Шутер и сделал, по-

думал Морт, стирая со лба липкий пот. Шутер поднял кота, пальцами сжал его шею, как палочку от эскимо, и пригвоздил к наклонной крышке тумбы для мусора, пока Морт Рейни спал если не сном праведника, то, во всяком случае, абсолютно безмятежно.

Скомкав листок бумаги, Морт сунул его в задний карман и положил руку на грудку Бампу. Тельце, еще не окоченевшее и даже не совсем остывшее, подавалось под рукой. Желудок Морта снова перевернулся, но он, сжав пальцы вокруг желтой пластиковой рукоятки, выдернул отвертку.

Затем Морт бросил ее на веранду и взял бедного старину Бампа, вялого, как узел с тряпками. Желудок Морта уже парил в свободном падении — переворачивался, переворачивался и переворачивался. Морт приподнял одну из двух крышек мусорного ящика и закрепил крючком, чтобы тяжелая крышка не обрушилась на руки или голову тому, кто вытряхивает ведро. Внутри в ряд стояли три бака. Морт приподнял крышку среднего и осторожно опустил туда кота. Тельце раскинулось на оливково-зеленом мусорном пакете, как меховой палантин.

Неожиданно Морта охватило настоящее бешенство. Появись сейчас Шутер на подъездной дорожке, он бросился бы на него, не раздумывая ни секунды, — сбил бы с ног и задушил, если бы хватило сил.

Легко и очень заманчиво.

Может, и так. А в сущности — какая теперь разница? Шутер не просто убил единственного компаньона Морта в пустом доме у озера; он совершил это, пока Морт спал, и теперь трупик старины Бампа вызывал отвращение до рвотных позывов.

Сильнее всего на Морта подействовало, что ему пришлось положить своего славного кота в мусорный бак, как какой-то бесполезный хлам.

Я похороню его завтра. На пятачке рыхлой земли слева от дома, с видом на озеро.

Да, но сегодня Бамп, которым пренебрегли, будет лежать на зеленом пакете в мусорном ящике, а все потому, что рядом бродит сбрендивший сукин сын, затаивший злобу из-за рассказа, о котором Морт Рейни не вспоминал уже лет пять. Этот человек не в себе, и Морт боялся сейчас закапывать Бампа, поскольку, несмотря на записку, Шутер вполне мог затаиться в темноте.

Я хочу его убить. Если этот псих будет и дальше меня провоцировать, я, возможно, попытаюсь это сделать.

Морт вернулся в дом, захлопнул дверь и запер ее. Затем не спеша пошел по дому, запирая все двери и окна. Покончив с этим, он вернулся к окошку у двери черного хода и задумчиво посмотрел в темноту. Он видел отвертку, лежавшую на половицах, и темную круглую дырку от отвертки в правой крышке мусорного ящика.

Он вдруг вспомнил, что хотел позвонить Эми.

Вставив штекер в розетку, Морт набрал номер, проворно нажимая знакомые кнопки — сумма цифр напомнила о доме — и соображая, говорить Эми о Бампе или нет.

После привычных щелчков в трубке возникла неестественно долгая пауза. Морт уже готов был повесить трубку, когда за последним щелчком — неожиданно громким, почти как стук, — раздался механический голос, оповестивший, что набранный номер не обслуживается.

— Прекрасно, — пробормотал Морт. — Что ты еще натворила, Эми? Болтала, пока провода не перегорели?

Он нажал на рычаг, решив все-таки позвонить Изабелл Фортин. Он пытался вспомнить ее номер, когда телефон зазвонил у него в руке.

До этого Морт не сознавал, насколько он взвинчен. Коротко-пронзительно вскрикнув, он дернулся, выронив трубку на пол, и едва не упал, споткнувшись

о проклятую скамейку, которую Эми купила в пару к телефонному столику (и которой никто не пользовался, включая саму Эми).

Он судорожно замахал рукой, схватился за книжный шкаф и удержался на ногах. Схватив трубку, он крикнул:

— Алло! Шутер, это вы?

В эту минуту, когда мир медленно, но верно переворачивался вверх дном, Морт не представлял, кто еще это может быть.

— Морт! — Эми почти кричала в трубку. Он очень хорошо изучил этот тон за последние два года брака: так Эми выражала отчаяние или ярость; сейчас скорее последнее. — Морт, это ты? Это ты наконец, Бога ради? Морт? Мо...

— Да, это я, — сказал он, вдруг ощутив усталость.

— Где ты был, черт возьми? Я уже *три часа* пытаюсь тебе дозвониться!

— Спал, — ответил он.

— Ты отключил телефон, — заговорила она устало, но обвиняюще, словно вела разговор на старую, надоевшую тему. — Ну, скажу я тебе, лучшего времени ты выбрать не мог, молодец.

— Я звонил около пяти...

— Я была у Теда.

— Ну а *кто-то* был в доме, — сказал он. — Может...

— Что значит — кто-то был в доме? — резко и быстро спросила она. — *Кто* там был?

— Откуда мне знать, черт побери, Эми? В Дерри ведь ты живешь, не забыла? Тебе Дерри, мне Тэшмор. Когда я звонил, телефон был занят. Если ты была у Теда, тогда, видимо, Изабелл...

— Я и сейчас у Теда, — сказала Эми, и теперь ее голос звучал странно плоско. — Мне придется пока пожить у него, нравится это тебе или нет. Кто-то сжег наш дом, Морт. Кто-то сжег его дотла. — И неожиданно Эми разрыдалась.

15

Морт настолько зациклился на Джоне Шутере, что первой мыслью, пока он, онемев, с прижатой к уху трубкой стоял в холле единственного оставшегося у них, бывшей четы Рейни, дома, стала такая: поджог — дело рук Шутера. Мотив? Ну как же, детектив, Шутер сжег отреставрированный викторианский особняк стоимостью восемьсот тысяч долларов, чтобы уничтожить журнал. А именно, июньский номер «Детективного журнала Эллери Куина» за 1980 год.

Но *мог* ли это в самом деле быть Шутер? Вряд ли. От Дерри до Тэшмора больше ста миль, а трупик Бампа был еще теплым и не окоченел, и кровь вокруг отвертки была вязкой, но не засохшей.

Но если он проявил прыть...

А-а, брось, хватит! Скоро ты будешь винить Шутера в своем разводе и считать, что спишь по шестнадцать часов, потому что Шутер подсыпает в твою еду люминал. А потом начнешь рассылать письма в газеты, заявляя, что кокаиновый король Америки — некий Джон Шутер из Вороньей Задницы, штат Миссисипи, что он убил Джимми Хоффу и к тому же является знаменитым вторым стрелком, выпустившим в Кеннеди роковую пулю с травяного холмика в ноябре шестьдесят третьего. Да, Шутер явно не в себе... но неужели ты веришь, что он махнул на сотню миль к северу и спалил твой растреклятый дом, лишь бы уничтожить журнал? При том, что июньские выпуски за тот год можно найти по всей Америке? Будь серьезнее!*

И все же... Если он проявил прыть...

Нет, это нелепо. Но, как вдруг понял Морт, он не сможет предъявить этому человеку никакого чертова доказательства. Разве что...

---

* Джимми Хоффа — американский профсоюзный активист, исчезнувший при загадочных обстоятельствах.

Его рабочий кабинет находился в задней части дома, на перестроенном чердаке бывшего каретного сарая.

— Эми... — начал Морт.

— Как это *ужасно*! — всхлипывала она. — Я была у Теда, когда позвонила Изабелл... сказала, у нас там минимум пятнадцать пожарных машин... раскатывают пожарные шланги... собралась толпа... любопытные... зеваки... ты же знаешь, как я ненавижу, когда люди останавливаются и глазеют на наш дом, даже когда нет никакого пожара...

Морту пришлось безжалостно прикусить щеку, чтобы подавить невольный смех. Засмеяться сейчас означало проявить нечеловеческую черствость, потому что он *знал*. Успех в выбранной профессии, увенчавший несколько лет нелегких усилий, стал для Морта долгожданным событием и источником морального удовлетворения; порой ему казалось, что он пробился сквозь полные опасностей джунгли, где гибли большинство искателей приключений, и получил сказочный приз. Эми за него радовалась — по крайней мере вначале, но для нее успех мужа обернулся горьким финалом: ее перестали воспринимать как личность, как индивидуальность и вообще как *самостоятельного* человека.

— Да, — произнес он, стараясь говорить нежно, но все еще кусая щеку, чтобы предотвратить взрыв смеха. Рассмешил его неудачный выбор слов экс-супруги. Эми не представляла, как нелепо звучат ее фразы, поэтому за годы совместной жизни нередко обижалась на смех мужа. — Знаю, милая. Расскажи мне, что случилось?

— Кто-то сжег наш дом! — в слезах закричала Эми. — Вот что случилось!

— Все сгорело, полностью?

— Да. Начальник пожарных сказал... — Морт слышал, как она судорожно сглатывает, стараясь спра-

виться с рыданиями, но слезы оказались сильнее, — что все сгорело дотла!

— Даже мой кабинет?

— Оттуда пламя и пошло, — всхлипнула Эми. — Так считает начальник пожарной команды. Они все так считают. И это совпадает с тем, что видела Пэтти.

— Пэтти Чэмпиен?

Чэмпиены жили справа от Рейни; два владения разделяла живая изгородь из тисовых деревьев, медленно дичавших с годами.

— Да. Секунду, Морт. — Он услышал, как Эми громко высморкалась и, вернувшись к трубке, заговорила чуть спокойнее: — Пэтти прогуливала собаку сразу после наступления темноты, так она сказала пожарным. Проходя мимо нашего дома, Пэтти заметила машину у портика и тут же услышала в доме грохот и увидела огонь в большом окне твоего кабинета.

— А она заметила, какая это была машина? — спросил Морт, ощущая, как заныло под ложечкой. Осознав масштаб катастрофы, он почти забыл о Джоне Шутере, тот сразу померк, все его претензии перестали казаться важными. Морт с Эми потеряли не только чертов июньский журнал 1980 года; сгорели почти все его рукописи — и изданные, и незаконченные, и большинство первых изданий, и иностранные издания, и авторские экземпляры...

Но и это далеко не все — они потеряли всю библиотеку, четыре тысячи томов. Сгорела одежда Эми, если она не преувеличивала ущерб от огня. Старинная мебель, которую она собирала — иногда с помощью Морта, но в основном сама, — превратилась в головешки. Драгоценности и личные бумаги — страховые полисы и тому подобное — наверное, уцелели (потайной сейф в шкафу на втором этаже был несгораемым), но турецкие ковры точно превратились в пепел, тысячи видеозаписей — в расплавленные куски пластика. Аудио- и видеотехника... его одежда... фотографии, тысячи снимков...

Иисусе, и первое, о чем он подумал, — чертов журнал!

— Нет, — сказала Эми, отвечая на вопрос, о котором Морт успел почти забыть, с трудом представляя гигантские размеры понесенного ущерба. — Марку машины Пэтти назвать не смогла. Ей вроде бы показалось, что кто-то бросил коктейль Молотова или что-то в этом роде, поскольку полыхнуло во все окно сразу после звона разбитого стекла. Она сказала, что пошла к нашему дому, но тут открылась кухонная дверь, и выбежал человек. Бруно залаял, Пэтти испугалась и увела собаку, хотя, по ее словам, пес так и рвался с поводка. Человек сел в машину, завел мотор и включил фары, Пэтти сказала, он ее прямо ослепил. Она прикрыла глаза ладонью, а машина рванула с места, выехала из-под портика... Пэтти вжалась в наш забор и придержала Бруно, иначе этот человек просто сбил бы его. Свернув с дорожки, автомобиль умчался по улице.

— И Пэтти не разглядела марку машины?

— Нет. Сначала было темно, а когда окно твоего кабинета осветилось пламенем, ее ослепили фары. Она побежала к себе домой и вызвала пожарных. Изабелл сказала, они приехали быстро, но ты же знаешь, какой старый у нас дом... был... и... и как быстро горит сухое дерево... особенно если облить его бензином...

Да, это Морт знал прекрасно. Старый, сухой дом был настоящей мечтой поджигателя. Но кто? Если не Шутер, то *кто*? Ужасная новость, довершившая события этого дня, как чудовищный десерт отвратительного обеда, почти лишила Морта способности думать. Эми продолжила:

— Он сказал, наверное, это был бензин... Начальник пожарных... он появился на месте первым, затем приехала полиция, задавали много вопросов, в основном о тебе... о твоих возможных врагах... *врагах*, надо же... Я сказала — вряд ли у тебя есть враги... Я старалась ответить на все вопросы...

— Уверен, ты прекрасно справилась, — мягко произнес Морт.

Эми, задыхаясь, продолжала, будто не слыша его, пропуская слова, как телеграфист, принимающий ужасные новости, одновременно проговаривает их вслух.

— Я даже не знала, как сказать, что мы *в разводе*... они, разумеется, не знали... Потом Тед им все-таки сказал... Морт... Библия моей матери... в спальне, на тумбочке... в ней были мои семейные фотографии... у меня... у меня от мамы... больше ничего не осталось... — В трубке послышались горестные рыдания.

— Я приеду утром, — пообещал Морт. — Если выеду в семь, буду к полдесятому, даже к девяти, сейчас уже нет летнего трафика. Где ты будешь ночевать? У Теда?

— Да. — Она шмыгнула носом. — Я знаю, тебе он не нравится, Морт, но я не представляю, что бы сегодня без него делала... как бы я справилась... ну ты понимаешь... со всеми теми вопросами...

— Тогда я рад, что он у тебя есть, — решительно сказал Морт. Спокойствие и *цивилизованность*, звучавшие в голосе, поразили его самого. — Будь осторожна. Таблетки у тебя есть? — По рекомендации врача последние шесть лет брака Эми принимала транквилизаторы, но с собой их брала только в самолет... и, вспомнил Морт, когда ему пришлось выполнять какие-то общественные функции, потребовавшие присутствия Означенной Супруги.

— Они были в аптечке, — отрешенно произнесла Эми, — но это не важно. Стресса у меня нет. Я просто подавлена.

Морт едва не сказал ей, что это одно и то же, но решил промолчать.

— Я скоро приеду, — пообещал он. — Если ты считаешь, что я чем-то сумею помочь, приехав сегодня...

— Нет, — сказала она. — А где мы встретимся? У Теда?

Морт вдруг бросил взгляд на свои пальцы, стиснувшие общий ключ для всех дверей — такими пользуются горничные в гостиницах. Увидел, как ключ поворачивается в дверном замке номера мотеля. Увидел, как распахивается дверь. Увидел удивленные лица над простыней: удивленное лицо Эми слева и Теда Милнера справа. Всегда аккуратно прилизанные волосы риелтора сбились — Морту он показался похожим на Альфальфу из старого короткометражного фильма «Шалопаи». С вихрами после сна Тед впервые стал для Морта реальным. Рейни видел их смятение и голые плечи. Неожиданно почти без всякой связи ему вспомнилось: *Женщина, которая крадет у тебя любовь, хотя любовь — это все, что у тебя есть...*

— Нет, — сказал он. — Не у Теда. Давай в кофейне на Уичем-стрит.

— Ты хочешь, чтобы я пришла одна? — Эми говорила без злости, но в ее голосе слышалась *готовность* разозлиться. «Как же хорошо я ее знаю, — подумал Морт. — Каждое движение, каждый подъем и понижение голоса, все обороты и фразы. И как же хорошо должна она знать меня...»

— Нет, — сказал он. — Приводи Теда, все нормально.

Не нормально, но он переживет.

— Тогда в полдесятого, — сказала Эми, и Морт почувствовал, что она уступает. — В «Марчмане».

— Это название?

— Да, ресторан «Марчман».

— Ладно, в полдесятого или чуть раньше. Если я доберусь первым, оставлю метку мелом на двери...

— ...а если я приеду первой, то сотру твою метку, — договорила она старую шутку, и они оба коротко рассмеялись. Морт почувствовал, что даже смех причиняет ему боль. Что так, то так — они с Эми знают друг друга как облупленных. Разве не к этому приводят годы, прожитые в браке? И не поэтому ли так адски больно от сделанного открытия, что эти годы не толь-

ко могут остаться позади, но что они уже остались в прошлом?

Он вдруг подумал о записке, подсунутой под откидную крышку мусорного яшика: «Помните, у вас три дня. Я не шучу». Морту захотелось сказать — *у меня тут свои мелкие проблемы, Эми,* но он сразу понял, что это не сделает ее горе более тяжелым. Его проблемы останутся ему.

— Случись это позже, ты по крайней мере успел бы спасти свои вещи, — говорила Эми. — Мне не хочется думать о рукописях, которые ты потерял, Морт. Если бы два года назад ты установил несгораемые ящики, как предлагал Герб, может...

— Все это не важно, — перебил ее Морт. — Рукопись нового романа у меня с собой, здесь. — Она действительно была при нем — все четырнадцать дрянных, деревянных страниц. — А остальное пусть катится к черту. До завтра, Эми. Я...

(*тебя люблю*)

Он сомкнул губы, так и не произнеся этих слов. Они с Эми в разводе. Разве он может по-прежнему любить ее? Это казалось почти извращением. Даже если да, разве у него есть право говорить об этом?

— Я ужасно сожалею о том, что случилось, — сказал он вместо этого.

— Я тоже, Морт. Мне очень жаль. — Эми снова начала плакать. В трубке Морт услышал другой женский голос — видимо, Изабелл Фортин вмешалась с утешениями.

— Тебе надо поспать.

— Ты тоже ложись.

Он повесил трубку. Дом сразу показался гораздо тише, чем в другие вечера, когда он был здесь один. Морт слышал лишь ночной ветер, шептавший что-то в кровле, и — очень далеко — гагару, кричавшую над озером. Он достал из кармана записку, разгладил и перечитал. Такие улики сохраняют для полиции. Более того, их нельзя даже трогать, пока полицейские

не получат возможность сфотографировать и поколдовать над ними. Это была — барабанная дробь и победный рев труб, пожалуйста! — УЛИКА.

Ну и пошло все к такой-то матери, подумал Морт, снова комкая записку. Без полиции обойдемся. Дейв Ньюсам, местный констебль, небось к обеду не может вспомнить, что ел на завтрак, а обращаться к шерифу округа или в полицию штата Морт не видел смысла. В конце концов, на его жизнь не покушались; кота убили, но ведь кот не человек. После сокрушительной новости из Дерри Джон Шутер попросту перестал казаться важным. Он из Племени Ненормальных, явно с тараканами в голове, не исключено, что опасный... но Морт все больше склонялся к тому, чтобы справиться самостоятельно, даже если Шутер действительно опасен. *Особенно* если он опасен.

Дом в Дерри вышел на первый план, потеснив Джона Шутера с его безумными претензиями и даже отодвинув вопрос, кто это совершил — Шутер или другой недовольный сумасшедший. Дом — и, как считал Морт, Эми. Бедняжка совсем расклеилась, не повредит выказать ей максимальное сочувствие. Может, она даже...

Но Морт тут же оборвал мысль, не допустив размышлений на тему, как Эми может поступить. Тут его не ожидало ничего, кроме боли. Лучше считать, что эта дорога закрыта не напрасно.

Он пошел в спальню, разделся и лег, заложив руки за голову. Снова прокричала гагара, отчаянная и далекая. Ему опять пришло в голову, что Шутер где-то рядом, может, он крадется в темноте, а его лицо мутно белеет под странной черной шляпой. Шутер был чокнутым, и хотя с Бампом он расправился руками и отверткой, не стоило исключать возможность, что у него с собой есть пистолет.

Но в глубине души Морту не верилось, что Шутер где-то рядом, с пистолетом или без.

Позвонить, подумал он. *По дороге в Дерри надо сделать минимум два звонка — Грегу Карстерсу и Гербу Крикмору. Звонить отсюда слишком рано, я ведь выеду в семь, но на пункте дорожной оплаты возле Огасты есть таксофоны...*

Он повернулся на бок, думая, что долго не заснет... и тут же сон накрыл его мягкой темной волной, и если кто-то приходил посмотреть на него, пока он спал, Морт об этом не узнал.

16

Будильник прозвенел в шесть пятнадцать. Полчаса ушло на то, чтобы закопать Бампа на песчаном участке между домом и озером, и к семи Морт был уже в пути, как и планировал. Он проехал десять миль и приближался к Меканик-Фоллс, оживленному мегаполису, состоявшему из текстильной фабрики, закрытой в 1970 году, пяти тысяч душ и желтого мигающего светофора на пересечении Двадцать третьего и Седьмого шоссе, когда заметил, что его старый «бьюик» едет на последних каплях бензина. Морт подъехал к заправке «Шеврон», ругая себя за то, что вовремя не проверил уровень в баке: проскочи он Меканик-Фоллс, и дело могло закончиться хорошей одинокой прогулкой и большим опозданием на встречу с Эми.

Он подошел к висевшему на стене таксофону и, пока молодой заправщик наполнял бездонный бак «бьюика», нащупав в заднем левом кармане потрепанную записную книжку, набрал номер Грега Карстерса. В такую рань он рассчитывал застать Грега дома и не ошибся.

— Алло!

— Грег, привет. Морт Рейни.

— Привет, Морт. Кажется, у тебя неприятности?

— Да, — сказал Морт. — Что, уже было в новостях?

— По пятому каналу.

— Как это выглядело?

— Что именно? — переспросил Грег. Морт вздрогнул... но если ему придется от кого-то это выслушать, можно только радоваться, что плохая новость придет от всегда приветливого Грега Карстерса, длинноволосого бывшего хиппи, вступившего в какую-то весьма темную религиозную секту — последователей Сведенборга, что ли — вскоре после Вудстока. У него была жена и двое детей, семи и восьми лет, и пока, насколько знал Морт, все были такими же пофигистами, как и Грег. Морт очень привык к этому человеку с постоянной едва заметной улыбкой; Карстерс выглядел прямо-таки раздетым в тех редких случаях, когда не улыбался.

— Все настолько плохо, да?

— Да, — просто сказал Грег. — Пламя, должно быть, взвилось ракетой. Сочувствую, приятель.

— Спасибо. Я сейчас туда еду, звоню из Механик-Фоллс. Грег, окажи мне услугу, пока я в дороге?

— Если ты имеешь в виду кровельную дранку, так ее привезут к...

— Нет, не дранку. Кое-что другое. Последние два-три дня мне надоедает один тип. Шизик. Утверждает, будто я украл рассказ, который он написал шесть или семь лет назад. Когда я сказал, что написал свою версию до того, как он якобы накропал свою, и могу это доказать, он окончательно свихнулся. Я надеялся, он больше не появится, но — не с моей удачей. Вчера вечером, пока я спал на диване, он убил моего кота.

— Бампа? — с легким удивлением уточнил Грег — реакция, равная оглушительному изумлению у любого другого человека. — Он убил Бампа?

— Да.

— Ты с Дейвом Ньюсамом об этом говорил?

— Нет, и не собираюсь. Сам хочу разобраться.

— Морт, но этот тип не похож на пацифиста.

— Убить кошку — вовсе не то, что убить человека, — возразил Морт. — И я считаю, что справлюсь с ним лучше, чем Дейв.

— Может, ты и прав, — согласился Грег. — Дейв стал туповат в свои семьдесят с лишним. Что я могу для тебя сделать, Морт?

— Первым делом я хотел бы знать, где этот тип остановился.

— Как его зовут?

— Не знаю. На рукописи, которую он мне показал, стояло имя Джон Шутер, но позже он намекнул, что это может быть и псевдоним. По-моему, действительно псевдоним — слишком уж похоже. В любом случае сомневаюсь, чтобы он зарегистрировался под этим именем, если остановился в местном мотеле.

— Как он выглядит?

— Ростом около шести футов, лет сорока с небольшим. Лицо человека, работающего на воздухе, — морщинки вокруг глаз и глубокие складки от уголков рта, они вроде как берут подбородок в скобки.

Пока он говорил, в памяти всплывало лицо «Джона Шутера», становясь все четче, как личина призрака на изогнутой поверхности хрустального шара медиума. Морт почувствовал, как закололо руки, покрывшиеся гусиной кожей, и его передернуло. Голос где-то в середине мозга настаивал, что Морт либо ошибается, либо намеренно вводит Грега в заблуждение. Шутер опасен, все именно так. Чтобы это понять, не обязательно вспоминать про Бампа. Морт видел это по глазам Шутера. Зачем же играть в охранника общественного порядка?

А вот затем, зловеще-твердо ответил другой, низкий голос. *Так надо, и весь сказ.*

Первый голос обеспокоенно заговорил снова: *Ты хочешь его избить? Столько хлопот ради этого? Ты хочешь его избить?*

Но низкий голос не ответил. Он вдруг замолчал.

— Под это описание подойдут почти все фермеры округа, — с сомнением произнес Грег.

— Тогда вот еще пара примет, которые могут помочь его найти, — сказал Морт. — Во-первых, он с юга. Акцент за милю слышно. Носит большую черную шляпу — по-моему, фетровую, — с круглой тульей, похожа на шляпы амишей. И ездит на синем «форде»-универсале начала или середины шестидесятых. С номерами штата Миссисипи.

— О'кей, это уже лучше. Я поспрашиваю. Если он в наших краях, кто-нибудь подскажет, где остановился. Номера другого штата в это время года здесь сразу замечают.

— Можно начать с Тома Гринлифа, — осенило Морта. — Вчера я говорил с Шутером на Лейк-драйв, с полмили к северу от моего дома. Том проехал на своем «скауте». Помахал нам, и мы оба махнули в ответ. Том наверняка прекрасно его рассмотрел.

— Отлично. Я увижу Тома в «Боуис», если заеду выпить кофе часов в десять.

— Там Шутер тоже был, — сказал Морт. — Он упоминал стойку для дешевых книг — проволочную, старомодную.

— Если я его найду, что тогда?

— Ничего, — сказал Морт. — Ничего не делай. Я тебе вечером позвоню. Завтра к вечеру я вернусь в дом на озере. Не знаю, какого черта мне делать в Дерри, разве что в пепле рыться.

— А как же Эми?

— У неё есть мужчина, — сказал Морт, стараясь не показаться сухарем, отчего фраза прозвучала особенно сухо. — Что ей делать, они как-нибудь вдвоем решат.

— О... Прости.

— Не извиняйся. — Морт взглянул в направлении «бензиновых залежей» и увидел, что парень закончил заправлять «бьюик» и протирает ветровое стекло — этого Морт никак не ожидал.

— Разобраться с этим типом по-мужски — ты уверен, что тебе это надо?

— Да, — сказал Морт.

Он вдруг сообразил, о чем, должно быть, думает Грег: если человек в черной шляпе отыщется, а Морт в результате пострадает, отвечать будет Грег Карстерс.

— Если хочешь, можешь пойти со мной, когда я буду говорить с этим Шутером.

— Да, я бы, пожалуй, поприсутствовал, — с облегчением подхватил Грег.

— Он хочет доказательств, — сказал Морт. — Придется достать ему доказательства.

— Ты же сказал, у тебя *есть* доказательства?

— Да, но на слово он мне не поверил. Придется ткнуть рассказ ему в физиономию, чтобы он от меня отвязался.

— О... — Грег обдумывал его слова. — Этот человек на самом деле сумасшедший?

— Да.

— Ну что ж, посмотрим, смогу ли я его отыскать. Позвони вечером.

— Обязательно. Спасибо, Грег.

— Не за что. Лучший отдых — смена деятельности.

— Народная мудрость.

Попрощавшись с Грегом, Морт посмотрел на часы. Было почти полвосьмого, все еще слишком рано, чтобы звонить Гербу Крикмору, разве что вытащить его из постели, но дело не настолько срочное. Можно прекрасно подождать до пункта дорожной оплаты в Огасте. Убрав в карман записную книжку, Морт пошел к «бьюику», на ходу доставая бумажник, и спросил заправщика, сколько он ему должен.

— Двадцать два пятьдесят со скидкой за наличные, — сказал паренек и робко взглянул на Морта: — Мистер Рейни, можно автограф? У меня есть все ваши книги.

Морт снова вспомнил об Эми — вот уж кто ненавидел охотников за автографами. Морт и сам таких

 людей не понимал, но вреда в них не видел.

Для Эми они олицетворяли самую ненавистную сторону их жизни. Ближе к разводу он сдерживал раздражение всякий раз, когда кто-то просил у него автограф в присутствии жены. Иногда он так и слышал ее мысли: *Если ты меня любишь, почему не ОСТАНОВИШЬ их?* Можно подумать, это в его силах, думал Морт. Его работа — писать книги, которые станут читать люди вроде этого парня... так он себе представлял. Когда ему это удавалось, у него просили автограф.

Морт нацарапал свое имя на обороте квитанции об оплате (в конце концов, парень буквально вылизал лобовое стекло), думая, винила ли его Эми, когда он шел на поводу у поклонников. Ему казалось, винила — бессознательно, не отдавая себе отчета. Наверное, он действительно виноват. Но иначе Морт не мог, так уж он был устроен.

В конце концов что правильно, то правильно, как сказал Шутер. И что справедливо, то справедливо.

Морт сел в «бьюик» и поехал в Дерри.

17

На пункте дорожной оплаты в Огасте он заплатил семьдесят пять центов и въехал на парковку с дальнего края, где имелись таксофоны. День был ясный, холодный и ветреный — дувший с юго-запада, со стороны Личфилда, ветер проносился, ничем не сдерживаемый, через открытое поле, где расположился придорожный сервисный комплекс, и был так силен, что у Морта заслезились глаза. И все же он с наслаждением подставлял лицо резкому ветру, чувствуя, как уносится пыль из комнат его головы, которые слишком долго оставались закрытыми и зашторенными.

Он воспользовался кредиткой, чтобы позвонить в Нью-Йорк Гербу Крикмору — домой, не в офис.

В литературном агентстве «Джеймс и Крикмор» Герб не появится еще час или два, но Морт знал его достаточно давно, чтобы предположить, что он уже принял душ и сидит сейчас с чашкой кофе, ожидая, пока запотевшее зеркало в ванной высохнет и он сможет побриться.

Морту снова повезло. Герб сразу ответил, и в его голосе почти не чувствовалось сна. *В ударе я сегодня, что ли?* — подумал Морт, ухмыльнувшись прямо в оскал пронизывающего октябрьского ветра. По другую сторону четырехполосного шоссе рабочие натягивали веревки, готовя барьер для снега в преддверии зимы, уже ожидавшей за календарным горизонтом.

— Герб, привет, — сказал Морт. — Я звоню с таксофона у сервиса в Огасте. Мой развод официально признан, мой дом в Дерри ночью сгорел до основания, кто-то убил моего кота, на улице холодно, воздух холоднее, чем пряжка ремня у копателя колодцев, — ну как, тебе уже весело?

Он не понимал, насколько абсурдно звучит список его несчастий, пока не услышал, как сам перечисляет их вслух, и почти рассмеялся. Господи, какой холод, но ведь он бодрит! Разве на таком холоде не чувствуешь себя *чистым*?

— Морт? — осторожно произнес Герб, видимо, заподозрив розыгрыш.

— К твоим услугам.

— Что, повтори еще раз, случилось с вашим домом?

— Я тебе расскажу, но только один раз. Записывай, если нужно, потому что я намерен вернуться в машину, пока не примерз к таксофону. — Он начал с Джона Шутера и его обвинений и закончил ночным разговором с Эми.

Герб, который часто гостил у Морта с Эми (его крайне огорчил их разрыв, как предполагал Морт), выразил удивление и сожаление по поводу случившегося в Дерри и спросил, есть ли у Морта соображения, кто мог это сделать. Морт сказал, что нет.

— А этого Шутера вы не подозреваете? — поинтересовался Герб. — Я понимаю важность убийства кота, совершенного незадолго до того, как ты проснулся, но...

— В принципе возможно, и я не исключаю этого полностью, — сказал Морт, — но сомневаюсь самым сильным образом. Я положительно отказываюсь понимать, как человек мог сжечь дом с двадцатью четырьмя комнатами, чтобы уничтожить журнал. Я встречался с этим Шутером, Герб, он искренне считает, что я украл его рассказ. Переубедить его невозможно. Когда я сказал, что могу представить доказательство, его реакцией было: «Валяй, повесели меня, засранец».

— Но... вы же позвонили в полицию?

— Да, звонил сегодня утром, — сказал Морт, и хотя это было не совсем правдой, ложью тоже не было. Он действительно звонил сегодня утром — Грегу Карстерсу, но скажи он Гербу Крикмору — Морт представлял, как тот сидит в своей нью-йоркской гостиной в элегантных твидовых брюках и полосатой футболке, — что собирается разобраться с Шутером самостоятельно, призвав на помощь только Грега, Герб бы его не понял. Герб Крикмор был хорошим другом и живым воплощением стереотипа. Человек Цивилизованный модели конца двадцатого века, культурный горожанин, он был из тех людей, которые верят в консультации, медитации и медиации*, в диалог, если присутствует здравый смысл, и в немедленную передачу проблемы властям, когда его нет. Концепция, что иногда мужчинам надо разбираться по-мужски, для Герба тоже имела право на существование... но только в фильмах с Сильвестром Сталлоне.

— Вот и правильно, — с облегчением сказал Герб. — Вам и без этого психа из Миссисипи есть о чем волноваться. Если его найдут, что вы сделаете? Обвините его в преследовании?

---

* Посредничество с целью примирения.

— Скорее постараюсь убедить его отказаться от безумной мысли преследовать меня, — отозвался Морт. Ощущение ничем не оправданного, бьющего через край оптимизма не проходило. Морт понимал, что совсем скоро ему будет не до смеха, но не мог согнать с лица улыбку — вытер мокрый нос обшлагом куртки и улыбался дальше. Он забыл, как хорошо жить с широкой улыбкой, растянувшей варежку до ушей...

— И как вы это сделаете?

— С твоей помощью, надеюсь. У тебя же есть файлы с моей писаниной?

— Да, но...

— Так вот, мне нужно, чтобы ты нашел июньский выпуск «Детективного журнала Эллери Куина» за 1980 год, в котором появился рассказ «Время сева». Свой экземпляр я соответственно взять не могу из-за пожара, поэтому...

— У меня его нет, — кротко сказал Герб.

— Как нет? — заморгал Морт. Такого он не ожидал. — Почему нет?

— Потому что 1980-й — это за два года до того, как я стал вашим агентом. У меня хранится минимум по одному экземпляру всего, что я для вас продал, но «Время сева» из тех рассказов, которые вы продали сами.

— О, черт! — Морту вспомнилась коротенькая аннотация о «Времени сева» в сборнике. Большинство аннотаций включали строчку «Печатается с разрешения автора и литературных агентов Джеймса и Крикмора». О «Времени сева» и еще о двух-трех рассказах говорилось только: «Печатается с разрешения автора».

— Мне очень жаль, — произнес Герб.

— Черт, точно, я его сам пристраивал! Даже помню, как писал запрос, прежде чем присылать рассказ. Просто ты уже целую вечность мой агент... — Морт невесело засмеялся. — Я это не в обиду.

— Я и не обиделся, — сказал Герб. — Я могу позвонить в редакцию «Детективного журнала», там должны храниться старые номера.

— Ох, позвони, пожалуйста, — с облегчением выдохнул Морт. — Это будет отлично.

— Сейчас же позвоню. Только... — Герб замолчал.

— Только что?

— Дайте мне слово, что не станете в одиночку связываться с этим типом, едва рассказ окажется у вас в руках.

— Даю слово, — тут же согласился Морт, снова покривив душой. Да какая разница? Он же возьмет с собой на встречу с Шутером Грега и потому будет не один. Крикмор, в конце концов, его литературный агент, а не папаша. Как он, Морт, решает личные проблемы, пусть Герба не заботит.

— Хорошо, — сказал Герб. — Беру это на себя. Позвоните мне из Дерри. Морт, может, там все окажется не так плохо?

— Хотелось бы и мне в это верить.

— Но вы не верите?

— Боюсь, что нет.

— Ясно. — Герб вздохнул и робко прибавил: — Удобно будет попросить вас передать Эми мои наилучшие пожелания?

— Удобно, обязательно передам.

— Хорошо. Морт, вы поезжайте, не стойте на ветру. Я слышу, как он свистит в трубке. Вы, наверное, окоченели.

— К этому идет. Еще раз спасибо, Герб.

Морт повесил трубку и несколько секунд смотрел на телефон. Он забыл, что «бьюику» нужен бензин, — это мелочь, но теперь он забыл, что Герб Крикмор представлял его интересы только с 1982-го, а это уже не пустяк. Невыносимый прессинг, подумал Морт, невольно задаваясь вопросом, что еще он мог забыть.

Голос в голове — не в середине мозга, а другой, более низкий — вдруг вновь напомнил о себе: *Как насчет кражи рассказа? Может, ты о ней забыл?*

Морт хохотнул, быстро направляясь к машине. Он в жизни не бывал в Миссисипи и даже теперь, пребывая в творческом тупике, был далек от того, чтобы опуститься до плагиата. Сев за руль и заведя мотор, Морт мельком подумал, что человеческий мозг порой способен отмочить полную фигню.

18

Он не верил, что люди, даже те, кто старается быть абсолютно честным с собой, понимают, когда что-то заканчивается. Человек упорно цепляется за свою веру, даже когда огненные слова не только появились на стене, но еще и написаны такими крупными буквами, что можно разобрать со ста ярдов без подзорной трубы. Если это что-то нам дорого и якобы необходимо, мы с готовностью обманываемся, путая жизнь с телевизором и убеждая себя, что все болезненно неправильное рано или поздно исправится... после очередной рекламной паузы. По мнению Морта, без своей уникальной способности к самообману люди были бы еще безумнее, чем есть.

Но порой правда вырывается наружу, и если вы сознательно отгораживались от нее или надеялись ее обойти, результат бывает сокрушительным. Это словно стоять на голом дне, когда приливная волна с ревом несется не над дамбой, а сквозь нее, сметая и вас, и дамбу.

Морту Рейни суждено было изведать такое апокалипсическое откровение после ухода представителей полиции и пожарной службы, когда он, Эми и Тед Милнер медленно обходили дымящиеся обгоревшие

развалины зеленого викторианского дома, сто тридцать шесть лет простоявшего под номером 92 на Канзас-стрит. Именно во время этой траурной инспекции Морт понял, что его брак с бывшей мисс Эми Дауд из Портленда, штат Мэн, остался позади. Это не был «период брачного стресса» или «попытка пожить отдельно». Это не был один из тех случаев, когда обе стороны, пожалев о своем решении, сходились заново. Браку пришел конец. Совместная жизнь отошла в область прошлого. А от дома, где супруги Рейни знавали хорошие времена, остались зловеще тлеющие балки, провалившиеся через дыру в подвал и похожие на зубы великана.

Встреча в «Марчмане», маленьком ресторанчике на Уичем-стрит, прошла вполне сносно. Эми обняла Морта, он обнял ее в ответ, но когда попытался поцеловать в губы, она отвернулась, и поцелуй Морта пришелся в щеку. Чмоки, как говорят на корпоративах. «Рад тебя видеть, дорогой/дорогая».

Тед Милнер, с идеально уложенными — без единого вихра Альфальфы — волосами, сидел за столиком в углу и смотрел на них, поигрывая трубкой, которую года три сжимал в зубах на всяких вечеринках. Морт не сомневался, что трубка была показухой, реквизитом, служившим единственной цели — придать своему обладателю солидности и возраста. А сколько лет Теду Милнеру? Морт точно не знал, но Эми тридцать шесть, и он подумал, что Тед, в своих прекрасно сидящих тертых джинсах и расстегнутой у ворота рубашке «Джей пресс», моложе ее года на четыре, а то и больше. Знает ли Эми, что лет через десять — или даже через пять — ее ждут проблемы? Морт решил, что будь сам более хорошим человеком, то намекнул бы на это бывшей супруге.

А так он просто спросил, нет ли новостей. Эми сказала, что нет. Вмешался Тед, говоривший с легким южным акцентом, гораздо более мягким, чем гнусавая картавость Джона Шутера, и сообщил Морту, что на-

чальник пожарной бригады и лейтенант из полицейского управления Дерри встретятся с ним, как он выразился, «на месте пожара». У них есть несколько вопросов. Морт ответил — хорошо. Тед спросил, не хочет ли он кофе — время у них было. Морт согласился, снова сказав «хорошо». Тед спросил, как он поживает. Морт опять ответил «хорошо». Всякий раз его «хорошо» звучало чуть более банально. Эми наблюдала за их беседой с некоторой тревогой, причину которой Морт прекрасно понимал. В день, когда он застал их в постели, он пообещал Теду его убить. Может, даже сказал что-то о том, что убьет их обоих. Он плохо помнил ту минуту и подозревал, что у Эми и Теда тоже остались о ней скомканные воспоминания. Он не знал, что чувствуют остальные «углы» треугольника, но для себя считал эту нечеткость не только понятной, но и милосердной.

Они выпили кофе. Эми спросила о Джоне Шутере. Морт сказал, что ситуация практически под контролем, не упомянув о котах, записках и журналах. Вскоре они вышли из «Марчмана» и направились по Канзас-стрит туда, где еще недавно был их дом, а не «место пожара».

Начальник пожарной охраны и детектив уже ждали. Как и было обещано, начались вопросы. Больше всего спрашивали о людях, которые не любили Морта Рейни настолько, чтобы бросить техасский коктейль в его кабинет. Будь Морт один, он бы вообще не назвал имя Шутера, но Эми непременно вылезла бы со своими опасениями, поэтому Морт подробно пересказал первую встречу с Шутером.

Начальник пожарной охраны Уикершэм спросил:

— Этот человек был очень зол?

— Да.

— Достаточно зол, чтобы поехать в Дерри и поджечь ваш дом? — спросил детектив Брэдли.

Морт был почти уверен, что Шутер этого не делал, но не хотел углубляться в короткие эпизоды общения

 с миссисипским джентльменом. Во-первых, тогда пришлось бы рассказать, что Шутер сделал с Бампом. Эми безумно расстроилась бы. Это могло ее просто убить... и открыть банку с червяками, которую Морт предпочитал держать закрытой. Настало время, подумал он, снова покривить душой.

— Сначала я думал, да. Но потом убедился, что два рассказа практически одинаковы. На всякий случай я проверил дату первой публикации моего...

— А его рассказ никогда не печатался? — спросил Брэдли.

— Нет, я уверен, что нет. Вчера он снова приходил. Я спросил, когда он написал свой рассказ, надеясь, что он назовет дату позже моей, вы меня понимаете?

Детектив Брэдли кивнул:

— Вы хотели доказать, что успели раньше.

— Верно. «Время сева», сборник моих коротких рассказов, вышел в 1983-м, но сам рассказ был *впервые* напечатан в 1980 году. Я надеялся, что этот Шутер сочтет достаточным назвать дату на год-другой раньше 1983-го, и мой расчет оправдался: он сказал, что написал свой рассказ в 1982-м. Тут я его и прижал.

Морту казалось, что он рассказал достаточно, но Уикершэм уточнил:

— Вы это поняли, и мы это поняли, мистер Рейни, но понял ли это Шутер?

Морт сдержал вздох. Он знал, что быть неискренним можно лишь до определенного предела: если разговор зайдет достаточно далеко, почти всегда наступает момент, когда либо приходится сказать правду, либо придумать откровенную ложь. И сейчас такой момент наступил. Но чье это дело? Его или их? Его. А он не собирался никого посвящать в свои дела.

— Да, — сказал Морт. — Он понял.

— И как он поступил? — спросил Тед. Морт посмотрел на него с легким раздражением. Тед отвел глаза. Ему явно не хватало трубки — поиграть. Трубка

осталась в машине — на рубашке «Джей пресс» не было подходящего кармана.

— Ушел, — сказал Морт. Раздражение по отношению к Теду, у которого не было абсолютно никаких оснований совать *свой* нос в это дело, помогло солгать гладко. То, что он лгал Теду, словно до некоторой степени оправдывало ложь. — Пробормотал что-то насчет невероятного совпадения, прыгнул в свою тачку, будто у него волосы горели или кто-то за задницу хватал, и уехал.

— Вы, случайно, не заметили марку и номер машины, мистер Рейни? — спросил Брэдли, вынув блокнот и шариковую ручку.

— «Форд», — сказал Морт. — Номера, извините, не помню. Он был из другого штата, не из Мэна, а так... — Он пожал плечами, стараясь принять извиняющийся вид. Ему становилось не по себе от того, что он делал. Все было ничего, пока он уходил от ответов, обходясь без откровенной лжи, — он мог сослаться на желание избавить Эми от переживаний из-за Бампа, которому свернули шею, прикололи отверткой к мусорному ящику. Но сейчас Морт поставил себя в трудное положение — разным людям он рассказывал разные версии. Если они решат сравнить то, что узнали, выглядеть он будет неприглядно. Объяснить причины своей лжи Морту будет затруднительно. Вероятность подобного развития событий невелика, разве что Эми позвонит Грегу Карстерсу или Гербу Крикмору. Но что, если Шутер что-нибудь выкинет, когда они с Грегом подъедут к нему на разговор и ткнут в морду июльский выпуск «Детективного журнала» за 1980 год?

Ничего, сказал себе Морт, *этот мост будем жечь, когда подойдем к нему.* При этой мысли он ощутил короткий прилив бодрости и хорошего настроения, как во время телефонного разговора с Гербом, и едва не рассмеялся. Сразу привяжутся, почему он смеется; к чему вызывать излишний интерес?

— По-моему, Шутер должен сейчас быть... *(в Миссисипи)*

— ...там, откуда он приехал, — закончил Морт почти без паузы.

— Пожалуй, я с вами соглашусь, мистер Рейни, — сказал лейтенант Брэдли. — Но я намерен проверить этот факт. Допустим, вам действительно удалось доказать Шутеру, что он не прав, но это не значит, что он уехал, смягчившись и подобрев. Возможно, он в ярости приехал сюда и поджег ваш дом — просто потому, что его все зае... Прошу прощения, миссис Рейни.

Эми криво улыбнулась и махнула рукой.

— Вы не считаете такое возможным?

Нет, подумал Морт, *не считаю. Задумай Шутер поджечь дом, он убил бы Бампа до отъезда в Дерри на тот случай, если я проснусь до его, Шутера, возвращения. Но тогда кровь успела бы засохнуть и Бамп — окоченеть. Все произошло не так... но этого я сказать не могу, даже если бы хотел. Начнутся расспросы, почему я умолчал о Бампе. Еще решат, что у меня не все дома.*

— Ну отчего же? — пожал плечами он. — Но я общался с этим человеком, и он не показался мне способным на поджог.

— Ты хочешь сказать, он не Сноупс, — вдруг сказала Эми.

Морт удивленно посмотрел на нее — и улыбнулся.

— Правильно, — сказал он. — С Юга, но не Сноупс.

— Что это значит? — насторожился Брэдли.

— Это старая шутка, лейтенант, — сказала Эми. — Сноупсы — персонажи нескольких романов Уильяма Фолкнера. Свое дело они начали, поджигая амбары.

— О... — без всякого выражения протянул Брэдли.

Вмешался Уикершэм:

— А какого-то отдельного типа поджигателей домов не существует, мистер Рейни. Попадаются самые разнообразные, всех сортов и видов, поверьте мне.

— Опишите машину Шутера подробнее, если можно, — попросил Брэдли, занеся карандаш над

блокнотом. — Я хочу сообщить о нем в полицию штата.

Морт сразу решил, что будет лгать и дальше. И очень много.

— Седан. Это я точно могу сказать.

— Угу. «Форд»-седан. Год выпуска?

— Где-то середина семидесятых, по-моему. — При этом Морт не сомневался, что универсал Шутера был собран, еще когда человек по имени Освальд выбирал Линдона Джонсона президентом Соединенных Штатов*. Помолчав, Морт добавил: — Номера светлые. Может, флоридские, хотя головой не поручусь.

— Угу. А сам Шутер как выглядел?

— Среднего роста, светлые волосы, очки. Круглая металлическая оправа, как у Джона Леннона. Это все, что я по...

— Ты же вроде говорил, он был в шляпе? — вдруг спросила Эми.

Морт непроизвольно сжал зубы с неприятным клацающим звуком.

— Да, — любезно сказал он. — Точно. Я и забыл. Темно-серая или черная, только это скорее кепка. С козырьком.

— Хорошо. — Брэдли закрыл блокнот. — Уже что-то.

— А это не может оказаться простой случай вандализма, поджог ради развлечения? — спросил Морт. — В книгах везде есть связь, но мой опыт подсказывает, что в жизни иногда что-то случается и просто так.

— Конечно, может, — согласился Уикершэм, — но очевидную возможную связь проверить не помешает. — Он с серьезным видом подмигнул Морту: — Ведь жизнь порой имитирует искусство.

— Вам что-нибудь еще нужно? — спросил Тед.

Уикершэм и Брэдли переглянулись, и детектив покачал головой:

---

*Линдон Джонсон, вице-президент США при Дж. Кеннеди, исполнял обязанности президента после того, как Ли Харви Освальд убил Дж. Кеннеди.

— Пока вроде нет.

— Я потому спрашиваю, что Эми и Морту необходимо выделить время для встречи со страховым агентом, — сказал Тед. — Возможно, страховая компания назначит собственное расследование.

Морта все сильнее раздражал южный акцент Теда. Он полагал, что Тед родом из той части Юга, что на несколько штатов севернее земель, описанных Фолкнером, но все равно случайное совпадение было неприятным.

Детектив и начальник пожарной службы пожали руки Эми и Морту, выразили сочувствие, просили быть на связи и сообщить, если что-нибудь случится с кем-то из них, затем уехали, оставив троих кружить на пепелище.

— Эми, мне очень жаль, что так случилось, — вдруг сказал Морт. Эми шла между ним и Тедом и посмотрела на Морта снизу вверх, явно удивленная тем, что уловила в голосе бывшего мужа. Простой искренностью, может быть. — Я сожалею обо всем.

— Я тоже, — мягко сказала она, тронув его за руку.

— Вместе с Тедди тех, кто сожалеет, будет три, — сказал Тед с торжественной сердечностью. Эми снова повернулась к нему. В тот момент Морт с наслаждением задушил бы риелтора, сдавливая глотку, пока глаза не вылезут из орбит.

Они шли вдоль бывшей западной стены дома. Раньше там, где флигель примыкал к дому, была глубокая ниша, в которой Эми разбила цветник. Все цветы пропали, и Морт подумал, что это, наверное, к лучшему. Горело достаточно сильно, чтобы почернела даже трава, широкой, в двенадцать футов, прежде зеленой рамой окружавшая дом. Будь садик Эми в цвету, пламя опалило бы бутоны, и это было бы невыносимо грустно. Это было бы...

Морт остановился. Он вспомнил рассказы. *Рассказ.* Сюжет можно назвать «Время сева» или «Секрет-

ное окно, секретный сад», но рассказы одинаковы, если отбросить мелочи и увидеть суть.

Морт поднял глаза. Рассматривать вверху было нечего, кроме голубого неба, но до вчерашнего пожара там, куда он смотрел, было окно. Окошко маленькой комнаты рядом с прачечной. Комнаты, служившей офисом Эми. Сюда она приходила выписывать чеки, вести личный дневник, отсюда звонила по телефону... там, как он подозревал, несколько лет назад Эми начала писать книгу. А когда роман тихо умер, комната стала местом, где она пристойно и без шума похоронила произведение в ящике стола, стоявшего у окна. Эми любила приходить туда по утрам. Она включала в смежной прачечной стиральную машину и занималась бумагами в ожидании сигнала таймера, напоминавшего, что пора покормить барабан сушилки. Комната находилась далеко от основного здания, и Эми, по ее словам, нравилась тишина. Тишина и чистый, здоровый утренний свет. Она любила поглядывать в окно на свои цветы, росшие в глубоком углу, образуемом домом и пристройкой. Морт слышал, как она говорила: *Это лучшая комната в доме, по крайней мере для меня, потому что сюда никто, кроме меня, не ходит, и здесь есть секретное окно, выходящее в секретный сад.*

— Морт! — сказала Эми.

Секунду Морт не реагировал, сбитый с толку — в ушах звенел голос бывшей жены, а в голове — голос, который был голосом памяти. *Но памяти настоящей или ложной?* — вот в чем вопрос. Память *казалась* настоящей, однако Морт до Шутера, Бампа и пожара долго жил в состоянии стресса. Возможно ли, что у него... галлюцинация воспоминаний? И теперь он пытается привести их с Эми прошлое в некое соответствие с треклятым рассказом, где мужчина сходит с ума и убивает жену?

Господи, надеюсь, нет. Надеюсь, нет. Это было бы слишком близко к нервному срыву в поисках утешения.

— Морт, с тобой все в порядке? — спросила Эми, с досадой дернув его за рукав и тем самым выведя из транса.

— Да, — сказал Морт и тут же поправился: — Нет. Правду сказать, мне нехорошо.

— Может, за завтраком что-то не то съели? — предположил Тед.

Эми посмотрела на него так, что Морту стало немного легче. Взгляд был отнюдь не ласковым.

— Завтрак тут ни при чем, — негодующе сказала она и обвела рукой почерневшие развалины: — Вот тебе причина. Давайте уйдем отсюда.

— Страховщики подъедут к полудню, — напомнил Тед.

— До полудня еще больше часа. Поедем к тебе. Я сама неважно себя чувствую и хочу присесть.

— Пожалуйста, — сказал немного уязвленный Тед с интонацией «и нечего повышать голос», отчего у Морта снова потеплело на душе. За завтраком он бы поклялся, что квартира Теда Милнера — последнее место на земле, куда он войдет, но сейчас согласился без возражений.

19

По дороге — ехать пришлось через весь город, в восточную часть Дерри, где в двухуровневой квартире проживал Тед, — все молчали. Морт не знал, о чем думают Эми и Тед, хотя «дом» для Эми и «успеют они на встречу с экспертами страховой компании» для Теда были, пожалуй, самыми верными догадками. Зато он знал, о чем думает сам. Морт ломал голову, сходит он с ума или нет. Это реальность или «Меморекс»*?

---

* Лозунг компьютерной компании-производителя «Меморекс».

В конце концов он решил, что Эми все же произносила ту фразу о своей комнатке возле прачечной и это не ложные воспоминания. Говорила ли она это до 1982 года, когда «Джон Шутер» якобы написал свое «Секретное окно, секретный сад», Морт не знал. Как ни старался он обмануть свой замороченный, ноющий мозг, возвращалось лишь короткое сообщение: ответ неокончательный. Но если она это говорила, все равно когда, разве не может название рассказа Шутера оказаться простым совпадением? Может. Но не многовато ли совпадений? Морт решил, что пожар стал — обязан оказаться — совпадением. Но воспоминание о садике Эми с мертвыми цветами подстегнуло ход мыслей... и теперь ему становилось все труднее и труднее поверить, что события не увязаны воедино странным, сверхъестественным образом.

А разве не растерян сам «Шутер»? *Как вы до него добрались?* — спрашивал он голосом, звеневшим от ярости и недоумения. *Вот что я на самом деле хочу знать. Как, черт побери, набитый деньгами паршивый писака вроде вас добрался до засранного миссисипского городишки и украл мой чертов рассказ?*

Тогда Морт решил, что этот человек сумасшедший или что он на редкость хороший актер. Сейчас, сидя в машине Теда, Морт впервые подумал, что именно так отреагировал бы он сам, сложись обстоятельства иначе.

В каком-то смысле они и сложились. Единственное, в чем у рассказов не было сходства, это заглавия. Подходили оба, но теперь Морту хотелось задать Шутеру вопрос, очень похожий на тот, что Шутер задал ему самому: *Как вы нашли свое заглавие, мистер Шутер? Вот что я на самом деле хочу знать. Как вы узнали, что в тысяче двухстах милях от вашего засранного миссисипского городишки жена писателя, о котором вы якобы в жизни не слышали, облюбовала собственное секретное окно, выходившее на ее личный секретный сад?*

Есть только один способ выяснить. Когда Грег подсечет Шутера, Морт спросит у него напрямую.

20

Морт отказался от чашки кофе, предложенной Тедом, спросив, нет ли у него колы или пепси. У Теда нашлось и то и другое, и, когда Морт выпил стакан, желудок успокоился. Он ожидал, что от пребывания в квартире, где Тед и Эми играют в домик — им больше не требовались дешевые провинциальные мотели, — он станет злым и беспокойным. Но этого не произошло. Он увидел обыкновенное жилье, где каждая комната заявляла, что ее владелец — жизнелюбивый молодой холостяк, дела которого идут в гору. Морт обнаружил, что легко может это принять, хотя в нем снова проснулось волнение за Эми. Он подумал о ее комнатке с чистым воздухом и убаюкивающим гудением сушильной машины за стеной, о маленьком офисе с секретным окном, единственным в целом доме выходившим на узкий участок между домом и пристройкой, и подумал, насколько она была на месте там и как неуместно ее присутствие здесь. Но в этом Эми должна разобраться сама, и Морт через несколько минут пребывания в этом, другом доме, который оказался не отвратительным логовом греха, а просто жильем, а к этому он привыкнет... подумал, что это его даже устраивает.

Эми спросила, останется ли он ночевать в Дерри.

— Нет. Я поеду назад, как только мы урегулируем дела со страховкой. В случае чего полицейские со мной свяжутся... Или ты...

Морт улыбнулся Эми. Она улыбнулась в ответ и коснулась его руки. Теду это не понравилось. Он хмурился, глядя в окно, и вертел в руках трубку.

21

На встречу с представителями страховой компании они успели вовремя, и это явно сняло камень с души Теда. Морт не был в восторге от его присутствия — в конце концов, сгоревший дом Теду ни дня не принадлежал даже после развода. Но Эми казалась спокойнее, когда Тед находился рядом, поэтому Морт ничего не сказал.

Дон Стрик, агент компании «Консолидированное страхование» (с ним они заключали договор), провел встречу в своем кабинете, куда они приехали после краткого обхода пожарища. В офисе их ждал Фред Эванс, страховой эксперт, специалист по расследованию поджогов. Причина, по которой Эванс не приехал утром с Брэдли и Уикершэмом или в полдень со Стриком, выяснилась очень скоро: большую часть ночи он лазил по обгоревшим развалинам с фонариком на десять батареек и «Полароидом» и вернулся к себе в мотель, как он выразился, придавить подушку перед встречей с четой Рейни.

Морту очень понравился Эванс. Казалось, ему действительно небезразличен ущерб, понесенный бывшими супругами, тогда как остальные, включая мистера Тедди, с которым тех, кто сожалеет, будет трое, только говорили подобающие слова сочувствия, сгорая от нетерпения заняться насущными делами (Тед Милнер, по мнению Морта, мечтал побыстрее спровадить его из Дерри обратно в Тэшмор). Фред Эванс не называл номер 92 по Канзас-стрит «местом пожара». Он называл его домом.

Его вопросы, в основном такие же, как у Уикершэма и Брэдли, звучали мягче, казались более подробными и глубокими. Хотя Эванс не спал и четырех часов, глаза у него были живые, речь быстрая и четкая. Поговорив с ним двадцать минут, Морт твердо решил не связываться с «Консолидированным страхованием»,

если ему в голову придет блажь сжечь что-нибудь ради страховки. Или дождаться, пока Эванс уйдет на пенсию.

Закончив с вопросами, эксперт улыбнулся:

— Вы мне очень помогли, и я благодарю вас обоих за продуманные ответы и понимание. Во многих случаях у людей топорщатся перышки, стоит им услышать о страховом эксперте. Они по понятной причине и без того расстроены и нередко воспринимают беседу с экспертом как обвинение в умышленном уничтожении своей собственности.

— При данных обстоятельствах мы сами и желать не могли лучшего обращения, — сказала Эми. Тед Милнер закивал так энергично, будто голова у него держалась на ниточке, дергаемой очень нервным кукловодом.

— Сейчас самое трудное, — сказал Эванс и кивнул Стрику, который открыл ящик стола и вынул клипборд с компьютерной распечаткой. — Когда эксперт устанавливает, что пожар был настолько серьезным, как этот, мы показываем клиентам список застрахованного имущества. Вы читаете список и подписываете официальное заявление о том, что перечисленные предметы принадлежали вам и что они находились в доме на момент возгорания. Вы должны поставить галочку рядом с предметом или предметами, которые вы продали после последней страховой ревизии, проведенной присутствующим здесь мистером Стриком, а также отметить все застрахованное имущество, которое на момент возгорания находилось не в доме. — Прижав к губам кулак, Эванс откашлялся. — Мне сказали, в доме недавно был ремонт, поэтому последний пункт может оказаться особенно важным.

— Мы в разводе, — без обиняков сказал Морт. — Я живу в доме у озера Тэшмор. Обычно мы проводили там только лето, но в доме есть плита, поэтому в холодное время года тоже можно жить. К сожалению,

у меня руки не дошли вывезти свои вещи из этого дома. Все откладывал...

Дон Стрик сочувственно кивнул. Тед скрестил ноги, опять затеребил трубку — в общем, сидел с видом человека, старающегося не показывать, насколько его все достало.

— Тщательно проверьте список, — попросил Эванс. Он взял клипборд у Стрика и протянул над столом Эми. — Процедура довольно неприятная — как поиск сокровищ наоборот.

Тед отложил трубку и вытянул шею. Скука мгновенно пропала, глаза стали алчными, как у зеваки, глазеющего на последствия серьезной аварии. Заметив, что он смотрит, Эми с готовностью сместила список к нему. Морт, сидевший с другой стороны, придвинул клипборд к себе.

— Не возражаете? — спросил он Теда. Он был зол, очень зол, и это явственно слышалось в его голосе.

— Морт... — сказала Эми.

— Я не собираюсь устраивать сцену, — сказал Морт, — но это было *наше* имущество, Эми. *Наше*.

— Вряд ли я... — с негодованием начал Тед.

— Нет, мистер Рейни совершенно прав, мистер Милнер, — сказал Фред Эванс с мягкостью, которая, как почувствовал Морт, была довольно обманчивой. — По закону вы вообще не имеете права читать пункты списка. Мы закрываем на это глаза, если никто не возражает... но мне кажется, мистер Рейни против.

— Вы чертовски правы насчет возражений мистера Рейни, — подтвердил Морт, намертво сцепив руки на колене и чувствуя, что ногти оставляют полукруглые следы на коже.

Эми перевела несчастно-просительный взгляд с Морта на Теда. Морт ожидал, что Тед разгорячится, запыхтит и попытается сдуть чей-то домик, но тот не сделал ничего подобного. Морт решил, что это скорее говорит о силе неприязни, чем о характере Милнера; он плохо знал Теда (хотя успел убедиться, что тот не-

много похож на Альфальфу, если его неожиданно разбудить в номере мотеля, снятого на два часа), но он хорошо знал Эми. Если бы Тед оказался треплом, она бы его уже бросила.

Еле заметно улыбнувшись, совершенно игнорируя Морта и остальных, Тед сказал Эми:

— Пойду пройдусь вокруг здания.

Морт сдерживался, но ему не совсем это удалось.

— Лучше сделать несколько кругов, — посоветовал он Теду с фальшивым дружелюбием.

Эми, бросив на Морта темный, вприщурку, взгляд, сказала Теду:

— Будь другом! Может, так действительно будет проще.

— Конечно, — кивнул он и поцеловал ее в скулу. Морт сделал еще одно болезненное открытие: риелтор любит Эми. Может, он *не всегда* будет ее любить, но сейчас любит. Морт почти убедил себя, что Эми лишь игрушка, которая займет Теда ненадолго, но от которой он скоро устанет. Однако это не сочеталось с тем, что он знал об Эми. Ее проницательность и знание людей восхищали его... и она уважала себя.

Тед встал и вышел. Эми с упреком посмотрела на Морта:

— Доволен?

— В какой-то степени, — сказал он. — Слушай, Эми, может, я держусь не самым достойным образом, но у меня достаточно уважительный повод. У нас было много общего. Дом — последнее, что нас связывало, и, по-моему, это сугубо наше с тобой дело. Разве не так?

Стрику явно было неловко. Фред Эванс, напротив, сидел как ни в чем не бывало, поглядывая на Морта, на Эми и снова на Морта с живым интересом, будто смотрел хороший теннисный матч.

— Так, — тихо произнесла Эми. Морт тронул ее за руку, и она неловко улыбнулась. Все лучше, чем никакой улыбки, подумал он.

Он пододвинул стул, и они с Эми стали вместе читать список, почти соприкасаясь головами, — так дети готовятся к контрольной. Вскоре Морт понял, о чем предупреждал эксперт. Ему казалось, он представляет себе размеры ущерба. Но он ошибался.

Глядя на колонки сухого компьютерного шрифта, Морт чувствовал, что не огорчился бы сильнее, если бы кто-то взял дом номер 92 по Канзас-стрит и растряс по всему кварталу. Ему не верилось, сколько всего пропало, о каком количестве вещей он забыл.

Семь крупных бытовых приборов. Четыре телевизора, один с оборудованием для монтажа видеопленки. Фарфор «Споуд» и подлинная колониальная мебель, которую Эми покупала по одному предмету. Антикварный гардероб, стоявший в спальне, оцененный в 14000 долларов. Рейни не были серьезными коллекционерами, но они ценили искусство и теперь потеряли двенадцать предметов на сумму 22000 долларов. Морта не заботила денежная стоимость: ему вспомнился карандашный рисунок Н. К. Уайета с двумя мальчишками, пустившимися в море на маленькой лодке. На картине шел дождь, улыбающиеся дети были в клеенчатых макинтошах и галошах. Морт обожал этот рисунок, а теперь его нет. Стеклянная посуда «Уотерфорд». Спортивное оборудование, хранившееся в гараже, — лыжи, десятискоростные велосипеды, каноэ «Олд таун». Три меховые шубы Эми. Морт смотрел, как она ставит крошечные галочки напротив бобровой и норковой — они еще на летнем складе, но пропускает короткий лисий жакет. Когда произошел пожар, жакет висел в шкафу — теплый, стильный, прекрасный наряд для осени. Морт помнил, как дарил его Эми на день рождения шесть или семь лет назад. Все, лисы нет. Его телескоп «Селестрон». Сгорел. Большое лоскутное одеяло, подарок матери Эми на свадьбу. Мать Эми уже умерла, а теперь и ее подарок стал пеплом на ветру.

Хуже всего, по крайней мере для Морта, была нижняя половина второй колонки, и опять-таки не из-за денег. Сто двадцать четыре бутылки вина на сумму 4900 долларов. Вино они оба любили. Не до дрожи, но они вместе соорудили в подвале маленькую винотеку, вместе ее заполняли и иногда вместе распивали бутылочку.

— Даже вино, — сказал он Эвансу, — даже это.

Эванс как-то странно посмотрел на Морта, тот не понял почему, и кивнул:

— Сама винная комната не сгорела — в подвальном резервуаре осталось совсем мало масла, и взрыва не произошло. Но температура там была очень высокая, и большинство бутылок полопались. А те, что уцелели... Я мало разбираюсь в вине, но сомневаюсь, что его можно будет пить. Возможно, я ошибаюсь.

— Не ошибаетесь, — сказала Эми. Одинокая слеза скатилась по ее щеке; она рассеянно стерла каплю.

Эванс предложил ей платок. Она отрицательно покачала головой и снова склонилась над списком вместе с Мортом.

Через десять минут все было кончено. Они подписались на нужных строчках, и Стрик заверил подписи. Тед Милнер показался в дверях буквально несколько мгновений спустя, словно следил за процессом по скрытому где-то монитору.

— Что-нибудь еще? — спросил Морт у Эванса.

— Пока нет. Может, потом. Ваш телефон в Тэшморе есть в справочнике, мистер Рейни?

— Нет. — Морт написал Эвансу номер. — Звоните, пожалуйста, если я смогу оказаться чем-то полезен.

— Непременно. — Эванс поднялся, протягивая руку. — Это всегда тяжело. Сочувствую, что вам пришлось через это пройти.

Все пожали друг другу руки и оставили Стрика и Эванса писать отчеты. Шел второй час. Тед спросил Морта, не хочет ли он пообедать с ним и Эми. Морт отказался.

— Я хочу вернуться к себе. Поработать, посмотреть, не удастся ли мне отвлечься хоть ненадолго.

Он чувствовал, что, наверное, сможет писать. Неудивительно. Когда наступала черная полоса — по крайней мере до развода, который стал исключением из общего правила, — ему всегда легко писалось. Неприятности были даже необходимы. Хорошо уходить в придуманные миры от реальной боли.

Морт почти ожидал, что Эми попросит его остаться, но она не попросила.

— Поезжай осторожно, — сказала она и приложилась к уголку его рта целомудренным поцелуем. — Спасибо, что приехал и что был таким... здравомыслящим во всех отношениях.

— Я могу что-нибудь для тебя сделать?

Она покачала головой, еле заметно улыбнулась и взяла Теда за руку. Если Морт ждал намека, этот был слишком прозрачен, чтобы не понять.

Они медленно шли к «бьюику» Морта.

— Вы там нормально устроились? — спросил Тед. — Может, вам что-нибудь нужно?

В третий раз Морта неприятно поразил южный акцент Милнера. Очередное совпадение.

— Ничего не приходит в голову, — сказал он, открывая дверцу «бьюика» и доставая из кармана ключи. — Тед, а откуда вы родом? Не то вы, не то Эми мне уже говорили, но я, черт побери, никак не могу вспомнить. Из Миссисипи?

Тед добродушно рассмеялся.

— Далековато, Морт. Я вырос в Теннесси. Городок Шутерс-Ноб, штат Теннесси.

22

Обратно в Тэшмор-Лейк Морт ехал, сжав руль, сидя прямо, будто проглотив линейку, и не отводя взгляда от дороги. Он сделал погромче радио и ярост-

 но концентрировался на музыке всякий раз, когда отмечал красноречивые признаки собственной ментальной активности. Не проехав и сорока миль, он ощутил давление в мочевом пузыре. Обрадовавшись, он даже не подумал останавливаться у придорожного сортира. Настойчивая потребность облегчиться отвлекала любо-дорого.

К дому он подъехал около половины пятого и оставил «бьюик» на обычном месте, у боковой стены. Эрик Клэптон оборвал зажигательное буги-соло на гитаре, когда Морт выключил мотор. Тишина обрушилась на него, как гора камней в мягкой резиновой оболочке. На озере не было ни единой лодки, в траве — ни одной букашки.

Мочеиспускание и мыслеиспускание имеют много общего, думал Морт, выбираясь из машины и расстегивая молнию. *И то и другое можно откладывать долго... но не до бесконечности.*

Мочась, Морт Рейни думал о секретных окнах, секретных садах и о людях, которые обладают последними и глядят через первые. Он думал о том, что журнал, который нужен, чтобы доказать одному типу, что он либо псих, либо жулик, случайно сгорел в тот самый вечер, когда Морт хотел его забрать. Он думал о том, что любовник его бывшей жены, человек, которого он ненавидел всем сердцем, вырос в городке Шутерс-Ноб и что Шутер случайно оказался псевдонимом упомянутого психа-жулика, появившегося в жизни Морта Рейни, как раз когда упомянутый Морт Рейни начал принимать свой развод не как академическую концепцию, но как реальный факт, с которым ему предстоит жить дальше. Он думал даже о том, что «Джон Шутер» якобы обнаружил плагиат Морта Рейни примерно в то время, когда Морт Рейни разъехался с женой.

В о п р о с. Можно ли считать все это совпадениями?

О т в е т. В принципе да, можно.

В о п р о с. Считает ли Морт Рейни все это совпадениями?

О т в е т. Нет.

В о п р о с. В таком случае не считает ли он, что сходит с ума?

— Ответ — «нет», — сказал Морт. — Он так не считает. Пока по крайней мере. — Он застегнул брюки и пошел за угол дома, к двери.

23

Отыскав ключ, Морт вставил его в прорезь, но тут же выдернул. Рука легла на дверную ручку, пальцы сомкнулись вокруг нее, и он почему-то не сомневался, что она легко повернется. Шутер был здесь... или он до сих пор в доме. Не надо было ему приходить сюда, о нет, *такому-то* слабаку. Запасной ключ от дома в Тэшмор-Лейк Морт держал в старой суповой тарелке на верхней полке в чулане с инструментами, оттуда Шутер взял отвертку, чтобы пригвоздить беднягу Бампа к мусорному ящику. Теперь Шутер в доме, осматривается... или прячется. Он...

Однако ручка не поворачивалась, пальцы Морта лишь скользнули по ней. Дверь была заперта.

— Ладно, — сказал Морт. — Это ничего. — Он даже рассмеялся, вставляя ключ и поворачивая его в замке. Если дверь заперта, это не значит, что Шутера в доме не было. Более того, даже вероятнее всего, что он *побывал* в доме, когда Морт перестал этого опасаться. Шутер мог открыть дверь запасным ключом, положить ключ обратно и запереться изнутри, чтобы усыпить подозрения врага. Чтобы запереть дверь, достаточно вдавить кнопку на ручке. *Добивается, чтобы я сорвался*, подумал Морт, перешагнув порог.

Дом был полон пыльного предвечернего солнечного света и тишины, но тишина не казалась *необитаемой*.

— Ты ждешь, что я начну паниковать? — сказал Морт. Он ожидал, что слова эти покажутся безумными

 ему самому: одинокий параноик обращается к непрошеному гостю, который существует только в его воображении. Но он *не показался* себе сумасшедшим. Напротив, он говорил как человек, раскусивший уловку минимум наполовину. Понять только половину замысла, конечно, не очень приятно, но половина лучше, чем ничего.

Он вошел в гостиную со сводчатым потолком, с застекленной стеной, выходившей на озеро, и, конечно, со Знаменитым на Весь Мир Диваном Морта Рейни, известным также как Софа Коматозного Писателя. Скупая улыбка тронула его лицо. Брюки в паху стали тесны, такое напряжение он ощутил.

— Раскрыть обман наполовину лучше, чем ничего, верно, мистер Шутер? — спросил Морт.

Слова утонули в пыльной тишине. В пыли чувствовался застоявшийся табачный запах. Взгляд Морта случайно упал на мятую пачку сигарет, которую он нашел в ящике стола. Ему показалось, что в доме царит какая-то вонь и что это страшно все портит; запах был явно неженский. Но он тут же подумал: *Нет. Это ошибка. Это не то. Ты улавливаешь запах Шутера. Ты чуешь мужчину, ты обоняешь его сигареты. Не твои, а его.*

Морт медленно повернулся и поднял голову. Отсюда была видна половина кремовой стены комнаты на втором этаже. Проем обрамляли темно-коричневые деревянные планки, предназначавшиеся для того, чтобы помешать неосторожному выпасть, разбившись о пол гостиной, ну и для красоты, конечно. Сейчас они не казались Морту декоративными, скорее напоминали прутья тюремной решетки. Все, что удавалось различить в комнате, которую они с Эми называли гостевой спальней, — часть потолка и один из столбиков кровати.

— Вы наверху, мистер Шутер? — крикнул Морт.

Ответа не было.

— Я *знаю*, вы пытаетесь меня напугать! — Вот *теперь* Морт подумал, что ведет себя нелепо. — Но это у вас не пройдет!

Лет шесть назад они подключили большой камин из плитняка в гостиной к плите «Блэкстоун джерси». Стойка с каминными принадлежностями находилась рядом. Морт обхватил пальцами ручку совка для золы, подумал, оставил совок и взял кочергу. Глядя на гостевую комнату за решеткой деревянных планок и занеся кочергу, как рыцарь, приветствующий королеву, он медленно пошел вверх по ступеням. Он чувствовал, как мышцы грызет напряжение, но понимал, что боится *не Шутера,* — он боялся не найти никого.

— Я знаю, что вы здесь, и знаю, что вы ждете, пока я запаникую! Одного не знаю — в чем, собственно, дело, Альфи, но когда я вас найду, вы мне это скажете!

Морт остановился на площадке второго этажа. Сердце глухо стучало в груди. Дверь в гостевую комнату была слева. Дверь в ванную — справа. И вдруг он понял, что Шутер здесь, но не в спальне. Нет, это была уловка. Шутер *хотел*, чтобы он в это поверил.

Шутер был в ванной.

Стоя на площадке со стиснутой в правой руке кочергой — пот лился из-под волос, ручейками сбегая по щекам, — Морт *услышал* Шутера. Слабый шорох. Он здесь, все правильно. Судя по звуку, стоит в ванне и неосторожно шевельнулся. *Ку-ку, Джонни, я тебя слышу! Ты вооружен, придурок?*

Морт понимал, что Шутер пришел не с пустыми руками, но отчего-то не верил, что у него пистолет. В голову пришла мысль, что псевдоним этого человека куда ближе к огнестрельному оружию, чем его обладатель*. По виду, Шутер привык к инструментам попро-

* Shooter — стрелок (*англ.*).

ще. То, что он сделал с Бампом, это косвенно доказывает.

Готов спорить, у него молоток, подумал Морт и свободной рукой вытер мокрую шею сзади. Глаза подрагивали в глазницах в такт ударам сердца. *Спорю, что это молоток из моей пристройки.*

Больше Морт не успел ни о чем подумать — он вдруг ясно увидел Шутера. Тот стоял в ванне в своей круглой черной шляпе и желтых говнодавах, и его губы разошлись над заказанными по почте искусственными зубами в улыбке, больше напоминавшей гримасу. Пот тек по его лицу, оставляя глубокие борозды, как вода, струящаяся по цинковым желобам, а взятый в пристройке молоток занесен к плечу, как у судьи. Шутер неподвижно стоял в ванне, готовый с силой опустить молоток. Следующее дело, бейлиф.

Я тебя знаю, приятель. Я тебя раскусил при первой же встрече. Знаешь, что? Ты не с тем писателем связался. Я с середины мая хочу кого-нибудь убить, и ты для этого прекрасно подойдешь.

Повернувшись в сторону двери спальни, Морт левой рукой (отерев ее о рубашку, чтобы ладонь не скользила в решающий момент) плотно взялся за ручку двери в ванную.

— *Я знаю, что ты там!* — крикнул он. — *Если ты под кроватью, лучше вылезай! Считаю до пяти! Если не вылезешь, я войду... и войду не с пустыми руками! Ты меня слышал!*

Ответа не было... но Морт и не ожидал его. Он не хотел ответа. Крепче сжав ручку ванной, он продолжал вести счет, глядя в сторону спальни. Он не знал, расслышит ли Шутер разницу, если он повернется к ванной, но думал, что может. Этот человек умен. Чертовски умен.

За мгновение до того, как начать считать, Морт услышал новое слабое движение в ванной. Он пропустил бы его, даже стоя под дверью, если бы не прислушивался со всей сосредоточенностью, на которую был способен.

— *Один!*

Боже, как он потеет! Как свинья!

— *Два!*

Ручка двери в ванную холодным камнем лежала в стиснутом кулаке.

— *Т-т...*

Повернув ручку, Морт ворвался в ванную, ударив дверью о стену так, что на обоях осталась отметина, а нижняя петля оторвалась, и вот он, Шутер, идет на него с занесенным оружием, и зубы оскалены в ухмылке убийцы, и глаза безумные, совершенно безумные, и Морт со свистом махнул занесенной кочергой, едва успев осознать, что у Шутера в руке тоже кочерга, и понять, что Шутер без своей круглой черной шляпы, и догадаться, что это он сам, сумасшедший — это он сам, Морт Рейни, когда кочерга обрушилась на зеркало над раковиной, а стекла с серебристой амальгамой брызнули в стороны, сверкнув в полумраке, и шкаф-аптечка рухнул в раковину. Вмятая дверца открылась, как отвисшая челюсть, и посыпались пузырьки с сиропом от кашля, йодом и листерином.

— Я убил чертово зеркало! — вскрикнул Морт, готовый отбросить кочергу, когда что-то действительно шевельнулось в ванне, за рифленой дверцей от душа. Оттуда донесся тоненький испуганный писк. Ухмыльнувшись, Морт сбоку хлестко ударил кочергой, проделав в пластиковой дверце страшную зазубренную дыру и сорвав ее с полозков. Он занес кочергу над головой, вытаращенные глаза стали стеклянными, губы растянулись в гримасу, которую он думал увидеть на лице Шутера.

Морт медленно опустил руку. Ему пришлось другой рукой разжимать сведенные пальцы, чтобы кочерга упала на пол.

— Мелкая сюсюшная трусливая зверушка, — сказал он полевке, отчаянно метавшейся по ванне. — Ну и паника в твоей груденке.

Его голос звучал хрипло, невыразительно и странно. Он не походил на обычный голос Морта. Казалось,

 Морт впервые слушал свою магнитофонную запись.

Он повернулся и медленно вышел из ванной мимо накренившейся двери с вырванной петлей. Осколки зеркала противно хрустели под подошвами.

Ему вдруг захотелось спуститься на первый этаж, прилечь на диван и поспать. Ему хотелось этого больше всего на свете.

24

Разбудил его телефон. Сумерки почти перешли в ночь, поэтому Морт медленно, ощупью пробрался мимо стеклянного кофейного столика, любившего царапаться. При этом возникло странное ощущение, что время каким-то образом идет в обратную сторону. Правая рука ужасно болела, спина тоже. С какой же силой он бил кочергой? Какой же страх заставил его это сделать? Морту не хотелось об этом думать.

Он взял трубку, не ломая голову, кто звонит. В последнее время жизнь стала нечеловечески напряженной, звонить мог президент.

— Алло?

— Как поживаете, мистер Рейни? — прозвучал голос.

Морт вздрогнул, резко отняв трубку от уха, будто змею, желавшую укусить. И медленно поднес ее снова.

— Прекрасно, мистер Шутер, — ответил он, и в горле сразу пересохло. — *Ваши* как дела?

— Я на деревенской ярмарке, — удовлетворил его любопытство Шутер, разговаривавший с густым южным акцентом, который так же убог и заметен, как некрашеный сарай посреди поля. — Но я не верю, что *у вас* все так уж прекрасно. Кража у другого человека, похоже, вас вообще не волнует. А вот быть пойманным за руку... это, похоже, может заставить вас искренне страдать.

— Вы о чем говорите?

Шутер, судя по голосу, немного развеселился.

— Я слышал по радио, кто-то сжег ваш дом. *Тот, другой.* А когда вы вернулись к озеру, то развоевались, войдя в дом. Кричали... вещи ломали... Может, успешные писатели вроде вас закатывают истерики, когда не все идет так, как им нравится? Я прав?

Боже мой, Шутер был здесь. Был.

Морт спохватился, что смотрит в окно, будто Шутер *и сейчас* где-нибудь рядом... прячется в кустах, например, и говорит с Мортом по беспроводному телефону. Нелепость какая-то.

— Журнал с моим рассказом скоро привезут, — сказал Морт. — Когда он будет у меня, вы оставите меня в покое?

Шутер по-прежнему словно забавлялся:

— Нет никакого журнала с рассказом, мистер Рейни. Мы с вами это знаем. Такого журнала от 1980 года не существует. И как бы это могло быть, если мой рассказ не был готов, чтобы вы его крали, до 1982 года?

— *Да ч-черт побери, не крал я ваш ра...*

— Когда я услышал про ваш дом, — перебил Шутер, — то сходил и купил «Вечерний экспресс». Там фотография того, что осталось. Честно говоря, немного. И фотография вашей жены. — Последовала долгая, задумчивая пауза, затем Шутер сказал: — Она к'асивая. — Он с нарочитым сарказмом произнес это с провинциальным акцентом. — Вот как такой урод, набитый баксами, как вы, мог подцепить такую к'асивую женушку, мистер Рейни?

— Мы в разводе, — сообщил Морт. — Я вам об этом говорил. Может, она поняла, насколько я уродлив. Нельзя ли не припутывать к этому еще и Эми? Ведь это наше с вами дело.

Второй раз за несколько дней он говорил по телефону, не совсем проснувшись, почти в беспомощном состоянии, в результате Шутер практически взял раз-

говор целиком под свой контроль. Он водил Морта за нос, принимал решения.

Ну и повесь трубку.

Но Морт не мог. По крайней мере сейчас.

— Наше с вами, вот как? — осведомился Шутер. — Тогда, надо п'лагать, вы никому обо мне не говорили?

— Что вам нужно? Скажите мне! Какого черта вам нужно?

— Похоже, вам нужна вторая причина, почему я приехал?

— *Да!*

— Я хочу, чтобы вы написали мне рассказ, — спокойно сказал Шутер. — Я хочу, чтобы вы написали рассказ, поставили на нем мое имя и отдали мне. Вы мне задолжали. Что правильно, то правильно, что честно, то честно.

Морт стоял в холле, сжимая трубку в болезненно нывшей руке. На лбу пульсировала жилка. Несколько секунд гнев Морта был таким неистовым, что он будто горел заживо, охваченный яростью, и думал только: *Вот оно что! Вот оно что! Вот оно что!* — снова и снова.

— Вы слушаете, мистер Рейни? — спросил Шутер, говоря спокойно и гнусаво.

— Единственное, что я вам напишу, — медленно ответил Морт, и голос его стал густым, как сироп, от пропитавшей его ярости, — это приказ о приведении в исполнение вашего смертного приговора, если вы не оставите меня в покое.

— Все-то ты важничаешь, пилигрим, — сказал Шутер терпеливым голосом человека, объясняющего простую проблему глупому ребенку, — потому что знаешь: я не могу причинить тебе вреда. Если бы ты украл мою собаку или машину, я взял бы твою собаку или машину. Я взял бы их запросто, вот как сломал шею твоему коту. Если бы ты попытался меня остановить, я применил бы к тебе силу и все равно взял то, что мне нужно. Но тут есть разница. Товар, который мне требуется, находится в твоей голове. Ты хранишь его за-

пертым, как в сейфе. А я не могу сорвать дверцу или снести заднюю стенку. Придется искать комбинацию.

— Я не знаю, о чем вы говорите, — произнес Морт. — Но рассказ вы от меня получите не раньше, чем Статуя Свободы наденет памперс, *пилигрим*.

Шутер нараспев заявил:

— Я бы ее сюда не приплетал, но начинаю думать, что вы не оставляете мне выбора.

Язык Морта стал гладким и горячим.

— Что... что вы...

— Хотите проснуться от очередного дурацкого сна и увидеть, что *Эми* пришпилена к мусорному ящику? — спросил Шутер. — Или включить как-нибудь утром радио и услышать, что она проиграла схватку с бензопилой, которую вы держите в своем гараже? Или гараж тоже сгорел?

— Вы соображаете, что говорите? — прошептал Морт. Вытаращенные глаза защипало от слез гнева и страха.

— У вас еще два дня на раздумья. Я бы на вашем месте думал самым упорным образом, мистер Рейни. Ради нее я бы постарался. И вряд ли стал трепаться направо и налево. Это все равно что стоять в грозу на поле и искушать молнию. В разводе, не в разводе, но вы до сих пор неравнодушны к этой леди. Пора вам немного повзрослеть. *Вам это с рук не сойдет.* Вы что, еще не поняли? *Я знаю, что вы сделали, и не отстану, пока не получу свое.*

— *Вы сумасшедший!* — закричал Морт.

— Спокойной ночи, мистер Рейни. — Сказав это, Шутер положил трубку.

25

Пару секунд Морт стоял неподвижно, держа трубку в опущенной руке, еле сдерживаясь, чтобы не запустить телефоном в стену, но взял себя в руки и сделал

несколько глубоких вздохов. Голова закружилась и стала легкой. Морт набрал домашний телефон Герба Крикмора.

Делорес, подруга Герба, подняла трубку на втором звонке и позвала Герба.

— Привет, Морт, — сказал Герб. — Что там за история с домом? — Он отодвинулся от трубки и сказал куда-то в сторону: — Делорес, передвинь, пожалуйста, сковородку на дальнюю конфорку.

В Нью-Йорке сейчас время ужина, подумал Морт, *и Герб мне это вежливо дал понять. А что такого, черт побери?! Только что маньяк угрожал превратить мою жену в телячьи котлеты, но ведь жизнь-то продолжается!*

— Дом сгорел, — произнес Морт. — Страховка покроет убытки. — Он помолчал. — *Денежную стоимость* по крайней мере.

— Мне очень жаль, — сказал Герб. — Я могу чем-то помочь?

— С домом — нет, — ответил Морт. — Но за предложение спасибо. Что касается рассказа...

— Какого рассказа, Морт?

Он осознал, что рука снова стиснула трубку, и заставил себя разжать пальцы. *Герб не представляет, в какой ты ситуации. Необходимо об этом помнить.*

— Того самого, из-за которого пылит мой чокнутый дружок, — напомнил он, стараясь говорить легко и беззаботно, — «Время сева», «Детективный журнал Эллери Куина».

— Ах, этот! — сказал Герб.

Морт ощутил, как внутри толкнулся страх.

— Ты позвонить не забыл?

— Нет, я позвонил, — заверил его Герб. — Просто не сразу вспомнил. Вы потеряли дом и все имущество...

— Ну так что тебе сказали?

— Ни о чем не волнуйтесь. Завтра мне пришлют ксерокс с курьером, и я тут же отправлю его вам «Фе-

дэксом». Копия журнала будет у вас в руках послезавтра в десять утра.

На секунду Морту показалось, что все проблемы решены, и он немного расслабился. Но тут же ему вспомнилось, как горели глаза Шутера, как он набычился, почти упираясь лбом о лицо Морта, и как слабый сухой запах корицы в дыхании Шутера долетел до него со словами: «Ты лжешь».

Ксерокс? Он не уверен, что Шутеру будет достаточно даже *оригинала*. А ксерокс?..

— Нет, — медленно сказал он. — Герб, так не пойдет. Никакого ксерокса или телефонного звонка от редактора. Мне нужен номер журнала.

— Это несколько сложнее. Редакция на Манхэттене, а архив в библиотечном отделении в Пенсильвании. Они хранят всего по пять экземпляров каждого выпуска, больше не могут себе позволить, ведь журнал выходит с 1941 года, и крайне неохотно выдают на руки архивные материалы.

— Да ладно тебе, Герб! «Детективный журнал» можно найти на гаражных распродажах по всей Америке!

— Но не полное же собрание. — Герб помолчал. — Даже телефонный звонок не поможет, говорите? То есть вы хотите сказать, этот тип настолько безумен, что возомнит, будто ему звонит один из ваших бесчисленных клевретов?

В трубке на заднем фоне послышался голос:

— Герб, вино разливать?

Герб прикрыл трубку и попросил:

— Подожди пару минут, Ди.

— Извини, я мешаю вам ужинать, — сказал Морт.

— Ничего, положение обязывает. Слушайте, Морт, скажите мне прямо — этот Шутер действительно опасный сумасшедший?

Я бы не стал трепаться. Это все равно что стоять на поле в грозу и искушать молнию.

— Не думаю, — ответил Морт. — Но я хочу, чтобы он от меня отстал. — Он замялся, подбирая нужные слова. — Герб, последние полгода у меня черная полоса, и это одно из немногих дел, в котором от меня хоть что-то зависит. Я просто хочу, чтобы этот болван отвязался.

— Хорошо, — сказал Герб с внезапной решимостью. — Я позвоню в редакцию Марианне Джеффри. Я ее давно знаю. Если я попрошу ее убедить куратора библиотеки — так его называют, ей-богу, куратор библиотеки — выслать июньский номер за 1980 год, она это сделает. Ничего, если я скажу, что скоро у вас будет для них новый рассказец?

— Конечно, — произнес Морт. *Скажи ей, что рассказ будет подписан «Джон Шутер»*, подумал он и едва не рассмеялся.

— Хорошо. Она попросит куратора переслать вам журнал через «Федэкс» прямо из Пенсильвании. Только верните его в хорошем состоянии, а то придется искать замену на одной из гаражных распродаж, о которых вы говорили.

— А точно успеют доставить журнал к послезавтра? — спросил Морт. Его посетила неприятная мысль, что Герб сочтет его сумасшедшим за одну только просьбу... и решит, что он делает из мухи слона.

— Думаю, шансы очень велики, — ответил Герб. — Я не гарантирую, но я *почти* уверен.

— Спасибо, Герб, — сказал Морт с искренней благодарностью. — Ты крутой.

— Ну что вы, мэм, ерунда, — сказал Герб, скверно имитируя Джона Уэйна, что отчего-то доставляло ему удовольствие.

— Возвращайся к своему ужину. И поцелуй за меня Делорес.

Герб еще не вышел из образа Джона Уэйна.

— Еще чего! Я ее за себя расцелую, *пилигрим*. *Все-то ты важничаешь, пилигрим.*

Морта охватил такой ужас, что он едва сдержал крик. То же слово, та же плоская, нарочитая растяжка. Шутер как-то подключился к его телефонной линии, и кому бы Морт ни звонил, какой бы номер ни набрал, ответит Джон Шутер. Герб Крикмор стал его очередным псевдонимом, и...

— Морт? Вы меня слушаете?

Он закрыл глаза. Едва Герб бросил изображать липового Джона Уэйна, все стало нормальным. Это снова Герб, и только что был Герб Крикмор. Он часто использует это словечко, которое...

Что?

Новый участник парада совпадений? Ага. Конечно. Никаких проблем. Я стою на обочине и смотрю парад. Мимо уже продефилировали совпадения и покрупнее.

— Слушаю, Герб... — сказал он, открыв глаза. — Это я просто подумал, как тебя люблю.

— Скажете тоже, — сказал Герб, явно польщенный. — Но дело с рассказом вы будете улаживать осторожно и осмотрительно, да?

— Да.

— Тогда я пошел ужинать со светом моей жизни.

— Ну и молодец. До свидания, Герб, спасибо тебе.

— Пожалуйста. Я постараюсь, чтобы журнал доставили к послезавтра. Ди тоже говорит вам «до свиданья».

— Не сомневаюсь. Ей ведь не терпится разливать вино, — сказал Морт, и они с Гербом засмеялись.

Едва Морт поставил телефон на столик, фантазии вернулись. Шутер, значит. Изображает в лицах полицейские отчеты*. Морт был один, кругом темнота — самая благодатная почва для фантазий, и все же он не верил — по здравом размышлении, — что Джон Шутер

---

* У Кинга — цитата из поэмы «Бесплодная земля» Элиота, который, в свою очередь, взял это выражение из романа Диккенса «Наш общий друг»: «Вы, может, не поверите, Хлюп хорошо читает вслух газеты. А полицейские отчеты умеет изображать в лицах».

сверхчеловек или гений преступного мира. Обладай Шутер сверхспособностями, он бы знал, что Мортон Рейни не занимается плагиатом — во всяком случае, не крал этот конкретный рассказ, а будь Шутер преступником, он грабил бы банки, а не портил воздух в западной части Мэна, выбивая рассказ из писателя, поднявшегося на романах.

Морт медленно пошел в гостиную с намерением дойти до кабинета и засесть за компьютер, когда одна мысль

(в любом случае не крал этот конкретный рассказ)

поразила его как громом, заставив остановиться.

Что значит — *этот* не крал? Разве он хоть раз в жизни присваивал чужие работы?

В первый раз после появления на пороге Шутера со стопкой листков Морт серьезно задумался об этом. В бесчисленных рецензиях на книги Морта Рейни неоднократно отмечалось, что он не оригинален и грешит заимствованием сюжетов. Он помнил, как Эми читала рецензию на «Мальчика Перемалывателя органов», где сначала отдавали должное динамизму и легкому языку романа, а затем высказывали предположение об определенной подражательности сюжета. Эми тогда сказала: «Ну и что? Можно подумать, критики не знают, что существует минимум пять удачных оригинальных сюжетов, которые писатели пересказывают снова и снова?»

Сам Морт считал, что существует минимум шесть сюжетов: успех, провал, любовь и потеря, месть, ошибочное принятие одного персонажа за другого и борьба за власть — от Бога или дьявола. Первые четыре он пересказывал снова и снова, как одержимый; если подумать, то и в сборник «Время сева» вошли три из этих сюжетных мотивов. Но разве это плагиат? Если да, то все романисты в мире повинны в плагиате.

Плагиат, считал Морт, — это неприкрытая кража. А он в жизни не совершал ничего подобного. *Никогда.*

— Никогда, — решительно произнес он и зашагал в кабинет с высоко поднятой головой, как воин, идущий на поле брани. И там он просидел следующий час, не написав ни слова.

26

Бесплодная трудовая смена за компьютером убедила Морта, что ужин неплохо бы выпить, а не съесть, и он уже приканчивал второй бурбон с водой, когда телефон снова зазвонил. Морт осторожно подошел к аппарату, сильно пожалев об отсутствии автоответчика. У них все-таки есть одно первоклассное качество: можно отслеживать входящие звонки и отделять друзей от врагов.

Морт нерешительно стоял над телефоном, думая, как ему не нравится звук, который издают современные аппараты. Когда-то они звенели и даже весело бренчали, теперь же издают пронзительное завывание, напоминающее о мигрени, которой не терпится начаться.

Ну возьмешь трубку или так и будешь стоять, слушая, как он звонит?

Я не хочу говорить с ним снова. Он пугает меня, он будит во мне ярость, и я не знаю, какое из этих состояний мне меньше нравится.

Может, это не он.

А может, он.

Настойчивое кружение этих мыслей оказалось еще хуже пиликающего «тиуиу» телефона, поэтому Морт поднял трубку и грубо сказал «алло». Звонил совсем не опасный смотритель его дома, Грег Карстерс.

Грег, разумеется, расспрашивал о пожаре. Морт снова ответил на все вопросы, думая, что объяснять про пожар — это почти как рассказывать о чьей-то скоропостижной смерти: если что-то и способно вы-

 вести из шокового состояния, так это частое повторение известных фактов.

— Слушай, Морт, я сегодня в конце дня побеседовал с Томом Гринлифом... — начал Грег. Морт подумал, что Грег говорит немного чудно — как бы с опаской. — Они с Сани Троттсом красили методистскую церковь.

— Ты говорил с ним о моем приятеле?

— Говорил, — подтвердил Грег еще более осторожно.

— Ну и?

После короткой паузы Грег произнес:

— Том сказал, может, ты дни перепутал.

— Перепу... как это понимать?

— Видишь ли, — извиняющимся тоном начал Грег, — Том сказал, что *действительно* проезжал вчера днем по Лейк-драйв и видел тебя. Он тебе помахал, и ты махнул в ответ. Но, Морт...

— Что? — Морт испугался, что уже знает ответ.

— Том утверждает, что ты был один, — закончил Грег.

27

Долгую минуту Морт молчал. Ему казалось, он не в силах ничего сказать. Грег тоже не произносил ни слова, явно давая ему время подумать. Том Гринлиф, конечно, не желторотик, он был шефом Дейва Ньюсама минимум три, а то и все шесть лет. Но он и не старый маразматик.

— Боже мой, — выдавил наконец Морт. Он говорил очень тихо. У него отчего-то перехватило дыхание.

— Я тут думаю, — несмело вступил Грег, — может, это *Том* перепутал дни? Сам понимаешь, его нельзя назвать...

— ...желторотым птенцом, — закончил Морт. — Это понятно. Но если в Тэшморе кто-нибудь лучше его

замечает приезжих, то я не знаю кто. Том Гринлиф помнит чужих всю свою *жизнь*, Грег. Это одна из *обязанностей* местных сторожей-смотрителей. — Он несколько секунд колебался, но внезапно его прорвало: — Он же смотрел прямо на нас! Он смотрел на нас *обоих*!

Осторожно, словно пытаясь пошутить, Грег сказал:

— А ты точно не придумал этого типа, Морт?

— Такую возможность я даже не рассматривал, — медленно произнес Морт. — До этой минуты. Если ничего подобного не было, а я бегаю и всем рассказываю, что *было*, получается, я сумасшедший.

— Я так не думаю, — поспешно возразил Грег.

— Зато я думаю, — сказал Морт, соображая: *Может, этого он и добивается — заставить всех считать меня сумасшедшим. А в конце концов сделать правдой то, во что все поверили.*

Точно. И провернуть это дельце он договорился со старым Томом Гринлифом. Хуже того, Том, наверное, съездил в Дерри и поджег дом, пока этот мерзавец Шутер оставался тут и расправлялся с котом, правильно?

А теперь подумай об этом. Хорошенько подумай. Был он здесь? Был он здесь ДЕЙСТВИТЕЛЬНО?

Морт размышлял напряженнее, чем когда-нибудь о чем-нибудь размышлял в жизни; упорнее, чем о Эми и Теде и о том, что делать с ними после того, как он застал их в постели в тот майский день. *Неужели* Джон Шутер — его галлюцинация?

Он снова подумал о нечеловеческом проворстве, с которым Шутер схватил его и швырнул о бок машины.

— Грег!

— Я слушаю, Морт.

— Том и машины не видел? Старого универсала с номерами штата Миссисипи?

— Он сказал, что вообще не видел вчера машин на Лейк-драйв. Ты стоял в начале тропки, спускающейся к озеру. Том решил, ты любуешься видом.

Это жизнь или «Меморекс»?

Морт все возвращался мыслями к сильной хватке Шутера на своих руках повыше локтей, к скорости, с которой он, Морт, отброшенный Шутером, отлетел к машине. «Ты лжешь», — сказал Шутер. Морт видел сдерживаемую ярость в его глазах, улавливал сухой коричный запах его дыхания.

Его руки.

Давление его пальцев.

— Грег, подожди секунду, не вешай трубку.

— Конечно.

Морт попытался закатать рукава. Ему это не удалось — руки сильно тряслись. Тогда он расстегнул рубашку, стянул ее и взглянул на свои руки. Сначала он ничего не увидел, но до отказа вывернул руки наружу, и — вот, два желтеющих синяка, по одному на каждой руке, с внутренней стороны над локтями.

Следы, оставленные большими пальцами Джона Шутера, когда тот схватил Морта и швырнул о машину.

Морт вдруг подумал, что начинает все понимать, и испугался. Не за себя.

Он испугался за старого Тома Гринлифа.

28

Морт снова взял трубку:

— Грег!

— Слушаю.

— Том нормально выглядел, когда ты с ним говорил?

— Он был очень уставшим, — тут же ответил Грег. — Придурковатому старику нечего лазать по лесам и красить целый день на холодном ветру. Не по возрасту. Он, по-моему, готов был упасть на ближайшую охапку листьев, если быстро не дойдет до кровати. Я понимаю, к чему ты клонишь, Морт, и готов согласиться: от усталости у Тома *могло* что-то выпасть из памяти, но...

— О, я совсем не об этом. Ты уверен, что это была усталость? Испуганным он тебе не показался?

На этот раз на другом конце линии повисла долгая пауза. Несмотря на нетерпение, Морт ее не нарушал. Он был готов дать Грегу все время мира для раздумий.

— Он казался не таким, как всегда, — произнес наконец Грег. — Он был *рассеянным*... будто думал о чем-то своем. Я списал это на обычную старческую усталость, но, может, это действительно была не усталость. Или не только усталость.

— Мог он что-то от тебя скрывать?

На этот раз пауза была недолгой.

— Не знаю, вероятно, мог. Этого я наверняка не скажу, Морт. Я уже и так сожалею, что не поговорил с ним дольше. Надо было прижать Гринлифа сильнее.

— Нам бы с тобой вместе к нему съездить, — сказал Морт. — Все было так, как я тебе рассказал, Грег. Если Том говорит иное, значит, мой приятель напугал его до икоты. Давай к нему подъедем. Я тебя там подожду.

— Хорошо. — В голосе Грега снова появилось волнение. — Но знаешь, Том не из тех, кого легко напугать.

— Раньше — да, но ему стукнуло семьдесят пять. Может, чем старше становишься, тем легче тебя напугать?

— Слушай, поеду-ка я к нему прямо сейчас.

— Хорошо. — Морт повесил трубку, вылил остаток бурбона в раковину и отправился к Тому Гринлифу.

29

Грег парковался на подъездной дорожке, когда подъехал Морт. «Скаут» Тома стоял у черного входа. Грег был во фланелевой куртке с поднятым воротником: ветер с озера дул резкий и довольно неприятный.

— Живой, — сразу сказал он Морту.

— Откуда ты знаешь?

Они говорили, понизив голоса.

— Я увидел «скаут» и пошел к задней двери. На ней приколота записка, что у Тома был трудный день и он пораньше лег спать. — Грег улыбнулся и отбросил с лица длинные волосы: — *Еще* там сказано, если он понадобится кому-то из простых смертных, пусть звонят мне.

— Записка написана рукой Тома?

— Да, крупными стариковскими каракулями. Я их сразу узнаю. Я обошел дом и заглянул в окно спальни. Гринлиф там. Окно закрыто, но непонятно, как выдерживают стекла — он так храпит! Хочешь сам посмотреть?

Морт вздохнул и покачал головой:

— Тут что-то не так, Грег. Том видел нас обоих. Через пару минут после того, как Том проехал, этот тип взбеленился и схватил меня за локти. Остались синяки, могу показать, если хочешь.

Грег пожал плечами.

— Я тебе верю. Чем дольше я об этом думаю, тем меньше мне нравится, *как* Том сказал, что ты был один. Он держался как-то... отстраненно. Утром поговорю с ним еще раз. Или давай вместе поговорим.

— Было бы неплохо. Когда?

— А подъезжай к методистской церкви в полдесятого. К тому времени Том напьется кофе — от него слова не добьешься, пока он кофе не выпьет, — и мы стащим его вниз с этих чертовых лесов. Может, жизнь ему спасем. Годится?

— Да. — Морт протянул руку. — Прости, что выдернул тебя на охоту за призраками.

Грег пожал ему руку.

— Не извиняйся. Тут что-то не так, и я настроен выяснить, что именно.

Морт сел в «бьюик», Грег — за руль своего пикапа, и они разъехались в противоположных направлениях, оставив старого Гринлифа спать.

Сам Морт не мог заснуть почти до трех утра. Он ворочался в спальне, пока простыни не сбились в комок. Не вытерпев, он в полусне перешел в гостиную, на диван, по пути пребольно ударившись ногами о норовистый кофейный столик. Монотонно выругавшись, Морт лег, поправил подушки под головой и почти сразу провалился в черную дыру.

30

Когда в восемь утра Морт проснулся, ему показалось, что он чувствует себя прекрасно. Он продолжал так думать, пока не спустил ноги с дивана и не сел. У него вырвался громкий стон, почти сдавленный вопль — просидеть он смог всего секунду, пытаясь одновременно схватиться за спину, колени и правую руку. Рука болела сильнее всего, поэтому он схватился за нее. Морт где-то читал, что в панике у людей появляется нечеловеческая сила — они легко приподнимают автомобили, под которыми находится сбитый ребенок, голыми руками душат доберманов-убийц и только потом, когда схлынет адреналин, чувствуют, как перенапрягли мышцы. Сейчас Морт в это поверил. Рванул же он дверь ванной на втором этаже так, что отскочила петля. С какой силой он бил кочергой? Ему не хотелось об этом думать, но судя по тому, как болела спина и правая рука, сильнее, чем нужно.

Не хотелось думать и о том, какой предстанет перед ним разгромленная ванная комната, когда спала красная пелена ярости. Морт *знал*, что все починит сам — ну все, что сможет починить. Ему пришло в голову, что у Грега Карстерса уже появились серьезные сомнения в его, Морта, здравом рассудке, несмотря на все протесты и уверения в обратном. Сломанная дверь ванной, раскуроченная дверца душа, разбитый шкафчик с лекарствами мало поспособствуют восстановлению доверия. Морт вспомнил свою догадку о том, что

Шутер, видимо, пытается убедить всех вокруг в его, Морта, безумии, и теперь, при свете дня, эта мысль отнюдь не показалась глупой. Наоборот, она предстала более логичной и оправданной, чем прежде.

Однако Морт обещал встретиться с Грегом у методистской церкви через полтора часа — теперь времени осталось даже меньше — и поговорить с Томом Гринлифом. Сидеть в гостиной и нянчиться с болячками бесполезно, это никак не поможет добраться до места встречи.

Морт с трудом поднялся и медленно поплелся в ванную на первом этаже. Он открыл воду, настолько горячую, что от нее поднимались клубы пара, проглотил три таблетки аспирина и встал под душ.

Когда он вышел из ванной комнаты, аспирин начал действовать, и он понял, что кое-как доживет до вечера. Приятного все равно мало, и время будет тянуться мучительно медленно, но он уже мог терпеть боль.

Сегодня второй день, подумал Морт, одеваясь. Какие-то мгновения он содрогался от дурного предчувствия. *Завтра назначенный срок.* Вспомнилась Эми и сразу слова Шутера: *Я бы ее сюда не приплетал, но начинаю думать, что вы не оставляете мне выбора.*

Судорога снова скрутила Морта. Сначала сумасшедший сукин сын убивает Бампа, затем угрожает Тому Гринлифу (конечно же, он запугал Тома Гринлифа), и, как теперь понятно, возможно, именно Шутер поджег дом в Дерри. Наверное, Морт знал об этом с самого начала, просто не желал признаваться себе самому. Избавиться от журнала, спалив дом, — вот основная миссия Шутера. В своем безумии он не понимал, что существуют и другие экземпляры июньского журнала, которые несложно достать. Подобные детали не входят в картину мира сумасшедшего.

А Бамп? Мысль расправиться с котом, видимо, пришла Шутеру в голову спонтанно. Он вернулся, увидел на крыльце Бампа, ожидавшего, когда его пустят

в дом, понял, что Морт еще спит, и убил бедного кота по внезапной прихоти. Съездить за несколько часов в Дерри и обратно сложно, но при желании реально. Все сходится.

А теперь он угрожает взяться за Эми.

Надо ее предупредить, подумал Морт, заправляя рубашку в брюки. *Позвонить ей сегодня же и выложить все начистоту. Справиться с противником без посторонней помощи — это одно, но стоять в стороне, когда сумасшедший пытается втянуть единственную женщину, которую ты любил, в то, о чем она и представления не имеет, — совсем другое.*

Но прежде он поговорит с Томом Гринлифом и добьется правды. Без подтверждения Тома, что Шутер здесь и реально опасен, поведение Морта будет казаться подозрительным или ненормальным. Скорее всего ненормальным. Стало быть, сначала Том.

Прежде чем встретиться с Грегом у методистской церкви, Морт решил заехать в «Боуис» и съесть знаменитый Гердин омлет с сыром и беконом. Война войной, а обед по расписанию, рядовой Рейни. Ваша правда, сэр. В холле перед входной дверью Морт открыл деревянный ящичек на стене над телефонным столиком и пошарил там в поисках ключей от «бьюика». Ключей на месте не было.

Нахмурившись, он пошел в кухню. Ключи лежали на столе у раковины. Взяв, Морт задумчиво взвесил ключи на ладони. Разве вчера, съездив к дому Гринлифа, он не положил их на место? Он старался вспомнить — и не мог. Он всегда бросал ключи в ящик, войдя домой, это стало привычкой, потому и не запоминалось. Если спросить человека, который любит яичницу, что он ел на завтрак три дня назад, он не вспомнит, но *предположит*, что ел яичницу, поскольку часто ест на завтрак именно ее, однако точно не скажет. Так и здесь: Морт приехал уставшим, все у него болело, и тревожные мысли не давали покоя. Он просто не помнит.

Однако это ему не понравилось.

Ему это совсем не понравилось.

Он подошел к двери и открыл ее. Там, на досках веранды, лежала черная круглая шляпа Джона Шутера.

Морт стоял на пороге и смотрел на нее, стиснув ключи от машины; медный брелок свешивался из кулака, «зайчиками» отражая утреннее солнце. Морт слышал, как в ушах пульсирует кровь — медленно и размеренно. В глубине души он чего-то подобного ожидал.

Шляпа лежала на том самом месте, где Шутер оставлял свою рукопись. А на подъездной дорожке стоял «бьюик». Вчера Морт оставил машину за углом — *это* он прекрасно помнил, а сейчас она здесь.

— *Что вы сделали?* — вдруг заорал Морт Рейни в утреннее солнце, и птицы, беззаботно чирикавшие на деревьях, разом смолкли. — *Что вы еще наделали, Бога ради?*

Но если Шутер и прятался где-то рядом, он не ответил. Видимо, знал, что Морт достаточно скоро узнает, *что* он сделал.

31

Пепельница в «бьюике» была открыта, в ней лежали два окурка сигарет без фильтра. Морт осторожно взял один бычок, поморщившись от отвращения: не иначе «Пэлл-Мэлл» Шутера. Так и оказалось.

Он повернул ключ, и мотор сразу завелся. Морт не услышал постукивания и хлопков: мотор заработал так, словно был уже прогрет. Шляпа Шутера теперь лежала в багажнике. Морт поднял ее с тем же отвращением, что и окурок, кончиками пальцев за поля. Внутри ничего не было, только очень старый ободок — лента с пятнами пота. Однако от нее исходил запах, более резкий и едкий, чем пот. Это был запах, который Морт смутно припоминал, но не мог определить. Ни-

чего, выяснится позже. Сначала он положил шляпу на заднее сиденье, но подумал, что меньше чем через час встретится с Грегом и Томом. Ему не хотелось, чтобы они увидели шляпу. Морт не мог бы сказать точно почему, но сегодня казалось надежнее доверять своим инстинктам, нежели сомневаться, поэтому он бросил шляпу в багажник и поехал в город.

32

Морт снова проехал мимо дома Гринлифа, направляясь в «Боуис». «Скаута» на подъездной дорожке не было. На мгновение в душе шевельнулась тревога, но Морт тут же подумал, что это скорее хороший знак — Том уже уехал на работу. Или в «Боуис» — Гринлиф был вдовцом и частенько ел в буфете универсального магазинчика.

Большинство служащих тэшморского департамента общественных работ сидели у стойки, попивая кофе и обсуждая приближавшееся открытие сезона охоты на оленей, но Тома

(убили, он мертв, Шутер его прикончил, и догадайтесь, на чьей машине он приезжал)

среди них не было.

— Морт Рейни! — воскликнула Герда Боуи грубым, как у спортивной болельщицы, голосом. Она была высокой, с густым начесом мелко вьющихся каштановых волос и огромной грудью. — Сто лет вас не видела! Новые бестселлеры пишете?

— Пытаюсь, — ответил Морт. — Герда, вы не сделаете мне ваш фирменный омлет?

— Да ни в жизнь, блин! — крикнула Герда и засмеялась, показывая, что шутит. Парни из отдела общественных работ в своих оливково-серых комбинезонах тоже рассмеялись. Морт на мгновение пожалел, что не носит под твидовой спортивной курткой боль-

шой пистолет вроде «смит-и-вессона» 29-й модели. Бум-пух-трах — и здесь восстановился бы некоторый порядок. — Подходите, Морт, не стесняйтесь.

— Спасибо.

Принеся омлет с тостом, кофе и «Офишиал джорнал», Герда сказала, понизив голос:

— Слышала о вашем разводе. Очень сочувствую.

Морт поднес кружку кофе к губам почти не дрогнувшей рукой.

— Спасибо, Герда.

— Вы за здоровьем своим следите?

— Ну... стараюсь.

— Вы как-то осунулись.

— Иногда заснуть ночью бывает непросто. Наверное, я еще не привык к тишине.

— Чушь! Это вы спать в одиночку не привыкли. Но мужчине не обязательно всю жизнь спать в холодной постели, если его женщина не ценит того хорошего, что имеет. Вы не против, что я с вами об этом говорю?

— Вовсе нет, — сказал Морт, хотя на самом деле резко возражал, считая, что Энн Лэндерс* из Герды Боуи хреновая.

— Но вы единственный знаменитый писатель в нашем городке.

— Ну и слава Богу, наверное.

Герда снова рассмеялась и ущипнула Морта за ухо. Он не совсем понял, к чему это она и как отреагируют здоровяки в комбинезонах, если он вопьется зубами в ущипнувшую его руку. Морта поразило, какой заманчивой вдруг показалась эта мысль. Что, если здесь все только и говорили о нем и Эми? Наверное, одни утверждали, что она не ценила то хорошее, что имела, а другие считали, что бедная женщина устала жить

---

* Журналистский псевдоним автора популярной колонки советов в газете «Чикаго-сан-таймс», под которым в разные времена писали Рут Кроули и Эстер Ледерер.

с сумасшедшим и вовремя унесла ноги. Но никто из этих тварей не знает, о чем они болтают или как они с Эми жили в счастливые времена. Конечно, их развод обсуждали, обреченно подумал Морт. В сплетнях людям нет равных. Всякий свысока рассуждает о тех, чьи имена увидел в газетах.

Он посмотрел на тарелку с омлетом, и отчего-то ему расхотелось есть.

Тем не менее он начал резать омлет и смог большую часть протолкнуть в горло. День предстоял долгий, и мнение Герды Боун о его внешности и личной жизни этого не изменит.

Когда, доев и расплатившись за завтрак и газету, Морт вышел из магазина (департамент общественных работ в полном составе свалил минутой раньше, причем один парень выпросил у Морта автограф для своей племянницы на день рождения), было пять минут десятого. Морт сидел за рулем, пытаясь найти в газете новости о своем доме в Дерри, и тут увидел статью на третьей странице. Заголовок гласил: «Пожарные инспекторы Дерри зашли в тупик с поджогом Рейни». Сама статья занимала меньше половины колонки и заканчивалась так: «Комментария Мортона Рейни, автора популярных бестселлеров «Мальчик Перемалывателя органов» и «Семейство Делакур», получить не удалось». Значит, Эми не дала репортерам тэшморский телефон. Хорошо. Надо поблагодарить, когда он будет говорить с ней сегодня.

Но прежде всего Том Гринлиф. Морт и так опаздывал на двадцать минут. Когда он доберется до церкви, будет почти полдесятого. Он завел мотор и выехал.

33

Когда Морт приехал к методистской церкви, на дорожке стоял одинокий старый «форд-бронко» с жилым полуприцепом сзади и надписями на каждой

дверце «Санни Троттс — малярка, присмотр, плотницкие работы». На лесах Морт увидел самого Санни, лысого коротышку лет сорока с веселыми глазами. Он широкими мазками красил стену, а поставленный рядом бумбокс наяривал что-то лас-вегасское, Эда Эймса или Тома Джонса — в общем, парней, которые поют в расстегнутой до пупа рубашке.

— Привет, Санни, — сказал Морт.

Санни продолжал красить, водя кистью почти в идеальном ритме под гипотетического Эда Эймса, спрашивающего в песне, что такое человек и что у него есть. Эти вопросы Морт тоже задавал себе пару раз, только без сопровождения духовых.

— *Санни!*

Санни дернулся, с кисти брызнула белая краска, и на мгновение Морт испугался, что маляр вот-вот рухнет с лесов. Но Санни схватился за веревку, обернулся и посмотрел вниз.

— Мистер Рейни?! — сказал он. — Вы меня чертовски напугали!

Морту отчего-то вспомнилась говорящая дверная ручка из диснеевского мультфильма об Алисе в Стране чудес, и он с трудом подавил смех.

— Мистер Рейни, у вас все в порядке?

— Да. — Морт сглотнул, чтобы не улыбнуться. Этому фокусу он научился в приходской школе тысячу лет назад: единственный способ не засмеяться после вопроса дурака. Как большинство эффективных методов, этот был болезненным. — Я уж думал, вы сейчас упадете.

— Я? Никогда. — Санни сам засмеялся и уменьшил громкость бумбокса. — Том может грохнуться, а я нет.

— А где Том? — спросил Морт. — Я хотел с ним поговорить.

— Позвонил рано утром и сообщил, что сегодня прийти не сможет. Я сказал — все нормально, тут все равно работы на двоих не хватит. — Санни уверенно

смотрел на Морта сверху вниз. — Работы-то хватит, если честно, но Том в последнее время слишком много набирает на свою тарелку. Тяжеловато для старика. Он сказал, что у него отказала спина. А как он думал, конечно, откажет. И говорил он как-то совсем иначе.

— В какое время это было? — спросил Морт, стараясь не выдать волнения.

— Рано, — отозвался Санни. — Часов в шесть или около того. Я как раз собирался посетить мой сральникориум для ежеутреннего отправления. У меня это как часы, — с нескрываемой гордостью отметил Санни. — Том, конечно, знает, когда я встаю сделать свои дела.

— И, судя по его голосу, он чувствовал себя скверно?

— Да-да, на себя был не похож. — Санни помолчал, нахмурился, словно стараясь что-то вспомнить, но, пожав плечами, продолжал: — Ветер вчера дул с озера, вот старика и просквозило. Ничего, Томми у нас железный. Через день-другой будет как огурчик. Я больше волнуюсь, что он ни на что не посмотрит и героически полезет на верхотуру. — Санни кистью указал на подмостки лесов, закапав белыми каплями доски, на которых стоял. — Может, я чем-нибудь сумею вам помочь, мистер Рейни?

— Нет, — сказал Морт. Под сердцем у него лег сухой шарик ужаса, как кусок скомканной парусины. — А Грега вы не видели, случайно?

— Грега Карстерса?

— Да.

— Сегодня еще нет. У него же клиенты почище, — засмеялся Санни. — Поднимается позже всех, вот он какой.

— Грег вроде тоже собирался подъехать повидать Тома, — сказал Морт. — Вы не против, если я тут его подожду? Он еще может появиться.

— Располагайтесь, — позволил Санни. — Музыка вам не мешает?

— Нет, совсем нет.

— Сейчас в телемагазине можно купить такие крутые записи, надо только продиктовать номер вашей «Мастеркард». Даже за звонок платить не придется. Восьмизначный телефон. — Он кивнул на бумбокс и восторженно посмотрел сверху на Морта. — Это Роджер Уиттакер, — уважительно сказал он, понизив голос.

— Ого.

Санни нажал «пуск». Роджер Уиттакер пел, что бывали времена (певец не сомневался, что слушатели в курсе), когда он откусывал больше, чем мог прожевать. С Мортом тоже такое бывало, только без сопровождения оркестра. Он бродил по бровке подъездной дорожки, рассеянно барабаня по карману рубашки. Его немного удивило наличие там старой пачки «Эл энд эм», где осталась одна-единственная сигарета. Он прикурил эту последнюю, передернувшись от предчувствия резкого вкуса. Но все оказалось не так уж плохо. Фактически табак почти не имел вкуса... будто годы хранения его украли.

Это не единственное, что украли годы.

Как это верно. Безотносительно, но верно. Морт курил и смотрел на дорогу. Теперь Роджер Уиттакер рассказывал, что нагруженный корабль стоит в заливе, и скоро им в Англию плыть. Санни Троттс подпевал последнее слово каждой строчки — не больше, только последнее слово. Легковые автомобили и грузовики проезжали по Двадцать третьему шоссе в обе стороны. «Форд-рейнджер» Грега не показывался. Морт отбросил сигарету, посмотрел на часы и увидел, что уже без четверти десять. Стало понятно, что Грег, возводивший пунктуальность почти в религиозный культ, не придет.

Шутер убил их обоих.

А-а, фигня! Ты этого не знаешь!

Нет, знаю. Шляпа. Машина. Ключи.

Ты делаешь не просто поспешные, а прямо-таки скоропалительные выводы.

Морт повернулся и зашагал к лесам.

— Наверное, забыл, — сказал он, но Санни не слышал. Он покачивался, увлеченный своей настенной живописью и соулом Роджера Уиттакера.

Морт сел в «бьюик» и поехал. Погруженный в свои мысли, он не обратил внимания, что Санни его окликнул.

Музыка заглушила голос Санни Троттса.

34

Вернувшись к дому в четверть одиннадцатого, Морт вылез из машины и направился к дверям, но на полдороге повернул обратно, дошел до «бьюика» и открыл багажник. Шляпа лежала там, круглая, нахальная, настоящая жаба в воображаемом саду. Морт поднял ее — на этот раз не так брезгливо, как в первый раз, громко захлопнул багажник и пошел в дом.

Он остановился в холле, не зная, что предпринять дальше... и вдруг без всякой причины надел шляпу себе на голову. В первое мгновение его передернуло, как от неразбавленного виски, но дрожь тут же прошла.

Шляпа, кстати, сидела на удивление хорошо.

Морт медленно дошел до спальни, включил свет, встал перед зеркалом — и едва не рассмеялся: на него смотрел вылитый персонаж с вилами с картины Гранта Вуда «Американская готика». Морт очень на него походил, хотя на картине мужчина был лысым. Шляпа полностью закрывала волосы, как и Шутеру (если у Шутера вообще *были* волосы — это еще предстояло выяснить, хотя Морт думал посмотреть при новой встрече, раз шляпа Шутера теперь оказалась у него), и касалась краешков ушей. Вид у Морта был презабавный. Можно сказать, умора.

Но беспокойный голос в голове спросил: *Зачем ты ее надел? На кого, по-твоему, ты похож? На него?*

И смех затих. *Зачем* он вообще надел эту шляпу?

Потому что он *так хочет*, тихо подсказал беспокойный голосок.

Да? Но почему? С какой стати Шутеру желать, чтобы Морт надел его шляпу?

Возможно, он *хочет, чтобы ты...*

Да? — подбодрил Морт беспокойный голосок. *Чего он от меня хочет?*

Решив, что голос замолчал, он потянулся к выключателю, но голос заговорил снова:

...чтобы ты запутался, закончил он.

Зазвонил телефон, Морт вздрогнул, виновато сдернул шляпу (примерно как мужчина, которого едва не застали, пока он примерял белье жены) и пошел отвечать, думая, что звонит Грег и сейчас выяснится, что Том у него дома. Наверняка все получилось так: Том позвонил Грегу, рассказал о Шутере и его угрозах, и Грег забрал старика к себе, чтобы защитить. Это казалось настолько логичным, что Морт не понимал, как он не догадался раньше.

Но это был не Грег. Звонил Герб Крикмор.

— Все устроилось, — весело отрапортовал он. — Марианна для меня все сделала. Она умница.

— Марианна? — глупо переспросил Морт.

— Марианна Джеффри из «ДЖЭК»! — сказал Герб. — Ну как же, «ДЖЭК» «Время сева». Номер за июнь 1980-го? Вы понимаете, о чем я толкую, бвана*?

— О... — произнес Морт. — Прекрасно! Спасибо, Герб! Это уже точно?

— Да! Завтра получите — настоящий журнал, не ксерокс. Доставят из Пенсильвании «Федеральным экспрессом». Мистер Шутер там у вас не объявлялся?

— Пока нет. — Морт посмотрел на черную шляпу в руке. От нее по-прежнему исходил странный, пробуждающий смутные воспоминания запах.

---

* Хозяин (*суахили*).

— Как говорится, отсутствие новостей — хорошие новости. Вы с местной полицией пообщались?

Разве он обещал это Гербу? Морт не помнил, но мог и обещать. Лучше подстраховаться.

— Да, но старина Дейв Ньюсам в панику не ударился. Он считает, Шутер просто затеял какую-то игру. — Лгать Гербу оказалось отвратительно, особенно когда тот оказал ему большую услугу, но какой смысл говорить правду? Слишком дико, слишком сложно.

— Зато вы передали информацию. Я считаю, это важно, Морт. Я действительно так считаю.

— Я понял.

— Вам нужно что-нибудь еще?

— Нет. Спасибо тебе огромное. Ты мне жизнь спас. — У Морта мелькнула мысль, что это, может, и не совсем фигура речи.

— Пожалуйста. Помните, что в маленьких городах «Федэкс» обычно оставляет бандероли на почте. Хорошо?

— Хорошо.

— Как движется новая книга? Давно хотел спросить.

— Прекрасно! — добродушно воскликнул Морт.

— Ну и слава Богу. Развяжитесь с этим типом и садитесь за работу. Работа спасала многих и получше нас с вами, Морт.

— Я знаю. Всех благ твоей леди.

— Спасибо, и вашей... — Герб оборвал фразу. Морт так и слышал, как он прикусил губу. К разводам трудно привыкнуть. Говорят, люди продолжают чувствовать руку или ногу и после ампутации. — ...и вам тоже, — закончил он.

— Спасибо, — сказал Морт. — Всего хорошего, Герберт.

Он медленно вышел на веранду и посмотрел вниз, на озеро. Сегодня на воде не было ни одной лодки. *Я опережаю его на один ход. Я смогу показать ему чертов журнал. Может, он и тогда не успокоится... но*

 ведь попытка не пытка. Он же сумасшедший, никогда не знаешь, чего ждать от представителей легендарного Племени Ненормальных. В этом заключается их сомнительное очарование: с ними возможно все.

Возможно даже, что Грег сейчас дома, подумал Морт, — мог же он, в конце концов, забыть о назначенной встрече у методистской церкви, или его задержало что-нибудь, не имеющее отношения к делу. Охваченный неожиданной надеждой, Морт подошел к телефону и набрал номер Грега Карстерса. На третьем звонке Морт вспомнил, как тот неделю назад говорил — жена и дети погостят у его родни еще неделю. Меган в будущем году пойдет в школу, детей будет сложнее отправлять надолго.

Поэтому Грег сейчас в доме один.

(шляпа)

Как и Том Гринлиф.

(машина)

Молодой муж и старый вдовец.

(ключи)

Но как это могло произойти? О, это не сложнее, чем купить в телемагазине кассету Роджера Уиттакера. Шутер едет к Тому Гринлифу, но не на своем универсале — это было бы все равно что наклеить на лоб объявление. Свою машину он оставляет перед домом Морта Рейни или, может, сбоку и отправляется к Тому на «бьюике». Заставляет Тома позвонить Грегу, вытащив того из постели, а Грег знает, что с Томом неладно, и быстро приезжает. Тем временем Шутер заставляет Тома позвонить Санни Троттсу и сказать, что плохо себя чувствует и не выйдет на работу. Приставив отвертку к вене на шее старика, Шутер угрожает — если тот плохо справится со своей ролью, пусть пеняет на себя, старый дурак. Том разыгрывает все как по нотам... хотя даже Санни, не особенно проницательный и только что разбуженный, замечает: Том на себя не похож. Шутер приканчивает Тома отверткой. А ко-

гда приезжает Грег Карстерс, Шутер тоже отверткой — или чем-то подобным — убивает и *его*. И...

Выбрось из головы это дерьмо. У тебя сильно разыгрались нервы, и ничего больше. Повтори: и больше... НИЧЕГО.

Довод был резонный, но для Морта неубедительный. Это не «Честерфилд», это не устраивает*.

Морт расхаживал по первому этажу дома, дергая и вертя шляпу.

А как же машины? «Скаут» Тома и «рейнджер» Грега? Добавь «бьюик», и получатся уже три машины — четыре, если считать «форд»-универсал, а Шутер, как ни крути, не умеет раздваиваться.

Ответа Морт не знал... зато он знал, что хватит — значит хватит.

Он снова подошел к телефону, вынул из ящика телефонный справочник, принялся искать номер констебля, но вдруг остановился.

Одна из этих машин — «бьюик». Мой «бьюик».

Морт медленно положил трубку, силясь понять, как Шутер сумел так все рассчитать со столькими машинами. Ничего не придумывалось. Это все равно что сидеть перед компьютером, когда ничего не приходит в голову, — перед глазами только пустой экран. Но одно Морт понял: ему не хочется звонить Дейву Ньюсаму. Только не сейчас. Он отошел от телефона, не зная, куда идет, когда телефон зазвонил.

Это был Шутер.

— Отправляйтесь туда, где мы встретились позавчера, — сказал он. — Пройдите по тропинке немного дальше. Я смотрю, мистер Рейни, вы соображаете с такой же быстротой, как старики пищу пережевывают, но охотно дам вам время. Я позвоню сегодня в конце дня. Если до тех пор вы кому-то позвоните, эти люди будут на вашей совести.

---

* Намек на рекламный лозунг. «"Честерфилд" — это удовольствие».

— Что вы сделали? — спросил Морт. Голос, лишившись своей силы, упал почти до шепота. — Что же вы сделали?

Но трубка молчала.

35

Он пошел туда, где тропинка выходила на шоссе и где он говорил с Шутером, когда их, на свою беду, увидел Том Гринлиф. На «бьюике» Морт отчего-то не поехал. Кусты по обе стороны тропинки были примяты и ободраны — это тянулся неровный след. Морт почти бежал по тропе, уже зная, что увидит среди деревьев... и увидел. «Скаут» Тома Гринлифа. Грег и Том находились внутри.

Грег Карстерс, сидевший за рулем, сильно запрокинул голову, и рукоятка отвертки — на этот раз «Филипс» — торчала над правым глазом. Отвертка была из шкафа, стоявшего в пристройке Морта. Красную пластмассовую ручку в зазубринах было очень легко узнать.

Том Гринлиф сидел на заднем сиденье — топор раскроил ему макушку. Глаза были открыты, уже подсохшие мозги стекали возле ушей. На ясеневом топорище выцветшие, но еще различимые красные буквы складывались в слово «Рейни». Топор был из той же пристройки.

Морт стоял молча. Запела синица. Дятел отстучал на сухом дереве сообщение азбукой Морзе. Освежающий бриз поднимал на волнах барашки. Озеро сегодня было темно-синим, и белая пена красиво смотрелась на кобальтовом фоне.

Сзади раздался шорох. Морт обернулся так резко, что едва не упал — и упал бы, если бы не схватился за «скаута». Не Шутер. Белка. Зверек смотрел на него с живой ненавистью, замерев на стволе клена, горевшего алой осенней листвой. Морт ждал, пока успоко-

ится бешено забившееся сердце, а белка метнется вверх по стволу. Сердце успокоилось. Белка не двинулась с места.

— Он убил их обоих, — сказал Морт белке. — Поехал к Тому на моем «бьюике», потом к Грегу на «скауте» Гринлифа, посадив Тома за руль. Убил Грега. Заставил Тома приехать сюда, убил и его. Прикончил обоих моими инструментами. Пешком вернулся к дому Гринлифа... или прибежал трусцой. На вид он достаточно выносив для небольшой пробежки. Санни сказал, Том утром был сам не свой, и я знаю почему. Санни позвонили перед самым рассветом, когда Том был уже мертв. Это Шутер имитировал голос Тома. Обмануть Санни было несложно. Если вспомнить, на какую громкость Санни включает свою музыку... Должно быть, он немного туговат на ухо. Поговорив с Санни Троттсом, Шутер снова сел в «бьюик» и вернулся к моему дому. «Рейнджер» так и остался у дома Грега Карстерса. Вот как все и...

Белка бросилась вверх по стволу и исчезла в огненно-яркой кроне.

— Вот как все и произошло, — глухо договорил Морт.

Вдруг у него подогнулись колени. Он отступил по тропинке на два шага, подумал о мозгах Тома Гринлифа, засохших на щеках и висках, и ноги отказались ему служить. Он упал, и мир куда-то уплыл — ненадолго.

36

Придя в себя, Морт перекатился на бок, кое-как сел и вывернул запястье посмотреть на часы. Они показывали без четверти два. Должно быть, ночью остановились. Он нашел «скаут» утром, сейчас не может быть два часа дня. Морт потерял сознание — учитывая обстоятельства, это было неудивительно, — но никто не валяется в обмороке три с половиной часа.

Однако секундная стрелка описывала ровный маленький круг.

Должно быть, часы пошли, когда я сел, вот и все.

Но это было *не все*. Солнце передвинулось и вот-вот могло скрыться за тучами, наползавшими на небо. Цвет озера потускнел до монотонного хрома.

Значит, потерял сознание, лишился чувств, а потом? Это казалось невероятным, но Морт предположил, что обморок перешел в сон. Последние дни выдались нервными, вчера он не спал до трех. Назовем это состояние сочетанием ментальной и физической усталости. Мозг просто отключился, и...

Шутер! Господи, Шутер сказал, что он будет звонить!

Морт попытался подняться, но тут же упал на спину с тихим «у-уф!» от боли и удивления: левая нога подогнулась, как ватная. Ее будто набили иголками и булавками, которые затеяли бешеную пляску. Должно быть, он ее отлежал. Ну почему он не приехал на «бьюике»? Если Шутер позвонит и не дождется ответа... Этот тип способен на все.

Морт всем телом рванулся вперед, и на этот раз ему удалось встать. Но когда он попытался шагнуть, левая нога отказалась держать его вес, и Морт снова упал, едва не ударившись головой о крыло «скаута». Он вдруг увидел свое отражение в одном из колпаков. На выпуклой поверхности лицо исказилось гротескной маской, как в кривом зеркале. Хорошо, хоть проклятая шляпа осталась дома. Будь она сейчас у Морта на голове, он бы закричал, не в силах справиться с собой.

Морт вдруг вспомнил, что в машине два мертвеца. Они сидят выше его, коченея, а из их голов торчат топор и отвертка.

Он отполз от тени «скаута», подволакивая левую ногу руками, и начал колотить по ней кулаками, как человек, отбивающий дешевый, жесткий кусок мяса.

Прекрати! — кричал тоненький голос, последняя крупица рассудка, маленький проблеск здравого смыс-

ла в огромной многослойной гряде черных грозовых облаков, клубившихся между ушей Рейни. *Прекрати! Шутер сказал, что позвонит в конце дня, а сейчас всего четверть третьего! Времени еще много!*

А если он позвонит раньше? Если на примитивном бескомпромиссном Юге «конец дня» считают с двух часов?

Тогда продолжай лупить себя по ноге. Заработаешь разрыв мышц, и посмотрим, как ты поползешь обратно, чтобы вовремя оказаться у телефона.

Это подействовало. Морт смог опустить руки. На этот раз он поднялся осторожнее и постоял несколько секунд (стараясь не поворачиваться к «скауту», не желая снова заглядывать в салон), прежде чем попробовал шагнуть. Иголки и булавки поутихли. Он двинулся вперед, сильно хромая, но после десятка шагов походка начала выравниваться.

Он уже почти вышел из сломанных и примятых Шутером кустов, где прятался «скаут», когда услышал звук приближавшейся машины. Морт мгновенно упал на колени и проводил взглядом старый ржавый «кадиллак». Мимо проехал Дон Бессингер, владелец дома на другом берегу озера. Бессингер, заядлый алкоголик, большую часть времени пропивавший остатки когда-то значительного наследства, часто срезал путь по Лейк-драйв до так называемой дороги Бессингера. Морт подумал, что Дон, пожалуй, единственный, кто живет на озере круглый год.

Когда «кадиллак» скрылся из виду, Морт поднялся на ноги и прибавил шагу, поднимаясь по тропинке к шоссе. Теперь он был рад, что не поехал на «бьюике». Он знал «кадиллак» Дона Бессингера, а Бессингер знал «бьюик» Морта. Для Дона еще рановато быть мертвецки пьяным, и он мог запомнить, что видел машину Морта недалеко от того места, где скоро кто-нибудь наткнется на *немыслимо* чудовищную сцену.

Он всячески старается впутать тебя в свои дела, думал Морт, хромая по Лейк-драйв к своему дому.

442 *С самого начала это делал. Если ночью кто-то видел машину у дома Гринлифа, это почти наверняка окажется твой «бьюик», и убил Шутер твоими инструментами...*

Я же могу избавиться от орудий убийства, вдруг подумал Морт. *Можно выбросить их в озеро. Ну вырвет меня раз или два, но я, пожалуй, смогу их забрать.*

Сможешь? Интересно. Даже если ты избавишься от отвертки и топорика... Шутер наверняка предусмотрел и такой вариант. Похоже, он обо всем подумал. Он знает: если ты выбросишь инструменты в озеро, а полиция обследует дно и найдет их, все обернется для тебя только хуже. Ты видел, что он сделал? Видел?

Да. Он видел. Джон Шутер приготовил ему подарок — Смоляное Чучелко. Большое, блестящее. Морт ударил Чучелко по голове левой рукой и приклеился. Тогда он наподдал Смоляному Чучелку в живот, чтобы освободиться, и правая рука тоже приклеилась. Морт был — какое же слово он использовал в попытке себя обмануть? Неискренним? Точно. С самого начала он все глубже увязал в Смоляном Чучелке Джона Шутера. И что в результате? Морт Рейни нагородил много лжи, и если это вскроется, будет скверно, но на расстоянии в четверть мили отсюда в машине сидит мертвый человек с топором вместо шляпы, и на топорище написана фамилия Рейни, и вот это намного хуже.

Морт представил, как в пустом доме надрывается телефон, и перешел на бег.

37

Шутер не звонил.

Минуты тянулись как ириски, а Шутер не звонил. Морт беспокойно расхаживал по дому, ероша волосы. Сейчас он отчетливо представлял, каково это — быть наркоманом, ожидающим своего дилера.

Дважды он подходил к телефону, чтобы позвонить в полицию — не старому Дейву Ньюсаму и даже не шерифу округа, а в полицию штата, следуя старому вьетнамскому правилу: мочи всех, Господь узнает своих. А что? У него хорошая репутация, он уважаемый член двух общин штата Мэн, а Джон Шутер...

А *кто такой* Шутер?

В голову Морту пришло слово «фантом».

Еще вспомнилось выражение «блуждающий огонек».

Но не это останавливало. Морта удерживала ужасающая уверенность, что Шутер непременно позвонит, едва телефон окажется занят. Он услышит короткие гудки, положит трубку и скроется, не оставив следа.

Без четверти четыре начался дождь — мелкий, осенний, холодный и слабый, сеявшийся с белого неба, тихо шелестя по крыше и сухим листьям вокруг дома.

Без десяти четыре телефон зазвонил. Морт одним прыжком оказался у столика.

Звонила Эми.

Она хотела поговорить о пожаре. Она хотела поговорить о том, как страдает — не только за себя, но за них обоих. Она хотела поговорить о том, что Фред Эванс, страховой эксперт, до сих пор в Дерри, до сих пор осматривает пожарище и обо всем расспрашивает, начиная от последнего ремонта проводки и заканчивая тем, у кого были ключи от винного погреба. Тед уже заподозрил в его мотивах неладное. Эми хотела, чтобы Морт вместе с ней поразмышлял, получилось бы что-нибудь по-другому, если бы у них были дети.

Морт попытался успокоить ее, чувствуя, как время — пиковое время конца дня — утекает сквозь пальцы. Его сводила с ума тревога, что Шутер позвонит, услышит короткие гудки и совершит новое зверство. Наконец Морт сказал единственное, что пришло в голову, лишь бы Эми освободила линию, — ему приспи-

чило, и если срочно не побежать в туалет, случится неприятность.

— Это из-за выпивки? — встревожилась Эми. — Ты там что, пьешь?

— Нет, просто что-то съел на завтрак, — объяснил он. — Слушай, Эми, я...

— В «Боуис»?

— Да, — сказал он, задыхаясь якобы от боли и усилий. Ему и вправду не хватало воздуха. Посмотреть со стороны, комедия, да и только. — Эми, я правда...

— Боже мой, Морт, у нее ведь грязнейшая забегаловка в городе, — вздохнула Эми. — Беги. Я перезвоню. — И она отключилась.

Морт положил трубку, постоял минуту и был неприятно поражен, когда выдуманный предлог неожиданно превратился в реальность: кишки стянуло в ноющий, пульсирующий узел.

Морт кинулся в туалет, на ходу расстегивая ремень.

Он чудом успел присесть на унитаз. Сидя на круглом сиденье в густом запахе собственных экскрементов, со спущенными до щиколоток брюками, он задержал дыхание... и тут телефон снова зазвонил.

Морт подскочил, как чертик из коробочки, ударившись коленом о край раковины, и посеменил в холл, поддерживая брюки одной рукой и переступая, как девушка в узкой юбке, с унизительным ощущением, что не успел подтереться. Наверное, такое случалось с каждым, но Морту вдруг пришло в голову, что об этом он нигде не читал — ни в одной книге.

О, жизнь — та еще комедия...

На этот раз звонил Шутер.

— Я видел вас внизу, — сказал он. Голос звучал, как всегда, спокойно и безмятежно. — Внизу, где я их оставил. У вас вроде солнечный удар случился, хотя сейчас не лето.

— Чего вы хотите? — Морт переложил трубку к другому уху. Брюки снова сползли до щиколоток. Он отпустил их и теперь держался за резинку плавок, спу-

шенных ниже ягодиц, но оставшихся выше колен. Вот *сейчас* бы фотография на обложку получилась, подумал он.

— Я уж хотел вам записку оставить, — сказал Шутер. — Но решил этого не делать. — Он помолчал и добавил с рассеянным презрением: — Вас слишком легко напугать.

— Чего вы хотите?

— Ну как же, мистер Рейни, я вам уже говорил. Я хочу рассказ взамен того, что вы украли. Или вы все еще не готовы это признать?

Да, скажи ему да! Соглашайся с чем угодно — что земля плоская, что Джон Кеннеди и Элвис Пресли живы, здравствуют и дуэтом играют на банджо на Кубе и что Мерил Стрип трансвестит, скажи ему ВСЕ, ЧТО УГОДНО...

Но Морт не сказал.

Накопившаяся ярость, и бессилие, и ужас, и замешательство вдруг вырвались из его рта воем:

— Я НЕ КРАЛ! НЕ КРАЛ! ВЫ СУМАСШЕДШИЙ, И Я МОГУ ЭТО ДОКАЗАТЬ! Я ДОСТАЛ ТОТ ЖУРНАЛ, ВЫ, ИДИОТ! ВЫ МЕНЯ СЛЫШИТЕ? У МЕНЯ ЕСТЬ ТРЕКЛЯТЫЙ ЖУРНАЛ!

Ответом было молчание. Трубка не подавала признаков жизни — ни шорохов, ни едва слышных чужих разговоров, нарушающих вкрадчивую темноту, подбиравшуюся к стеклянной стене каждую ночь, которую Морт Рейни проводил в этом доме один.

— Шутер!

Молчание.

— Шутер, вы меня слушаете?

Тишина. Он отключился.

Морт покорно отвел трубку от уха. Рука уже несла ее к рычагу, когда вдруг прозвучал голос Шутера, оловянный, далекий и едва слышный:

— Сейчас?

Морт снова прижал трубку к уху. Казалось, она весит фунтов восемьсот.

— Что? — спросил он. — Я думал, вы отключились.

— Он у вас *есть*? Тот журнал? Вот *сейчас* он у вас имеется? — Морт подумал, что Шутер впервые говорит расстроенно. Расстроенно и неуверенно.

— Нет, — ответил Морт.

— *Ну вот!* — обрадовался Шутер. — Я так и думал, что под конец вы начнете говорить дело...

— Он идет «Федэксом», — перебил Морт. — Будет на почте завтра к десяти.

— Что будет? — спросил Шутер. — Какое-нибудь затрепанное слепое старье, якобы *копия*?

— Нет, — сказал Морт. Чувство, что он потряс этого человека, опрокинул все линии защиты и нанес болезненный удар, было сильным и безусловным. Секунду-другую Шутер говорил почти испуганно, и Морт испытал злобную радость. — Журнал. *Подлинный* журнал.

Повисла новая долгая пауза, но сейчас Морт с силой прижимал трубку к уху. Шутер думал. Неожиданно рассказ снова вышел на первый план, рассказ и обвинение в плагиате, хотя настоящей проблемой было обращение с ним, Мортом Рейни, как с зеленым студентишкой, и вот-вот этот человек отступит.

Однажды в той же приходской школе, где Морт научился сдерживать смех, сглатывая, он видел, как мальчишка проткнул булавкой жука, который полз по парте. Жук попался — приколотый к парте, он корчился, умирая. В тот раз Морту было грустно и страшно. Теперь он понимал. Теперь он хотел сделать то же самое с этим типом. С этим психом.

— Не существует никакого журнала, — наконец заявил Шутер, — с рассказом. Это *мой* рассказ!

Морт слышал тоску в голосе Шутера, неподдельную тоску, и от этого в нем проснулась радость. Булавка проткнула Шутера. Он корчился, нанизанный на острие.

— Журнал будет здесь завтра к десяти, — сказал Морт. — Или как только «Федэкс» доедет до тэшморской почты. Буду счастлив там с вами встретиться. Сможете посмотреть. Смотрите, сколько хотите, маньяк чертов.

— Не там, — произнес Шутер после довольно долгой паузы. — А в вашем доме.

— Ну нет. Когда покажу вам выпуск «Детективного журнала», я хочу быть там, где смогу позвать на помощь, если вы взбеситесь.

— Вы все сделаете по-моему, — сказал Шутер, овладев собой... но Морт не верил, что у него осталась хотя бы половина прежнего самоконтроля. — Иначе сядете в тюрьму штата Мэн за убийство.

— Не смешите меня. — Морт почувствовал, как живот снова подвело.

— Я связал вас с теми двумя куда сильнее, чем вы можете предположить, — не отступал Шутер, — а вы умничали и городили ложь. Если я исчезну, мистер Рейни, вы останетесь стоять с головой в петле и ногами в «Криско»*.

— Вам меня не напугать.

— Еще как напугаю, — сказал Шутер почти нежно. — Правда, вы тоже начинаете меня немного пугать. Я не могу вас раскусить.

Морт молчал.

— Будет забавно, — продолжил Шутер странным, задумчивым тоном, — если один и тот же рассказ пришел каждому из нас в голову в разных местах и в разное время.

— Идея появилась у меня.

— Неужели?

— В вашу версию я не верю, — сказал Морт. — Слишком много совпадений. Ладно бы речь шла

---

* То есть «окажетесь на скользкой дорожке, в одном неосторожном движении от гибели». «Криско» — известная американская марка жиров и масел.

о сходстве сюжета, но одинаковый язык? Один и тот же *стиль*, черт побери?

— Угу, — согласился Шутер. — Вот и я подумал то же самое, пилигрим, — это слишком, совпадение исключается. Вы украли мой рассказ, с этим ясно, но будь я проклят, если понимаю, как и когда.

— Да хватит! — взорвался Морт. — У меня журнал! У меня доказательство! Вы что, слов не понимаете? Вопрос закрыт! Либо вы заигрались в дурацкие игры, либо заблуждались, но теперь все закончилось! *У меня журнал!*

После долгого молчания Шутер заметил:

— Пока нет. У вас на руках его еще нет.

— Как это верно! — воскликнул Морт с внезапным и совершенно нежелательным чувством общности с этим человеком. — И как же мы поступим сегодня вечером?

— Да никак, — сказал Шутер. — Тех двоих пока не хватятся. У одного жена с детьми гостят у родственников, другой живет бобылем. Завтра утром вы сходите за своим журналом, а я приеду к вам домой около полудня.

— Вы меня убьете, — бросил Морт, чувствуя, что эта мысль не добавила ему ужаса — по крайней мере сейчас. — Если я покажу вам журнал, вам будет нечем крыть, и вы меня убьете.

— Нет! — На этот раз в голосе Шутера прозвучало искреннее удивление. — Вас? Нет, *сэр*! Те двое пытались вмешаться в наше дело. Я не мог этого допустить... и использовал их, чтобы заставить вас иметь дело со мной. Чтобы вы наконец попробовали на вкус ответственность.

— Ловко, — признал Морт. — В этом вам не откажешь. Я считаю вас психом, но к тому же самым ловким сукиным сыном, какого я знаю.

— Ну тогда поверьте вот чему, — сказал Шутер. — Если я приеду завтра и увижу, что вы скрылись, мистер Рейни, то поставлю себе целью уничтожить абсолютно

всех, кого вы любите или кто вам хотя бы небезразличен. Ваша жизнь заполыхает, как поле сахарного тростника на ветру. Вы пойдете в тюрьму за двойное убийство, но заключение будет наименьшей из ваших проблем. Вы поняли?

— Да, — сказал Морт. — Я понял, пилигрим.

— Тогда будьте на месте.

— Предположим — только предположим, — что я покажу вам журнал, где в содержании значится мое имя и напечатан мой рассказ. Что тогда?

Повисла короткая пауза. Потом Шутер сказал:

— Тогда я пойду в полицию и во всем признаюсь. Но я вынесу себе приговор задолго до суда, мистер Рейни. Потому что если дело повернется так, значит, я сумасшедший. А такие сумасшедшие... — В трубке послышался вздох. — Такие сумасшедшие не имеют оправданий и оснований продолжать жить.

Слова поразили Морта странной силой. *Он колеблется*, подумал Морт. *Впервые Шутер в смятении... В большем смятении, чем когда-либо пребывал я сам.*

Но Морт оборвал эти мысли, и резко. Сейчас у него не было причин для смятения. Во всем виноват Шутер. Во всем, что случилось, вина одного Шутера.

— Откуда мне знать, что вы не объявите журнал фальшивкой? — спросил Морт.

Он не ожидал ответа, разве что язвительной реплики, что придется поверить на слово, но Шутер его удивил.

— Если он настоящий, я это пойму, — сказал он. — Если фальшивка, мы оба будем это знать. Вряд ли за три дня вы накатали целый поддельный журнал, даже если напрягли пол-Нью-Йорка.

Настала очередь Морта задуматься. Он думал очень долго. Шутер ждал.

— Ладно, доверюсь вам, — уступил наконец Морт. — Не знаю, правда, почему. Может, мне сейчас мало для чего осталось жить... Но до конца я вам не доверяю. Вы приедете сюда. Остановитесь на подъезд-

ной дорожке, чтобы я смог разглядеть, что вы не вооружены. Я выйду. Это вас устроит?

— Годится.

— Помоги нам Боже.

— Да, сэр. Будь я проклят, если по-прежнему знаю, во что я ввязался... И от этого мне не по себе.

— Шутер!

— Слушаю.

— Я хочу, чтобы вы ответили на один вопрос.

Тишина... но выжидательная тишина, отметил Морт.

— Это вы сожгли мой дом в Дерри?

— Нет, — тут же прозвучал ответ. — Я следил за вами.

— И за Бампом, — с горечью бросил Морт.

— Слушайте, — сказал Шутер, — моя шляпа у вас?

— Да.

— Она мне понадобится. В любом случае.

На линии снова воцарилась тишина.

Мгновенно.

Медленно и осторожно Морт положил трубку и, придерживая брюки, засеменил в туалет.

38

Эми действительно перезвонила около семи, и на этот раз Морт разговаривал с ней совершенно нормально, будто ванная на втором этаже не была разгромлена, а за кустами у тропинки, ведущей к озеру, в машине не сидели два коченеющих мертвеца, а сумерки вокруг не сгущались в темноту.

Эми, успев переговорить с Фредом Эвансом, была уверена: либо он что-то знает, либо подозревает насчет пожара, о чем не хочет говорить. Морт успокаивал Эми, и до некоторой степени это ему удалось, но разволновался сам. Если поджог совершил не Шутер — а Морт склонялся к тому, чтобы верить ему, — тогда это чистое совпадение... правильно?

Он не знал, так это или нет.

— Морт, я так за тебя волнуюсь, — вдруг сказала Эми.

Это заставило его вернуться к реальности.

— За меня? У меня все нормально.

— Точно? Когда я увидела тебя вчера, мне показалось, что ты... на взводе. — Она помолчала. — Я даже подумала, что ты выглядишь как тогда, перед тем, как у тебя случился... ну ты знаешь.

— Эми, у меня *не было* нервного срыва.

— Нет-нет, — быстро согласилась она. — Но ты же понял, о чем я. Когда киношники так отвратительно обошлись с «Семьей Делакур».

То был один из неприятнейших инцидентов в жизни Морта Рейни. Студия «Парамаунт» решила заказать ему сценарий по «Семье Делакур» с авансом 75000 долларов при общей стоимости контракта 750000 долларов — чертовски соблазнительный куш. Буквально накануне подписания контракта кто-то наткнулся в архиве на старый сценарий «Команда хозяев», напоминавший «Семью Делакур» настолько, что могли возникнуть проблемы с законом. Единственный раз в карьере Морта — до *этого* кошмара — ему реально грозило обвинение в плагиате. Через одиннадцать часов руководство студии отозвало свое предложение. Морт так и не узнал, вызвал ли у них сомнения предполагаемый плагиат или просто изменилось мнение насчет потенциала фильма. Если они и *вправду* испугались, то Морт недоумевал, как эта кучка педиков *вообще* выпускает какие-то фильмы. Герб Крикмор достал экземпляр сценария «Команда хозяев», и Морт увидел не более чем случайное сходство. Эми согласилась с ним.

Стресс Морт пережил позже, когда зашел в тупик с романом, который отчаянно хотел написать, а тут подошло время короткого рекламного тура — «Семью Делакур» выпустили в мягкой обложке. Все это свалилось на него одновременно и привело к огромному перенапряжению.

Но нервного срыва у него *не было*.

— У меня все нормально, — мягко повторил Морт. Несколько лет назад он обнаружил в Эми удивительную и довольно трогательную черту: если говорить с ней мягко, она поверит едва ли не чему угодно. Он часто думал — будь это свойство присуще всем людям как виду, вроде оскала для выражения злости или улыбки от удовольствия, войны прекратились бы тысячи лет назад.

— Ты уверен?

— Да. Звони, если будут новости от нашего друга из страховой компании.

— Хорошо.

Морт помолчал, потом спросил:

— Ты у Теда?

— Да.

— Как ты теперь к нему относишься?

После некоторого колебания Эми просто ответила:

— Я люблю его.

— О...

— Я не встречалась с другими мужчинами, — вдруг сказала она. — Давно хотела тебе сказать. Других не было. Но Тед... за твоей фамилией он разглядел меня. Он увидел *меня*.

— То есть я тебя не видел?

— Видел, когда был рядом, — ответила Эми. Ее голос звучал тоненько и одиноко. — Но ты так часто отсутствовал.

Его глаза расширились. Он мгновенно собрался с *праведным* возмущением.

— *Что*? Да я ни разу не уезжал после тура с «Семьей Делакур»! И та поездка была *короткой*!

— Морт, я не хочу с тобой спорить, — мягко сказала Эми. — Все это дело прошлое. Я только пытаюсь сказать — даже когда был рядом, ты часто отсутствовал. У тебя тоже была любовница — работа. — Голос Эми звучал ровно, но Морт почувствовал слезы, скрываемые под напускным спокойствием. — Как

я ненавидела эту суку, Морт... Она была красивее, умнее, интереснее. Как мне было с ней тягаться?

— Ну давай теперь во всем винить меня! — воскликнул он, чуть не плача от обиды. — Чего ты от меня хотела? Чтобы я слесарем стал, черт возьми? Мы жили бы бедно, я бы сидел без работы. Я писатель и ничего другого делать не умею, неужели не понятно? Я *не смог* бы заниматься ничем другим! — Морт думал, слезы у него кончились, но они откуда-то взялись. Кто на этот раз потер дрянную волшебную лампу — он или она?

— Я на тебя не сваливаю, тут есть и моя вина. Ты никогда не застал бы нас... так, как это случилось... не будь я слабой и трусливой. Это не Тед виноват; Тед хотел, чтобы мы вместе пошли к тебе и все откровенно рассказали. Он постоянно об этом просил, а я откладывала. Говорила ему, что не уверена, убеждала себя, что все еще люблю тебя, что все еще может стать по-прежнему, как когда-то... но так, наверное, не бывает. Я... — Эми задохнулась, и Морт понял, что она тоже плачет. — Я никогда не забуду выражение твоего лица, когда ты открыл дверь номера в мотеле. Я унесу это воспоминание в могилу.

Вот и отлично! — хотел он крикнуть. *Хорошо! Тебе пришлось всего лишь увидеть это выражение, а появилось оно у меня!*

— Ты знала, что я любил тебя, — нетвердым голосом сказал он. — Я никогда не скрывал от тебя свою любовь. Ты знала о ней с самого начала.

— Но я не подозревала, — произнесла она, — как глубоко могут затянуть ее объятия.

— Не унывай, — сказал Морт. — Она теперь от меня ушла.

Эми всхлипывала.

— Морт, Морт, я только хочу, чтобы ты жил дальше и был счастлив. Разве ты этого не видишь? Разве ты этого *не можешь*?

Но он видел только голые плечи Эми, касавшиеся одного из голых плеч Теда Милнера. Он видел их глаза, расширившиеся и испуганные, и волосы Теда, спутанные и торчащие, как у Альфальфы. Его посетило искушение сказать об этом Эми — хотя бы попытаться — и забыть. С него довольно. Они причинили друг другу достаточно боли. Может, когда-нибудь потом они вернутся к этой теме. Хотя Морт предпочитал, чтобы Эми не заводила речь о нервном срыве. Не было у него никакого нервного срыва.

— Эми, мне, пожалуй, пора.

— Да, и мне тоже. Теда сейчас нет, показывает клиенту дом, но скоро вернется. Мне надо сообразить какой-нибудь ужин.

— Извини за ссору.

— Ты позвонишь, если я буду нужна? Я волнуюсь.

— Да, — сказал Морт, попрощался и повесил трубку. Пару секунд он стоял у телефона, чувствуя, что вот-вот разрыдается. Но слезы отступили, эмоции схлынули. И это было, пожалуй, по-настоящему страшно.

Все прошло.

39

Под ровный шум падавшего дождя Морт чувствовал себя безучастным и отупевшим. Он разжег небольшой огонь в плите, топившейся дровами, пододвинул стул и попытался читать свежий номер «Харперс», однако сразу начал клевать носом и резко вздрагивал, когда отвисала челюсть и вырывался храп. *Надо было купить сигарет*, подумал он. *Табак помог бы не спать.* Но сигарет не было, как и стопроцентной уверенности, что они прогнали бы сон. Он не просто устал, он еще не отошел от шока.

В конце концов Морт подошел к дивану, поправил подушки и лег. У щеки холодный дождь беспорядочно чиркал каплями по темному стеклу.

Всего однажды, подумал он. *Я сделал это только один раз.* И на этом он крепко заснул.

40

Во сне Морт оказался в самом большом в мире классе.

Стены тянулись на несколько миль. Каждая парта была столовой горой, серый плиточный пол — бесконечной равниной. Часы на стене казались огромным холодным солнцем. Дверь в коридор была закрыта, но Мортон Рейни видел слова на матовом стекле:

«Класс для написания «Команды хозяев», профессор Деллакур».

Неправильно, подумал Морт, *слишком много «л».*

Но другой голос подсказывал, что он ошибается.

Морт, вытянувшись во весь рост, стоял на огромной, шириной с классную доску, подставке с желобками для мела. В руке он держал кусок мела величиной с бейсбольную биту. Он очень хотел опустить страшно болевшую руку, но не мог. Не мог, пока пятьсот раз не напишет на доске предложение: *«Я не буду списывать у Джона Кинтнера».* Написав четыреста раз, он подумал, что четыреста — это недостаточно. Кража у человека работы, когда работа — это все, что у него есть, не может быть прощена. Поэтому ему придется писать, писать и писать, и не важно, что голос в голове твердит — это сон, а правая рука болит по другой причине.

Мел отвратительно скрипел. Пыль, едкая и отчего-то знакомая — очень знакомая, — сыпалась ему на лицо. Наконец Морт не смог продолжать — рука повисла, как мешочек со свинцовой дробью. Повернувшись на желобке для мела, он увидел, что только одна парта в огромном классе занята. Там сидел молодой человек простоватого вида, каких можно увидеть на частных фермах — за задницей мула. Светло-каштановые волосы торчали, а его руки, руки деревенщины,

впервые попавшего в город, казалось, состоявшие из одних костяшек, покоились на крышке парты. Парень смотрел на Морта светлыми сосредоточенными глазами.

Я тебя знаю, сказал во сне Морт.

Верно, пилигрим, ответил Джон Кинтнер с заметным тягучим южным акцентом. *Только ты ошибался на мой счет. А теперь продолжай писать. И не пятьсот раз, а пять тысяч.*

Морт повернулся к доске, но тут нога соскользнула с края желобка, и он с криком вывалился в сухое меловое пространство, а Джон Кинтнер смеялся, и он...

41

...проснулся на полу, причем голова оказалась практически под коварным кофейным столиком. Морт, вцепившись в ковер, издавал высокие, ноющие вопли.

Он был у озера Тэшмор. Не в нереальном, циклопическом классе, а у озера... и рассвет начинался в дымке на востоке.

Со мной все в порядке. Это был лишь сон, все в порядке.

Но в порядке было не все, поскольку это был не совсем сон. Джон Кинтнер был реален. Как же Морт мог забыть Джона Кинтнера?

Морт окончил колледж Бейтс по специальности «Писательское мастерство». Позже, на встречах со студентами таких же факультетов (каторжная работа, от которой он всячески уклонялся), Морт говорил, что такой выбор специальности — самая серьезная ошибка молодых людей, которые хотят зарабатывать на жизнь писательским ремеслом.

— Найдите работу на почте, — говорил он. — Фолкнеру это помогло.

Слушатели смеялись. Морта всегда охотно слушали — он считал себя мастером в том, чтобы овладеть вниманием аудитории. Это было важно, ведь он со-

мневался, что он или кто-то другой сможет научить своих слушателей писать книги. И Морт всегда ждал окончания мастер-класса или семинара. С юнцами он чувствовал себя неуютно — возможно, из-за Джона Кинтнера.

Был ли Кинтнер родом из *Миссисипи*? Этого Морт не помнил, но сильно сомневался. Однако Кинтнер действительно происходил из какого-то анклава Глубокого Юга — не то из Алабамы, не то из Луизианы, а может, из заросшей камышами северной Флориды, точно Морт не знал. Учеба в колледже Бейтс — дело прошлое, он много лет не вспоминал о Джоне Кинтнере, который по неизвестной причине вдруг перестал посещать занятия.

Неправда. Ты думал о нем прошлой ночью.

Видел во сне, хочешь ты сказать, парировал Морт, но дьявольский тоненький голосок в голове не отставал.

Нет, до того. Ты думал о нем, пока говорил с Шутером по телефону.

Морт не хотел об этом думать. Он не станет думать об этом. Джон Кинтнер остался в прошлом; Джон Кинтнер не имел отношения к тому, что происходит сейчас. В тусклом свете раннего утра Морт встал и неуверенно побрел на кухню сварить кофе. Много крепкого кофе, иначе дьявольский голосок не даст ему житья. Морт взглянул на кухонные ножи Эми, висевшие на стальных магнитных рейках, и подумал, что если бы мог отрезать этот голосок, то сделал бы это не задумываясь.

Ты считаешь, что потряс его, наконец-то одержав верх. Ты полагаешь, что на первый план снова вышел пресловутый рассказ, рассказ и обвинение в плагиате. Но реальная проблема в том, что Шутер обращался с тобой как со щенком из колледжа. Как с вонючим студентишкой. Как...

— Заткнись, — хрипло сказал Морт. — Сейчас же заткнись, мать твою.

Голос замолчал, но Морт не мог перестать думать о Джоне Кинтнере.

Насыпая кофе дрожащей рукой, он вспоминал о своих категорических, рьяных протестах, что он не крал рассказ Шутера, что он никогда не крал чужих работ.

Конечно, крал.

Однажды.

Всего однажды.

— Но это же было так давно, — прошептал он, — и не имеет отношения к тому, что происходит сейчас.

Пусть так, но из головы выбросить это он не мог.

42

Он был на третьем курсе, шел весенний семестр. Класс писательского мастерства, где Морт занимался, изучал тогда искусство написания короткого рассказа. Курс читал некий Ричард Перкинс-младший, автор двух рассказов, получивших очень хорошие отзывы и практически не раскупленных. Морт попробовал почитать один и решил, что хорошие отзывы и плохие продажи имеют одну причину: рассказы были непонятны. Но преподавателем Перкинс был неплохим — по крайней мере он умел занять аудиторию.

В группе было человек десять студентов, и среди них Джон Кинтнер с первого курса со специальным разрешением посещать этот курс. И вполне заслуженным, думал Морт. Южанин или нет, но этот щенок чертовски хорошо писал.

За семестр им полагалось написать либо шесть коротких рассказов, либо три длинных. Каждую неделю Перкинс копировал один из рассказов, который, по его мнению, должен был вызвать оживленное обсуждение, и раздавал листки в конце занятия. Группа получала задание подготовиться к обсуждению и критике произведения. Так происходило из раза в раз. И однажды

Перкинс предложил им рассказ Джона Кинтнера. Он назывался... *Как* же он назывался?

Морт открыл кран, чтобы наполнить кофеварку, и застыл, рассеянно глядя на туман за стеклянной стеной и слушая, как журчит вода.

Ты отлично знаешь, как он назывался. «Секретное окно, секретный сад».

— Да не так! — с раздражением крикнул он пустому дому, напряженно думая, чтобы проклятый тонкий голосок заткнулся раз и навсегда... и вдруг он вспомнил. — «Лютиковая миля»! — закричал он. — Рассказ назывался «Лютиковая миля», и *это* не имеет никакого отношения *ни к чему*!

Но это была лишь часть правды, и не требовалось тоненького голоса, притаившегося где-то в центре его ноющего мозга, чтобы указать на этот факт.

Кинтнер написал три или четыре рассказа, прежде чем исчезнуть в неизвестном направлении (если бы попросили угадать, Морт назвал бы Вьетнам, куда многие шли в шестидесятые — молодежь по крайней мере). Рассказ «Лютиковая миля» не был лучшим у Кинтнера... но все равно оказался хорош. Кинтнер, безусловно, был самым сильным писателем на курсе Ричарда Перкинса-младшего. Перкинс обращался с мальчишкой Кинтнером почти как с ровней и, по оценке Морта Рейни, имел на это право. Сам Морт считал Кинтнера на порядок *выше* Перкинса как писателя. В то время Морт считал его даже *лучше*.

Но был ли он сам лучше *Кинтнера*?

— Нет, — еле слышно признался он, повернувшись к кофеварке. — Я был вторым.

Да. Морт был вторым и страдал от этого. Он знал, что большинство студентов с факультета писательского мастерства лишь тянут время, потакая причуде, прежде чем бросить ребячиться и углубиться в изучение настоящей профессии, которой посвятят жизнь. Писательством они займутся позже, когда жизнь сузится до написания заметок для страниц какого-нибудь «Ка-

лендаря общины» или сочинения рекламы моющего средства для посуды «Свежий синий бриз». Морт пришел на курс Перкинса, не сомневаясь, что станет лучшим, потому что с ним иначе не бывало, и Джон Кинтнер стал для него настоящим шоком.

Морт помнил, как однажды пытался заговорить с юнцом... но тот, открывавший рот на занятиях, только когда спрашивали, оказался почти косноязычным. Когда он говорил, то мямлил и запинался, как белая голытьба с четырьмя классами образования. Рассказы Кинтнера оказались его настоящим голосом.

И ты его украл.

— Заткнись, — пробормотал Морт. — Ну заткнись.

Ты был вторым и не мог этого вынести. Ты обрадовался, когда он ушел, потому что ты снова стал первым, как привык.

Да, это правда. А через год, готовясь к выпускным, Морт наводил порядок в шкафу убогой квартиры в Льюистоне, которую снимал с двумя студентами, и наткнулся на распечатки с курса писательского мастерства Перкинса. Там был только один рассказ Кинтнера, и это случайно оказалась «Лютиковая миля».

Морт помнил, как сидел на вытертом, пахнущем пивом коврике в спальне, перечитывая рассказ, и его охватила почти забытая зависть.

Остальные распечатки Мот выбросил, но эту взял с собой... по причинам, вдумываться в которые не хотел.

На правах второкурсника Морт отдал свой рассказ в литературный журнал под названием «Ежеквартальник Аспена». Рассказ вернулся с пометкой — читатели нашли рассказ очень хорошим, хотя окончание сочли довольно наивным. Приписка, которую Морт нашел снисходительной и щекочуще-подстрекающей, приглашала его присылать материалы и впредь.

За два следующих года он предложил этому журналу еще четыре рассказа. Ни один принят не был, но каждое уведомление об отказе сопровождалось пись-

мом, адресованным ему лично. Как всякий автор, которого не печатают, Морт познал мучительные метания между оптимизмом и пессимизмом. Бывали дни, когда он твердо знал: покорить «Ежеквартальник Аспена» — лишь вопрос времени. Бывали дни, когда он не сомневался, что весь редакторский состав, эти хилые конторские крысы, играет с ним, дразнит, как человек голодного пса, держа у него над головой кусок мяса и отдергивая руку, стоит ему подпрыгнуть. Морт представлял, как кто-нибудь из них достает из коричневого конверта его рукопись и кричит: «Очередная фигня от мэнского графомана! Кто отпишется на этот раз?» И все начинают хохотать, катаясь по полу, под постерами Джоан Баэз и «Моби Грейп» в «Филлморе»*.

Но в подобную депрессию Морт впадал лишь изредка. Зная, что станет настоящим писателем, он понимал, что пробиться — только вопрос времени. В то лето, работая официантом в ресторане «Рокленд», он вспомнил о рассказе Джона Кинтнера, подумав, что тот небось мотается на своем грузовичке, так и не выбившись из низов. И тут в голову Морту пришла идея — поменять название и послать «Лютиковую милю» в «Ежеквартальник Аспена» как свой рассказ! Морт еще помнил, как подумал тогда: вот будет прекрасная шутка над этими снобами, однако он и представить не мог, чем она обернется.

Он *помнил*, что не имел намерения опубликовать рассказ под своим именем... или имел такое намерение на подсознательном уровне, но не знал о нем. Если рассказ возьмут, что маловероятно, думал Морт, он его сразу отзовет под предлогом, что будет дорабатывать. А если снова откажут, у него по крайней мере появится повод порадоваться — Джон Кинтнер тоже недостаточно хорош для «Ежеквартальника Аспена».

---

* Имеется в виду «Филлмор уэст» — концертный зал в Сан-Франциско.

И он послал рассказ в журнал.

И журнал его принял.

А Морт не стал его отзывать.

И ему прислали чек на двадцать пять долларов — «гонорар», как говорилось в сопроводительном письме.

И рассказ опубликовали.

Переполняемый запоздалым раскаянием, Мортон Рейни обналичил чек и затолкал купюры в ящик для пожертвований на бедных в церкви Святой Екатерины в Огасте.

Но он чувствовал не только вину. О нет.

Морт сидел за кухонным столом, подперев голову рукой и ожидая, пока забулькает кофе. Голова болела. Он не хотел думать о Джоне Кинтнере и о его рассказе. То, что Морт сделал с «Лютиковой милей», стало одним из самых позорных поступков в его жизни; так ли удивительно, что он постарался забыть о нем? Ему хотелось снова затолкать это воспоминание в дальний уголок сознания. Сегодня, в конце концов, великий день. Может, самый знаменательный в его жизни. Может, даже последний в его жизни. Ему следует думать о походе на почту, о возможном столкновении с Шутером, но из головы не шел невеселый старый случай.

Когда он увидел журнал, *настоящий* журнал со своим именем над рассказом Джона Кинтнера, ему показалось, будто он очнулся во время хождения во сне, бессознательной вылазки, когда он совершил нечто ужасное. Как же он мог зайти *так* далеко? Все задумывалось как *шутка*, честное слово, хотелось просто *поржать*...

Но Мортон Рейни был виноват в том, что дело зашло так далеко. Рассказ напечатали, притом что двенадцать человек в мире, включая самого Кинтнера, знали: автор рассказа не Рейни. И если кто-нибудь из них случайно откроет «Ежеквартальник Аспена»...

Сам Морт никому не сказал, конечно. Он молча ждал, и ему делалось плохо от страха. В конце того лета и ранней осенью он очень мало спал и ел; похудел, под

глазами залегли темные круги. Сердце начинало учащенно биться всякий раз, как звонил телефон. Если звонили Морту, он подходил к аппарату, едва передвигая ноги и вытирая холодный пот, уверенный, что это Кинтнер и первыми его словами будут: *Ты украл мой рассказ, и с этим нужно что-то делать. Пожалуй, для начала я сообщу всем и каждому, что ты за фрукт.*

Самое невероятное, что Морт все прекрасно знал. Он *знал* о возможных последствиях подлога для начинающего писателя. Это все равно, что взять базуку и сыграть в русскую рулетку. И все же... все же...

Но когда миновала осень, Морт немного успокоился. Вышел новый номер «Ежеквартальника Аспена». Журнал уже не кричал о лжи Морта в залах периодической печати в библиотеках Америки; он был убран в архивы или переведен на микрофиши. Но все равно он мог доставить неприятности — Морт мрачно полагал, что остаток жизни ему придется жить под дамокловым мечом, однако часто с глаз долой означает из памяти вон.

В ноябре пришло письмо из «Ежеквартальника Аспена».

Морт держал его в руках, смотрел на имя на конверте и трясся всем телом. Глаза наполнились влагой, слишком горячей и едкой для слез, и конверт сначала раздвоился, а потом и растроился.

Поймали. Меня поймали. Теперь хотят, чтобы я ответил на письмо, которое в редакции получили от Кинтнера... или Перкинса... или кого-нибудь из студентов того курса... Меня поймали.

Он даже подумал о самоубийстве — совершенно спокойно и рационально. У матери есть снотворное. Он просто наглотается ее таблеток. Испытав от этой мысли некоторое облегчение, Морт надорвал конверт и вынул лист писчей бумаги. Он долго держал его, не разворачивая, колеблясь, не сжечь ли, не взглянув, что там написано. Он не был уверен, что сможет выдер-

жать открыто предъявленные обвинения, и боялся потерять рассудок.

Да посмотри же, черт тебя возьми! Самое меньшее, что ты можешь сделать, — взглянуть на последствия. Может, противостоять ты им не сумеешь, но уж посмотреть-то не так страшно.

Он развернул письмо.

Уважаемый г-н Морт Рейни!

Ваш рассказ «Вороний глаз» нам чрезвычайно понравился. Извините, что пишем вам с некоторым запозданием. Честно признаться, мы ожидали, что вы сами как-то проявитесь. Несколько лет вы исправно присылали нам свои работы, и ваше молчание сейчас, когда у вас есть все основания гордиться собой, нас несколько удивило. Если вы недовольны оформлением рассказа — полиграфией, дизайном, местом в журнале и т. д., дайте нам об этом знать. А пока как начет нового рассказа?

С уважением,

заместитель редактора Чарлз Палмер.

Морт дважды перечитал письмо и разразился взрывообразными приступами хриплого хохота в пустом, к счастью, доме. Он вспомнил выражение «надорваться от смеха». Ему казалось, если он не перестанет хохотать, то у него *лопнет* живот и кишки вывалятся на пол. Морт готов был отравиться снотворным матери, а у него всего лишь осторожно пытаются вызнать, доволен ли он полиграфическим оформлением! Он ожидал прочитать, что его карьера бесславно закончилась, не успев начаться, а у него просят еще рассказов! *Еще!*

Он смеялся — буквально выл от хохота, пока надрывный смех не перешел в истерические рыдания. Сев на диван, Морт перечитал письмо Чарлза Палмера и заплакал. Он плакал, пока не засмеялся снова. Наконец Морт пошел к себе в комнату, лег, подоткнул подушки, как он любил, и заснул.

Он вышел сухим из воды. Это главное. Отделался испугом и больше никогда не совершал ничего подобного. Эта история произошла тысячу лет назад, отчего же она всплыла сейчас и лишила его покоя?

Морт не знал, но твердо решил перестать об этом думать.

— И немедленно, — сказал он пустой комнате и быстро подошел к кофеварке, стараясь не обращать внимания на раскалывавшую голову боль.

Ты знаешь, почему думаешь об этом именно сейчас.

— Заткнись, — бросил он непринужденным тоном, в меру весело... но руки дрожали, когда он взял «Сайлекс».

Кое-что нельзя скрывать вечно. Возможно, ты болен, Морт.

— Заткнись. Я тебя предупредил, — сказал он так, словно вел оживленную беседу.

Возможно, ты болен. Не исключено, что у тебя нервный срыв...

— Заткнись! — закричал он, с силой швырнув «Сайлекс». Разминувшись с кухонным столом, кофеварка пролетела через всю комнату, переворачиваясь на лету, ударилась в стеклянную стену, разбилась и замертво упала на пол. На стеклянной стене появилась длинная серебристая трещина, змеившаяся до верха. Она начиналась там, куда попала кофеварка. Морт чувствовал себя как человек, у которого подобная трещина зигзагом проходит посередине мозга.

Но внутренний голос замолчал.

Морт флегматично прошел в спальню, взял будильник и вернулся в гостиную. На ходу он поставил звонок на пол-одиннадцатого. В десять тридцать он поедет на почту, заберет пакет «Федэкса» и спокойно примется за решение задачи, как избавиться от этого кошмара.

А пока он поспит.

Он будет спать на диване, где ему всегда лучше спится.

— У меня *нет* нервного срыва, — прошептал он тоненькому голосу, но тоненький голос не собирался спорить. Морт подумал, что, должно быть, напугал тоненький голос. Он на это надеялся, потому что этот голос не на шутку пугал *его*.

Отыскав глазами серебристую трещину в стеклянной стене, Морт отрешенно проследил за ней от начала до конца, вспоминая, как воспользовался универсальным ключом, подходившим ко всем замкам. Как в номере был полумрак, и мгновение его глаза привыкали к сумраку. Их голые плечи. Их испуганные глаза. Он кричал — после он не помнил что и не осмеливался спросить об этом у Эми. Видимо, нес с угрозой какой-то бред, судя по выражению их глаз.

Если у меня когда-нибудь и был нервный срыв, подумал Морт, глядя на равнодушную трещину, подобную равнодушной молнии и грому, *так это тогда.* Черт, письмо из «Ежеквартальника Аспена» ни в какое сравнение не шло с открытой дверью номера мотеля, где его жена с другим мужчиной, лощеным риелтором из занюханного городишки в Теннесси...

Морт закрыл глаза, а когда он их открыл, уже настойчиво кричал другой голос. Принадлежавший будильнику. Туман рассеялся, выглянуло солнце. Пора было ехать на почту.

43

По дороге он вдруг проникся уверенностью, что машина «Федерального экспресса» появилась и уехала... и Джульетт у окошка, выставив ненакрашенное лицо, разведет руками и покачет головой, извиняясь, что сегодня для него ничего нет. И доказательство исчезнет, как дым. Ощущение было иррациональным — Герб предусмотрительный человек, он не дает обеща-

ний, которые не в состоянии выполнить, — но избавиться от опасений Морт не мог.

Он заставил себя выйти из машины и пройти целую тысячу миль от двери почты к окошку, где Джульетт Стокер разбирала почту.

Подойдя, он попытался заговорить, но не смог издать ни звука. Губы шевелились, но горло слишком пересохло. Взглянув на него, Джульетт отступила на шаг. У нее сделался встревоженный вид... впрочем, не такой встревоженный, как у Эми и Теда, когда в мотеле Морт, распахнув дверь, направил на них пистолет.

— Мистер Рейни, вам плохо?

Он кашлянул.

— Простите, Джульетт. Что-то горло перехватило на секунду.

— Вы очень бледный, — сказала она, и в ее голосе он услышал интонацию, с которой к нему обращались многие жители Тэшмора, — горделивую и отчасти раздраженно-покровительственную, будто он был ребенком-вундеркиндом, которому требовался особый уход и питание.

— Съел что-то не то вечером, наверное, — объяснил он. — От «Федерального экспресса» для меня есть что-нибудь?

— Нет, ничего.

Морт в отчаянии схватился за прилавок и на мгновение испугался, что вот-вот потеряет сознание, хотя почти сразу понял, что Джульетт сказала совсем не это.

— Простите?

Она уже отвернулась, демонстрируя ему свою крепкую деревенскую задницу, и, нагнувшись, перебирала бандероли на полу.

— Только один пакет, говорю, — отозвалась она, поворачиваясь, и толкнула к нему по прилавку большой конверт. Увидев обратный адрес — «ДЖЭК», Пенсильвания, — Морт ощутил, как по телу прошла волна облегчения. Будто холодная вода оросила пересохшее горло.

— Спасибо.

— Пожалуйста. Знаете, почтовое начальство будет брызгать кипятком, если узнает, что мы оставляем у себя частные бандероли «Федэкса»...

— Я очень вам благодарен, — сказал Морт. Теперь, когда журнал был его в руках, его охватило желание уйти, поскорее вернуться домой. Желание было невероятно сильным, почти непреодолимым. Морт не знал, почему, — до полудня оставался час с четвертью, но справиться с собой он не мог. В напряжении и замешательстве он даже думал дать Джульетт чаевых, чтобы она не болтала лишнего... но это заставит ее душу истинной янки возмутиться и запротестовать.

— *Вы* никому не скажете? — игриво попросила она.

— Ни за что, — через силу улыбнувшись, ответил он.

— Хорошо, — улыбнулась Джульетт Стокер. — Потому что я видела, что вы сделали.

Морт остановился в дверях.

— Простите?

— Я говорю, меня убьют, если вы проговоритесь, — повторила она, пристально вглядываясь в его лицо. — Вам бы домой поехать и прилечь, мистер Рейни. Что-то вы совсем неважно выглядите.

Мне кажется, что я уже три дня лежу пластом, Джульетт, — именно столько времени я ничем не могу заниматься.

— А что, — сказал он, — может, и поеду. Слабость какая-то накатывает.

— А сейчас вирус ходит. Вы, наверное, подхватили.

Вошли две женщины из Кэмп-Вигмора, о которых весь город шептался, что они лесбиянки, только не афишируют свои отношения, и Морт поспешил попрощаться с Джульетт. Сев в «бьюик», он положил синий пакет на колени. Ему было неприятно, что все говорят о его болезненном виде, и еще меньше нравилось, что совсем не работает голова.

Это не важно. Все почти закончилось.

Он начал открывать конверт, когда леди из Кэмп-Вигмора вышли на улицу и уставились на него. Они переглянулись, одна улыбнулась, другая захохотала, и неожиданно для себя Морт передумал — отложил конверт и поехал домой.

44

Остановив «бьюик» на обычном месте, сбоку от дома, Морт выключил зажигание... и вдруг все заслонила мягкая серая пелена. Когда она исчезла, Морт почувствовал себя странно и испугался. Может, с ним действительно что-то не то? Вдруг он нездоров?

Нет, это от перенапряжения, решил он.

Он что-то услышал — или ему показалось — и быстро осмотрелся. Никого. *Возьми себя в руки*, вяло приказал себе Морт. *Тебе осталось всего-то справиться со своими гребаными нервами.*

Затем он подумал: *У меня же был пистолет... в тот день. Правда, незаряженный. Потом я им об этом сказал. Эми поверила. Насчет Милнера не знаю, но Эми поверила, и...*

А это правда, Морт? Пистолет действительно был не заряжен?

Он снова подумал о трещине в стеклянной стене, равнодушном серебристом зигзаге, похожем на молнию, одним махом много чего расколовшую. *Вот так это и бывает,* подумал он. *Так это в жизни и случается.*

Затем Морт снова посмотрел на конверт «Федерального экспресса». *Вот* о чем сейчас надо думать, а не об Эми и не о мистере Теде Пошел-он-в-Задницу из Шутерс-Ноба, что в Теннесси.

Клапан был уже наполовину оторван — в нынешние времена аккуратных людей не осталось. Морт отогнул его и вытряс журнал на колени. «Детективный журнал Эллери Куина», гласили ярко-алые буквы. Под

названием мелким шрифтом значилось «Июнь, 1980 год». А ниже перечислялись имена авторов, чьи произведения вошли в номер: Эдвард Д. Хох, Рут Ренделл, Эд Макбейн, Патриция Хайсмит, Лоренс Блок.

Имени Морта Рейни на обложке не было.

Ну конечно, не было! Он тогда был почти неизвестен как писатель, тем более как автор детективных рассказов: «Время сева» стал исключением. Имя Рейни ничего не говорило постоянным читателям журнала, поэтому редакторы и не вынесли его на обложку. Морт открыл журнал.

Страницы с содержанием не было.

Страницу с содержанием вырезали.

Судорожно пролистав журнал, Морт бросил его и снова поднял с тихим криком. Он не нашел вырезанного места с первого раза, но со второго понял, что страницы с 83-й по 97-ю отсутствуют.

— *Ты их вырезал!* — закричал он. Крик был таким неистовым, что глаза полезли из орбит. Морт начал бить кулаками по рулю «бьюика». Сигнал выл и вскрикивал. — *Ты их вырезал, сукин сын! Как ты это сделал? Ты их вырезал! Ты их вырезал! Ты их вырезал!*

45

На полдороге к дверям неумолимый тонкий голосок снова поинтересовался у Морта, как Шутер мог ухитриться это сделать. Конверт, доставленный службой *«Федеральный экспресс»* из Пенсильвании, все время находился у Джульетт, так каким же, черт возьми, образом?

Он остановился.

Джульетт сказала: *Хорошо. Потому что я видела, что вы сделали.*

Вот и разгадка. Джульетт в этом замешана. Да вот только...

целую вечность.

Разве что ему послышалось, а она этого не говорила. Фраза прозвучала только у него в голове — тихий «нежданчик» паранойи.

— А ведь ему все удается, — произнес Морт, переступая порог. Оказавшись в холле, он с силой швырнул журнал на пол. Журнал полетел, как испуганная птица, встопорщив страницы, и со шлепком приземлился. — О да, никаких сомнений. Можете прозакладывать свою сраную задницу, что он не успокоился. Но я не обязан его здесь дожидаться. Я...

И тут Морт увидел шляпу Шутера. Шляпа Шутера лежала на полу перед дверью в кабинет.

Минуту он стоял, чувствуя, как кровь пульсирует в ушах, затем пошел к плите, широко шагая на мысках, как герой мультфильма. Он взял кочергу с маленькой стойки, вздрогнув, когда ее кончик тихо звякнул о совок для золы, и бесшумно вернулся к закрытой двери в кабинет, занеся кочергу так же, как перед разгромом ванной комнаты. Ему пришлось обойти журнал, который он бросил на дороге.

Дойдя до двери, Морт остановился.

— Шутер!

Ответа не было.

— Шутер, лучше сам выходи! Если мне придется войти, ты больше никогда ниоткуда добровольно не выйдешь!

Ответа по-прежнему не было.

Морт постоял еще пару секунд, набираясь смелости (не будучи уверенным, что она в нем есть), и повернул ручку. Ударив в дверь плечом, он с криком ворвался в кабинет, размахивая кочергой...

Комната была пуста.

Но Шутер здесь побывал. Монитор от «мучителя слов» лежал на полу; расколотый экран казался выбитым глазом. Шутер его убил. Вместо монитора на сто-

 ле красовалась старая пишущая машинка «Ройял». Стальные бока этого мастодонта были тусклыми, пыльными. На клавиатуре лежала рукопись, рукопись Шутера, та самая, которую он тысячу лет назад оставил на веранде, придавив булыжником.

Это было «Секретное окно, секретный сад».

Выронив кочергу, Морт медленно, будто под гипнозом, подошел к машинке и взял рукопись. Одну за другой переворачивая страницы, он понял, почему миссис Гэвин не усомнилась, что это его рукопись... Она была настолько уверена, что даже достала листки из мусорного ведра. Может, до конца она это не осознала, но взгляд зацепился за текст. Да и как могло быть иначе? Она много лет видела рукописи, похожие на «Секретное окно, секретный сад». Ворд-процессор «Вонг» и лазерный принтер «Систем файв» были относительно новыми приобретениями. Большую часть своих произведений Морт отстучал на старенькой машинке «Ройял». От времени она совсем износилась и пришла в негодность — когда на ней печатали, буквы ложились криво, как зубы старика.

Но машинка все время находилась здесь — стояла в шкафу у задней стенки за старыми гранками и отработанными рукописями. Должно быть, Шутер украл ее и подбросил обратно, пока Морт ездил на почту. Логично, не правда ли?

Нет, Морт. Никакой логики и смысла в этом нет. Хочешь в самом деле сделать кое-что, имеющее смысл? Позвони в полицию. Вот что имеет смысл. Позвони в полицию и скажи, чтобы приехали и заперли тебя в психушку. Попроси их поторопиться, прежде чем ты натворишь новых бед. Пусть приедут, пока ты еще кого-нибудь не убил.

С диким воплем Морт выронил листы, и они, лениво кружась, разлетелись по полу. Истина поразила его мгновенно, как поражает изломанная зигзагом серебристая молния.

46

Никакого Джона Шутера не существует.

И никогда не было.

— Нет, — сказал Морт, меряя большими шагами просторную гостиную. — Нет, я не согласен. Я с этим *абсолютно* не согласен.

Но его согласие или несогласие мало что значили. Перед ним были все фрагменты головоломки, и когда он увидел старенькую «Ройял», фрагменты стали слетаться и складываться в целую картину. Теперь, пятнадцать минут спустя, картинка *все еще* складывалась, и Морт не в силах был заставить ее распасться.

Он то и дело мысленно возвращался к тому, как парень с бензоколонки в Меканик-Фоллс вымыл лобовое стекло «бьюика» щеткой с резиновым скребком — случай небывалый. Морт тогда предположил — заправщик расстарался, поскольку узнал его и любит его книги. Может, и так, но ветровое стекло действительно *следовало* помыть. Лето прошло, однако всякая дрянь все равно налипает на стекла, если ездить по проселочным дорогам достаточно далеко и достаточно быстро. А ведь он наверняка ездил по проселкам. Он наверняка побывал в Дерри, обернувшись в рекордные сроки, остановившись лишь на необходимое для поджога дома время. Он даже не заправился на обратном пути — ему еще предстояли поездки и убийство кота. Дела, дела, дела*.

Остановившись в центре комнаты, Морт резко обернулся к стеклянной стене.

— Если я все это сделал, то почему ничего не помню? — спросил он серебристую трещину. — Почему мне *сейчас* ничего не вспоминается?

Он не знал... но знал, откуда взялось имя Шутера — половина от южанина из колледжа, чей рассказ Морт украл, а вторая половина от человека, укравшего

---

* Знаменитая цитата из романа «Колыбель для кошки» К. Воннегута.

 у него жену. Получилась своеобразная авторская шутка, понятная лишь посвященным.

Она говорит, что любит его, Морт. Она говорит, что любит его сейчас.

— Да пошло оно все в... Человек, который спит с чужой женой, — вор! А женщина — его сообщница.

Он с вызовом взглянул на трещину.

Трещина ничего не сказала.

Три года назад Морт опубликовал роман «Семья Делакур». Обратный адрес на рассказе Шутера был «Деллакур, Миссисипи». Если...

Он вдруг кинулся к энциклопедии, стоявшей в кабинете, в спешке поскользнувшись и едва не упав на листках, разбросанных по полу, вытянул том на букву М и нашел статью «Миссисипи». Дрожащим пальцем повел по колонке городов штата, занимавшей целую страницу, надеясь на чудо.

Плохо дело.

В Миссисипи нет ни Делакура, ни Деллакура.

Морт подумал поискать Перкинсберг — городишко, где Шутер, по его словам, торопясь на междугородний автобус, купил дешевое издание «Все стучат», но закрыл энциклопедию. К чему? Если даже в Миссисипи есть Перкинсберг, это решительно ничего не меняет.

Прозаика, который вел курс, на котором Морт познакомился с Джоном Кинтнером, звали Ричард Перкинс-младший. *Вот* откуда взялось название города.

Да, но я же ничего такого не помню, каким образом...

О, Морт, с грустью пояснил тихий голос. *Ты очень болен. Ты очень больной человек.*

— Я с этим не согласен, — повторил Морт, ужаснувшись шаткой слабости собственного голоса. Но разве у него был выбор? Однажды ему уже приходило в голову, что он действует словно во сне, совершая непоправимое.

Ты убил двух человек, послышался тихий голос. *Ты убил Тома, который знал, что в тот день ты был один,*

и Грега, чтобы помешать ему выяснить это наверняка. Если бы ты убил только Тома, Грег обратился бы в полицию. А ты этого не хотел, ты НЕ МОГ этого допустить. Не мог, пока не закончится страшилка, которую ты рассказываешь. Позавчера ты проснулся совсем разбитым, тело затекло и болело, но виной тому была не только разгромленная ванная и раскуроченная душевая кабинка, не так ли? Ты успел куда больше: ты позаботился о Томе и Греге. Ты был прав насчет того, как именно переставлялись машины... но это именно ты позвонил Санни Троттсу, притворившись Томом. Приезжий из Миссисипи не мог знать, что Санни глуховат, но ты это знал! Ты убил их, Морт, ты УБИЛ двух человек!

— *Я не согласен, что это сделал я!* — пронзительно закричал Морт. — *Все это часть его плана! Все это его игры! Его манипуляции! И я не... я не согласен...*

Прекрати, прозвучал приказ в голове Морта, и он прекратил.

Пару секунд в обоих мирах царила полная тишина: и в том, что в голове, и в том, что снаружи.

Выдержав паузу, голос тихо задал вопрос: *Зачем ты это сделал, Морт? Зачем столь тщательно спланированное убийство? Шутер твердил, что ему нужен рассказ, но Шутера не существует. Чего ты хочешь, Морт? Для чего ты создал Джона Шутера?*

С улицы послышался шум — к дому подъехала машина. Морт посмотрел на часы: стрелки стояли ровно на двенадцати. Пламя триумфа и облегчения заревело в нем, как в горне. То, что журнал у него есть, а доказательств по-прежнему нет, ничего не значило. И то, что Шутер может его убить, ничего не значило. Морт охотно умрет, зная, что Шутер существует, а он, Морт, не повинен в ужасах, о которых только что думал.

— Он здесь! — восторженно закричал Морт и выбежал из кабинета. Он бешено размахивал руками и даже подпрыгнул, огибая угол перед самым холлом.

Он остановился, глядя через окно на подъездную дорожку над наклонной крышкой мусорного ящика,

к которой пригвоздили Бампа. Руки бессильно повисли. Темный ужас затопил его мозг — вернее, опустился покрывалом, которое тянула чья-то беспощадная рука. Последний фрагмент головоломки встал на свое место. Несколько секунд назад, сидя в кабинете, Морт думал, что создал воображаемого убийцу, поскольку у него не хватало мужества совершить самоубийство. Теперь стало ясно: Шутер сказал правду — Морта он никогда не убьет.

На дорожке шуршал покрышками не придуманный универсал Джона Шутера, а маленькая строгая «субару». За рулем сидела Эми, укравшая его любовь, а женщина, которая крадет вашу любовь, когда любовь — это все, что у вас есть, не очень-то и женщина.

И все же он любил ее.

Это *Шутер* ее ненавидел. Это *Шутер* хотел убить ее и закопать у озера, рядом с Бампом, где она скоро стала бы загадкой для обоих — Морта и Шутера.

— Уезжай, Эми, — попросил он дрожащим старческим шепотом. — Уезжай, пока не поздно.

Но Эми вышла из машины, закрыла за собой дверцу, и невидимая рука в голове Морта потянула покрывало до самого низа. Он остался в темноте.

47

Эми проверила дверь и поняла, что она не заперта. Войдя, Эми стала звать Морта, но вдруг замолчала, пораженная до глубины души.

Повсюду царил чудовищный беспорядок. Ведро было переполнено, мусор уже вываливался на пол. Несколько сонных осенних мух ползали по алюминиевой форме для пирогов, брошенной в углу. В ноздри лез устоявшийся кислый кухонный запах и затхлость. Эми даже почудилось, что пахнет испортившимися продуктами.

— Морт!

Ответа не было. Она мелкими шажками пошла по дому, не будучи уверенной, что ей хочется видеть остальные комнаты. Миссис Гэвин приходила всего три дня назад, что же произошло за это время? Как все могло настолько выйти из-под контроля?

Эми волновалась за Морта весь последний год, что они были вместе, но еще сильнее беспокоилась о нем после развода. Волновалась и, конечно, страдала от чувства вины. В чем-то она винила себя и думала, что так будет всегда. Морт никогда не был сильным... и главная его слабость заключалась в упрямом (иногда почти истерическом) отказе признавать это. Сегодня утром он говорил как человек на грани самоубийства. Единственная причина, почему она прислушалась к предупреждению Морта не привозить Теда, заключалась в том, что ее бывший муж, как казалось, рискует сорваться от одного его вида.

Мысль об убийстве никогда не приходила ей в голову; не пришла и сейчас. Даже когда в тот ужасный день в мотеле Морт навел на них пистолет, Эми не боялась. Какое там убийство... Морт убийцей не был.

— Морт! Мо...

Она обошла кухонный стол, и слова замерли у нее на губах. Пораженная, она в ужасе смотрела на гостиную широко распахнутыми глазами. Повсюду разбросаны листки — казалось, Морт выгреб из ящиков стола и папок все свои рукописи и растряс повсюду, как конфетти на некоем мрачном праздновании Нового года. Стол был заставлен немытой посудой. На полу у треснувшей стеклянной стены валялась разбитая кофеварка.

И повсюду, повсюду, повсюду одно и то же слово: «Шутер».

«ШУТЕР» смотрело со стен, написанное цветными мелками, которые Морт, видимо, взял в ее ящике с рисовальными принадлежностями. «ШУТЕР» было дважды написано на окне спреем, весьма напоминав-

шим засохшие взбитые сливки, — и точно, под плитой валялся пустой баллончик «Редиуип». «ШУТЕР» было снова и снова выведено чернилами на кухонных столах и карандашом на деревянных столбиках, поддерживавших крышу веранды, — ровная колонна, бесконечность, уходящая прямой линией и немо твердившая: «ШУТЕР, ШУТЕР, ШУТЕР, ШУТЕР».

Хуже всего, на полированной поверхности стола черешневого дерева крупными, в три фута высотой буквами было грубо вырезано, как гротескное признание в любви, — «ШУТЕР».

Отвертка, которой он, видимо, орудовал, лежала на стуле рядом. К стальному жалу прилипло что-то красное — частички черешневого дерева, подумала Эми.

— Морт? — прошептала она, осматриваясь по сторонам.

Теперь она испугалась, что найдет его мертвым, что он наложил на себя руки. Но где? В кабинете, конечно, где же еще. Он прожил там самую важную часть жизни и наверняка выбрал кабинет для своей кончины.

Хотя у Эми не было желания входить, не было желания оказаться той, кто его найдет, ноги сами понесли ее к кабинету. На ходу она, не глядя, отбросила с дороги журнал, который прислал Герб Крикмор. Дойдя до двери, Эми легонько толкнула ее.

48

Морт стоял перед своей старой машинкой «Ройял». Монитор с клавиатурой и его ворд-процессор лежали в груде стекла на полу. Морт до странного походил на деревенского проповедника. Отчасти из-за позы, подумала Эми, — стоял он с чопорным видом, заложив руки за спину, — но в основном из-за шляпы. Из-за черной шляпы, натянутой так глубоко, что поля почти

касались краешков ушей. Эми показалось, что Морт немного похож на человека с картины «Американская готика», хотя тот был изображен без шляпы.

— Морт! — обратилась к нему она. Ее голос звучал слабо и неуверенно.

Он не ответил, только смотрел на нее. Глаза у него были мрачными и блестящими. Никогда не было у Морта такого взгляда, даже в тот ужасный день в мотеле. Сейчас Эми почти казалось, что это не Морт, а какой-то похожий на него незнакомец.

Однако шляпу она узнала.

— Где ты нашел это старье? На чердаке? — Голос Эми подрагивал в такт ударам сердца, отчего она чуть заикалась.

На чердаке, где же еще. Исходивший от шляпы запах нафталина бил в нос даже там, где стояла Эми. Много лет назад Морт купил эту шляпу в магазине сувениров в Пенсильвании, когда они ездили по общине амишей. В Дерри Эми развела садик — в углу, где сходились дом и пристройка с рабочим кабинетом Морта. Это был ее садик, но Морт часто выходил его прополоть, когда у него не ладилось с новой книгой. При этом он обычно надевал шляпу, называя ее своим «думательным колпаком». Однажды он пошутил, глядя в зеркало, — вот бы вышел снимок для суперобложки. «Когда надеваю эту шляпу, — говорил он, — я чувствую себя уроженцем какого-нибудь фермерского штата, идущим по свежей борозде за задницей мула».

Потом шляпа исчезла. Должно быть, мигрировала сюда, в летний дом, на чердак. Но...

— Это моя шляпа, — озадаченно сказал он наконец скрипучим голосом. — Она никогда не принадлежала никому другому.

— Морт, что случилось? Что...

— Ошиблись номером, дама. Никакого Морта здесь нет. Морт мертв. — Глаза-буравчики смотрели не мигая. — Он долго выкручивался, но в конце концов

больше не мог дальше лгать себе, не говоря уж о том, чтобы лгать мне. Клянусь, миссис Рейни, я его пальцем не тронул. Он решил проблему как трус.

— Почему ты разговариваешь в такой манере? — спросила Эми.

— Так уж я разговариваю, — сказал он с кротким удивлением. — В Мис'ипи все так говорят.

— Морт, *перестань*!

— Разве вы не поняли, что я сказал? — спросил он. — Вы же вроде не глухая? Он мертв. Он покончил с собой.

— Перестань, Морт, — сказала Эми, заплакав. — Ты меня пугаешь. Мне все это не нравится.

— Это не важно, — сказал он и наконец вынул руки из-за спины. В одной руке были ножницы из верхнего ящика письменного стола. Морт поднял ножницы и пощелкал ими, проверяя. Выглянуло солнце, и ослепительный блеск пробежал по лезвиям. — Бояться тебе недолго.

И он шагнул к Эми.

49

Секунду она стояла неподвижно. Морт не убийца. Будь он способен на убийство, в тот день в мотеле точно что-нибудь произошло бы.

Тогда, увидев выражение глаз Морта, она поняла, что он тоже это знает.

Но сейчас перед ней был не Морт.

Эми закричала, повернулась и кинулась к двери.

Шутер бросился следом. Ножницы сверкнули серебристой дугой. Он вонзил бы их по рукоятку между лопаток Эми, но поскользнулся на листках, усеявших половицы, и растянулся во весь рост с криком, в котором смешивались недоумение и гнев. Ножницы воткнулись в девятую страницу рукописи «Секретное окно, секретный сад», кончики обломались. Морт уда-

рился губами об пол; брызнула кровь. Пачка «Пэлл-Мэлл» — их потихоньку курил Джон Кинтнер на переменах занятий по писательскому мастерству, а Морт Рейни был не прочь составить компанию — вылетела из кармана и заскользила по гладкому деревянному полу, как шайба в шаффлборде. Морт поднялся на четвереньки, оскалившись в страшной улыбке сквозь кровь, текущую по губам и зубам.

— Вам помощь не понадобится, миссис Рейни! — закричал он, вставая на ноги. Он посмотрел на ножницы, открыл их, чтобы лучше осмотреть обломившиеся кончики, в нетерпении отшвырнул в сторону. — У меня для вас готово место в саду! Я его уже выбрал. Теперь вам придется со мной считаться!

И он кинулся за ней.

50

Посередине гостиной — на брошенном «Детективном журнале Эллери Куина» — поскользнулась и Эми. Она упала на бок, ударившись бедром и правой грудью, и закричала.

За ее спиной Шутер, подбежав к столу, схватил отвертку, которой уже убил кота.

— Лежите там и не двигайтесь, — приказал он, когда Эми повернулась на спину и уставилась на него расширившимися, почти одурманенными глазами. — Приметесь бегать, больнее будет. Я не хочу причинять вам боль, миссус, но причиню, если вынудите. Мне надо кое-что получить. Я проделал долгий путь и хочу кое-что получить за труды.

Он надвигался на нее. Эми приподнялась на локтях и поползла назад, отталкиваясь ногами. Волосы свисали ей на лицо, кожа стала мокрой от пота. Она чувствовала, как по телу струится пот, горячий и смердящий. Лицо над ней походило на мрачную неумолимую маску безумия.

— Нет, Морт! Пожалуйста! Пожалуйста, Морт...

Он бросился на нее, занеся отвертку над головой и резко опустив. Вскрикнув, Эми перекатилась на левый бок. Боль обожгла бедро — жало отвертки прорвало платье и пробороздило плоть. Эми попыталась встать на колени — из платья выдралась длинная полоса.

— Нет, мэм, — задыхаясь, твердил Шутер. Его пальцы сомкнулись на щиколотке Эми. — Нет, мэм.

Она оглянулась через плечо и сквозь спутанные волосы увидела, что другой рукой он пытается вытащить застрявшую в полу отвертку. Круглая черная шляпа сбилась набок.

Он выдернул отвертку и воткнул Эми в правую икру.

Боль была чудовищной, заполнив целый мир. Эми закричала и ударила ногой назад, вслепую, попав Шутеру в нос и сломав его. Шутер замычал и упал на бок, схватившись за лицо. Эми поднялась на ноги, слыша женский вой, словно собака выла на луну. Она подумала, что это, наверное, не собака. Она подумала, что это, наверное, воет она сама.

Шутер тоже встал. Нижняя часть его лица стала кровавой маской. В этой жуткой маске вдруг прорезалась щель, обнажив кривые передние зубы Морта Рейни. Эми помнила, как когда-то лизала эти зубы своим язычком.

— Злючкой стала под конец, а? — спросил он, ухмыляясь. — Это ничего, мэм. Продолжайте в том же духе.

И он бросился на нее.

Эми попятилась. Отвертка выпала из ее ноги и покатилась по полу. Шутер взглянул на отвертку и снова кинулся на Эми, словно играя. Она схватила стул в гостиной и бросила ему под ноги. Какое-то мгновение они смотрели друг на друга, стоя по обе стороны этой

шаткой преграды... и тут Шутер схватил Эми за платье спереди. Она отшатнулась.

— Мне почти надоело с тобой возиться, — задыхаясь, сказал он.

Эми повернулась и кинулась к дверям.

Он бежал за ней, пытаясь схватить и промахиваясь, касался пальцами шеи, желая уцепиться за ворот платья. Ему совсем чуть-чуть недостало, чтобы дернуть к себе Эми и притянуть в последнем смертельном объятии.

Она пробежала мимо кухонного стола к черному ходу, ощущая, как противно хлюпает липкий правый мокасин, полный крови. Шутер был совсем близко: отдуваясь и пуская из ноздрей кровавые пузыри, он все еще пытался схватить Эми.

Она ударила по наружной двери обеими руками, споткнулась и выпала на веранду, задохнувшись от боли. Теперь она лежала на том самом месте, где Шутер оставил свою рукопись. Перекатившись на спину, Эми увидела, как приближается Шутер. Он был без оружия, но при взгляде на его руки становилось понятно, что оружие ему ни к чему. Глаза под полями черной круглой шляпы оставались неумолимыми, неподвижными и чудовищно добрыми.

— Мне очень жаль, миссус, — сказал он.

— *Рейни!* — раздался голос. — *Стойте!*

Эми попыталась оглянуться и не смогла — она потянула мышцы шеи. Шутер и не думал останавливаться — он по-прежнему шел на нее.

— *Рейни! Остановитесь!*

— Здесь нет никакого Рейни... — начал Шутер, и тут выстрел резко разорвал осенний воздух. Шутер остановился на полушаге и с любопытством, почти небрежно посмотрел себе на грудь, где образовалась маленькая дырочка. Кровь не выступила — по крайней мере сразу, — но отверстие появилось. Шутер приложил к груди руку и тут же отнял. На указательном

пальце остался маленький красный след, как точка, которую ставят в конце предложения. Шутер задумчиво посмотрел на него, уронил руки и снова бросил взгляд на Эми.

— Милая? — вопросительно сказал он и рухнул на дощатый пол веранды.

Она перевернулась, кое-как приподнялась на локтях и поползла к нему, уже начиная всхлипывать.

— Морт! — заплакала она. — Морт! Морт, пожалуйста, скажи что-нибудь!

Но он ничего не мог сказать, и уже секунду спустя Эми это осознала. Она будет отвергать простой факт его смерти многие недели и даже месяцы, но в конце концов уступит, и осознание свершившегося вернется вновь. Он мертв. Он мертв. Он сошел с ума, и теперь он мертв.

Он и тот, кто был в нем.

Уткнувшись в грудь Морта, она зарыдала, и когда кто-то подошел и с сочувствием положил теплую руку ей на плечо, Эми не оглянулась.

Эпилог

Спустя три месяца после событий у озера Тэшмор Тед и Эми Милнер приехали на встречу с человеком, который выстрелом из пистолета убил первого мужа Эми, известного писателя Мортона Рейни.

Они уже общались с этим человеком, пока тянулось трехмесячное расследование, но в официальной обстановке, и Эми не хотела начинать личный разговор. Только не там. Она была благодарна за то, что он спас ей жизнь... но Морт был ее мужем, она любила его много лет и в глубине души знала, что он погиб не только из-за того, что на спусковой крючок нажал палец Фреда Эванса.

Со временем, думала Эми, она придет в себя настолько, чтобы все выяснить. Может, через год, а то и через три. Однако случилось нечто, заставившее ее действовать незамедлительно. Она надеялась, что Тед отпустит ее в Нью-Йорк одну, но он был непреклонен. Однажды он уже отпустил ее одну, и ее едва не убили.

Эми не без резкости напомнила, что тогда Теду сложно было отпустить ее или не отпустить, поскольку она вообще не сказала ему, что едет в Тэшмор, но Тед только плечами пожимал. Поэтому они вместе приехали в Нью-Йорк, вместе поднялись на пятьдесят третий этаж большого небоскреба и вместе вошли в маленький кабинет в офисе компании консолидированного страхования, который в рабочие дни служил Фреду Эвансу домом... если, конечно, он не выезжал на место страхового случая.

Эми села в самый дальний угол и, хотя в помещении было довольно тепло, упорно куталась в шаль.

Эванс говорил медленно и доброжелательно, почти как деревенский врач, лечивший Эми в детстве. Эванс ей нравился. *Но кое-чего он никогда не узнает,* подумала она. *Возможно, я соберусь с духом и скажу, а он кивнет, но кивок не будет означать, что он поверил. Он знает, что для меня он навсегда останется человеком, застрелившим Морта. Ему пришлось смотреть, как я рыдала на груди убитого, пока не приехала «скорая», и парамедикам пришлось делать мне укол, иначе я не отдавала им мертвого Морта. Но Эванс не знает, что я все равно отношусь к нему очень тепло.*

Эксперт позвонил в приемную, и вскоре им принесли три большие кружки дымящегося чая. Уже наступил январь — ветер сильный, температура низкая. На мгновение Эми задумалась: каково сейчас в Тэшморе, когда озеро наконец замерзло, и резкий ветер носит по льду длинные, похожие на призраки зигзаги снега? Тут же по странной и неприятной ассоциации ей вспомнилось, как Морт упал на пол, и пачка «Пэлл-

 Мэлл» заскользила по полу, как шайба в шаффлборде. Эми передернуло, и она отбросила воспоминания об озере.

— Как вы себя чувствуете, миссис Милнер? — спросил Фред Эванс.

Она молча пожала плечами.

Мрачно нахмурившись, вертя в пальцах трубку, Тед сказал:

— Моя жена хочет услышать все, что вы знаете о случившемся, мистер Эванс. Я пытался ее отговорить, но пришел к мысли, что это может оказаться полезным — с тех самых пор ей снятся кошмары...

— Конечно, — сказал Эванс, не то чтобы игнорируя Теда, но обращаясь прямо к Эми. — Наверное, долгое время так и будет. Мне тоже они снятся. Прежде я никогда не стрелял в человека. — Он помолчал и добавил: — Будь я на год старше, попал бы во Вьетнам.

Эми улыбнулась. Улыбка вышла бледной, но все-таки это была улыбка.

— Она все узнала во время расследования, — продолжал Тед, — но ей хочется услышать еще раз, от вас, без всяких крючкотворов.

— Понимаю. — Эванс показал на трубку: — Можете курить, если хотите.

Тед посмотрел на трубку и быстро, будто стыдясь, сунул ее в карман пальто.

— Нет, я как раз бросаю.

Эванс посмотрел на Эми.

— Для чего, вам кажется, это нужно? — спросил он тем же мягким, довольно приятным голосом. — Или правильнее будет спросить — *нужно* ли это вам?

— Я не знаю. — Голос Эми звучал тихо и бесстрастно. — Но три недели назад мы ездили в Тэшмор, Тед и я, чтобы навести порядок — мы выставили дом на продажу, — и кое-что случилось. Произошли два события. — Она взглянула на мужа и снова слабо улыбнулась. — Тед знает — что-то случилось, ведь именно

тогда я вам позвонила и попросила о встрече. Но он не знает, что именно случилось, и, боюсь, он просто мирится с моими причудами. Возможно, он прав.

Тед Милнер не стал отрицать, что мирится с причудами Эми. Его рука украдкой скользнула в карман пальто — за трубкой — и снова появилась.

— Но эти два события — они как-то связаны с тем, что случилось в доме на озере в октябре?

— Я не знаю, мистер Эванс, *что* там случилось. А что известно *вам*?

— Как сказать... — начал он, откинувшись на спинку стула и маленькими глотками отпивая чай. — Если вы приехали в надежде получить на все вопросы ответы, боюсь, мне придется вас разочаровать. Я могу рассказать о пожаре, но почему ваш муж сделал то, что сделал... тут вы, наверное, можете заполнить больше пробелов, чем я. Что было труднее всего, так это установить, где возникло возгорание — не в главном строении, а в кабинете мистера Рейни, по сути дела, в пристройке. На первый взгляд поджог устроили, замышляя что-то против него, но ведь его даже не было в городе!

В сгоревшем кабинете мы нашли большую толстостенную бутылку. Раньше в ней было вино — если говорить точно, шампанское, — но в последний раз в нее наливали бензин. Часть этикетки уцелела, и мы послали ее снимок факсом в Нью-Йорк. *Этикетку идентифицировали* как «Моет Шандон» тысяча девятьсот восемьдесят какого-то года. Это не было бесспорным доказательством того, что бутылка с коктейлем Молотова изначально хранилась в вашем винном погребе, миссис Милнер, но все равно казалось крайне важным, ведь в страховой описи вы перечислили больше дюжины бутылок «Моет Шандон» урожая 1984-го и 1983-го годов.

Это натолкнуло нас на версию, которая казалась очевидной, но малопонятной: дом сожгли вы или ваш

 бывший муж. Миссис Милнер сказала, что она выходила и забыла запереть дверь...

— Из-за этого я много ночей провела без сна, — призналась Эми. — Выходя ненадолго, я часто забываю запереть дверь. Я выросла в маленьком городке к северу от Бангора, а старые привычки неистребимы... Морт часто... — Ее губы задрожали, и на мгновение она замолчала, сжав рот так сильно, что они побелели. Справившись с собой, Эми договорила севшим голосом: — ...часто выговаривал мне за это.

Тед взял ее за руку.

— Это не важно, — сказал Эванс. — Даже если бы вы заперли дом, мистер Рейни все равно смог бы войти, ведь у него оставались ключи, правильно?

— Да, — подтвердил Тед.

— Если бы вы заперли дверь, это могло бы ускорить расследование, но категорически утверждать нельзя. Глубокомысленные выводы задним числом — это порок, которого в моей по крайней мере сфере стараются всячески избегать. Есть мнение, что от него возникают серьезные ошибки, и с этим я полностью согласен. Дело вот в чем: основываясь на показаниях миссис Рейни — простите, миссис Милнер, — что входная дверь не была заперта, мы сначала считали, что поджигателем мог оказаться буквально кто угодно. Но когда мы стали проверять предположение, что бутылку для бензина взяли из вашей винотеки, круг подозреваемых сузился.

— Потому что винотека запиралась, — продолжил мысль Эванса Тед.

Эксперт кивнул.

— Вы помните, как я спросил, у кого есть ключи от комнаты, где хранится вино, миссис Милнер?

— Пожалуйста, называйте меня Эми.

Он снова кивнул:

— Эми. Вы помните?

— Да. Мы стали запирать ту комнату три или четыре года назад, когда заметили систематическую про-

пажу красного вина. Морт грешил на нашу домработницу. Я не хотела верить, мне она нравилась, но я понимала: Морт может оказаться прав. Наверное, он и был прав. И мы стали запирать винотеку, чтобы ни у кого не возникло искушения.

Эванс перевел взгляд на Теда Милнера.

— У Эми был ключ от этого помещения, у мистера Рейни, по ее мнению, тоже остался ключ. Это сузило круг. Окажись поджигательницей Эми, вы, мистер Милнер, неизбежно были бы с ней в сговоре, поскольку в тот вечер вы обеспечили друг другу алиби. Мистер Рейни алиби не имел, но он находился от Дерри на значительном расстоянии. А главное — мы не понимали мотива преступления. Работа мистера Рейни позволяла ему и Эми в финансовом плане жить достаточно свободно. Тем не менее мы сняли отпечатки, среди которых оказалось два четких. Это было на следующий день после нашей встречи в Дерри. Оба отпечатка принадлежали мистеру Рейни, однако это опять-таки не было бесспорным доказательством...

— Как *не было*? — удивленно спросил Тед.

Эванс покачал головой:

— Лабораторные тесты подтвердили, что отпечатки оставлены до того, как бутылка покрылась копотью, но эксперты не смогли уточнить, когда именно до возгорания бутылку брали в руки. Понимаете, от жара выгорели жировые следы. Допустим, наше предположение, что бутылка из вашей винотеки, верно; но ведь кто-то должен был вынуть ее из пакета или коробки, в которых доставляют вино, и положить в ложемент. Это мог быть мистер Рейни либо миссис Рейни, и он мог заявить, что оставил отпечатки именно тогда.

— Он был не в том состоянии, чтобы вступать в спор, — тихо сказала Эми. — Только не под конец.

— Теперь я понимаю, но тогда мы этого не знали. Зато нам было известно, что, когда бутылки переставляют, их обычно берут за горлышко или посередине, ближе к верху. А эти два отпечатка были у до-

нышка и оставлены под очень странным углом.

— Словно он держал ее наклонив или даже перевернув вверх дном, — перебил Тед. — Разве не так вы сказали на слушании?

— Да. А ведь знающие люди с коллекционным вином так не обращаются — есть риск взболтать осадок, а шампанское...

— ...можно растрясти, — закончил за него Тед.

Эванс кивнул:

— Если с силой трясти бутылку шампанского, ее может разорвать от давления изнутри.

— Но в ней же не было шампанского, — тихо напомнила Эми.

— Нет. В отсутствие доказательств я объездил местные бензозаправки, проверяя, не покупал ли в ту ночь кто-нибудь, похожий на мистера Рейни, немного бензина, но — безуспешно. Я не особенно удивился: он мог купить бензин в Тэшморе или на любой из полусотни заправок по дороге. Затем я поехал к Патрисии Чэмпиен, нашей единственной свидетельнице, захватив фотографию «бьюика» 1986 года — модель и марка машины, на которой, по нашим предположениям, мог приехать мистер Рейни. Она сказала — может, это и та машина, но с уверенностью подтвердить не смогла. Я оказался в затруднительном положении и вернулся на пожарище осмотреть место еще раз. И тут приехали *вы*, Эми. Это было ранним утром. Я хотел задать вам несколько вопросов, но вы были явно расстроены. Я все же спросил, зачем вы здесь, и вы сказали нечто особенное. Вы сказали, что собираетесь в Тэшмор-Лейк повидать мужа, но прежде решили посмотреть на свой сад.

— По телефону он все говорил и говорил о моем, как он называл, секретном окне... которое выходило на сад. Твердил, будто он что-то там забыл. Но в саду ничего не было. По крайней мере я ничего не увидела.

— При личной встрече в отношении... этого человека у меня возникло странное чувство, — сказал

Эванс. — Он показался мне не совсем в порядке. Я не имею в виду, что он лгал в деталях, хотя я не сомневаюсь: он лгал. Но было еще что-то, какая-то отстраненность.

— Да, я чувствовала это в нем все больше и больше. Именно отстраненность.

— Вы выглядели почти больной от беспокойства. Я счел необходимым поехать за вами в летний дом, Эми, особенно когда вы велели не говорить присутствующему здесь мистеру Милнеру, куда вы направляетесь, если он будет вас искать. Мне не верилось, что вы сами приняли это решение. Я думал, может, что-то выясню. И еще я думал... — Смутившись, Эванс замолчал.

— Вы думали, со мной может что-то случиться, — сказала Эми. — Благодарю вас, мистер Эванс. Он бы меня убил. Если бы вы за мной не поехали, он бы меня убил.

— Я остановил автомобиль в начале подъездной дорожки и дальше пошел пешком. Услышав ужасный шум, доносившийся из дома, перешел на бег. Это случилось в тот момент, когда вы практически выпали через наружную дверь, а он выбежал вслед за вами.

Эванс внимательно смотрел на Теда и Эми.

— Я просил его остановиться, — произнес он. — Я дважды его просил.

Эми протянула руку, мягко стиснула Эвансу ладонь и отпустила.

— Вот и все, — закончил эксперт. — В остальном я знаю мало — в основном из газет и двух разговоров, которые состоялись у нас с мистером Милнером...

— Зовите меня Тед.

— Хорошо, с Тедом. — Казалось, общаться с Тедом накоротке Эвансу не так легко, как с Эми. — Я знаю, у мистера Рейни случился приступ шизофрении с раздвоением личности, причем ни одно из его «я» не подозревало, что существует с другим в одном и том же теле. Я знаю, что одну из личностей звали Джон Шутер. Из показаний Герберта Крикмора мне

известно, мистер Рейни вообразил, что Шутер преследовал его из-за рассказа «Время сева». Мистер Крикмор достал экземпляр журнала, в котором впервые напечатали рассказ, и выслал мистеру Рейни, чтобы тот смог доказать, что опубликовался первым. Журнал привезли незадолго до вашего приезда, Эми, — его нашли в доме. Конверт «Федерального экспресса», в котором его доставили, лежал на сиденье «бьюика» вашего бывшего мужа.

— Но рассказ он вырезал? — уточнил Тед.

— Не только рассказ, но и страницу с содержанием. Он тщательно уничтожал все следы. Он носил при себе швейцарский нож, которым, видимо, и воспользовался. Отсутствующие страницы были найдены в бардачке.

— В конце концов появление этого рассказа стало загадкой даже для него, — тихо сказала Эми.

Эванс посмотрел на нее, приподняв брови:

— Прошу прощения?

Она покачала головой:

— Ничего.

— Пожалуй, я рассказал вам все, что мог, — сказал Эванс. — Прочее было бы чистой спекуляцией. Я лишь страховой эксперт, а не психиатр.

— В нем жили два человека, — сказала Эми. — Он был собой... и персонажем, которого создал. Тед считает, что имя Шутера Морт держал в голове с тех пор, как узнал, что Тед родом из маленького городка Шутерс-Ноб в Теннесси. Я считаю, он прав. Морт всегда таким образом выбирал имена своим персонажам... это были почти анаграммы. Остального я не знаю и могу лишь строить догадки. Но когда киностудия аннулировала контракт на сценарий по его «Семье Делакур», у него едва не произошел нервный срыв. Ему ясно дали понять — и Герб Крикмор тоже, — что всех беспокоит случайное сходство, хотя они понимают, что Морт никак не мог прочитать сценарий «Команда хозяев». Никакого плагиата не было... но Морту эта ис-

тория засела в голову. Его реакция была гипертрофированной, ненормальной — будто пошевелили палкой в потухшем костре и наткнулись на раскаленные угли.

— А вы не думаете, что он создал Джона Шутера для того, чтобы наказать вас? — спросил Эванс.

— Нет. Шутер появился, чтобы наказать самого Морта. Мне кажется... — Эми замолчала, поправила шаль, закутавшись плотнее, и взяла чашку не совсем твердой рукой. — Мне кажется, когда-то давно Морт присвоил чужую работу. Должно быть, очень давно, поскольку все, что он писал после «Мальчика Перемалывателя органов», пользовалось популярностью, и кража выплыла бы наружу. Сомневаюсь, что он вообще опубликовал то, что украл. Но я считаю, все было именно так, и, по-моему, *отсюда* и возник Джон Шутер. Не из-за отказа кинокомпании от экранизации романа, и не из-за моей... моих встреч с Тедом, и даже не из-за развода. Наверное, это тоже повлияло, но, мне кажется, корень проблемы уходит в те времена, когда мы еще не были знакомы. А потом, когда Морт жил один в доме на озере...

— ...пришел Шутер, — тихо сказал Эванс, — пришел и обвинил его в плагиате. Тот, у кого мистер Рейни украл работу, так никогда и не потребовал восстановления справедливости, поэтому в конце концов мистер Рейни наказал себя сам. Но, Эми, по-моему, дело не только в этом. Он же пытался убить и вас.

— Нет, — возразила она, — пытался Шутер.

Эванс приподнял брови. Тед осторожно посмотрел на жену и снова вынул трубку из кармана.

— *Настоящий* Шутер.

— Я вас не понимаю.

Она улыбнулась — улыбка вышла бледной.

— Я и сама не понимаю, потому и пришла. Вряд ли мое признание принесет какую-то пользу — Морт мертв, все уже закончилось, — но, возможно, это поможет мне и я стану спокойнее спать.

— Тогда в любом случае говорите, — попросил Эванс.

— Видите ли, когда приезжали прибрать в доме, мы остановились у маленького тэшморского универсама — «Боуис». Тед заливал в бак бензин — в «Боуис» самообслуживание, — а я пошла купить кое-какие мелочи. И в магазине мне встретился Санни Троттс, который раньше работал с Томом Гринлифом, старшим из двух убитых смотрителей коттеджей. Санни порывался сказать, как ему жаль Морта, и хотел сообщить еще кое-что, поскольку видел Морта за день до смерти и хотел сказать ему... Ну, в общем, Санни вспомнил про Тома Гринлифа. Том кое в чем признался Санни, когда они вместе красили методистскую церковь. Увидев Морта, Санни не сообразил сказать ему сразу, но потом вспомнил, что это как-то связано с Грегом Карстерсом...

— Вторым убитым?

— Да. Он обернулся и окликнул Морта, но тот не услышал. А на следующий день Морта не стало.

— Что же мистер Гринлиф сказал этому Санни?

— Ему показалось, что он видел призрак, — спокойно произнесла Эми.

Мужчины молча смотрели на нее.

— По словам Санни, в последнее время Том сильно сдал, стал забывчивым и очень из-за этого беспокоился. Санни считал это обычными проявлениями старости, но пять или шесть лет назад Том ухаживал за своей женой, страдавшей болезнью Альцгеймера, и перспектива вот так же закончить свои дни его очень страшила. По словам Санни, если Том забывал кисть, он полдня переживал по этому поводу. Со слов Тома, именно поэтому на вопрос Грега Карстерса, узнал ли Том человека, с которым Морт Рейни говорил на дороге, и узнает ли он его, если снова увидит, Гринлиф ответил, что *никого* не видел и что Морт стоял один.

Сухо чиркнула спичка — Тед Милнер все-таки решился закурить. Эванс, не обращая на него внимания,

подался на стуле вперед, впившись глазами в Эми Милнер.

— Давайте-ка еще раз: то есть по словам Санни Трутса...

— Троттса...

— Хорошо, Троттса. Значит, он утверждает, что Том все-таки видел *кого-то* с Мортом?

— Не совсем так, — сказала Эми. — Санни считает, если бы Том железно в это верил, он бы Грегу не солгал. Том сказал лишь, что не знает, *что* он видел. Что он озадачен. Что ему показалось спокойнее ничего не сказать. Он не хотел, чтобы кто-нибудь, особенно Грег Карстерс, который тоже присматривал за летними коттеджами, знал о его замешательстве, и еще меньше хотел, чтобы окружающие думали, будто у него началась та же болезнь, что у его покойной жены.

— Простите, я не совсем понимаю.

— По словам Санни, — продолжила Эми, — Том ехал по Лейк-драйв на своем «скауте» и видел Морта, стоявшего в одиночестве у места, где к Лейк-драйв выходит тропинка с озера.

— Рядом с тем местом, где нашли тела?

— Да, совсем рядом. Морт ему помахал, Том помахал в ответ. Затем, со слов Санни, Том взглянул в зеркало заднего вида и увидел рядом с Мортом другого человека и старый универсал, хотя ни этого человека, ни второй машины десять секунд назад на том месте не было. Человек был в черной шляпе, сказал Санни... *но он был какой-то полупрозрачный, и машина тоже.*

— О, Эми, — мягко сказал Тед. — Этот человек запудрил тебе мозги по полной программе.

Она покачала головой:

— Не думаю, чтобы простачок Санни сумел выдумать такую историю. Он добавил, что Том решил все же позвонить Грегу и признаться, что вроде все-таки видел второго человека. Ничего необычного, если опустить «полупрозрачную» деталь. Но по словам Санни,

старик просто перепугался. Он был убежден, что у него либо начались провалы в памяти, либо он видел призрак.

— Жутковато, — согласился Эванс, и так оно и было: кожу на руках и спине на несколько мгновений стянуло, как от мороза. — Но фактически это слух... свидетельство с чужих слов. Со слов мертвеца.

— Да, но было и кое-что другое. — Эми поставила чашку, открыла сумочку и принялась в ней что-то искать. — Прибирая в кабинете Морта, за его столом я нашла шляпу, ту самую ужасную черную шляпу. У меня был шок от неожиданности. Я была уверена, что полиция забрала ее как доказательство, или как правильно сказать... Я вытащила ее оттуда палкой. Шляпа лежала перевернутая. Я поддела ее палкой, вынесла на улицу и стряхнула в ящик для мусора. Вы понимаете?

Тед явно не понимал. Эванс, очевидно, понял.

— Вы не хотели к ней прикасаться.

— Да. Я не хотела к ней прикасаться. Она упала в один из больших зеленых мешков для мусора полями вниз. Клянусь, я видела это собственными глазами. Примерно через час я вышла с пакетом старых лекарств, шампуней и прочих мелочей из ванной. Когда я открыла крышку мусорного ящика, шляпа снова оказалась перевернутой. А вот это было заткнуто за внутреннюю ленту. — Эми вынула из сумки сложенный листок и протянула Эвансу. Ее рука по-прежнему заметно подрагивала. — Его не было, когда я вытащила шляпу палкой из-за стола, я точно помню.

Взяв у нее сложенный листок, Эванс помедлил. Ему не нравился бумажный прямоугольник, казавшийся слишком тяжелым, и текстура была какая-то странная.

— По-моему, Джон Шутер все же *существовал*, — сказала Эми. — Это величайшее создание Морта — персонаж, выписанный настолько живо, чтобы вопло-

титься в реальность. Мне кажется, это послание от призрака.

Эванс развернул клочок бумаги. По центру было написано:

Миссус, я извиняюсь за причиненное беспокойство. Дела вышли из-под контроля. Я теперь возвращаюсь домой. Я получил свой рассказ, а больше мне ничего и не нужно. Он называется «Лютиковая миля», вещь просто класс.

Весь ваш,

Джон Шутер.

Подпись под аккуратными строками была выведена корявыми каракулями.

— Эми, это подпись вашего покойного мужа? — спросил Эванс.

— Нет, — ответила она. — Ничего общего.

Они втроем сидели в кабинете, глядя друг на друга. Фред Эванс тщетно пытался подобрать подходящие слова. Через некоторое время молчание (и запах от трубки Теда Милнера) стало сильнее, чем кто-либо из них мог вынести, поэтому мистер и миссис Милнер поблагодарили страхового эксперта, попрощались и ушли, чтобы жить своей жизнью и дожить до счастья. Жизнь Фреда Эванса тоже продолжалась, и он тоже старался жить счастливо. Но иногда по ночам и он, и женщина, бывшая когда-то женой Мортона Рейни, просыпались от кошмара, в котором человек в круглой черной шляпе смотрел на них выцветшими от солнца глазами, пойманными в сетку мелких морщин. Он смотрел на них без любви... но, как они оба чувствовали, со странной суровой жалостью.

Доброты в этом взгляде не было, от него становилось неуютно, но Эванс и Эми, каждый в своем городе, чувствовали, что могут найти место для жизни и под этим взглядом. И возделывать свой сад.

БИБЛИОТЕЧНАЯ ПОЛИЦИЯ

Три после полуночи

Посвящается сотрудникам
и посетителям Пасадинской
публичной библиотеки

По поводу «Библиотечной полиции»

В то утро, когда началась эта история, я сидел и завтракал со своим сыном Оуэном. Жена уже отправилась наверх принимать душ и одеваться. Как всегда, в семь утра внимание наше было поделено между омлетом и газетой. Уиллард Скотт, привычный гость в нашем доме по будням, вещал с экрана про некую даму из Небраски, которой стукнуло сто четыре года, но ни один из нас внимания на телевизор не обращал. Словом, для семейства Кингов это было совершенно обычное деловое утро.

Оуэн оторвался от спортивного раздела газеты только для того, чтобы спросить меня, не собираюсь ли я сегодня заглянуть в торговый центр — для школьного сочинения ему нужна была книга. Сейчас уже забыл, возможно, речь шла о «Джонни Тримейне» или об «Апрельском утре», романе Говарда Фаста про Войну за независимость. Но помню, что сын мой имел в виду одну из тех книг, которые просто так в магазине не встретишь: либо тираж уже распродан, либо ее только собираются допечатывать, либо еще что-то в том же духе.

Я посоветовал Оуэну воспользоваться местной библиотекой, имевшей прекрасную репутацию, так как был уверен, что уж там-то нужная ему книга на-

верняка найдется. Однако мой отпрыск недовольно буркнул что-то в ответ. Я разобрал всего пару слов, которые сразу привлекли мое внимание. «Библиотечная полиция» — вот что он сказал.

Я отложил свою половину газеты, нажал на пульте кнопку «выкл. звук», удавив Уилларда на полуслове вдохновенного репортажа о конкурсе красоты в Джорджии, и попросил Оуэна сделать мне любезность — повторить сказанное. Парень упирался, но я стоял на своем. Наконец он признался, что библиотекой пользоваться не любит из страха перед Библиотечной полицией. То есть, поспешно добавил мой сын, он прекрасно знает, что никакой Библиотечной полиции в природе не существует. Просто, насколько я понял, давали о себе знать давние детские страшилки, угнездившиеся в глубинах подсознания. Оуэну было лет семь или восемь, когда тетя Стефания, оказывается, поведала ему историю о Библиотечной полиции, и страх перед ней оказался на редкость живучим.

А вот меня рассказ сына привел в восторг. Ведь и я в детстве панически боялся Библиотечных полицейских — безликих и свирепых дяденек, — которые безо всяких там шуточек *могли вломиться к тебе домой*, если вовремя не вернуть взятые в библиотеке книги. История сама по себе скверная... а что, если книги эти отыскать не удастся? Что тогда? Что сделают с тобой эти громилы? Что заберут взамен пропавших томиков? Я уже давно не вспоминал Библиотечную полицию (хотя лет шесть или семь назад обсуждал эту тему с Питером Штраубом и его сынишкой Беном). Но вот теперь все вопросы, что я задавал себе в далеком детстве, все мои детские страхи снова возвратились ко мне.

В последующие три или четыре дня я постоянно ловил себя на том, что размышляю о Библиотечной полиции, и вскоре у меня стали появляться первые короткие наброски вот этого повествования. Нередко замыслы рождаются у меня именно подобным образом, но, как правило, я их «вынашиваю» намного доль-

ше, чем в данном случае. Как бы то ни было, начав работу над романом, который так и назвал — «Библиотечная полиция», — я еще не слишком ясно представлял, во что это все выльется. Порой даже казалось, что из-под моего пера выйдет нечто забавное, наподобие деревенских кошмариков, которые так удачно лепил Макс Шулман. В конце концов, разве сама идея не забавна? Ну только подумайте — Библиотечная полиция! Чушь какая!

Я окончательно убедился в том, о чем догадывался и раньше: детские страхи поселяются в нас надолго, порой даже навсегда. Сочинительство — это почти всегда самовнушение, и давно забытые страхи, затаившиеся в вашей душе в раннем возрасте, могут неожиданно просыпаться и проявлять себя с необычайной силой.

Именно так и случилось со мной во время работы над новым произведением. А ведь в детстве я обожал посещать библиотеку, не мыслил себя без нее. Где еще можно было раздобыть интересные книги мальчику из довольно бедной семьи? Выстраивая этот роман, я постепенно вспомнил и осознал: когда-то, давным-давно, в глубине души я боялся заблудиться в лабиринте стеллажей книгохранилища, боялся, что меня не заметят в темном углу читального зала и запрут на всю ночь, боялся седовласую старушку библиотекаршу в пенсне и с почти безгубым ртом; она всегда больно щипалась и шикала на нас, детей, когда мы забывали, где находимся, и начинали разговаривать слишком громко. И конечно же я панически боялся Библиотечную полицию.

В итоге мою новую рукопись постигла та же судьба, что и «Кристину». Написав каких-то тридцать страничек, я заметил, что юмор быстро улетучивается, а еще страниц двадцать спустя повествование уже вело меня по мрачным дебрям подземелья, в которых я так часто блуждал, но самые сокровенные закоулки его до сих пор так и не исследовал. В конце концов мне уда-

 лось найти человека, которого я так долго разыскивал, и даже, набравшись храбрости, заглянуть в его безжалостные серебристые глаза. Я попытался набросать его портрет и показать тебе, мой Верный читатель, но не уверен, что мне это удалось.

Дело в том, что, когда я его рисовал, мои руки — как ни совестно в этом признаваться — тряслись от страха.

Глава 1
ЗАМЕНА

1

А виной всему, как решил потом Сэм Пиблс, был этот чертов акробат. Не нажрись он как свинья столь некстати, Сэм никогда не угодил бы в такой переплет.

Это еще полбеды, думал он с горечью, для которой имел уже полное основание, *что жизнь подобна узкому бревну, перекинутому через бездонную пропасть; бревну, по которому нам предстоит пройти с завязанными глазами. Это, конечно, скверно, но не безнадежно. Но вот когда при этом еще в спину толкают...*

Но обо всем этом потом. Сначала, еще до Библиотечной полиции, был напившийся в стельку акробат.

2

В Джанкшен-Сити последнюю пятницу каждого месяца в местном «Ротари-клубе» проводился традиционный вечер ораторов. В последнюю пятницу марта 1990 года бизнесменов должен был развлекать Невероятный Джо, акробат из странствующего цирка «Карри и Трембо».

Телефон на столе Сэма Пиблса в конторе «Компании по недвижимости и страхованию Джанкшен-Си-

ти» зазвонил в четверг, в 16.30. Сэм снял трубку. Он всегда отвечал на звонки сам — лично или с помощью автоответчика, — поскольку являлся единоличным владельцем и служащим «Компании по недвижимости и страхованию Джанкшен-Сити». Человек он был небогатый, но вполне счастливый. Не уставал твердить, что первый «мерседес» — это дело будущего, и довольствовался почти новым «фордом», в придачу владел домом на Келтон-авеню.

Сэм любил повторять, что благодаря своему бизнесу стал стреляным воробьем, что на мякине его не проведешь, хотя и не представлял, что такое мякина. Полагал, что это нечто вроде пластилина.

— «Компания по недвижимости и...»

— Сэм, это Крейг. Акробат шею сломал.

— Что?

— Что слышал! — нервно проорал Крейг Джонс. — Паршивый акробат свернул себе шею!

— Ага, — выдавил Сэм. — Черт! — Затем, чуть поразмыслив, осторожно осведомился: — Он умер, Крейг?

— Нет, жив, хотя по мне — так лучше бы сдох. В больнице Сидар-Рапидс его дурацкую шею заковали в двадцать фунтов гипса. Билли Брайт мне позвонил и рассказал, что, оказывается, этот тип заявился на утреннее представление пьяный в сосиску и после первого же сальто плюхнулся прямо на голову, хруст был даже на галерке слышен. Словно кто-то на свежую корочку льда наступил.

— Фу-ты! — поморщился Сэм.

— Лично я ничуть не удивлен. Должен же Невероятный Джо оправдывать свою кличку. И вообще — что за дурацкое имя для циркового артиста? Я понимаю — Невероятный Рэндольф. Или хотя бы Невероятный Тортеллини. Но Невероятный Джо? По-моему, у этого парня давненько неладно с мозгами.

— Господи, скверная история!

— Да уж, мы теперь по уши в дерьме. И между прочим, старичок, остались без выступающего на завтрашний вечер.

Сэм уже жалел, что не ушел из конторы ровно в четыре. Крейгу пришлось бы изливать душу перед Сэмом-автоответчиком, тогда как у Сэма-человека было бы больше времени подумать. А он хорошо понимал, что время на раздумья ему понадобится, и очень скоро. Но еще лучше Сэм понимал, что Крейг Джонс не даст на размышление ни минуты.

— Да. Похоже, что это так. — Сэм надеялся, что его слова прозвучали философски и с достаточной долей сочувствия. — Прескверная история.

— Разумеется, — подтвердил Крейг и тут же взорвал бомбу. — Но я знаю, ты с радостью заткнешь брешь своим телом и не дашь нашему кораблю пойти ко дну.

— Я? — в ужасе выкрикнул Сэм. — Крейг, ты шутишь! Я и кувырка-то не могу сделать, не говоря уж о сальто...

— На мой взгляд, ты вполне способен порассуждать о важной роли частного бизнеса в жизни нашего городка, — неумолимо продолжил Крейг Джонс. — Второй вариант на выбор — бейсбол. Если и это не устраивает, то тебе остается только снять штаны и потешить аудиторию своим голым задом. Учти, Сэм, я ведь не просто президент ораторского комитета, хотя и это немало. После того как Кенни уехал, а Карл отошел от дел, весь ораторский комитет — это я. Ты должен мне помочь. На завтрашний вечер мне необходим выступающий. Во всем нашем чертовом клубе можно найти лишь полдюжины парней, на которых я могу положиться, и ты один из них.

— Но...

— Ко всему прочему ты единственный, к кому я еще ни разу не обращался в подобной ситуации. Словом, старина, ты избран единогласно.

— Фрэнк Стивенс...

— ...уже подменял в прошлом году парня из профсоюза, которого осудили за мошенничество. Как ни крути, Сэм, — очередь твоя. Ты не имеешь права подвести меня. Ты мой должник!

— Но я занимаюсь страхованием! — взвыл Сэм. — Если не выписываю полисы, то продаю фермы! Причем в основном банкам. Любой скажет — во всем свете нет занятия скучнее. Или даже отвратительнее.

— Пустяки, — отмахнулся Крейг, хладнокровно добивая свою жертву. — Сам знаешь, к концу ужина все уже назюзюкаются в стельку. В субботу утром никто и слова из всей твоей речуги не вспомнит. Но в данную минуту мне необходим оратор на завтрашний вечер, и им будешь ты!

Сэм еще вяло поупирался, но Крейг был непреклонен. Все жалобные стенания и доводы Сэма в пух и прах разбивались о его краткие, но веские приказания. Надо. Должен. Придется.

— Ну хорошо, — уступил наконец Сэм. — Хватит! Сдаюсь.

— Вот и умница! — похвалил Крейг, голос его вмиг сделался масленым. — Помни — не больше тридцати минут. На вопросы можно еще минут десять отвести. Если они возникнут, конечно. Впрочем, при желании задницей тоже можешь покрутить. Сомневаюсь, будут ли они в состоянии ее разглядеть, но...

— Хватит, Крейг! — взмолился Сэм. — Это уже чересчур.

— О'кей. Извини! Закрываю поддувало! — Крейг довольно хихикнул.

— Ладно, давай заканчивать. — И Сэм извлек из ящика стола пластинку «Тамс», пилюли от изжоги; ему внезапно показалось, что в ближайшие часов двадцать восемь ему предстоит поглощать их одну за другой. — Сейчас мне по твоей милости придется засесть за эту чертову речь.

— Умница, — похвалил Крейг. — Запомни только — ужин начинается в шесть, а твое выступление назначено на половину восьмого. Что ж, алоха, как говорят у нас на Гавайях. Пока.

— Алоха, Крейг.

Сэм положил трубку, задумчиво уставился на телефон. К горлу уже подкатила горечь. Он громко рыгнул. Проклятие, а ведь еще пять минут назад в желудке были тишь да гладь!

И он проглотил первую пилюлю. Господи, сколько их еще будет?

3

И вот, вместо того чтобы, как планировал ранее, идти в кегельбан, Сэм заперся дома в кабинете — с блокнотом, тремя остро заточенными карандашами, пачкой «Кента» и полудюжиной банок пива «Джолт». Выдернув из розетки телефон, он закурил и хмуро уставился на желтоватую страничку. Пять минут спустя вывел вверху:

МАЛЫЙ БИЗНЕС: ИСТОЧНИК
ЖИЗНЕННОЙ СИЛЫ АМЕРИКИ

Сэм произнес заглавие вслух, и ему понравилось. Может, и не совсем здорово, но недурно, вполне недурно. Не фонтан, конечно, но куда лучше, чем, скажем: «Коммунизм — угроза и опасность». К тому же прав Крейг — в субботу утром большинство членов клуба будут страдать от такого похмелья, что не вспомнят ни слова из его вчерашней речи.

Приободрившись, Сэм начал строчить:

«Когда в 1984 году я переехал в Джанкшен-Сити из могучего и процветающего Эймса...»

4

— «...вот почему сейчас, как и ясным сентябрьским утром 1984 года, я свято убежден, что малый бизнес не просто источник жизненной силы, но и основа процветания Америки, и даже всего Запада». — Сэм замолчал, загасил сигарету в пепельнице на столе своего офиса и выжидательно посмотрел на Наоми Хиггинс.

— Ну как вам?

Наоми была хорошенькая молодая женщина из Провербии, городка, раскинувшегося в каких-то четырех милях к западу от Джанкшен-Сити. Она жила со старенькой мамой в полуразвалившейся хибаре на берегу речушки Провербия-Ривер. Большинство членов «Ротари-клуба» знали Наоми, время от времени предлагая пари на то, какое событие случится раньше — обрушится ее лачуга или протянет ноги старушка-мать. Сэм не был уверен, заключалось ли хоть одно из таких пари на самом деле, но время от времени в чьих-то устах разговоры об этом возникали вновь и вновь.

Окончив колледж бизнеса в Айова-Сити, Наоми не только прекрасно стенографировала, но и быстро расшифровывала свою скоропись. Поскольку никто из женщин в Джанкшен-Сити таким талантом не обладал, немногочисленные бизнесмены буквально разрывали Наоми на части. Вдобавок, что также не вредило делу, у девушки были изумительные ножки. По утрам в будние дни она поочередно работала на пятерых клиентов — четверых мужчин и одну женщину. Среди них были два адвоката, банкир и два торговца недвижимостью. А днем Наоми возвращалась в свою развалюху, ухаживала за матерью и распечатывала надиктованные тексты.

Сэм Пиблс пользовался услугами Наоми по пятницам с десяти утра до полудня, однако сегодня утром он отложил корреспонденцию в сторону — хотя среди писем были такие, на которые требовалось срочно от-

ветить, — и спросил Наоми, не согласится ли она его выслушать.

— Конечно, — кивнула Наоми.

Она немного встревожилась, подумав, не собирается ли Сэм, который одно время приударял за ней, сделать ей предложение. Но как только Сэм пояснил, что от нее всего-навсего требуется прослушать его тексты, Наоми успокоилась и в течение двадцати шести минут слушала речь с неподдельным вниманием.

— Не бойтесь, говорите правду, — потребовал Сэм, не дав ей и рта раскрыть.

— Хорошо, — одобрила Наоми. — Очень интересно.

— Не опасайтесь меня обидеть, — подначивал Сэм. — Выкладывайте все как есть, начистоту.

— Я и говорю. Все вполне нормально. К тому же, когда вы закончите, они уже...

— Наклюкаются и упадут под стол, — перебил Сэм. — Я и сам знаю.

Если поначалу такая перспектива его даже вдохновляла, то теперь немного разочаровывала. Слушая себя, он и сам пришел к выводу, что речь удалась.

— Одно только... — задумчиво начала Наоми.

— Что? — встрепенулся Сэм.

— Текст немного... как бы сказать... Ну, в общем, суховат, — нашлась она.

— Вот как, — огорченно вздохнул Сэм и протер глаза: до часа ночи он не вставал из-за стола, сначала сочиняя речь, а затем исправляя отдельные места.

— Но это легко поправить, — заверила Наоми. — Загляните в библиотеку и возьмите там пару книжек.

У Сэма вновь заныло под ложечкой, и он поспешно схватил пилюли. Только библиотеки ему не хватало! Ради какого-то идиотского выступления в «Ротари-клубе». Он еще ни разу не посещал местную библиотеку и особого желания нарушать свою традицию не испытывал. Однако Наоми слушала с таким вниманием, так старалась помочь, что с его стороны будет невежливым хотя бы не выслушать девушку.

— Что за книжки?

— Ну... всякая ерунда для развлечения. Вроде... — Наоми замялась, подыскивая нужное сравнение. — Помните жгучий соус-приправу, который подают в китайском ресторанчике?

— Да...

— Вот в таком духе. Шутки всякие, анекдоты. Потом еще очень полезная книга — «Любимые стихи американцев». В ней тоже может оказаться что-то полезное. Вдохновляющее по меньшей мере.

— Неужели там есть стихотворения, посвященные малому бизнесу? — усомнился Сэм.

— Стихотворные цитаты поднимают настроение. Не важно ведь, Сэм, о чем идет речь, главное — как их подать.

— Неужели в библиотеке есть сборники анекдотов специально для подобных случаев? — недоверчиво спросил Сэм, но тут же припомнил: в библиотеках попадаются даже книжонки, посвященные мелкому ремонту и модным парикам.

— Да.

— А вы откуда знаете?

— Одно время, когда Фил Брейкман баллотировался в сенат, я перепечатывала его речи. Он пользовался одной из таких книжек. Название только не помню. Почему-то все время на ум приходит «Бульварный юмор», но это точно не так.

— По-видимому, — согласился Сэм, представляя, какого сногсшибательного успеха добился бы, рассказав пару смачных скабрезностей из «Бульварного юмора».

Однако он уже сообразил, к чему клонила Наоми, и ее предложение начинало нравиться ему все больше и больше. В конце концов, почему бы и в самом деле не приукрасить речь, разбросав тут и там несколько изюминок? Тем более что библиотека для того и существует. Когда не можешь чего-то найти, всегда можно спросить библиотекаря. Он ведь не просто так там сидит, разве нет?

— В крайнем случае можно оставить все как есть, — сказала Наоми. — Они ведь и правда упьются в сосиску. — И с сочувствием посмотрела на Сэма, затем, уже строго, взглянула на часы. — Остался всего час. Займемся письмами?

— Нет, — покачал головой Сэм. — Перепечатайте-ка лучше мою речь.

Он уже принял решение, что в обеденный перерыв прогуляется в библиотеку.

Глава 2
БИБЛИОТЕКА (I)

1

Хотя за годы проживания в Джанкшен-Сити Сэм проходил мимо библиотеки сотни раз, именно сегодня он впервые как следует взглянул на нее и — что удивительно — тут же ее возненавидел.

Публичная библиотека Джанкшен-Сити — мрачная гранитная коробка с узенькими, как средневековые бойницы, оконцами — располагалась на пересечении Стейт-стрит с Миллер-авеню. Крытая шифером крыша выступала козырьком со всех четырех сторон, поэтому из-за сочетания окон-щелей с тенью от крыши фасад был похож на хмурую физиономию каменного истукана. В Айове подобная архитектура была широко распространена, и Сэм Пиблс, торговавший недвижимостью без малого двадцать лет, окрестил этот стиль Средне-Западным Безобразием. Весной, летом и осенью окружавшие здание клены немного скрадывали его отталкивающий вид, но сейчас, в самый разгар суровой айовской зимы, клены стояли голые, а сама библиотека напоминала гигантский склеп.

Сэму почему-то стало не по себе; он и сам не мог понять, в чем дело. Библиотека как библиотека — не

тюрьма же времен инквизиции с камерами пыток. К горлу вдруг подкатила изжога. По какой-то странной причине изжога эта напомнила Сэму нечто... кажется, из отдаленного прошлого. Он положил в рот пилюлю, разгрыз ее. Вдруг принял решение. Его речь и без цитат хороша. Не блистательная, но вполне приличная. Да и выступать ему предстояло не в ООН, а в местном «Ротари-клубе». К чертям все! Лучше вернуться в контору и заняться корреспонденцией, на которую утром не хватило времени.

Сэм уже повернул было вспять, но затем подумал: «Глупо все это. Чертовски глупо! Хочешь оставаться болваном? Пожалуйста. Но ведь ты согласился выступить, так почему бы не выступить с блеском?»

Сэм в нерешительности остановился на тротуаре перед входом в библиотеку. Сам он любил подтрунивать над «Ротари-клубом». Как, впрочем, и Крейг. Да и Фрэнк Стивенс. Молодые предприниматели Джанкшен-Сити поднимали встречи в клубе на смех. Но при этом почти никогда их не пропускали, и Сэму казалось, что он знает почему: в клубе заводили связи. Начинающий бизнесмен мог познакомиться здесь с настоящими акулами местного делового мира. Вроде Элмера Баскина, например, банк которого два года назад сыграл главную роль в разорении торгового центра в Бивертоне. Или Джорджа Кэнди, который при желании с помощью одного звонка мог раздобыть трехмиллионные инвестиции.

Основной контингент клуба составляли мелкие сошки, болельщики студенческих баскетбольных команд, ребята, которые посещали парикмахерскую «Джимми», а спать ложились не в пижамах, а в майках и боксерских трусах, парни, способные целую ночь напролет кутить в барах. Но попадались среди них и финансовые гении Джанкшен-Сити, воротилы местного бизнеса. Не из-за них ли, кстати, Сэм с завидным постоянством посещал по пятницам этот клуб? И не из-за них ли Крейг так засуетился, когда

паршивый акробатишка сломал свою дурацкую шею? Нет, шанс обратить на себя внимание таких людей дорогого стоит... но только в том случае, если не ударишь лицом в грязь! «К концу ужина все уже назюзюкаются», — сказал Крейг, да и Наоми так говорила, но Сэм вдруг с ужасом припомнил: он еще никогда не видел, чтобы Элмер Баскин пил что-нибудь крепче кофе. Никогда. И, возможно, не он один. Да, некоторые, конечно, упьются в стельку... Но отнюдь не все. А правят бал именно те, кто не упивается.

Сыграй по-умному, Сэм, и устроишь свою судьбу. Ничего невозможного в этом нет.

Да. Маловероятно, конечно, но — возможно. К тому же в «Ротари-клуб» Сэма подталкивало не только желание встретить видных деятелей; он всегда гордился своим стремлением вкладывать душу в любую работу. Пусть даже дело и касалось какого-то пустячного выступления. Какая разница?

А тут его смутила какая-то задрипанная библиотека. Не пасовать же перед ней, в самом деле? Абсолютная дыра — даже кусты вокруг не растут.

Сэм уже двинулся было к крыльцу, но внезапно остановился как вкопанный. Странно, и почему вдруг ему взбрела на ум эта странная мысль? Да, кусты вокруг библиотеки не растут — и что тут такого? Сэм не мог понять, в чем дело, но почему-то именно отсутствие кустов волшебным образом повлияло на него. Забыв сомнения, он решительно поднялся по четырем каменным ступенькам, на мгновение приостановился. Здание казалось совершенно пустым. Он подумал: *Держу пари, что дверь заперта. В пятницу днем библиотека, наверное, закрыта.* Почему-то это предположение его согрело.

Однако старинная ручка поддалась нажиму, и тяжелая дверь бесшумно распахнулась внутрь. Сэм очутился в тесном фойе с мраморным полом в черно-белую клетку. В центре одиноко торчал щит на одноно-

гой стойке. На щите крупными буквами было выведено одно слово:

ТИШИНА!

И все. Даже не

МОЛЧАНИЕ — ЗОЛОТО!

или

ПРОСЬБА НЕ ШУМЕТЬ!

а одно-единственное слово, сердитое и хмурое:

ТИШИНА!

— Ну-ну... — покачал головой Сэм.

Пробормотал он это еле слышно, но акустика была такая, что тихое бормотание разнеслось и многократно усилилось под сводами, заставив его поежиться. Сэм буквально ощутил, как отразилось его «ну-ну» от высоких потолков. Вдруг на мгновение показалось, что он снова учится в четвертом классе, а миссис Гластерс собирается устроить ему нахлобучку за дурное поведение. Он боязливо оглянулся по сторонам, словно опасаясь, что из темного угла вынырнет разгневанная нарушением тишины библиотекарша.

Ладно, хватит дурака валять, приятель. Тебе уже сорок. Ты уже давно отучился в четвертом классе.

Хотя Сэму вовсе не казалось, что это было уж так давно. Именно здесь, в этом странном фойе, четвертый класс представлялся совершенно осязаемым, настолько близким, что его можно было потрогать, лишь слегка вытянув руку.

Осторожно, стараясь не топать, Сэм пересек фойе слева от щита с предупреждающей надписью и вошел в главный вестибюль Библиотеки Джанкшен-Сити.

С потолка (который был футов на двадцать выше, чем в фойе) свешивались стеклянные шары, но ни один из них не горел. Свет проникал через два огромных слуховых окна, прорезанных в крыше. В солнечные дни здесь довольно светло; вестибюль даже выглядел веселым и гостеприимным. Но в эту пятницу небо заволокло свинцовыми тучами, и внутри царил серый полумрак. В углах пугающе темнели неясные тени-паутины.

Сэма Пиблса охватила неясная тревога. Как будто он что-то натворил. Не просто открыл дверь и пересек фойе, а вошел в какой-то незнакомый мир, не имевший ничего общего с захолустным городком в штате Айова, который он порой любил, порой ненавидел, а чаще всего просто воспринимал как должное. Даже воздух в помещении был словно гуще и тяжелее. Тишина же и вовсе казалась материальной — густой, толстой, как одеяло, и ледяной, как снег.

В библиотеке не было ни души.

Со всех сторон высились безмолвные ряды книжных стеллажей. Сэм посмотрел наверх, на зарешеченные окна в крыше, и у него вдруг закружилась голова. На мгновение даже почудилось, что его самого подвесили за лодыжки и он висит вниз головой над глубокой квадратной ямой, заставленной книжными стеллажами.

Тут и там возле стен стояли раздвижные лестницы на резиновых колесах. Посреди обширного пустого пространства возвышались два деревянных островка. Первый — длинная дубовая подставка для журналов. Многочисленные журналы, каждый в пластиковом пакете, стояли в отдельных ячейках. Они чем-то напомнили Сэму шкурки неведомых зверюшек, выставленные на просушку. Плакат на самом верху подставки гласил:

ВОЗВРАЩАЙТЕ ВСЕ ЖУРНАЛЫ
НА МЕСТО!

Слева от этого сооружения торчал одинокий книжный шкаф с новенькими книгами; здесь разместились беллетристика и научно-публицистические издания. Плакат на этом шкафу извещал, что все, взятое отсюда, должно быть возвращено не позднее чем через неделю.

Сэм двинулся по широкому проходу между стойкой с журналами и книжным шкафом. Как ни старался он ступать тише, каблуки его звонко цокали, а стук шагов перекатывался эхом под высоченными потолками. Сэм уже жалел, что пришел сюда, а не возвратился в контору.

Все здесь внушало ужас.

На столе библиотекаря мерно жужжал включенный аппарат для просмотра микрофильмов, но и за столом тоже никого не оказалось. Только стояла небольшая табличка, на которой было выведено:

А. ЛОРЦ

Самого же или самой А. Лорц нигде не было видно.

«Должно быть, сидит в каком-нибудь углу, погрузившись в свежий выпуск "Библиотечного журнала"», — подумал Сэм, и ему вдруг захотелось заорать: «Как дела, А. Лорц? Все в порядке?»

Но желание это тут же прошло. Публичная библиотека Джанкшен-Сити совершенно не подходила для подобных ребяческих выходок.

Внезапно Сэму вспомнилась забытая детская считалочка: «Вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана. Буду резать, буду бить — все равно тебе водить». «Интересно, — подумал Сэм, — если скорчить рожицу или показать язык — заставит ли тебя водить А. Лорц?» И снова оглянулся по сторонам, каждой клеточкой своей впитывая в себя жутковатую атмосферу.

Позабыв уже о своем намерении взять сборник анекдотов или «Любимые стихи американцев» и вопреки собственным ожиданиям заинтригованный

 этим необычным местом, Сэм направился к двери справа от шкафа с новинками. Судя по табличке, там размещалась детская библиотека. Брал ли он книги в библиотеке, когда был маленьким и жил в Сент-Луисе? Сэму казалось, что да, хотя воспоминания были неясные, расплывчатые, так и норовившие ускользнуть. Тем не менее Сэму вновь стало не по себе. Ему вдруг показалось, что он снова возвращается туда, где уже когда-то, очень давно, побывал.

Дверь была закрыта. На ней висел плакат, изображающий Красную Шапочку, которая только что поняла, что перед ней Серый Волк, а не бабушка. Волк был облачен в бабушкин чепец и в ночную рубашку. С его оскаленных клыков капала пена. На лице Красной Шапочки застыл леденящий ужас. Смысл этой картинки, видимо, состоял в том, чтобы доказать: счастливый конец такой сказки — выдумка взрослых. Только безмозглые родители могут верить этой белиберде, говорило белое как мел лицо Красной Шапочки, а вот дети — никогда!

Замечательно, подумал Сэм. *Самый подходящий плакат, чтобы привлечь детишек в библиотеку. Должно быть, малышня его обожает.*

Открыв дверь, он заглянул внутрь. И тут же страхи Сэма рассеялись; он был очарован, и мгновенно.

Эта картинка на двери конечно же ровным счетом ничего не значила. Да и сам он, разумеется, посещал библиотеку, будучи малышом; одного взгляда на этот миниатюрный мирок хватило, чтобы все вспомнить.

Отец умер молодым, и Сэма воспитывала мать. Она столько работала, что мальчик видел ее разве что по воскресеньям и праздникам. Если денег на кино после школы наскрести не удавалось — а такое случалось очень часто, — Сэм отправлялся в библиотеку. И вот теперь комната, в которой он оказался, пробудила ностальгические воспоминания, одновременно милые, щемяще тоскливые и чем-то пугающие.

Да, тогда окружавший мир представлялся Сэму совсем крохотным, как и этот мирок, в котором он оказался сейчас. Как и в детстве, светлом и радостном даже в самые дождливые и пасмурные дни, здесь было светло. И никаких тебе висячих шаров из стекла; нет, эту комнату освещали лампы дневного света, укрепленные на низком потолке под матовыми плафонами; все они горели. Столы здесь были совсем маленькие. Стульчики же казались просто игрушечными. Да, взрослые в этом мирке выглядели бы незваными пришельцами, настоящими чужеземцами. Присев за стол, они непременно поддели бы его коленками, а захотев напиться из фонтанчика в дальней стене — расквасили бы себе носы.

Стеллажи с книгами здесь не подавляли, да и потолки были довольно низкие; не настолько, впрочем, чтобы детишкам тут казалось тесно и неуютно. Отсутствовали здесь и нескончаемые ряды угрюмых корешков, а книжки, напротив, были все как на подбор яркие и красочные: синие, красные, желтые. Правил этой Волшебной страной Оз, а принцесса Дороти с друзьями путешествовала из Страны Гилликинов в Страну Кводлингов, стремясь в Изумрудный Город. Сэм вновь ощутил себя мальчишкой, заглянувшим после школы в библиотеку. Каждая книжка здесь словно молила, чтобы ее взяли в руки, потрогали, посмотрели, полистали. И все-таки во всем этом было нечто отталкивающее.

На стене висела фотография щенка с огромными задумчивыми глазищами. Под трогательной мордашкой щенка была начертана одна из величайших человеческих мудростей: БЫТЬ ХОРОШИМ ОЧЕНЬ ТРУДНО. На противоположной стене красовался плакат, на котором была нарисована утка с выводком утят; они ковыляли по берегу к воде. УСТУПИТЕ ДОРОГУ УТЯТАМ! — призывала картинка.

Сэм посмотрел налево, и улыбка тут же сползла с его лица. На плакате был изображен огромный темный автомобиль, отъезжающий от школы. К боковому

стеклу прижался мальчонка, рот которого был широко раскрыт в безмолвном вопле ужаса. А за ним темнел зловещий силуэт неведомого мужчины, вцепившегося в руль. Подпись гласила:

НИКОГДА НЕ САДИСЬ
В МАШИНУ НЕЗНАКОМЦА!

Сэм понял, что и этот плакат, и картинка с Красной Шапочкой были призваны всего-навсего воспитать в детях чувство опасности, но его это почему-то встревожило. Разумеется, дети не должны подсаживаться в машины к незнакомым дяденькам, приглашающим прокатиться, но разве так следует учить этому?

Господи, подумал он, *и скольких ребятишек должны по ночам мучить кошмары после этих плакатов?*

При виде же следующего плаката, прямо над столом библиотекаря, по спине Сэма пробежал холодок и поползли мурашки.

Мальчик и девочка, лет восьми, в испуге жались друг к другу и пятились от огромного мужчины в полушинели и серой шляпе. Ростом великан был не меньше одиннадцати футов; тень его зловеще падала на поднятые в страхе детские лица. Тень отбрасывала и широкополая, в стиле 40-х годов, шляпа, а глубоко посаженные глаза угрожающе сверкали. Колючий взгляд, казалось, пронизывал бедных детишек насквозь. В вытянутой руке сверкала бляха со странного вида звездой — Сэму показалось, что у нее девять лучей. А то и десять. Призыв внизу плаката был такой:

НЕ СТАЛКИВАЙТЕСЬ
С БИБЛИОТЕЧНОЙ ПОЛИЦИЕЙ!
ХОРОШИЕ МАЛЬЧИКИ И ДЕВОЧКИ
СДАЮТ КНИЖКИ ВОВРЕМЯ!

Сэм вдруг почувствовал во рту приторный вкус. Странный и неприятный. В следующее мгновение вих-

рем пронеслась пугающая мысль: *Я уже где-то видел этого человека!* «Нет, это, конечно, нелепо, — отмахнулся Сэм. — Чушь какая!»

Сэм невольно представил, как испугался бы в детстве при виде такого плаката, сколько радости и удовольствия от посещения библиотеки похитило бы у него столь мрачное предостережение, и почувствовал, как внутри вскипает негодование. Сделав шаг к плакату, чтобы рассмотреть странную звезду поближе, он достал из кармана коробочку с пилюлями и уже отправлял одну в рот, когда сзади послышался голос:

— О, здравствуйте!

Сэм подпрыгнул и развернулся, готовый вступить в бой с библиотечным монстром, вырвавшимся на свободу.

2

Однако никаких монстров не увидел. Перед ним стояла дебелая седовласая женщина лет пятидесяти пяти и придерживала груженную книгами тележку на резиновых колесиках. Ее миловидное, еще не изборожденное морщинами лицо обрамляли серебристые волосы, видимо, после химической завивки.

— Вы, наверное, меня ищете? — спросила она. — Вас мистер Пекхэм сюда направил?

— Нет, я вообще никого не видел.

— В самом деле? Наверное, он уже домой ушел, — развела руками женщина. — Меня это ничуть не удивляет, ведь сегодня пятница. Мистер Пекхэм приходит сюда каждое утро к одиннадцати. Вытирает пыль и читает утреннюю газету. Он у нас вроде вахтера. На сдельной оплате. Иногда, правда, задерживается до часу. Или даже до половины второго — в понедельник, например. В понедельник ведь и пыли больше всего скапливается, да и газеты самые толстые. В пятницу же, сами знаете, совсем тонюсенькие выпуски.

Сэм улыбнулся:

— А вы, значит, библиотекарь?

— Да, — улыбнулась в ответ миссис Лорц. Правда, Сэму показалось, что глаза ее не улыбаются; они смотрели на него пристально и почти холодно. — А вы...

— Сэм Пиблс.

— А, недвижимость и страховка! Знаем, знаем.

— Точно.

— Извините за то, что в главном зале никого не было. Вы, должно быть, решили, что мы уже закрылись, а входную дверь забыли запереть по ошибке.

— Откровенно говоря, — признался Сэм, — я подумал о чем-то подобном.

— С двух до семи нас здесь обычно трое. В два часа ведь уроки в школах уже кончаются. Дети, видите ли, главные наши читатели. И самые преданные. Лично я в детишках просто души не чаю. Когда-то у меня помощница была, но в прошлом году муниципалитет урезал наш бюджет на восемьсот долларов и... — Миссис Лорц сложила руки вместе и изобразила улетающую птичку.

Жест был забавный и трогательный. «Почему же я не тронут и не улыбаюсь? — удивился Сэм. — Наверное, из-за плакатов», — решил он. Красная Шапочка, кричащий ребенок в автомобиле и хмурый Библиотечный полицейский упорно не шли у него из головы.

Миссис Лорц приветливо и непринужденно протянула ему левую руку — маленькую и пухленькую, как и она сама. Сэм заметил, что кольца на среднем пальце нет; значит, она вовсе не «миссис». Дева. Что ж, обычное дело для маленького провинциального городка. Что-то в этой даме есть карикатурное. Сэм пожал ей руку.

— Вы, по-моему, ни разу у нас не были, мистер Пиблс?

— Да, боюсь, что это так. Прошу вас, зовите меня Сэм. — Он и сам не знал, хочет ли, чтобы эта женщи-

на называла его так, но деловая привычка взяла свое — в маленьком городе легче торговать, когда тебя знают и зовут по имени.

— Спасибо, Сэм.

Он рассчитывал, что и женщина представится в ответ, но та лишь выжидательно смотрела на него.

— Я оказался в затруднительном положении, — начал Сэм. — Наш сегодняшний лектор в «Ротари-клубе» пострадал в результате несчастного случая...

— Ах, какой ужас!

— И не только для него — для меня тоже. Мне придется заменить его.

— О-о-о! — протянула мисс Лорц.

Голос ее был преисполнен сочувствия, а вот глаза вдруг как-то странно заблестели. Сэм поймал себя на том, что никак не может подобрать ключик к этой женщине; он, который всегда мгновенно находил контакт с людьми (хотя бы поверхностный); он, почти не имеющий близких друзей, но тем не менее всегда затевающий в лифте разговоры с незнакомцами.

— Вчера вечером я написал речь, а сегодня утром прочитал ее одной молодой женщине, которая стенографирует и перепечатывает...

— Держу пари, что это Наоми Хигтинс.

— Да... откуда вы знаете?

— Наоми ведь у нас завсегдатай. Она кучами берет любовные романы — Дженнифер Блейк, Розмари Роджерс, Пол Шелдон и тому подобное. — Мисс Лорц вдруг перешла на шепот: — Уверяет, что, дескать, берет эти книжки для матери, но я убеждена, что она и сама их читает.

Сэм расхохотался. Ему не раз приходилось видеть в глазах Наоми мечтательное выражение, столь характерное для поклонниц романтического жанра.

— В любом случае она единственная женщина в нашем городе, обладающая профессиональными навыками секретаря. Так что нетрудно было догадаться, кого вы имели в виду.

— Да, вы правы. Наоми моя речь понравилась — так, во всяком случае, она сказала, — правда, сочла ее несколько суховатой и посоветовала мне воспользоваться...

— «Помощником оратора» — не сомневаюсь!

— Точное название она не вспомнила, но, похоже, имела в виду *именно это*. — Чуть помолчав, Сэм взволнованно спросил: — А шутки и анекдоты в нем есть?

— Да, каких-нибудь триста страниц, — ответила мисс Лорц и, вытянув правую руку — тоже без колец, — прикоснулась к его рукаву. — Пойдемте со мной. — Так и провела Сэма до двери, держа за рукав. — Я помогу вам. Надеюсь только, что в следующий раз вы заглянете к нам сами, не дожидаясь критической ситуации. Библиотека у нас, правда, маленькая, но богатая. Впрочем, возможно, я не совсем объективна.

Они вошли в главный зал библиотеки, сразу оказавшись во власти мрачных теней. Мисс Лорц щелкнула несколькими выключателями у двери, и висячие шары вспыхнули, озарив зал мягким желтоватым светом.

— В пасмурные дни здесь бывает довольно *мрачно,* — доверительно промолвила она, по-прежнему не отпуская рукав Сэма. — Вам-то, конечно, известно, как в нашем магистрате негодуют из-за перерасхода электричества в подобных заведениях... В любом случае об этом несложно догадаться, не правда ли?

— Пожалуй, да, — согласился Сэм, тоже почему-то шепотом.

— Впрочем, это еще пустяки по сравнению со счетами за отопление зимой. — Она закатила глаза. — Нефть у них, видите ли, подорожала. А все эти чертовы арабы... Кошмар, что они вытворяют — нанимают религиозных фанатиков, чтобы убивать писателей!

— Да, тут они, пожалуй, перегибают палку, — согласился Сэм и неожиданно для себя снова вспомнил плакат с высоким мужчиной — тем самым, со странной звездой и зловещей тенью, падавшей прямо на перепуганные детские мордашки.

Он хотел уже спросить про все эти плакаты, но мисс Лорц опередила его.

— Дайте мне одну минутку, — попросила она и вдруг обхватила его за плечи, для чего ей пришлось встать на цыпочки; у Сэма даже мелькнула дурацкая мысль, что библиотекарша собирается поцеловать его, но она лишь таким необычным способом усадила его на деревянную скамью возле шкафа с новинками. — Я знаю, Сэм, где стоят нужные вам книги. Мне даже не надо уточнять это по каталогу.

— Но я бы и сам мог их взять...

— *Не сомневаюсь,* — сказала мисс Лорц, — но они находятся в справочно-библиографической секции, а я стараюсь по возможности ограничивать доступ туда. Может, я и излишне требовательна, но зато всегда знаю, где что найти. Сами знаете — люди такие неаккуратные, так редко соблюдают порядок. Тяжелее всего, конечно, с детьми приходится, хотя и среди взрослых порой такие хулиганы попадаются. Но вы не беспокойтесь. И глазом моргнуть не успеете, как я вернусь.

Он и не собирался возражать, хотя при всем желании не успел бы этого сделать. Мисс Лорц едва закончила фразу и — была такова. Сэм, сидя на скамье, вновь почувствовал себя четвероклассником, причем почему-то нашкодившим. Словно его наказали за какую-то шалость и запретили играть с другими ребятами.

Сэм слышал, как мисс Лорц возилась в комнатке за абонементным столом. Он осмотрелся по сторонам. Одни книги... ни тебе даже пенсионера какого-нибудь, углубившегося в газету или листающего журнал. Странно. Понятно, что наплыва читателей в такой библиотеке по будням ожидать не приходится, но чтобы совсем никого?

«Был здесь, правда, мистер Пекхэм, — вспомнил он, — но ушел домой, дочитав газету. *В пятницу же, сами знаете, совсем тонюсенькие выпуски. Да и пыли — кот наплакал*». И тут же сообразил: ведь о том, что

мистер Пекхэм и вправду был здесь, он знал лишь со слов мисс Лорц.

Но с какой стати ей понадобилось врать?

Сэм этого не знал, да и сомневался, что библиотекарша солгала; однако сам факт того, что он усомнился в честности столь приятной на вид женщины, удивительным образом подчеркнул главную и странную особенность их знакомства: мисс Лорц не понравилась Сэму с первого взгляда. Даже несмотря на ее улыбки и обходительность.

«Все дело в плакатах. Ты уже заранее невзлюбил ВСЕХ, кто мог развесить подобные творения в детской читальне. Впрочем, не все ли равно? Бери книги и выметайся отсюда».

Сэм беспокойно заерзал на скамье, задрал голову и увидел на стене изречение:

Если хочешь знать, как мужчина обращается с женой и с детьми, посмотри, как он относится к своим книгам.

Ральф Уолдо Эмерсон.*

Почему-то и этот афоризм Сэму не приглянулся. Он и сам не знал, по какой причине... возможно, потому, что считал: даже самый заядлый книжный червь должен обращаться с семьей чуточку лучше и бережнее, чем с обычным чтивом. Тем не менее изречение, начертанное золотыми буквами на дубовой панели, по-прежнему бросалось Сэму в глаза, словно призывая поломать голову над этим изречением.

Однако не успел Сэм погрузиться в размышления, как появилась мисс Лорц и приподняла планку, преграждавшую выход из-за стола в читальный зал.

— Кажется, Сэм, мне удалось раздобыть все, что вам требуется, — весело проворковала она. — Надеюсь, вы со мной согласитесь.

---

* Эмерсон Ральф Уолдо (1803–1882) — американский философ и писатель. — *Здесь и далее примеч. пер.*

И вручила ему две книги. «Помощник оратора» под редакцией Кента Эдельмена и «Любимые стихи американцев». Содержание последней, судя по обложке (облаченной в прозрачную суперобложку), никто не редактировал, в строгом смысле слова; некая Хейзел Феллиман лишь отобрала для нее стихи. «Стихи о любви» — обещала реклама на обложке. «Стихи о матери и родном доме! Шутливые и пародийные! Стихи, которые чаще всего спрашивают читатели «Нью-Йорк таймс бук ревю»!» Из отзывов следовало также, что Хейзел Феллиман «держала руку на поэтическом пульсе всего американского народа».

Сэм воззрился на книгу с некоторым недоверием, но мисс Лорц без труда прочитала его мысли.

— Я понимаю, на первый взгляд они выглядят немного устаревшими, — сказала она. — Особенно в наше время, когда подобной литературы хоть пруд пруди. Не сомневаюсь, что, приехав в Сидар-Рапидс, вы легко в любом магазине найдете дюжину книг для начинающего оратора. Но ни одна из них, Сэм, этой даже в подметки не годится. Лично я считаю, что для любого начинающего лектора эта книга — просто находка.

— Для новичка то есть, — с улыбкой уточнил Сэм.

— В общем, да. Возьмем, скажем, «Любимые стихи американцев». Вторая часть, начинающаяся, если память мне не изменяет, на странице шестьдесят пять, называется «Вдохновение». Здесь вы наверняка найдете изюминку для своего выступления. Кстати, даже в том случае, если ваши слушатели начисто позабудут все остальное, хорошо подобранное стихотворение врежется им в память. Особенно если они слегка...

— Заложили за ворот, — ухмыльнулся Сэм.

— Я хотела сказать — навеселе, — промолвила мисс Лорц с легкой укоризной и протянула ему сборник «Помощник оратора», — хотя не сомневаюсь, вам это лучше известно.

На обложке карикатурист изобразил просторный зал, украшенный флагами. За столами с коктейлями и прочими спиртными напитками небольшими группками сидели мужчины в вечерних костюмах. Все веселились. Мужчина на сцене — тоже в вечернем костюме — радостно ухмылялся. Было видно, что его слушали с восторгом.

— В начале этого раздела приводятся общие советы о том, как строить речь, — сказала мисс Лорц. — Но поскольку мне не кажется, что вы собираетесь сделать риторику своей профессией...

— Это точно! — поспешил согласиться Сэм.

— ...то я предлагаю вам начать со следующего раздела, который называется «Речь живая и образная». В нем вы найдете множество шуток и анекдотов, разбитых на три категории: «Как их подготовить», «Как их распалить» и «Как подвести их к финишу».

«Можно подумать, будто речь идет об учебнике для сексуально озабоченных», — подумал Сэм, но вслух, конечно, этого говорить не стал. Однако мисс Лорц снова разгадала его мысли.

— Возможно, это сейчас звучит несколько двусмысленно, но книга была издана в те годы, когда люди были проще и целомудреннее. А именно — в конце тридцатых.

— Да, это точно, — поддакнул Сэм, вспомнив предвоенные фильмы.

— Тем не менее обе книги нисколько не утратили актуальности, — промолвила мисс Лорц, для убедительности постукивая по обложкам костяшками пальцев. — А ведь что, Сэм, главное в бизнесе? Результаты?

— Да... пожалуй, да.

Он устремил на нее задумчивый взгляд, мисс Лорц приподняла брови и спросила:

— О чем вдруг задумались?

— О том, как удивительно это совпадение, — ответил он. — Не сказать чтобы неслыханное, но достаточно редкое. Я пришел сюда, чтобы взять пару книг —

просто чтобы расцветить свое выступление, — и вдруг вы приносите мне именно те книги, ради которых я и пришел. Насколько редким можно считать подобное совпадение в жизни, когда даже мясник тебе специально пары приличных телячьих отбивных не подберет?

Она улыбнулась. Искренне на первый взгляд... но только Сэм вновь заметил, что ее глаза не улыбаются, казалось, их выражение не изменилось со времени его прихода — или ее прихода — в детский читальный зал. Глаза мисс Лорц пристально разглядывали его.

— Мне кажется, я только что выслушала комплимент!

— Да, мэм. Вы правы.

— Спасибо, Сэм. Большое спасибо. Говорят, лестью можно добиться чего угодно, но, боюсь, мне все равно придется попросить у вас два доллара.

— Вот как?

— Это обычная плата за оформление абонемента для взрослого, — пояснила она. — Он действителен в течение трех лет, а продление обойдется вам всего в пятьдесят центов. Устраивает?

— Вполне.

— Тогда пройдите сюда, пожалуйста.

Сэм проследовал за ней к столу.

3

Он заполнил формуляр — имя, фамилию, адрес, телефонные номера и место работы.

— О, я вижу, вы на Келтон-авеню живете. Замечательно!

— *Мне* нравится.

— Дома там большие и красивые — жаль, что вы не женаты.

Сэм испуганно вздрогнул:

— Как вы догадались?

— Так же, как и вы, — с хитрецой и чуть-чуть по-кошачьи улыбнулась мисс Лорц. — Кольца на среднем левом пальчике нет.

— Ах вот оно что! — смутился Сэм и выдавил из себя улыбку. Но, почувствовав, что она вышла не слишком лучезарной, покраснел как рак.

— Два доллара, пожалуйста.

Он протянул две однодолларовые бумажки. Мисс Лорц подошла к допотопной пишущей машинке на маленьком столике и быстро напечатала что-то на ярко-оранжевой карточке. Затем принесла ее к своему столу, расписалась с росчерком внизу, протянула карточку Сэму и попросила:

— Проверьте, пожалуйста, правильно ли я все записала.

Сэм проверил.

— Все верно.

Он заметил, что ее зовут Арделия. Красивое имя, хотя и довольно необычное.

Мисс Лорц взяла его новенький формуляр — Сэм припомнил, что это его первый формуляр после учебы в колледже, — и положила под аппарат для просмотра микрофильмов рядом с карточкой.

— Поскольку обе книги из справочно-библиографической секции, — сказала она, — держать вы их можете только одну неделю. В этой секции я храню книги, которые пользуются повышенным спросом.

— Неужели подготовка речей у нас сейчас в моде?

— Да, так же, как книги по ремонту сантехники, показу простейших фокусов, овладению хорошими манерами... Вы просто не поверите, за чем порой обращаются люди в трудную минуту. А вот я это знаю.

— Еще бы.

— Я уже давно занимаюсь этим делом, Сэм. Кстати, продлить срок пользования этими книгами я не могу, так что постарайтесь вернуть их к шестому апреля. — Она приподняла голову, и в глазах ее не то чтобы мелькнули огоньки, нет — глаза засияли. Торжествен-

но и жутковато. Сэму вдруг ненадолго представилось, что вместо глаз у Арделии Лорц — две блестящие никелевые монетки.

— А если нет? — осведомился он, натянуто улыбаясь.

И она ответила:

— В противном случае мне придется отправить к вам Библиотечного полицейского.

4

На мгновение их взгляды скрестились, и Сэму вдруг показалось, что он видит *настоящую* Арделию Лорц — женщину, в которой нет ни тени очарования, ни мягкости, ни иных черт, какими могла бы обладать незамужняя библиотекарша как *женщина*.

«Эта женщина может быть опасна, — подумал Сэм, но тут же, немного сконфуженный, отогнал эту мысль прочь. Мрачный день, а возможно, и волнение из-за предстоящей речи — все это повлияло на его настроение. — Она не более опасна, чем сушеная слива... да и не в погоде вовсе дело, и даже не в этой чертовой речи. Все из-за этих паршивых плакатов».

Зажав под мышкой сборник «Помощник оратора» и «Любимые стихи американцев», Сэм уже у двери заметил, что Арделия Лорц провожает его. Он тут же остановился. Библиотекарша удивленно вскинула голову.

— Мисс Лорц, могу я задать вам один вопрос?

— Конечно, Сэм. Я для того и работаю здесь, чтобы на вопросы отвечать.

— Я имею в виду детский зал, — сказал Сэм. — А именно — вывешенные там плакаты. Некоторые из них меня просто поразили. Точнее, почти шокировали.

Он рассчитывал произнести это нравоучительным тоном баптистского проповедника, обнаружившего на столе у прихожанина свежий выпуск «Плейбоя», но

так не удалось. «Потому, — решил Сэм, — что я вовсе не в назидание говорю. Я и вправду был *шокирован,* безо всяких "почти"».

— Плакаты? — удивилась она, но уже в следующий миг ее лоб разгладился, и мисс Лорц рассмеялась. — Понимаю. Вы, разумеется, подразумеваете Библиотечного полицейского и Растяпу Саймона.

— Какого еще Растяпу Саймона?

— Я имею в виду плакат, на котором написано НИКОГДА НЕ САДИСЬ В МАШИНУ НЕЗНАКОМЦА! А Растяпой Саймоном дети прозвали изображенного на нем мальчишку. Того, что кричит. Должно быть, прозвище ему дали в знак презрения. Что он разорался-то?

— Он не орет, он кричит от ужаса, — сухо пояснил Сэм.

— Кричит, орет — какая разница? — Мисс Лорц пожала плечами. — У нас таких случаев не бывает. Дети у нас славные — очень воспитанные.

— Не сомневаюсь, — произнес Сэм.

Уже в вестибюле Сэм снова увидел щит с надписью. Нет, не

МОЛЧАНИЕ — ЗОЛОТО!

или

ПРОСЬБА НЕ ШУМЕТЬ!

а лишь повелительное и беспрекословное:

ТИШИНА!

— К тому же это ведь с какой стороны посмотреть, не так ли?

— Наверное, — ответил Сэм.

Он прекрасно понимал, что его умело загоняют в угол и последнее слово при этом останется за Арделией Лорц. Сэму вдруг показалось, что для нее такое

занятие привычно, и эта мысль тут же настроила его на боевой лад.

— И все-таки, на мой взгляд, такое недопустимо, — уже в дверях продолжил Сэм.

— В самом деле? — вежливо поинтересовалась мисс Лорц.

— Да. Они просто устрашающие. — Сэм наконец высказал то, что его мучило. — Нельзя вешать такие плакаты в местах, где бывают дети.

Сэм мог только надеяться, что слова его не производят впечатления ханжеских нравоучений. Но с досадой заметил, что мисс Лорц улыбается.

— Вы не первый человек, Сэм, кто говорит мне об этом. Бездетные взрослые хотя и редко, но заходят в этот зал, забирают чьих-то детей — дяди, тети, дружки матерей-одиночек, задержавшихся на работе... или люди вроде вас, Сэм.

Которые обращаются сюда в трудную минуту, добавили ее холодные серо-голубые глаза. Люди, которые обращаются сюда за помощью, а потом, ПОЛУЧИВ ее, начинают критиковать библиотекаршу. И как она управляет Публичной библиотекой Джанкшен-Сити.

— Вы считаете, что я возвожу на вас напраслину? — примирительно промолвил Сэм, хотя на самом деле был готов рвать и метать, но привычка следовать правилам хорошего тона одержала верх.

— Вовсе нет. Просто мне кажется, что вы не понимаете. Прошлым летом, Сэм, мы провели голосование — в рамках ежегодной программы летнего чтения. Любой ребенок получает один голос за каждую прочитанную книгу. Таким образом мы поощряем детей, развивая у них привычку к чтению. Лично я вижу в этом свой основной долг.

Мы прекрасно знаем, что делаем, говорил Сэму ее твердый взгляд. В отличие от некоторых. Я еще держусь с вами вежливо. Хотя вы раньше сюда и не заглядывали, а теперь суете нос не в свое дело и еще критиковать меня вздумали.

Он почувствовал себя обвиняемым. Пока эта Лорц не одержала над ним верх в словесной дуэли, но Сэм прекрасно понимал, что его вынуждают отступать.

— Так вот, в результате последнего голосования любимым фильмом у детей был признан «Кошмар на улице Вязов. Часть 5». Любимой рок-группой стала «Ганз энд роузез», а на втором месте оказался Оззи Осборн, который, насколько я знаю, славится тем, что во время концертов откусывает головы живым зверькам. Любимой книгой избрали роман ужасов Роберта Маккаммона «Лебединая песня». Так вот, Сэм, мы никак не можем запастись этой книжкой в достаточном количестве. За несколько недель дети ее до дыр зачитывают. Я даже отдала переплести одну книгу, так ее тут же украли. Какой-то гадкий ребенок. — Библиотекарша обиженно поджала губы. — Второе место занял другой роман ужасов — про кровосмешение и избиение младенцев — «Цветы на чердаке»*. Он вообще уже пять лет кряду в лидерах ходит. Несколько человек даже «Пейтон плейс»** назвали.

И она смерила Сэма вызывающим взглядом.

— Лично я «Кошмар на улице Вязов» не смотрела и смотреть не собираюсь. Я также никогда не слушала и не испытываю желания прослушать хоть одну пластинку Оззи Осборна, равно как и читать Роберта Маккаммона, Стивена Кинга или В. К. Эндрюс. Понимаете, куда я клоню, Сэм?

— Возможно. Вы хотите сказать, что было бы несправедливо... — Он замолчал в поисках подходящего слова, затем вспомнил его: — ...Навязывать детям свои вкусы.

Она снова улыбнулась — одними губами, но не глазами, в которых опять засияли никелевые монетки.

— В какой-то степени, но это *не все*. Те плакаты, что вы видели в детском читальном зале, присылают

---

* Роман В. К. Эндрюс.

** Роман Грейс Металиес.

нам из Библиотечной ассоциации Айовы. БАА входит в Библиотечную ассоциацию Среднего Запада, а та, в свою очередь, состоит в Национальной библиотечной ассоциации. Последняя и получает львиную долю бюджетного финансирования. Следовательно, существует за счет налогоплательщиков. То есть нас с вами.

Сэм нервно переминался с ноги на ногу. Ему вовсе не улыбалось потратить день на лекцию по библиотечному делу; с другой стороны, разве он не сам на это напросился? Конечно, сам. Лишь в одном он был твердо уверен: Арделия Лорц с каждой минутой нравилась ему все меньше и меньше.

— Библиотечная ассоциация Айовы каждый месяц присылает нам бюллетень, в котором напечатано около сорока репродукций плакатов, — неумолимо продолжала мисс Лорц. — Любые пять мы можем выбрать бесплатно, а вот за каждый из последующих нужно платить три доллара. Вижу, вы уже торопитесь, Сэм, но вы заслужили того, чтобы я вам все объяснила, а мы уже как раз подошли к сути вопроса.

— Я? — встрепенулся Сэм. — Я вовсе не тороплюсь.

Мисс Лорц понимающе улыбнулась, обнажив два ряда ровных зубов; слишком ровных, чтобы быть настоящими.

— У нас есть специальный детский комитет, — сказала она. — Вас интересует, кто входит в его состав? Разумеется, одни дети! Девять человек. Четверо старшеклассников, трое учеников средних классов и двое из начальных. Привлекаем мы только хорошистов и отличников. Они сами выбирают некоторые книги, прошлым летом выбрали новые обои и столы... ну и плакаты, само собой разумеется, тоже они выбирают. Это, как выразился один из младших членов комитета, «самая потеха». *Теперь-то,* надеюсь, вы понимаете?

— Да, — кивнул Сэм. — Красную Шапочку, Растяпу Саймона и Библиотечного полицейского выбрали

сами дети. А все потому, что дети обожают страшилки.

— Совершенно верно! — просияла мисс Лорц.

Внезапно Сэм почувствовал, что все — с него хватит. Он уже досыта сыт этой библиотекой. Не плакатами, нет, и даже не библиотекаршей, а самой библиотекой. Она вдруг представилась ему болезненной занозой в заднице. Нет, что бы это ни было — с него хватит!

— Скажите, мисс Лорц, а держите ли вы в детской читальне копию «Кошмара на улице Вязов. Часть 5»? Или пластинки «Ганз энд роузез» и Оззи Осборна?

— Сэм, вы не поняли, — терпеливо начала она.

— А как насчет «Пейтон плейс»? Эту книгу вы тоже храните в детском зале, потому что кто-то из детишек удосужился ее прочитать? — И подумал при этом: «Неужели *кто-нибудь* по-прежнему читает такое старье?»

— Нет, — покачала головой мисс Лорц, щеки которой от негодования порозовели; эта женщина явно привыкла к тому, чтобы ее слова принимали на веру. — Тем не менее мы держим книжки, в которых описываются вторжения в чужой дом, жестокое обращение с детьми и кражи со взломом. Я имею в виду «Златовласку», «Гензель и Гретель», а также «Джека и фасольку». Я рассчитывала, Сэм, что вы окажетесь понятливее.

«Конечно, вы ведь меня выручили, — подумал Сэм, — а я еще тут капризничаю. А разве вам платят не за то, чтобы вы советовали, какую книгу выбрать?» Однако он снова взял себя в руки. Кстати, что эта Арделия имела в виду под словами «такой человек, как вы»? Впрочем, *вдумываться* Сэму было некогда, так как он понял, что их дискуссия вот-вот перерастет в жаркий спор. А ведь он пришел сюда только для того, чтобы немного оживить свою речь, а вовсе не ради пререканий по поводу библиотечных правил, тем более в читальном зале для детей.

— Вы уж извините, если я сказал что-то обидное, — произнес он. — А теперь мне и правда пора идти.

— Хорошо, — ответила она. А глаза поведали: *Я не принимаю ваших извинений. Нечего было грубить.*

— Наверное, я просто немного нервничаю из-за предстоящего выступления, — добавил Сэм. — Полночи не спал, пока речь готовил.

И, угостив ее своей фирменной улыбкой, Сэм Пиблс поднял портфель.

Мисс Лорц немного успокоилась, однако глаза по-прежнему метали молнии.

— Понимаю. Мы поставлены здесь для того, чтобы служить людям, и рады любой здравой критике со стороны налогоплательщиков. — Она слегка подчеркнула слово *здравой,* давая тем самым понять, что критика мистера Пиблса к таковой не относится.

Теперь, когда все осталось позади, Сэму хотелось — его так и подмывало — загладить этот дурацкий конфликт, как морщинки на покрывале. «Деловая привычка, — подумал он, — или защитный рефлекс». Вдруг им овладела странная идея — а не поведать ли сегодня вечером в клубе о знакомстве с Арделией Лорц? Общение с ней позволило бы куда лучше понять, чем живет и дышит их городишко, нежели вся заготовленная с таким тщанием речь. Уж тогда его никто не обвинит в сухости. Вдобавок ротарианцам едва ли не впервые в истории клуба выпадет возможность услышать вполне правдивый рассказ.

— Ну хорошо, мы слегка погорячились, — словно со стороны донесся до него его собственный голос, и тут же он увидел собственную протянутую руку. — Мне, конечно, не стоило затевать этот разговор. Надеюсь, вы не обиделись?

Библиотекарша прикоснулась к его руке. Легонько и как бы вскользь. Рука у нее была холодная. Сэму было очень неприятно. Словно поздоровался с ножкой торшера.

— Нисколько, — сказала мисс Лорц, но взгляд свидетельствовал об обратном.

— Что ж... Тогда мне пора.

— Да. И помните, Сэм, — не больше недели. — Она назидательно приподняла палец.

Полированный ноготь указывал на книги, которые он держал. Мисс Лорц улыбнулась. Что-то в ее улыбке начинало действовать Сэму на нервы, но он никак не мог решить, что именно.

— Мне бы не хотелось высылать к вам Библиотечную полицию.

— И мне тоже, — кивнул Сэм. — Я постараюсь вернуть книги в срок.

— Вот-вот, — промолвила Арделия Лорц, продолжая улыбаться. — Вы уж постарайтесь.

5

Сэм уже спустился с крыльца, но не прошел и до середины асфальтовой дорожки, как перед его глазами всплыло искаженное ужасом лицо мальчонки *(Растяпа Саймон — так его дети прозвали, хотя это не слишком здорово)*, а с ним нахлынули и мысли; одна показалась Сэму настолько разумной и естественной, что он остановился как вкопанный. Да, предположим, что детский комитет и впрямь способен остановить выбор на подобном плакате... но неужели Библиотечная ассоциация Айовы или какая-либо *иная* могла отправить такой плакат в *детскую библиотеку?*

Вспомнив ручонки мальчика, распластавшиеся на стекле автомобиля-похитителя, перекошенный кричащий рот, Сэм вдруг понял, что поверить в такое трудно. Более того — *невозможно.* А «Пейтон плейс»? Что про нее? Сэм знал, что большинство взрослых уже давно забыли этот роман. Неужели дети могли сами откопать это старье?

Нет, и я в это не верю!

Сэм не испытывал ни малейшего желания заполучить вторую инъекцию гнева Арделии Лорц — с него хватило и первой. Но ему вдруг показалось, что сердилась она далеко не на полную катушку. Он машинально обернулся.

Мисс Лорц уже и след простыл.

Наружная дверь Библиотеки была закрыта — вертикально прорезанный рот на угнетающе серой и мрачной гранитной физиономии.

Постояв еще немного, Сэм поспешил к машине, которую оставил неподалеку.

Глава 3
РЕЧЬ СЭМА

1

Успех был ошеломляющий. Начал Сэм с парочки анекдотов в собственной интерпретации (из сборника «Помощник оратора», раздел «Как их подготовить») — про фермера, пожелавшего одним махом продать всю свою продукцию, и про эскимосов, пытавшихся всучить замороженные ужины. Третий анекдот из того же раздела он воткнул в самую середину спича, которая была и правда суховата. Еще один забавный анекдотец он нашел в разделе «Как подвести их к финишу» и уже начал было его переписывать, как вспомнил слова Арделии Лорц. *Даже в том случае, если ваши слушатели начисто позабудут все остальное, хорошо подобранное стихотворение врежется им в память,* сказала она.

Полистав «Любимые стихи американцев», раздел «Вдохновение», Сэм, как и предсказала библиотекарша, вскоре нашел небольшое стихотворение, показавшееся ему подходящим.

Сэм обвел взглядом обращенные к нему лица собратьев-ротарианцев и сказал:

— Я попытался пояснить вам некоторые причины, которые побудили меня жить и работать в таком тихом и маленьком городке, как Джанкшен-Сити. Надеюсь, что кое в чем вас убедил. В противном случае я себе не завидую.

В ответ грянул дружный хохот, щедро замешенный на густом алкогольном духе. Сэм изрядно вспотел, но настроение у него было приподнятое, и уже верилось, что он успешно выберется из этой передряги. Микрофон дал сбой лишь однажды, никто из присутствующих не покинул зал и не пытался швырять в оратора остатками еды, а немногочисленные свистки были явно одобрительными.

— На мой взгляд, все это гораздо лучше сумел выразить поэт Спенсер Майкл Фри, — добавил Сэм. — Ведь ни для кого не секрет, что все, чем мы здесь торгуем, можно купить гораздо дешевле в торговых центрах крупных городов или их предместий. Владельцы таких центров любят похваляться, что у них можно купить все, что только душа пожелает, при этом не забывая заманивать покупателей бесплатными стоянками для автомашин. Пожалуй, они правы. Почти. Есть в крохотных городках нечто такое, чего ни за какие деньги нельзя приобрести в роскошных торговых центрах, и именно об этом говорит мистер Фри. Стихотворение совсем коротенькое, но с глубоким смыслом. Вот оно:

Чем смиренные души живут на земле —
Не тайна для нас с тобой:
Нужнее всего не вода им, не хлеб,
Не крыша над головой —
Хлеб зачерствеет, вода истечет,
Ветер разрушит крыши,
Но пожатие рук и голоса звук —
Вот песнь, что всегда мы слышим*.

* Перевод А. Кудрявицкого.

Оторвавшись от листка, Сэм второй раз за этот день с удивлением поймал себя на том, что говорит абсолютно искренне. Он вдруг почувствовал себя на верху блаженства. До чего славно обнаружить, что у тебя еще есть сердце, что ты не совсем еще очерствел от бесконечной будничной рутины. Но еще приятнее сознавать, что чувства свои ты можешь высказать вслух.

— И мы, местные предприниматели, предлагаем это пожатие рук. С одной стороны, это немного... но с другой — почти все. Большего не бывает. Оно воистину не имеет пределов. — Сэм перевел дух. — В заключение хочу пожелать скорейшего выздоровления Невероятному Джо, которого мне пришлось заменить. Я хочу поблагодарить Крейга Джонса за предложение выступить перед вами и, наконец, хочу поблагодарить вас за внимание к моей нудной болтовне. Огромное спасибо!

Не успел он закончить последнюю фразу, как послышались первые хлопки, которые быстро сменились дружными аплодисментами; когда же, собрав отпечатанные Наоми листочки, озадаченный таким приемом Сэм сел на место, разразилась настоящая овация.

«Это все виски, — говорил он себе. — Такими же аплодисментами меня проводили бы, расскажи я им, как бросить курить».

Затем ротарианцы начали вставать из-за столов, и Сэм решил, что, должно быть, говорил слишком долго, раз всем уже настолько не терпится уйти. Однако гром аплодисментов не утихал, а в следующее мгновение Сэм заметил, что Крейг Джонс отчаянно подает ему какие-то знаки, и догадался: Крейг хочет, чтобы он встал и поклонился. Сэм лишь выразительно покрутил пальцем у виска: мол, ты спятил! Однако Крейг затряс головой и принялся страстно жестикулировать, словно проповедник, призывающий свою паству петь псалом громче. Сэм уступил ему, встал, поклонился и, к своему изумлению, услышал крики «браво!».

Минуту спустя на аналой поднялся Крейг.

Аплодисменты и восторженные возгласы улеглись лишь после того, как он несколько раз постучал по микрофону — звук при этом был такой, словно гигантский кулак в перчатке молотил по крышке гроба.

— Думаю, что все со мной согласятся, — сказал он. — Речь Сэма с лихвой возместила нам деньги, выброшенные на жареного цыпленка, который оказался жестким как подметка.

Шутка Крейга тоже вызвала бурную овацию. И он обратился к оратору:

— Знай я наперед, Сэмми, на что ты способен, я бы уже давно тебя заарканил!

И эту реплику встретили одобрительным свистом и аплодисментами. Не дав им стихнуть, Крейг схватил Сэма за руку и энергично начал ее трясти.

— Просто изумительно! Откуда ты содрал эту речь, Сэм?

— Ниоткуда, — ответил раскрасневшийся Сэм, хотя перед выступлением он выпил лишь слабенький джин с тоником; в голове сейчас приятно шумело. — Я сам ее написал. Взял только пару книжек в библиотеке, чтобы кое-что добавить.

Вокруг них собрались и другие ротарианцы, наперебой поздравляли Сэма и поочередно трясли за руку. Он вдруг почувствовал, что похож на водонапорную колонку во время летней засухи.

— Потрясающе! — гаркнул кто-то ему в самое ухо, и, обернувшись, Сэм узнал Фрэнка Стивенса, который как-то раз подменил на ораторской трибуне профсоюзного лидера, осужденного за мошенничество. — Жаль, на магнитофон твою речугу не записали — могли бы потом на всех углах ее продавать! Бабки заколачивать. Обалденное выступление, Сэм!

— Замечательно, Сэм! — вмешался Руди Перлман; его круглая физиономия раскраснелась и блестела от пота. — Я чуть не расплакался! Ей-богу! А где ты такое стихотворение откопал?

— В библиотеке, — признался Сэм.

Он был еще немного не в своей тарелке, но облегчение от того, что испытание благополучно завершилось, уже потихоньку уступало место сдержанному ликованию. Он даже подумывал, что не помешало бы вознаградить Наоми. Не успел он сказать Руди название книжки, как Брюс Инголс ухватил его за рукав и потащил к бару.

— Самая блестящая речь в нашем дурацком клубе за последние два года! — проорал Брюс. — А то и за все пять! Да и кому вообще нужен был этот идиотский акробат? Позволь, я угощу тебя стаканчиком, Сэм. Даже двумя, черт возьми!

2

До ухода из клуба Сэм пропустил аж целых шесть стаканчиков — угощение друзей, — а вот завершил триумфальный вечер плачевно, облевав коврик для ног с вышивкой «Добро пожаловать!» перед собственной входной дверью.

Случилось это сразу после того, как Крейг Джонс высадил его перед домом на Келтон-авеню. Сэм как раз безуспешно пытался попасть ключом в замочную скважину — задача не из простых, ведь ему мерещились целых четыре ключа и всего три замка, — когда тошнота подступила к горлу, и он просто не успел спрыгнуть с крыльца. Вот почему, отомкнув наконец дверь, Сэм просто нагнулся, приподнял обгаженный коврик и, аккуратно придерживая за углы, швырнул подальше.

Сэм заварил себе кофе, пытаясь прийти в чувство, но в это время зазвонил телефон. Очередные поздравления. Затем позвонил Элмер Баскин, которого и в клубе-то не было. Сэм ощущал себя примерно так же, как Джуди Гарланд в фильме «Рождение звезды», однако насладиться по-настоящему своим успехом мешали

приливы тошноты и раскалывающаяся от боли голова. Такова кара за неумеренные возлияния с приятелями.

Включив в гостиной автоответчик, Сэм поднялся в спальню, выдернул из розетки телефонный аппарат, проглотил две таблетки аспирина, разделся и лег в постель. Веки сомкнулись сразу, мысли пьяно разбегались. И все-таки, прежде чем уснуть, Сэм успел подумать: *А ведь своим успехом я обязан Наоми... И еще — этой неприятной особе из библиотеки. Хорст, что ли. Или Борщт. Забыл. Надо бы ее тоже отблагодарить.*

Он услышал, как внизу звякнул телефон и тут же включился автоответчик. *Молодчина*, подумал Сэм, засыпая. *Делай свое дело, не подводи меня.*

И провалился в небытие до десяти утра.

3

В субботу утром Сэм проснулся с горечью во рту и небольшой головной болью, но быстро *утешился* тем, что могло быть куда хуже. Коврик было жалко, но Сэм все равно радовался, что успел избавиться от отравы, ведь в противном случае легкой головной болью он бы уже не отделался. Постояв минут десять под душем, вытерся и, обернув голову полотенцем, спустился в гостиную. Горящая на автоответчике красная лампочка напоминала о записи. Сэм нажал кнопку, но лента промоталась назад совсем чуть-чуть; должно быть, записано лишь одно сообщение. Звонок, который слышал Сэм, засыпая.

Гудок. Затем:

— Здравствуйте, Сэм. — Сэм, вытиравший голову, нахмурился: женский голос показался ему неуловимо знакомым. — Я слышала, ваша речь удалась на славу. Очень рада за вас.

Это же Лорц, догадался Сэм. *Но как она узнала номер моего телефона?* Впрочем, его без труда можно

было найти в любом телефонном справочнике... да и библиотечный формуляр он ведь тоже заполнил, не так ли? Конечно. И все же по какой-то необъяснимой причине по спине Сэма пробежал холодок.

— Напоминаю, чтобы вы вернули книги к шестому апреля, — продолжала она. И насмешливо добавила: — Не забудьте про Библиотечную полицию.

Послышался щелчок — библиотекарша положила трубку. На автоответчике замерцала лампочка «Больше сообщений нет».

— Что-то вы мне не нравитесь, мисс Лорц, — пробурчал себе под нос Сэм и направился на кухню делать тосты.

4

Через неделю после блистательного дебюта в роли клубного оратора Сэм вручил Наоми длинный белый конверт, на котором было написано ее имя.

В эту пятницу дождь лил как из ведра.

— Что это? — подозрительно осведомилась Наоми, снимая плащ.

— Откройте и посмотрите.

Наоми вскрыла конверт и увидела красивую открытку со словами благодарности; к открытке была аккуратно подклеена банкнота с портретом Эндрю Джексона.

— Двадцать долларов! — изумилась Наоми. — За что?

— Ваш совет по поводу библиотеки меня просто спас, — сказал Сэм. — Видите ли, Наоми, речь восприняли на ура. Даже не стыдно похвастаться. Будь я уверен, что вы согласитесь, я бы дал вам полсотни.

Наоми наконец поняла, в чем дело, и по всему чувствовалось, что она довольна. Тем не менее деньги попыталась вернуть.

— Я очень за вас рада, Сэм, но не могу принять такой щедрый дар...

— Можете, — твердо сказал он. — И примете. Считайте, что я подрядил вас своим агентом за эту плату.

— Нет, тогда бы у меня тем более ничего не вышло, — махнула рукой Наоми. — Никогда не умела торговать. Даже когда мы в отрядах скаутов занимались благотворительными распродажами, печенье у меня только родная мать покупала.

— Наоми! — увещевающе произнес Сэм. — Девочка моя... Нет, не пугайтесь — я не собираюсь к вам приставать. Мы это уже выяснили два года назад.

— Верно, — согласилась Наоми, однако нервно оглянулась на дверь, словно пытаясь убедиться, что путь к отступлению свободен.

— Между прочим, после этой чертовой речи мне уже удалось продать два дома и заключить страховые договоры на двести тысяч долларов. Пусть даже и по мелочи, но все равно общая сумма набегает почти на новую машину. Так что, если вы не возьмете эту двадцатку, я себя последним дерьмом буду считать.

— Сэм! — уязвленно вскричала Наоми.

Убежденная баптистка, она регулярно посещала вместе с матерью церквушку в Провербии, почти такую же развалюху, как и их собственный домишко. Сэм знал это, поскольку однажды побывал в их лачуге.

Летом 1988 года Сэм дважды приглашал Наоми на свидание. При второй встрече попытался дать волю рукам. Не слишком, правда, настойчиво, но сомнений в его намерениях у Наоми не осталось. Впрочем, Сэм так своего и не добился — по части отражать наскоки противника Наоми дала бы сто очков вперед любому защитнику футбольной лиги. Дело не в том, что Сэм ей не нравился, объяснила она потом, просто показалось, что в «этом плане» ничего у них не склеится. Озадаченный Сэм поинтересовался — почему? Но Наоми только покачала головой. «Есть вещи, которые трудно объяснить, Сэм. У нас ничего не выйдет, я это чув-

ствую. Вы уж мне поверьте». Вот и все, чего он сумел от нее добиться.

— Извините, Наоми, это у меня случайно вырвалось. — Сэм говорил сейчас с покаянным видом, хотя в глубине души сомневался, что Наоми и вправду такая строгая, какой пытается казаться. — На самом деле я хотел сказать, что, если вы не возьмете эту двадцатку, я себя последней какашкой почувствую.

Наоми спрятала деньги в сумочку и посмотрела на Сэма. Как ни старалась она выглядеть строгой, но чуть дрогнувшие в последний миг уголки рта выдали ее.

— Ну вот. Удовлетворены?

— Н-да, надо было дать полсотни, — сокрушенно вздохнул Сэм. — Возьмете полсотни, Оми?

— Нет, — ответила она. — И не называйте меня Оми. Ведь знаете, что мне это не нравится.

— Извините.

— Так и быть, прощаю. Только давайте наконец оставим эту тему. Я уже от нескольких человек слышала, как вы *замечательно* выступили, — сказала Наоми. — Крейг Джонс просто без ума от вас. Вы и правда думаете, что именно из-за этой речи дела пошли в гору?

— Не исключено... — начал было Сэм, но осекся; затем все-таки продолжил: — Да, я абсолютно уверен. Порой такое, конечно, случается, но быстро проходит. Как бы то ни было, за последнюю неделю показатели всех моих сделок подпрыгнули до потолка. Скоро, конечно, вновь упадут, но не думаю, что совсем уж до нуля. Если новым клиентам понравится, как я веду дела — а я надеюсь, что будет именно так, — то они останутся со мной.

Сэм откинулся на спинку кресла, переплел пальцы на затылке и задумчиво уставился в потолок.

— А ведь когда Крейг Джонс позвонил и предложил мне выступить, я его в первую минуту просто убить хотел. Честное слово, Наоми, поверьте.

— Верю. Вид у вас был совершенно удрученный.

— В самом деле? — улыбнулся он. — Что ж, вполне возможно. Забавно, как порой все оборачивается. Чистейшее везение, конечно. Если Бог и в самом деле *существует,* то иногда мне кажется, что он просто не успевает следить за своим хозяйством.

Сэм ожидал, что Наоми отчитает его за святотатство (такое уже не раз прежде случалось), но сегодня она, похоже, решила не ступать на тропу войны. Вместо этого только сказала:

— Если вам и правда пригодились книги, взятые в библиотеке, то можете действительно считать себя везунчиком. Ведь обычно по пятницам библиотека открывается лишь в пять часов вечера. Я хотела предупредить вас, но забыла.

— Вот как?

— Вы, должно быть, застали там одного мистера Прайса, который свои бумажки раскладывал?

— Прайса? — вскинул брови Сэм. — Вы имеете в виду мистера Пекхэма? Вахтера, который там вытирает пыль и утреннюю газету читает?

Наоми покачала головой.

— Сколько я здесь живу, но слышала только про одного Пекхэма — старого Эдди, который уже давно умер. Нет, я имею в виду мистера Прайса, *библиотекаря.* — Она посмотрела на Сэма, словно недоумевала, как можно быть таким тупицей. — Высокий мужчина, худой. Лет пятидесяти.

— Нет, — пожал плечами Сэм. — Я встретил там только даму. Лорц. Маленькая, кругленькая, седовласая; примерно в том возрасте, в каком женщин притягивает ярко-зеленая синтетика.

На лице Наоми отразилась целая гамма чувств: озадаченное изумление, граничащее с легким гневом, вдруг уступило место подозрению; подозрение же, в свою очередь, сменили веселые искорки, заблестевшие вдруг в ее глазах. Такая последовательность всегда означает только одно: человек понял, что его пытаются одурачить. При других обстоятельствах Сэм, воз-

можно, и пораскинул бы мозгами на сей счет, но, пробегав целую неделю по своим делам, он настолько запустил канцелярию, что уже не хотел отвлекаться.

— Понятно, — хихикнула Наоми. — Значит, мисс Лорц? Должно быть, вы получили массу удовольствия.

— Она, конечно, дама со странностями, — признал Сэм.

— Мягко говоря, — согласилась Наоми. — Хотя на самом деле она совершенно...

В это время зазвонил телефон. Договори девушка эту фразу, Сэм Пиблс, возможно, очень и очень испугался бы. Однако фортуна — как он и сам только что подметил — порой вмешивается в дела людей совершенно поразительным образом. Так случилось и на сей раз. Телефон продолжал звонить.

Берт Айверсон, глава местной ассоциации адвокатов, именно сейчас решил обсудить с Сэмом детали колоссальной страховой сделки — предстоящего страхования нового медицинского центра. В итоге, когда разговор закончился, Сэм уже и думать забыл о мисс Лорц.

Возможная крупная операция по страховке завладела им целиком; ведь в случае удачи он точно приобретет «мерседес-бенц», о котором столько лет мечтал. Да и не так уж важно в конце концов выяснение, какой именно части своего успеха он обязан этому удачному выступлению в клубе.

Наоми же была искренно *убеждена,* что Сэм просто ее разыгрывал; она слишком хорошо знала, что представляет собой Арделия Лорц, и была уверена, что и Сэм знает ее не хуже. Как-никак эта женщина была замешана в самой громкой и скверной истории из тех, что случились в Джанкшен-Сити за последние двадцать лет... а то даже и вообще после Второй мировой, когда Моггинс вернулся после войны с помутившимся рассудком, расстрелял всю свою семью, а затем покончил и с собой. Когда Айра Моггинс сделал это, Наоми

еще и на свете не было; но ей даже в голову не пришло, что и история с Арделией случилась задолго до того, как Сэм появился в Джанкшен-Сити.

Как бы то ни было, Наоми быстро выкинула эти мысли из головы и к тому времени, когда Сэм положил трубку, обдумывала, что из диетических продуктов купить на ужин. После этого ровно до двенадцати Сэм диктовал ей письма, а затем пригласил Наоми составить ему компанию за ленчем в ресторанчике «Мак-Кенна». Однако Наоми отказалась, сославшись на то, что ее мать за зиму «совсем ослабла, бедняжка». Про Арделию Лорц они больше не вспоминали.

В тот день.

Глава 4
ПРОПАВШИЕ КНИГИ

1

Обычно Сэм всю неделю довольствовался легкими завтраками — стаканом апельсинового сока и овсяной булочкой, — а вот по субботам (во всяком случае, по тем субботам, когда не страдал похмельем после слишком бурного ротарианского застолья) любил выспаться всласть, встать попозже, прогуляться пешком до расположенного на площади ресторанчика «Мак-Кенна» и за *чтением* (а не обычным просматриванием) газеты насладиться горячим бифштексом с яичницей.

Именно так сложился его распорядок на следующее утро, седьмого апреля. Дождь, накануне ливший весь день, наконец прекратился, и нежно-голубое небо дышало весной. После завтрака Сэм неспешно двинулся домой, останавливаясь перед каждой клумбой полюбоваться на только что распустившиеся тюльпаны и крокусы. Вернулся он домой в десять минут одиннадцатого.

Лампочка на автоответчике горела. Сэм нажал кнопку и достал из пачки сигарету, собираясь закурить.

— Здравствуйте, Сэм. — Спичка застыла в шести дюймах от сигареты: вкрадчивый голос Арделии Лорц он не спутал бы ни с каким другим. — Вы меня крайне разочаровали. Почему вы не сдали книги вовремя?

— *О дьявольщина!* — вырвалось у Сэма.

Целую неделю его преследовала какая-то неясная мысль — так порой вертится на кончике языка забытое слово, выводя вас из душевного равновесия. Книги. Проклятые *книги*. Эта женщина, должно быть, уверовала, что он истый филистимлянин, который только и знает что лицемерно рассуждать о том, каким плакатам место в детской библиотеке, а каким — нет. Вопрос только, отчитает ли она его прямо сейчас или прибережет это удовольствие для личной встречи.

Сэм бросил обгоревшую спичку в пепельницу рядом с телефоном.

— Мне казалось, что я вам четко объяснила, — продолжал ее вкрадчивый и вместе с тем неумолимый голос, — «Помощник оратора» и «Любимые стихи американцев» — книги из справочно-библиографического отдела, которые выдаются только на одну неделю. Я была о вас лучшего мнения, Сэм. Вы меня чрезвычайно разочаровали.

И тут Сэм, к своей досаде, осознал, что стоит, зажав в зубах незакуренную сигарету, и отчаянно, по-мальчишески, краснеет. Как будто он снова очутился в четвертом классе — только на сей раз в углу, да еще и в нахлобученном на голову бумажном колпаке — позорном головном уборе лодыря.

В голосе Арделии Лорц зазвучали снисходительные нотки:

— Тем не менее я решила простить вас и продлить срок; можете вернуть книги до полудня в понедельник. И пожалуйста — не навлекайте на себя неприятно-

сти. — Чуть помолчав, она добавила: — Помните о Библиотечной полиции, Сэм.

— Арделия, детка, тебе это не надоело? — проворчал себе под нос Сэм, но слушать его было некому: Арделия, напомнив про Библиотечную полицию, повесила трубку.

2

Сэм чиркнул спичкой и закурил. После первой же затяжки его осенило. Быть может, он и проявит некоторую трусость, но зато уладит сложности с мисс Лорц раз и навсегда. Да и вообще — справедливость того требует.

Ведь вознаградил же он Наоми! А теперь отблагодарит Арделию. Сев в кабинете к тому самому столу, за которым сочинял свою знаменитую речь, Сэм придвинул блокнот и начал писать, чуть отступив от фирменной шапки «*Со стола* СЭМЮЭЛЯ ПИБЛСА»:

Уважаемая мисс Лорц!

Прошу извинить меня за то, что не сдал в срок Ваши книги. Поверьте, мои извинения абсолютно искренни, ведь книги эти очень помогли мне. Прошу Вас принять этот штраф за просрочку. Остальное — в знак моей глубочайшей признательности — оставьте себе.

Искренне Ваш
Сэм Пибл.

Перечитывая записку, Сэм выудил из ящика стола скрепку и подумал было, не поменять ли «Ваши книги» на «библиотечные книги», но решил оставить все как есть. Арделия Лорц, по его глубочайшему убеждению, была из когорты людей, относящих знаменитое высказывание «Государство — это я»* целиком на свой

* Приписывается Людовику XIV.

счет, даже если «государством» в данном случае и считается местная библиотека.

Он достал из бумажника двадцатидолларовую купюру и прикрепил скрепкой к записке. Затем призадумался, нервно барабаня пальцами по столу. «Эта Лорц может подумать, что я пытаюсь ее подкупить. Обидится и, чего доброго, еще в бутылку полезет».

Впрочем, по большому счету ему было на это наплевать. Сэм прекрасно понимал, что скрывалось за утренним звонком мисс Лорц. Он слегка перестарался, когда высказывал свое мнение по поводу плакатов в детском читальном зале, и теперь библиотекарша пыталась хоть как-то поквитаться с ним. Однако четвертый класс остался в далеком прошлом, да и Сэм уже нисколько не напоминал себя прежнего — запуганного мальчонку, которого ничего не стоило отодрать за уши. Теперь уж он никому не разрешит унижать себя. И тем более не спасует перед какой-то дурацкой старушенцией-библиотекаршей, позволяющей себе выставлять в фойе щиты с наглыми надписями и читать нотации менторским тоном.

— Пошла ты... — громко выругался он. — Не возьмешь у меня деньги — отправь их в библиотечный фонд или еще куда-нибудь.

Сэм положил записку с пришпиленной к ней двадцаткой на стол. Он не питал ни малейшего желания передавать деньги лично, дабы не выслушивать очередную нотацию. Нет, он поступит иначе. Вложит записку с деньгами в одну из книжек, чтобы краешек чуть торчал наружу, сами книжки перетянет парой резинок и сбросит в библиотечный книгоприемник. Прожил же он в Джанкшен-Сити шесть лет, не зная Арделию Лорц; если повезет, то и ближайшие шесть лет обойдется без нее.

Теперь оставалось только найти сами книги.

В кабинете их не было, это точно. Сэм прошел в столовую и посмотрел на журнальном столике, где обычно оставлял вещи, которые должен был возвра-

тить. Там лежали только две видеокассеты из салона Брюса, конверт с грифом «Пейпербой» и две папки со страховыми полисами... Ни «Помощника оратора», ни «Любимых стихов американцев» на столе не было.

— Проклятие, — сплюнул Сэм, почесывая затылок. — И куда, черт возьми, они запропастились?

Он отправился на кухню. В сердцах швырнул свежую газету в картонную коробку и осмотрел стойку. И здесь ничего, если не считать упаковки, из которой он вынул вчера вечером замороженный ужин.

Сэм неторопливо поднимался на второй этаж. На душе у него уже скребли кошки.

3

В три часа дня Сэм был в бешенстве, рвал и метал. Готов был лезть на стенку. Дважды прочесав весь дом вдоль и поперек, во второй раз перевернув вверх дном даже чулан, он отправился в контору, хотя и был абсолютно уверен, что, уходя с работы в понедельник, прихватил книжки с собой. Ясное дело — и в конторе злополучных книг не оказалось. И вот результат — половина прекрасного субботнего утра в разгар весны потрачена впустую на поиски каких-то дурацких библиотечных книжек.

Голос Арделии Лорц звенел у него в ушах: *Помните про Библиотечную полицию,* Сэм. Он представлял, как бы возрадовалась эта мегера, узнав, сколько неприятных минут доставила ему. Сэм ничуть не сомневался, что, существуй такая полиция на самом деле, эта женщина непременно натравила бы ее на него. Чем больше он об этом думал, тем сильнее злился.

Сэм бросился к себе в кабинет. Со стола на него укоризненно смотрела записка с двадцаткой.

— *Дьявольщина!* — в сердцах сплюнул Сэм.

Он уже решил было обшарить дом еще раз, но в последний миг передумал. Бесполезно.
И вдруг в его ушах зазвенел голос матери, которой давно не было в живых. Мягкий и увещевающий: *Помни, Сэмюэль: когда долго не можешь чего-то найти, не стоит тратить время на бесполезные поиски. Сядь и как следует все обдумай. Пошевели мозгами, а ноги побереги до лучших времен.*

Сэму было десять лет, когда мать дала ему этот совет; что ж, и теперь, когда ему уже сорок, совет ничуть не утратил актуальности. Сэм сел за стол, зажмурился и попытался припомнить все про эти треклятые книжки с той самой минуты, как получил их из рук мисс Лорц и до... неведомо чего.

Из библиотеки он привез книги к себе в контору, заскочив по пути в пиццерию; там взял себе пиццу с грибами и перчиками, которую умял уже в конторе, заодно просматривая сборник «Помощник оратора». Сэм даже вспомнил, как внимательно следил, чтобы ни одна капля кетчупа не упала на страницы «Помощника», — сейчас, учитывая, что книги вообще пропали, это казалось полным издевательством.

Большую часть дня он работал над речью, вставляя куда нужно шутки, а потом полностью переделал концовку, чтобы подогнать ее под стихотворение. Вернувшись в пятницу днем домой, он привез с собой одну только речь, оставив книги в офисе. В этом Сэм был уверен. В «Ротари-клуб» его отвез заехавший за ним Крейг Джонс; Крейг же подбросил его домой и на обратном пути — как раз вовремя, чтобы Сэм успел облевать коврик перед собственной входной дверью.

Субботнее утро ушло на мучительную борьбу с головной болью и крайне неприятным похмельем; остаток уик-энда он провел дома, читая, смотря телевизор и — что уж греха таить — упиваясь своим триумфом. Ни в субботу, ни в воскресенье он к своей конторе и на пушечный выстрел не приближался. В этом Сэм был уверен на сто процентов.

«Ну ладно, — подумал он. — Теперь начинается самое трудное. Попытайся сосредоточиться». Впрочем, особенно напрягаться ему не пришлось. Сэм мигом вспомнил, что в понедельник без четверти пять уже выходил из офиса, когда позвонил Стю Янгман и попросил выписать здоровенный полис на страхование домашнего имущества. (Затем подобные заказы посыпятся как из рога изобилия.) Разговаривая по телефону, Сэм краешком глаза видел, что обе библиотечные книжки лежат на краю стола. И, покидая офис во второй раз, он прихватил их с собой, зажав под мышкой. В том, что это было именно так, Сэм нисколько не сомневался.

В тот же вечер он хотел их сдать, но позвонил Фрэнк Стивенс и пригласил его в ресторан отужинать в семейном кругу. Оказалось, что к Стивенсам приехала племянница из Омахи (Сэм давно убедился в том, как трудно жить холостяку в маленьком городке — даже случайные знакомые моментально становятся сводниками). Ужинали они в «Брейдис Рибсе». Домой он вернулся поздно для будней — в одиннадцать, уже (естественно) совершенно позабыв о книгах. И больше про них не вспоминал. Внезапно навалившиеся заказы отнимали столько времени и сил, что он снова вспомнил про проклятые книжки уже только после звонка Лорц.

«Что ж, вполне вероятно, что я больше к ним не прикасался. Значит, книги должны быть там, где я их оставил, вернувшись в понедельник с работы». На мгновение зародилась надежда — а вдруг книги просто остались в машине? Но в следующую минуту, уже встав, чтобы пойти и проверить, Сэм отчетливо вспомнил, как переложил портфель в руку, зажимавшую под мышкой книги, чтобы вынуть из правого кармана ключ. Нет, в машине их быть не может.

Ну и чем ты занялся, когда вошел? — спросил он себя и мысленно представил, как открыл дверь в кухню, вошел, водрузил портфель на табуретку, покрутил книги в руках и...

— О нет! — Он сжал кулаки. — Только не это.

В воздухе отчетливо запахло бедой.

На полу, в кухне, между столом и газовой плитой, стояла картонная коробка из-под виски. Насколько Сэм помнил, она была там уже пару лет. Обычно люди при переездах складывают в такие коробки всякое барахло, но некоторым они также заменяют мусорные ведра. Сэм использовал эту коробку под ненужные газеты: каждый день, прочитав газету, швырял ее в эту коробку; точно так же, например, он и сегодня поступил с утренней газетой. А раз в месяц...

— Грязнуля Дейв! — пробормотал Сэм, вскочил из-за стола и бросился на кухню.

4

Коробка из-под виски с изображением ухмыляющегося Джонни Уокера в монокле была почти пуста. Роясь в газетах, едва прикрывавших дно коробки, Сэм уже знал, что ничего не найдет, но все-таки для очистки совести проверил. Так обычно ведут себя вконец отчаявшиеся люди, которые втайне надеются, что их желание *сбудется,* если хотеть по-настоящему. В коробке обнаружились только субботняя «Газетт» — от которой он избавился совсем недавно — и газета за пятницу. Ясное дело — никаких книг, ни внизу, ни в середине. Обуреваемый самыми мрачными предчувствиями, Сэм решил позвонить Мэри Вассер, женщине, которая приходила к нему по четвергам убирать.

— Алло, — послышался в трубке слегка встревоженный женский голос.

— Здравствуйте, Мэри. Это Сэм Пиблс.

— Сэм? — Тревожные нотки усилились. — У вас что-то случилось?

Да! В понедельник за мной начнет охотиться эта стерва, что заправляет нашей библиотекой! Возможно,

Разумеется, ничего подобного он сказать не мог, и тем более — Мэри, которая относилась к тем несчастным и загнанным душам, что появились на свет под несчастливой звездой и вели жалкое существование из-за своих вечных страхов. Люди, подобные Мэри Вассер, вообще свято убеждены, что ходить по тротуарам нельзя, потому что на голову вот-вот упадет кирпич. Или тяжелый бронированный сейф. Если не кирпич и не сейф, то тебя непременно собьет пьяный водитель. Или цунами. Цунами — в Айове? Да, цунами в Айове. Если же цунами обойдет стороной, то уж шальной метеорит точно не пощадит. И вообще Мэри Вассер была из тех, кто при каждом телефонном звонке прежде всего думает, что случилась беда.

— Нет, ничего, — поспешно ответил Сэм. — Все в полном порядке. Просто я хотел спросить, не видели ли вы в четверг Дейва?

Вопрос чисто формальный: газет все равно уже не было, а Грязнуля Дейв — единственный Газетный Тролль в Джанкшен-Сити.

— Да, видела, — упавшим голосом признала Мэри; похоже, заверения Сэма, что все в порядке, привели ее в полное смятение, и в голосе уже слышался безотчетный ужас. — Он приходил за газетами. Что, не следовало впускать его? Но ведь он всегда приходил, вот я и подумала...

— Успокойтесь, Мэри, все нормально, — прервал ее Сэм с наигранной беззаботностью. — Просто, не увидев газет, я решил проверить...

— Но ведь раньше вы никогда не проверяли! — Голос Мэри сорвался почти на визг. — Скажите, Дейв жив? С ним ничего не случилось?

— Нет, — ответил Сэм. — То есть я ничего про него не знаю. Я только... — И тут его осенило. — Купоны! — выкрикнул он. — Я забыл вырезать газетные купоны в четверг, вот и подумал...

— Ах вот в чем дело! — Мэри мигом успокоилась. — Могу вам дать свои, если хотите.

— Нет, что вы...

— В следующий четверг принесу хоть целую кипу, — жестко заявила она. — У меня их миллионы. — «Все равно мне столько ни к чему, — угадывалось в ее тоне. — То ли кирпич на голову свалится, то ли сосна под собой похоронит, то ли пылесос взорвется. Жить мне осталось считанные минуты, поэтому на кой черт мне эти паршивые купоны?»

— Хорошо, — поспешил согласиться Сэм. — Спасибо большое, Мэри. Просто не представляю, что бы я без вас делал!

— Но вы уверены, что ничего не случилось?

— Абсолютно, — с готовностью соврал Сэм.

И тут же сравнил себя с взбесившимся сержантом, поднимающим оставшуюся горстку солдат в бессмысленную атаку на хорошо укрепленное пулеметное гнездо. «Вперед, парни, — враг наверняка дрыхнет там без задних ног!»

— Что ж, будем надеяться, — неуверенно произнесла Мэри, и Сэму наконец удалось повесить трубку.

Тяжело плюхнувшись на табуретку, он тупо уставился на коробку из-под «Джонни Уокера». Итак, как он и предполагал, газеты унес Грязнуля Дейв, который всегда приходил за ненужными газетами в начале месяца. Однако на сей раз он прихватил с собой и еще кое-что: «Помощник оратора» и «Любимые стихи американцев». Сэм прекрасно понимал, во что теперь превратились эти книги. В бумажную массу. Ту самую, что получали, перерабатывая макулатуру.

Грязнуля Дейв был профессиональным алкоголиком. Не будучи в состоянии удержаться на постоянной работе, он занимался утилизацией отбросов, принося тем самым немалую пользу. Собирал стеклотару, а кроме того, как и двенадцатилетний Кейт Джордан, кормился за счет газет. С той лишь разницей, что Кейт ежедневно развозил «Джанкшен-Сити газетт» по до-

мам, а Грязнуля Дейв Данкен раз в месяц собирал их. Сэм часто видел, как Грязнуля толкает перед собой тележку, набитую бутылками, банками и пластиковыми мешками, по направлению к городскому утилю, который располагался между старым вагонным депо и небольшой ночлежкой для бездомных, в которой, как правило, ночевали Грязнуля Дейв и его собратья.

Сэм посидел еще немного, барабаня пальцами по столу, затем встал, натянул пиджак и вышел к машине.

Глава 5
АНГОЛ-СТРИТ (I)

1

Намерения у изготовителей уличного указателя были, конечно, самые благостные, да вот правописание подвело. Доска эта была прибита к лестничной опоре у входа в дряхлый дом близ железной дороги. Надпись на доске гласила:

АНГОЛ-СТРИТ

Поскольку едва ли в айовском захолустье кто-то мог увековечить таким образом Анголу*, Сэм решил, что на самом деле имелась в виду «Ангел-стрит», и великодушно подумал: *Пустяки*. Даже если и вправду благими намерениями вымощена дорога в ад, все же люди, просто пытавшиеся хоть немного подлатать на этой дороге выбоины и рытвины, заслуживают доброго словца.

Прежде, когда Джанкшен-Сити был крупной пассажирской станцией, в этом доме располагались кон-

* Имеется в виду страна в Африке.

торы железнодорожной компании. Теперь же лишь две служебные колеи, протянувшиеся на запад и восток, напоминали о старых временах. На остальных путях рельсы давно проржавели и буйно поросли бурьяном. Да и шпал почти не осталось — бездомные, собиравшиеся на Ангол-стрит, охотно пользовались ими для разведения костров.

Сэм приехал сюда без четверти пять. Клонившееся к закату солнце отбрасывало мрачную тень на пустырь, простиравшийся до самой городской окраины. Вдоль немногих домишек громыхал бесконечный товарный состав. Ветер крепчал. Выйдя из машины, Сэм услышал, как скрипит, раскачиваясь на ветру, древняя вывеска ДЖАНКШЕН-СИТИ, укрепленная над платформой. Даже знаменитый «Солнечный экспресс» когда-то делал здесь единственную во всей Айове остановку по пути в Лас-Вегас и Лос-Анджелес.

Некогда ночлежка была выкрашена в белый цвет; теперь выглядела грязно-серой. Занавески на окнах были чистые, но застиранные чуть ли не до дыр. Во дворе, черном от золы, какие-то сорные травы тщетно пытались пробиться к свету. Сэм почему-то подумал, что, возможно, к июню это у них и получится; пока же сорняки проигрывали битву. У самого крыльца одиноко торчала проржавевшая бочка. К противоположной от указателя АНГОЛ-СТРИТ опоре, поддерживающей крыльцо, была прибита доска с надписью:

РАСПИВАТЬ СПИРТНЫЕ НАПИТКИ
В ДОМЕ НЕЛЬЗЯ!
ПРЕЖДЕ ЧЕМ ВОЙТИ СЮДА,
ВЫБРОСЬТЕ БУТЫЛКИ В ЭТУ БОЧКУ!

Сэму повезло. Хотя наступал субботний вечер, а бары и прочие питейные заведения Джанкшен-Сити уже давно распахнули двери для посетителей, Грязнуля Дейв был здесь, причем трезвый как стеклышко. Он как раз сидел на крыльце с парой своих дружков. Все

они что-то рисовали на больших квадратах белого картона, время от времени любуясь своим творчеством. Пьянчужка, сидевший за спиной у Грязнули, безуспешно пытался унять дрожь в правой руке, вцепившись в ее запястье левой кистью. Его приятель трудился, высунув от усердия язык, напоминая преждевременно состарившегося дошкольника, пытающегося изобразить рождественскую елку в подарок мамочке. Лучше всех из троицы выпивох, чем-то напомнивших Сэму сморщенные и высохшие на солнце гороховые стручки, выглядел сам Грязнуля Дейв, сидевший в полуразвалившемся кресле-качалке.

— Привет, Дейв, — крикнул Сэм, бодро взбегая на крыльцо; Дейв приподнял голову, прищурился и робко улыбнулся, обнажив сохранившиеся зубы: все пять.

— О, мистер Пиблс!

— Как дела? — спросил Сэм, приветливо кивая.

— Дела-то? — переспросил Дейв. — Дела как сажа бела. — Он посмотрел на своих дружков. — Эй, парни! Поздоровайтесь! Мистер Пиблс ведь у нас адвокат!

Забулдыга, сидевший с высунутым языком, на мгновение приподнял голову, кивнул и снова погрузился в свое занятие. Из его левой ноздри вылезла и зависла длинная, как сосулька, сопля.

— Вообще-то я занимаюсь недвижимостью, — поправил Дейва Сэм. — И страхов...

— Вы мне конфетку принесли? — спросил вдруг трясущийся субъект.

Головы он не поднимал, но стал еще более сосредоточенным. Сэм посмотрел на его творение — кусок картона был испещрен какими-то оранжевыми каракулями, лишь отдаленно напоминавшими буквы.

— Что-что? — переспросил Сэм.

— Это Льюки, мистер Пиблс, — шепнул ему Дейв. — Сегодня он не в лучшей форме.

— Дайте конфетку, отдайте конфетку, какая дрянь слямзила мою конфетку? — протяжно запел Льюки, ни на кого не глядя.

— Э-э-э, видите ли... — замялся Сэм, не зная, что сказать.

— Нет у него конфеток! — проорал Грязнуля Дейв. — Помалкивай в тряпочку, Льюки, и пиши свое объявление! Саре оно к шести нужно! Она нас по-царски вознаградит!

— Конфетку хочу! — заныл Льюки. — А не дадите, так в штаны наделаю!

— Не обращайте на него внимания, мистер Пиблс, — со вздохом попросил Дейв. — Что вы хотели-то?

— Да так, я просто хотел узнать, не видели ли вы в четверг у меня дома пары книжек, когда за газетами приходили? Я их куда-то засунул и все никак найти не могу. Мне их в библиотеку вернуть надо.

— Четвертак дайте, а? — попросил вдруг выпивоха с высунутым языком. — Этого, как его, туб... Таб-бачку хочется!

Сэм машинально полез в карман. Дейв протянул руку и, словно извиняясь, прикоснулся к его запястью.

— Не давайте ему денег, мистер Пиблс. Это же Рудольф. Ему нельзя курить, только проспаться нужно.

— Извините, Рудольф, — развел руками Сэм. — Деньги дома оставил.

— Да, все вы так говорите, — огорченно процедил Рудольф и, вернувшись к своему занятию, пропел: — Лишь последний дурачок денег даст на табачок!

— Не, книг я не видел, — ответил Грязнуля Дейв. — Вы уж извините, ладно? Я только газеты забрал. Как обычно. Миссис В. была там, она подтвердит. Ничего дурного я не сделал.

Однако его грустные слезящиеся глаза говорили о том, что он не особенно рассчитывает на доверие со стороны Сэма. В отличие от Мэри Грязнуля Дейв Данкен жил не в том мире, где за каждым углом на голову мог бы свалиться кирпич; нет, в его мире кирпичи и в самом деле падали на голову едва ли не ежедневно. И нес он свою тяжкую долю со всем мужеством, на которое только был способен.

— Я вам верю, — сказал Сэм и положил руку Дейву на плечо.

— Я просто взял вашу коробку и вытряхнул все газеты в свой мешок. Всегда ведь так делаю, — виновато добавил Дейв.

— Эх, будь у меня щас даже тыща конфет, я б их все сожрал! — мечтательно сказал Льюки. — Умял бы так, что за ушами б трещало! Сжевал, сожрал... Эх, жвачка! Жвачка-жрачка!

— Я вам верю, — повторил Сэм.

Он потрепал Грязнулю по плечу. Невероятно костлявому. И почти тут же ужаснулся — а вдруг у Грязнули блохи? На смену этой панической мысли пришла вдруг совершенно противоположная: интересно, а заглядывал ли сюда хоть кто-то из сытых и самодовольных ротарианцев, перед которыми он так распинался неделю назад? Догадывались ли они о существовании Ангол-стрит? И еще Сэм представил, что, должно быть, Спенсер Майкл Фри не очень задумывался о таких людях, как Льюки, Рудольф и Грязнуля Дейв, когда сочинял стихи про пожатие рук, которое важнее воды, еды и крыши над головой. Сэм вспомнил свою речь — напыщенную, вычурную и хвастливую, — и ему вдруг стало стыдно.

— Хорошо, — кивнул Дейв. — Значит, я могу снова заглянуть к вам в следующем месяце?

— Конечно, — улыбнулся Сэм и спросил: — Скажите, Дейв, вы ведь отвезли все газеты в утиль, не так ли?

— Вон туда. Только он сейчас закрыт. — Грязнуля Дейв указал в сторону пальцем, который заканчивался желтым изгложданным ногтем.

Сэм кивнул и полюбопытствовал:

— А вы тут чем занимаетесь?

— Да так, время коротаем. — И Дейв показал Сэму свой плакат.

На нем была изображена женщина, державшая огромное блюдо с жареными цыплятами. Сэм сразу об-

ратил внимание на то, как здорово все нарисовано. Пьяница или нет, но талант у Грязнули Дейва определенно имелся. Над рисунком было выведено четким шрифтом:

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ УЖИН
С ЦЫПЛЯТАМИ
В ПЕРВОЙ МЕТОДИСТСКОЙ ЦЕРКВИ
В ПОМОЩЬ ПРИЮТУ ДЛЯ БЕЗДОМНЫХ «АНГЕЛ-СТРИТ»

15 АПРЕЛЯ
С 18 ДО 20 ЧАСОВ
ПРИХОДИТЕ САМИ И ПРИВОДИТЕ
СВОИХ ДРУЗЕЙ!

— Сразу по окончании состоится встреча с «анонимными алкоголиками», — сказал Дейв, — но об этом на афише писать нельзя. Это считается как бы секретом.

— Знаю, — кивнул Сэм и, чуть помолчав, поинтересовался: — А вы ходите на эти встречи, Дейв? Можете не отвечать, если не хотите. Я понимаю — это вовсе не мое дело.

— Я хожу туда, — ответил Дейв, — хотя это и трудновато. На месяц меня хватает, порой на два, а как-то раз я вообще целый год не пил. Но тяжко это, ох как тяжко. — Он покачал головой. — Многие люди не выдерживают и снова начинают пить. А я вот стараюсь.

Сэм присмотрелся к женщине, которая держала блюдо с цыплятами. Рисунок поразил его — он был, безусловно, выполнен рукой мастера. А вот изображенная женщина показалась Сэму знакомой, и он спросил:

— Вы имели в виду какую-то определенную женщину?

Дейв широко заулыбался. Потом кивнул:

— Да, это наша Сара, мистер Пиблс. Изумительная женщина. Если бы не она, нашу ночлежку при-

крыли бы еще лет пять назад. Это ведь она всегда деньги достает, даже в самый трудный час, когда налоги повышают или инспектора чересчур придираются. Она называет людей, которые жертвуют на приют деньги, ангелами, хотя на самом деле настоящий ангел — это она! Мы ведь в ее честь наш приют окрестили. Жаль.только, у Томми Сент-Джона с правописанием в школе неладно было... — Грязнуля Дейв приумолк, глядя на свой плакат. — Теперь-то его уже, правда, в живых нет. Прошлой зимой умер. Печенка отказала.

— Вот как? Очень жаль.

— Не стоит. Отмучился ведь как-никак.

— Жвачка-жрачка! — снова выкрикнул Льюки, вставая. — Жвачка-жрачка! Вот ведь где настоящая жвачка-жрачка, мать вашу!

И он показал Дейву свое творение. Под оранжевыми каракулями был изображен какой-то кошмарный уродец на акульих плавниках. Сэм догадался, что это, видимо, ботинки. В одной руке монстр держал кривую тарелку, заполненную чем-то вроде змей — почему-то синего цвета. Во второй руке уродец крепко сжимал какую-то коричневую штуковину цилиндрической формы.

Дейв взял рисунок и рассмотрел повнимательнее.

— Очень здорово, Льюки, — похвалил он. — Молодчина.

Льюки довольно ощерился, ткнул пальцем в коричневый цилиндр.

— Во, смотри, Дейв! Это ведь настоящая гребаная конфетища!

— Точно. Замечательная работа. Иди домой и включи телик, если хочешь. Там сейчас как раз «Стар трек» крутят. А у тебя как дела, Дольф?

— Когда я выпью, у меня лучше получается, — проворчал Рудольф, отдавая Дейву свое творение: он нарисовал огромную куриную ногу, которую окружала восхищенная толпа мужчин и женщин. — Тут я дал

волю воображению, — пояснил Рудольф Сэму с неожиданной враждебностью в голосе.

— А что, мне нравится, — сказал Сэм.

Он ничуть не покривил душой. Рисунок Рудольфа напомнил ему карикатуры из «Нью-Йоркера», бывавшие порой настолько сюрреалистическими, что даже он не всегда понимал их смысл.

— Ну и хорошо, — пробурчал Рудольф, пристально глядя на него. — Слушайте, у вас точно нет четвертака?

— Увы, — развел руками Сэм.

— Что ж, может, оно и к лучшему, — сказал Рудольф. — А с другой стороны — хреново.

Он проследовал за Льюки в дом, и скоро через распахнутую дверь послышалась мелодия музыкальной заставки «Стар трека».

— Только мы и еще несколько парней из «АА» посещаем эти ужины, — произнес Дейв, — но для нас это хоть какое-то развлечение. Льюки, например, давно уже ни с кем не разговаривает. Разве что когда рисует.

— А вот у вас задатки настоящего художника. Честное слово. Почему вы... — начал было Сэм, но осекся.

— Почему я что, мистер Пиблс? — мягко переспросил Дейв. — Не зарабатываю этим себе на жизнь? По той же причине, что не устраиваюсь на постоянную работу. Ушло мое время, безвозвратно потеряно.

Сэм не нашелся что ответить.

— Я пытался когда-то, было дело. Даже учился в школе Лорилларда в Де-Мойне. Лучшее было художественное училище на всем Среднем Западе. Но меня вышибли после первого же семестра. Виски. Ладно, пес с ними. Не хотите кофейку, мистер Пиблс? Может, подождете немного? С Сарой нашей познакомитесь.

— Нет, мне уже пора. Дела ждут. Сущая правда.

— Ну ладно. Вы и правда на меня не сердитесь?

— Нет, конечно!

— Что ж, тогда пойду к ребятам. — Дейв встал. — Славный был денек. А сейчас что-то похолодало. До свидания, мистер Пиблс.

— Счастливо, Дейв.

На сердце у Сэма словно лежал тяжелый камень. Однако он вспомнил еще одну из любимых присказок матери: «Чем дряннее и противнее снадобье, тем быстрее его надо проглатывать».

Именно так он и собирался поступить.

2

Уже подойдя к машине, Сэм вдруг повернулся на 180 градусов и направился к зданию, в котором размещался утиль. Медленно продвигаясь по заросшему бурьяном пустырю, он провожал взглядом товарный состав, исчезающий в направлении к Камдену и Омахе. Красные сигнальные огни на хвостовом вагоне мерцали, как умирающие звезды. По какой-то неведомой причине товарняки всегда нагоняли на Сэма тоску; сейчас же, после разговора с Грязнулей Дейвом, он вдруг почувствовал, и очень остро, свое одиночество. Прежде, встречаясь с Дейвом, Сэм считал его веселым и разбитным парнем. Сегодня же он понял, что впервые увидел истинное лицо этого человека, и Сэму стало совсем грустно и обидно. Жаль Дейва — вконец потерянная личность, и ведь какой одаренный! А талант свой тратит, малюя афишки для благотворительных ужинов.

На подступах к утилю возвышались мусорные завалы. Пожелтевшие газеты, рваные пластиковые пакеты и целый астероидный пояс продавленных пластиковых бутылок и сплющенных жестянок. Окна небольшого дощатого строения были зашторены. Табличка на дверях просто гласила: ЗАКРЫТО.

Сэм закурил и повернул назад. Однако не прошел и дюжины шагов, как взгляд его привлекло нечто зна-

комое. Сердце екнуло. Он наклонился и подобрал обложку «Любимых стихов американцев».
На внутренней стороне был проставлен расплывшийся штамп СОБСТВЕННОСТЬ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ДЖАНКШЕН-СИТИ.

Что ж, теперь Сэм знал наверняка, что положил книги на газеты в коробку из-под «Джонни Уокера» и напрочь забыл о них. Во вторник, в среду и в четверг набросал сверху еще газет. В четверг утром заявился Грязнуля Дейв и не глядя привычно вывалил содержимое коробки в свой мешок. Мешок отправился в тележку, тележка — сюда, и вот все, что осталось, — заляпанная обложка с размытым штампом.

Отбросив ее в сторону, Сэм медленно побрел к машине. Предстояло весьма неприятное объяснение.

Да, похоже, он влип по самую макушку.

Глава 6
БИБЛИОТЕКА (II)

1

Уже на полпути к библиотеке его вдруг осенило — причем мысль показалась Сэму настолько очевидной и простой, что непонятно, как он до этого не додумался раньше. Да, потерял пару библиотечных книжек; только что узнал, что они уничтожены; придется за них заплатить.

И все!

Сэм с неохотой признался себе, что Арделии Лорц удалось не на шутку запугать его, вернув в давно забытый мир детских страхов. Для младшеклассника, потерявшего библиотечную книгу, мир кончался; ему оставалось только одно — беспомощно дожидаться прихода Библиотечного полицейского. Но ведь на самом деле никакой Библиотечной полиции и в помине не

было — и Сэм, став взрослым, прекрасно это понимал. И, вместо того чтобы позволять какой-то мисс Лорц помыкать собой, давно пора поставить ее на место, как и любого наемного служащего, нанятого на деньги честных налогоплательщиков.

«Я войду, извинюсь и попрошу прислать мне счет за возмещение ущерба, — подумал Сэм. — И выкину из головы эту идиотскую историю. Проще пареной репы».

Немного нервничая и чувствуя некоторое смущение (но уже более уверенный в себе), Сэм остановил машину напротив библиотеки. Перед входом горели фонари, мягко освещая ступени лестницы и гранитный фасад здания. Вечером оно уже не казалось Сэму таким мрачным и негостеприимным, как при первом посещении. С другой стороны, такое впечатление могло создаться благодаря прекрасной весенней погоде, столь разительно отличавшейся от хмари того мартовского денька, когда он пришел сюда впервые и познакомился с этим цербером в юбке. Как бы то ни было, но это не мрачная гранитная цитадель с узенькими средневековыми бойницами-окнами, а обычная библиотека.

Сэм уже собрался было выйти из машины, как вдруг замешкался. За какие-то считанные мгновения его осенило. Снова.

Перед его мысленным взором возникло лицо женщины, которую изобразил Грязнуля Дейв. Женщины, державшей блюдо с жареными цыплятами. Дейв называл ее Сара. Она показалась Сэму знакомой, и только сейчас он понял почему.

Это была Наоми Хиггинс.

2

Поднимаясь по ступенькам лестницы, Сэм разминулся с двумя детишками в костюмчиках для посещения воскресной школы и придержал дверь, прежде чем та успела закрыться. Вошел в фойе с мраморным полом

в черно-белую клетку. И первое, что его поразило, был шум. Точнее, приглушенный гул, доносившийся из читального зала. Разительное отличие от мертвой тишины, встретившей его неделю назад.

«Что ж, ведь сегодня как-никак субботний вечер, — подумал Сэм. — Детишек, наверное, много. К экзаменам готовятся. Но неужели Арделия Лорц могла позволить детям шуметь, пусть даже и не громко? И ведь разрешила! Хотя это совершенно на нее не похоже».

А еще это безмолвное напоминание на одноногой стойке.

ТИШИНА!

Оно исчезло! Вместо него на щите висел портрет Томаса Джефферсона. Под портретом красовалась цитата:

Без книг я жить не могу.
Томас Джефферсон
(из письма Джону Адамсу)
10 июня 1815 года

Чуть постояв перед портретом писателя, Сэм подумал о том, как многое изменилось здесь благодаря его появлению; даже вкус во рту.

Если лаконичный призыв

ТИШИНА!

вызывал тревогу и беспокойство, подобные тем, что возникают порой, когда у тебя болит живот, а ко рту подкатывает желчь, то от слов

Без книг я жить не могу,

напротив, появлялось сладостное предвкушение, подобное тому, какое возникает у голодного при виде наконец-то принесенной пищи.

Поражаясь тому, насколько подобные мелочи влияют на настроение, Сэм вошел в библиотеку и... замер как вкопанный.

3

Главный зал был ярко освещен, гораздо ярче... Исчезли раздвижные на резиновых колесах лестницы, достигавшие верхних полок. Да они теперь и не нужны, ведь высота потолка составляла уже всего восемь или девять футов вместо тридцати — сорока. Сейчас, чтобы взять книгу с самой верхней полки, достаточно было встать на один из табуретов, что во множестве стояли вокруг. Журналы веером разложены на широком столе возле библиотечной стойки. Длинной дубовой подставки, в прошлый раз напомнившей Сэму приспособление для просушки шкурок неведомых зверюшек, и след простыл. Не было больше и плаката

ВОЗВРАЩАЙТЕ ВСЕ ЖУРНАЛЫ
НА МЕСТО!

Одинокий книжный шкаф с новенькими книгами оставался на месте, однако вместо плаката, который извещал, что все взятое здесь должно быть возвращено не позднее чем через неделю, теперь висел другой:

ПРОЧТИТЕ ЭТИ БЕСТСЕЛЛЕРЫ —
ПОЛУЧИТЕ УДОВОЛЬСТВИЕ!

Повсюду сновали и негромко переговаривались посетители — главным образом молодежь. Кто-то даже тихонько хихикал — и это никого не заботило.

Задрав голову, Сэм уставился на потолок, отчаянно пытаясь понять, что за чертовщина тут творится. Огромных слуховых окон в крыше больше не было, а потолок из сводчатого сделался самым обыкновен-

ным — ровным и прямым. Висячие стеклянные шары уступили место современным флуоресцентным лампам.

Направлявшаяся к абонементному столу женщина со стопкой детективных романов, увидев изумление Сэма, тоже задрала голову и посмотрела наверх. Затем, не найдя там ничего достойного внимания, теперь уже с любопытством уставилась на самого Сэма. Какой-то парнишка за столом, увидев эту сценку, подтолкнул локтем своего приятеля и что-то шепнул. Тот покрутил пальцем у виска. Послышались смешки.

Но Сэм не замечал ни жестов, ни смешков. Он даже не соображал, что стоит сейчас с разинутым ртом, пялясь на потолок. Он пытался понять, что происходит.

«Как будто они не могли за это время переделать потолок! И что из этого? Должно быть, новая конструкция позволяет лучше тепло экономить. Да, но ведь она и словом не обмолвилась про предстоящий ремонт!»

А с какой стати рассказывать ему об этом? В конце концов, Сэм не относился к числу постоянных клиентов.

«Но она даже не была озабочена. Особе со столь консервативными убеждениями предстоящие перемены вряд ли пришлись бы по душе». Верно, конечно. Но еще более Сэма встревожило нечто другое. Замену потолка при всем желании не назовешь пустячным ремонтом. Нет, одной неделей тут никак не обойтись! Да и потом — куда подевались высоченные стеллажи? *А бесчисленное множество книг?*

Уже многие посетители в открытую рассматривали Сэма, да и один из библиотекарей поглядывал на него из-за абонементного стола. Шум голосов почти прекратился; глядя на Сэма, все невольно затихали.

Сэм протер глаза — в буквальном смысле — и снова посмотрел на невысокий потолок с лампами дневного света. Нет, потолок остался на месте.

Я попал не в ту библиотеку! — осенило его. *Вот в чем дело!*

Однако мысль эта, подпрыгнув в его мозгу, словно котенок, испугавшийся собственной тени, тут же убежала. Хотя, по айовским меркам, Джанкшен-Сити считался не самым мелким городком, но при населении в тридцать пять тысяч человек обзаводиться второй библиотекой было просто нелепо. К тому же внешний вид здания, да и общее расположение помещений не позволяли усомниться: библиотека была та же самая... Но тем не менее все внутри изменилось.

Сэм на мгновение подумал, не сбрендил ли он, но тут же отогнал эту мысль прочь. И, оглянувшись по сторонам, наконец заметил, что почти все читатели оторвались от своего занятия и таращатся на него. Его так и подмывало сказать им: «Занимайтесь своими делами — просто я впервые обратил внимание на то, что библиотека за неделю неузнаваемо изменилась». Вместо этого он подошел к столу с журналами и, взяв один, принялся его листать. Уголком глаза Сэм следил за тем, как мало-помалу посетители вернулись к тому, чем занимались прежде.

Решив, что уже способен передвигаться, не привлекая всеобщего внимания, Сэм положил журнал на место и не спеша направился в детский зал. Он чувствовал себя шпионом, крадущимся по вражеской территории. Табличка на дверях не изменилась — те же золоченые буквы на дубовой облицовке, — а вот плакат уже висел другой. Вместо Красной Шапочки, только что сделавшей свое страшное открытие, на картинке были изображены Вилли, Билли и Дилли — озорные племянники Дональда Дака. В купальных плавках они ныряли в бассейн, заполненный книжками. Призыв внизу гласил:

ЗАХОДИТЕ! ПРЕВОСХОДНОЕ ЧТЕНИЕ

— Господи, да что тут творится? — пробормотал Сэм себе под нос.

Сердце его бешено стучало, под мышками и на спине проступил пот. Будь дело только в плакате, он

бы еще мог предположить, что Лорц уволили... Но ведь все стало совершенно неузнаваемым.

Открыв дверь в детскую библиотеку, он заглянул внутрь.

Там оказался тот же славный мирок с крохотными столами и стульчиками, ярко-синими шторами и фонтанчиком в дальней стене. Но потолок и здесь был такой же, как в соседнем зале, да и плакаты поменялись. Визжащий от ужаса мальчонка в черном автомобиле-седане

(Растяпой Саймоном дети прозвали изображенного на нем мальчишку. Того, что кричит. Должно быть, прозвище ему дали в знак презрения. Чего он разорался-то?)

исчез, как, впрочем, и Библиотечный полицейский в полушинели и серой шляпе.

Сэм вернулся в главный зал и медленно подошел к абонементному столу, но вдруг почувствовал, что тело его превратилось в некое аморфное желе.

Помощники библиотекаря — юноша и девушка, студенты — смотрели на него. Сэм с досадой заметил их встревоженные взгляды.

Веди себя осторожнее. Нет... держись нормально. БУДЬ САМИМ СОБОЙ. Они и так уже подумали, что у тебя не все дома.

Он вдруг вспомнил Льюки и в ужасе содрогнулся, представив, как орет во весь голос на этих перепуганных ребят, требуя ответить, какая дрянь слямзила его конфетку, и выпрашивая денег на жвачку-жрачку.

Заговорил Сэм тихо и так спокойно, как только мог:

— Извините, вы мне не поможете? Я бы хотел поговорить со старшим библиотекарем.

— Ой, мне очень жаль, — развела руками девушка. — Но мистер Прайс по субботам не работает.

Сэм кинул взгляд на абонементный стол. Как и в прошлый раз, на нем стояла табличка, но на ней уже не было выведено:

А. ЛОРЦ.

Вместо этого на табличке значилось:

М-р ПРАЙС.

Словно сквозь туман он услышал слова Наоми: *Высокий такой мужчина. Худой. Лет пятидесяти.*

— Нет, — покачал головой Сэм. — Не мистер Прайс. И не мистер Пекхэм. Мне нужна женщина. Арделия Лорц.

Юноша с девушкой обменялись озадаченным взглядом.

— Никакая здесь Арделия Лорд не работает, — сказал наконец юноша. — Должно быть, вам нужна другая библиотека.

— Не Лорд, а *Лорц,* — поправил Сэм; голос его доносился почему-то глухо, словно из подземелья.

— Нет, сэр, вы ошибаетесь, — подтвердила девушка, и Сэм заметил, что она совсем юная, почти подросток.

Почувствовав с их стороны настороженность, Сэм не стал упорствовать, доказывая, что они ошибаются, а не он, и что он, конечно, встречался здесь с Арделией Лорц каких-то восемь дней назад. Тем более что во всем этом была своя логика. Подобно плакатам, косым окнам и деревянной стойке с журналами Арделия Лорц канула в Лету.

В его мозгу опять зазвучал голос Наоми: *Значит, мисс Лорц? Должно быть, вы получили массу удовольствия.*

— Но ведь Наоми-то поняла, о ком идет речь, — пробормотал он.

Оба юных библиотекаря недоуменно смотрели на него.

— Вы уж извините. — Сэм вымучил из себя улыбку. — Что-то у меня день сегодня неудачный.

— Понимаю, — кивнул юноша.

— Все ясно, — хмыкнула девушка.

«Считают меня психом, — подумал Сэм. — Я их ничуть не виню».

— Вы еще что-то хотите? — уточнил юноша.

Сэм уже открыл было рот сказать, что нет — он уже собрался уносить ноги отсюда, — но в последний миг передумал. В конце концов — назвался груздем, полезай в кузов.

— Скажите, а давно здесь работает мистер Прайс?

Помощники старшего библиотекаря переглянулись. Девушка пожала плечами и ответила:

— Когда мы сюда пришли, он тут уже работал. Хотя мы здесь и недавно, мистер...

— Пиблс, — подсказал Сэм, приветливо протягивая руку. — Сэм Пиблс. Вы уж меня извините. Что-то совсем сегодня не в форме.

Молодые люди уже смотрели на него чуть менее недоверчиво: сработали профессиональные качества Сэма. Ведь он славился умением располагать к себе людей. В противном случае ему бы давно пришлось подыскивать себе новую работу.

— Меня зовут Синтия Берриган, — представилась девушка. — А это Том Стэнфорд.

— Рад с вами познакомиться. — Тон у юного Стэнфорда был неуверенный, но рукопожатием с Сэмом он обменялся, хотя тут же отнял руку.

— Прошу прощения, — позвала читательница детективов. — Может, кто-нибудь мной займется наконец? А то партнеры по бриджу уже заждались меня.

— Я подойду, — бросил Том Синтии и направился к абонементному столу.

Девушка вежливо объяснила:

— Мы с Томом в Чейплтонском колледже учимся, мистер Пиблс. А здесь практику проходим. Я уже третий семестр здесь; мистер Прайс меня еще прошлой весной взял. А Том пришел летом.

— Скажите, а мистер Прайс — единственный ваш штатный библиотекарь?

— Да. — Сэму показалось, что он прочитал в ее красивых карих глазах сочувствие. — А у вас что-то не так?

— Не знаю. — И снова, сам того не желая, посмотрел наверх. — Послушайте, а этот потолок всегда здесь был?

— Точно не знаю. — Синтия проследила за взглядом Сэма. — Я уже застала его таким, какой он сейчас.

— Мне просто казалось, что прежде здесь были окна, прорезанные прямо в крыше. Вроде слуховых.

Синтия улыбнулась.

— Так и есть. Просто отсюда их не видно. А вот снаружи, если обойти вокруг здания, они как на ладони. И из книгохранилища их тоже видно. Но оно наверху, на чердаке. Мне кажется, так всегда было.

Всегда.

— А про Арделию Лорц вы даже не слышали?

Синтия покачала головой:

— Нет, извините.

— А как насчет Библиотечной полиции? — вдруг вырвалось у Сэма.

Девушка звонко расхохоталась.

— Эти байки я только от своей тетки слышала. Она вечно стращала тем, что Библиотечный полицейский заберет меня, если не сдам книжки в срок. Я тогда еще совсем маленькая была и жила в Провиденсе, в штате Род-Айленд. Целую вечность назад.

«Целую вечность, — подумал Сэм. — Лет двенадцать, а то и десять назад. Можно подумать, что по земле тогда бронтозавры бродили».

— Что ж, спасибо за сведения, — сказал он. — И извините, если я вас напугал.

— Вовсе не напугали, — возразила Синтия.

— Напугал немножко. Просто мне сначала показалось, что не туда попал.

— А кто такая Арделия Лорц? — осведомился возвратившийся Том Стэнфорд. — Имя вроде бы мне зна-

комо, но только никак не могу вспомнить, где я его слышал.

— Да я и сам точно не знаю, — отмахнулся Сэм.

— Завтра у нас выходной, — сказал Том, — а в понедельник выйдет мистер Прайс. Может, он сумеет вам помочь.

— Вполне возможно, что я и правда заскочу к нему. Еще раз спасибо.

— Всегда рады помочь вам, мистер Пиблс, — улыбнулся Том. — Боюсь только, что сегодня у нас это не слишком получилось; не повезло.

— Мне тоже, — вздохнул Сэм.

4

Уже отпирая дверцу своей машины, Сэм вдруг почувствовал, что у него отнимаются ноги. Ему пришлось даже опереться о крышу, чтобы не упасть. Плюхнувшись на сиденье, он сидел, переводя дух и опасаясь, что вот-вот лишится чувств.

«Да что тут происходит, черт побери? Я чувствую себя сродни персонажам Рода Серлинга. "Вашему вниманию представляется Сэмюэль Пиблс, некогда проживавший в Джанкшен-Сити, а теперь торгующий недвижимостью и жизнями в... Сумеречной Зоне"».

Да, с ним происходило нечто подобное. С той лишь разницей, что смотреть по телевизору злоключения героев в «Сумеречной Зоне» было занятно и увлекательно. Но самому оказаться на их месте — совсем иное дело.

Сэм кинул взгляд на здание библиотеки, на входящих и выходящих людей, освещаемых фонарями. Вот и пожилая дама с детективами под мышкой; спешит, должно быть, на свой бридж. Две девчушки сбегают по ступенькам, прижав книжки к груди и весело переговариваясь. Все выглядит абсолютно нормальным... да так оно и есть на самом деле. А вот библиотека, в ко-

торой довелось побывать ему неделю назад, была отнюдь не нормальной. Видимо, он так увлекся своей предстоящей речью, что не обратил внимания даже на вопиющие странности.

«Не думай, забудь, — уговаривал себя Сэм, будучи при этом уверен, что на сей раз это будет уже выше его сил. — Вспомни Скарлетт О'Хара: *отложи все мысли на завтра. Когда взойдет солнце, все прояснится*».

Сэм включил первую скорость и думал о библиотеке всю дорогу домой.

Глава 7
НОЧНЫЕ КОШМАРЫ

1

Сэм первым делом проверил автоответчик. Сердце его упало, когда он увидел, что горит лампочка записи.

«Это наверняка Лорц. Не знаю, кто она на самом деле, но мне начинает казаться, что успокоится она лишь, когда меня в психушку упрячут». «Так не слушай!» — посоветовал ему другой участок мозга, однако Сэм был уже настолько сбит с толку, что не мог оценить, здравая это мысль или нет. На первый взгляд — здравая, но вместе с тем какая-то трусливая. Более того...

Заметив наконец, что стоит в холодном поту и кусает ногти, Сэм обескураженно хмыкнул и подумал: *От четвероклассника до душевнобольного. Нет уж, милочка, я скорее сдохну, чем уступлю тебе!* Он решительно нажал кнопку.

— Привет! — послышался пропитой мужской голос. — Меня зовут Джозеф Рэндовски, мистер Пиблс. Или — Невероятный Джо. Я хотел просто поблагодарить за то, что вы меня подменили на встрече этих вегеторотарианцев или как там их... Еще хочу сказать,

что шея у меня вовсе не сломана, как поначалу думали, — оказалось, только растяжение. Так что мне уже гораздо лучше. Я отправил вам целую кучу контрамарок на наши шоу. Можете всем друзьям раздать. Будьте здоровы. Еще раз спасибо. Счастливо.

Послышался щелчок, и зажглась лампочка «Больше сообщений нет».

Сэм презрительно фыркнул — если Арделия Лорц хотела его запугать, то почти добилась своего; нажал кнопку перемотки и тут же сообразил. Он привык всегда перематывать ленту на начало, а это значит, что новые сообщения записывались поверх старых. Сообщение Невероятного Джо наверняка стерло предыдущее послание Арделии Лорц. Единственное свидетельство того, что эта женщина существует на самом деле, было уничтожено.

Или нет? Оставалась ведь еще карточка читателя. Сэм своими глазами видел, как эта мегера заполняла ее размашистым почерком с завитушками. Он достал бумажник и заглянул внутрь; проверил содержимое три раза, прежде чем окончательно убедился, что карточка тоже исчезла. И, кажется, догадался почему. Он смутно припоминал, что сунул ее в кармашек на внутренней стороне обложки «Любимых стихов американцев».

Для сохранности.

Чтобы не потерять.

Потрясающе! Лучше и придумать невозможно.

Присев на диван, Сэм сжал ладонями виски. Голова раскалывалась.

2

Четверть часа спустя, разогревая на плите суп в надежде, что горячая еда снимет головную боль, Сэм вдруг снова вспомнил о том, как поразительно Наоми похожа на женщину с плаката Грязнули Дейва. Вопрос

о том, вела ли Наоми двойную жизнь, скрываясь также под именем Сары, сейчас отступил на второй план. Главным Сэму представлялось другое: она знала Арделию Лорц. Правда, восприняла Наоми упоминание об этой даме довольно странно... даже как-то непонятно. В первое мгновение будто испугалась, а затем поспешила перевести все в шутку, а тут еще и Берт Айверсон позвонил...

Сэм попытался проиграть в уме разговор с Наоми, но, к своей досаде, вспомнил лишь какие-то обрывки. Да, Наоми согласилась, что Арделия — дама со странностями, но больше, как ни старался, ничего припомнить не мог. Тогда ведь ему не казалось, что это важно. В те минуты он упивался неожиданными — счастливыми — изменениями в своей карьере. Это и сейчас не утратило актуальности, но по сравнению со всем остальным как-то ушло в тень. Да и вообще — *все* сейчас ушло в тень. Его мысли без конца возвращались к низкому потолку и изменившейся обстановке библиотеки. Сэм был уверен, что не сошел с ума, но понимал: именно такая судьба ожидает его в том случае, если он не разгадает эту загадку. Казалось, в черепе вдруг образовался бездонный колодец, в котором беззвучно и бесследно исчезало все, что туда попадало. Сэм надеялся, что со временем это ощущение пройдет, но пока это было ужасно.

Повернув уровень газовой горелки на минимум, он пошел в кабинет и отыскал номер телефона Наоми. После трех звонков ему ответил надтреснутый старческий голос. Хотя Сэм и не видел ее уже пару лет, голос он узнал сразу. Это была престарелая мать Наоми.

— Здравствуйте, миссис Хиггинс. Это Сэм Пиблс.

Он приумолк, ожидая услышать что-то вроде «О, привет, Сэм!» или «Как ваши дела?», но в трубке раздавались только тяжелое прерывистое дыхание и сопение. Сэм никогда не был любимчиком миссис Хиггинс, и, похоже, двухлетняя разлука нисколько не растопила ее сердца.

Не дождавшись ответа, Сэм решил заговорить сам.

— Как ваши дела, миссис Хиггинс?

— По-разному, — недовольно процедила старуха.

Сэм был обескуражен. Реплика миссис Хиггинс выбила почву у него из-под ног. Что можно сказать в ответ на такое? «Ах, как жаль!» — никуда не годилось, а «Рад это слышать, миссис Хиггинс!» — еще хуже.

Он вышел из положения, спросив, нельзя ли поговорить с Наоми.

— Ее нет дома, и я не знаю, когда она вернется.

— А вы не сможете передать, чтобы Наоми мне перезвонила?

— Я ложусь спать. И не просите, чтобы я оставила записку. Артрит проклятый окончательно меня достал.

Сэм вздохнул.

— Хорошо, тогда я завтра перезвоню.

— Завтра утром мы идем в церковь, — проскрипела миссис Хиггинс тем же недовольным, безжизненным тоном. — А днем поедем на первый весенний пикник юных баптистов. Наоми там помогает.

Сэм понял, что больше ничего не добьется. Было ясно, что миссис Хиггинс решила оборонять свои редуты до последнего патрона. Он уже хотел попрощаться, но в последнее мгновение передумал.

— Скажите, миссис Хиггинс, не знакома ли вам фамилия Лорц? Я имею в виду Арделию Лорц.

Тяжелое дыхание вдруг прервалось. На минуту воцарилась могильная тишина, затем миссис Хиггинс отчеканила:

— Господи, и долго еще вы, отступники отъявленные, будете нас доводить? Неужто вас это забавляет? Или вы намеренно издеваетесь?

— Вы не поняли, миссис Хиггинс. — Сэм был ошарашен. — Я хотел только узнать...

В трубке громко щелкнуло. Словно миссис Хиггинс переломила о свое колено сухую тросточку. Послышались короткие гудки.

3

Покончив с супом, Сэм провел полчаса у телевизора. Без толку. Его мысли упорно возвращались к женщине на плакате Грязнули Дейва, перескакивали на обтрепавшуюся обложку «Любимых стихов американцев» или на исчезнувшее изображение Красной Шапочки. Но обрывались неизменно на низком потолке библиотеки.

Наконец Сэм сдался и лег в постель; худшего субботнего дня он и припомнить не мог; мечтал лишь об одном: как бы поскорее уснуть, чтобы забыть об этом ужасе.

Однако сон не приходил.

Вместо сна навалились кошмары.

Самым страшным был тот, в котором Сэму постоянно, навязчиво казалось: «Я теряю рассудок». Он даже не предполагал раньше, насколько это ужасно. В кино, бывало, герой сидел у психиатра и, схватившись за голову, жалобно причитал: «Ах, доктор, мне кажется, я схожу с ума». А врач утешал его и пичкал таблетками. В действительности же ощущение у Сэма было такое, словно он чесал мошонку и вдруг обнаружил под ней здоровенную опухоль.

Когда стрелки часов едва перевалили за полночь, Сэм пришел к твердому выводу: не могла библиотека настолько преобразиться за какую-то неделю. Но и слуховые окна видеть из читального зала он тоже никак не мог. По словам этой Синтии Берриган, за год, что она проработала в библиотеке, никакого ремонта там не было. Это означало одно: рассудок его помутился. Или в мозгу растет опухоль. А может, у него болезнь Альцгеймера?* При одной лишь мысли *об этом* Сэм похолодел. Где-то он вычитал, что сей страшный недуг поражает все более молодых людей.

---

* Синдром Альцгеймера — психическое заболевание, для которого характерны провалы в памяти и неадекватное восприятие окружающей действительности.

Неужели и его постигла столь чудовищная участь?

Перед его глазами возникла доска объявлений, на которой красными, как корень лакричника, жирными буквами были выведены три слова:

СХОЖУ С УМА

Жизнь у него была самая что ни на есть обыкновенная: заурядные радости и заурядные огорчения; не слишком насыщенная событиями. Пусть он никогда не видел свою фамилию среди рекламных огней, но ведь и повода усомниться в собственном здравомыслии тоже никогда не было. И вот теперь Сэм лежал в смятой постели и силился понять: неужели именно так люди теряют контакт с окружающим миром? С реальным миром. Неужели именно таким образом ты

СХОДИШЬ С УМА?

Затем его начали мучить суматошные мысли про Наоми Хигтинс. Неужели она и вправду могла — под вымышленным именем — быть ангелом-хранителем приюта для бездомных Джанкшен-Сити? Нет, невозможно. Или да? Сэм уже начал сомневаться и в своих последних деловых успехах. Неужто все это только плоды галлюцинаций?

Потом он вспомнил про Арделию Лорц, и вот тогда ему стало совсем уже несладко. Сэм вдруг с замиранием сердца представил, что Арделия Лорц прячется в его стенном шкафу или даже под кроватью. Он едва ли не воочию видел, как эта дама, злорадно ухмыляясь, потирает руки с длинными острыми ногтями, как разметались в темноте ее волосы наподобие какого-то причудливого парика. Сэму вдруг показалось, что он рассыплется в прах, если Арделия вздумает прошептать ему на ухо: *Вы потеряли книги, Сэм, и теперь вам при-*

дется иметь дело с Библиотечной полицией... вы потеряли книги... вы пот-тер-ряли ихххх...

Очень скоро Сэм понял, что терпеть эти кошмары больше не в состоянии, и стал нащупывать выключатель ночника. Но тут же оказался во власти нового кошмара: в спальне он был не один, правда, таинственным посетителем оказалась отнюдь не Арделия Лорц. О нет! Перед ним предстал Библиотечный полицейский с исчезнувшего из детской читальни плаката.

Он стоял в полутьме, высокий и бледнолицый, облаченный в полушинель и серую шляпу. Левую щеку зигзагом перерезал зловещий шрам, тянувшийся до самой переносицы. Тогда, в библиотеке, Сэм этого шрама не заметил — возможно, потому, что художник решил не изображать его. Но шрам был. Сэм это точно знал.

«Вы ошиблись насчет кус-стов, — говорил полицейский, слегка присвистывая. — Кус-сты там расстут. С-сколько душе угодно. И мы на них с-скоро пос-смотрим. Вмес-сте с вами».

Нет! ПРЕКРАТИТЕ! Пожалуйста — НЕ НАДО!

Сэм наконец нащупал выключатель, но в это мгновение скрипнула половица, и он невольно вскрикнул от ужаса. Вспыхнул свет. В первую секунду Сэму показалось, что он и в самом деле видит высоченного полицейского, но тут же сообразил: это только тень на стене от шкафа. Свесив ноги на пол, Сэм обхватил голову руками. Затем неловко потянулся за пачкой «Кента» на ночном столике.

— Ты должен взять себя в руки, — пробормотал он себе под нос. — Что за дурацкие мысли, черт тебя дери?

Сам не пойму, поспешно отозвался внутренний голос. *И не хочу понимать. И кусты эти паршивые хочу навсегда из головы выкинуть. Забыть напрочь. Как и вкус солодки. Ее приторную сладость.*

Он закурил и глубоко затянулся.

Страшнее всего было то, что в следующий раз он может на самом деле увидеть полицейского. Или Ар-

делию. Или Горго, императора Пеллуцидара. Ведь после такой галлюцинации — а Сэм ничуть не сомневался, что первое посещение библиотеки и знакомство с Арделией Лорц было самой настоящей галлюцинацией, — ему могло привидеться все что угодно. Стоит только представить себе несуществующие слуховые окна и кусты, как уже все становится возможным. Что же делать, когда собственный мозг взбунтовался? Как обуздать его?

Сэм спустился на кухню, по пути везде включая свет и с трудом подавляя желание обернуться и посмотреть, не крадется ли за ним кто. Полицейский с бляхой, например. Сэм понимал, что ему нужно снотворное, но за неимением даже самых обычных успокоительных порошков или таблеток, которые продают без рецепта, — придется обойтись чем-то иным. Он плеснул молока в кастрюльку, подогрел, перелил в кофейную чашку и добавил бренди. Эту процедуру он как-то раз подсмотрел в кино. Попробовав варево, Сэм скривился и хотел было вылить отвратительное пойло в раковину, когда взгляд его упал на электронные часы в панели микроволновой печи. Без четверти час. До рассвета далеко. Долго ему еще представлять, как крадутся по ступенькам его лестницы Библиотечный полицейский и Арделия Лорц — с длинными ножами в зубах.

«Или стрелами, — подумал он. — Длинными черными стрелами. Арделия и Библиотечный полицейский с длинными черными стрелами в зубах. Как вам такая галлюцинация, друзья-приятели?»

Стрелы?

Почему стрелы?

Сэму не хотелось об этом думать. Он уже устал от мыслей, которые вдруг выпархивали из безобидной тени, жаля его, словно шершни.

Я не хочу об этом думать! Не хочу и не буду!

Допив молоко с бренди, он поднялся в спальню и лег в постель.

4

Выключать ночник Сэм на этот раз не стал и почувствовал себя увереннее. Даже показалось, что он сумеет уснуть еще до того, как Вселенная погибнет от теплового кризиса. Натянув на подбородок шерстяное кашне, он сплел пальцы на затылке и уставился в потолок.

Но ведь ЧТО-ТО из всего этого должно было случиться и на самом деле, подумал он. *Не может же ВСЕ быть галлюцинацией... Если, конечно, у меня и сейчас не бред и я не брошен в психушку, затянутый в смирительную рубашку, и лишь представляю, что лежу в собственной постели.*

Нет, речь свою он в клубе произнес — это точно. Да и шутками из «Помощника оратора» воспользовался. И стихотворение Спенсера Майкла Фри из «Любимых стихов американцев» вставил в текст. Ни той, ни другой книги у него дома никогда не было, значит, он действительно взял их в библиотеке. Да и Наоми знала Арделию Лорц — по крайней мере имя это произвело на нее впечатление. Но особенно — на ее мать! Бррр! Как будто он ей шутиху под кресло-качалку подложил.

«Нужно поспрашивать вокруг, — подумал он. — Если миссис Хиггинс знакомо это имя, то и другие могут его знать. Не подростки какие-нибудь из Чейплтонского колледжа, а люди, которые прожили в Джанкшен-Сити уже много лет. Фрэнк Стивенс, скажем. Или Грязнуля Дейв».

Сэм наконец забылся. Невидимую грань между бодрствованием и сном он переступил, сам того не заметив; полет его мыслей не только не оборвался, но принял самые причудливые и невероятные формы. Которые, в свою очередь, постепенно сложились в сон. А сон превратился в кошмар. Он снова очутился на Ангол-стрит в компании трех пьянчуг, которые сидели на крыльце и, пыхтя от усердия, трудились над рисунками. Сэм спросил Грязнулю Дейва, чем тот занимается.

— *Так, просто время убиваю,* — ответил Дейв и почти робко показал свой плакат Сэму.

Сэм сразу узнал Растяпу Саймона. Мальчишка был распят над разведенным костром. В одной руке он сжимал кроваво-красный корень солодки, плавившийся от жара. Одежда Саймона уже полыхала, но он был еще жив. Лицо исказилось в безумном крике. Под вселяющим леденящий ужас изображением была подпись:

ДЕТСКИЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ УЖИН
В КУСТАХ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ
В ФОНД ПОДДЕРЖКИ
БИБЛИОТЕЧНОЙ ПОЛИЦИИ
С ПОЛУНОЧИ ДО ДВУХ ЧАСОВ НОЧИ
ПРИХОДИТЕ САМИ
И ПРИВОДИТЕ СВОИХ ДРУЗЕЙ
НА НАСТОЯЩУЮ ЖВАЧКУ-ЖРАЧКУ

— *Боже мой, Дейв, что это за ужас!* — воскликнул во сне Сэм.

— *Ничего ужасного здесь нет,* — возразил Грязнуля Дейв. — *Детишки зовут этого малого Растяпой Саймоном. Они просто обожают им лакомиться. На мой взгляд, такая пища им очень полезна. Разве не так?*

— *Взгляните-ка!* — выкрикнул Рудольф. — *Наша Сара идет!*

Сэм поднял голову и увидел Наоми, которая приближалась по пустырю к Ангол-стрит со стороны утиля. Она шла очень медленно, толкая перед собой тележку, битком набитую десятками экземпляров «Помощника оратора» и «Любимых стихов американцев». Солнце за ее спиной садилось — красная огнедышащая печь, — а длинный пассажирский состав громыхал по рельсам, исчезая в пустоши запада Айовы. В нем было вагонов тридцать, причем все были выкрашены в черный цвет. Из окон свешивались, развеваясь на ветру, траурные полотна. Сэм понял, что это поезд-катафалк.

Повернувшись к Грязнуле Дейву, он сказал:

— *Это вовсе не Сара. Ее зовут Наоми. Наоми Хиггинс из Провербии.*

— *Ничего подобного,* — возразил Грязнуля Дейв. — *Это сама Смерть идет, мистер Пиблс. Смерть ведь тоже женщина.*

И вдруг заголосил Льюки. Он визжал, словно свинья в человеческом облике:

— *Уи-ии, она конфетки несет! Уи-ии, она конфетки несет! Теперь никакая сука их у меня не возьмет!*

Сэм оглянулся, чтобы посмотреть, кого имеет в виду Льюки. Женщина приблизилась, но это была уже не Наоми. Арделия! Одетая в белесую полушинель. Но в тележке были вовсе не конфеты, как считал Льюки, а корневища солодки, туго переплетенные между собой. На глазах у Сэма Арделия схватила пригоршню корней и принялась жевать. Зубы у нее были длинные и какие-то обесцвеченные. Острые и могучие, как клыки вампира. Арделия ощерилась, и изо рта ее брызнула яркая кровь, заляпав розоватым облачком горизонт с заходящим солнцем. Ручейки крови стекали по ее подбородку, обгрызенные корешки падали на землю, обагряя ее кровавым соком.

Арделия воздела руки, которые вдруг превратились в когтистые лапы.

— *Ввы пот-тер-ряли КНИГ-ГИ!* — истошно завопила она и набросилась на Сэма.

5

Сэм очнулся и подскочил, не смея вздохнуть. Он лежал в самом изножье кровати, сбив в кучу всю постель, мокрую от пота. Из-под приспущенных жалюзи пробивался серый призрачный свет. Часы на столике показывали 5.53.

Он встал и, поеживаясь от прохладного воздуха, прошел в туалет и помочился. Голова немного побали-

вала — то ли от молока с бренди, то ли от ночных кошмаров. Сэм принял две таблетки аспирина и снова забрался в постель. Натянул одеяло на голову; влажные простыни каждой пропитанной его потом складочкой напоминали о кошмарных сновидениях. Сэм знал, что больше не уснет, но хотел просто спокойно полежать без безумных видений.

Однако, едва коснувшись головой подушки, Сэм вдруг понял: он узнал кое-что еще — не менее поразительное и неожиданное, чем то, что Сара и Наоми — одно лицо. Это было связано с Грязнулей Дейвом и... с Арделией Лорц. *Но это был всего лишь сон,* подумал Сэм. *Я ведь во сне про это узнал.*

И погрузился в глубокий, безмятежный сон. Без сновидений. Когда Сэм проснулся, было уже почти одиннадцать. Стоял прекрасный день, и колокольный звон призывал верующих на молебен. Любуясь свежей травой, залитой ярким солнцем, Сэм не просто взбодрился: он почувствовал себя так, будто родился заново.

Глава 8

АНГОЛ-СТРИТ (II)

1

Он состряпал себе завтрак — омлет из трех яиц с зеленым луком, апельсиновый сок, целый кофейник кофе — и стал раздумывать, а не сгонять ли еще разок на Ангол-стрит. Сэм не мог забыть то удивительное озарение, которое испытал перед тем как уснуть, и был убежден — это неспроста, однако не уверен в том, что ему надо и впредь заниматься этим безумным делом.

При ярком свете весеннего утра ночные страхи показались ему нелепыми и вздорными. Господи, как хотелось выбросить из головы всю эту дурацкую свистопляску! Ну случилась с ним совершенно странная

и необъяснимая история... Ну и что из этого? Да гори она синим пламенем!

В свое время он немало начитался про привидения, предчувствия и всякую прочую чертовщину, однако особой тяги ко всей этой чепухе не питал. Да, порой он с удовольствием смотрел в кино какой-нибудь «ужастик» — и только. Как личность сугубо прагматическая, Сэм вообще не питал интереса к паранормальным явлениям... если таковые вообще существовали. Да, пусть с ним и случилось нечто, скажем, сверхъестественное... Но ведь оно уже в прошлом. Так пусть там и остается.

Она же сказала, что хочет получить книги завтра.

Впрочем, это уже его не слишком тяготило. Даже несмотря на послание, оставленное ею на автоответчике, Сэм больше не верил в существование Арделии Лорц.

Но вот что его действительно интересовало, так это собственное отношение к случившемуся. Сэм вдруг вспомнил лекции в колледже по биологии. Преподаватель рассказывал, как здорово научился бороться человеческий организм с болезнетворными микробами. В памяти даже всплыли его слова о том, что из-за раздутых средствами массовой информации слухах о наступлении рака, гриппа и венерических заболеваний люди прониклись паническим страхом перед этими недугами.

«Между тем, — говорил преподаватель, — в нашем теле есть свои спецподразделения «коммандос», специально обученные бороться с неприятелем. И такие подразделения не знают пощады. Если бы не эта армия вышколенных бойцов, никто из нас не прожил бы и пары месяцев». Насколько Сэм помнил, организм прибегал к тактике изоляции. Неприятеля окружали и отрезали от источников питания, так что ему оставалось только задрать лапки и умереть. Теперь Сэм убедился, что подобной же тактики придерживается и атакованный мозг. Сэму и прежде не раз и не два случа-

лось ложиться спать, подхватив простуду, но уже на следующее утро он просыпался здоровым. Организм за ночь брал свое, уложив микробы на обе лопатки.

Прошлой ночью случилось нечто подобное — только вместо горла нападению подвергся его мозг. Утром вторгшиеся неприятельские войска, грозящие если не уничтожить, то подчинить себе его рассудок, были окружены и отрезаны от источников питания. Окончательная победа была лишь делом времени. Что-то подсказывало Сэму: раздумывая о случившемся, он лишь играет на руку супостату.

«Вот, значит, как это происходит, — подумал он. — Вот почему газеты пестрят сообщениями о загадочных и необъяснимых явлениях. Первым страдает мозг... а затем организм накапливает силы и переходит в контрнаступление».

И все же Сэма разбирало любопытство. Вот в чем его беда! Неспроста ведь говорят, что любопытство сгубило кошку. С другой стороны — говорят, что у кошки девять жизней, говорят, живуч как кошка.

Кто? Кто так говорит?

Этого Сэм не знал, но решил выяснить. В библиотеке, например.

Опуская посуду в раковину, Сэм улыбался. Он дал себе зарок, что все-таки попытается расследовать эту невообразимую историю.

Хотя бы чуть-чуть.

2

На Ангол-стрит Сэм вернулся в половине первого. Старенький голубой «датсун» Наоми у входа не слишком удивил его. Он поставил свою машину сзади и поднялся по скрипучим ступенькам, миновав плакат, призывавший выкинуть в урну любые бутылки, которые ты несешь с собой. Сэм постучал, но ответа не

услышал. Толкнув дверь, он очутился в просторной прихожей... совершенно голой, если не считать телефона-автомата. Обои в прихожей были чистые, но выцветшие от времени. В нескольких местах подклеены скотчем.

— Эй, есть здесь кто?

Молчание. Он медленно, чувствуя себя незваным пришельцем, пересек прихожую. На двери в гостиную красовались два плакатика, пришпиленные кнопками.

ДРУЗЬЯ БИЛЛА, ВХОДИТЕ!

А вот второй, прикрепленный чуть ниже, показался Сэму глубокомысленным и одновременно совершенно дурацким. Вот что было на нем начертано:

ВРЕМЯ ЗАНИМАЕТ ВРЕМЯ

Помимо софы, перехваченной в нескольких местах изоляционной лентой, в гостиной были расставлены стулья — почему-то все разные. Стены были увешаны плакатами. На маленьком столике у телевизора — кофеварка. Телевизор выключен.

Медленно ступая, Сэм пересек прихожую; он уже поймал себя на том, что воровато осматривается, поочередно заглянул в три комнаты, выходившие в общий коридор. В каждой из них стояло по две кровати; нигде не было ни души. Все три спаленки поразили своей опрятностью, и каждая поведала собственную историю. Одна, например, насквозь пропахла мастикой. В другой стоял удушливый запах какой-то тяжелой болезни. «Либо здесь кто-то умер, — подумал Сэм, — либо стоит одной ногой в могиле».

В конце коридора располагалась кухня; в ней тоже никого. От солнечных лучей было просторно и светло; выцветший линолеум горбатился на полу подобно песчаным барханам в пустыне. Печь с вмонтированной в нее газовой плитой размещалась в неглубокой нише.

Раковина была глубокая и допотопная, эмаль облупилась и пошла ржавыми пятнами. Возле буфета установлены старенькая моечная машина и газовый сушильный шкаф. Здесь пахло вчерашними тушеными бобами.

Сэму кухня понравилась. С одной стороны, все вокруг говорило о любви, с другой — о заботе и выстраданном счастье. Сэм невольно вспомнил кухню своей бабушки, где тоже чувствовал себя хорошо и спокойно. В безопасности. К дверце огромного холодильника была прилеплена магнитиком табличка с призывом:

ГОСПОДИ, БЛАГОСЛОВИ НАС,
НЕПЬЮЩИХ!

Снаружи послышались голоса. Сэм подошел к открытому окну. Дул теплый весенний ветерок. За домом уже пробивалась первая зелень; на деревцах, обступивших Ангол-стрит жиденькой изгородью, распустились почки, а вот грядки в небольшом огородике определенно дожидались более теплых дней. На спортивной площадке была укреплена волейбольная сетка, немного провисшая посередине. Справа, на двух подковообразных грядках, робко зеленели первые травинки. Нельзя сказать, чтобы зрелище пленяло воображение — впрочем, ничего иного ожидать в это время года и не приходилось, — однако ухоженность, трогательная забота чувствовались и здесь.

На раскладных стульях, расставленных кругом между волейбольной сеткой и клумбами, расположилось около дюжины человек. Сэм сразу узнал Наоми, Дейва, Льюки и Рудольфа. Мгновение спустя он разглядел также Берта Айверсона, самого известного адвоката Джанкшен-Сити, и Элмера Баскина, банкира, которому не довелось услышать знаменитую речь Сэма, но который тем не менее позвонил и поздравил его с успехом.

Порыв ветра всколыхнул клетчатые занавески на окнах и взъерошил седовласую шевелюру Элмера. Банкир, посмотрев на солнце, улыбнулся. Сэм поразился выражению несказанного удовольствия на лице Элмера. Меньше всего он сейчас напоминал богатейшего в городке банкира: совершенно рядовой обыватель, радующийся долгожданной весне и просто наслаждающийся жизнью.

Нереальность увиденного ошеломила Сэма. Уже одно то, что Наоми Хиггинс якшалась тут с бездомными пьяницами, да к тому же под вымышленным именем, было достаточно странно и необъяснимо; присутствие же в этой компании двух столь уважаемых граждан Джанкшен-Сити выглядело совершенно невероятным. В этот миг незнакомый Сэму мужчина в потертых зеленых брюках и фуфайке с эмблемой бейсбольного клуба из Цинциннати поднял руку. Рудольф кивнул ему.

— Меня зовут Джон, — произнес незнакомец. — Я тоже алкоголик.

Сэм отпрянул от окна, ощущая себя не только незваным пришельцем, но и подлым соглядатаем. Шпионом. Он считал, что по воскресеньям «анонимные алкоголики» собираются в гостиной, но сегодня — должно быть, из-за солнечной погоды — они решили побеседовать на свежем воздухе. Сэм был убежден, что это придумала Наоми.

«Завтра утром мы идем в церковь, — сказала миссис Хиггинс, — а днем — на пикник юных баптистов».

«Интересно, известно ли старой миссис Хиггинс, что ее дочь проводила время вовсе не с баптистами, а с алкашами?» — подумал Сэм. И тут же сам решил, что да. Сэму показалось, что он понял, почему Наоми оказалась сыта по горло им уже после второго свидания. Тогда он подумал, что все дело в религии, да Наоми и не пыталась это опровергнуть. Тем не менее после первого свидания — похода в кино — девушка согласилась встретиться с ним снова. А после второго

свидания вдруг резко охладела к нему. Так, во всяком случае, показалось Сэму. Во второй раз он повел Наоми в ресторан. И заказал вино. «Откуда, черт побери, мне было знать, что она алкоголичка? Я ведь не ясновидящий!» Разумеется, знать этого Сэм не мог, но тем не менее лицо его запылало. *Или... дело вовсе не в спиртном? Либо не только в спиртном? Может, ее беспокоит еще что-то?*

Вдруг Сэму стало не по себе. Что случится с ним, если Берт Айверсон и Элмер Баскин — весьма влиятельные и авторитетные личности — узнают, что агент по недвижимости раскрыл их тайну? Пронюхал, что оба они являются членами самого крупного тайного общества? Возможно, и ничего; впрочем, Сэм мало что знал про «АА», одно, правда, он знал точно — первое «А» означало «анонимные», и этим могущественным людям ничего не стоило развеять в прах честолюбивые стремления Сэма и оставить его без работы. Поэтому он решил незаметно улизнуть. Причем руководствовался Сэм, следует отдать ему должное, не только собственными интересами. Людей, сидевших сейчас на заднем дворе Ангол-стрит, объединяло общее несчастье. Обнаружив это совершенно случайно, Сэм вовсе не собирался оставаться здесь и подслушивать.

Возвращаясь по коридору, Сэм заметил стопку бумаги на полочке у телефона-автомата. Рядышком на веревке болтался огрызок карандаша. Сэм не долго думая схватил карандаш и быстро нацарапал на листке: «Дейв! Я заезжал утром, но никого не застал. Хотел поговорить с Вами по поводу некой Арделии Лорц. Кажется, Вам это имя знакомо, а мне необходимо побольше узнать об этой женщине. Не могли бы Вы сегодня вечером позвонить, если представится случай? Мой телефон — 555–8699. Заранее признателен». Затем собрался было отнести записку на кухню, но в последний миг передумал — ему не хотелось, чтобы кто-то из этих людей, вставших на тернистый, но достойный путь исправления, заподозрил, что за ними

подглядывали. Особенно не хотелось беспокоить Наоми. Поэтому он оставил записку в гостиной на телевизоре, сложив ее так, чтобы имя Дейва сразу бросалось в глаза. Сэм хотел было положить рядом двадцатипятицентовик для телефона, но передумал. Дейв мог и обидеться.

Сэм удалился, довольный тем, что никто его не заметил. Уже садясь в свою машину, он увидел наклейку на заднем бампере «датсуна» Наоми:

ВОЗДАЙ БОГУ — И ТЕБЕ ВОЗДАСТСЯ

— Лучше уж Бог, чем Арделия, — пробормотал себе под нос Сэм и постарался отъехать как можно тише.

3

Ближе к вечеру Сэма стало клонить ко сну — начала сказываться беспокойная ночь. Он включил телевизор, настроился на бейсбол — начинался восьмой иннинг игры «Бостона» с «Цинциннати» — и почти сразу задремал. Вывел его из оцепенения телефонный звонок; Сэм ошалело потянулся к трубке.

— Алло?

— Выкиньте из головы эту женщину! — без всякого вступления заговорил Грязнуля Дейв; голос его чуть дрожал. — Даже не думайте про нее!

Господи, и долго еще вы, отступники отъявленные, будете нас доводить? Неужто вас это забавляет? Или вы намеренно издеваетесь?

Сонливость Сэма тут же как рукой сняло.

— Дейв, да что же это за женщина такая? Стоит только о ней речь завести, и все тут же шарахаются, словно черти от ладана. Или делают вид, что впервые слышат ее имя. Кто она такая? И чем, черт побери, так запугала всех вас?

Дейв долго не отвечал. Сэм терпеливо ждал, чувствуя, как неистово колотится сердце. Если бы не тяжелое дыхание, которое слышалось в трубке, он бы подумал, что Грязнуля Дейв повесил трубку.

— Послушайте, мистер Пиблс, — наконец заговорил тот, — вы славный человек. Не раз меня выручали в трудную минуту. Без вас и некоторых других я бы не продержался на плаву. Но только не спрашивайте меня про эту гадину! Не могу я о ней говорить. И вам не советую расспрашивать про нее. Вам же лучше будет.

— Звучит как угроза, — промолвил Сэм.

— Вовсе нет! — В голосе Дейва слышалось нескрываемое беспокойство. — Нет, мистер Пиблс, я просто считаю своим долгом предупредить вас — как предупредил бы, увидев, что вы приближаетесь к пропасти с завязанными глазами... Забудьте о ней и никогда больше не вспоминайте. Пусть покойники почивают с миром.

Пусть покойники почивают с миром!

Нельзя сказать, чтобы Сэма очень удивили эти слова; ведь все, что с ним случилось, свидетельствовало о том же: Арделии Лорц давно нет в живых. А он — Сэм Пиблс, мелкий агент по страхованию и торговле недвижимостью, — сам того не подозревая, общался с призраком! И ведь не только общался, черт побери! Он уплатил ей два доллара, взял книги, а взамен получил от нее формуляр.

Словом, Сэм не слишком удивился... однако по спине его поползли мурашки. Даже руки покрылись гусиной кожей.

Не надо было тебе соваться в эту историю, твердил кто-то в отдаленном уголке его мозга. *Я же тебя предупреждал.*

— А когда она умерла? — спросил Сэм; голос его прозвучал глухо и отстраненно.

— Я не хочу это обсуждать, мистер Пиблс! — завопил Дейв и сорвался на визгливый фальцет. — *Пожалуйста,* не надо!

«Оставь его в покое! — гневно приказал себе Сэм. — У Дейва и без тебя забот полон рот».

Да. Он больше не будет приставать к Дейву — в городе наверняка еще найдутся люди, которые расскажут ему про Арделию Лорц... Нужно только найти правильный подход, чтобы не отпугнуть их. Впрочем, кое о чем ему мог рассказать только Грязнуля Дейв.

— Вы ведь когда-то рисовали плакаты для библиотеки, не так ли? Мне кажется, я вчера узнал вашу руку. Я имею в виду плакат с ребенком в автомобиле. И еще один — с Библиотечным полицейским. Вы ведь са... — Его оборвал на полуслове длинный крик Дейва, полный отчаяния и страха. — Дейв, я хотел только...

— Перестаньте, прошу вас! — зарыдал Дейв в трубку. — Я уже не могу держать себя в руках, и мне остается только умолять вас...

Трубка задребезжала.

— Прекратите! — сказала вдруг Наоми: судя по голосу, она сама готова была расплакаться, тем не менее в ее тоне слышалась ярость. — Оставьте Дейва в покое, вы... чудовище!

— Наоми...

— Когда я здесь, меня зовут Сара, — перебила она. — Но это не важно, Сэм Пиблс, — я одинаково ненавижу вас под обоими именами: и как Сэма, и как мистера Пиблса. Никогда больше не приду к вам. — Голос ее снова повысился. — Ну почему вы преследуете Дейва? Зачем вам понадобилось *раскапывать* всю эту чертову дребедень? *Зачем?*

Вконец обескураженный, Сэм спросил:

— Но ведь вы сами послали меня в эту библиотеку, Наоми? Зачем, черт вас побери, если так уж не хотели, чтоб я познакомился с Лорц?

Наоми только ахнула.

— Наоми? Давайте встретимся и...

В ухе больно щелкнуло. Она бросила трубку.

4

Почти до половины десятого Сэм просидел в кабинете, то и дело глотая пилюли от изжоги. Он составлял список имен в том же блокноте, в котором набрасывал первую версию своей речи. Написав то или иное имя, Сэм какое-то время смотрел на него, затем вычеркивал. До сих пор шесть лет, что он прожил в Джанкшен-Сити, казались ему значительным сроком. До сих пор... Сегодня он понял, что срок этот ничтожен — подобно уик-энду.

«Крейг Джонс», — написал он и, уставившись на бумагу, подумал: *Крейг может знать про Арделию... но наверняка захочет выяснить, чем вызвано мое любопытство.* Достаточно ли он знаком с Крейгом, чтобы выложить все без утайки? Безусловно, нет. В Джанкшен-Сити Джонса считали одним из самых перспективных адвокатов; его отличало редкостное честолюбие. Да, несколько раз они приглашали друг друга на деловой обед... в «Ротари-клубе», само собой, общались... и еще как-то раз Крейг пригласил его домой к ужину. Встречаясь на улице, они всегда обменивались вежливыми, но ничего не значащими репликами.

Словом, как ни крути, на дружбу их отношения никак не тянули, а если Сэм и был готов поделиться с кем-то своей сумасбродной историей, то только с другом, а не просто с приятелем, который фамильярно хлопал его по плечу после второй выпитой рюмки.

Короче, и Крейга Джонса пришлось вычеркнуть. За все годы, прожитые в Джанкшен-Сити, Сэм обзавелся лишь двумя достаточно близкими друзьями, один из которых был врач, а второй — полицейский. Однако Расс Фрейм, ассистент доктора Мейдена, воспользовавшись случаем, в самом начале 1989 года перебрался в Гранд-Рапидз, где стал высокооплачиваемым семейным врачом. А Том Уайклиф с первого января перешел в управление дорожной полиции штата Айова. И с тем и с другим Сэм с тех пор не общал-

ся — друзей он заводил с трудом, да и сохранить их, как выяснилось, толком не умел.

И что ему оставалось делать? Ответить на этот вопрос Сэм не мог. Но он точно знал, что одно только упоминание имени Арделии Лорц действует на некоторых жителей Джанкшен-Сити, как красная тряпка на быка. Он знал также — или думал, что знает, — будто видел Арделию Лорц воочию, пусть даже она и явилась с того света. Сэм не мог даже утешить себя мыслью, что на самом деле познакомился вовсе не с Арделией Лорц, а с ее родственницей или даже с какой-нибудь полоумной самозванкой. Потому что...

Мне кажется, что я столкнулся с призраком. Возможно, даже не с одним. Мне кажется, сама библиотека тоже предстала передо мной в том виде, какой была в то время, когда Арделия Лорц действительно заправляла в ней. Должно быть, именно поэтому она показалась мне такой зловещей. На путешествие во времени это не похоже — во всяком случае, я представлял его иначе. Скорее это смахивает на кратковременное пребывание в преддверии ада. Хотя и случилось на самом деле. Я убежден, что вся эта история мне не пригрезилась.

Сэм нервно забарабанил пальцами по столу.

Но откуда она мне звонила? Неужто и на том свете есть телефоны?

Он уставился на список вычеркнутых имен, затем выдрал желтый листок из блокнота. Смял его и выбросил в мусорное ведро.

Не следовало тебе ввязываться в эту историю, продолжало звучать в уголке его мозга. Но он все-таки ввязался. И что теперь? *Позвони одному из тех, кому можно доверять. Рассу Фрейму или Тому Уайклифу. Сними трубку и позвони.*

Но Сэму не хотелось звонить им. Не сегодня по крайней мере. Он понимал, что проявлял малодушие, вызванное отчасти суеверием — уж слишком много неприятностей доставил ему телефон в последнее время, — но чувствовал себя слишком усталым и разби-

тым, чтобы с этим бороться. Вот если он как следует выспится (а Сэм не сомневался, что с включенной настольной лампой проведет ночь спокойно), то утром, на свежую голову, наверняка придумает что-нибудь стоящее. Более того, он попытается наладить отношения с Наоми Хиггинс и Грязнулей Дейвом... только сначала не мешало бы узнать, что именно послужило причиной разрыва их отношений.

Если удастся, конечно.

Глава 9

БИБЛИОТЕЧНЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ (I)

Спал он и впрямь как убитый. Без сновидений. Уже утром, в душе, его вдруг осенило — так случается порой после хорошего отдыха, когда мозг еще не забит всякой ерундой. Так вот, Сэм неожиданно сообразил: ведь библиотека вовсе не единственное место, где можно почерпнуть сведения из истории города. Более того, учитывая, что Сэма интересовали сведения о событиях не столь давних *лет, место это было даже и не* лучшим.

— «Газетт»! — выкрикнул он, смывая с головы пену.

Двадцать минут спустя он уже сидел в кабинете полностью одетый и потягивал кофе. Перед ним снова лежал раскрытый блокнот, в котором Сэм набросал следующее:

1. Арделия Лорц — кто она? Или кем была при жизни?
2. Арделия Лорц — чем она занималась?
3. Публичная библиотека Джанкшен-Сити. Перестроена? Когда? Есть ли снимки?

В этот миг у дверей позвонили. Сэм встал и взглянул на часы. До половины девятого, когда он обычно выходил из дома, оставалось всего несколько минут. Сэм уже решил, что вместо обычного перерыва на ча-

шечку кофе забежит в редакцию и просмотрит старые выпуски. Какие именно? Нащупывая в кармане мелочь для мальчишки — разносчика газет, он продолжал ломать голову над этим вопросом, когда звонок прозвучал вновь.

— Иду, Кейт! — крикнул Сэм, подходя к двери и хватаясь за ручку. — Не пережги мне звон...

Задрав голову, он увидел за занавеской, прикрывавшей прозрачную панель двери, здоровенную тень, совершенно не походившую на хрупкого Кейта Джордана.

Липкие пальцы ужаса сдавили горло Сэма. Ему не надо было смотреть на лицо: легкая занавеска не могла скрыть зловещих очертаний до боли знакомой фигуры... и полушинели, конечно. В ту же секунду Сэм ощутил во рту тошнотворно-сладковатый привкус солодки. Он быстро отпустил дверную ручку, но все-таки — на мгновение — опоздал. Язычок замка щелкнул, дверь резко распахнулась внутрь, и Сэм отлетел в кухню. Нелепо размахивая руками в попытке удержать равновесие, он уронил пальто с вешалки.

Вместе с Библиотечным полицейским в прихожую ворвался холодный воздух. Исполин спокойно и не спеша прикрыл за собой дверь. В руке он держал свежий номер «Газетт», скатанный в трубочку. Приподняв ее, как жезл регулировщика, Библиотечный полицейский сказал:

— Я принес вашу *газету*. — Голос его звучал как-то глухо, словно доносился издалека или через толстенное стекло. — Хотел расплатиться с мальчишкой, но тот почему-то убежал. Куда-то спешил, должно быть.

С этими словами он вошел в кухню. Сэм смотрел на него широко раскрытыми, полными ужаса глазами; точь-в-точь как насмерть перепуганный Растяпа Саймон на плакате.

Мне все это грезится, подумал Сэм. *Либо я вижу кошмарный сон, по сравнению с которым предыдущий — ничто.*

Но это не было кошмарным сном. Точнее, кошмарным — да, но не сном. Какое-то время Сэм, правда, еще тешил себя надеждой, что он просто сошел с ума. В помешательстве, конечно, радости мало, но ничто на свете не могло быть ужаснее этого человекообразного чудовища, принесшего с собой леденящий холод.

Дом Сэма, выстроенный по старым образцам, отличался высокими потолками, однако Библиотечному полицейскому пришлось пригнуться, чтобы войти, да и теперь, в кухне, верх его серой фетровой шляпы почти касался потолка. А это означало, что ростом он был выше семи футов.

Одет он был в полушинель цвета свинцового сумеречного тумана. Кожа отливала мертвенной белизной. Лицо неподвижное, точно маска. Этот человек не знал ни доброты, ни пощады. Жесткая линия стиснутых губ вдруг напомнила Сэму первое впечатление при виде закрытой двери здания Библиотеки: трещина на лице гранитного утеса. Глаза полицейского были как крохотные серебристые дырочки, пробитые мелкой дробью. Вывернутые веки воспалены, и казалось, вот-вот начнут кровоточить. Ресницы вообще отсутствовали. Но самое страшное заключалось в том, что лицо это было до странности знакомо: да, Сэм его уже видел! Сэму уже приходилось ежиться под этим свирепым, пронизывающим насквозь взглядом, а где-то в отдаленном уголке мозга звучал голос, который повторял, чуть шепелявя:

— *Пойдем с-со мной, с-сынок... я полит-сейский.*

Зигзагообразный шрам пересекал его лицо именно так, как и представлял Сэм: тянулся через всю левую щеку, проходил под глазом и исчезал за переносицей. Если бы не шрам, то это и был бы тот самый человек с плаката... Или нет? Сэм не был твердо уверен.

— *Пойдем с-со мной, с-сынок... я полит-сейский.*

И тут Сэм Пиблс, звезда «Ротари-клуба»... намочил в штаны. Сэм почувствовал, как горячие струйки

потекли по ногам, но и это показалось ему сущей ерундой. Лишь одно сейчас имело для Сэма первостепенное значение: у него на кухне находилось чудовище, причем — и именно это представлялось Сэму самым страшным — лицо монстра было ему знакомо. Он даже не пытался спастись бегством. Такое ему и в голову не приходило. В воспаленном мозгу Сэма замелькали давно забытые видения. Он вдруг снова стал ребенком, мальчишкой, которого застигли

(нет, эта книга не «Помощник оратора»)

на месте преступления. Вместо того чтобы

(нет, эта книга не «Любимые стихотворения американцев»)

удрать, Сэм сложился в три погибели и свалился между двух табуретов, прикрывая голову руками.

(эта книга...)

— Нет, — еле слышно выдавил он. — Пожалуйста, не надо меня наказывать! Умоляю, не трогайте меня... Я исправлюсь...

Вот до чего он докатился. Впрочем, это не имело значения — гигант в свинцово-серой полушинели

(эта книга — «Черная стрела» Роберта Льюиса Стивенсона)

высился уже прямо над ним.

Сэм втянул голову в плечи. Ему казалось, что голова стала весить целую тонну. Уставившись в пол, он неистово молился о том, чтобы, подняв глаза — если хватит на это отваги, — убедиться: кошмарное видение сгинуло.

— Посмотрите на меня, — прогудел отдаленный голос.

— Нет! — истошно завизжал Сэм и разразился бессильными слезами.

К охватившему его паническому страху примешалось кое-что еще: безотчетный детский страх и ребяческий стыд. За что-то давно забытое, каким-то образом связанное с книгой, которую он так и не прочи-

Тюк!

Почувствовав удар по голове, Сэм завопил.

— *Пос-смотрите на меня!*

— Нет, пожалуйста, не бейте меня! — взмолился Сэм.

Тюк!

Сэм воззрился — со страхом — из-под одеревеневшей руки, и в ту же секунду Библиотечный полицейский снова ударил его скатанной в трубку газетой. Так обычно наказывают безмозглого щенка, напрудившего на ковер.

— Вот, уже лучше, — ухмыльнулся Библиотечный полицейский, обнажив острые зубы, напоминающие клыки.

Он полез в карман полушинели и извлек наружу кожаные «корочки». Развернул их, предъявив Сэму бляху в виде странной многоконечной звезды. Она ярко сияла в утреннем свете. Сэм уже не решался оторвать взгляд от этого безжалостного лица, *от серебристых* глаз-дырочек; он только жалобно всхлипывал, дрожа от страха.

— Вы задолжали нам две книги, — прогудел Библиотечный полицейский. Голос его по-прежнему доносился как бы издали или из-за *толщи* стекла. — Мисс Лорц очень недовольна вами, мистер Пиблс.

— Я их потерял, — признался Сэм, плача уже навзрыд.

Он и мысли не допускал, чтобы солгать этому человеку по поводу

(«Черной стрелы»)

утраченных книг, как, впрочем, и по любому другому поводу. Перед ним высилась сама власть, сама сила, сама неодолимая мощь. Перед ним был прокурор, судья и палач в одном лице.

«Куда запропастился вахтер? — вдруг ошалело подумал Сэм. — Где этот дурацкий привратник, которому

достаточно только нажать пару кнопок, чтобы вернуть меня в нормальный мир, в здравый мир, где ничего подобного случиться не может?»

— Я... я... я...

— Я и с-слышать не хочу ваши жалкие оправдания, — отрезал Библиотечный полицейский. Захлопнув кожаное удостоверение, он вернул его в правый карман. И тут же вынул из левого кармана нож с длинным, остро заточенным лезвием. Сэм, три года кряду зарабатывавший деньги на обучение в колледже, сразу узнал этот нож. Им разрезали картон. Такой нож наверняка имелся в любой американской библиотеке.

— Даю вам с-срок до полуночи. Потом...

И он наклонился, сжимая нож в мертвенно-бледных пальцах. В лицо Сэму дохнул леденящий воздух. Он хотел закричать, но из скованного холодом горла вырвалось лишь сдавленное мычание.

Кончик лезвия кольнул его в шею. Сэму показалось, что его ткнули острой сосулькой. На коже выступила алая капля, которая тут же засохла, — крохотная кровавая жемчужинка.

— ...потом я приду с-снова, — произнес Библиотечный полицейский странным, чуть шепелявым голосом. — Вы уж постарайтесь найти то, что потеряли, мистер Пиблс.

Нож исчез в левом кармане. Библиотечный полицейский снова выпрямился в полный рост.

— И еще, мистер Пиблс, — зловеще добавил он. — Вы задавали лишние вопрос-сы. Впредь воздержитес-сь от этого. Вы меня поняли?

Сэм попытался ответить, но лишь глухо простонал. Гигант снова склонился над ним, толкая перед собой волну ледяного воздуха, подобно тому, как баржа гонит впереди себя глыбу льда.

— Не с-суйте нос в дела, которые вас не кас-саются. *Вы меня поняли?*

— Да! — жалобно всхлипнул Сэм. — Да! Да! Да!

— Очень хорошо. Я ведь с-следить буду. И не я один.

С этими словами огромный пришелец повернулся и, не оглядываясь, двинулся к двери. Он пересек залитый солнцем пятачок, и Сэм заметил, что Библиотечный полицейский не отбрасывал тени. Великан взялся за ручку двери и, не поворачивая головы, прогудел негромким, но нагоняющим страх голосом:

— *Отыщите эти книги,* мистер Пиблс... Если не хотите увидеть меня с-снова.

И вышел.

Вихрем мелькнуло: нужно срочно запереть дверь. Однако Сэм сумел лишь привстать, как вдруг глаза заволокло серой пеленой, и, упав ничком, Сэм потерял сознание.

Глава 10

ХРО-НО-ЛО-ГИ-ЧЕС-КИ ГОВОРЯ

1

— Могу я... помочь вам? — осведомилась сидевшая за столом упитанная женщина.

— Да. Я хотел бы, если возможно, просмотреть кое-какие старые выпуски «Газетт».

— Конечно, — сказала она. — Только извините меня, сэр... но с вами все в порядке? Вы очень плохо выглядите.

— Да, мне немного нездоровится.

— Весной простуды самые противные, — посочувствовала женщина, вставая. — Да и сквозняки везде гуляют. Пожалуйста, пройдите сюда, мистер...

— Пиблс. Сэм Пиблс.

При этих словах его собеседница остановилась и наклонила голову набок. На вид ей было около шестидесяти. Приложив палец с накрашенным красным лаком ногтем к уголку губ, она спросила:

— Вы ведь занимаетесь страхованием, не так ли?

— Да, — кивнул Сэм.

— Я вас почти сразу узнала. Ваша фотография была в газете на прошлой неделе. Вы ведь, кажется, какую-то премию получили?

— Нет, мэм, — покачал головой Сэм. — Я читал лекцию. В «Ротари-клубе». — И тут же подумал: «Чего бы я только не отдал, чтобы повернуть время вспять и послать этого Крейга Джонса в задницу!»

— Да, это здорово, — неуверенно ответила она. — Хотя на снимке вы выглядели иначе.

Сэм зашел за перегородку.

— Меня зовут Дорин Мак-Гил, — представилась женщина, протягивая ему пухлую ручку.

Сэм пожал руку и сказал, что рад познакомиться. Для этого ему пришлось сжать в кулак всю свою волю. Сэм невольно подумал о том, что еще долго не сможет спокойно беседовать с людьми и уж тем более — прикасаться к ним. И куда только девалась его былая обходительность!

Дорин Мак-Гил провела его к устланной ковровой дорожкой лестнице и щелкнула выключателем. Ступеньки были такие узкие, а свет такой тусклый, что Сэм словно кожей ощутил, как возвращаются его страхи. Они окружили Сэма, будто толпа зрителей — филантропа, предлагающего всем желающим бесплатные билеты на супермодное шоу. А вдруг именно там, в полумраке, его поджидает Библиотечный полицейский? Наводящий ужас гигант с мертвенно-бледной кожей и серебристыми глазами, окаймленными кровавыми веками.

«Возьми себя в руки, — велел он себе. — Попытайся успокоиться. Иначе нельзя. Тем более другого случая уже не будет. Что тебе остается делать, если ты даже по какой-то несчастной лестнице спуститься не можешь? Запереться дома и покорно дожидаться полуночи?»

— Это наш морг, — сказала Дорин Мак-Гил, указывая вниз. — Вам нужно только...

— Морг? — Сердце Сэма судорожно заколотилось. — *Морг?*

Дорин Мак-Гил расхохоталась.

— У нас его все так называют. Ужасно, да? Вообще-то везде так. Какая-то дурацкая газетная традиция. Но вы не бойтесь, мистер Пиблс, — трупов там нет; только тысячи микрофильмов.

«Мне бы вашу уверенность», — подумал Сэм, следуя за ней вниз по ступенькам. Он был несказанно рад тому, что спускается вторым. Сойдя вниз, Дорин Мак-Гил щелкнула несколькими рычажками. Тут же загорелось множество ламп дневного света, спрятанных в футляры, которые напоминали перевернутые формочки для льда, но только куда большего размера. Лампы осветили довольно просторную комнату с низким потолком, устланную ковром того же темно-синего цвета, что и ступеньки лестницы. Вся комната была заставлена стеллажами, на которых выстроились бесчисленные коробочки. Вдоль левой стены расположились четыре прибора для считывания микрофильмов, походившие на какие-то причудливые фены в парикмахерской.

— Вам нужно расписаться в этой книге, — сказала Дорин Мак-Гил, указывая на толстую книгу, прикрепленную цепью к подставке у двери. — Проставьте там дату и отметьте время прихода. Сейчас, — она сверилась с часами, — двадцать минут одиннадцатого. Потом проставите время окончания работы.

Сэм склонился над книгой и расписался в указанной графе. Предыдущего посетителя звали Артур Мичем. Мистер Мичем приходил сюда 27 декабря 1989 года. Больше трех месяцев назад. Похоже, что это хорошо освещенное и неплохо оборудованное помещение пользовалось не слишком большой популярностью.

— Хорошо здесь, да? — безмятежно спросила Дорин. — А все потому, что федеральные власти выделя-

ют средства на поддержку моргов... или библиотек, если вам так больше нравится. *Мне,* например — *да.*

Вдруг в одном из проходов между стеллажами образовалась тень, и сердце Сэма оборвалось. Однако оказалось, что тень принадлежала Дорин Мак-Гил — она чуть наклонилась, дабы удостовериться, что Сэм не поленился проставить дату и время прихода.

«...а ведь ОН не отбрасывает тени. Библиотечный полицейский. И вообще... — Сэм попытался прогнать эти мысли прочь, но увы... — И вообще — я не могу так больше жить. В постоянном страхе. Я просто удавлюсь, если так будет продолжаться. Да, ничего другого мне не остается. И дело не только в страхе перед НИМ — перед этим человеком, или кто он там на самом деле есть. Дело в том, что творится с моим сознанием, когда я вдруг с ужасом понимаю, что оно мне изменяет, а все, во что я верил, бесследно исчезает».

Дорин указала на отдельную полочку с тремя объемистыми папками.

— Это последние выпуски, — сказала она. — Январь, февраль и март девяностого года. В июле библиотека отсылает полугодовой комплект «Газетт» в Гранд-Айленд, Небраска, — на микрофильмирование. В следующий раз мы проделываем ту же операцию в январе. — Она снова вытянула пухлую руку и провела ярко накрашенным ногтем справа налево; похоже, собственный ноготь вызывал у нее нескрываемое восхищение.

— Вот наши микрофильмы — в хронологическом порядке. — Она выговорила сложное слово необычайно тщательно, почти по слогам: «хро-но-ло-ги-чес-ком». — Справа — последние выпуски, слева — древние времена.

И застенчиво улыбнулась, словно давая понять: шутка, мол. Хро-но-ло-ги-чес-ки говоря — если верить улыбке, — все это было просто замечательно. Лучше некуда!

— Спасибо, — поблагодарил Сэм.

— Не за что. Мы ведь здесь именно для того, чтобы помогать вам. — Она снова приложила палец к уголку губ и улыбнулась. — Умеете пользоваться этим прибором, мистер Пиблс?

— Да, спасибо.

— Очень хорошо. Если понадоблюсь — я наверху. Не стесняйтесь, зовите меня.

— Вы... — начал было Сэм, но осекся.

Он собирался спросить: «Вы наконец уйдете или нет?»

Дорин приподняла брови.

— Нет, ничего, — покачал головой Сэм.

Провожая женщину взглядом, он с трудом подавил в себе желание кинуться за ней следом. Ведь как ни крути, но Сэм вновь оказался в библиотеке Джанкшен-Сити.

И называлась она — Морг.

2

Сэм медленно побрел вдоль стеллажей, уставленных квадратными коробочками с микрофильмами; он не знал, с чего начать. К его радости, свет был достаточно ярок, чтобы в углах не прятались зловещие тени. Сэм не осмелился спросить Дорин Мак-Гил, значит ли для нее что-нибудь имя Арделии Лорц, или хотя бы — что ей известно о том, когда перестраивали городскую библиотеку. *Вы задавали лишние вопросы,* сказал Библиотечный полицейский, *впредь воздержитес-ь от этого. Вы меня поняли?*

Да. Еще как понял! И даже знал, что рискует навлечь на себя гнев Библиотечного полицейского, ворошa прошлое... С другой стороны, вопросов ведь он не задавал. Напрямую, во всяком случае. Хотя речь шла вовсе не о пустяке. Речь шла о его жизни или смерти.

Я ведь с-следить буду. И не я один.

Сэм нервно покосился через плечо. Никого. Он не мог принять определенное решение. Он ощущал себя даже не замученным, а раздавленным.

— Ты должен это сделать, — хрипло пробормотал он себе под нос, вытирая губы дрожащими пальцами, — *должен.*

Сэм с усилием выдвинул вперед левую ногу. Немного постоял в этой позе, словно собираясь форсировать вброд неглубокую речушку. Затем тяжело ступил правой ногой. Мелкими шажками, словно на шарнирах, он продвинулся к ближайшему стеллажу. На карточке в самом конце полки значилось:

1987–1989

Это, конечно, не годится — перестроить библиотеку могли только до 1984 года, когда Сэм перебрался в Джанкшен-Сити. В противном случае он наверняка обратил бы внимание на строительные работы, услышал какие-то разговоры или вычитал об этом в газетах. Впрочем, судя по потолкам, можно предположить, что ремонт производили лет пятнадцать — двадцать назад. Никаких более точных подсказок у него не было. Господи, хоть бы он соображал получше!

Увы, в голове Сэма царил полный бедлам. От случившегося утром мозги поехали набекрень; так повышенная солнечная активность влияет порой на радио- и телетрансляции. Реальность и иллюзорность переплелись в плотный клубок, а Сэм Пиблс, ничтожное, беспомощное и бренное создание, к несчастью, оказался в самой его сердцевине. Стиснутый, словно между жерновами.

Сэм сдвинулся на два ряда левее — главным образом из опасения, что, останься он на месте, вообще может окаменеть, — вдоль стеллажа, помеченного

1981–1983

Взяв наугад первую подвернувшуюся коробку, он устроился перед аппаратом для просмотра микрофильмов. Включил его и попытался сосредоточиться.

Так, сначала нужно вставить катушку на стерженек, затем размотать и закрепить свободный конец на ведущей бобине. Да, все верно. Приборчик был настолько прост в обращении, что с ним без труда справился бы и восьмилетний мальчуган, однако у Сэма вся процедура заняла почти пять минут; у него тряслись руки, да и мысли блуждали. Затем обнаружил, что ухитрился вставить пленку не той стороной. Изображение оказалось перевернутым. Он терпеливо извлек микрофильм, перемотал его и вставил заново. Почему-то это маленькое происшествие не только не вывело его из себя, но даже немного успокоило. На сей раз в первом же кадре появилась первая полоса «Джанкшен-Сити газетт» от 1 апреля 1981 года. Заголовки кричали о внезапной отставке какого-то важного чиновника, о котором Сэм и не слыхал, но его внимание привлекло неброское объявление в самом низу полосы.

РИЧАРД ПРАЙС И ВЕСЬ ПЕРСОНАЛ
ГОРОДСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ
ДЖАНКШЕН-СИТИ
НАПОМИНАЮТ ВАМ,
ЧТО С 6 ПО 13 АПРЕЛЯ
ПРОВОДИТСЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕЧНАЯ НЕДЕЛЯ.
ПРИХОДИТЕ К НАМ!

Неужели я об этом знал? — подумал Сэм. *Иначе чем объяснить, что я сразу выбрал именно эту коробку?* Может, я *подсознательно* помнил, *что вторая неделя апреля — Национальная библиотечная неделя?*

Пойдем с-со мной, с-сынок, вновь зашептал ему на ухо зловещий голос. *Пойдем с-со мной, с-сынок... Я полит-сейский.*

По спине Сэма забегали мурашки; позвоночник стиснули ледяные пальцы. Он поспешил заверить голос и самого себя, что ему абсолютно плевать на то, как он выбрал коробку именно с этим номером «Газетт»; главное, что ему повезло.

Возможно.

Он быстро перемотал микрофильм на выпуск от 6 апреля и почти сразу наткнулся на то, что искал. Над логотипом «Газетт» красовалась броская шапка:

НА ВКЛАДКЕ — СПЕЦИАЛЬНЫЙ
БИБЛИОТЕЧНЫЙ ВЫПУСК!

Сэм не мешкая отыскал вкладку. На первой полосе были помещены две фотографии. На одной он увидел здание библиотеки, а на второй — узнал Ричарда Прайса, которого прежде и в глаза не видел. Старший библиотекарь стоял за абонементным столом, немного нервно улыбаясь фотографу. Он выглядел точь-в-точь таким, как описала его Наоми Хиггинс — высокий и худой, в очках и с тонкими усиками. Лет сорока. Однако Сэма больше заинтересовал не сам Прайс, а вид читального зала. Он разглядел тот самый потолок, который поверг его в ужас при повторном посещении библиотеки. Значит, ее перестроили еще раньше. До апреля 1981 года.

Большинство материалов в точности соответствовали ожиданиям Сэма — он читал местную «Газетт» уже шесть лет и хорошо знал редакционный стиль. Восторженно-информативный.

Сэм остановился на заметке, которую написал сам Прайс. Она помещалась на последней полосе вкладки. И называлась так:

ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДЖАНКШЕН-СИТИ
Столетняя история

Однако надежды Сэма быстро развеялись. Арделия Лорц в заметке даже не упоминалась. Он уже потянул-

ся было к кнопке «Перемотка», но остановился. Взгляд его наткнулся на упоминание о реконструкции библиотеки. Оказывается, это случилось в 1970 году. И еще...

Сэм погрузился в чтение.

В конце Великой депрессии городской совет выделил 5 тысяч долларов на устранение последствий затопления библиотеки, случившегося во время весеннего паводка 1932 года. Тогда старшим библиотекарем стала миссис Фелисия Кульпеппер. Она с головой отдалась работе, видя перед собой лишь одну цель: обновленную библиотеку, которая должна служить нашему быстро растущему городу.

В 1951 году миссис Кульпеппер скончалась, а ее пост занял Кристофер Лейвин, первый в Джанкшен-Сити специалист-профессионал с библиотечным дипломом. Мистер Лейвин основал мемориальный фонд имени Кульпеппер, которому уже в течение первого года существования удалось собрать на приобретение книг 15 тысяч долларов. Это послужило мощным толчком к развитию нашей библиотеки.

В 1964 году, вскоре после того, как место старшего библиотекаря досталось мне, я поставил своей главной целью провести реконструкцию здания библиотеки. К концу 1969 года нам удалось собрать необходимые средства и приступить к перестройке, однако считаю своим долгом подчеркнуть, что нашим «книжным червям» и по сей день не посчастливилось бы работать в полностью обновленном здании библиотеки, если бы не самоотверженная помощь горожан, многие из которых безвозмездно трудились в течение месячника «Отстроим нашу библиотеку заново!» в августе 1970 года.

Кроме того, в 70-х и 80-х годах мы...

Сэм задумчиво нахмурился. Ему показалось, что в истории городской библиотеки, столь бережно пере-

данной Ричардом Прайсом, чего-то недоставало. Причем похоже, что Прайс намеренно утаил кое-какие сведения. Хро-но-ло-ги-чес-ки говоря, что-то в его повествовании не стыковалось.

В 1951 году место Фелисии Кульпеппер занял некий Кристофер Лейвин. В 1964 году старшим библиотекарем стал Ричард Прайс. Однако заменил ли он на этом посту именно Кристофера Лейвина? Сэм так не считал. Он был почти уверен: после Лейвина старшим библиотекарем стала Арделия Лорц. Именно ее сменил Прайс. А упоминания в заметке она не удостоилась по той причине, что натворила... нечто. Сэм не представлял, что именно, однако понимал: проступок, совершенный ею, был достаточно тяжким.

Убийство, подумал Сэм. *Она кого-то убила. Ничего более страшного...*

В этот миг на его плечо легла чья-то рука.

3

Заори Сэм во всю глотку, обладатель руки испугался бы ничуть не меньше, чем он сам, однако Сэм молчал; ужас парализовал его горло. Окружающий мир мгновенно сделался мертвенно-серым, а грудь сдавило, словно на нее наступил слон. Ноги обмякли, превратившись в желе. Если он снова не обмочился, то лишь по какой-то случайности.

— Сэм? — услышал он; голос доносился издалека: приблизительно из Канзаса. — Это вы?

Он круто развернулся, едва не свалившись со стула, и... увидел перед собой Наоми. Сэм попытался хоть что-то сказать, но из сжатого спазмами горла донеслось лишь глухое бульканье. Пол под его ногами покачнулся. Глаза заволокло серой пеленой.

Словно во сне, он увидел, как Наоми отшатнулась назад. Глаза ее испуганно расширились, ладонь взлетела ко рту. Она задела рукой стеллаж с такой силой,

что тот покачнулся. Несколько коробочек слетели на пол.

— Оми, — выдавил наконец Сэм.

Собственный голос показался ему комариным писком. Он вдруг припомнил, как еще в детстве, когда жил в Сент-Луисе, поймал бейсбольной шапочкой мышонка. Тот так же попискивал, бегая под шапкой в поисках спасительного выхода.

— Сэм, что случилось? — в ужасе спросила Наоми; казалось, она едва удерживается, чтобы не закричать. *Вот славная парочка,* подумал Сэм. *Оба перепугались, словно каких-то монстров вдруг увидали.*

— Что вы здесь делаете? — спросил он. — Вы меня чертовски напугали!

Ах, дьявольщина! — вихрем пронеслось в его мозгу. *Опять я при ней выражаюсь! И снова назвал ее Оми. Черт знает что!*

Почувствовав себя чуть увереннее, Сэм *хотел было* привстать, однако почти сразу же передумал. Не стоит рисковать. Сердце еще трепетало как сумасшедшее.

— Я заходила к вам в офис, — стала объяснять Наоми. — Кэмми Харрингтон сказала, что вы здесь. Я хотела перед вами извиниться. Видите ли, тогда мне показалось, что вы намеренно изводите Дейва. Но он поклялся, что это совсем не так, да и сама я, поразмыслив, пришла к выводу, что это совершенно на вас не похоже. Вы всегда были так добры...

— И на этом спасибо, — вставил Сэм.

— ...да и по телефону казались таким растерянным. Я спросила Дейва, в чем дело, но он мне ничего толком не сказал. Так что, кроме обрывков вашего разговора, я ничего больше не знаю. Если, конечно, не считать того, как Дейв тогда выглядел. Словно вдруг привидение встретил. — *Нет,* подумал Сэм, *это я встретил привидение. А сегодня утром и нечто еще. Куда страшнее.* — Сэм, я хотела вам кое-что сказать о Дейве. А заодно и о себе. Впрочем, про Дейва вы уже знаете, а вот я...

— Я догадываюсь, в чем дело, — промолвил Сэм. — Видите ли, Наоми, в записке я известил Дейва, что никого не видел, но это неправда. Я искал Дейва и случайно... увидел вас. Только поверьте Бога ради — это случайно вышло.

— Я верю вам, — кивнула Наоми. — Но... скажите, Сэм, что с вами стряслось? Ваши волосы...

— Что с ними? — резко спросил он.

Вместо ответа она порылась в сумочке и достала пудреницу.

— Сами взгляните.

Сэм посмотрелся в зеркальце, хотя уже точно знал, что увидит.

С половины девятого утра он стал седым как лунь.

4

— Я вижу, вы нашли своего друга, — обратилась Дорин Мак-Гил к Наоми, когда та вместе с Сэмом поднялась по лестнице; приложив палец к уголку рта, она снова заговорщически улыбнулась.

— Да.

— И вы не забыли расписаться в книге?

— Нет, — ответила Наоми. — Сэм, конечно, забыл, но я расписалась за нас обоих.

— И вернули микрофильмы на место?

На этот раз «да» ответил уже Сэм. Хотя абсолютно не помнил, поставил ли на место коробочку. Он мечтал об одном — как бы побыстрее сбежать отсюда.

Дорин казалась смущенной. Потирая нижнюю губу, она склонила голову набок и промолвила, глядя на Сэма:

— И все-таки на фотографии вы выглядели иначе. Только никак не могу взять в толк, что в вас изменилось.

Уже в дверях Наоми ответила ей:

— Он наконец перестал волосы красить.

На улице Сэма разобрал хохот. Настолько дикий и необузданный, что он согнулся в три погибели. Смех был истерический и визгливый, но Сэма это не заботило. Со смехом пришло облегчение. Очищение от скверны.

Наоми терпеливо стояла рядом, не обращая внимания ни на Сэма, ни на любопытные взгляды прохожих. Она даже поздоровалась с кем-то из знакомых. Сэм беспомощно приседал и хлопал себя по ляжкам, одновременно какой-то здравой частичкой мозга сознавая: *Она уже видела нечто похожее. Интересно — где?* Впрочем, мысль еще не успела окончательно сформироваться, как его осенило. Когда-то Наоми была алкоголичкой, да и потом часто имела дело с запойными пьяницами. Наверняка она и не такое видывала.

«Сейчас она залепит мне пощечину, — подумал он, покатываясь от смеха при мысли о том, как будет торчать в ванной перед зеркалом, втирая в шевелюру патентованную краску для волос. — Непременно — ведь именно так поступают с истериками».

Однако Наоми, судя по всему, так не считала. Она стояла рядом на солнышке и терпеливо дожидалась, пока Сэм овладеет собой. Наконец приступы безудержного хохота затихли, уступив место тихому поскуливанию. В боках у Сэма кололо, а по щекам катились слезы.

— Теперь вам лучше? — участливо спросила Наоми.

— О, Наоми... — начал было он, но тут же вновь покатился со смеху. — Да... Гораздо лучше. Небо и земля.

— Как я вас *понимаю,* — кивнула она. — Пойдемте... я отвезу вас.

— А куда... — Он громко икнул. — Куда мы едем?

— На Ангол-стрит, — отчеканила Наоми. — Меня очень тревожит Дейв. *Утром я там побывала, но его не застала. Боюсь, как бы он снова к бутылке не приложился.*

— А разве такое с ним случается редко? — спросил Сэм, ускоряя шаг, чтобы не отстать от нее.

Ветхий «датсун» Наоми был припаркован у тротуара рядом с его собственным автомобилем. Почти впритык.

Наоми оглянулась. Сэм прочитал в ее глазах и негодование, и сочувствие. Словно она хотела сказать: *Вы сами не понимаете, что плетете, но я вас не виню.*

— Дейв воздерживается уже почти целый год, да только здоровье его оставляет желать лучшего. Вы правы — запои у него бывали не раз, но очередного срыва он может не перенести.

— И случится это по моей вине, — серьезно констатировал Сэм.

Наоми взглянула на него, немного удивленная.

— Нет, — сказала она. — Ни по вашей, ни по чьей-либо еще... Однако в любом случае нельзя допустить, чтобы это случилось. Быстрее. Садитесь в машину. В дороге поговорим.

5

— И расскажите мне все-таки, что произошло, — попросила она, когда вывела «датсун» на шоссе. — Все без утайки. Дело ведь не только в вашей седине, Сэм. Вы постарели лет на десять.

— Чушь собачья! — фыркнул Сэм. — Скорее на двадцать. А чувствую я себя вообще на все сто.

— Так что же случилось? В чем дело?

Сэм уже собрался было ответить, но, сообразив, что может о нем подумать Наоми, лишь покачал головой.

— Нет, — сказал он, — пока рано. Сначала вы мне кое-что расскажите. Про Арделию Лорц. Я ведь не шутил вчера. И не валял дурака. Все очень серьезно, Наоми. Поэтому прошу вас, расскажите про нее все, что знаете.

Наоми притормозила, свернула к тротуару напротив старого гранитного здания пожарной охраны и пристально посмотрела на Сэма. Даже под слоем косметики было заметно, как побледнело ее лицо.

— Так это правда, Сэм? Вы и в самом деле серьезно?

— Да.

— Но, Сэм... — Она осеклась, словно не зная, как быть дальше, затем заговорила — почти ласково, словно с набедокурившим по незнанию ребенком. — Дело в том, что Арделии Лорц нет в живых, Сэм. Она умерла тридцать лет назад.

— Я знаю, что она умерла. То есть теперь знаю. Но меня интересует все остальное.

— Сэм, даже если вам показалось, что вы видели...

— *Я точно знаю,* кого я видел!

— Скажите, почему вы считаете...

— Сначала расскажите про нее, — угрюмо настаивал Сэм.

Наоми запустила двигатель, посмотрев в зеркальце заднего вида, она медленно отъехала от тротуара, затем начала:

— Известно мне *не так много.* Я была пятилетним ребенком, когда она умерла. Поэтому знаю про нее лишь понаслышке. Арделия Лорц посещала первую баптистскую церковь в Провербии, однако моя мать отказывается про нее говорить. Как и остальные старые прихожане. Можно подумать, будто этой женщины никогда не было.

Сэм кивнул.

— Именно такое впечатление сложилось и у меня после статьи мистера Прайса об истории нашей библиотеки. Той самой статьи, которую я читал, когда вы положили мне руку на плечо, напугав так, что я мигом постарел еще лет на двадцать. Да, тогда мне понятно, почему ваша мать рассердилась на меня в субботу вечером, стоило мне только упомянуть Арделию Лорц.

— Господи, вот, значит, вы зачем звонили! О, Сэм... теперь мама и слышать больше о вас не желает.

— По-моему, я и раньше не пользовался у нее особым успехом, но надеялся, что миссис Хигтинс хоть в последнее время подобрела.

Сэм горько усмехнулся, но тут же поморщился — мышцы живота болезненно ныли после приступа истерического хохота. Впрочем, еще час назад Сэм ни за какие коврижки не поверил бы, что способен смеяться. Когда бы то ни было.

— Продолжайте, Наоми, прошу вас.

— Почти все, что мне известно о Лорц, я почерпнула на наших «настоящих» встречах в «АА». Мы пьем кофе, а потом болтаем обо всем, что в голову взбредет.

— Давно вы связаны с «АА», Наоми? — Сэм посмотрел на нее с любопытством.

— Девять лет, — спокойно ответила она. — И уже шесть лет и капли в рот не беру. Увы, я всегда была алкоголичкой. Пьяницами ведь не становятся. Ими рождаются.

— Вот как, — смущенно пробормотал Сэм, но тут же спросил: — А она тоже была в «АА»? Арделия Лорц.

— Боже упаси! В Джанкшен-Сити она появилась году в пятьдесят шестом или в пятьдесят седьмом. Устроилась работать в библиотеку к мистеру Лейвину. Год или два спустя он внезапно умер — то ли от сердечного приступа, то ли от инсульта, кажется. После этого Лорц заняла его место. Судя по отзывам, обязанности свои она выполняла добросовестно, но вот что касается всего остального... — Наоми болезненно поморщилась.

— Что, что она сделала?

— Она убила двоих детей, а потом покончила с собой. Летом шестидесятого года. Детишек долго искали. Никому и в голову не пришло проверить библиотеку, ведь все знали, что в день их исчезновения она была закрыта. Их нашли только на следующий день, когда

библиотека должна была работать, но так и не открылась. В крыше там прорезаны слуховые окна...

— Я знаю.

— ...но теперь увидеть их можно только снаружи, потому что изнутри все здание перестроили. Потолки опустили, например. То ли чтобы тепло беречь, то ли еще для чего, не знаю. На этих окнах были здоровенные медные защелки; чтобы их открыть, приходилось дотягиваться шестом. Так вот, Лорц привязала к защелке веревку — должно быть, по раздвижной лестнице наверх залезла — и повесилась. Разумеется, уже после того, как умертвила несчастных детишек.

— Понимаю. — Голос Сэма был спокоен, но сердце судорожно колотилось. — А как... каким образом она их убила?

— Не знаю. Никто не рассказывал, а я не спрашивала. Думаю, их смерть была ужасна.

— Да. Наверное.

— Теперь расскажите, что случилось с вами.

— Сначала я хочу узнать, на месте ли Дейв.

— Я сама это проверю. — Наоми сразу нахохлилась. — Вам придется посидеть в машине. Я искренне сочувствую вам, Сэм, и прошу прощения за то, что вчера подумала о вас плохо. Но больше огорчать Дейва я вам не позволю. Даже не рассчитывайте.

— Наоми, но ведь он тоже связан с этим!

— Это невозможно, — отрезала Наоми тоном, не допускающим возражений.

— Черт побери, но ведь в этой проклятой истории все возможно! — взорвался Сэм.

Они уже были недалеко от Ангол-стрит. Впереди громыхал грузовик, направлявшийся, должно быть, в утиль; кузов его был доверху забит ящиками с бутылками и жестянками.

— Мне кажется, вы не поняли, что я вам сказала, — запальчиво произнесла Наоми. — Неудивительно — землянам трудно нас понять. Что ж, Сэм, тогда

я скажу это иначе. Все как есть. Так вот: если Дейв еще раз выпьет — он умрет. Теперь ясно?

И метнула на Сэма взгляд, полный ярости, испепеляющий. Настолько красноречивый, что Сэм при всей своей подавленности вдруг осознал нечто, глубоко его поразившее. Прежде он находил Наоми хорошенькой. Сейчас же впервые понял — перед ним по-настоящему красивая женщина.

— А кто такие «земляне»?

— Люди, которым не грозят пьянство, наркотики или даже «травка» и токсикомания, — процедила Наоми, словно нехотя. — Люди, которые могут позволить себе читать мораль и судить других.

Грузовик уже свернул на ухабистую проселочную дорогу, которая вела к возвышавшемуся неподалеку зданию утиля. Напротив дома, на проезжей части, Сэм заметил нечто странное. Но не машину. И в следующий миг догадался: это тележка Дейва.

— Остановите-ка на минутку, — попросил он.

Наоми послушно притормозила, но даже не повернулась к нему. Девушка смотрела прямо перед собой. Зубы ее сжались. Щеки покрылись румянцем.

— Вы его любите, — произнес Сэм, — и я рад за вас. А меня, Сара, вы могли бы полюбить? Хоть я и землянин.

— Я не давала вам права называть меня Сарой. Меня крестили под именем Наоми Сара Хиггинс. И они *могут* звать меня так — ведь они мне ближе, чем родственники. Узы, которые связывают нас, прочнее, чем узы крови. Вы же, Сэм... у вас такого права нет.

— Кто знает, — промолвил Сэм. — Возможно, я тоже стал одним из вас. У вас пьянство. У меня, землянина, — Библиотечная полиция.

— Сэм, я не понимаю... — Во взгляде Наоми читалось недоумение.

— Я тоже. Одно только точно знаю — мне нужна помощь. Отчаянно нужна. Я взял две книги в несуществующей библиотеке, а теперь и эти книги больше не

существуют. Я их потерял. Хотите знать, куда они в конечном итоге попали?

Наоми кивнула. Сэм указал налево, где двое мужчин вышли из кабины грузовика и начали его разгружать.

— Вон туда. На свалку. Их перемололи в макулатуру. Стерли в порошок. А после полуночи, Сара, Библиотечная полиция сотрет в порошок меня.

6

Сэму казалось, что он сидит в старенькой «датсуне» Наоми Сары Хиггинс целую вечность. Дважды уже его рука тянулась к дверце, но он сдерживал себя. Наоми все-таки смягчилась... пусть и немного: если Дейв захочет поговорить, она возражать не станет. В противном случае — ни о какой встрече и речи быть не может.

Наконец дверь открылась. Одной рукой Наоми поддерживала Дейва Данкена за талию, он подволакивал ноги. Сердце Сэма оборвалось. Однако когда они вышли на солнце, Сэм понял — старик вовсе не пьян. На мгновение вдруг совершенно необъяснимо почудилось, будто он снова смотрится в зеркальце пудреницы Наоми. Было видно, что с Дейвом неладно: казалось, его только что постиг тяжкий удар.

Сэм выбрался из «датсуна» и в нерешительности остановился.

— Поднимитесь сюда, — позвала Наоми; в голосе ее сквозили отчуждение и страх. — Я не уверена, что он может спуститься сам.

Сэм поднялся по ступенькам. Дейву Данкену было около шестидесяти лет. В субботу он выглядел на семьдесят, семьдесят пять. Должно быть, выпил, решил Сэм. Сейчас же, когда время близилось к полудню, Дейву можно было дать все сто. А то и двести. Сэм понимал — это из-за него. Бедняга Дейв не выдержал

 внезапного столкновения с давно забытым и похороненным прошлым.

Но ведь я не знал, подумал Сэм, хотя утешением это было слабым.

Лицо Дейва выглядело бы в точности как выцветший от времени пергамент, если бы не лиловые жилки, сеточками разбегавшиеся по носу и щекам. Опухшие глаза слезились. Губы приобрели синеватый оттенок, в уголках губ пузырилась слюна.

— Я пыталась отговорить, — предупредила Наоми. — Хотела отвезти его к доктору Мейдену, но Дейв сам настоял — он хочет с вами поговорить.

— Мистер Пиблс, — еле слышно пролепетал Дейв. — Вы уж извините, мистер Пиблс. Это все я виноват. Я не...

— Вы ни в чем не виноваты, — отрубил Сэм. — Давайте присядем.

Он помог Наоми подвести немощного Дейва к креслу-качалке и усадить. Сэм и Наоми сели по обеим сторонам от него на ветхих плетеных стульях с провисшими сиденьями. Некоторое время все сидели молча, созерцая железнодорожную насыпь и раскинувшуюся за ней пустошь.

— Значит, теперь она вашей крови хочет? — заговорил наконец Дейв. — Эта мерзавка из самого чрева ада.

— Она напустила на меня кое-кого другого, — ответил Сэм. — С одного из ваших плакатов. Это... Я понимаю, насколько дико звучит, но это — Библиотечный полицейский. Он приходил ко мне утром. Он... — Сэм показал на свои волосы. — Это все из-за него. И это тоже. — Он ткнул в место укола ножом на шее, где багровело пятнышко. — Библиотечный полицейский уверяет также, что у него есть сообщники.

Дейв долго молчал, глядя невидящим взором перед собой, туда, где в отдалении одиноко маячило заброшенное здание бывшего элеватора.

— Человек, которого вы видели, на самом деле не существует, — произнес он наконец. — Вообще никого из них в реальности нет. Кроме... этой стервы-дьяволицы.

— Дейв, вы можете рассказать про нее? — тихо спросила Наоми. — Если нет — скажите, мы поймем. Но если это принесет вам хоть какое-то облегчение, то расскажите. Хорошо?

— Милая Сара, — с чувством промолвил Дейв; взяв ее за руку, он улыбнулся. — Как я люблю вас... Я вам говорил когда-нибудь?

Наоми покачала головой, улыбнувшись ему в ответ. В глазах ее заблестели слезы, словно крапинки слюды.

— Нет, Дейв, не говорили. Но я... очень вам признательна.

— Я обязан все рассказать вам, — сказал он. — И дело вовсе не в каком-то облегчении. Этому нужно положить конец. Знаете, Сара, чем мне запомнилась наша первая встреча в «АА»? Тем, как они говорили, что в этой программе все построено на искренности и доверии. Что чистосердечно каяться во всем содеянном нужно не только перед Господом, но и перед людьми. И тогда я подумал: *Если все это и правда необходимо, чтобы начать трезвую жизнь, то мне тут ловить нечего. Меня засунут в самую мерзкую ночлежку, где я буду гнить бок о бок с последними отбросами рода человеческого. Ведь я никогда не смогу рассказать всего, что видел и испытал.*

— Все мы поначалу так думали, — мягко промолвила Наоми.

— Да, я знаю. Но немногим довелось перенести то, что выпало на мою долю. Впрочем, я старался. Делал все, что было в моих силах. Привел дом в порядок. Но вот об этом я никогда и никому не рассказывал. Даже Господу Богу. Отыскал в самом отдаленном уголке своего сердца каморку и запер ее дверь навсегда.

Сэм увидел, как по морщинкам, избороздившим лицо Дейва, катятся слезинки.

— Да, запер. И ключ выбросил. А потом заколотил дверь досками. А поверх досок приладил стальной щит, который накрепко привернул гайками. И еще забаррикадировал вход тяжеленным шкафом. И даже потом еще разок вернулся, чтобы навалить на шкаф кучу кирпичей. С тех пор вот уже много лет я твержу себе, что с Арделией покончено, что я выбросил эту мерзость из головы. Ее и все то, что она со мной сотворила. Чего я только не принимал, чтобы у меня память отшибло, — все без толку! А с тех пор, как в «АА» вступил, меня постоянно тянуло заглянуть в эту каморку. Словно магнитом. У магнита этого даже имя есть — Арделия Лорц. Потом меня по ночам кошмары стали донимать. Все время плакаты снились, что для нее рисовал, — те самые, которые так детишек стращали... Впрочем, бывали сны и пострашнее. С другими кошмарами их и сравнить было нельзя.

Голос его предательски дрогнул.

— Может, вам лучше передохнуть? — предложил Сэм, вдруг поняв, что, как бы ни хотел выслушать признание, какая-то часть его естества бурно восставала против этого: боялась до паники.

— Нет, отдыхать мне некогда, — отмахнулся Дейв. — Врачи говорят, что у меня диабет, поджелудочная ни к черту, да и от печени мало что осталось. Скоро я уже на вечный отдых устроюсь. Не знаю только — в раю или в аду. Лишь в одном точно уверен: хмельного зелья там не продают. И слава Богу. Словом, отдыхать некогда. Если я когда и расскажу об этом, так только сейчас. — Он осторожно посмотрел на Сэма. — Вы уже поняли, что попали в беду, да?

Сэм кивнул.

— Но еще не осознаете всей серьезности своего положения. Вот почему я должен обо всем рассказать. Мне кажется, что порой... Арделия на какое-то время затаивается. Вот и на этот раз все повторилось: она

долго пряталась, а потом — выбрала вас, мистер Пиблс. Еще и поэтому я должен выложить все начистоту. Не могу, правда, сказать, чтобы это мне улыбалось. Вчера после ухода Наоми я купил в лавке бутылку дрянного вина. Уединился на старом дворе, посреди всякого мусора, где раньше столько раз сидел. Откупорил бутылку, и знаете, чем пахнет эта бурда? Мне всегда казалось, что так воняют обои в дешевой гостинице, где клопы кишат. Или сточная канава. И все-таки запах этот всегда привлекал меня. Как вечный сон...

Так вот, держу я бутылку перед носом, принюхиваюсь и слышу голос этой стервы из запертой каморки. Запертой и наглухо заколоченной. Голос как у заживо похороненной. Он и сейчас как живой у меня в ухе звучит: «Правильно, Дейв, молодец, это единственный выход для тебя и для всех таких, как ты. Выпей — и никаких забот больше знать не будешь. До самого конца».

Я уж хотел было глотнуть, как вдруг в самый последний миг учуял запах... *Ее* запах. И сразу вспомнил ее мертвое лицо, испещренное тонкими ниточками... перекошенный рот... И отшвырнул бутылку. А потом и вовсе разбил о кусок рельса. Ведь надо же наконец покончить с этой дрянью! Очистить наш город от этой падали!

Надтреснутый голос Дейва патетически возвысился, и он прокричал:

— *Хватит! Пора покончить с этим дерьмом!*

Наоми прикоснулась к его руке. В глазах ее застыл испуг.

— Что у нас происходит, Дейв? В чем дело?

— Сперва я хочу сам убедиться, — сказал Дейв. — Расскажите про вашу беду, мистер Пиблс. Обо всем по порядку. Но только ничего не утаивайте.

— Хорошо, — согласился Сэм. — Но при одном условии. Пообещайте звать меня Сэмом... А я, в свою очередь, никогда больше не назову вас Грязнулей Дейвом.

Рот Дейва растянулся до ушей.

— Хорошо, Сэм. Считайте, что договорились.

— Вот и прекрасно. — Сэм глубоко вздохнул. — А началось все, Дейв, с этого чертова акробата...

7

Рассказ занял больше времени, чем он ожидал; зато потом, выложив все как на духу, Сэм испытал несказанное облегчение. Он рассказал про Невероятного Джо, про просьбу Крейга Джонса и про совет Наоми. Рассказал, как выглядела библиотека и как он познакомился с Арделией Лорц. По мере того как он говорил, глаза Наоми становились шире и шире. Когда Сэм описал плакат с Красной Шапочкой, Дейв кивнул и объяснил:

— Это единственный, который не я нарисовал. Арделия его с собой привезла. Наверняка она *до сих пор* этот плакат при себе держит. Мои работы ей нравились, но этот пользовался особой любовью.

— Почему? — спросил Сэм.

Но Дейв только покачал головой и попросил, чтобы он продолжил. Сэм рассказал им про формуляр, про взятые книги, а также про неприятный спор из-за плакатов, вспыхнувший у него с Арделией Лорц.

— Вот оно что, — глухо произнес Дейв. — Тогда все ясно. Я ведь эту поганку знаю. Вы вывели ее из себя, Сэм. Это как пить дать. Вы ее разозлили... и теперь она собирается вас проучить.

Сэм сбивчиво и торопливо пересказал все остальное, но когда добрался до визита Библиотечного полицейского в мрачном сером френче, голос его дрогнул. Сэм едва не плакал; руки снова охватила мелкая дрожь.

— Не принесете водички? — спросил он Наоми внезапно охрипшим голосом.

— Да, конечно.

Наоми отошла на пару шагов, но неожиданно вернулась и поцеловала Сэма в щеку. Прежде чем уйти за водой, прошептала ему на ухо три благословенных слова:

— Я верю вам.

8

Сэм поднес стакан ко рту — двумя руками, чтобы не расплескать, — и залпом осушил его наполовину. Затем спросил:

— А вы, Дейв? Вы мне верите?

— Да, — кивнул тот.

Вид у Дейва был рассеянный, словно он думал о чем-то своем. Сэм понял, что старика его рассказ не удивил. Уж он-то знал эту загадочную Арделию Лорц не понаслышке, и выражение лица его, опустошенного, недвусмысленно свидетельствовало: отношения их были не самыми тесными и дружескими.

Дейв некоторое время сидел молча, но щеки его чуть порозовели. Он смотрел прямо перед собой, туда, где за железной дорогой расстилались бескрайние поля. Месяца через полтора там буйно зазеленеет кукуруза, но сейчас поля выглядели безжизненными и голыми. Дейв проводил взглядом тень облака, похожего на гигантскую хищную птицу, которое медленно скользило по пустырю. Наконец собрался с духом и твердо заявил:

— У моего Библиотечного полицейского — того, что я нарисовал по просьбе Лорц, — никакого шрама на лице не было.

Сэм вспомнил узкое бледное лицо незнакомца, так напугавшего его. Да, шрам у него, безусловно, был — длинный и тонкий; по всему лицу тянулся, от щеки через переносицу.

— И что из того? — спросил он. — Что это может означать?

— Лично для меня — ничего, а вот для вас, мистер... Сэм, может, что-то и означает. Бляху его я знаю... с многоконечной звездой, как вы сказали. Я отыскал ее в одной книге по геральдике, у нас в Джанкшен-Сити, в городской библиотеке. Это Мальтийский крест. Христианские рыцари нашивали его на грудь, отправляясь в крестовый поход. Эти кресты наделялись магической силой. Меня так пленила необычная форма, что я изобразил такой крест на плакате. Но... шрам? Нет. У *моего* Библиотечного полицейского шрама не было. Кто же тогда *ваш* полицейский? Кто к вам приходил, Сэм?

— Я не... Я вас не понимаю, — медленно произнес Сэм, но тут же снова услышал зловещий голос: *Пойдем с-со мной, с-сынок... Я полит-сейский.*

И снова почувствовал знакомый привкус во рту. Сладковато-приторный привкус солодки. К горлу подступила тошнота. Чушь какая-то! Он ведь в жизни эту дурацкую солодку не пробовал. На дух ее не выносил.

Откуда ты это знаешь, если и правда никогда ее не пробовал?

— Нет, я вас не понимаю, — неуверенно повторил он.

— Все-таки с вами явно творится что-то *неладное,* Сэм, — промолвила Наоми. — Вы выглядите так, будто вас ударили под дых.

Сэм метнул на нее раздраженный взгляд. Наоми спокойно посмотрела на него, и Сэм почувствовал, что сердце опять колотится как безумное и грозится выскочить из груди.

— Ладно, оставим пока это, — произнес Дейв. — Хотя откладывать надолго не будем. Вы, Сэм, просто не можете позволить себе такой роскоши. Если хотите выбраться из этой передряги, конечно. Позвольте, теперь я поведаю вам свою историю. Никогда еще об этом не рассказывал, да и не расскажу больше. Но теперь — пора...

Глава 11
РАССКАЗ ДЕЙВА

1

— Меня не всегда называли Грязнулей Дейвом, — начал он. — В начале пятидесятых я был просто Дейвом Данкеном, всеобщим любимцем и баловнем судьбы, посещал тот самый «Ротари-клуб», в котором выступали вы, Сэм. А почему бы и нет? У меня было собственное дело, приносившее весьма приличный доход. Я расписывал вывески, и мои услуги были нарасхват. В Джанкшен-Сити и в Провербии, а порой и в Сидар-Рапидс. Как-то раз мне даже пришлось нарисовать огромную рекламу сигарет «Лаки Страйк» на бейсбольном стадионе в Омахе. Да, я был модным мастером по этой части. Меня считали лучшим рисовальщиком рекламы на всем Среднем Западе. И не без оснований.

Но, оставаясь здесь, я не переставал мечтать о серьезном искусстве, которое меня всегда притягивало. Профессионального образования я так и не получил — меня вышибли, — правда, это не обескураживало; я знал немало примеров, когда талантливые самоучки пробивались на самый верх.

Вполне возможно, что и мне это удалось бы. Я даже продал несколько картин — немного, ведь я не был обременен семьей, да и вывески приносили мне кучу денег. К тому же, как и большинство художников, почти все эскизы я сохранял для персональных выставок. Я не раз выставлялся. Здесь, в нашем городке, в Сидар-Рапидс, да и в самом Де-Мойне. Про эту выставку даже поместили отдельную статейку в «Демократе». Расписали меня как второе пришествие Джеймса Уистлера*.

---

* Уистлер Джеймс Эббот (1834—1903) — знаменитый американский живописец.

Дейв приумолк, словно раздумывая, что сказать дальше. Затем приподнял голову и снова уставился на пустынные поля за железной дорогой.

— В «АА» любят рассуждать о людях, которые стоят одной ногой в прошлом, а другой в будущем, начисто забывая о настоящем. Однако порой и правда хочется поразмышлять о том, как сложилась бы твоя жизнь, поступи ты в свое время немного иначе. — Дейв виновато посмотрел на Наоми, которая улыбнулась в ответ и легонько пожала его руку. — Ведь я и в самом деле был тогда на коне и мог достичь любых высот. Однако уже в те годы здорово поддавал. Я не придавал этому никакого значения — ведь я был молод, полон сил, да и уповал на то, что все великие художники черпают вдохновение в вине. Так я считал по крайней мере. И все равно, даже несмотря на это, я мог бы добиться успеха, если бы... не Арделия Лорц, приехавшая тогда в Джанкшен-Сити.

И со мной было покончено.

Я узнал ее по вашему описанию, Сэм, хотя в те годы она выглядела иначе. Вы просто сами ожидали увидеть библиотекаршу такой, а Лорц это вполне устраивало. Когда же она впервые появилась в Джанкшен-Сити — это было в 1957 году, — то была пепельной блондинкой с точеной фигуркой и сногсшибательными формами. Я тогда жил в Провербии и посещал баптистскую церковь. Не могу сказать, чтобы отличался особой набожностью, но в церкви всегда можно было встретить красивых женщин. Одной из них была ваша мать, Сара.

Наоми рассмеялась; тем особым смехом, которым женщины умеют демонстрировать свое недоверие.

— Арделия сразу стала для всех своей в доску. Сейчас-то, когда прихожане ее вспоминают — если, конечно, такое случается, — они наверняка утверждают что-то вроде: «Я сразу поняла: с этой Лорц что-то *неладное*» или «Я ее мигом раскусила», но тогда все было иначе, вы уж поверьте мне. Все вились вокруг нее —

и женщины наравне с мужчинами, — как пчелы вокруг первого весеннего цветка. Не прожив в городе и месяца, она устроилась помогать мистеру Лейвину, но еще за пару недель до этого уже преподавала детишкам из воскресной школы в Провербии.

Не знаю уж, *чему* именно она их учила, но готов биться об заклад на последний доллар — не Евангелию от Матфея. Малыши были от нее без ума...

Так вот, случилось так, что она привлекла мое внимание... да и я ей приглянулся. Сейчас вы, конечно, не поверите, но в те дни я был хорош собой. Крепкий и загорелый от постоянной работы на свежем воздухе, с соломенной шевелюрой и талией, которой, Сара, даже вы позавидовали бы.

Арделия арендовала загородный домик в полутора милях от церкви; небольшой такой курятничек на отшибе. В нем давно никто не жил, и домишко так нуждался в покраске, как одинокий путник среди песков — в стакане воды. Как-то раз — уже сентябрь в разгаре был — я увидел Арделию в церкви и предложил покрасить стены ее обители.

В жизни больше не встречал таких огромных глаз, как у нее. Должно быть, большинству людей они показались бы серыми, но стоило Арделии только посмотреть на вас в упор, и вы бы голову на отсечение дали, что они серебристые. А именно так она на меня в тот день и посмотрела. И запах от нее исходил какой-то удивительный. Неземной. Никогда с тех пор я его больше не улавливал. Нечто вроде лаванды, но не совсем лаванда. Почему-то мне всегда казалось, что именно так благоухают неведомые маленькие белые цветы, распускающиеся только после захода солнца.

Словом, она покорила меня с первого взгляда, сразила наповал.

Мы стояли совсем близко — наши тела почти соприкасались. На Арделии было бесформенное черное платье — в таких часто ходят старухи — и шляпка с ву-

алью; в руках она сжимала сумочку. Настоящая набожная пуританка. Да вот только в глазах ее ничего пуританского не было. Как раз напротив, сэр.

«Надеюсь, вы не собираетесь расписать стены моего домика рекламой табака?» — спросила она.

«Нет, мэм, — ответил я. — Я хочу только выбелить его как следует. Пару раз. Прежде я таким делом не занимался, но вам, поскольку вы у нас новенькая, готов сделать исключение. По-соседски, так сказать...»

«Это приятно», — сказала Арделия и прикоснулась к моему плечу.

Дейв кинул извиняющийся взгляд на Наоми.

— Может, не стоит вам дальше слушать, Сара? Сейчас самая пакость начнется. Ужасно стыдно, поверьте, но мне надо душу излить. Очиститься от всего, что мы сотворили с этой гадиной.

Наоми погладила его ссохшуюся, морщинистую руку.

— Говорите, Дейв. Не обращайте на меня внимания.

Он глубоко вздохнул и продолжил:

— Едва она ко мне притронулась, я понял: или эта женщина станет моей, или я погибну. Представляете — а ведь она только прикоснулась ко мне. Один-единственный раз! И Арделия тоже поняла, что со мной творится. Я прочел это в ее глазах. Ох и хитрющие же были эти глаза! И недобрые. Но возбуждали они меня неимоверно.

«Да, Дейв, — сказала она, — это будет *вполне* по-соседски. Я и сама хочу стать вам *очень* хорошей соседкой».

Я проводил ее до дома. Бросив всех своих приятелей у дверей церкви. Уж как они меня чихвостили! А ведь даже не представляли, насколько им повезло. Всем, кроме меня.

Мой «форд» стоял в мастерской, а у Арделии машины не было, так что нам пришлось идти пешком. Я был не против, да и Арделия не возражала. Мы от-

правились по Трумэн-роуд, которая в те дни
была обыкновенным проселком, и преодолели почти половину пути, когда Арделия остановилась. Представляете нас вдвоем в разгар теплого дня посреди пустынной проселочной дороги? По одну сторону кукурузное поле Сэма Ордэя площадью в добрый миллион акров, а по другую — бескрайние кукурузные плантации Билла Хампа. Кукуруза выше наших голов и таинственно шелестит, хотя ветра нет. Мой дедушка, бывало, говаривал, что этот шелест — звук растущих побегов. Не знаю, правда это или нет, но впечатление завораживающее, скажу я вам.

«Взгляните! — вдруг говорит Арделия, указывая направо. — Видите это чудо?»

Я посмотрел, но увидел только кукурузу. Так и сказал Арделии.

«Сейчас я вам покажу!» — заявляет она и устремляется в самые заросли. Прямо как была, в черном платье и туфлях на каблуках. Даже шляпку с вуалью не сняла. Я чуть постоял, несколько ошеломленный. Потом услышал ее смех. Она забралась в кукурузу и там смеялась. И я очертя голову кинулся следом за ней. Посмотреть, что она там нашла, но главным образом — из-за ее смеха. Даже не представляете, что я в тот миг ощущал!

Вдруг увидел ее перед собой между двумя рядами кукурузы. Я устремился к Арделии, но она со смехом растворилась и возникла уже в следующем ряду, справа от меня. Я тоже смеялся, гоняясь за ней и бесцеремонно топча посадки Сэма Ордэя. Впрочем, он вряд ли хватился бы такой малости. Так вот, всякий раз как я, весь облепленный свежей зеленью, достигал места, где видел Арделию мгновением раньше, ее уже и след простывал.

Мне стало не до смеха.

Мы играли в прятки около получаса, а мне все не удавалось до нее добраться. Я только распалялся все больше и больше. Вот она впереди, прямо передо

мной, а в следующий миг — уже *позади,* за моей спиной. Порой я замечал ее ногу или руку, да и следы в мягкой земле она, конечно, оставляла, но толку от них не было, потому что они виднелись уже повсюду.

Я начал беситься — моя лучшая рубашка взмокла от пота, галстук развязался, а ботинки покрылись грязью, — но тут Арделия снова мелькнула передо мной. Смеющаяся, с развевающейся вуалью.

«Догоните же меня, Дейв!» — звонко выкрикнула она.

Я только успел ее шляпку схватить, как бесовка опять исчезла. Лишь высокие кукурузные побеги колыхались в том месте, где она была секунду назад. Да, и еще обе ее туфельки там остались, прямо на земле. Я ринулся за ней и вдруг остолбенел — с одного из початков прямо перед моим носом свешивался ее шелковый чулок. А серебристый смех все звенел у меня в ушах не смолкая.

Я сорвал галстук и помчался за ней, не чуя под собой ног и высунув язык, как безмозглый пес, который не понимает, что в такой жаркий день лучше спокойно поваляться в тенечке. И знаете что — я повсюду оставлял за собой сломанную кукурузу, увечил ее и затаптывал. А вот она ни одного даже не повредила. Побеги лишь колыхались, как от легкого летнего бриза.

Скоро я нашел ее платье, затем комбинацию и пояс для чулок. Потом — лифчик и трусики. Смех ее затих. Слышался лишь слабый шелест кукурузы. Я беспомощно стоял и дышал как паровоз, прижимая к груди ее одежду. Вся она пропиталась ароматом Арделии, и этот запах кружил мне голову, сводил с ума.

«Где вы?» — заорал я, но мне никто не ответил.

Я уже совсем потерял голову — а она только этого и добивалась.

«Где ты, черт тебя дери?» — завопил я, вконец обезумев.

И в тот же миг ее белоснежная рука вынырнула из-за зеленого побега и погладила меня по шее. Я так и подскочил.

«Я ждала тебя, — сказала Арделия. — Почему ты так долго не шел? Разве ты не хочешь на меня посмотреть?»

Она схватила меня за руку и увлекла в кукурузу... И я ее увидел. Прекрасную и абсолютно голую, с ногами по щиколотку в грязи и с глазищами... серебристыми, как дождь в туманный день.

2

Дейв отпил воды, еще и еще, затем продолжил, закрыв глаза:

— Нет, в тот день мы не предались любви посреди кукурузного поля — за все время, что я ее знал, мы вообще ни разу не предавались любви. Но мы *всем этим* занимались. Я познал Арделию всеми мыслимыми способами, какие только существуют в отношениях между мужчиной и женщиной. Более того, я познал ее так, как вам показалось бы невозможным. Многое я, конечно, забыл, но прекрасно помню ее белоснежное тело и длинные ноги, помню, как ее пальцы нащупывали и стискивали зеленые побеги у самого основания, как она царапала ногтями мои шею и спину.

Это продолжалось до бесконечности. Не представляю, сколько раз познал ее в тот день, но усталости я не знал. Когда мы начали, я был так возбужден, что мог изнасиловать даже статую Свободы; когда мы закончили, я ощущал то же самое! Я не мог ею насытиться. Ни тогда, ни когда-либо впредь. Арделия это прекрасно понимала.

И все же настала минута, когда мы остановились. Она закинула руки за голову, повела белоснежными плечами — лежа на спине прямо в грязи, — посмотре-

ла на меня своими удивительными глазищами и спросила:

«Ну как, Дейв? Гожусь я в соседки?»

Я сказал, что хочу ее снова, но Арделия только рассмеялась и ответила, мол, требую слишком многого. Я все равно попытался на нее взгромоздиться, но Арделия оттолкнула меня с такой легкостью, с какой сука отпихивает щенка, не желая больше кормить его. Однако я не унимался, и тогда Арделия вцепилась мне в физиономию, расцарапав ее. Это привело меня в чувство. Она была ловка, как тигрица, но раза в два сильнее. Убедившись, что я все понял, Арделия оделась и вывела меня на дорогу. Я плелся за ней покорно, как ягненок.

Мы прошли пешком до самого ее дома. По дороге не встретили ни души. И слава Богу, ведь выглядел я хуже пугала — весь в грязи, рубашка торчит наружу, галстук в кармане скомкан, а рожа расцарапана. Арделия же, напротив, чистенькая, свеженькая и искрящаяся, как вода в роднике. Прическа аккуратная, волосок к волоску, туфельки начищены, на платье ни пылинки.

Мы пришли, и я начал осматривать дом, прикидывая, сколько на него уйдет краски, когда Арделия вынесла какое-то питье в высоком стакане. С соломинкой и мятным листочком. Я поначалу подумал, что это охлажденный чай, и попробовал. Оказалось — чистейшее виски.

«Ах ты черт!» — выдавил я, чуть не подавившись.

«Не хочешь? — удивленно спросила она, насмешливо улыбаясь. — Могу предложить взамен холодного кофе».

«Нет, хочу», — пробормотал я.

Но я не просто хотел выпить — я ощущал самую настоящую потребность. До тех пор я пытался не пить днем; по-моему, именно это приводит к алкоголизму. Так вот, именно тогда я и сломался. И, сколько мы были с ней знакомы, я пил днем постоянно, каждый

день. Последние два с половиной года президентства Айка* я не вылезал из запоя.

Пока красил ее дом — и вообще делал все то, что она мне позволяла, — Арделия устроилась работать в библиотеку. Мистер Лейвин без испытательного срока поручил ей детскую библиотеку. Я проводил там каждую свободную минуту — а их у меня было предостаточно. Видя недоумение мистера Лейвина, я пообещал ему бесплатно выкрасить изнутри все читальные залы, и он больше ко мне не приставал. Это Арделия мне посоветовала — и оказалась права, как всегда.

Я плохо помню то время, так как был целиком во власти чар этой женщины. Вернее — совсем и не женщины. Да, это так — она меня приворожила, заколдовала. Поэтому воспоминания о том времени у меня отрывочные и хаотические. Словно узоры в калейдоскопе. Помню, что за месяц до смерти мистера Лейвина она прикрепила к дверям детской читальни плакат с изображением Красной Шапочки, а затем, взяв за руку, подвела к нему какого-то мальчугана.

«Видишь эту маленькую девочку? — спросила у него Арделия. — А знаешь, почему Волк ее съел?»

«Нет», — пролепетал малыш, глаза его были полны слез.

«Потому что она вовремя не сдала библиотечную книжку, — сказала Арделия. — Ты ведь, Уилли, так не поступишь, не правда ли?»

«Нет, никогда», — пообещал мальчик.

«Смотри мне», — сказала она, а затем отвела за руку и усадила за стол.

Малыш — его звали Уилли Клеммарт, и он потом погиб во Вьетнаме — все озирался через плечо, глядя на меня. А я стоял на раздвижной лестнице с кистью в руках и читал по его глазенкам, как по газете. Спасите меня, мистер Данкен, молили они. Заберите меня! Но что я мог сделать? Я и себя-то не мог спасти.

---

* Прозвище Дуайта Эйзенхауэра, 34-го президента США (1953–1961).

Дейв полез в задний карман, извлек из его глубин смятый, но чистый носовой платок и шумно высморкался.

— Поначалу мистер Лейвин боготворил Арделию, души в ней не чаял, но затем мнение свое начал потихоньку менять. Всего за неделю до его кончины они вдрызг разругались из-за этого самого плаката с Красной Шапочкой. Мистер Лейвин его просто на дух не переносил. Возможно, и не знал всего, что творилось в детской читальне, но и слепцом не был: замечал ведь, как взирали детишки на этот плакат. Кончилось тем, что он приказал Арделии снять плакат. Тогда-то спор и вспыхнул. Я был под самым потолком, где слышимость неважная, но все равно до меня донеслось предостаточно. Мистер Лейвин упрекал Арделию, что она запугивает ребятишек, а она уверяла, что, дескать, только напугав можно обуздать «этих несносных проказников». Чего она только не наговорила! Но мистер Лейвин стоял на своем, и в конце концов ей пришлось уступить.

В тот вечер Арделия металась по дому, как разъяренная тигрица, которую дети целый день тыкали сквозь прутья клетки острыми палками. Она, в чем мать родила, мерила спальню длинными шагами, а я валялся на постели, пьяный в стельку. Помню только, что, когда она посмотрела на меня, глазищи ее были уже не серебристыми, а кроваво-красными, словно в голове вспыхнул пожар, да и рот выглядел как-то странно, будто пытался отделиться от лица. Так, во всяком случае, мне показалось. Меня тогда такой мороз по коже продрал, что я мигом почти протрезвел. Никогда не видел ничего подобного. И не хотел бы увидеть вновь.

«Я ему отплачу, — процедила Арделия. — Он у меня поплатится, Дейви. Жирная скотина. Увидишь, что я с ним сделаю!»

Я уговаривал ее не делать глупостей, уверял, что она сама потом пожалеет, — словом, нес всякую ахи-

нею. Некоторое время Арделия меня слушала, а затем вдруг с быстротой молнии метнулась ко мне и оседлала. С горящими глазищами, перекошенным ртом. Жуткое зрелище. Я испугался, что она с меня живого кожу сдерет. Но этого не случилось. Арделия прижалась ко мне и пристально всмотрелась в глаза. Не знаю, может, прочитала в них, насколько я напуган, но увиденное ей так понравилось, что она запрокинула голову назад — ее волосы стали щекотать мои бедра — и расхохоталась.

«Хватит болтать, дурачок, — сказала она. — Засади-ка лучше мне. Больше ты все равно ни на что не годен».

Я послушался. Ведь, кроме самого бесстыдного блуда да пьянства, я уже и в самом деле *ни на что* больше не годился. В конце 1958-го или в начале 1959 года у меня отобрали лицензию, да и отклики на мою работу все чаще были просто уничтожающие. Но мне было на все наплевать — в моих мыслях безраздельно царила Арделия. По городу ползли слухи, что Дейв Данкен спился, что ему нельзя больше доверять... но *причиной* моего падения всякий раз называли только мое безудержное пьянство. О наших отношениях с Арделией никто не догадывался. Она была дьявольски хитра. От моей репутации не осталось камня на камне, Арделия же всегда выходила сухой из воды. Чистенькой, как девственница перед алтарем.

Мне казалось, правда, что мистер Лейвин что-то подозревает. Поначалу он, видимо, искренне полагал, что я просто влюбился в Арделию и тайком сохну по ней, но потом явно что-то заподозрил. Вскоре мистер Лейвин умер. Утверждали, что от инфаркта, но я знал истинную причину... Как-то раз мы с Арделией предавались любви прямо в гамаке на задней террасе ее дома, причем на сей раз уже *она* никак не могла насытиться моими ласками. Она терзала меня, пока я не возопил благим матом. Потом свернулась калачиком рядом, довольная, как кошка, слопавшая миску сме-

таны; в глазищах опять огонь замерцал. Вы, конечно, не поверите, но отблеск этого огня я на своей голой руке увидел. Так оно все и было, *это* не плод моего разыгравшегося воображения. И я ощущал жар того пламени. Словно рядом с только что угасшим камином сидел.

«Я же обещала тебе, Дейви, что он свое получит», — вдруг сказала Арделия.

Сознание мое было помутнено от пьянства, да и от упражнений наших я был еле жив, поэтому тогда я и не уразумел толком, что она имела в виду. Мне вообще казалось, будто я засыпаю в яме с зыбучим песком.

«Что ты с ним сделала?» — пробормотал я сквозь сон.

«Обняла его. Особым образом, как только я умею. Ты этого не знаешь, Дейви, и, если тебе повезет, никогда не узнаешь. Так вот, я заманила его в книгохранилище, заключила в объятия и показала, какова я на самом деле. И он расплакался. Так перетрусил, что душа в пятки ушла. Расплакался навзрыд, а я обнимала его и слизывала слезинки. Особенные слезинки. — Она так и сказала — «особенные». — Когда слизала последнюю, у него сердце остановилось».

И тут вдруг ее лицо... *изменилось*. Исказилось и поплыло, точно под водой оказалось. И я увидел нечто...

Дейв замолчал, глядя перед собой невидящим взором. Его руки стиснули деревянные перила. Пальцы нервно сжимались и разжимались.

— Не помню, — сказал он. — Или *не хочу* вспоминать. Кроме двух деталей. Глаза у нее красные были и без ресниц, а вокруг рта пузырились толстые складки... но только не кожи, а плоти. Жуткое зрелище. Потом эта плоть стала растягиваться. Кажется, я завопил от ужаса. И тут же мерзкое видение исчезло. Рядом со мной лежала прежняя Арделия, голая и прекрасная — этакая мурлыкающая кошечка.

«Не бойся, Дейви, — сказала она. — Тебе ничто не грозит. Пока ты будешь меня слушаться, разуме-

ется. Пока останешься пай-мальчиком. Сегодня я счастлива, ведь избавилась наконец от этого старого болвана. Теперь меня назначат на его место, и я уж организую работу библиотеки, как сочту нужным».

«Господи, помоги нам», — подумал тогда я, но промолчал. Вы на моем месте тоже предпочли бы держать язык за зубами. Ведь еще минуту назад рядом с вами лежало чудовище с полыхающими глазами, без век; причем так далеко от города, что даже ори вы во все горло, вас бы никто не услышал.

Потом она пошла в дом и вскоре вернулась с двумя стаканами виски. Я напрочь отрубился и больше ничего о том дне не помню.

Библиотеку она не открывала целую неделю... «дань памяти мистера Лейвина», по ее словам, а потом, когда открытие наконец состоялось, на дверях детской читальни вновь красовался плакат с Красной Шапочкой. Еще неделю спустя она попросила меня нарисовать серию новых плакатов.

Дейв помолчал, затем продолжил, почти шепотом:

— Даже сейчас все во мне восстает против этого рассказа. Против всей правды. Я предпочел бы сказать, как сопротивлялся Арделии, боролся с ней, настаивал, что не хочу запугивать бедных детишек... но это было бы враньем. Нет, я все делал, как она мне говорила. Перед Богом грешил. В какой-то степени — из страха перед ней, но главным образом — из раболепного поклонения. Ведь я все еще был на ней помешан. Какая-то низменная часть моей натуры — это, должно быть, свойственно многим из нас — преклонялась перед Арделией. Ее замысел мне нравился. Да-да, нравился.

Вас, конечно, интересует, что именно я делал по ее наущению, но вот всего этого поведать я и не могу. По той простой причине, что не помню. Все в моей памяти перемешалось, как сломанные игрушки в мешках Армии спасения.

Нет, я никого не убивал. Уж в этом-то я твердо уверен. Она пыталась меня заставить... и я почти уступил... но в конце концов все-таки сумел устоять. Только благодаря этому я и выжил, оставаясь наедине со своей совестью. Арделия отобрала у меня душу — лучшую и большую ее часть, — но все-таки не всю.

Дейв задумчиво посмотрел на Наоми, затем перевел взгляд на Сэма. И показалось, что Дейв уже заметно успокоился; возможно, несчастному даже полегчало.

— Помню, как-то осенью 1959 года — да, кажется, это было именно тогда, — она потребовала, чтобы я нарисовал новый плакат для детской читальни. Объяснила свою задумку, и я согласился. Никакого тайного умысла не увидел. Мне даже показалось, что будет забавно. А хотела она, чтобы я изобразил мальчишку, расплющенного паровым катком прямо на улице. И подпись придумала: ПОСПЕШНОСТЬ ДО ДОБРА НЕ ДОВОДИТ! ВРЕМЕНИ, ЧТОБЫ СДАТЬ КНИГИ В БИБЛИОТЕКУ, У ВАС ПРЕДОСТАТОЧНО.

Сам не знаю, что я нашел в этом смешного. Но охотно согласился. Арделия радовалась как ребенок. Тут же, прямо у нее в кабинете, я и нарисовал плакат. Буквально за несколько минут, ведь я считал, что это просто карикатура... И был уверен, что Арделии мое творение понравится, но не тут-то было. Она насупилась и поджала губы, так что рот почти исчез. Я изобразил карикатурного мальчишку со щелочками вместо глаз, а еще шутки ради пририсовал к губам водителя катка воздушный шар, на котором было написано: «Если у вас есть почтовая марка, можете отправить *его* вместо открытки».

«Нет, Дейви. — Арделия даже не улыбнулась. — Ты не понял. *Этим* детей вовремя возвращать книжки не заставишь. *Этим* ты их просто рассмешишь».

«Что ж, — ответил я, — значит, я просто тебя не понял».

Мы стояли за абонементным столом, и нас могли видеть только выше пояса. Арделия опустила руку, схватила меня за причинное место и, уставившись на меня в упор своими серебристыми глазами, промолвила:

«Я хочу, чтобы ты нарисовал все, *как в жизни*».

Я даже не сразу понял, что она имела в виду. Потом, когда до меня дошло, не поверил своим ушам.

«Арделия, ты не понимаешь, что говоришь. Если мальчик и в самом деле попадет под каток...»

Тогда она пребольно стиснула мои причиндалы, словно напоминая, кто в доме хозяин, и сказала:

«Это *ты* не понимаешь *меня*. Я вовсе не хочу их *смешить*, Дейви; я хочу, чтобы они *рыдали* от страха. Возвращайся на место и сделай все как надо».

Голова у меня кругом шла. На столе в кабинете лежал чистый лист ватмана, а рядом стоял стакан виски с соломинкой и листочком мяты; на ватмане я увидел записку от Арделии:

«Д.! На этот раз не жалей *красной* краски».

Дейв посмотрел на Наоми и Сэма.

— Самым страшным было то, что в кабинет она даже не заходила. Она ни на минуту не оставляла своего места!

3

Наоми принесла Дейву еще стакан воды. Сэм не преминул заметить, что лицо ее побледнело, а уголки глаз казались красноватыми. Сев рядом, она знаком попросила Дейва продолжать. Старик кивнул и заговорил:

— Я поступил так, как и любой другой алкоголик, окажись он на моем месте. Выпил виски и сделал так, как она хотела. Работал не покладая рук, словно одержимый. Заляпал красками весь ее стол. Мне было на все наплевать. В итоге у меня вышло нечто такое, о чем

и вспоминать не хочется... но я *помню*. От мальчика там мало что осталось. Ботинки валялись неподалеку, а голова была размазана по проезжей части, как блинное тесто по сковороде. А водитель катка — я лишь темный силуэт изобразил — оглядывался через плечо и ухмылялся. Потом я его и на всех прочих плакатах рисовал. Это он, Сэм, сидел за рулем машины, в которой кричал и жался к стеклу похищенный мальчик.

Мой отец бросил нашу семью примерно через год после моего рождения. Мама воспитывала меня в одиночестве. Теперь мне кажется, что на плакатах я рисовал именно отца. В детстве я называл его «темным человеком» и теперь почти уверен: на всех этих плакатах — мой отец. Каким-то таинственным способом Арделия сумела внушить мне его образ...

Так вот, от второго моего плаката Арделия пришла в полный восторг. Развеселилась как дитя.

«*Молодчина,* Дейви! — вскричала она. — *Просто изумительно!* Это научит маленьких негодяев уму-разуму. Я повешу его сейчас же!»

И прикрепила прямо над столом в детской библиотеке. И вот тогда меня вдруг как током ударило. Я каким-то образом *догадался,* что мальчик, которого я изобразил, не кто иной, как Уилли Клеммарт. Сам того не подозревая, я нарисовал его, причем выражение на... на том, что оставалось от лица, было такое же, как в тот день, когда Арделия, взяв Уилли за руку, сама провела его в детский зал.

Я был там во время детского часа и видел, как подействовал мой плакат на пришедших детишек. Они перепугались насмерть. Одна девочка даже расплакалась. А мне было почему-то приятно. Я даже подумал, что, мол, поделом этим проказникам. Пусть знают, что с ними случится, если им вздумается ослушаться Арделию.

Но тут же проснулись совсем другие мысли. *Ты начинаешь думать точь-в-точь, как она, Дейв,* — сказал

я себе. — *А скоро и сам таким, как она, станешь. И вот тогда тебе крышка, парень!*

Тем не менее все продолжалось, как и прежде. Словно я взял билет в один конец и был полон решимости преодолеть этот путь во что бы то ни стало. Ребятишки приходили в библиотеку и пугались до чертиков, а Арделия упивалась страхом детей. Она ведь этим и жила — кормилась их страхом. А я продолжал малевать плакаты. Все я их и не вспомню, но вот Библиотечного полицейского отлично помню. Его я частенько рисовал. На одном плакате, который назывался И БИБЛИОТЕЧНАЯ ПОЛИЦИЯ ПОРОЙ ОТДЫХАЕТ, я изобразил его на рыбалке с удочкой. Только наживкой на его крючке служил мальчонка — Растяпа Саймон...

Мы превратили детскую читальню в настоящую темницу ужасов. — Голос Дейва предательски дрогнул. — В пыточную камеру для детей. Мы вдвоем — Арделия и я. Но вот что удивительно — дети всякий раз возвращались. За новой порцией страха. И никогда... никогда не рассказывали родителям. Арделия за этим *следила*.

— Но сами родители! — вдруг вскричала Наоми так, что Сэм от неожиданности подскочил. — Ведь они-то наверняка видели...

— Нет! — прервал ее Дейв. — Родители не замечали ровным счетом ничего. Единственной страшилкой была для них Красная Шапочка. Этот плакат висел у нас постоянно, а вот остальные Арделия вывешивала *только* перед детским часом, ну и еще в субботу утром. Она ведь, Сара, не людского роду-племени была. Это вы должны себе четко уяснить. *Это дьявольское отродье* всегда наперед знало, когда зайдут взрослые, и успевало подменить мои творения на невинные плакаты с призывами вроде «ЧИТАЙ И РАДУЙСЯ!».

В те дни я дневал и ночевал в библиотеке. Заказов у меня уже давно не было, и жил я только на старые сбережения. Довольно скоро я начал потихоньку расставаться с вещами: продал телевизор, гитару, машину,

а в конце концов — и собственный дом. Но мне это все было до лампочки. Главное, что я был рядом с ней. Ну а будучи все время рядом, я не мог не замечать, что творится в библиотеке. Во время детского часа дети обычно рассаживались вокруг Арделии на стульчиках. А я, небритый, в замызганном комбинезоне, вечно подшофе, устраивался в дальнем углу. Арделия читала вслух — свои излюбленные кошмарные рассказы, — а посередине вдруг умолкала и, наклонив голову, прислушивалась. Детишки начинали тревожно ерзать, но смотрели почему-то в другую сторону, словно просыпались после глубокого сна.

«Сейчас придут взрослые, — говорила она, улыбаясь. — Мы ведь должны как следует приготовиться к их приходу, не правда ли? Есть среди вас хорошие детки, которые мне помогут?»

И *все* дети как один тут же тянули руки, ибо хотели быть хорошими. Ведь мои плакаты очень недвусмысленно давали знать, какая участь может постигнуть плохих детей. Даже я, пьяный в стельку, послушно тянул руку наравне с ними. Потом одни из них снимали со стен мои плакаты, а другие вынимали из ящиков типографские и развешивали по стенам. Затем Арделия откладывала прочь рассказы-страшилки и начинала читать вслух нечто вроде «Принцессы на горошине». Почти сразу же дверь приоткрывалась и какая-нибудь мамаша интересовалась, как у нас идут дела. Увидев, что детишки слушают Арделию с открытыми ртами, она улыбалась, кивала своему чаду и исчезала.

— А что за рассказы-страшилки вы имели в виду? — поинтересовался Сэм.

Голос его звучал хрипло, а во рту пересохло. По мере того как он слушал, его все больше охватывали страх и гадливость.

— Самые обычные сказки, — ответил Дейв. — Только Арделия переделывала их на свой лад. Для этого ей порой и менять почти ничего не приходилось.

— Я это прекрасно понимаю, — кивнула Наоми. — Читала такие сказочки.

— Не сомневаюсь, — согласился Дейв, — но вы и представить себе не можете, как Арделия ухитрялась извращать их смысл. Причем детишкам все это *нравилось;* одним — сказки, а другим — сама Арделия. Она ведь притягивала их и очаровывала, как и меня. *Не совсем* так, конечно, ведь ничего сексуального в их отношениях не было... на мой взгляд. Нет, просто она умела воздействовать на темную сторону натуры, которая дремлет в глубине каждого из нас. Вы понимаете, что я хочу сказать?

Сэм, припомнив, как и сам в свое время был заворожен, читая «Синюю Бороду», решил, что понимает. Дети ненавидят и страшатся мрака... но ведь он их чем-то притягиваст, верно? Приманивает...

(Пойдем с-со мной, с-сынок)

Не так ли? Как сладкоголосые сирены

(Я полит-сейский)

спутников Одиссея.

Правильно?

Правильно?

— Я понимаю вас, Дейв, — произнес он.

Дейв кивнул и спросил:

— Вы еще не решили, Сэм? Не определили, кто был ваш Библиотечный полицейский?

— В этом я еще не до конца разобрался, — признался Сэм.

Хотя в глубине души считал, что уже близок к разгадке. Как будто мозги его превратились в океанскую пучину, на дне которой покоился, погрузившись в ил, затонувший корабль. Но не простой корабль. Скорее пиратская шхуна, забитая сокровищами и мертвыми телами. И вот сейчас шхуна начала двигаться в придонном иле и — Сэм этого всерьез опасался — готова была вот-вот всплыть на поверхность. Серая, мрачная, облепленная илом и водорослями. С ухмыляющимся скелетом, навеки прикованным цепями к штурвалу.

— Да, мне тоже кажется, что вы начинаете понимать, — заметил Дейв. — Все это должно проясниться, Сэм. Поверьте мне.

— А я все-таки не поняла, какие именно сказки она извращала, — сказала Наоми.

Дейв кивнул и попытался объяснить:

— Одной из ее самых любимых была «Златовласка». Вы, конечно, ее прекрасно помните, но вот многие жители нашего города — банкиры и адвокаты, инженеры и зажиточные фермеры — знают эту сказку в совершенно ином виде. Они хранят в памяти ту версию, что поведала им Арделия Лорц. Вполне возможно, что кто-то из них уже изложил ее своим детям, даже не подозревая, что в подлинной истории все совсем по-другому. Мне не хотелось бы, чтобы это оказалось правдой, но в глубине души я уверен, что дело обстоит именно так.

В изложении Арделии Златовласка была скверной и испорченной девчонкой. Попав в дом к трем медведям, она принялась ломать и портить все подряд. Перепачкала в грязи отложенное для глажки белье Мамы-медведицы, разорвала в клочья газеты и деловые бумаги Папы-медведя, а сиденье его любимого кресла кухонным ножом превратила в решето. В довершение она изодрала все их книжки. Эту часть Арделия особенно смаковала. А вот Мишуткину кашу Златовласка есть не стала — она отыскала на полке стрихнин и посыпала им кашу вместо сахара. Она даже не подозревала, в чей дом попала, но все равно решила отравить хозяев. Такая вот была маленькая дрянь.

— *Боже, какой кошмар!* — воскликнула Наоми. Впервые на глазах у Сэма она потеряла самообладание. Руки ее тряслись, а глаза едва не вылезали из орбит.

— Да, — кивнул Дейв. — Но это еще не все. Устав от собственных козней, Златовласка поднялась наверх в спальню, устроила погром и там, а затем уснула в кроватке Мишутки. Три медведя вернулись домой, дружно навалились на Златовласку — именно так вы-

ражалась Арделия — и сожрали ее живьем вместе с потрохами. Начали пожирать с ног, а дрянная девчонка визжала от боли, тщетно пытаясь вырваться. В конце концов одна голова осталась. Ее медведи приберегли, потому что уже знали, что случилось с кашей. Они учуяли яд. «Медведи на то и *медведи*», — назидательно говорила Арделия детишкам, а те только послушно кивали. Ну вот, а потом медведи отнесли голову Златовласки на кухню, сварили в котле и слопали ее мозги на завтрак. Мозги оказались очень вкусными, а медведи с тех пор зажили счастливо.

4

На крыльце воцарилось мертвенное, почти осязаемое молчание. Потянувшись за водой, Дейв едва не опрокинул стакан и лишь в последний миг сумел его подхватить. Держа спасенный стакан обеими руками, он принялся жадно пить. Затем обратился к Сэму:

— Вас мой рассказ не удивляет?

Сэм молча помотал головой. Он был в шоке. Дейв перевел взгляд на Наоми.

— Теперь вы понимаете, почему я никогда об этом не рассказывал? Почему предпочел запереть свою тайну в каморку?

— Да, — еле слышно прошелестела Наоми. — И еще, мне кажется, я понимаю, почему дети никогда об этом не рассказывали. Есть вещи, которые *слишком*... чудовищны. Невообразимы.

— Для нас, возможно, Сара, — промолвил Дейв. — А вот для детей... В этом я не уверен. Дети ведь не сразу понимают, *что* такое настоящее *зло*. Родители должны втолковать, как его распознать. Вдобавок Арделия не просто запугивала их. Помните, я говорил, что, услышав о приходе родителей, дети вели себя так, словно просыпались после глубокого сна? Так вот, они и в *самом деле* спали. Только как-то необычно. Это был

не гипноз, нет... но нечто подобное. Возвращаясь домой, они напрочь забывали про эти ужасные сказки и плакаты. А вот в подсознании, и в этом я свято убежден, они все прекрасно помнили... Так же как и Сэму в глубине подсознания известно, кто *его* Библиотечный полицейский.

И сегодня бывшие хорошие детишки — банкиры, адвокаты и зажиточные фермеры — тоже наверняка все это помнят. Я как тогда вижу их — в детских фартучках и коротких штанишках, — как они сидят на стульчиках вокруг Арделии, таращась на нее выпученными от любопытства и страха глазенками. И сейчас, должно быть, когда по ночам их донимают кошмары, они снова становятся прежними детишками. Словно воочию наблюдают, как ее три медведя пожирают Златовласку, как вычерпывают мозги столовыми ложками и как Мишутка носит на голове скальп плохой девочки, словно золотой парик. Они, наверное, и теперь просыпаются в холодном поту, разбитые и полумертвые. Вот какое наследие оставила Арделия нашему городу...

Но и это не все. Худшее еще впереди.

Сказки и плакаты — но главным образом все-таки сказки — порой доводили бедных детей чуть ли не до истерики. А то и до обморока. В таких случаях Арделия говорила остальным: «Опустите головки и подождите, пока я отведу Билли... или Сандру... или Томми... в ванную и приведу в чувство».

И все детишки как по команде опускали головки. И сидели не двигаясь, словно мертвые. Когда на моих глазах это случилось впервые и Арделия увела в ванную какую-то маленькую девчушку, я прождал пару минут, а потом подошел к детям. Сначала — к Уилли Клеммарту.

«Уилли, — прошептал я и потряс его за плечо. — Как дела, Уилли?»

Он даже ухом не повел. Тогда я снова потряс его, уже чуть сильнее. Он не шелохнулся. Только шумно

дышал, словно у него насморк. Веки чуть-чуть приоткрыты, видны лишь белки глаз. Я испугался и обошел других ребятишек, но ни один из них на меня не взглянул, ни слова не произнес.

— Вы хотите сказать, что они были заколдованы? — спросил Сэм. — Подобно Белоснежке, надкусившей отравленное яблочко?

— Да, — кивнул Дейв. — Дети и правда походили на заколдованных. Как, впрочем, и я, хотя и по-другому. Я уже собрался было схватить бедного Уилли за шкирку и встряхнуть как следует, но услышал шаги Арделии и опрометью помчался на место. И сидел не смея дохнуть — так боялся, что она и со мной что-то сотворит.

Арделия вернулась и привела с собой девочку. Теперь на щечках у ребенка играл румянец, а глаза весело блестели. Арделия шлепнула ее по попке, и девочка побежала на свое место. Потом Арделия хлопнула в ладоши и сказала:

«А теперь, все хорошие дети, поднимите головки! Сонечке уже гораздо лучше, и она хочет, чтобы мы дослушали сказку. Верно, Сонечка?»

«Да, мэм», — радостно прочирикала Сонечка.

И тут же дети как по команде вздернули головы. Невозможно было поверить, что еще пару секунд назад все они сидели неподвижно, как истуканы.

Когда эта история повторилась в третий или в четвертый раз, я потихонечку проследовал за Арделией. Я знал, что она нарочно запугивает детей, и понимал, что тому должна быть причина. Сам запуганный до полусмерти, я хотел все-таки выяснить, в чем тут дело.

На сей раз Арделия отвела в ванную Уилли Клемпарта. Она рассказывала детям «Гензеля и Гретель», когда с мальчиком случилась настоящая истерика. Подкравшись к ванной, дверь которой была распахнута настежь, я разглядел Арделию на коленях перед Уилли. Рядом с умывальником. Мальчик уже не плакал, но толком разглядеть его я не мог. Арделия стояла

спиной ко мне и почти полностью его загораживала. Я только видел, что руками он опирается на ее плечи, и все. Затем я услышал какой-то странный звук: посасывание такое, наподобие свиста, который издает соломинка, когда бокал уже пустеет. Мне вдруг почудилось, что Арделия... ну, словом, насилует мальчика. Так оно и оказалось на самом деле, но только... иначе.

Я приподнялся на цыпочки, пытаясь разглядеть, что там у них происходит. Больше всего на свете я боялся, что Арделия меня услышит — у нее ведь уши локаторам не уступали, — обернется и пронзит насквозь своими полыхающими глазищами. Но остановиться я уже не мог. Я должен был выяснить, что она делает. И начал потихонечку, дюйм за дюймом, сдвигаться вперед и вправо.

Постепенно из-за ее плеча передо мной предстало лицо Уилли — словно луна, выползающая из-за туч. Если сначала я мог видеть лишь волосы Арделии — золотые локоны и кудряшки, каскадом ниспадающие на плечи, то вскоре моему взору открылось и ее лицо. И вот тогда я разглядел, что она делает.

Кровь в моих жилах заледенела, а ноги подкосились. Увидеть меня они не смогли бы, разве что вздумай я вскарабкаться по водопроводной трубе и барабанить по ней. Глаза Арделии и мальчика были закрыты, но дело вовсе не в этом. Арделия была настолько поглощена своим занятием, что при всем желании не смогла бы сразу оторваться.

Лицо ее полностью утратило человеческий облик. Оно растеклось, словно патока, и приняло форму трубки с расплющенным носом и вытянутыми глазами-щелочками. Мне это напомнило какое-то насекомое... муху, может быть, или осу. И рот ее снова исчез. Он превратился в эту мерзость, которую я уже наблюдал однажды, когда мы с Арделией лежали в гамаке после смерти мистера Лейвина. Вокруг выпяченного рыла снова пузырились толстые складки плоти, испещрен-

ные какими-то красными полосками. Поначалу я подумал, что это кровь или даже набухшие под кожей вены, но потом сообразил — это же помада. Губ у нее больше не было, а помада так расползлась на их прежнем месте.

Кончиком рыла Арделия присосалась к глазам Уилли.

Сэм ошарашенно посмотрел на Дейва и даже спросил себя, уж не рехнулся ли рассказчик, чего доброго. Одно дело — призраки, но такое... И тем не менее лицо Дейва светилось столь одухотворенно, что Сэм подумал: *Если он и врет, то сам того не сознает.*

— Дейв, не хотите ли вы сказать, что Арделия Лорц пила его *слезы?* — чуть поколебавшись, спросила Наоми.

— Да... и — нет. Она пила *особенные слезы.* Те самые, помните? Но ее лицо... Оно походило на размалеванную маску, которую напяливают на себя ряженые в праздник Хэллоуин.

Из уголков глаз Уилли выделялась какая-то розоватая слизь, этакая мутная и жиденькая кашица. Вот ее-то и высасывала Арделия, громко хлюпая. Но это были не слезы, нет. Она пила *страх.* Каким-то непостижимым образом сумев сделать его реальным, истекающим наружу в виде этих кошмарных слезинок.

— Вы хотите сказать, что Арделия Лорц была вампиром? — спросил Сэм.

Дейв вздохнул с облегчением.

— Да. Совершенно верно. Уже потом, осмелившись об этом подумать, я догадался, что это именно так. Все эти россказни о вампирах, которые прогрызают жертвам шею и пьют кровь, — досужие бредни. Да, они пьют, но вовсе не из шеи и не кровь. Возможно, потом, когда их жертвы вырастают, это и краснеет и становится похожим на кровь. Может быть, именно так и обстояло дело с мистером Лейвином. Наверное. Но это не кровь.

Это страх.

5

Не знаю, сколько я простоял, не в силах оторвать от них глаз, но вряд ли очень долго — Арделия никогда не уводила ребенка в ванную больше чем на пять минут. Выделения из уголков глаз Уилли начали бледнеть и стали более скудными. Но вот эта штуковина на конце ее рыла... не знаю, как ее назвать...

— Хоботок, — спокойно подсказала Наоми. — Думаю, это было нечто вроде хоботка.

— Что ж, возможно. Так вот, этот... хоботок на моих глазах начал удлиняться, не желая, видимо, упустить ни одной капли живительной влаги. Я догадался, что процесс подходит к концу. Я также прекрасно понимал, что Арделия убьет меня, если узнает, что я за ней подглядывал.

Я начал медленно пятиться, шаг за шагом. В глубине души я был почти уверен, что спастись мне не удастся, но наконец уперся спиной в косяк распахнутой двери. От ужаса я чуть не заорал, решив, что Арделия каким-то образом оказалась у меня в тылу. Я искренне в это верил, хотя она по-прежнему стояла на коленях прямо у меня на глазах.

Зажав рукой рот, чтобы не взвыть, я ударился в бегство. Мной овладело единственное желание: удрать отсюда, а потом бежать и бежать, не останавливаясь. Пока не упаду замертво.

Я выбрался в то самое фойе с мраморным полом, которое вы видели, Сэм. Где установлен щит с призывом «ТИШИНА!». Там я на мгновение остановился и призадумался. Сейчас Арделия приведет Уилли в детский зал и заметит, что меня и след простыл. Она сразу догадается, что случилось, и устремится за мной в погоню. В том, что она меня поймает, сомнений не было. Я не забыл, как она носилась в зарослях кукурузы.

Словом, я заставил себя возвратиться в детскую читальню. Пожалуй, это был труднейший поступок в моей жизни, но я совладал с собой. Не прошло и двух

секунд, как я сел на место, и Арделия вернулась, держа Уилли за руку. Мальчуган, как я и ожидал, сиял и весело смеялся.

«А ну-ка, хорошие дети, поднимем головки! — выкрикнула она, хлопнула в ладоши, и дети дружно уставились на Арделию. — Уилли уже выздоровел и хочет дослушать сказку до конца. Верно, Уилли?»

«Да, мэм», — послушно ответил Уилли.

Она чмокнула его в щеку и подтолкнула к стульчику. Затем продолжила рассказ. Я сидел и слушал ни жив ни мертв. И вот когда этот детский час закончился, я запил уже по-настоящему. По-черному. Не зная удержу.

6

— И чем *закончилась* эта история? — спросил Сэм. — Что вам об этом известно?

— Не так много, как могло бы, не пей я как свинья, но куда больше, чем хотелось бы. Даже не знаю, сколько еще тянулось это дело. Месяца четыре, должно быть, или шесть, а то и все восемь. Я уже совсем потерял счет времени. Не знал даже — лето или зима стоит. Когда пьяница идет вразнос, Сэм, он уже не видит перед собой ничего, кроме донышка бутылки. Одно только помню — кто-то, похоже, сел Арделии на хвост, и пришло ее время уснуть и сменить облик.

Помню, как однажды ночью в ее доме — *ко мне* она никогда не приходила — Арделия сказала:

«Я ползаю, как сонная муха, Дейв. Никак не могу избавиться от сонливости. Скоро я уже буду отдыхать. Долго-предолго. Когда настанет время, я хочу, чтобы ты уснул со мной. Я ведь так к тебе привязалась».

Я был, как всегда, пьян в стельку, но от этих слов просто похолодел. Мне казалось, я понял, что она имела в виду, и спросил ее об этом прямо в лоб, но Арделия только рассмеялась.

«Нет, глупыш, совсем не это, — снисходительно сказала она. — Я о настоящем сне говорю, а вовсе не о смерти. Только для этого теперь ты будешь питаться вместе со мной».

От этих слов я мигом протрезвел. Арделия даже не подозревала, что я уже проник в ее тайну и знаю, что она замыслила. Затем стала расспрашивать меня про детей. Какие мне не нравились, какие казались самыми вредными, шумными и непослушными. И говорила:

«Они плохие. Таких давить надо. Они чиркают книги карандашами и странички рвут. Как по-твоему, Дейви, кто из них заслуживает смерти?»

Тогда я понял, что должен непременно вырваться из ее лап, пусть даже ради этого мне придется расстаться с жизнью. Арделия начала меняться. Волосы ее потускнели, да и кожа стала портиться. Дряблой какой-то сделалась, морщинистой. А вокруг рта какие-то красноватые жилки появились. Целая сеточка.

Однажды ночью, в постели, Арделия перехватила мой взгляд.

«Ты заметил, что я меняюсь, Дейви? — И потрепала по щеке. — Так надо, не волнуйся. Все идет как надо. Просто я готовлюсь ко сну. Так всегда бывает, когда я собираюсь погрузиться в очередной сон. Скоро. А ты, если хочешь остаться со мной, должен прихватить одного ребенка. Или двоих. А то и троих. Чем больше, тем веселее! — Она расхохоталась, и в глазах снова заплясали язычки пламени. — Впрочем, я тебя в любом случае бросать здесь не собираюсь. Для меня это небезопасно. Ты понимаешь, что я хочу сказать?»

Я сказал, что понимаю.

«Тогда готовься, Дейв, если тебе жизнь дорога. Уже недолго осталось. Совсем недолго. Если ты не готов, то лучше признайся сразу. Мы покончим нашу связь прямо сейчас — быстро и безболезненно. Тебе только приятно будет».

Она наклонилась ко мне, и я вдруг почувствовал, что изо рта Арделии идет трупный запах. Да-да, от нее

несло падалью. Мне даже не верилось, что ко- 663
гда-то я мог целоваться с ней... пусть даже пьяный... Однако тогда я согласился на ее предложение. Видимо, в глубине души я все-таки хотел жить и сказал Арделии, что уйду с ней, но только мне нужно немного времени, чтобы подготовиться. Настроиться, иначе говоря.

«Ты просто хочешь упиться впрок, Дейви, — презрительно фыркнула Арделия. — А должен бы на коленях меня благодарить, Дейв Данкен. Без меня ты через год в какой-нибудь вонючей канаве сдохнешь. Со мной же ты обретешь бессмертие».

И тут ее рот вытянулся в трубочку и коснулся моей щеки. Я с трудом сдержался, чтобы не заорать.

Дейви приподнял голову и обвел Сэма и Наоми затравленным взглядом. Затем выдавил вымученную улыбку. Сэм Пиблс навсегда запомнил эту жуткую улыбку, которая до конца дней преследовала его во сне.

— Да, тогда я не заорал, — закончил Дейв. — Но где-то в глубине души крик этот с тех пор звучит не переставая.

7

— Я рад бы сказать, что в конце концов сумел избавиться от ее власти, но это неправда. Скорее мне просто повезло. Я уже окончательно сделался парией в городе. А ведь помните, Сэм, что некогда и я был членом «Ротари-клуба»? Так вот, к февралю шестидесятого года никто из наших славных ротарианцев не доверил бы мне и уборные мыть. В глазах жителей Джанкшен-Сити я превратился в обычного бродягу. Бывшие друзья, завидев меня, спешили перейти на другую сторону улицы. В те дни я был тощ как спичка, пьянство вытягивало из меня последние соки. Пьянство и Арделия Лорц.

Не раз я думал, что она вот-вот начнет пить и из меня, но почему-то так не случилось. Возможно, толку

от меня было мало... Или же дело было в другом. Не думаю, чтобы она меня любила — такая вообще не способна на любовь, — но наверняка страдала от одиночества. Думаю, что жизнь ее — если можно назвать это жизнью — тянулась почти бесконечно, и у нее были...

Скрюченные пальцы Дейва вцепились в коленки, а невидящий взор опять вперился в бескрайнюю пустошь за железнодорожным полотном.

— Да, у нее были спутники — пожалуй, это самое точное слово. Не спрашивайте, почему у меня возникло такое ощущение, ответить я все равно не смогу. Просто не помню. Ни этого, ни многого другого. Но я уверен, что прав. Просто случилось так, что на сей раз Арделия выбрала меня. И я наверняка отправился бы с ней в неведомые дали, если бы ее не разоблачили.

— Кто же ее разоблачил, Дейв? — возбужденно спросила Наоми. — *Кто?*

— Помощник шерифа. Джон Пауэр. Шерифом округа Хоумстед был в те годы Норман Бимен. Ходячее свидетельство в пользу того, что шерифов следует назначать, а не избирать. В 1945 году, когда он вернулся с войны и чемодан его был битком набит медалями, народ проголосовал за него. Бимен служил под началом Паттона и добрался до самой Германии. Драчун был отменный и стрелял метко, но вот только как шериф гроша ломаного не стоил. Зато ослеплял всех белозубой улыбкой и совершенно виртуозно ругался. Вдобавок он еще был республиканцем, а в округе Хоумстед это самое главное. Уверен, что, не скончайся Норм летом 1963 года от инфаркта прямо в парикмахерской Хьюи, его переизбрали бы и на следующий срок. Этот период я помню совершенно отчетливо; Арделии к тому времени уже не было, а я немного пришел в себя.

Однако секрет успеха Норма заключался отнюдь не в улыбке и умении браниться. Он был по-настоящему честен. И абсолютно неподкупен. Вдобавок он всегда держал при себе хотя бы одного помощника,

который, во-первых, быстро соображал, а во-вторых — не метил на его место. И платил таким помощникам добром. Всякий раз продвигал их по службе, когда сам получал повышение. Да, никто так не заботился о своих парнях, как Норм. Думаю, вы и сейчас найдете на Среднем Западе с десяток шефов полиции и шерифов, которые начинали здесь, в Джанкшен-Сити, на побегушках у Норма Бимена.

А вот Джона Пауэра вы уже не увидите. Он мертв. В некрологе сказано, что умер он от сердечного приступа, хотя ему тогда и тридцати лет от роду не было, да и привычек вредных за ним никогда не водилось. Но я-то знаю правду — Джон скончался от того же приступа, что и мистер Лейвин. Это *она* его прикончила.

— Почему вы так думаете, Дейв? — спросил Сэм.

— Знаю. В тот день мы с ней должны были умертвить в библиотеке не двоих, а *троих* детей.

Голос Дейва казался спокойным, но Сэм слышал ужас, затаившийся в его жилах с тех давних пор, словно низковольтный ток в электрических проводах. Даже если половина рассказанного Дейвом была правдой, Сэм и представить себе не мог, в каком животном страхе жил — существовал — этот человек в течение последних тридцати лет. Немудрено, что он искал спасения в бутылке.

— Двое детишек поплатились жизнью — Пэтси Харриген и Том Гибсон. Третий ребенок был для меня платой за вход туда, где правила бал Арделия Лорц. Эта смерть была для Арделии самой желанной, потому что она — эта девочка — первой вывела ее на чистую воду. Причем именно в то время, когда огласка была нужна Арделии менее всего. Звали малютку Тэнси Пауэр — дочь Джона Пауэра.

— Вы, случайно, не о Тэнси *Райан* говорите? — дрожащим голосом спросила Наоми.

— Именно. Тэнси Райан, которая на почте служит и сейчас посещает наши встречи, Сара. Прежде она была Тэнси Пауэр. Многие из бывших детишек, кото-

рые слушали сказки Арделии, сейчас ходят на встречи «АА» вместе с нами, Сэм. Выводы сами делайте... Словом, я тогда едва не убил Тэнси Пауэр... Но и это еще не самое страшное. К сожалению.

8

Наоми извинилась и вышла. По прошествии нескольких минут Сэм хотел уже отправиться на ее поиски.

— Посидите, Сэм, — предложил Дейв. — Пусть Сара побудет одна. Она замечательная женщина, но ей нужно время, чтобы прийти в себя после такого удара. Представляете, каково это, когда узнаешь, что один из твоих товарищей по несчастью чуть не убил твою лучшую подругу? Она вернется, вот увидите — ведь нашу Сару так просто не согнуть.

Наоми и в самом деле скоро возвратилась. Со свежевымытым лицом — на висках еще блестели капельки воды — она несла поднос с тремя стаканами холодного чая.

— Что, милая, мы наконец переходим на крепкие напитки? — шутливо спросил Дейв.

Наоми вымученно улыбнулась в ответ:

— А что делать? Я уже не могла больше держаться.

Сэм мысленно вознес ей хвалу за мужество. В стаканах, тихонько позвякивая, плавали кусочки льда. Сэм снова привстал и взял стакан из дрожащих рук Наоми.

— А теперь заканчивайте свою историю, Дейв, — твердо сказала она, присаживаясь. — Выкладывайте все до конца.

9

— Осталось рассказать только то, о чем она со мной говорила, — сказал Дейв, — потому как я уже тогда с трудом замечал, что творится вокруг. Так вот,

примерно в конце года Арделия сказала, чтобы я больше не появлялся в библиотеке. Заявила, что в противном случае выставит меня вон или даже натравит полицию, если я только посмею слоняться поблизости. Говорила, что уж больно убого я стал выглядеть, а она не хочет, чтобы по городу ползли ненужные слухи.

«Какие еще слухи? — изумился я. — Про нас с тобой, что ли? Кто же такому поверит?»

«Никто, — ответила она. — Но меня вовсе не такие слухи волнуют, дубина ты этакая!»

«А какие?»

«Про тебя и детей», — сказала она.

Вот тогда я, наверное, впервые понял, как низко пал...

Отныне нам оставалось встречаться лишь в ее доме, да и то приходить мне было дозволено лишь с наступлением темноты. Причем я имел право идти по дороге лишь до владений Ордэя. После этого я был вынужден пробираться через поле. Арделия сказала, что мигом выяснит, если попробую ее надуть, и я поверил. Ведь как только серебристые глаза наливались кровью, она видела *все!* Я приходил к ней между одиннадцатью и часом ночи — в зависимости от количества поглощенного спиртного, — промерзший до мозга костей. А зимы тогда стояли в Айове чертовски холодные. Трезвый человек наверняка не раз и не два замерз бы насмерть прямо посреди кукурузного поля.

Впрочем, в ту ночь, о которой пойдет речь, подобных сложностей не было — в том июле жарища стояла адская. Помню, луна показалась мне какой-то раздутой и почти красной. Все собаки в округе Хоумстед буквально изошлись от лая на нее.

Мне было проще заставить себя шагнуть в жерло вулкана, чем войти в дом Арделии. Всю неделю, да и весь месяц до этого, она еле ползала, едва не засыпая на ходу, но в ту ночь просто рвала и метала. Такой я прежде ее лишь раз видел — в тот вечер, когда мистер

Лейвин велел ей убрать плакат с Красной Шапочкой, чтобы детишек не стращать. Поначалу Арделия даже не заметила меня. Без конца бегала взад-вперед по комнате в чем мать родила — если у нее, конечно, была мать, в чем я очень сомневаюсь. Злобная, как тигрица, которой перца под хвост насыпали. Обычно дома она укладывала волосы в пучок на затылке, но сейчас они были распущены и развевались сзади — с такой скоростью она носилась. Даже потрескивали, словно статическим электричеством заряженные. Глазищи полыхали огнем и сверкали, как сигнальные огни на железной дороге, и едва из орбит не вылезали. Все тело лоснилось от пота, и разило от нее — это даже при моем-то притупившемся обонянии! — как из выгребной ямы. С грудей и живота на пол шлепались маслянистые капельки — это я как сейчас помню. Ляжки поблескивали.

Стояла такая удушливая ночь, что воздух, казалось, давит на тебя, как свинцовый. Остается мечтать лишь о грозе или хотя бы о ветерке, но не тут-то было. Только слышно, как кукуруза растет... причем скрипит, словно суставы старика с подагрой, который пытается сам встать ночью, не потревожив жену.

И вдруг я вижу — черт возьми! — а ведь Арделия до смерти напугана! Словно кто-то наконец сумел подселить ей в душу страх Божий. И еще — вся она вдруг сделалась меньше, как-то скукожилась, что ли. Даже волосы стали тоньше, как у ребенка. И поредели — весь череп просвечивал. Поверх старой кожи повсюду нарастала новая — на щеках, вокруг крыльев носа, в уголках глаз и даже между пальцами перепонки образовались. Где только можно, висели и болтались складки. На ходу они даже негромко хлюпали. И вдруг меня осенило. Арделия вела себя как гусеница перед спячкой: она оплетала себя коконом.

Я молча стоял в дверях, наблюдая, как эта бестия носится туда-сюда. Арделия долго меня не замечала, слишком была взбешена. Дважды лупила кулаком сте-

ну с такой силой, что пробивала ее насквозь — обои, штукатурку и все остальное. Звук был такой, словно кости трещали, но Арделия и виду не показывала, что ей больно. Да и крови не было. Всякий раз, дубася стену, она громко вскрикивала, но не от боли. Скорее так вопит разъяренная кошка... но, как я говорил, за ее злостью скрывался страх. И еще: вопила она не просто так, а выкрикивала имя помощника шерифа.

«Джон Пауэр!» — и тут же — бум! И кулак стенку прошибает. «Будь ты проклят, Джон Пауэр! Я покажу тебе, как соваться не в свое дело! Хочешь на меня посмотреть? Прекрасно! Но я тебя проучу, Джон Пауэр! Ты у меня попляшешь!» Она без устали носилась по комнате, а потом снова подпрыгнула к стене, поджала губы и — трах кулаком! Только штукатурка и посыпалась. «Нет, Джон Пауэр, ты не сможешь! — вскричала она. — Ты никогда и пальцем меня не осмелишься тронуть!»

Впрочем, одного взгляда на ее лицо было достаточно, чтобы понять: еще как осмелится. Тем более любой, кто знал Пауэра, мог утверждать: у Арделии есть основания беспокоиться. Помощник шерифа отличался редкой сообразительностью и ничего не боялся. Он был из тех, кому не стоило переходить дорогу.

Пробежав по комнате еще пару раз, Арделия приостановилась на пороге кухни и тут наконец заметила меня. Испепелила взором, свирепо ощерилась, и вдруг губы ее снова стали вытягиваться в длинное рыло — только на сей раз оно было покрыто чем-то вроде паутинки, — и я испугался, что пришел мой смертный час: не в силах наложить лапы на Джона Пауэра, она решила расправиться со мной. Я медленно сполз на пол, прямо в какую-то лужицу. Арделия тут же остановилась. Пламя в глазах погасло, и вся она мгновенно переменилась. На губах заиграла улыбка. Можно было подумать, что я пришел на званый вечер, а сама она не

 бегала только что голышом, круша все на своем пути и ломая стены.

«Дейви! — воскликнула она. — Как я рада, что ты пришел! Выпей. Для тебя мне ничего не жалко!»

Арделия жаждала убить меня — я прочел это в ее глазах. Но я был ей нужен; не как спутник жизни, нет: она хотела, чтобы я покончил с Тэнси Пауэр. Полицейского Арделия брала на себя, но хотела, чтобы он перед смертью знал: дочери больше нет в живых. Вот для чего я ей понадобился.

«Времени у нас в обрез, — сказала она. — Ты знаешь Пауэра? Помощника шерифа».

Я ответил, что знаю. Добрый десяток раз он арестовывал меня за появление в пьяном виде.

«И как он тебе?» — спросила Арделия.

«Крепкий мужик», — осторожно ответил я.

«К свиньям вас обоих, чертовы ублюдки!» — неожиданно взорвалась она.

Я промолчал. Мне показалось, что так будет разумнее. Арделия сменила гнев на милость и продолжила уже вполне миролюбиво:

«Этот мерзавец сегодня днем пришел в библиотеку и начал копаться в моем прошлом. Буквально бомбардировал вопросами. Хотел выяснить, где я жила перед переездом в Джанкшен-Сити, какую школу посещала... Видел бы ты, Дейви, каким волком он на меня смотрел! Ничего, я его проучу! Будет знать, как вести себя с настоящей дамой!»

«Тебе его не запугать. Пауэр ничего не боится».

«Боится, — ухмыльнулась Арделия. — Меня по крайней мере. Правда, пока полицейский об этом и не подозревает».

Она ухмылялась, но в глазах ее вновь промелькнул страх. Для нападок Пауэр выбрал самое неудачное для «библиотекарши» время — Арделия готовилась к спячке, и сил у нее оставалось меньше обычного.

— Арделия не сказала вам, что побудило Пауэра обратить на нее внимание? — спросила Наоми.

— Это и так ясно, — ответил Сэм. — Дочь ему рассказала.

— Нет, — покачал головой Дейв. — Я ее не спрашивал — боялся даже обратиться к этой фурии, — но почему-то мне не кажется, что Тэнси проговорилась. Ведь, покидая библиотеку, дети обо всем начисто забывали... И о сказках, и о том, что вытворяла Арделия в ванной. Впрочем, они не просто забывали... похоже, Арделия обладала способностью внушать им какие-то другие мысли. Во всяком случае, уходили детишки всегда веселыми. И вообще большинство родителей просто боготворили Арделию, готовы были ее на руках носить.

Думаю, Пауэр сам заподозрил *неладное,* заметив, что Тэнси каким-то образом изменилась. Ведь Арделия, как и любой другой вампир, высасывала из своих жертв нечто вполне осязаемое. Должно быть, Пауэр заметил или как-то почувствовал это.

— Но что заставило его заподозрить именно Арделию? — с недоумением спросил Сэм.

— Я же говорил, Пауэр отличался редкой сообразительностью. Чутье у него было развито, как у настоящей ищейки. Возможно, расспрашивал Тэнси и какие-то ответы дочки ему не понравились. Ведь по приходе в библиотеку он ничего не знал... но явно подозревал что-то. Причем вполне достаточно, коль скоро Арделия на стенку полезла. Помню, больше всего ее вывело из себя — и одновременно испугало — то, как он смотрел на нее. «Я тебя научу, как надо на меня смотреть», — все время повторяла эта бестия. Должно быть, Арделия слишком уверовала в то, что ей ничего не грозит, коль скоро первый же подобный случай выбил ее из колеи. Заставил впервые усомниться в собственной безнаказанности.

— Но ведь он мог поговорить и с другими детьми, — нерешительно предположила Наоми. — А затем сравнил услышанное и подметил какие-то очевидные

несовпадения. Наверное, и сами дети смотрели на нее по-разному. Как, например, вы с Сэмом.

— Все может быть, — пожал плечами Дейв. — Как бы то ни было, страх заставил ее поспешить.

«Весь завтрашний день я проведу в библиотеке, — сказала она мне. — Хочу на людях помелькать. Тебе же, Дейви, я поручаю Тэнси Пауэр. Будешь ждать перед домом, пока не убедишься, что девчонка осталась одна. Потом затащишь ее в лес. Можешь делать с ней все что заблагорассудится, но напоследок ты должен перерезать ей горло. И оставь труп там, где его наверняка найдут. Я хочу, чтобы этот ублюдок узнал обо всем до того, как я им займусь».

Я ничего не ответил. Даже рад был, что у меня тогда язык отнялся, ведь я мог такого наговорить, что Арделия вмиг бы мне голову оторвала. Я же сидел за кухонным столом, тупо пялясь на стакан виски, и Арделия, видимо, приняла мое молчание за согласие.

Потом мы перешли в спальню. И легли в постель — последний раз. Помню, я был уверен, что у меня ничего не выйдет; ведь известно, что напуганный мужчина теряет свою силу. Тем не менее все у нас получилось, причем не один раз. Вот как на меня действовала Арделия. Я предавался этим безумным скачкам, пока не лишился чувств. Когда очнулся, Арделия выпихивала меня босыми пятками из постели, и я свалился прямо на залитый солнечным светом пол. Было уже четверть седьмого, рот заливала мерзкая изжога, а голова просто раскалывалась.

«Пора делом заняться, — приказала Арделия. — Только смотри, Дейви, по пути в город никому на глаза не попадайся. Понял? И не забудь: займись девчонкой прямо с утра. Затащи в лес и прикончи. А сам затаись до темноты. Если тебя схватят раньше, я ничем помочь не смогу. Здесь же ты будешь в безопасности. Я устрою так, чтобы завтра утром двое детей оказались в библиотеке, хотя она и закрыта. Я уже выбрала эти

отродья — двоих самых мерзких гаденышей во всем городе. Мы отправимся в библиотеку вместе... а потом — нас там найдут. И увидят, что все мы мертвы. Но только мы с тобой, Дейви, вовсе не погибнем; мы освободимся. Славный розыгрыш, верно?»

И она расхохоталась. Сидела на кровати голая и хохотала как безумная, в то время как я извивался у ее ног, словно крыса, проглотившая отравленную приманку. Вскоре ее лицо снова начало превращаться в вытянутое рыло с хоботком, который торчал, как рог на шлеме викинга, а глаза вытянулись в узкие щелочки. Чувствуя, что меня вот-вот вывернет наизнанку, я пулей вылетел из дома, и меня вырвало прямо в палисаднике. А за моей спиной раздавался сатанинский смех Арделии.

Я начал одеваться возле дома, когда вдруг услышал голос Арделии; она обращалась ко мне из окна. Видеть я ее не мог, но каждое слово доносилось отчетливо.

«Не подведи меня, Дейви. Только попробуй меня предать, и тебе конец. И легким он не будет, это я обещаю».

«Я не подведу, Арделия», — пообещал я, не оборачиваясь, чтобы не смотреть на нее.

Знал, что не смогу на нее взглянуть, даже один-единственный раз. Я совсем дошел до ручки. Но все же... какая-то часть моего естества *хотела* остаться с ней, пойти *до конца,* даже если это и означало верное помешательство. И я был почти уверен, что пойду с ней. Если, конечно, она с самого начала не замыслила меня подставить. Это было бы вполне в ее духе. Арделия способна на все.

Я пробирался через кукурузное поле в Джанкшен-Сити. Обычно прогулка эта меня отрезвляла и худшие последствия похмелья по дороге исчезали. В то утро все было иначе. Дважды я останавливался поблевать. Во второй раз меня вырвало так жестоко, что я думал, этому конца не будет. Все вокруг было забрызгано моей кровавой рвотой. Когда я снова пустился в доро-

гу, голова моя болела еще сильнее, а перед глазами плыли круги. Я был уверен, что умираю, но мозг мой так и долбили слова: «Можешь делать с ней все что заблагорассудится, но *напоследок* ты должен перерезать ей горло».

Я не хотел убивать Тэнси Пауэр, но другого выхода не видел. Противиться Арделии я не мог, ну а потом... всю оставшуюся жизнь готов был нести на себе проклятие. А вдруг Арделия говорила правду и я обрел бы бессмертие? Тогда я обрекал себя на вечные муки.

В те дни железнодорожную станцию окружало множество привокзальных строений: депо, склады, камера хранения. Я забился в старый, почти заброшенный пакгауз на северной стороне и уснул на пару часов. И, очнувшись, почувствовал себя лучше. Я понимал, что остановить Арделию или хотя бы помешать ей невозможно, поэтому устремился к дому Джона Пауэра — за девочкой. Ни на кого не глядя, я прошел через центр города, без конца повторяя про себя: «Я покончу одним махом, чтобы Тэнси не мучилась. Сверну шею, и она даже испугаться не успеет».

Дейв снова вынул носовой платок и дрожащей рукой вытер вспотевший лоб.

— Я дошел уже до грошовой лавчонки, где все продавалось по пять — десять центов; сейчас ее уже нет. Идти мне оставалось всего ничего, и я был уверен, что увижу Тэнси во дворе. Одну... А до леса оттуда рукой подать.

На мгновение я приостановился перед витриной грошовой лавки, и волосы у меня встали дыбом. Там горой громоздились дети! Мертвые дети с выпученными глазами и перепутавшимися и переломанными конечностями. Я невольно вскрикнул и зажал рот ладонью. В ужасе зажмурился. Затем, открыв глаза, понял, что вижу всего лишь груду старых кукол, которые миссис Сигер собиралась рассадить. Узнав меня, старая ведьма замахнулась одной из кукол — убирайся, мол, пьяный дурень! Но я не уходил: не мог оторвать взгля-

да от кукол. Пытался втолковать себе: это ведь самые обычные игрушки, и больше ничего; любому ясно. Но когда я, снова зажмурившись, открыл глаза, передо мной вновь громоздились мертвые дети. Миссис Сигер, сама того не подозревая, рассаживала за стеклом маленькие трупики. И тут до меня дошло: кто-то пытается передать мне послание; возможно, оно еще не опоздало. Меня вдруг как током ударило: а что, если я еще смогу помешать Арделии? Или по крайней мере сам смогу спастись, пока не поздно.

И вот тогда, Сара, я впервые за всю свою жизнь взмолился Богу. Я молил его дать мне силу. Да, разумеется, Тэнси Пауэр убивать я не хотел. Я мечтал о другом — как бы спасти всех детей.

Я повернул обратно и добрался до ближайшей бензозаправочной станции — сейчас на ее месте универмаг «Три поросенка». По дороге набрал мелких камешков и сунул их в карман. На углу заправки был телефон-автомат... по-моему, он и сейчас там стоит. Я подошел к нему и вдруг сообразил: у меня ведь ни цента при себе нет. Скорее от отчаяния сунул палец в окошечко возврата и — о чудо! — обнаружил там десятицентовик. Теперь всякий раз, когда я слышу, что кто-то не верит в Бога, я вспоминаю то утро и ту десятицентовую монетку.

Сначала я подумал, что надо позвонить миссис Пауэр, но затем сообразил, что лучше связаться с конторой шерифа. Джону Пауэру передадут мои слова, и он обязательно примет какие-то меры; если, конечно, и впрямь подозревает Арделию в... Я плотно прикрыл дверь будки и быстро отыскал нужный номер в справочнике; тогда во многих будках еще лежали телефонные книги. Прежде чем звонить, я набил рот камешками, которые подобрал по дороге.

Трубку снял сам Джон Пауэр... Теперь мне кажется, что именно поэтому погибли Пэтси Харриген с Томом Гибсоном. Да и сам Джон Пауэр — тоже. Я был уверен, что к телефону подойдет диспетчер — тогда это

 была Ханна Веррил, — и я объясню ей, в чем дело. Услышав же резкий и уверенный голос помощника шерифа, я растерялся и чуть не проглотил камешки. С минуту, должно быть, не мог и слова выдавить.

«Чертовы ребятишки», — проворчал Пауэр, собираясь повесить трубку.

«Постойте! — выкрикнул я. Камешки исказили мой голос до неузнаваемости, словно рот у меня был ватой набит. — Не вешайте трубку!»

«Кто это?» — спросил он.

«Не важно, — ответил я. — Если вам дорога ваша дочь, срочно увезите ее из города и *ни в коем случае* не подпускайте близко к библиотеке. Я не шучу. Ей грозит серьезная опасность».

На этом все и кончилось. Подойди к телефону Ханна, я сказал бы ей куда больше. Назвал бы имена — Тэнси, Тома, Пэтси... да и про *Арделию* рассказал бы. Но Пауэр напугал меня; мне почему-то казалось, что, не повесь я трубку, он каким-то образом увидит, что я стою у телефона и трясусь как осиновый лист.

Я выплюнул камешки на ладонь и выбежал из будки. Позвонив, я сбросил с себя заклятие Арделии — так, во всяком случае, казалось, но меня охватила самая настоящая паника. Видели когда-нибудь птичку, которая, влетев в дом, начинает судорожно метаться и колотиться в окна? Нечто подобное творилось и со мной. Я даже позабыл о детях, которым грозила смертельная опасность. Мне вдруг показалось, что Арделия меня видит, что она все время с меня глаз не спускала и теперь хочет со мной разделаться.

Меня обуревало лишь одно желание — спрятаться подальше, с глаз долой. Я быстро пошел по Мейн-стрит. Ближе к ее концу я уже сбился на бег. К тому времени все в моем мозгу смешалось — и Арделия, и Библиотечный полицейский, и темный человек — тот самый, что управлял паровым катком и сидел за рулем автомобиля, увозившего Растяпу Саймона.

Я был почему-то уверен, что сейчас все трое преследуют меня в стареньком «бьюике». Добравшись до вокзала, я снова спрятался в уже знакомом пакгаузе. Забился под нижнюю полку стеллажа, весь дрожа в ожидании, что с минуты на минуту нагрянет Арделия. Я был уверен, что стоит мне только поднять глаза, и я увижу ее мерзкое рыло с хоботком.

Тогда я ползком выбрался из пакгауза и вдруг прямо посреди кучи прелой листвы у платформы увидел полбутылки вина. Когда-то я сам ее там оставил, а потом начисто позабыл. В три глотка я осушил бутылку, а потом залез под платформу и отрубился. Очнувшись, я решил было, что проспал каких-то несколько минут — освещение и тени ничуть не изменились. Лишь головная боль прошла и желудок от голода подводило.

— Неужели вы проспали целые сутки? — спросила Наоми.

— Нет — почти *двое* суток! В контору шерифа я звонил около десяти утра в понедельник, а очнулся под платформой, все еще сжимая пустую бутылку, уже в среду, в восемь утра. Да и сон этот был не простой. Не забудьте — я ведь *два года* почти не просыхал от беспробудного пьянства. Добавьте сюда Арделию, детишек и этот кошмар во время детского часа. Два года я вертелся в настоящем аду. Должно быть, нашлась все-таки здравая частичка моего мозга и сумела неким образом отключить меня на какое-то время... Я был словно в коме.

Так вот, когда я проснулся, все было уже кончено. Мертвых детей еще не нашли, но все уже было позади. Я понял это, как только пришел в себя. Внутри образовалась какая-то странная пустота; такое ощущение возникает, когда проводишь языком по десне, где только что был зуб. Но только пустота эта возникла не где-нибудь, а прямо в *моем* мозгу. И я понял, в чем дело: Арделии не стало. Дьявольское отродье сгинуло.

Выпрямившись в полный рост, я едва не лишился чувств. От голода, должно быть. И тут увидел Брайана

 Келли, который служил тогда на станции кладовщиком. Он обходил стоявшие рядком контейнеры и что-то помечал в блокноте. Я с трудом проковылял к нему. Когда Келли заметил меня, лицо его исказила гримаса отвращения. А ведь было время, когда мы с ним распивали на пару в таверне «Домино», которая сгорела дотла за несколько лет до вашего приезда, Сэм. Я не корил Келли — перед ним предстал грязный, вонючий, насквозь пропахший мочой и перегаром оборванец, из волос которого торчали прелые листья.

«Вали отсюда, старикан, не то я легавых позову», — пригрозил он.

Тот день я на всю жизнь запомнил. У пьяницы ведь многое случается впервые. Вот тогда я первый раз в жизни попросил милостыню. Умолял его подать мне четвертак на чашку чая с бутербродом. Келли пошарил в карманах и достал какую-то мелочь. Он даже не отдал мне монеты, а брезгливо швырнул в мою сторону. Мне пришлось ползать и собирать их посреди золы и грязи. Вряд ли он хотел тем самым унизить меня. Скорее просто не желал ко мне прикасаться. И я его не виню.

Увидев, что я собрал деньги, Келли сказал:

«А теперь, старик, проваливай! И помни: *я в самом деле* позову копов, если ты еще сюда заявишься».

«Не заявлюсь», — пообещал я и поспешил прочь.

Келли так и не узнал меня. К счастью.

По дороге в забегаловку я проходил мимо газетного киоска и, приостановившись, увидел свежий выпуск «Газетт». Вот когда я понял, что проспал двое суток. Число для меня ровным счетом ничего не значило — я уже давно привык без календаря обходиться, — а вот день недели поразил. Я ведь точно знал, что Арделия выпихнула меня ногой из постели в понедельник. А газета вышла в среду. В следующее мгновение я разглядел кричащие заголовки. Оказалось, что я проспал самый громкий день за всю историю Джанкшен-Сити. ПОИСКИ ПРОПАВШИХ ДЕТЕЙ ПРОДОЛЖАЮТСЯ, гласил

один заголовок. Рядом были помещены фотографии Тома Гибсона и Пэтси Харриген. Другой заголовок извещал: ВСКРЫТИЕ ПОКАЗАЛО, ЧТО ПОМОЩНИК ШЕРИФА УМЕР ОТ СЕРДЕЧНОГО ПРИСТУПА. Внизу — фотография Джона Пауэра.

Я взял одну газету, оставил пятицентовик и, усевшись прямо на тротуар, жадно прочитал обе заметки. Первая, про детишек, была короче. Особой тревоги их исчезновение не вызвало. Шериф считал, что они просто сбежали из дома.

Да, Арделия знала, кого выбрать; эти двое и впрямь считались отъявленными сорвиголовами, которые друг друга стоили. Их постоянно видели вместе, они жили по соседству. К тому же, утверждал автор заметки, обоим родители задали нахлобучку после того, как мать Пэтси увидела, что ее дочь и Том раскуривают сигареты. В Небраске у Тома жил непутевый дядюшка-фермер, и шериф, Норм Бимен, был уверен — там-то и следует искать беглецов. Впрочем, что он еще мог подумать? Эти дети были не из тех, кто проваливается в колодец или тонет в речке. А вот я точно знал, где их следует искать. Вместе с Арделией, которой удалось-таки обвести всех вокруг пальца. Там их и нашли, ближе к вечеру. Меня мало утешало то, что я спас Тэнси Пауэр и себя.

Заметка про помощника шерифа была побольше. Его тело нашли в понедельник вечером. Вчера «Газетт» сообщила об этом, но причина смерти к тому времени была еще неизвестна. Обнаружили Пауэра за рулем собственного автомобиля примерно в миле к западу от фермы Ордэя. В том самом месте, где я обычно сходил с дороги и пересекал кукурузное поле, пробираясь к дому Арделии.

Я сразу догадался, что произошло. Джон Пауэр был не из тех, кто сидит сложа руки, и, должно быть, выехал к Арделии сразу после моего звонка. Возможно, сначала позвонил жене и велел, чтобы она пока не выпускала Тэнси из дома. В газете об этом, правда, не

было ни слова, но я не сомневался, что Пауэр поступил именно так.

Увидев его, Арделия, должно быть, смекнула, что я на нее донес, что теперь ее песенка спета. И убила Пауэра. Высосала его, наверное, тем же самым способом, что и мистера Лейвина.

Хоть помощник шерифа и крепкий был мужик, но устоять перед Арделией было не под силу даже ему. Возьмите, к примеру, клен — древесина прочная, но начнешь сок цедить, и могучее дерево до смерти истечет.

Умертвив Пауэра, Арделия сама отвезла его в полицейском автомобиле на место, где и нашли тело. Пусть даже тогда по той дороге — Гарсон-роуд — редко кто ездил, все равно этот поступок требовал незаурядного мужества. Впрочем, что ей еще оставалось делать? Позвонить в контору шерифа и известить, что, мол, беседуя с ней, Джон Пауэр только что скончался от сердечного приступа? Звонок вызвал бы массу ненужных слухов и кривотолков, а ей это было совсем ни к чему. Даже Норм Бимен и тот полюбопытствовал бы, зачем вдруг его помощнику понадобилось бросать все дела и сломя голову мчаться домой к хранительнице городской библиотеки.

Итак, Арделия подвезла тело к ферме Ордэя и, съехав в кювет, бросила там полицейскую машину. Затем возвратилась домой тем же путем, каким обычно добирался я. Через кукурузное поле.

Дейв обвел взглядом Сэма с Наоми, потом снова посмотрел на Сэма.

— Держу пари, что сразу после этого принялась разыскивать меня. Не в том смысле, что прыгнула в машину и объезжала Джанкшен-Сити, заглядывая в мои излюбленные места. Нет, это ей было ни к чему. Арделия давно приучила меня к тому, что она всегда знает, где я нахожусь. Когда я был ей нужен, то независимо от того, сидел ли я на ящике позади парикмахерской, рыбачил на ручье или валялся в стельку

пьяный под деревом, она подсылала ко мне мальчугана с запиской, призывающей меня срочно явиться. Она всегда знала, где меня искать. Такой уж у нее был дар.

Но именно в этот, последний раз, когда я был нужен Арделии больше, чем когда бы то ни было, этот дар ее подвел. Я ведь, позвонив Пауэру, не просто уснул. Я отключился полностью. Впал в кому, если хотите. И тот особый внутренний взор, которым, несомненно, обладала Арделия, оказался бессилен. Не знаю, сколько раз она шарила своим взглядом-лучом по тому месту, где я валялся, да и знать не хочу. Одно скажу наверняка: найди эта гадина меня тогда, от меня и мокрого места не осталось бы.

Впрочем, будь у нее чуть побольше времени, она бы в конце концов все равно добилась своего. Меня спасло одно — время было на исходе. Арделия уже готовилась к спячке, и каждая минута была у нее на учете. К тому же она была уверена, что когда-нибудь ее время еще придет и она успеет мне отплатить. И вот сейчас, похоже, этот час пробил.

— Не понимаю, что вы хотите этим сказать, — нахмурился Сэм.

— Понимаете, — грустно произнес Дейв. — Кто взял у вас книги, из-за которых весь сыр-бор разгорелся? Кто их в утиль отправил? *Я!* Или вы считаете, что Арделия этого не знает?

— Думаете, она до сих пор хочет с вами поквитаться? — спросила Наоми.

— Да, но не так, как в прошлый раз. Теперь ей достаточно убить только *меня*. — Дейв с нескрываемым сочувствием посмотрел на Сэма. — Но главная ее цель — *вы*.

Сэм нервно рассмеялся.

— Не сомневаюсь, что тридцать лет назад она была настоящей секс-бомбой, — произнес он. — Теперь же Арделия вряд ли в моем вкусе.

— Вы и вправду ничего не поняли, Сэм, — с грустью промолвил Дейв. — Ее не ваши любовные утехи интересуют. Она хочет *стать* вами.

10

У Сэма отнялся язык. Прошло, должно быть, с полминуты, прежде чем он заговорил.

— Постойте-ка, Дейв. Что-то я не понимаю...

— Вы просто не хотите понять, — сказал Дейв. — Или боитесь — что вполне объяснимо. Что ж, тогда я расскажу вам кое-что еще.

Расправившись с Джоном Пауэром, Арделия отвезла его подальше от своего дома, чтобы не сразу навлечь на себя подозрение. Затем в тот же день поехала в город и открыла библиотеку. В обычное время. Частично потому, что преступник всегда пытается скрыться подальше от места преступления, частично потому, что старалась держаться как всегда. Но подлинная причина состояла в том, что Арделия уже начинала меняться *и для этого должна была умертвить этих ребятишек.* Не спрашивайте почему, так как мне это неизвестно. Возможно, она, подобно медведю, набивала утробу перед спячкой. Одно знаю точно: ей было крайне необходимо, чтобы детский час состоялся *именно* в тот понедельник... И она своего добилась.

Во время этого часа, погрузив детей в транс, она сказала Тому и Пэтси, чтобы во вторник утром они пришли к ней, даже несмотря на то что летом по вторникам и четвергам библиотека не работала. Дети пришли, и Арделия убила их, а сама погрузилась в сон... слишком похожий на смерть. Теперь же, тридцать лет спустя, появились вы, Сэм. Между прочим, вы знакомы со мной, а у Арделии со мной свои счеты... И вдобавок вам известно про Библиотечную полицию.

— Но я не знаю, откуда...

— Вы не ведаете, откуда вам это известно, что делает вас еще более привлекательной и уязвимой жертвой. К тому же вы молоды, одиноки и не имеете близких друзей. Верно?

— Да, было бы верно вплоть до сегодняшнего дня, — сказал Сэм, чуть подумав. — Мои лучшие друзья разъехались по разным городам. Но теперь, Дейв, я считаю вас и Наоми своими друзьями. Настоящими друзьями. И, безусловно, самыми близкими.

Наоми взяла Сэма за руку и пожала ее.

— Я это очень ценю, поверьте, — сказал Дейв, — но большой разницы для вас от этого нет. Ведь и со мной, и с Сарой она тоже собирается разделаться. «Чем больше, тем веселее». Людские жизни требуются ей перед каждой переменой... Думаю, что выход из спячки для Арделии такая же перемена, как и погружение в нее.

— Вы хотите сказать, что она намерена каким-то образом вселиться в Сэма? — спросила Наоми.

— Боюсь, что на самом деле это обстоит несколько иначе. Думаю, что Арделия собирается уничтожить внутренний мир Сэма — то, что и делает его Сэмом. Она намеревается вычистить его изнутри подобно тому, как дети вычищают тыкву, чтобы сделать из нее праздничный фонарик на Хэллоуин. И потом Арделия натянет эту оболочку на себя; для нее это столь же просто, как для вас — облачиться в новый костюм. Потом, когда это случится, рядом с нами окажется мужчина с внешностью Сэма Пиблса, который на самом деле будет мужчиной в той же степени, в какой Арделия Лорц была женщиной. Ведь я всегда знал, что под ее оболочкой на самом деле скрывается *нечто* — вовсе не рода человеческого.

Откуда взялась Арделия Лорц? Где она жила, прежде чем переехать в Джанкшен-Сити? Уверен, что все документы и справки, которые она предъявила мистеру Лейвину, на поверку оказались бы подделкой. Думаю, излишнее любопытство, которое проявил по от-

ношению к ней Джон Пауэр, и предопределило его участь. С другой стороны, я так же уверен, что *где-то* существовала и настоящая Арделия Лорц — в Миссисипи, Пенсильвании или в Мэне — и это *нечто* приняло ее обличье. Теперь оно собирается это сделать снова. Если мы допустим, чтобы это случилось, то очень скоро в каком-нибудь провинциальном городке Калифорнии, Монтаны или Род-Айленда объявится мужчина по имени Сэм Пиблс.

Большинству людей этот мистер понравится. Особенно — детям... Правда, в глубине души они будут его побаиваться, но ни с кем своими страхами не поделятся. Ну и, само собой разумеется, он будет работать в библиотеке.

Глава 12
В ДЕ-МОЙН НА САМОЛЕТЕ

1

Посмотрев на часы, Сэм с удивлением убедился, что уже три часа дня. До полуночи оставалось всего девять часов, а потом... в его дом вернется высоченный мужчина с серебристыми глазами. Или Арделия Лорц. А то и оба вместе.

— Как мне быть, Дейв? Может, прогуляться на кладбище, откопать Арделию и засадить ей в сердце осиновый кол?

— Славный был бы подвиг, — горько усмехнулся Дейв. — Учитывая, что ее кремировали.

— Ах вот как... — Сэм, тяжело вздохнув, откинулся на спинку стула.

— Как бы то ни было, действовать мы теперь будем сообща, — взяв его за руку, твердо сказала Наоми. — По словам Дейва, она собирается разделаться не только с вами, но и с нами, однако не это важно.

Главное, что в беде друзья должны держаться вместе. Иначе какие же это друзья?

Сэм поднес ее руку к губам и поцеловал.

— Спасибо, конечно, но я просто не представляю, чем вы можете мне помочь. Или я — вам. Похоже, все мы бессильны. Если только... — Он с нескрываемой надеждой взглянул на Дейва. — А что, если я сбегу?

Дейв отрицательно покачал головой.

— Она... или оно все видит. Я же говорил вам. Пусть даже вы сейчас вскочите в машину и погоните как сумасшедший. Даже если вас не остановят полицейские и к полуночи вы доберетесь до Денвера, Арделия Лорц уже будет ждать вас там. Или же на каком-нибудь пустынном участке вы вдруг обнаружите, что рядом с вами в машине сидит Библиотечный полицейский.

При одной мысли об этом бледном лице и серебристых глазах, тускло освещаемых лишь мерцающими лампочками на приборном щитке, Сэма бросило в дрожь.

— Так как же быть? — судорожно сглотнув, выдавил он.

— Мне кажется, вы оба знаете, что нужно делать в первую очередь, — ответил Дейв и, допив чай, поставил стакан на ступеньку крыльца. — Только пораскиньте чуть-чуть мозгами и сами поймете.

Все уставились на заброшенный элеватор. Мысли Сэма лихорадочно разбегались; всплывали лишь какие-то бессвязные обрывки из рассказа Дейва и звучал зловеще шипящий голос Библиотечного полицейского: *Я и с-слышать не хочу ваши жалкие оправдания... Даю вам с-срок до полуночи. Потом... я приду снова.*

Вдруг лицо Наоми прояснилось.

— Ну конечно же! — воскликнула она. — И как же я сразу не додумалась! Но... — И задала Дейву вопрос.

— Есть в Де-Мойне одно местечко, — ответил старик. — «Пелл» называется. Если где и могут помочь, так это там. Звоните им, Сара.

2

Проводив ее взглядом, Сэм сказал:

— Даже если «Пелл» и в состоянии выручить нас, вряд ли мы успеем туда добраться. То есть попытка, конечно, не пытка...

— Я вовсе не говорил, что вы с Сарой отправитесь туда на машине. Вы полетите на самолете. Из Провербии.

— Я даже не подозревал, что в Провербии есть аэропорт, — признался изумленный Сэм.

— В строгом смысле слова это, конечно, не аэропорт. — Дейв даже улыбнулся. — Скорее полоса утоптанной грязи длиной около полумили, которую Стэн Соумс горделиво величает взлетно-посадочной. А офис «Воздушных линий Западной Айовы» Стэн разместил в собственной гостиной. Поговорите с ним. У Стэна есть собственный самолетик «навахо». Он доставит вас в Де-Мойн и обратно. Часов в восемь-девять уже вернетесь.

— А вдруг его там не окажется?

— Тогда придумаем что-нибудь другое. Но я уверен, что вы его застанете. Если Стэн и любит что-то больше неба, так это землю. А весной фермера от своей земли палкой не отгонишь. Впрочем, он, разумеется, попытается вам отказать — занят, мол, огород не могу бросить и тому подобное... Но вы скажите, что вас прислал Дейв Данкен, который просил передать: «Пришло время расплатиться за бейсбольные мячи». Запомните?

— Да, но что это значит?

— Не важно, — ответил Дейв. — Главное, это на него подействует. А потом, когда прилетите с ним в Джанкшен-Сити, сюда уже не возвращайтесь. Езжайте прямиком в город.

Сердце Сэма учащенно забилось.

— В библиотеку?

— Именно.

— Послушайте, Дейв, я согласен со словами Наоми про друзей, но действовать я должен в одиночку. Ни вы, ни она тут ни при чем. Арделию вызвал к жизни я, мне и расплачиваться...

Дейв схватил Сэма за запястье и стиснул с неожиданной силой.

— Если вы и вправду так думаете, значит, так ничего и не поняли. Не вы вызвали к жизни Арделию. И даже не я. На моей совести загубленные души Джона Пауэра и двух детей — не говоря уж о страхе, который мои плакаты нагоняли на стольких ребятишек, — но помешать ей было не в моих силах. Тем не менее Арделия вернется, чтобы отомстить мне. Если окажется, что мы с вами порознь, она сначала придет ко мне. А уже потом — к другим. Сара права, Сэм. Мы с ней не вас должны защищать, нет; мы все трое должны держаться рядом, чтобы защитить друг друга. Сара ведь теперь *тоже* знает про Арделию. Если Арделии еще это не известно, то она мигом смекнет, как только появится здесь сегодня ночью. Из Джанкшен-Сити она собирается выбраться уже под *вашей* личиной, Сэм. Неужели вы считаете, что Лорц оставит свидетелей?

— Но...

— Никаких «но», — отрезал Дейв. — Выбор у нас только один, и это понятно даже такому горькому пьянице, как я, — либо мы выступаем вместе, либо все падем от ее руки. — Он наклонился поближе к Сэму. — Если хотите спасти Сару, то забудьте о геройстве, Сэм, а попробуйте лучше вспомнить, кто был ваш Библиотечный полицейский. У вас нет иного выхода. Ведь Арделия на первого встречного не бросается. У вас был *свой* Библиотечный полицейский, Сэм. Иначе быть не может. Вы должны вспомнить.

— Я пытался, — пробормотал Сэм, в глубине души понимая, что говорит неправду.

Ведь всякий раз, как он пытался вспомнить этот голос, звук словно растворялся.

(Пойдем с-со мной, с-сынок... я полит-сейский)

Во рту оставался лишь приторный вкус солодки, которую Сэм никогда не пробовал, но тем не менее люто ненавидел... И все.

— Вы должны вспомнить, Сэм, — настойчиво повторил Дейв. — Иначе мы пропали.

Сэм глубоко вздохнул. Старик легонько прикоснулся указательным пальцем к его затылку и сказал:

— Это ключ к разгадке всей тайны. А возможно, и к тому, что мучило вас всю вашу жизнь, Сэм. К вашему одиночеству и печалям.

Сэм посмотрел на него с испугом. Дейв грустно улыбнулся.

— Да, — промолвил он, — вы ведь и правда одиноки и несчастны, Сэм. Внешне-то молодцом держитесь, но я вас давно раскусил. Хотя до сегодняшнего дня я был для вас только Грязнулей Дейвом, который раз в месяц заявлялся за старыми газетами, но, поверьте, глаза-то у меня на месте. Да и в людях я разбираюсь.

— Ключ ко всему, — тихонько пробормотал Сэм и невольно подумал, возможно ли, чтобы такая удобная штука существовала и в самом деле, а не только в книжках и фильмах про умных психиатров и несчастных больных.

— Именно, — твердо сказал Дейв. — Это, конечно, страшно, Сэм. И, поверьте, я ничуть не виню вас за нежелание как следует порыться в памяти. Но тем не менее это в вашей власти и, уверен, вполне вам по силам. Словом, у вас есть выбор.

— Скажите, Дейв, этому тоже учат в вашей организации?

— У нас многому учат, — улыбнулся он. — Но то, что вы имеете в виду, я уже давно знаю.

В дверях появилась Наоми. Она улыбалась, глаза ее сияли.

— Прелесть, правда? — тихо произнес Дейв.

— Да, — кивнул Сэм, не в силах оторвать взгляд от прекрасного лица молодой женщины.

Он уже понял, что влюбился в Наоми по уши. И был твердо уверен, что Дейв Данкен знает это.

3

— Он так долго проверял, что я уже забеспокоилась, — сказала Наоми. — Но в итоге нам повезло.

— Замечательно, — сказал Дейв. — Тогда отправляйтесь к Соумсу. Скажите, Сара, библиотека по-прежнему закрывается в восемь вечера?

— Да, в этом я уверена.

— Что ж, тогда часам к пяти я туда подойду. А с вами встретимся за библиотекой у погрузочной платформы. Между восемью и девятью вечера. Но лучше — ближе к восьми. Да и безопаснее. Только, Бога ради, не опаздывайте.

— А как мы войдем? — осведомился Сэм.

— Это уж моя забота, — сказал Дейв. — Поезжайте быстрее.

— Может, позвонить отсюда этому Соумсу? — предложил Сэм. — Узнать хоть, на месте ли он.

— Это без толку. Жена его года четыре назад бросила — к другому ушла. Говорила, что Стэн всегда думал только о своей работе, а ее не замечал — обычное оправдание для женщины, которая уже лыжи навострила. Детей нет. Он сейчас наверняка в огороде трудится. Отправляйтесь, не мешкайте.

Наоми поцеловала Дейва в щеку.

— Спасибо за то, что все рассказали.

— Я и сам рад. Теперь мне гораздо легче, словно гора с плеч свалилась.

Сэм уже собрался было пожать Дейву руку, но в последний миг передумал и тепло обнял старика за плечи.

4

Стэн Соумс оказался высоким и костлявым, с колючим взглядом, который странно контрастировал с добродушным лицом; поражал его загар — весна еще толком не началась, а лицо Стэна Соумса было уже почти коричневым. Сэм дал бы ему на вид лет шестьдесят.

Они отыскали Соумса в огороде за домом, как и предрекал Дейв. К северу, ярдах в семидесяти от забрызганного грязью грузовичка, Сэм разглядел нечто, напоминавшее грунтовую дорогу... однако в самом ее конце торчал крохотный самолетик, накрытый брезентом, а на одиноком шесте развевался флюгер в виде ветрового конуса. Это и был местный аэродром.

— Не могу, — покачал головой Стэн Соумс. — Дел у меня невпроворот, а помочь некому. Вы бы хоть заранее позвонили.

— У нас несчастье, — сказала Наоми. — Дело не терпит отлагательства.

Стэн Соумс вздохнул и развел руками, словно показывая им необъятные масштабы своих невозделанных угодий.

— Знаете, что такое настоящее несчастье? — спросил он. — Это отношение нашего правительства к фермерам вроде меня. Вот что такое несчастье. Слушайте, в Сидар-Рапидс есть один малый, который может...

— Мы не успеем добраться в Сидар-Рапидс, — начал было Сэм. — Дейв предупредил, что вы не...

— Дейв? — навострил уши Стэн Соумс. — Какой Дейв?

— Дейв Данкен. Он велел передать вам, что пришла пора расплатиться за бейсбольные мячи.

Брови Соумса взметнулись на лоб, пальцы сжались в кулаки, и на мгновение Сэму даже показалось, что фермер собирается его ударить. Однако в следующий миг он затряс головой и громко, от души расхохотался.

— Господи, и ста лет не прошло, как старина Дейв вспомнил про старый должок! Ну и дела, черт побери!

И Стэн двинулся к работавшей неподалеку поливочной машине. Затем остановился и прокричал, перекрывая голосом ее гул:

— Идите к самолету, а я пока выключу эту хреновину! Только в болото не провалитесь, не то без обуви останетесь!

Соумс завозился с машиной. Несмотря на шум, Сэму показалось, что он снова слышит, как фермер хохочет.

— А в чем дело? — полюбопытствовала Наоми.

— Сам не знаю — Дейв не объяснил. — Сэм предложил ей руку. — Мадам, позвольте вас препроводить.

Наоми с улыбкой взяла его под руку.

— Благодарю вас, сэр.

Они старательно обогнули болотце, на которое указал Соумс, но на самом его краю Наоми все-таки поскользнулась и по колено провалилась в мутноватую жижу. Как и предсказывал Соумс, ботиночек тут же засосало, и Сэму пришлось выуживать его. Достав облепленный грязью предмет, он тут же подхватил Наоми на руки.

— Ой, Сэм, не надо! — запищала она, громко смеясь. — Надорветесь ведь!

— Ничего подобного, — возразил Сэм. — Вы легкая как перышко.

Тяжести он и впрямь не ощущал, однако голова вскоре закружилась, и уже возле самолета Сэм опустил Наоми. Она приподняла голову и посмотрела ему в глаза. Взгляд был удивительно чист и спокоен. Не думая, Сэм поцеловал ее в губы. В следующее мгновение Наоми обвила руками его шею и поцеловала в ответ.

Когда они оторвались друг от друга, Сэм уже тяжело дышал. А Наоми улыбалась.

— Можете теперь звать меня Сара, — сказала она. — В любое время.

Сэм рассмеялся и снова прильнул к ее устам.

5

Лететь в «навахо» за спиной у Стэна Соумса было все равно что трястись по круче верхом на норовистом муле. Самолетик так болтало в воздухе, что Сэму даже подумалось, как они могут провести Арделию: пока та расставляет сети на свою добычу, останки ее жертв могут разлететься по всей Айове.

А вот Стэн Соумс, похоже, ничего не замечал. Не обращая внимания на отчаянную болтанку, грозившую вот-вот развалить его ветхий самолетик, пилот-фермер беззаботно распевал во весь голос. Наоми же, судорожно обхватив лицо руками, разглядывала проплывавшие внизу дороги, поля и домики.

Сэм ласково похлопал ее по плечу.

— Вы ведете себя так, словно никогда не летали на самолете! — крикнул он, силясь перекричать комариное жужжание двигателей.

Наоми вдруг улыбнулась, точь-в-точь как восторженная школьница.

— А я и не летала! — задорно выкрикнула она и снова устремила взгляд вниз.

— Ну надо же, — покачал головой Сэм.

В следующую секунду самолет резко дернулся, и Сэм поспешил затянуть пристежной ремень потуже.

6

В двадцать минут пятого «навахо» уже катил по взлетно-посадочной полосе окружного аэропорта Де-Мойна. Подъехав к гражданскому терминалу, Соумс заглушил двигатели и открыл дверцу. Увидев, как по-

жилой летчик обхватил Наоми за талию, помогая ей спуститься, Сэм с изумлением для себя ощутил жгучий укол ревности.

— Спасибо! — поблагодарила Наоми, запыхавшись; щеки ее раскраснелись, глаза сияли. — Это было просто *необыкновенно!*

Соумс радостно расплылся и вмиг помолодел лет на двадцать.

— Да, я и сам удовольствие получил, — признался он. — Куда лучше, чем на тракторе целый день трястись. — Он перевел взгляд на Сэма. — Слушайте, а что у вас случилось-то? Может, помочь чем могу... как-никак я задолжал старине Дейву нечто большее, нежели разок смотаться в Де-Мойн и обратно.

— Нам нужно побывать в городе, — пояснил Сэм. — В книжном магазине «Пелл». Там для нас пару книжек отложили.

У Стэна Соумса отвалилась челюсть.

— Повторите-ка, — прохрипел он.

— В магазине «Пелл»...

— Я прекрасно знаю, что такое «Пелл», — перебил Соумс. — Впереди новые книги, сзади — всякое старье. Лучшее собрание на всем Среднем Западе, если верить рекламе. Слушайте, не хотите же вы сказать, что оторвали меня от срочных дел и прогоняли сюда из-за пары *каких-то книжек?*

— Для нас это крайне важно, мистер Соумс, — ответила Наоми. — Для меня сейчас это самое важное в жизни. Да и для Сэма...

— И для Дейва, — вставил Сэм.

— Интересно, смогу ли я понять это, если вы мне расскажете? — с недоумением спросил Соумс.

— Нет, — покачал головой Сэм.

— Вряд ли, — улыбнулась Наоми.

Соумс глубоко вздохнул, выпустив воздух через широкие ноздри, и упрятал руки в карманы.

— Что ж, будь по-вашему. Я ведь уже сто лет как Дейву задолжал, а долг платежом красен. К тому же

именно со мной эта прелестная девушка совершила свой первый полет. По-моему, первый полет для такой красавицы может сравниться разве что с первой брач...

Он осекся и принялся, понурившись, тыкать носком ботинка в черное покрытие полосы. Наоми, с трудом сдерживая смех, отвернулась. Подмога пришла неожиданно; увидев проезжавший мимо заправщик, Соумс что-то выкрикнул водителю и поспешил к нему.

— Похоже, вы произвели неизгладимое впечатление на нашего доблестного пилота, — заметил Сэм.

— Ну и что? — с некоторым вызовом спросила Наоми. — Мне сейчас так хорошо. Глупо, да?

Сэм поправил прядь волос, выбившуюся у нее из-за уха.

— День какой-то безумный. За всю жизнь со мной столько не случалось.

И тут же его внутренний голос вновь напомнил о себе — выплыл из самых отдаленных глубин его сознания и поправил, что это не совсем так. Был уже день и более безумный, чем этот. День «Черной стрелы» и тошнотворного привкуса солодки во рту.

Близкий к панике, Сэм попытался заглушить этот голос.

Если хотите спасти Сару, Сэм, то забудьте о геройстве, а попробуйте лучше вспомнить, кто был ваш Библиотечный полицейский.

Нет! Я не могу! Я... не хочу! Мне нельзя!

У вас нет иного выхода. Вы должны вспомнить.

Нет, мне нельзя! Мне запретили!

Вы должны вспомнить, Сэм. Иначе мы пропали.

— Я хочу домой, — пробормотал Сэм себе под нос.

— Вы что-то сказали, Сэм? — спросила Наоми.

— Нет. Просто вырвалось...

— Вы очень побледнели.

К ним подошел Стэн Соумс и, показывая пальцем на водителя заправщика, сказал:

— Доусон разрешил взять его машину. Я отвезу вас в город.

— Мы можем поехать на такси... — начал было Сэм, но Наоми быстро перебила его:

— Время поджимает. Спасибо вам огромное, мистер Соумс.

— Да ладно вам, — отмахнулся тот и вдруг смущенно улыбнулся. — Можете звать меня Стэн. Поехали. Доусон говорит, что из Колорадо циклон идет. Нужно вернуться в Джанкшен-Сити, прежде чем вся эта кутерьма начнется.

7

Здание, в котором разместился «Пелл», напоминало скорее казарму, нежели современный книжный магазин. Наоми спросила, где можно найти Майка. Ее препроводили к столу обслуживания покупателей, который разместился как раз между секциями, где торговали новыми и подержанными книгами; последняя была заметно больше.

— Меня зовут Наоми Хиггинс. Это я вам сегодня звонила.

— Да, да, конечно, — кивнул Майк.

Порывшись на одной из полок, доверху заставленной книгами, он достал два томика и протянул ей — сборник «Помощник оратора» под редакцией Кента Эдельмена и «Любимые стихи американцев». Никогда прежде Сэм Пиблс так не радовался при виде книг. Он с трудом подавил в себе желание выхватить их у Майка и прижать к груди.

— С «Любимыми стихами» все было просто, — сказал Майк, — а вот «Помощник оратора» уже давно не переиздается. Должно быть, «Пелл» — единственный магазин на всем Среднем Западе, где сохранилась эта книжка. Да еще в таком приличном состоянии... Не считая библиотек, разумеется.

— По-моему, они вообще выглядят как новенькие, — расчувствовался Сэм.

— Это подарок?

— В некотором роде.

— Давайте я их заверну понаряднее; это не займет и минуты.

— Нет, спасибо, — отказалась Наоми.

Обе книги обошлись им в двадцать два доллара пятьдесят семь центов.

— Поверить не могу, — промолвил Сэм, когда они вышли из магазина и направились к машине. — Как все, оказывается, просто...

— Не волнуйтесь, — промолвила Наоми. — *Дальше* просто не будет.

8

По дороге в аэропорт Сэм спросил пилота, не расскажет ли он им про Дейва и бейсбольные мячи.

— Если это не тайна, конечно. А то любопытство, знаете, разбирает.

Соумс покосился на пакет с книгами, который Сэм держал на коленях.

— Меня вообще-то тоже от любопытства распирает, — признался он. — Давайте договоримся так. История с бейсбольными мячами случилась десять лет назад. Я расскажу ее, если вы обещаете, что через десять лет расскажете мне историю с книгами.

— Договорились, — поспешила согласиться Наоми, сидевшая сзади. И тут же добавила то, что вертелось на языке у Сэма: — Если, конечно, живы будем.

Соумс расхохотался.

— Точно... Как говорится, человек предполагает, а Господь располагает. Верно?

— Мало ли кому кирпич на голову свалится, — вырвалось у Сэма.

— Вот именно, — сказал Соумс. — На моего единственного сынка в восьмидесятом году как раз такой кирпич и свалился. Под названием белокровие. Или лейкоз, как врачи говорили. Только, на мой взгляд, это и был пресловутый кирпич.

— Господи, какая жалость! — всплеснула руками Наоми. — Как я вам сочувствую!

— Спасибо. Я все себя уговариваю, что уже пережил это, но время от времени тот кошмар возвращается, и мне остается только выть от боли. Наверное, у каждого в жизни есть такое, что остается с ним навсегда.

Такое, что навсегда остается с ним.

Пойдем с-со мной, с-сынок... я полит-сейский.

Я могу теперь домой пойти, сэр... штраф ведь уплачен, да?

Сэм прикоснулся к дрожащим губам дрожащими пальцами.

— Так вот, с Дейвом мы уже сто лет знакомы, — продолжил Соумс. — Мы выросли бок о бок, в школу вдвоем ходили, да и вообще пуд соли вместе съели. Да и выпивали на пару крепко. Но вот только я потом завязал, а Дейв не сумел... — Соумс сокрушенно покачал головой. — Пьяный или трезвый, Дейв был, пожалуй, лучшим из всех, кто встречался на моем пути. Правда, со временем трезв он бывал все реже и реже, и мы постепенно отдалились друг от друга. Самые тяжкие дни наступили для него в конце пятидесятых. Тогда он вообще не просыхал. Затем стал посещать «АА», и ему чуть полегчало...

Я женился в шестьдесят восьмом. Меня так и подмывало позвать Дейва дружкой на свадьбу, но я не решился. Кстати, заявился он к нам в итоге трезвый как стеклышко, но это было исключение.

— Понимаю, — кивнула Наоми, но Стэн Соумс расхохотался ей в лицо.

— Сомневаюсь, чтобы такая чистая душа, как вы, могла понять проблемы горьких пьяниц, но и на том

спасибо. Впрочем, даже пригласи я его дружкой, Лаура — это моя бывшая — костьми бы легла и воспрепятствовала этому. Как бы то ни было, Дейв пришел, а потом, уже когда мой сыночек Джой на свет появился, мы стали встречаться почаще. Дейв вообще всегда относился к детишкам с каким-то удивительным теплом.

Случилось так, что сынишка мой просто бредил бейсболом. Альбомы с наклейками собирал, вкладыши от жвачек... даже просил спутниковую антенну. Чтобы все матчи «Ройалз» смотреть. Он по-настоящему болел за «Ройалз». Уже в восемь лет не только всех игроков наперечет знал, но и их личные достижения, как, впрочем, и игровые показатели едва ли не любого питчера в Американской лиге. Мы с Дейвом несколько раз водили его на игру. Для моего ребятенка это было все равно что по райским кущам прогуляться. Еще пару раз Дейв его сам захватывал — пока я вкалывал. Помню, однажды Лаура мне всю плешь проела, что Дейв напьется как свинья, а ребенка бросит. Но ничего подобного ни разу не случилось. Насколько мне известно, находясь с мальчиком, Дейв за все время ни разу капли в рот не взял.

Мой Джой заболел, но самым страшным для него было то, что он до самого лета на бейсбол ходить не будет, а то и вообще никогда. Это угнетало ребенка куда больше, чем сама болезнь. Когда Дейв пришел его навестить, Джой с плачем в этом признался. Дейв его обнял, как сейчас помню, прижал к груди и сказал: «Ничего страшного, Джой. Раз ты не можешь пойти на матчи, я тебе сам сюда «Ройалз» доставлю».

Джой страшно удивился и спросил: «Как, дядя Дейв, — прямо живьем?» Он всегда называл его «дядя Дейв».

«Живьем, наверное, не смогу, — ответил Дейв. — Но особой разницы ты не почувствуешь».

Подкатив к воротам гражданского терминала, Соумс требовательно погудел, и ворота распахнулись. Он

проехал прямо к «навахо» и, заглушив двигатель, некоторое время молча сидел, потупившись.

— Я всегда знал, что Дейв необыкновенная личность, — промолвил он наконец. — Но до сих пор не могу понять, как ему удалось сотворить такое и так быстро. Знаю только наверняка, что он несколько ночей не спал, ведь за каких-то десять дней управился...

Дейв знал, что мешкать нельзя. Врачи уже сказали: Джою считанные дни жить осталось. У моего малыша шансов не было изначально. Слишком уж поздно поняли, что с ним что-то не то. А эта зараза, она ведь как пожар... Словом, через десять дней Дейв пришел к Джою в больницу с двумя бумажными пакетами.

«Ой, дядя Дейв, что там у вас?» — спросил мой малыш.

Настроение у него было плохое: уже вылезали волосы, а в те дни дети все поголовно носили длинные прически, иначе сверстники их за людей не считали. Так вот, только он увидел дядю Дейва, как щечки сразу зарумянились и глазенки разгорелись.

«Как что? «Ройалз», разумеется, — невозмутимо ответил Дейв. — Разве я тебе не обещал?» — И высыпал содержимое обоих пакетов прямо на постель.

Господи, я за всю жизнь не видел у своего малыша такой счастливой мордашки! Она засияла, как рождественская елка... и... ох, дьявольщина...

Голос Стэна Соумса с каждой секундой становился все более хриплым. Подавшись вперед, фермер-пилот навалился на рулевое колесо «бьюика» с такой силой, что взревел сигнал. Соумс вынул из заднего брючного кармана клетчатый носовой платок, вытер глаза, а затем с шумом высморкался.

Наоми перегнулась через верх спинки сиденья и прикоснулась к его щеке.

— Мистер Соумс, если вам так тяжело...

— Нет. — Сэм заметил, как по его обветренной щеке скатилась крохотная слезинка; словно капелька

росы на утреннем солнце. — Просто воспоминания нахлынули. Какой он был, мой мальчуган! Это больно, мисс, но вместе с тем и радостно. Ведь счастье и боль всегда рядышком.

— Я вас понимаю, — тихонько шепнула Наоми.

— Так вот, когда Дейв перевернул свои пакеты, из них выкатились бейсбольные мячи — их было штук тридцать. Не обычные мячи — на каждом из них было нарисовано лицо игрока бейсбольной команды «Канзас-Сити ройалз» из состава тысяча девятьсот восьмидесятого года. И не просто нарисовано. Это были самые настоящие портреты. Мне не раз приходилось видеть работы Дейва — до того, как он начал пить, — но ни одна не могла сравниться с этими. Все они были как живые — Вилли Айкенс и Фрэнк Уайт, Ю.Л. Вашингтон и Джордж Бретт... Вилли Уилсон и Эймос Отис... Дэн Квезенберри со свирепым взглядом, как наемный убийца из старого вестерна... Пол Сплиторф и Кен Бретт... Всех я сейчас и не вспомню, но Дейв изобразил всю команду, включая тренера, Джима Фрея.

Не знаю, как Дейву это удалось, но он ухитрился смотаться в Канзас-Сити и заполучить у всех игроков автографы — каждый расписался на своем мяче. Кроме Даррела Портера, кэтчера. Он слег с гриппом, но поклялся, что подпишет свой мяч, как только очухается. И подписал.

— Ну и дела, — только и выдавил Сэм.

— Да, и это чудо сотворил Дейв, над которым наши жители посмеивались и которого звали Грязнуля Дейв. Знаете, порой, когда я это слышу, у меня поневоле кулаки сжимаются. Я за Дейва готов кому угодно глотку перегрызть! Как только вспомню, что он сделал для моего сынишки...

Сэм со стыдом подумал, что еще вчера называл Дейва не иначе, как Грязнулей. И посмеивался с Крейгом Джонсом и Фрэнком Стивенсом, глядя, как старик толкает перед собой тележку со старыми газетами. Сэм почувствовал, что щеки его заливает краска.

— Да, это был необычайный поступок. — Наоми снова погладила Стэна Соумса по щеке, и Сэм заметил, что она плачет.

— Видели бы вы лицо моего сынишки! — мечтательно произнес Соумс. — Как он сидел в кровати и разглядывал своих любимцев в бейсбольных шапочках. Описать я это не смогу, но и не забуду до своего последнего вздоха. Да, видели бы вы его мордашку...

Вскоре Джою стало совсем плохо, но он все равно смотрел по телевизору все игры «Ройалз». И с мячиками своими не расставался ни на минуту. Его кровать стояла у окна, и на подоконнике он устроил нечто вроде музея. Выстраивал в ряд девять мячиков с изображениями игроков, которые участвовали в матче. Стоило Фрею произвести замену питчера, Джой тут же убирал один мячик и ставил на его место другой. И всегда сжимал в кулачке мяч с портретом игрока, который стоял с битой, готовый отбить подачу. Так что...

Стэн Соумс осекся и снова спрятал лицо в носовой платок. Сэм видел, как судорожно вздымаются его плечи. Наконец Соумс успокоился.

— Теперь вы знаете, почему я согласился доставить вас в Де-Мойн. Как согласился бы забросить в Нью-Йорк или хоть на край света, если бы только Дейв заикнулся об этом. Таких людей, как Дейв, в нашем мире больше днем с огнем не сыскать. Старина Дейв ведь слеплен из особого теста...

— И вы тоже, — произнес Сэм.

Соумс улыбнулся — невесело, криво, — открыл дверцу «бьюика» и сказал:

— Спасибо вам. Только теперь надо поспешить, чтобы с циклоном не столкнуться. Не забудьте свои книжки, мисс Хиггинс.

— Не забуду, — пообещала Наоми, бережно прижимая к груди пакет. — Ни за что.

Глава 13
БИБЛИОТЕЧНЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ (II)

1

Через двадцать минут после взлета Наоми оторвалась от иллюминатора — она не переставала удивляться крохотным машинкам, которые медленно ползли по тонюсенькой ленточке автострады, — и посмотрела на Сэма. Увиденное испугало ее не на шутку.

Сэм уснул, привалившись щекой к панели, но умиротворения в его лице не было; скорее он походил на человека, страдающего от мучительной боли. Из-под плотно смеженных век медленно просачивались слезинки. Наоми хотела растолкать его, как вдруг услышала дрожащий детский голос. Она ушам своим не поверила — так Сэм разговаривал во сне.

— *Я в беде, сэр?* — пропищал он.

Тем временем «навахо» очутился среди грозовых туч, и поднялась болтанка. Однако Наоми ничего не замечала. Она уже прикоснулась было к плечу Сэма, но в самый последний миг отдернула руку.

Кто был ВАШ Библиотечный полицейский, Сэм?

Это чудовище опять его мучает, подумала Наоми. *Вы уж извините, Сэм, но я не могу вас разбудить. Не сейчас. Мне кажется, вам уж лучше это перетерпеть. Простите меня, но досмотрите этот сон до конца. Только постарайтесь вспомнить его, когда проснетесь. Вспомните.*

2

На глазах у Сэма Пиблса Красная Шапочка вышла из пряничной избушки и заторопилась к своей бабушке; но вместо бабушки ее поджидал там злой Серый Волк. Содрав с девочки скальп, он собирался полако-

миться ее мозгами, которые выскребал из черепа длинной деревянной ложкой.

Да только что-то во сне не стыковалось; Красная Шапочка вдруг превратилась в мальчика, а пряничная избушка стала двухэтажным домом, в котором маленький Сэм жил с матерью после смерти отца. И еще — вместо пирожков в корзинке лежала «Черная стрела» Роберта Льюиса Стивенсона. Сэм прекрасно помнил, что прочитал ее, и очень внимательно. Вдруг он осознал: вовсе не к бабушке торопится, а в Сент-Луисскую библиотеку, причем спешка вызвана тем, что срок сдачи книги истек четыре дня назад.

Сэм как бы наблюдал за всем происходящим со стороны.

Вот Сэм — Красная Шапочка остановился на перекрестке, дожидаясь зеленого света. Вот он идет по Джонстаун-авеню с книгой под мышкой (уже без корзинки). Вот заходит в бакалейную лавчонку и покупает ириски «Солодка». Расплачивается долларовой бумажкой, а продавец отсчитывает девяносто пять центов сдачи. Этого более чем достаточно, чтобы заплатить штраф. И вот он снова идет, жует ириску и приближается к библиотеке.

Сэм попытался криком предупредить мальчика.

Осторожнее, мальчуган! Там волк! Не ходи туда! Тебя ждет волк!

Но мальчик продолжает идти, пожевывая свою конфетку. Вот он вышагивает по Бриггс-авеню, а библиотека — мрачная коробка из красного кирпича — высится уже совсем близко.

И тут Сэм — Красная Шапочка попытался вырваться из цепких объятий Морфея. Словно почувствовал близость Наоми и реального мира. Он даже слышал мерный рокот двигателей «навахо», который тут же смешивался с гулом машин на Бриггс-авеню, звяканьем велосипедных звоночков и чириканьем пташек в пышных кронах зеленых вязов. Крепко зажмурившись, Сэм пытался оттолкнуть от себя эти видения

и вернуться в реальность; он знал, что способен пробиться сквозь скорлупу иллюзий и вырваться на волю. И вдруг...

Нет, сказал Дейв. *Не делайте этого, Сэм. Стисните зубы и потерпите. Если хотите спасти Сару от Арделии, досмотрите сон до конца. Вы должны вспомнить своего Библиотечного полицейского. Узнать, кто это был.*

Но я не хочу! Хватит с меня. Я не могу это вспоминать! Я и так уже настрадался.

Все ваши прошлые страдания, Сэм, — ничто по сравнению с тем, что ждет вас впереди. Поверьте мне.

Сэм открыл глаза, но продолжал смотреть на происходящее во сне не обычным, а внутренним взором.

Вот Сэм — Красная Шапочка уже приближается к ступенькам лестницы, ведущей в восточное крыло библиотеки; в то крыло, где размещалась детская библиотека. Движения его какие-то плавные, почти замедленные; каждый шаг напоминает покачивание маятника в стеклянной коробке старинных дедушкиных часов. Он видит крохотные искорки — вкрапления слюды в бетонных ступеньках, густые заросли кустов, которыми засажена дорожка, увитые плющом кирпичные стены; непонятный, чем-то пугающий латинский девиз *Fuimus, non sumus**, высеченный полукругом над застекленными дверями с решеткой.

А вот и Библиотечный полицейский. Стоит прямо на лестнице и загораживает путь.

Только он совсем не бледный, а, наоборот, раскрасневшийся. И не высокий, а среднего роста, но зато с широченными плечами. И одет не в полушинель, а в самое обычное пальто. Правда, это очень странно, ведь в Сент-Луисе лето стоит, да и день знойный выдался. А вот глаз его не видно, потому что на носу у Библиотечного полицейского темные очки с круглыми стеклами — такие носят слепые.

---

* Мы были — нас нет *(лат.)* — обычная надмогильная надпись на римских кладбищах.

Но Сэм — Красная Шапочка не слышит. Он ничего не боится. Ведь день в самом разгаре, а вокруг столько людей — странных и порой даже загадочных. К тому же Сэм всю жизнь прожил в Сент-Луисе — чего ему бояться?

Он приближается к незнакомцу в темных очках и вдруг замечает на его лице шрам: тоненькую белесую ниточку, протянувшуюся через всю левую щеку и исчезающую за переносицей.

Здравствуй, с-сынок, говорит незнакомец.

Здравствуйте, отвечает Сэм — Красная Шапочка.

Рас-скажи мне немного про эту книжку, прежде чем внутрь зайдес-шь, просит таинственный незнакомец, как-то необычно шепелявя, словно змея шипит. *Я ведь здес-сь работаю.*

Это «Черная стрела», вежливо отвечает Сэм — Красная Шапочка, *а написал ее мистер Роберт Льюис Стивенсон. Он уже умер. От тубер-клу-роза. Книжка мне очень понравилась. В ней такие драки!*

Мальчик ждет, чтобы мужчина в темных очках отошел в сторону и дал ему пройти, но тот стоит на месте. Только наклоняется, чтобы рассмотреть Сэма — Красную Шапочку получше.

Ой, дедушка, какие у тебя маленькие черные глаза!

Ес-тче один вопрос, шипит незнакомец. *Твоя книга не прос-срот-чена?*

Сердце Сэма — Красной Шапочки холодеет от страха.

Да... но только совсем чуть-чуть. Всего на четыре дня. Книжка такая большая, а мне на продленке оставаться приходилось...

Пойдем с-со мной, с-сынок... я полит-сейский.

Человек в пальто и в темных очках протягивает руку. Сэма так и подмывает удариться в бегство. Но ведь он еще ребенок, а перед ним взрослый. К тому же — сотрудник библиотеки. Незнакомый и в пугаю-

щих темных очках, олицетворяющий власть. А от власти не убегают; она всемогуща.

Сэм робко приближается к Библиотечному полицейскому. Протягивает руку — ту самую, в которой держит уже почти пустой пакетик солодковых ирисок, — а затем, в самый последний миг, пытается ее отдернуть. Но — поздно. Библиотечный полицейский хватает ее, а пакетик с ирисками падает на ступеньки.

С той поры Сэм — Красная Шапочка и не выносит вкуса солодки.

Человек в темных очках резко притягивает Сэма к себе, сжимая его руку. Хватка у него стальная, словно тиски. Сэму больно. Он начинает плакать. Весело светит солнышко, зеленеет травка, но мир вдруг становится чужим и отдаленным, словно коварный мираж, только что казавшийся явью.

Я в беде, сэр? — с замиранием сердца спрашивает Сэм.

Да, отвечает Библиотечный полицейский. *Еще в какой. С-слушай меня, с-сынок, ес-ли хочешь цел ос-статься. Понял?*

Сэм молчит. Язык отнялся. Никогда в жизни он не был так напуган; в немом ужасе таращится на мужчину в темных очках и потихоньку плачет. А тот встряхивает мальчика за плечи.

Так понял ты или нет?

Д-да! — лепечет Сэм, и его вдруг пронзает острое желание опорожнить мочевой пузырь.

Я с-скажу тебе, кто я такой, продолжает мужчина. *Я полит-сейский из библиотеки на Бриггс-авеню, и я вс-сегда наказываю мальчишек и девчонок, которые забывают вернуть вовремя книжки.*

Маленький Сэм — Красная Шапочка уже плачет навзрыд.

У меня деньги есть, вспоминает он. *Я вам все отдам. Девяносто пять центов.*

И лезет за мелочью в карман. В эту минуту Библиотечный полицейский оглядывается, и его широкое

лицо вдруг заостряется, словно у волка или лисы, забравшейся в курятник, но внезапно учуявшей опасность.

Пойдем, зовет он и тащит маленького Сэма — Красную Шапочку в густые кусты. *Ты должен с-слушаться полит-сейского!*

В кустах сумрачно и страшно. В воздухе пряно пахнет можжевеловыми ягодами. Сэм громко рыдает, захлебываясь от слез.

Замолчи! — рычит Библиотечный полицейский и резко встряхивает мальчика за шиворот.

Сэм вскрикивает от боли. Его голова беспомощно болтается на тоненькой шее. Они выходят на какую-то прогалину, где можжевеловые кусты вытоптаны, а папоротники вырваны с корнем. Сэм понимает: Библиотечному полицейскому не просто знакомо это место; он его сам обустроил.

Замолчи — иначе одним штрафом не обойдешь-ся! Я позвоню твоей маме и с-скажу, какой ты гадкий мальчишка! Ты этого хочешь?

Нет! — вопит Сэм. *Я уплачу штраф! Я заплачу, мистер! Только не бейте меня!*

Библиотечный полицейский разворачивает Сэма — Красную Шапочку спиной к себе.

Руки на с-стену! Нагнис-сь! Рас-стопырь ноги! Пошевеливайс-ся! Быс-стро!

Не переставая всхлипывать и боясь, что мать узнает о его плохом поведении, Сэм — Красная Шапочка покорно выполняет приказания Библиотечного полицейского. Красные кирпичи такие холодные на ощупь: тенистые заросли можжевельника никогда не позволяют солнечным лучам согревать их. Перед его глазами открылось маленькое оконце на уровне ног. Сэм видит, что внизу находится котельная. Над гигантским бойлером висят лампочки с жестяными абажурчиками, напоминающими по форме шапочки китайских кули; тени от труб складываются в причудливые осьминожьи щупальца. У дальней стены котельной, спиной к окон-

цу, техник-смотритель разглядывает приборную панель и делает пометки в журнале.

Библиотечный полицейский рывком стягивает с Сэма штаны. Вместе с ними соскальзывают и трусы. Мальчик вздрагивает — воздух непривычно холодит оголившуюся попку.

С-спокойно, шипит Библиотечный полицейский. *Не двигайс-ся. Заплатишь штраф, с-сынок, и я тебя отпущу... никто даже не узнает.*

Что-то горячее и твердое толкает Сэма — Красную Шапочку в попку. Мальчик снова вздрагивает.

С-спокойно, повторяет Библиотечный полицейский. Дышит он уже тяжело, со свистом.

Сэм же стоит, не смея дохнуть, он вне себя от ужаса и стыда. Его затянули в кусты, подвергают какому-то нелепому и непонятному наказанию; и все из-за того, что он вовремя не вернул «Черную стрелу»?! Господи, да знай он наперед, *что* за штраф здесь взимают...

Твердая штуковина раздвигает его ягодицы, и вдруг нутро Сэма — Красной Шапочки пронзает жгучая, невыносимая боль. Никогда в жизни он не испытывал ничего подобного. Сэм роняет «Черную стрелу» и закусывает зубами собственное запястье, чтобы не кричать от боли.

С-спокойно, снова шипит Библиотечный волк. Он уже держит Сэма за плечи и раскачивается взад-вперед, внутрь и наружу, взад-вперед, внутрь и наружу. *С-спокойно... С-спокой-нооооо! О-оо...*

Судорожно дыша и рыча, Библиотечный полицейский загоняет в попку Сэма здоровенный железный штырь; Сэм смотрит безумными глазами в котельную — она находится совсем в *другом* мире, в другой Вселенной, где не случается такое. Он видит, как техник заканчивает вносить записи и направляется к двери. Достаточно ему только повернуть голову, и он увидит в оконце смертельно бледное и измученное лицо страдающего мальчугана с красными от недожеванных

рисок губами. Сэм мечтает о том, чтобы техник увидел его и поспешил на выручку, подобно тому как охотник спас Красную Шапочку, но в глубине души понимает — не бывать этому. Ведь, увидев очередного плохого мальчишку, которого наказывают за несданную в срок книгу, техник-смотритель просто отвернется с возмущением.

С-спокой-нооооо! — полушипит-полувизжит Библиотечный волк, а смотритель выходит, так и не обернувшись. Волк загоняет железную палку еще глубже, и на мгновение боль становится такой... что Сэму — Красной Шапочке кажется: все, сейчас его животик разорвется, а железная штуковина проткнет его насквозь и вылезет из пупка.

Библиотечный полицейский наваливается на него, тяжело дыша, у Сэма под его тяжестью подгибаются ноги, и он оседает на колени. При этом железный штырь — нет, он уже не железный — выскальзывает из него, но Сэм чувствует: вся попка промокла. Он боится пощупать ее руками. Боится, что стал уже Сэмом — Кровавой Шапочкой.

Библиотечный полицейский внезапно хватает Сэма за руку и рывком поворачивает лицом к себе. Его физиономия побагровела, на щеках и на лбу выступили пятна.

Ты только пос-смотри на с-себя! — шипит он, перекосившись от презрения и гадливости. *Тебе не с-стыдно с-стоять передо мной со с-спущенными портками? Или тебе понравилос-сь? Признавайс-ся — понравилос-сь, да? Понравилос-сь!*

Сэм молчит. Он только плакать может. Подтягивает кверху трусы вместе со штанами. Попавшая в них трава колет попку. Он пятится от Библиотечного полицейского, пока не упирается спиной в кирпичную стену Библиотеки. Плющ впивается ему в спину, словно костлявые старушечьи пальцы. Но он и этого не замечает. Им владеют лишь стыд, ужас да еще новое, неведомое прежде ощущение своей полной никчемно-

сти. Но главное — стыд. Сэм просто не знает, куда от него деваться.

Ис-спорченный мальчишка! — презрительно фыркает Библиотечный полицейский. *Гадкий, дрянной, паршивый мальчишка!*

Я могу теперь домой пойти, сэр... — Голос Сэма срывается из-за сдерживаемых рыданий. *Штраф ведь уплачен, да?*

Нет, отвечает Библиотечный полицейский. *Но я тебя отпус-скаю, так и быть. Ес-сли же ты хоть кому-нибудь об этом проболтаешьс-ся — хоть одной живой душе, — я приду к тебе с-снова. И взыщу штраф с-сполна. Ты понял, с-сынок? И не вздумай больше здес-сь околачиватьс-ся! Ес-сли хоть раз попадешьс-ся мне на глаза — тебе конец! Ты понял, с-сынок?*

Да, отвечает Сэм.

Он прекрасно понимает: стоит ему рассказать о случившемся, и Библиотечный полицейский тут же вернется и снова накажет. По ночам он будет прятаться рядом в стенном шкафу или под кроватью; затаится высоко в ветвях, как гигантская черная ворона. Взглянув на небо, Сэм непременно различит зловещие очертания Библиотечного полицейского, его ухмыляющуюся физиономию со шрамом среди туч. Он будет где угодно; он будет *везде.*

От этой мысли Сэму делается совсем плохо, и он зажмуривается. Библиотечный полицейский снова хватает его за шиворот и резко встряхивает.

Что — да? — шипит он. *Что — да?*

Да, я все понял, отвечает Сэм, не открывая глаз.

Библиотечный полицейский отпускает его.

Вот и хорошо. Надеюс-сь, ты не забудешь. Когда плохие дети забывают, я их убиваю.

Сэм — Красная Шапочка еще долго сидит с закрытыми глазами, привалившись к кирпичной стене. Ему хочется плакать, но слезы иссякли. На долгие годы, если не навсегда. Наконец он открывает глаза и видит, что рядом никого нет; Библиотечный полицейский его

оставил. Возле ног Сэма валяется только раскрывшаяся при падении «Черная стрела».

Сэм ползет на корточках через кусты к свету. Листья щекочут его вспотевшую, замурзанную мордашку, ветви царапают спину и больно хлещут истерзанную попку. Он прихватил «Черную стрелу», но в библиотеку ее не понесет. Он вообще никогда больше не переступит порог библиотеки. Любой — такой уж Сэм дал себе зарок. Он поклялся себе кое в чем еще: никогда никому не скажет про этого ужасного человека и постарается навсегда забыть о случившемся кошмаре.

Сэму кажется, что ему по силам сдержать клятву. Нужно только очень постараться. И он постарается.

Достигнув просвета в кустах, Сэм оглядывается по сторонам, словно затравленный звереныш. Смотрит, как на лужайке играют дети. Весело и беззаботно. Библиотечного полицейского поблизости не видно, но это не имеет значения: Библиотечный полицейский все равно следит за ним, незримо и неслышно. *Отныне и впредь Библиотечный полицейский всегда будет рядом с ним.*

Наконец дети разошлись. Маленький истерзанный мальчик выползает из кустов; рубашка выбилась наружу, в волосах застряли листья, на лице запеклись грязные разводы. Глаза широко раскрыты, в них навсегда застыл страх. Мальчуган карабкается по ступенькам лестницы, бросает испуганный взгляд на непонятные латинские слова, осторожно кладет книгу перед дверью библиотеки и — бросается наутек.

Он мчится не чуя под собой ног и не разбирая дороги, но это бесполезно — как бы быстро мальчик ни мчался, ему никогда не убежать от сладковато-приторного вкуса солодки на губах. Никогда не удрать от Библиотечного волка, который всегда бежит рядом с ним, невидимый, и нашептывает: *Пойдем с-со мной, с-сынок... я полит-сейский.* Этот зловещий шипящий голос теперь навсегда останется с Сэмом и будет шипеть в темноте и по ночам, а Сэму отныне навсегда суждено

в панике бежать от него, крича: «Но ведь я уплатил штраф! Я же расплатился!» И слышать в ответ неумолимое: *Ты никогда не рас-сплатишься, с-сынок! Никогда!*

Никогда!

Нико...

Глава 14

БИБЛИОТЕКА (III)

1

Последние минуты перед посадкой на утоптанной полосе грязи, которую Стэн окрестил аэропортом Провербии, были весьма непростые. «Навахо» попал в зону вихревых потоков и жестко приземлился, прыгая, как кузнечик. От удара Сэм подскочил и испустил истошный вопль. Глаза его раскрылись.

Наоми уже давно терпеливо дожидалась, когда он проснется. Не обращая внимания на пристегнутый ремень, врезавшийся в талию, она перегнулась и обняла Сэма. А тот, еще не пришедший в себя, отшатнулся в испуге, но уже в следующую секунду узнал Наоми.

— Все в порядке, Сэм, это я. Вы уже вернулись, вы здесь со мной.

Сэм недоуменно заморгал и с тяжелым вздохом откинулся на спинку кресла.

— Господи, Наоми, — прохрипел он, — если бы вы знали, *какой* это был кошмар!

Стэн связался с кем-то по радио, и на посадочной полосе их уже встречали. Еще минута, и «навахо» плавно покатился на буксире. Все-таки им не удалось удрать от надвигавшегося циклона, и дождь уже барабанил по корпусу самолета. А в пилотской кабине Стэн Соумс громовым голосом распевал разудалую ковбойскую песню.

— Это был *настоящий* кошмар? — спросила Наоми, отодвигаясь от Сэма и разглядывая его налившиеся кровью глаза.

— Да. Но случился со мной наяву. В далеком детстве.

— Это был Библиотечный полицейский, Сэм? *Ваш* Библиотечный полицейский?

— Да, — прошептал он и зарылся лицом в ее волосы.

— Вы его узнали, Сэм? Теперь вы поняли, кто он?

После долгого, бесконечно долгого молчания Сэм наконец ответил:

— Да.

2

Стэн Соумс встретил их уже внизу. Увидев измученного Сэма, тут же напустил на себя покаянный вид.

— Вы уж извините, что нам так тяжко пришлось. Я был почти уверен, что мы обгоним этот дождь. Если бы не встречный ветер...

— Ничего, все обойдется, — заверил его Сэм; он и вправду казался уже пободрее.

— Да, — кивнула Наоми, — все будет в порядке. Спасибо вам, Стэн. Огромное спасибо. Дейв тоже будет страшно благодарен вам.

— Ну, коль скоро вы получили то, что хотели, это для меня главное.

— О да, — кивнул Сэм. — Не знаю просто, что бы мы без вас делали.

— Только давайте я провожу вас, — сказал Стэн. — Придется обойти вокруг, иначе трясина засосет вас с головой. Не то что сегодня днем. А еще лучше — давайте ко мне заскочим. Кофейку попьем. Да и кусок яблочного пирога еще, по-моему, остался.

Сэм посмотрел на часы. Четверть восьмого.

— Нет, Стэн. Как-нибудь в другой раз. Мы с Наоми должны срочно доставить эти книги в город.

— Но хоть одежду подсушить зайдите. Пока до машины доберетесь, до нитки вымокнете.

Наоми покачала головой:

— Спасибо, Стэн, но мы и правда очень спешим. Для нас это необычайно важно.

— Похоже на то, судя по вашему виду, — согласился Стэн. — Только не забудьте: вы обещали мне все рассказать.

— Непременно расскажем, — кивнул Сэм и, взглянув на Наоми, увидел в ее глазах отражение собственных мыслей: *Если останемся в живых, конечно.*

3

Сэм гнал автомобиль по мокрой дороге, с трудом подавляя в себе желание выжать педаль акселератора до отказа. Он тревожился за Дейва. Но прекрасно понимал, что, загнав машину в кювет, помочь Дейву уже не сумеет. Дождь, в который они прилетели, превратился в настоящий ливень, с небес низвергались потоки воды. «Дворники» не справлялись, да и видимость не превышала двадцати футов. Сэм нервно посмотрел на часы, затем перевел взгляд на Наоми, державшую на коленях пакет с книгами.

— Надеюсь, что к восьми доберемся, — промолвил он. — Хотя обещать не могу.

— Постарайтесь, Сэм.

Впереди замаячили огни фар, тусклые и размытые, словно подводные фонарики. Сэм сбавил скорость и дождался, пока мимо не прогромыхал тяжеленный грузовик — махина, едва различимая за толщей дождя.

— Вы не хотите рассказать мне про свой сон, Сэм? Если можете, конечно.

— Могу, но не хочу, — ответил Сэм. — Не сейчас по крайней мере. Еще не время.

— Хорошо.

— Одно могу сказать — Дейв был прав, говоря, что Арделия черпала свои силы из чужого страха. Питалась им. И самый питательный для нее страх — детский.

Они уже проезжали окраину Джанкшен-Сити. Еще один квартал, и позади остался первый перекресток со светофором. Через заливаемое дождем ветровое стекло зеленый сигнал казался блеклым и размытым пятном, матово отражавшимся в лужах.

— Мне только нужно будет разок остановиться, — предупредил Сэм. — «Три поросенка» нам, кажется, по дороге?

— Да, но если мы собираемся успеть на встречу с Дейвом до восьми, времени остается в обрез. В такую погоду не разгонишься.

— Верно, конечно, но я буквально на минутку заскочу.

— А что вам там нужно?

— Точно еще не уверен, но я это узнаю, когда осмотрюсь там.

Наоми внимательно взглянула на него, и Сэм снова поймал себя на том, что любуется ее хрупкой и чистой красотой; он недоумевал, почему не разглядел этого прежде.

Но ведь ты волочился за ней, не так ли? Значит, ЧТО-ТО разглядел!

В действительности же все обстояло совсем не так. Да, Сэм пытался приударить за Наоми, но лишь потому, что она была миленькая, аккуратная, одинокая и примерно одного с ним возраста. И потом, холостякам из разросшихся провинциальных городков было положено ухаживать за женщинами... если, конечно, холостяки эти хотели занять подобающее положение в местном деловом мире. Тех же, кто с женщинами не встречался, некоторые люди... могли счесть...

(полит-сейским)

...немного странным.

Я и был немного странным, подумал Сэм. *Даже не немного. Впрочем, с тех пор я изменился. Теперь по крайней мере. И я разглядел ее. Да, да, я понял, что она для меня значит.*

Наоми не могла оторвать взгляда от его мертвенно-бледного лица, от невиданной прежде решимости во взоре и жесткой линии губ. Сэм изменился, но... напуганным больше не казался. Наоми даже подумала: *Он похож на человека, которому разрешили проникнуть в собственный кошмарный сон с мощным оружием в руках.* И еще Наоми показалось, что в такого человека можно влюбиться. От этой мысли ей даже стало не по себе.

Пять минут спустя Сэм притормозил у стоянки автомобилей перед детским универмагом «Три поросенка». И не мешкая выскочил под дождь. За несколько ярдов от дверей он остановился. На углу между бензозаправкой и стоянкой автомобилей стоял телефон-автомат — несомненно, тот самый, из которого Дейв много лет назад позвонил в контору шерифа Джанкшен-Сити. Звонок из этого автомата не уничтожил Арделию, но, конечно же, способствовал тому, что она не появлялась здесь столь длительное время.

Сэм забежал в будку. Тут же вспыхнул свет. Внутри ничего примечательного не было, если не считать исписанных телефонными номерами и изрисованных стен. Телефонного справочника не было, и Сэм вспомнил слова Дейва про то, что «в те времена во многих будках еще лежали телефонные книги».

Затем посмотрел на пол и увидел именно то, что хотел найти. Фантик от конфетки. Подобрал его и прочитал: «Ириски "Солодка"». Наоми, уже теряя терпение, нажала на клаксон. Сэм выскочил из будки, помахал Наоми фантиком и помчался в магазин.

4

Заспанный, совсем еще юный продавец уставился на Сэма с нескрываемым недоумением — время было довольно позднее, дождь лил как из ведра, и, кроме Сэма, в универмаге не было ни единого покупателя. Недоумение продавца переросло в изумление, когда на его глазах Сэм разом сгреб с полки все упаковки ирисок «Солодка» — их было около двадцати.

— Вы уверены, что вам этого хватит, папаша? — насмешливо осведомился он, когда Сэм со своей добычей приблизился к прилавку. — У нас на складе еще пара коробок этого добра припасена. Жевать так жевать.

— Нет, мне достаточно и этих, — ответил Сэм. — Пробейте, пожалуйста. Я спешу.

— Все нынче спешат, — философски изрек продавец. — И зачем, главное? Все ведь там будем... — И принялся нажимать кнопки кассового аппарата с мечтательной неспешностью постоянно одурманенного наркомана.

Заметив на прилавке круглую резинку, Сэм задумчиво взял ее, повертел и спросил:

— Можно взять?

— Пожалуйста, папаша, — осклабился продавец. — Считайте ее подарком от меня, Повелителя «Трех поросят», вам, Владыке солодковых ирисок. Подарком в дождливый понедельник.

Сэм натянул резинку на запястье, она повисла, как свободный браслет, и в эту минуту ветер снаружи рванул с такой силой, что стекла универмага жалобно задребезжали, а лампы замигали.

— Вот это да! — воскликнул Повелитель «Трех поросят». — А ведь урагана нам не обещали. Только легкий дождик. Пятнадцать долларов сорок один цент.

Сэм вручил ему двадцатку и криво улыбнулся:

— В моем детстве эти конфетки были куда дешевле.

— Инфляция, папаша, — развел руками продавец. — Ничего не попишешь. Вы ведь тащитесь от этих

 ирисок, да? А я вот батончики «Марс» предпочитаю.

— Тащусь, говорите? — горько усмехнулся Сэм, пряча в карман сдачу. — Да я эту дрянь на дух не переношу. — И снова усмехнулся. — Нет, это... тоже подарок. Кое-кому.

Что-то в лице Сэма испугало молоденького продавца. Он попятился и едва не опрокинул стойку с сигаретами и жвачкой.

Сэм бросил на него удивленный взгляд и решил, что просить пакет не станет, распихал ириски по карманам старенькой спортивной куртки и поспешил к выходу. При каждом его шаге целлофановые обертки ирисок громко шуршали.

5

Наоми уже пересела за руль. Едва отъехали от стоянки, Сэм вынул обе книги из пакета с эмблемой «Пелл» и с грустью уставился на них. «Боже мой, сколько из-за них неприятностей, — подумал он. — Из-за устаревших стишков и пособия для безмозглых лекторов». Хотя на самом деле виной всему были, конечно, не книги. И Сэм это отлично понимал.

Сняв с запястья резинку, он стянул ею оба томика. Затем извлек бумажник, отделил пятидолларовую бумажку от изрядно похудевшей стопки и засунул ее под резинку.

— Это еще зачем? — спросила Наоми.

— Штраф. За эти книжки и еще одну — «Черную стрелу» Стивенсона. Мой старый должок. Чтобы покончить с этим раз и навсегда.

Он положил книги между двумя сиденьями и вынул из кармана пакетик солодковых ирисок. Разорвал обертку, и тошнотворно-приторный, давно забытый запах шибанул ему в нос гигантским кулаком. Запах этот мигом достиг мозга, а оттуда пробрался и в живот,

который тут же схватила жесточайшая колика. В первый миг Сэм даже испугался, что сейчас его вывернет наизнанку. Похоже, он так и не сумел преодолеть в себе детский страх.

Тем не менее он продолжал один за другим вскрывать пакетики с ирисками, раскладывая на коленях красноватые воскообразные столбики. У перекрестка Наоми остановила «датсун» на красный свет, хотя ни справа, ни слева машин не было. Непрекращавшийся ливень и порывистый ветер яростно терзали крохотный автомобильчик. До библиотеки оставалось всего четыре квартала.

— Сэм, что вы делаете? — удивленно спросила Наоми.

Поскольку он и сам толком этого не знал, то ответил так:

— Если Арделия и вправду кормится человеческим страхом, то нужно попытаться подобрать... его противоположность. Для нее это скорее всего окажется ядом. Как по-вашему, что бы могло быть такой противоположностью?

— Не знаю, — пожала плечами Наоми. — Но сомневаюсь, чтобы конфетки с солодкой.

— Откуда у вас такая уверенность? Ведь всем известно, что вампиры-кровососы панически боятся крестов. А что такое крест? Всего лишь пара скрещенных дощечек или железок. Кто знает, может, не менее действенным оказался бы кочан капусты?

Зажегся зеленый свет.

— Соответствующей формы, — задумчиво промолвила Наоми, трогая «датсун» с места.

— Вот именно! — Сэм указал на продолговатые красные конфетины. — Просто ничего другого у меня нет. Возможно, это и нелепо, но мне наплевать. Для меня эти ириски — символ *всего* того, чего лишил меня Библиотечный полицейский: любви, дружбы, чувства сопричастности. *Всю свою жизнь,* Наоми, я ощущал себя чужаком, так и не осознав причины этого. Теперь

я знаю почему. Ведь он отобрал у меня и эти ириски тоже. В детстве я обожал их. А потом меня от одного их запаха наизнанку выворачивало. До сих пор. Но ничего, я справлюсь. Мне важно только понять, *что* с ними делать.

Сэм принялся разминать липкие столбики и скатывать их в один комок. Наибольшие опасения у него вызывал тошнотворный сладковатый запах, но вскоре Сэм убедился: самым неприятным оказалось ощущение их липкости... и еще зловещий кровавый цвет, в который окрашивала ладони и пальцы сходящая с конфеток краска. Тем не менее Сэм не бросал задуманного, каждые полминуты прибавляя к комку очередной липкий столбик.

— Возможно, я и пытаюсь прыгнуть выше головы, — промолвил он. — Кто знает — вдруг противовесом страха окажется для нее обыкновенное мужество. Или, если хотите, удаль. Неужели дело может быть только в этом? Как вы считаете? Может ли Наоми отличаться от Сары лишь наличием мужества?

Наоми казалась испуганной.

— Вы хотите спросить, только ли одно мужество заставило меня бросить пить?

— Я и сам не знаю, что хочу спросить, — признался Сэм, — но, похоже, нечто в этом роде. Ведь про страх мне спрашивать не нужно — я и сам отлично *знаю,* что это такое.

И Сэм вспомнил ту полнейшую апатию, которая охватила его в далеком детстве после того изнасилования в кустах возле библиотеки. Мужчина, назвавшийся полицейским. Незнакомец с больной психикой. А ведь для *него* случившееся наверняка было лишь мелким, не слишком запоминающимся эпизодом в биографии. Так, очередной безмозглый ребенок, которому удалось с такой легкостью запудрить мозги.

«Впрочем, — подумал Сэм, — я еще легко отделался. Окажись на месте насильника *настоящий* Библиотечный полицейский, все могло кончиться гораздо

хуже». Впереди тускло замаячили две белые сферы — начало подъездной аллеи Публичной библиотеки Джанкшен-Сити. Наоми нерешительно произнесла:

— На мой взгляд, полная противоположность страху — честность. Честность и вера. Как вам кажется?

— Честность и вера, — задумчиво повторил Сэм, словно пробуя ее слова на вкус, при этом не переставая разминать липкий красный комок. — Что ж, вполне возможно. В любом случае выбирать нам уже некогда. Мы приехали.

6

Мерцающие зеленоватые цифры электронных часов на приборном щитке показывали 7.57. Все-таки они успели до восьми вечера.

— Может быть, подождем немного и убедимся, что все уже ушли, а потом пойдем к Дейву, — предложила Наоми.

— Да, пожалуй, так будет правильнее, — согласился Сэм.

Наоми въехала на стоянку, которая располагалась на противоположной стороне улицы. Белые сферы матово мерцали под дождем. Деревья гнулись и жалобно скрипели под напором усиливающегося ветра. Могучие дубы кряхтели и постанывали, словно их мучили кошмарные видения.

В две минуты девятого к библиотеке подкатил фургончик с укрепленной на заднем стекле табличкой МАМОЧКИНО ТАКСИ. Послышались нетерпеливые гудки, а в следующий миг дверь библиотеки распахнулась (даже сейчас, под проливным дождем, она выглядела куда менее зловещей, чем при первом посещении Сэма, когда показалась ему вертикально прорезанным ртом на сером гранитном лице), и из нее гурьбой высыпали ребятишки. Ученики младших классов. Они на

бегу прикрывали головы и со смехом забирались в фургончик. Сэм с завистью наблюдал за ними. Какое счастье, должно быть, покидать библиотеку смеясь! Из-за незнакомца в круглых темных очках Сэм так и не узнал этого ощущения.

Честность, вспомнил он. *Честность и вера.* И подумал: *А ведь штраф уже уплачен. Я уплатил его, черт бы их всех побрал!*

Разорвав обертки двух последних ирисок, он добавил обе конфетины к липкому, отвратительно пахнущему комку и принялся остервенело мять его. Из выхлопной трубы отъезжающего «МАМОЧКИНОГО ТАКСИ» валил густой белый пар. И до Сэма вдруг дошло, что именно подсказало ему измученное его подсознание.

— Я уже заканчивал школу, — произнес он, — когда ребята как-то решили отомстить парню, которого недолюбливали. Сам-то я, правда, в их затее не участвовал. Только наблюдал. Так вот, мальчишки стащили кусок пластилина из учебной студии и залепили им отверстие выхлопной трубы «понтиака», на котором разъезжал этот малый. Хотите знать, чем это кончилось?

— Чем? — неохотно спросила Наоми.

— Глушитель взорвался, — ответил Сэм. — Сразу в двух местах. Осколки разлетелись, словно шрапнель. Глушитель оказался слабым местом в его автомобиле. В противном случае, думаю, взрывом разворотило бы цилиндры.

— Сэм, зачем вы об этом рассказываете?

— Я говорю о надежде, — пояснил он. — Главное, на мой взгляд, — надежда. А честность и вера могут и подождать чуть-чуть.

«МАМОЧКИНО ТАКСИ» скрылось за плотной пеленой дождя. На часах было 8.06, когда двери библиотеки снова распахнулись. На этот раз вышли мужчина и женщина. В мужчине, который зажимал под мышкой зонтик, на ходу застегивая плащ, Сэм сразу узнал Ричарда Прайса, хотя и видел его лишь раз: на фотографии в старой газете. Сопровождала же его Синтия

Берриган, юная помощница библиотекаря, с которой Сэм познакомился в субботу вечером. Прайс что-то сказал девушке. Сэму показалось, она рассмеялась.

Внезапно он осознал, что сидит, выпрямившись, на переднем сиденье «датсуна» в страшном напряжении; попытался расслабиться, но ничего не вышло. Впрочем, Сэма это не слишком удивило.

Прайс раскрыл зонтик и, приподняв над головой, любезно пригласил девушку под его прикрытие. Они поспешили к автомобильной стоянке, где Прайс забрался в допотопную «импалу» размером с фургон, а Синтия села в крохотный «юго». Когда Прайс круто развернул свой автомобиль, осветив фарами старенький «датсун», Наоми испуганно пригнулась, и Прайс, прогудев на прощание Синтии, прокатил мимо. Синтия, отсалютовав ему, тоже умчалась, но в противоположную сторону.

Теперь из всех действующих лиц перед опустевшей библиотекой остались лишь Сэм и Наоми. И, возможно, Арделия, затаившаяся где-то в глубине здания.

Вместе с закадычным другом Сэма — Библиотечным полицейским.

7

Наоми завела двигатель и, медленно обогнув квартал, выехала на Вегман-стрит. Слева, возле поворота, на изгороди висел указатель:

ТОЛЬКО ДЛЯ БИБЛИОТЕЧНОГО
ТРАНСПОРТА

Бешеный порыв ветра тряхнул «датсун», капли дождя забарабанили по стеклу, словно камешки. Где-то поблизости послышался оглушительный треск — то ли крупная ветка обломилась, то ли небольшое деревце

 не выдержало напора разгулявшейся стихии и рухнуло на землю.

— Ну и дела! — упавшим голосом пробормотала Наоми. — Что-то не нравится мне это.

— Да, я тоже не в восторге, — кивнул Сэм, скорее догадавшийся о том, что сказала девушка, нежели расслышавший ее слова: он пытался представить, как выглядел пластилин после того, как его запихнули в выхлопную трубу автомобиля. Словно волдырь на коже.

Перед указателем Наоми свернула влево. По узкой аллейке они въехали на небольшую заасфальтированную площадку перед задним входом в библиотеку. Площадку освещал одинокий дуговой фонарь. В его резком оранжевом свете раскачивающиеся под ветром ветви дубов отбрасывали на кирпичную стену тени, которые причудливо дергались в полумраке, словно отплясывали какой-то сумасшедший танец. На мгновение две из этих теней слились в одну, напоминающую зловещую человеческую фигуру, затаившуюся в угрожающей позе и вот-вот готовую прыгнуть.

Еще немного, подумал Сэм, *и этот оранжевый фонарь выхватит из темноты его круглые черные очки. Прямо перед ветровым стеклом. Он будет смотреть на меня в упор. Не на Наоми, а именно на меня. И скажет: «Здравс-ствуй, с-сынок. Я тебя ждал. Вс-се эти годы ждал. Пойдем с-со мной, с-сынок. Я полит-сейский».*

Снова послышался оглушительный треск, и тяжеленная дубовая ветвь с грохотом обрушилась на площадку в каких-то трех футах от капота «датсуна»; осколки коры и изъеденной жучками древесины веером разбежались во все стороны. Упади ветвь чуть правее, и от машины осталось бы мокрое место. Наоми в ужасе закричала.

Ответил ей истошный визг ураганного ветра.

Сэм хотел было обнять девушку за плечи и успокоить, но вдруг увидел, как откинулась дверь погрузочного люка и в проеме показался Дейв Данкен. Он с трудом удерживал дверь, которую жестокий порыв

ветра грозил сорвать с петель. В лице старика не было ни кровинки, а в глазах застыл безумный страх.

— Наоми, вон Дейв!

— Где? Ах да, вижу! Боже мой, да что с ним? Выглядит так, будто смерть увидел!

Наоми приоткрыла дверцу и выбралась наружу. Волосы ее развевались, а одежда вмиг промокла и прилипла к телу. Вихрь ворвался в щель и, подхватив конфетные фантики, закружил их по салону.

Сэм с трудом открыл дверцу со своей стороны — ветер вжимал дверцу в машину. Он даже успел удивиться разгулу ненастья; ведь, по словам Повелителя «Трех поросят», синоптики обещали всего-навсего легкий дождик.

Арделия. Может быть, это она вызвала ураган?

Словно в подтверждение его догадки, послышался истошный крик Дейва:

— Скорее! *Я уже везде ее чертовы духи чую!*

Сама мысль о том, что запах духов Арделии предшествует ее появлению, повергла Сэма в панический ужас.

Уже на полпути к разгрузочной платформе он вдруг заметил, что сжимает в кулаке комок из солодковых ирисок, а вот книги забыл в машине. Вернувшись к «датсуну», с неимоверным трудом распахнул дверцу и достал пакет с книгами. В этот миг вдруг изменилось освещение: из ярко-оранжевого стало белым. Сэм заметил это по отблеску на руках и окаменел от страха. Затем попятился от машины и круто развернулся.

Одинокий дуговой фонарь, освещавший площадку, исчез. На его месте теперь возвышался обычный уличный фонарь допотопного образца. А вот деревья, которые раскачивались и жалостно стонали вокруг, заметно сгустились; высоченные раскидистые вязы возвышались над дубами. Изменилась и форма погрузочной платформы, да и кирпичную стену библиотеки, еще только что голую, избороздил спутанный плющ.

Добро пожаловать в 1960 год, подумал Сэм. *Добро пожаловать в Библиотеку Джанкшен-Сити: будьте гостями Арделии Лорц.*

Наоми уже подошла к Дейву и разговаривала с ним. Тот отвечал, то и дело озираясь через плечо. Вдруг он судорожно дернулся. В тот же миг Сэм услышал истошный вопль Наоми. Не чуя под собой ног, подгоняемый ветром, он помчался вверх по ступенькам. Уже перед входом он увидел, как вынырнувшая из темноты мертвенно-бледная рука схватила Дейва за плечо и рывком втащила внутрь.

— Держите дверь! — закричал Сэм. — Наоми, держите дверь! *Не дайте ей захлопнуться!*

Неожиданно на выручку им пришел ветер: рванул с такой силой, что дверь распахнулась наружу, отбросив Наоми назад. Сэм подоспел вовремя, чтобы подхватить дверь, прежде чем та захлопнулась, увлекаемая мощной пружиной.

Наоми посмотрела на него расширенными от ужаса глазами.

— Сэм, это был тот самый человек, который приходил к вам. Огромного роста и с серебристыми глазами. Я его разглядела. Он уволок Дейва!

Сэм схватил ее за руку и потащил.

— За мной! Нельзя терять ни минуты!

Дверь за ними с грохотом захлопнулась.

8

Они очутились в справочно-библиографической комнате, где царил полумрак. На столе библиотекаря стояла лампа с резным красным абажуром. Пол вокруг был заставлен коробками и завален упаковочным материалом. Сэм разглядел, что это смятые газеты — полиэтиленовые пакеты в его детстве еще не изобрели. За столом выстроились ряды каталожных шкафчиков, за которыми темнели стеллажи с книгами.

В ближайшем проходе маячила исполинская фигура Библиотечного полицейского. Под мышкой он зажал голову Дейва Данкена; ноги старика беспомощно болтались дюймах в трех над полом. Исполин посмотрел на Сэма с Наоми. Серебристые глаза засверкали, а губы растянулись в зловещую ухмылку. Словно его бледное лицо перерезал хромированный полумесяц.

— Ни ш-шагу больше, — прошипел он. — Или я переломлю ему ш-шею. Услышите, как она хрустнет.

Сэм взвесил эти слова. Ноздри ему щекотал удушливый запах лаванды. За дверью завывал ветер. Тень Библиотечного полицейского плясала на стене, сухопарая и угловатая, как строительный кран.

А ведь прежде он тени не отбрасывал, вспомнил Сэм. *Что бы это значило?*

Возможно, Библиотечный полицейский стал более реальным, чем прежде... потому что Арделия Лорц, Библиотечный полицейский и темный мужчина в старой машине были одним и тем же существом. Только наружности оно меняло, словно маски на Хэллоуин.

— Можно подумать, что вы пощадите его, если мы останемся на месте, — презрительно хмыкнул Сэм. — Чушь собачья!

И сделал шаг вперед.

Вдруг на лице Библиотечного полицейского появилось невиданное раньше выражение: его черты исказились от удивления. Гигант начал пятиться, цепляясь полами полушинели за книжные переплеты по обеим сторонам узкого прохода.

— Я вас в пос-следний раз предупреждаю!

— Да плевал я на вас, — отмахнулся Сэм. — Тем более что он тут ни при чем. Вы ведь с *меня* собирались должок получить. Что ж, вот он я. Валяйте!

— Это с-старик провинилс-ся перед библиотекаршей, — прошепелявил Библиотечный полицейский, продолжая отступать.

Что-то происходило при этом с его лицом. Приглядевшись, Сэм понял: серебристый свет в глазах Библиотечного полицейского померк и продолжал угасать.

— Так пусть *она* с ним и разбирается, — отрезал Сэм. — А вот у меня давнишние счеты с вами, приятель. Вот уже тридцать лет. — С этими словами он покинул круг света, отбрасываемого настольной лампой.

— Что ж, будь по-вашему! — прорычал Библиотечный полицейский и отшвырнул Дейва Данкена прочь, как котенка. Старик отлетел, словно тряпичная кукла, и со всего маху ударился о тяжеленный огнетушитель, висевший на стене. Послышался хруст сломанной кости, и Дейв осел на пол; на лице его были страх и удивление. Огнетушитель сорвался и упал прямо на старика.

— *Дейв!* — Наоми бросилась к нему.

— *Стойте, Наоми!*

Но она не остановилась. Библиотечный полицейский злорадно ухмыльнулся и, схватив ее за руку, прижал к себе. Он резко опустил голову, и на мгновение скрыл лицо за каштановыми волосами Наоми. Сдавленно кашлянув, гигант принялся целовать ее — так, во всяком случае, это выглядело со стороны. Его длинные белые пальцы впились в плечо Наоми. Она жалобно, по-заячьи, вскрикнула и обмякла.

Сэм уже достиг стеллажей. Схватив первую попавшуюся книгу, он размахнулся и что было силы запустил ею в Библиотечного полицейского. Увесистый том несколько раз перевернулся в полете и угодил прямо в висок великану. Библиотечный полицейский взревел и удивленно приподнял голову. В тот же миг Наоми вырвалась из его рук и, отскочив, налетела на стеллаж. Тот пьяно покачнулся и с грохотом упал. Книги дождем посыпались с полок, где десятилетиями стояли нетронутые. Звук, с которым они шлепались на пол, странным образом напоминал аплодисменты.

Но Наоми ничего этого не замечала. Подбежав к Дейву, она опустилась на колени, снова и снова выкрикивая его имя. Библиотечный полицейский повернулся в ее сторону.

— И *она* тут тоже ни при чем, — жестко заявил Сэм.

Долговязый противник снова обратил внимание на него. На месте серебристых глаз были теперь маленькие черные очки с круглыми стеклами, придававшие Библиотечному полицейскому сходство с гигантским кротом.

— Нужно было покончить с тобой тогда, — процедил он, приближаясь к Сэму.

Послышался странный шорох. Сэм опустил взгляд и вдруг с изумлением заметил, что полы полушинели уже волочатся по полу. Библиотечный полицейский уменьшался в росте.

— Штраф уже заплачен, — спокойно сказал Сэм.

Библиотечный полицейский замер на месте. Сэм показал ему книги, перехваченные тугой резинкой.

— Штраф заплачен, а книги я возвращаю. Так что ваша песенка спета, мадам Стерва... мистер Гадина... или как вас там еще.

Меж тем ветер снаружи испустил протяжный вопль, который сотряс стекла и эхом прокатился под сводами. Библиотечный полицейский облизнул длинным языком пересохшие губы. Язык был ярко-красный и заостренный. На щеках и на лбу появились синеватые прожилки. Кожа покрылась потом, похожим на слизь. А горьковатый запах лаванды сгустился и стал еще удушливее.

— Вреш-шь ты! — выкрикнул Библиотечный полицейский. — Нагло врешь! Это не *те* книги! Я это точно знаю! *Те* книги забрал вот этот забулдыга! И их...

— ...уничтожили, — закончил за него Сэм, надвигаясь на своего противника; с каждым шагом горьковатый запах крепчал, а сердце бешено колотилось, птичкой стуча о грудную клетку. — И я знаю, кто это

все задумал. Вот замена — заберите их! — Сэм уже не говорил, а рычал. — *Заберите, черт бы вас побрал!*

Он приподнял книги, и Библиотечный полицейский растерянно протянул руку вперед.

— Нет, не так, — покачал головой Сэм, поднимая книги еще выше. — А вот *так!*

И с этими словами он изо всех сил вмазал книгами по ненавистной физиономии. «Помощником оратора» и «Любимыми стихами американцев». Чувство, которое испытал Сэм, услышав треск сломанного носа, было сродни экстазу. Черные очки с круглыми стеклами, полетев на пол, обнажили зияющие глазницы, выстланные мутновато-белой пленкой. Скорее даже кашицей, в которой плавали тонюсенькие ниточки. Сэм невольно припомнил слова Дейва: «Поверх старой кожи повсюду нарастала новая — на щеках, вокруг крыльев носа, в уголках глаз...»

Библиотечный полицейский истошно завизжал от боли.

— *Ты не смеешь!* — выкрикнул он. — *Ты не имеешь права! Ты ведь меня боишься! К тому же тебе ведь ТОГДА понравилось! Слышишь, мерзавец маленький, тебе ведь это ПОНРАВИЛОСЬ!*

— Врешь, гнида! — процедил Сэм. — Ты меня чуть не убил тогда. А теперь — забирай свои книги и убирайся. Штраф выплачен сполна.

Он ткнул книжками в грудь Библиотечному полицейскому, а в следующее мгновение, когда тот обхватил их руками, со всей силой саданул ему коленкой в пах.

— Вот тебе за всех остальных детишек! И тех, которых ты погубил, и тех, которых съела *она*.

Чудовище взвыло от боли. Выронив книги, Библиотечный полицейский схватился за мошонку и согнулся в три погибели. Сальные черные волосы заслонили лицо, скрыв от Сэма ужасные пустые глазницы.

Они и должны быть пустыми, вихрем пронеслось в голове Сэма. *Я ведь никогда прежде не видел его глаз*

— А вот твой должок еще не выплачен, — угрожающе произнес Сэм. — Так что это только начало.

Вдруг полушинель Библиотечного полицейского дернулась и начала странным образом извиваться и сползать. Библиотечный полицейский задрал голову, и... Сэм увидел такое, что в ужасе отпрянул.

Зловещий великан, наполовину сошедший с плаката, нарисованного Дейвом, а наполовину воссозданный воображением самого Сэма, превратился в какого-то чудовищного уродца-гоблина. И на глазах у Сэма превратился в гнома. Отвратительного карлика-гермафродита. Перерождение омерзительного создания происходило с ошеломляющей быстротой. Половина шевелюры оставалась черной и лоснящейся, а вторая уже сделалась золотисто-пепельной. Одна глазница зияла черным провалом, а рядом с ней на Сэма с ненавистью смотрел ярко-синий глаз.

— *Ты мне нужен, Сэм,* — прошипела мерзкая тварь. — *И ты мне достанешься.*

— Это мы посмотрим, Арделия, — выдавил Сэм. — Сейчас мы с вами станцуем рок-н-ролл...

Он протянул руку вперед, но, прикоснувшись к полушинели, с криком отшатнулся. Вместо плотной материи рука его нащупала омерзительно дряблую кожу; ощущение было такое, словно он схватился за старое папье-маше.

Гнусная масса соскользнула вниз и растворилась в полумраке. Запах лаванды стал удушающим. Из тени послышался сатанинский хохот.

Хохот женщины.

— Поздно, Сэм, — услышал он до боли знакомый голос. — Вы не успели. Дело уже сделано.

Арделия вернулась, только и успел подумать Сэм, когда снаружи послышался страшный грохот.

Исполинское дерево обрушилось прямо на здание библиотеки, и в следующую минуту вырубился свет.

9

Они оставались в кромешной тьме лишь секунду, но и она показалась вечностью. Арделия снова захохотала, и ее жуткий, ухающий смех гулким эхом прокатился под сводами, словно усиленный гигантским мегафоном.

На стене вспыхнула лампочка аварийного освещения, и комнату залил бледный свет, прорезанный причудливыми черными тенями шкафов и стеллажей. Негромко загудели аккумуляторы. Сэм начал пробираться к Наоми, все еще стоявшей на коленях перед Дейвом, дважды чуть не упал, споткнувшись о громоздившиеся на полу книги.

Наоми подняла голову. Лицо ее исказилось от отчаяния и было бледным как полотно, по щекам текли слезы.

— О Сэм! Мне кажется, он умирает.

Сэм опустился на колени. Дейв лежал с закрытыми глазами, дышал хрипло и неровно. Из ноздрей и уха тоненькими струйками сочилась кровь. Лоб над правой бровью был продавлен. Сэм смотрел на старика, затаив дыхание.

— Нужно срочно отвезти его в больницу, Сэм!

— Если она позволит, — прошептал Сэм, и тут же, словно в подтверждение его слов, из темного угла вылетел тяжеленный том «Оксфордского словаря английского языка» с буквой «Т» на корешке.

Сэм схватил Наоми за плечи и опрокинул рядом с собой на пол. Они распростерлись в пыли. Семь фунтов *табака, телевизоров, тиранов* и *трепангов* просвистели мимо и расплющились о стену в нескольких дюймах от головы Наоми.

Из угла донесся сатанинский хохот. Сэм поднялся на четвереньки и успел заметить бесформенный сгорбленный силуэт, скрывшийся за упавшим стеллажом.

Она все еще превращается, подумал Сэм. *Один Бог знает — во что на сей раз.*

— Убейте ее, — хрипло сказала Наоми. — Ради всего святого — покончите с ней!

— Уж постараюсь! — заверил Сэм.

И, перешагнув через вытянутые ноги Дейва, устремился в погоню за спрятавшейся тварью.

10

От горьковатого аромата лаванды, смешанного с затхлым запахом вековой книжной пыли, Сэма мутило. Он вдруг ощутил себя путешественником во времени из романа Герберта Уэллса... А эта огромная и мрачная библиотека казалась ему машиной времени.

Сэм осторожно продвигался между стеллажами, нервно разминая в левой руке комок солодковых ирисок. Казалось, что книги, окружавшие со всех сторон, хмуро взирают на него. Туфли Сэма громко поскрипывали на линолеуме.

— Арделия, где вы? — крикнул он. — Если я вам нужен, то выходите, а не прячьтесь! Я здесь!

Молчание. И все же Сэм был уверен: рано или поздно Арделии придется показаться. С момента начала изменений, судя по рассказу Дейва, времени у нее оставалось не так много.

«До полуночи, — подумал он. — Библиотечный полицейский дал мне срок до полуночи. Наверное, и ей отпущено столько же. Но до полуночи еще три с половиной часа... Боюсь, что Дейв столько не протянет».

А затем мелькнула другая, еще более неприятная мысль — вдруг Арделия усыпила его бдительность и сейчас уже подкрадывается к Наоми и Дейву?

На мгновение Арделия представилась ему гигантским ядовитым пауком, и Сэм, вне себя от ужаса и отвращения, круто развернулся и... вновь поскользнулся. Раздался дикий хохот. Покачнувшись, он едва не упал, но успел опереться на полку. И почти тут же хохот сменился воплем ужаса — под тяжестью Сэма стеллаж

 опрокинулся, и книги водопадом обрушились вниз.

Того, что случилось потом, Сэм не мог предвидеть даже во сне: опрокинутый им стеллаж всей тяжестью рухнул на соседний, а тот, в свою очередь, — на следующий. Все это происходило как в фильме ужасов: тяжелые стеллажи падали друг на друга, складываясь, как исполинский карточный домик. Все помещение заволокло пылью, со всех сторон слышались лязг, грохот и шум опрокидывающихся стеллажей, падающих с полок томов. На полу оказывалось все — от похождений капитана Мариетта до «Полного собрания сказок братьев Гримм». Сэм услышал, как снова завопила Арделия.

Вскарабкавшись по полкам опрокинутого стеллажа, словно по ступенькам трапа, он вдруг заметил, как из-под нагромождения атласов и путеводителей выкарабкивается какая-то мерзкая белесая тварь. Светлые волосы и синие глаза — на этом всякое сходство с человеком заканчивалось. Чудовище походило на четырехлапого паука, вернее, даже на голый пузырь с ручками и ножками, заканчивавшимися острыми когтями. С шеи свешивался омерзительный раздутый мешочек, напоминавший индюшачий зоб. Все тело было покрыто отвратительными белесыми волосками.

При виде этой гадкой пакости Сэма чуть не вывернуло наизнанку. *Так вот какая она на самом деле!* — визжал он про себя от страха. *Господи, помоги мне!* Но через минуту чувство омерзения было уже не столь острым: ведь могло быть и *хуже!*

Однако чудовище вновь начало превращаться, и ужас охватил Сэма с новой силой. Глаза монстра почти вылезли из орбит, а из-под них начал быстро расти покрытый роговыми чешуйками отросток, с каждым мгновением все более походивший на слоновий хобот. Глаза растянулись в косые узенькие щелочки, придавая жуткому созданию сходство с каким-то чудовищным насекомым. Оно стало приближаться к Сэму,

поводя вытянутым рылом и хищно принюхиваясь. Роговые чешуйки на хоботе покрылись колышущейся массой длинных волосков.

Кончик хобота прикоснулся к его груди, и Сэм почувствовал, какая от него исходит огромная сила: внезапно накатила сковавшая тело сонливость, отчаянно хотелось расслабиться, отдаться этой блаженной летаргии. Где-то в отдалении завывал ветер. Мерно, успокаивающе. Так в далеком детстве Сэм засыпал под монотонный рев пылесоса.

— Сэм! — окликнула его Наоми.

Голос прозвучал почти из небытия, Сэму не было до него никакого дела.

Неужели ему и правда могло казаться, что он ее любит? Чушь какая! И могло же такое в голову втемяшиться...

А вот это создание... сейчас поведает ему сказку. Страшно интересную и увлекательную.

Белесый пузырь странного существа начал изнутри как бы всасываться, отчего хобот вытягивался все больше и больше. Тело же превратилось в подобие трубки, ненужной и забытой, словно мешок-зоб, болтавшийся под шеей. Все естество удивительного создания было заключено сейчас в этом длинном хоботе, который собирался присосаться к Сэму, чтобы испить его жизненную силу. И душу.

И это было прекрасно.

Хоботок скользнул по коленкам Сэма, мягко ткнулся в пах и пополз выше, щекоча живот. Сэм сам опустился на колени, чтобы хоботку не пришлось тянуться к его лицу. И вдруг с наслаждением ощутил, что в уголках глаз выступила какая-то приятная жидкость. Не слезы, нет — погуще.

Хобот приблизился к глазам; Сэм разглядел, как в отверстии на его кончике жадно расправляется и раскрывается венчик розовой плоти. Всякий раз, как он открывался, внутри появлялось бездонное черное жерло. Затем, когда лепестки розового венчика смыка-

лись, между ними оставалось крохотное отверстие — трубочка в трубочке. Кончик хобота медленно полз вверх по щеке, приближаясь к сладкой жидкости, сочащейся из глаз Сэма. Узкие темно-синие глаза таращились на него с нескрываемой жадностью.

Но ведь штраф был уплачен!

Собрав всю волю в кулак, Сэм наотмашь врезал правой рукой по хоботу. Тот был горячий, скользкий, словно покрытый какой-то ядовитой слизью. Ладонь Сэма обожгло и защипало. Хобот дернулся и пополз вниз. Сэму показалось, что гибкий, как шланг, орган вот-вот выскользнет, и он крепче сжал кулак, вонзив ногти в податливую мякоть.

— *Вот тебе!* — заорал он. — *Посмотри, мразь, что я тебе припас! Из самого Сент-Луиса.*

И левой рукой с силой вдавил липкий комок в розовый венчик на конце хобота. Наверное, так давным-давно его одноклассники залепили пластилином отверстие выхлопной трубы в «понтиаке» Томми Рида. Мерзкая тварь попыталась взреветь, но из намертво забитого хобота донеслось лишь сдавленное мычание. Чудовище начало пятиться от Сэма. Красный комок солодки торчал из дергающегося хобота, словно огромный кровоточащий нарыв.

Сэм с усилием приподнялся, не выпуская из правой руки скользкий хобот, и навалился на гнусную тварь Арделию сверху. Омерзительное существо отчаянно барахталось, тщетно пытаясь его сбросить. Сэм изрядно струхнул, увидев, какой свирепой яростью горят глаза гадины.

И тут вдруг почувствовал, что чудовище начинает раздуваться. Сэм отпрянул назад, тяжело и судорожно дыша. Тварь походила теперь на огромный детский мячик с хоботом; мячик, густо заросший волосками, которые колыхались, словно водоросли во время прилива. Уродливое существо беспомощно каталось по заваленному книгами проходу; хобот нелепо торчал из него, словно садовый шланг, завязанный узлом. Сэм,

не смея дохнуть, следил, как исчадие ада, звавшее себя Арделией Лорц, давится собственными газами.

Белую гладкую шкуру пронизала сеть кровавых прожилок. Глаза страшилища выпучились и в безумии уставились на Сэма. Арделия сделала последнюю попытку избавиться от затычки, но безуспешно — когда Сэм ее залепил, розовое устье было разверсто во всю ширь, и пробка засела намертво.

Сообразив наконец, что сейчас произойдет, Сэм отдернул руки, прикрывая лицо, и в тот же миг услышал взрыв.

Смрадные ошметки дымящейся плоти разлетелись по всему помещению. Руки, грудь и ноги Сэма забрызгало густой алой кровью. Он закричал, не в силах сдержать отвращения и... радости.

Аварийное освещение, мигнув на прощание, вырубилось, снова оставив их в кромешном мраке.

11

Тьма окутала их ненадолго, однако Сэму хватило и этих мгновений, чтобы понять: все вокруг изменилось. В голове вдруг прояснилось и возникло удивительное ощущение, что все встало на свои места. Аварийное освещение зажглось вновь — теперь уже загорелись сразу четыре лампочки, — и свет залил всю комнату целиком, изгнав тени даже из дальних углов. И Сэм сразу понял, что из библиотеки прошлого они вернулись в реальность, в библиотеку сегодняшнюю.

Рухнувшие стеллажи уже стояли вертикальными рядами, как и прежде. В проходе, правда, валялось несколько книг, но Сэм мог и сам их сбросить, пытаясь встать. Да и буря снаружи поутихла, лишь капли дождя мерно барабанили по крыше.

Исчадие ада бесследно исчезло. Вокруг не было ни кусочков плоти, ни следов крови. Нигде — ни на

 книгах, ни на полу, ни на ногах или руках Сэма.

Лишь одно напоминало об Арделии: одинокая золотая сережка поблескивала на полу.

С трудом сдерживая дрожь в коленках, Сэм с силой пнул ее ногой, и тут же перед глазами его все поплыло. Сэм покачнулся и зажмурился; ему показалось, что он теряет сознание.

— Сэм! — словно сквозь сон услышал он голос Наоми, почти плачущий. — Сэм, *где вы?*

— Здесь! — Он поднял руку, вцепился в собственную шевелюру и с силой дернул.

Глупо, наверное, но это сработало. Серая пелена перед глазами рассеялась, хотя и не полностью. Сэм осторожно повел головой, оглядываясь по сторонам.

Тот же стол, но допотопный светильник с красным абажуром уступил место лампе дневного света. На месте разбитой пишущей машинки красовался современный компьютер. И если всего этого было мало, чтобы показать Сэму, в каком времени он находится, то одного взгляда на картонные коробки оказалось достаточно: вместо скомканных газет они были заполнены полиэтиленовыми шариками и прокладками из пенопласта.

А вот Наоми склонялась над Дейвом в прежней позе. Подойдя к ней, Сэм увидел, что огнетушитель (по прошествии тридцати лет абсолютно не изменился) снова висит на стене... но оставленная им на лбу Дейва вмятина сохранилась.

Глаза старика были широко открыты. Увидев Сэма, он улыбнулся.

— Недурно, — прошептал он. — Весьма недурно. Держу пари, что вы даже не подозревали... в себе такой удали.

Сэм почувствовал, как с его сердца свалился камень.

— Вы правы, Дейв. Не подозревал, — ответил он и наклонился, растопырив перед лицом старика три пальца.

— Сколько вы видите пальцев?

— Около... семидесяти четырех, — прошептал Дейв.

— Я вызову «скорую», — сказала Наоми, но Дейв взял ее за руку.

— Нет. Подождите немного. — И перевел взгляд на Сэма. — Наклонитесь ко мне поближе.

Дейв обхватил шею Сэма трясущейся рукой, щекоча губами его ухо. Еле слышно старик прошептал:

— Сэм, она ждет. Не забывайте это... *Она всегда ждет.*

— Что? — Сэма словно обухом по голове хватило. — Что вы хотите этим сказать?

Но рука Дейва бессильно упала. Грудь его судорожно вздымалась и опадала. Он устремил на Сэма угасающий взор.

— Я сейчас, — сглотнув, пролепетала Наоми. — Здесь на столе телефон.

— Нет, — покачал головой Сэм.

Наоми резко развернулась. Глаза ее пылали, кулаки яростно сжались.

— Что вы такое несете? Или вы спятили? У него же череп проломлен! Он может...

— Дейв умирает, — мягко промолвил Сэм. — Не отходите от него, Сара. Вы нужны сейчас Дейву.

Наоми потупила взор и сразу увидела то, что уже заметил Сэм. Левый зрачок Дейва съежился, превратившись в едва различимую точку; правый зрачок был огромный и неподвижный.

— Дейв? — в отчаянии пролепетала она. — *Дейв?*

Но Дейв невидяще смотрел на Сэма.

— Помните, — еле слышно прошелестел он. — Она жд...

Взгляд его застыл. Грудь дернулась, опала... и замерла навеки.

Наоми зарыдала. Прижав руку старика к своей щеке, она прикрыла ему глаза. Сэм, превозмогая боль, опустился на колени рядом с Наоми и обнял ее за талию.

Глава 15
АНГОЛ-СТРИТ (III)

1

И эту ночь, да и несколько за ней последовавших Сэм Пиблс провел почти без сна. Лежа в постели при свете всех ламп, он неустанно размышлял о последних словах Дейва Данкена: *Она ждет.*

На вторую ночь, уже перед самым рассветом, Сэму показалось, что он начинает понимать смысл предсмертного предостережения старика.

2

Сэм полагал, что прощание с Дейвом Данкеном пройдет в баптистской церкви в Провербии, и был немало удивлен, узнав, что Дейв успел перейти в католическую веру. Отпевание состоялось в костеле Святого Мартина 11 апреля, ненастным днем, когда ветер лишь изредка разгонял тучи, позволяя весеннему солнышку хоть ненадолго приласкать землю.

После погребальной церемонии друзья покойного отправились на Ангол-стрит, где были организованы поминки. Все помещения внизу заполнили люди, которые разбились на небольшие группки. На первый взгляд Сэму показалось, что собралось человек семьдесят. Все они хорошо знали Дейва и отзывались о нем с теплом, уважением и искренней любовью. Все пили исключительно лимонад, а закусывали тартинками. Сэм переходил от группки к группке, обмениваясь репликами с немногими знакомыми, но старался нигде не задерживаться.

По пути сюда он заехал в универмаг «Три поросенка», где кое-что приобрел, и сейчас его пальцы нащупывали в кармане полдюжины завернутых в целлофан предметов: четыре продолговатых и тоненьких и два квадратных.

Сары нигде не было.

Сэм уже собрался уйти, когда заприметил в углу Льюки с Рудольфом. Они сидели за карточным столиком, но не играли.

— Привет, ребята! Вы меня, наверное, не помните...

— Отчего же, — перебил его Рудольф. — За кого вы нас принимаете? Что мы, слабоумные, что ли? Вы друг Дейва. Приходили сюда, когда мы над объявлениями трудились.

— Точно, — подтвердил Льюки.

— Нашли книжки, которые искали? — осведомился Рудольф.

— Да, — улыбнулся Сэм. — В конце концов нашел.

— Вот и славно! — выпалил Льюки.

Сэм достал из кармана четыре тоненьких предмета в целлофане:

— Я вам кое-что принес.

Льюки поднял голову, и глаза его засияли.

— Конфетки! — восхищенно выкрикнул он. — Жвачка-жрачка! Смотри, Дольфи, Сарин дружок нам жвачку-жрачку приволок! Вот это да! Охренеть можно!

— Давайте-ка их мне, друг. — И Рудольф выхватил конфетины у Сэма. — Этот умник их в один присест умнет, а потом всю постель обделает. — Развернув одну конфету, он протянул ее Льюки: — Держи, лакомка. А остальные я для тебя на потом приберегу.

— Можешь и сам одну съесть, Дольфи. Для друга не жалко.

— Нет, Льюки, мне нельзя. Сам знаешь — у меня от них кишки склеиваются.

Сэм пропустил этот обмен мнениями мимо ушей. Пристально глядя на Льюки, он спросил:

— Кто вам сказал, что я дружок Сары?

Льюки запихал длинную конфету в рот, откусил половину и, смачно чавкая, посмотрел на Сэма. Доброжелательно, но с хитрецой. Почесав кончик носа, он загадочно произнес:

— От нас тут ничего не укрывается, приятель. В «АА», я имею в виду.

— Да ни черта он не знает, мистер, — сказал Рудольф, допивая лимонад из стакана. — Просто нравится ему языком трепать — и все дела.

— А вот и нет! — запальчиво выкрикнул Льюки, отправляя в рот остаток конфетины. — Если хочешь знать, мне это сам Дейв сказал. Так, мол, и так, сказал. У них, дескать, с Сарой по гроб жизни любовь...

— А где сейчас Сара? — перебил Сэм. — Я думал, что застану ее здесь.

— Мы с ней разговаривали после отпевания, — сказал Рудольф. — Просила вам передать, что если понадобится, то вы знаете, где ее искать. Сказала, что однажды вы там ее уже видели.

— Она любила старину Дейва, — сказал вдруг Льюки и, неожиданно всхлипнув, смахнул со щеки слезинку. — Все мы его обожали. А он... Как он жизнь любил. Как старался на путь праведный встать. Господи, до чего несправедливо-то... — И Льюки разрыдался.

— Послушайте... — смущенно заговорил Сэм, с трудом сдерживая слезы. Порывшись в кармане, он нащупал носовой платок и протянул его Льюки. — Но ведь в итоге Дейв добился чего хотел. И умер трезвенником. Да-да, это я точно знаю.

— Аминь, — вздохнул Рудольф.

— Аминь, — эхом повторил Льюки, возвращая Сэму платок. — Спасибо.

— Не за что.

— Слушайте, приятель, а больше у вас нет таких конфеток? — спросил Льюки. — Жвачки-жрачки.

— Нет, — ответил Сэм и улыбнулся. — Но вам Рудольф даст. Попозже.

Рудольф рассмеялся. Льюки же улыбнулся... и снова почесал кончик носа.

— А как насчет четвертачка? Хоть одна лишняя монетка есть?

3

Сначала он решил, что Сара отправилась в библиотеку, но это противоречило тому, что сказал Рудольф. Да, той страшной ночью (казалось, что с тех пор прошло уже лет десять) они были там вместе, но Сара не стала бы говорить, что Сэм там ее «видел»... Видеть можно было через витрину, через окно...

И тут Сэма осенило — он ведь и в самом деле однажды видел Сару в окно. Прямо здесь, на Англстрит. На лужайке за домом.

Уже знакомым путем прошел он прямиком на кухню, где застал Берта Айверсона и Элмера Баскина. Они потягивали молочный коктейль и слушали какую-то старушку, которую Сэм видел впервые.

Дул ветер, а небо снова затянуло тучами. На дворе не было ни души, но Сэму показалось, что в кустах за лужайкой что-то пестреет. Он поспешил туда, подгоняемый судорожными ударами сердца; на ходу вынул из кармана два оставшихся пакетика в целлофановой обертке. Это были ириски «Солодка». Разорвав обертки, Сэм скатал конфеты в комок и принялся мять его. Снова в ноздри шибанул сладковатый запах, по-прежнему вызывавший у Сэма отвращение. Где-то в отдалении грохотал поезд, и Сэм невольно припомнил свой кошмарный сон о том, как Наоми прямо у него на глазах превращалась в Арделию.

Поздно, Сэм. Вы не успели. Дело уже сделано.

Она ждет. Помните, Сэм, — она ждет.

Да, порой сны и в самом деле сбываются...

Каким образом ей удавалось выжить на протяжении стольких лет? Они ведь никогда не задавались этим вопросом. И как Арделия превращалась в какого-то определенного человека? Этого тоже никто не знал. Может быть, это жуткое существо, преображавшееся в женщину по имени Арделия Лорц, было на самом деле чем-то вроде закутанной в кокон куколки, как те, что зимуют в древесной коре... Куколки ведь

тоже впадают в долгую спячку, дожидаясь благоприятной поры, чтобы... претерпеть превращение...

Она ждет.

Сэм шел, разминая пальцами липкий комочек, пропахший солодкой, которую Библиотечный полицейский — *его* Библиотечный полицейский — украл из детства Сэма и превратил в орудие запугивания и которую Сэм с помощью Наоми и Дейва использовал как орудие для спасения.

Библиотечный полицейский прижимает Наоми к себе. Тянется губами к ее шее, словно желая поцеловать. Но вдруг начинает кашлять. Висящий зоб у этой гадины. Обмякший. Пустой. Выпотрошенный.

Господи, только бы не опоздать!

Сэм продрался через кусты и увидел прямо перед собой Наоми Сару Хиггинс, которая стояла со скрещенными на груди руками прямо над железнодорожной насыпью. Метнув на Сэма быстрый взгляд, она отвернулась и уставилась на железнодорожные рельсы. Сэма поразила мертвенная бледность Сары. И взгляд ее показался ему каким-то затравленным. Невидимый пока состав быстро приближался.

— Здравствуйте, Сэм.

— Здравствуйте, Сара.

Сэм обнял ее за талию. Сара не оттолкнула его, но держалась отстраненно, словно не замечая его.

Господи, только бы не опоздать! — снова мелькнуло в его мозгу, но мысли тут же перескочили на Дейва.

Тогда, в ту страшную ночь, они оставили его тело в библиотеке, а входную дверь подперли клином, чтобы она не захлопнулась. Затем Сэм позвонил в полицию из автомата, расположенного неподалеку, и сообщил, что задняя дверь библиотеки открыта. И повесил трубку. Как и ожидалось, труп Дейва сразу обнаружили, а смерть приписали несчастному случаю. Следов алкоголя в крови не обнаружили, но и это никого не удивило. *Вполне естественно,* подумал Сэм. *Люди ожи-*

— Как вы себя чувствуете, Сара? — спросил он.

— Неважно, Сэм, — ответила она усталым голосом. — Бессонница... аппетита нет... меня донимают жуткие мысли... причем мне кажется, что это не мои мысли... и страшно, страшно тянет выпить. Дай мне сейчас волю, и я пила бы, не зная удержу. Даже наши встречи не помогают. Впервые в жизни — не помогают.

Она закрыла глаза и заплакала. Бессильно и безнадежно.

— Правильно, — спокойно промолвил Сэм. — Так и должно быть. *Ей* только и надо, чтобы вы снова ударились в пьянство. *Она ждет...* но это вовсе не значит, что она тоже лишилась аппетита.

Сара открыла глаза и в недоумении посмотрела на него.

— Что? Сэм... о чем вы говорите?

— Наверное, об упорстве, — ответил он. — О дьявольском упорстве. Вся эта нечисть умеет затаиваться и ждать. Коварство и упорство — вот что делает их такими опасными и всемогущими.

Сэм разжал кулак, показав свою ладонь и липкий комок красной массы на ней.

— Вы это узнаете, Сара?

Она отдернулась, словно ужаленная. Обе руки взлетели к затылку. Глаза ее расширились, вмиг утратив отрешенный вид. В них засверкали ненависть и... страх.

А искорки были *серебристые.*

— Выбросьте эту гадость! — хрипло прошептала она. — Выкиньте эту дрянь *подальше!*

— Я ведь с вами сейчас разговариваю, Сара, — твердо сказал Сэм. — *Не с ней,* а с вами. Я люблю вас, Сара.

Глаза Сары снова были полны печали.

— Да, — промолвила она. — Возможно. Но лучше, наверное, если вы меня разлюбите.

— Сара, я хочу кое о чем попросить вас. Пожалуйста, повернитесь ко мне спиной. Вон поезд идет. Смотрите на него и не оборачивайтесь, пока я вам не скажу. Хорошо?

Вдруг Сара яростно ощерилась, в глазах вновь засверкала ненависть.

— Нет! — выкрикнула она. — Ни за что! Оставьте меня в покое! Уйдите! Убирайтесь отсюда!

— Вы и правда этого хотите? — спросил Сэм. — Подумайте хорошенько, Сара. Вы ведь сами сказали Рудольфу, где я могу вас найти. Так вы хотите, чтобы я ушел?

Она вновь закрыла глаза. Губы предательски задрожали. Затем веки затрепетали и раскрылись. В глазах стояли слезы и немой ужас.

— О, Сэм, помогите мне! — воскликнула Сара. — Что-то со мной творится, и я не могу понять, что мне делать!

— Я знаю, что надо делать, — решительно сказал Сэм. — Положитесь на меня, Сара. Помните, что вы мне говорили тогда, в той библиотеке? *Честность и вера.* Помните? Полная противоположность страху. Честность и вера. Что скажете?

— Не знаю, — задумчиво прошептала Сара. — Это так трудно. Верить. Верить и доверять.

Сэм смотрел на нее в упор, не отрывая взгляда.

Вдруг верхняя губа Наоми вздернулась, а нижняя — на долю секунды — выпятилась в форме трубочки.

— *Пошли вы в задницу!* — проревела она. — Понятно вам, Сэм Пиблс? *Убирайтесь вон!*

Сэм продолжал смотреть во все глаза. Вдруг она вздернула руки и устало прижала пальцы к вискам.

— Господи, Сэм, я не хотела... Простите. Сама не понимаю, что на меня нашло. *Голова,* Сэм... Господи, она просто раскалывается!

Тем временем поезд, отчаянно гудя, прогромыхал по мосту через Провербия-Ривер. Это был дневной товарняк, который шел транзитом, не останавливаясь

до самой Омахи. Сэм уже видел локомотив и первые вагоны.

— Времени у нас в обрез, Сара. Нужно действовать. Отвернитесь от меня и смотрите на поезд.

— Хорошо, — вдруг согласилась она. — Не знаю, что вы задумали, Сэм, но я на все согласна. Если же вдруг поймете, что у вас не получается, то просто столкните меня вниз, под колеса. А остальным скажете, что я сама спрыгнула. — Наоми устремила на него молящий взгляд. — Наши знают... они сами видели, как я себя чувствовала в последнее время. От них ведь ничего не скроешь. Вам поверят, вот увидите. Я ведь и в самом деле не могу больше это вынести. Я не хочу, чтобы так продолжалось. А главное, Сэм, я и на самом деле *готова* наложить на себя руки.

— Замолчите! — твердо сказал он. — Мы не станем говорить о самоубийствах. Смотрите на поезд, Сара, и помните: я люблю вас.

Наоми отвернулась и посмотрела на поезд; до него было около мили, он быстро приближался. Приподняв обе руки, она снова притронулась к своему затылку. И Сэм... увидел то, что высматривал. Прямо на белоснежной шее. Он знал, что менее чем в полудюйме проходит ствол ее мозга, и содрогнулся от отвращения.

Мерзкое волосистое образование было покрыто паутинкой белых нитей, под которым скрывалось *оно* — розовая масса, пульсирующее желе, которое сокращалось в такт биению сердца Наоми.

— *Оставьте меня в покое!* — вдруг завизжала Арделия Лорц голосом женщины, которую так любил Сэм. — *Убирайтесь отсюда, вы, ублюдок хренов!*

Однако Сэм не обращал внимания. Приподняв сзади волосы Наоми, он спросил:

— Вы можете различить номер на локомотиве?

Она лишь слабо простонала в ответ.

Сэм раскатал липкий, пропахший солодкой комок в лепешку размером чуть больше паразита, затаившегося на нежной шее любимой.

— Продиктуйте его мне, Сара. Мне нужны эти цифры.

— Два... шесть... о, Сэм, какая нестерпимая боль... словно кто-то пытается разорвать мой мозг на две половинки...

— Не отвлекайтесь, Сара, — прошептал Сэм, прикладывая красную лепешку к омерзительной пульсирующей массе.

— Пять... девять... пять...

Сэм плотно прижал лепешку к розовой пакости и придавил, чувствуя, как барахтается тварь под липким покрывалом.

А вдруг она вырвется на свободу? Вдруг вылезет, прежде чем я смогу ее отодрать? Ведь вся эта штуковина насквозь пропитана концентрированным ядом... что, если он прольется?

Локомотив пронзительно засвистел. И в этом громком свисте потонул возглас боли.

— *Не двигайтесь!*

Сэм рванул лепешку на себя, одновременно подворачивая ее края и сжимая. Есть! Тварь была пленена в липкой массе, где извивалась и пульсировала, словно крохотное сердечко. На шее Сары остались три крохотные красные точки, как от булавочных уколов.

— *Прошло!* — выкрикнула Сара. — *Сэм, меня отпустило!*

— Нет еще, — с мрачной решимостью произнес он.

Красный комок на его ладони судорожно сжимался и разжимался. Гадина рвалась на свободу. Если она...

Поезд уже миновал депо и платформу, возле которой когда-то человек по имени Брайан Келли швырнул Дейву Данкену несколько монет прямо в придорожную грязь. Состав стремительно приближался.

Сэм побежал к рельсам.

— *Сэм, куда вы?*

— Сюда, Арделия! — хрипло пробормотал он.

И осторожно положил пульсирующий комочек на рельс. Поезд был уже менее чем в пятидесяти ярдах.

Скорее умом, чем ушами, Сэм услышал вопль ярости и ужаса. Пятясь, он смотрел во все глаза, как отчаянно сражается за жизнь существо — *нечто,* — заточенное внутри липкой солодковой массы. И вдруг... оболочка лопнула, внутри мелькнуло розовое желе, и в это мгновение дневной товарный поезд на Омаху обрушился на мерзкую тварь всей своей чудовищной массой, дробно гремя колесами, безжалостно перемалывающими розовое *нечто.*

В ничто.

Истошный вопль в мозгу Сэма оборвался, словно обрубленный топором.

Он повернулся к Саре. Ее взгляд был полон безмерной радости, она *была ошарашена, точно не могла* поверить в случившееся. Сэм обнял ее за талию и, приподняв, прижал к себе. Товарный состав — вагоны, цистерны, контейнеры на платформах — с грохотом проносился в нескольких ярдах от них.

Так и стояли, молча, прижавшись друг к другу, пока поезд не миновал их. Проводив взглядом удаляющиеся на Запад красные огни, Сара легонько отстранилась и посмотрела на Сэма.

— Боже мой, неужели я теперь *свободна?* Неужели ее больше нет, Сэм? Я просто поверить в это *боюсь.*

— Вы свободны. Ваш штраф тоже уплачен сполна. Навсегда и навечно. Понимаете?

Вместо ответа Сара начала покрывать глаза, щеки и губы Сэма быстрыми и нежными поцелуями. И смотрела на него во все глаза.

Наконец Сэм взял ее за руки и произнес:

— Давайте вернемся в дом, Сара. Отдадим последний долг Дейву. Да и друзья ваши, наверное, уже волнуются за вас.

— Они могут стать и вашими друзьями, Сэм... Если захотите.

Он кивнул:

— Да, Сара. Я хочу. Очень хочу.

— Честность и вера, — прошептала она, легонько прикасаясь к его щеке.

— Да, Сара, это святые слова. — Поцеловав ее, Сэм учтиво согнул руку в локте. — Позвольте вас проводить, мэм.

Сара взяла его под руку и улыбнулась.

— Куда угодно, сэр. Хоть на край света.

И они рука об руку побрели через лужайку к Ангол-стрит.

НЕСУЩИЙ СМЕРТЬ

Четыре после полуночи

Памяти Джона Д. Макдональда.
Мне недостает тебя, дружище...
и ты не ошибался насчет тигров.

Предисловие

Снова и снова меня спрашивают: «Когда же тебе надоедят эти «ужастики», Стив, и ты напишешь что нибудь серьезное?»

Раньше я думал, что оскорбительный намек вкрался в такие вопросы случайно, но с годами понял, что это не так. Я наблюдал за лицами людей, обращающихся ко мне с подобными словами, и они напоминали мне пилотов-бомбардировщиков, жаждущих увидеть, упали ли бомбы в болото, поразили завод или склад со снарядами.

Дело в том, что практически все произведения, в том числе и смешные, написаны мною совершенно серьезно. Конечно, я могу вспомнить несколько случаев, когда сидел за машинкой и смеялся как безумный над только что отпечатанным пассажем. Мне не стать Рейнольдом Прайсемом или Ларри Войводом, это не для меня, но сие не означает, что мне безразлично то, что я пишу. Я должен делать то, что могу, как говаривал Нилс Лофгрен: «Я такой, какой есть... я не играю джаз».

Если *реальность* (НЕКОЕ СОБЫТИЕ, КОТОРОЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО МОЖЕТ СЛУЧИТЬСЯ) отождествляется вами с понятием «серьезно», значит, вы попали не по адресу и вам надо немедленно выйти вон. Но, пожалуйста, помните, что я не единственный, кто

 работает в этом доме. В свое время здесь трудились Франц Кафка, Джордж Оруэлл, Ширли Джексон, Хорхе Луис Борхес, Джонатан Свифт, Льюис Кэрролл. А в списке нынешних жильцов, что висит в вестибюле, значатся Томас Бергер, Рей Брэдбери, Джонатан Кэрролл, Томас Пинчон, Томас Диш, Курт Воннегут-младший, Питер Страуб, Джойс Кэрол Оутс, Исаак Башевис Сингер, Кэтрин Данн и Марк Холперн.

Я занимаюсь тем, чем занимаюсь, потому что наша реальная жизнь замешена, если хотите, на любви, деньгах, одержимости. И сказка об иррациональном — самый здравомыслящий из известных мне способов показать мир, в котором я живу. Как мне представляется, таким образом проще всего ответить на вопрос, как мы воспринимаем окружающий мир. И на следующий, вытекающий из первого: что мы делаем или не делаем исходя из наших восприятий. Я изучаю эти вопросы как могу, в рамках дарованных мне таланта и интеллекта. Я не лауреат Национальной книжной или Пулитцеровской премий, но к работе, можете не сомневаться, отношусь очень ответственно. Если вы не верите ничему другому, попробуйте поверить вот чему: раз уж я беру вас за руку и начинаю рассказывать, друг мой, то верю каждому своему слову.

Из того, что я должен сказать, разумеется, совершенно серьезно, многое связано с миром маленького городка, в котором я вырос и где живу до сих пор. Истории и романы — слепки с того, что мы, чуть иронично улыбаясь, называем «реальной жизнью», и я уверен, жизнь, какой живут в маленьких городках, — слепок с того, что мы, посмеиваясь, называем «обществом». Утверждение это можно оспорить, более того: контрдоводы только приветствуются (иначе многие профессора литературы и критики будут вынуждены искать себе новую работу). Я лишь говорю:

писателю нужна стартовая площадка, а помимо твердой убежденности в том, что история может существовать сама по себе, мне помогает стартовать и уверенность в том, что маленький городок есть социальный и психологический микрокосм. Мои эксперименты в этом направлении начались с «Кэрри» и продолжились в «Жребии». Но на должный уровень я поднялся, пожалуй, только в «Мертвой зоне».

То была, полагаю, моя первая история о Касл-Роке (и Касл-Рок — тот самый город в «Жребии», только без вампиров). С годами Касл-Рок стал «моим городом», таким же, как Исола — для Эла Макбейна или Глори в Западной Виргинии — для Дэвиса Грабба. Время от времени я вновь заглядывал туда, чтобы посмотреть, как живут его обитатели, не изменилось ли что в его географии, на месте ли Касл-Хиллз и Касл-Вью, Касл-Лейк и выходящие из города дороги.

Меня все больше интересовала, точнее зачаровывала, тайная жизнь этого городка, и многие скрытые от глаз взаимоотношения я видел все яснее и отчетливее. Многое из истории города осталось неопубликованным: как бывший шериф Джордж Баннерман потерял девственность на заднем сиденье автомобиля своего отца, как мужа Офелии Тодд убила шагающая мельница, как помощнику шерифа Энди Клаттербаку лопастью вентилятора отрубило на левой руке указательный палец и его съела домашняя собака.

Вслед за «Мертвой зоной», в которой рассказывалась история Фрэнка Додда, я написал повесть под названием «Тело» и роман «Куджо», в котором добрый шериф Баннерман превращается в пыль, и несколько коротких рассказов и повестей об этом городе (лучшие, насколько я помню, — «Короткая стрижка миссис Тодд» и «Грузовик дяди Отто»). Все это очень хорошо, но состояние зачарованности вымышленным

 городом не есть положительная черта писателя. Это было плюсом для Фолкнера и Дж.Р.Р. Толкина — иногда исключения только подтверждают правила, — но я играю в другой лиге.

В какой-то момент я решил — сначала подсознательно, но именно там, в подсознании, рождается, по моему разумению, все самое серьезное, — что самое время закрыть книгу о Касл-Роке, штат Мэн, где жили и умирали многие из моих любимых персонажей. В конце концов, все хорошо в меру. И пора переезжать (может, даже в Харлоу, что находился по соседству, ха-ха). Но я не хотел уйти незаметно. В *финале* я хотел поставить жирную точку.

Мало-помалу мне становилось ясно, как можно это сделать, и последние четыре года я писал «Трилогию о Касл-Роке» — если хотите, *последние* истории из жизни этого города. Писались они не по порядку (иной раз я думаю, что отсутствие порядка — история моей жизни). Но теперь они *написаны*, и достаточно серьезны... Я надеюсь, отсюда не следует, что они очень уж реалистичны или скучны.

Первая из этих историй, «Темная половина», появилась в 1989 году. Хотя главный герой там — Тед Бюмонт, а действие разворачивается в городке под названием Ладлоу (том самом, где жили Криды из «Кладбища домашних животных»). Касл-Рок в романе имеет место быть. Роман знакомит читателя с Аланом Пэнгборном, который сменил Баннермана на посту шерифа. Шериф Пэнгборн — главный герой книги «Самое необходимое». Этим длинным романом я завершаю свои изыскания в маленьком, полюбившемся мне городке.

А связующим звеном между двумя названными выше большими романами стала повесть, предлагаемая читателю сейчас. В «Несущем смерть» вам не встретить известных горожан Касл-Рока, но зато вы познакомитесь с Попом Мерриллом, племянник которого, Эйс Меррилл, — городской плохиш (как

Горди Лашанс — bete noir* в «Теле»). «Несущий смерть» также готовит сцену для последнего фейерверка... и, я надеюсь, имеет полное право на существование как отдельная история, которую могут прочитать с удовольствием даже те, кому не понравятся «Темная половина» и «Самое необходимое».

И вот что хотелось бы заметить еще: каждая история живет своей тайной жизнью, независимой от автора, и «Несущий смерть» — история о камерах и фотографиях — тоже. Примерно пять лет назад моя жена, Табита, заинтересовалась фотографией, поняла, что у нее получается, и занялась этим делом серьезно. Сам я фотографирую плохо (я один из тех, кому всегда удается что-нибудь отрезать объектам съемки, или сфотографировать их с открытым ртом, или... короче, вам все понятно), но уважаю тех, кому удаются хорошие снимки... а сам процесс просто завораживает меня.

Итак, моя жена приобрела камеру настолько простую, что фотографировать ею мог даже такой дундук, как ваш покорный слуга. Я не мог оторвать глаз от этого «Полароида». Конечно, я видел такие камеры и раньше, но как-то на них *не обращал внимания*, не присматривался к фотографиям. И чем больше я думал о снимках, тем более странным мне все казалось: в итоге-то на них фиксировались не просто образы, а мгновения... и в этом было что-то *необычное*.

Сюжет возник у меня внезапно, летним вечером 1987 года, хотя идея подсознательно зрела почти год. Но, думаю, хватит обо мне. Приятно было пообщаться, правда, это не означает, что я согласен отпустить вас по домам.

Думаю, сначала нам надо побывать на праздновании дня рождения в маленьком городке Касл-Рок.

---

* Грязный негр (*фр.*). — *Здесь и далее примеч. пер.*

Глава 1

15 сентября Кевину исполнилось пятнадцать лет, и он получил именно тот подарок, о котором мечтал: «Солнце».

Речь идет о Кевине Дэлевене, а «Солнце» — это «Солнце-660», полароидная камера: для начинающего фотографа она сделает все, что угодно, разве только не нарежет сандвичи с копченой колбасой.

Разумеется, *были* и другие подарки: Мег, его сестра, подарила носки, которые связала сама, бабушка из Де-Мойна — десять долларов, а тетя Хильда прислала, как присылала всегда, узенький галстук-шнурок с уродливым зажимом. Первый такой галстук она прислала на трехлетие Кевина: таким образом, в ящике его бюро уже лежали (и ни разу не доставались) двенадцать галстуков с уродливыми зажимами. Теперь к ним прибавился тринадцатый. Хотя мальчик никогда не надел бы ни один, выбросить галстуки ему не разрешали.

Тетя Хильда жила в Портленде. Она не приезжала на день рождения ни к Кевину, ни к Мег, но могла приехать. Действительно могла, ведь от Портленда до Касл-Рока всего пятьдесят миль. А если б она приехала... и попросила Кевина показать *один* из подаренных ею галстуков (или Мег — один из шейных платков)? С другими родственниками удалось бы и отвертеться. Но с тетей Хильдой такой номер не проходил. От других родственников ее отличало по крайней мере два качества: она была Старая и Богатая.

И мать Кевина не сомневалась: когда-нибудь тетя Хильда ЧТО-ТО СДЕЛАЕТ для Кевина и Мег. Под ЧТО-ТО подразумевался пункт завещания, который станет известен после того, как старуха отдаст концы. И родители наивно полагали, что от детей не убудет, если они поберегут ужасные галстуки-шнурки и не менее ужасные шейные платки. Поэтому тринадцато-

му галстуку (с зажимом-дятлом) предстояло лечь рядом с остальными двенадцатью, а на следующий день Кевин собирался написать тете Хильде письмо и поблагодарить ее. Не потому, что на этом настояла бы его мать. И не потому, что он думал или надеялся найти упоминание о себе в завещании тети Хильды. Просто он был хорошо воспитанным мальчиком, без дурных привычек.

Кевин поблагодарил всех за подарки. Мать и отец не ограничились одной камерой, но «Полароид», конечно, был главным подарком, и они очень обрадовались, увидев, что сын действительно счастлив. Кевин не забыл поцеловать Мег и сказать, что будет надевать носки на все лыжные соревнования, но взгляд его то и дело возвращался к коробке с камерой и дополнительным кассетам, которые к ней прилагались.

Мальчик высидел за столом, пока ели мороженое и торт, на котором он задул все свечи, хотя ему не терпелось опробовать камеру. Что Кевин и сделал, почувствовав: пора.

Вот тут и начались неприятности.

Он внимательно, насколько позволяло его нетерпение, прочитал буклет-инструкцию, затем зарядил камеру под настороженными взглядами всей семьи — по какой-то причине подарки очень часто ломаются. Все шумно выдохнули, даже ахнули, когда камера выплюнула картонный квадрат, который прикрывал кассету сверху, как и указывалось в инструкции.

У камеры были две маленькие лампочки, одна красная и одна зеленая, разделенные серебристым зигзагом молнии. Кевин зарядил камеру, и зажглась красная лампочка, на пару секунд. Вся семья с волнением наблюдала, когда же наконец красная лампочка погаснет и замигает зеленая.

— Готово, — объявил Кевин. — Почему бы вам не встать рядом?

— Я не люблю фотографироваться! — заверещала Мег, наигранно закрывая лицо руками, как удает-

 ся только девочкам-подросткам да очень плохим актрисам.

— Перестань, Мег, — одернул ее мистер Дэлевен.

— Не порть нам праздник, Мег, — поддержала мужа миссис Дэлевен.

Мег опустила руки (упиралась-то она больше для вида), и все трое встали у стола, почетное место на котором занимал недоеденный торт.

Кевин посмотрел в видоискатель.

— Придвинься к Мег, мама. — Он помахал левой рукой. — И ты, папа. — Он помахал правой.

— Вы меня *задавите!* — пожаловалась Мег. Кевин положил палец на кнопку, при нажатии на которую срабатывала камера, потом вспомнил фразу из инструкции, предупреждающую о том, что, дернувшись, можно легко отрезать головы тем, кто находится в кадре. «Отрезать головы, — подумал Кевин. — Забавно, однако». Но его губы не растянулись в улыбке. Напротив, по какой-то непонятной причине он почувствовал, как по спине пробежал холодок. Пробежал и исчез. Кевин чуть поднял камеру. Вот так. Все в кадре. Отлично.

— Приготовились! Улыбнулись и сказали: Интеркос!*

— *Кевин!* — возмущенно воскликнула мать.

Отец расхохотался, и Мег тоже.

Кевин нажал на кнопку.

Вспышка, питание на которую поступало от батарейки, залила комнату ослепительно белым светом.

«Теперь камера *моя*», — подумал Кевин. Казалось, это мгновение должно было вызвать счастье и радость. Но вместо этого именинник снова почувствовал пробежавший по спине холодок.

Камера то ли пискнула, то ли зажужжала, короче, издала характерный звук, которым сопровождается появление из ее чрева очередного снимка.

---

* Intercourse — совокупление (*англ.*).

— Дай посмотреть! — закричала Мег.

— Не торопись, милая, — остановил дочку мистер Дэлевен. — Изображение проявляется не сразу.

Мег пристально смотрела на серую поверхность, еще не ставшую фотографией. Так женщины при гадании вглядываются в хрустальный шар.

Вся семья наблюдала проявление фотографии с той же озабоченностью, что и церемонию зарядки камеры: обычная американская семья затаив дыхание ждала, что из всего этого выйдет.

У Кевина напряглись все мышцы. Мальчик не мог понять почему... но напряглись. И он не мог оторвать глаз от серого квадрата в белой рамке, отмечающей границы кадра.

— Кажется, я вижу себя! — радостно вскрикнула Мег.

И тут же добавила:

— Нет. Это не я. По-моему...

В напряженном молчании они наблюдали, как серый фон проясняется, точно так же, как, по словам многих, уходит туман из хрустального шара гадалки, а изображение становится все более отчетливым.

Тишину нарушил мистер Дэлевен.

— Что это? — спросил он всех и себя. — Какая-то шутка?

Кевин положил камеру на край стола и тоже смотрел, какая получается фотография. Мег, увидев изображение, отступила на шаг. На ее лице застыло удивление. Обернувшись к отцу, девочка задела камеру рукой и сшибла ее на пол.

Миссис Дэлевен, словно в трансе, не отрывала глаз от фотографии. Звук ударившейся об пол камеры испугал ее. Она вскрикнула и отшатнулась, споткнувшись при этом о ногу Мег и потеряв равновесие. Мистер Дэлевен потянулся к жене, невольно оттолкнув Мег, стоявшую между ними. Он не только поймал

миссис Дэлевен, но и сделал это очень элегантно. На мгновение возникло ощущение, что они замерли в танце: рука женщины отброшена назад, спина выгнута. Мужчина же склонился над ней, словно обещал, что защитит и не даст упасть.

Одиннадцатилетней Мег никто ничего не обещал. Она крепко приложилась животом об угол стола. И могла бы получить серьезную травму, если бы последние полтора года не занималась балетом три раза в неделю. Особым талантом девочка не отличалась, но балет ей нравился, да и укреплял мышцы. Так что живот самортизировал удар, как хорошие амортизаторы уменьшают тряску на ухабистой дороге. Однако на следующий день на животе появилась черно-синяя полоса. Такие синяки не проходят почти две недели. Сначала становятся лиловыми, затем желтыми, наконец исчезают... процесс, обратный тому, что идет на полароидной фотографии.

Ударившись об стол, Мег вскрикнула не только от боли, но и от неожиданности. Огромный торт, который должен был проявиться на первой фотографии, сделанной новой камерой Кевина, соскользнул со стола. Миссис Дэлевен не успела даже начать: «Мег, с тобой все в порядке?» — как остатки торта с чавканьем упали на «Солнце-660», а крем полетел всем на туфли и на плинтус.

Из-под торта — как перископ — торчал только видоискатель, залепленный шоколадом. И все.

Счастливого дня рождения, Кевин.

Тем же вечером сын и отец сидели в гостиной на диване, когда в комнату вошла миссис Дэлевен, размахивая двумя скрепленными листочками бумаги. У Кевина и мистера Дэлевена на коленях лежали раскрытые книги (у отца — «Самые лучшие и умные», у сына — «Перестрелка в Ларедо»), но они не читали, а смотрели на камеру «Солнце-660» и полароидные фотографии. Все они изображали одно и то же.

Мег сидела перед ними на полу, смотрела взятый напрокат видеофильм. Кевин не знал, какой именно, но догадался, что «ужастик», потому что на экране бегали и кричали люди. Меган обожала такие фильмы. Родители считали, что у нее дурной вкус (мистер Дэлевен особенно часто выражал неудовольствие по поводу «этой гадости»), но сегодня никто не сказал ни слова. Кевин догадался, что восторжествовал принцип: чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало. Родители были готовы на все, лишь бы остановить поток жалоб на ушибленный живот.

— Вот! — объявила миссис Дэлевен. — Нашла их на дне сумочки, когда перерывала ее по второму разу. — Она протянула листочки, чек из магазина «Джи.Си.Пенни» и квитанцию «Мастер кард» мужу. — Первый раз ничего не нашла. Наверное, никто бы не нашел. Таков закон природы.

Она оглядела мужа и сына.

— Такое ощущение, будто кто-то убил семейного кота.

— У нас *нет* кота, — ответил Кевин.

— Вы знаете, о чем я. Безобразие, конечно, но мы наверняка все уладим. В «Пенни» нам с радостью обменяют...

— Я в этом не уверен. — Джон Дэлевен взял камеру, с отвращением посмотрел на нее, только что не фыркнул, и положил на кофейный столик. — Она треснула при ударе об пол. Видишь?

Миссис Дэлевен мельком взглянула на камеру.

— Что ж, если не обменяют у «Пенни», обратимся в компанию «Полароид». Там отказа не будет. Я хочу сказать, что дефект не связан с падением. Первая фотография такая же, как и остальные, а Кевин сделал ее *до* того, как Мег сбросила камеру на пол.

— Я не нарочно. — Мег даже не повернулась.

На экране злобная кукла по имени Чаки преследовала маленького мальчика. Одетая в комбинезон кукла размахивала ножом.

— Я знаю, дорогая. Как твой живот?

— Болит. Думаю, мороженое может помочь. У нас осталось?

— Наверное, да.

— Ты не могла бы принести мне немного? — И Мег одарила мать радостной улыбкой.

— Как бы не так, — ответила миссис Дэлевен. — Возьми сама. И что это за ужасный фильм ты смотришь?

— «Детская игра», — ответила Меган. — Об ожившей кукле по имени Чаки. Клевый фильм!

Миссис Дэлевен была очень недовольна.

— Куклы не оживают, Мег, — вставил отец, твердо и решительно, не терпящим возражений тоном.

— Чаки ожил. В кино всякое случается. — Девочка подняла с пола пульт, остановила картинку и пошла на кухню за мороженым.

— Почему ей нравится смотреть это барахло? — В голосе мистера Дэлевена слышалось недоумение.

— Не знаю, дорогой, — ответила ему жена.

Кевин взял со столика «Полароид» и несколько фотографий. Почти дюжину.

— Я не уверен, что *хочу* поменять камеру, — неожиданно заявил он.

Мистер Дэлевен воззрился на сына.

— *Что?* Иисус заплакал!

— Я просто говорю, что, может, мы должны об этом подумать. — Кевин словно оправдывался. — Я хочу сказать, это не фабричный дефект. То есть если бы фотографии получались передержанными... или недодержанными... или вовсе без изображения... это было бы одно. Но у нас совсем другое. Одно и то же изображение, раз за разом. Посмотрите сами! Их словно снимали на улице, хотя камеру из дома не выносили!

— Это чья-то глупая шутка, — заявил отец. — Другого объяснения быть не может. Так что надо поменять эту чертову камеру и забыть о ней!

— Едва ли, — покачал головой Кевин. — Слишком уж *сложно* для шутки. Что надо сделать с камерой, что-

бы она выдавала одну и ту же фотографию? И еще. Здесь есть психологический момент.

— Уже и психологический. — Мистер Дэлевен закатил глаза.

— Да, психологический! — твердо повторил Кевин. — Например, если кто-то дает тебе сигару, которая взрывается при первой затяжке, то он непременно хочет при этом присутствовать, чтобы вдоволь насмеяться, не так ли? Но ведь ты или мама не хотели подшутить надо мной так...

— Твой отец не из шутников. — Миссис Дэлевен могла бы этого и не говорить.

Мистер Дэлевен смотрел на Кевина осуждающе, плотно сжав губы. Таким взглядом он всегда одаривал Кевина, когда тот «уплывал» в страну воображаемого. Именно в этой стране Кевин чувствовал себя как рыба в воде. А вот у его отца желание мальчика увидеть то, чего нет, вызывало недоумение и полное неприятие. Мистер Дэлевен не понимал, откуда это в Кевине, но мог с уверенностью сказать, что не *от него*.

Отец вздохнул и снова посмотрел на камеру. Слева откололся кусочек черного пластика. Тончайшая трещина, с человеческий волос, пересекала линзы. Трещинка исчезала, если поднести видоискатель к глазу и сфотографировать то, что видишь. Только зафиксировать, снять то, что видишь, не удавалось. То, что фотографировалось, лежало на кофейном столике. И еще с десяток дубликатов остались в столовой.

А запечатлевался некий беженец из местного собачьего питомника.

— Ладно, и что же ты собираешься с ней делать, черт побери?— спросил мистер Дэлевен. — Я прошу тебя, давай рассуждать здраво, Кевин. В чем практическая польза от камеры, которая снова и снова выдает одну и ту же фотографию?

Но Кевин думал не о практической пользе. То есть в тот момент он ни о чем не думал. Он чувствовал...

 и вспоминал. В то мгновение, когда он нажимал на кнопку, одна мысль

(она моя)

озарила его сознание, точно так же, как вспышка озарила комнату. Мысль эта вызвала столько эмоций, что Кевин до сих пор не мог понять их, но вроде бы доминировали страх и волнение, предчувствие необычного.

А кроме того, отец *всегда* стремился рассуждать с позиции здравого смысла. Ему были непонятны интуиция и предчувствия сына или увлеченность дочери куклами-убийцами.

Мег вернулась с тарелкой, до краев наполненной мороженым, и снова включила фильм. Кто-то пытался поджечь Чаки с помощью факела, но кукла продолжала размахивать ножом.

— Вы все еще спорите?

— Мы дискутируем, — поправил дочь мистер Дэлевен и еще плотнее сжал губы.

— Да, конечно. — Мег уселась на пол, скрестив ноги. — Ты всегда так говоришь.

— Мег? — Голос Кевина звучал приторно-сладко.

— Что?

— Если ты обрушишь столько мороженого на ушибленную селезенку, то этой же ночью умрешь в страшных муках. Возможно, селезенка у тебя и не разорвалась, но...

Мег показала брату язык и отвернулась к экрану.

Мистер Дэлевен все смотрел на сына. Во взгляде отца читались любовь и раздражение.

— Послушай, Кев, камера твоя. С этим никто не спорит. Ты можешь делать с ней все, что пожелаешь. Но...

— Папа, а тебя хоть чуть-чуть интересует, *почему* я поступаю именно так, а не иначе?

— Нет.

Теперь уже Кевин закатил глаза. Миссис Дэлевен переводила взгляд с одного на другого, словно зритель,

наслаждающийся жарким теннисным поединком. Пожалуй, так оно и было. Год за годом женщина наблюдала, как отец и сын оттачивали друг на друге свое мастерство, и зрелище это до сих пор ей не наскучило. Она лишь задавалась вопросом, когда же до отца и сына дойдет, как же на самом деле они похожи.

— Так вот, я хочу об этом подумать.

— Отлично. А я хочу, чтобы ты знал: завтра я могу зайти в «Пенни» и обменять камеру... если, конечно, ты этого хочешь и они согласятся взять поврежденный товар. Если ты решишь оставить подарок — дело твое. Я умываю руки. — И потер ладони, дабы подчеркнуть свое отношение к упрямству сына.

— Полагаю, *мое* мнение никого не интересует, — подала голос Мег.

— Правильно, — откликнулся Кевин.

— Разумеется, интересует, Мег, — тут же возразила миссис Дэлевен.

— Я думаю, что это заколдованная камера. — Мег слизала мороженое с ложки. — Я думаю, это Знамение.

— Какая нелепость! — тут же возмутился мистер Дэлевен.

— Вот и нет, — стояла на своем Мег. — Другого объяснения просто и быть не может. Ты так не думаешь, потому что в это не веришь. Если даже перед тобой возникнет привидение, ты его, папа, просто не заметишь. А ты что скажешь, Кевин?

Сразу Кевин не ответил, не смог. Сверкнула еще одна вспышка, но не перед глазами, а в голове.

— Кев? Земля вызывает Кевина.

— Я думаю, возможно, ты права, — медленно произнес он.

— О Боже! — Джон Дэлевен встал. — Вот она, месть Фредди и Джейсона*: мой сын думает, что в по-

---

* Герои сериалов «Кошмар на улице Вязов» и «Пятница, 13-е».

 даренной ему камере обретается призрак!

Я иду спать, но, прежде чем поднимусь наверх, все-таки выслушайте мое мнение: камера, раз за разом выдающая одну и ту же фотографию, да еще такую примитивную, как эта, — очень уж *скучное* проявление сверхъестественного.

— Однако... — Кевин пристально вглядывался в фотографии.

— Я думаю, нам всем пора спать, — вмешалась миссис Дэлевен. — Мег, если ты жаждешь досмотреть до конца этот шедевр кинематографии, то можешь это сделать утром.

— Но уже самый конец! — воскликнула Мег.

— Я посижу с ней, а потом мы вместе поднимемся наверх, — пообещал Кевин.

Пятнадцать минут спустя, когда от злобного Чаки отделались (по крайней мере до следующей серии), брат и сестра разошлись по своим комнатам. Но сразу заснуть Кевину не удалось. Он лежал в кровати и долго еще прислушивался к порывам ветра и шелесту листвы, думая о том, как камера может выдавать одну и ту же фотографию и что сие может означать. И уже почти во сне понял, что решение давно принято: он оставит полароидную камеру «Солнце» у себя, во всяком случае, на какое-то время.

Эта камера моя, подумал Кевин, повернулся на бок, закрыл глаза и через сорок секунд крепко спал.

Глава 2

Среди тиканья и таканья никак не менее пятидесяти тысяч часов, не обращая на них ни малейшего внимания, Реджинальд Поп Меррилл с помощью прибора, отдаленно напоминающего офтальмоскоп, просвечивал внутренности полароидной камеры «Солн-

це-660». Очки Поп сдвинул на лысый череп: вблизи он прекрасно видел и без них.

— Ага, — изрек Поп и выключил свет.

— Значит, вы нашли дефект? — обрадовался стоящий рядом Кевин.

— Нет. — Поп Меррилл захлопнул крышку над гнездом для кассеты. — Понятия не имею, в чем дело. — И прежде чем Кевин что-то сказал, часы начали отбивать четыре часа, так что не оставалось ничего другого, как помолчать.

Я должен об этом подумать, сказал Кевин отцу в тот день, когда ему исполнилось пятнадцать лет. Эта фраза удивила их обоих. Кевин с детства не обращал внимания на вещи, и мистер Дэлевен уже убедил себя, что сын никогда думать о них не будет. Как часто родители и дети убеждены в том, что их поведение и образ мышления никогда не изменятся, соответственно и их взаимоотношения навсегда останутся такими, как есть... Значит, детство продлится до скончания веков. Фраза «Я должен это обдумать» несла в себе намек на потенциальное изменение в их взаимоотношениях.

Более того, до своего пятнадцатилетия Кевин едва ли не все решения принимал, основываясь на интуиции, а не на логике (и относился к тем счастливчикам, кого интуиция практически никогда не подводила, другими словами, обещал вырасти в такого человека, какой обычно сводит с ума здравомыслящих людей). Именно потому, неожиданно для себя, оказался в положении буриданова осла, не знающего, с какой охапки сена начать трапезу.

С одной стороны, Кевин мечтал о полароидной камере и получил ее на день рождения. Но, черт побери, он хотел иметь полароидную камеру, которая бы нормально *работала*.

С другой стороны, его заинтриговало предположение Мег о том, что камера заколдована и что это проявление сверхъестественного.

Конечно, у младшей сестры хватало закидонов, но вот дурой Кевин ее не считал и твердо знал, что Мег употребила этот термин не с бухты-барахты, а вполне осознанно. Отец, предпочитавший все выверять согласно логике, пренебрежительно фыркнул, а вот Кевин так поступить не мог... пока не мог. И еще одно слово произнесла Мег. Удивительное, магическое слово. Оно занозой застряло в его мозгу.

Я думаю, это Знамение.

Кевина не могло не удивить, что только Мег хватило ума, да и смелости тоже, сказать то, о чем наверняка подумали втайне и они, глядя на странные фотографии, вылетевшие из полароидной камеры. Хотя, по правде говоря, ничего странного в этом не было. Религию Дэлевены не жаловали. В церковь на Рождество они ходили раз в три года, когда тетя Хильда проводила рождественскую неделю с ними, а не у других родственников, а также на венчания и похороны, которые случались очень и очень редко, но не более того. Если кто и верил в невидимый мир, так это Меган. Не случайно она не могла оторвать глаз от шагающих трупов, оживших кукол и автомобилей, которые начинали ездить сами по себе и давить не понравившихся им людей.

Родители Кевина не питали слабости и к оккультным наукам. Они никогда не читали гороскопы в газете, не принимали кометы или падающие звезды за некие знаки от всевышних сил. И если какая-то семейная пара видела на энчиладе* лицо Иисуса Христа, то Джон и Мэри Дэлевен — только засохшую энчиладу. Поэтому не стоило удивляться тому, что Кевин, который никогда даже не представлял себе человека на Луне, потому что отец и мать не удосужились помечтать с ним об этом, не смог разглядеть нечто сверхъестественное.

---

* Блинчик из кукурузной муки с мясом, сыром и перцем.

Например, Знамение в полароидной камере, выдававшей одну и ту же фотографию, где бы ни производилась съемка: в доме, на улице, при ярком солнце или в темном-темном шкафу. Пока Кевину не указала на это сестра. Та самая сестра, которая написала письмо знаменитому хоккеисту и получила цветную глянцевую открытку с автографом, изображающую парня в залитой кровью маске вратаря.

И теперь Кевин уже не мог не думать о словах сестры. Наверное, зная это свойство человеческой психики, Достоевский, этот умный русский старик, однажды сказал своему брату, когда они оба еще были молодыми умными русскими: «Постарайся ближайшие тридцать секунд не думать о синеглазом полярном медведе».

Вряд ли кому удастся выполнить подобную просьбу.

Вот Кевин и проходил два дня с этой занозой в мозгу, пытаясь прочитать иероглифы, которых не было, пытаясь понять, чего же он хочет больше: получить нормальную камеру или засвидетельствовать Знамение. Другими словами, выбирает он «Солнце» или... человека на Луне.

К концу второго дня (даже у пятнадцатилетних, явно тяготеющих к логике, на решение дилеммы редко уходит больше недели) Кевин понял, что хочет взять человека на Луне... хотя бы на испытательный срок.

К этому решению мальчик пришел на последнем уроке и, когда звонок возвестил о его окончании, подошел к мистеру Бейкеру, учителю, которого уважал более остальных, и спросил, не знает ли он человека, который чинит полароидные камеры.

— Не просто обычного мастера по камерам, — объяснил Кевин. — Скорее... ну, вы понимаете... знающего человека.

— Философа фотоаппарата? — спросил мистер Бейкер; уважение Кевина к этому учителю в немалой степени основывалось на умении последнего именно

таким образом ставить вопрос. — Мага затвора объектива? Алхимика диафрагмы? Муд...

— Человека, который многое повидал, — уточнил Кевин.

— Поп Меррилл, — без запинки ответил мистер Бейкер.

— Кто?

— Ему принадлежит «Империя изобилия».

— А, *тот* магазин...

— Да, — заулыбался мистер Бейкер. — *Тот* магазин. Если, конечно, ты ищешь мистера Умельца.

— Наверное, он-то мне и нужен.

— У него там есть все, что только возможно, — добавил мистер Бейкер, и Кевин не мог с ним не согласиться.

Хотя он никогда не бывал в магазине, но мимо «Империи изобилия» проходил пять, десять, а то и пятнадцать раз в неделю (в таком маленьком городке, как Касл-Рок, мимо *всего* проходишь *не один раз*) и заглядывал в витрины. И чего там только не было! Но мать как-то пренебрежительно назвала «Империю изобилия» магазином старья, а отец уточнил, что мистер Меррилл заработал деньги, «обдирая летних туристов», поэтому Кевин туда не совался. Если бы речь шла *только* о «магазине старья», обязательно зашел бы. Но подражать туристам, приезжающим в Касл-Рок каждое лето, и покупать что-то в магазине, где туристов обдирали... только не это. Не мог же он прийти в школу в блузе и юбке. Туристы могли делать все, что им заблагорассудится (и делали). Они же все сумасшедшие и вели себя соответственно. *Сосуществовать* с ними — само собой. Но подражать им? Нет, нет. Только не это.

— Все, что только возможно, — повторил мистер Бейкер, — и большую часть из того, что продается у него в магазине, мистер Меррилл починил сам. Он думает, что избранная им манера поведения, вид чудака, очки на макушке, шутки дурачат людей. Как бы не

так! Никого из тех, кто его знает, этот Умелец не одурачит. Я думаю, что вообще мало кто *считает* этого мистера простаком.

— В каком смысле?

Мистер Бейкер пожал плечами. Легкая улыбка заиграла у него на губах.

— Поп... я хочу сказать, мистер Меррилл... замешан во многих здешних делах. Уверен, ему будет чем удивить тебя, Кевин.

Кевина не интересовало, к каким делам приложил руку Поп Меррилл и в чем выражалось его участие в этих делах. На следующий день мальчик мог проскользнуть в «Империю изобилия» незамеченным, воспользовавшись действующим в школе правилом, согласно которому все учащиеся могли дважды в месяц пропустить часы, отведенные на самоподготовку.

— Мне называть его Поп или мистер Меррилл?

— Я думаю, этот человек убьет любого, кому не исполнилось шестидесяти, если тот назовет его Поп, — без тени улыбки ответил мистер Бейкер.

И Кевин понял, что мистер Бейкер не шутил.

— Вы действительно не знаете, в чем дело? — спросил Кевин, когда часы начали успокаиваться.

Это только в кино часы, как по команде, одновременно отбивают удары и мгновенно замолкают. В магазине Попа Меррилла стояли настоящие часы, и, как догадывался Кевин, у большинства из них с точностью было не все в порядке: сказывались возраст и вмешательство мистера Меррилла в тонкий механизм. Первые начали бить, когда кварцевые «Сейко» Кевина показали 3.58. Затем к ним присоединялись остальные, громкость нарастала (словно старый грузовик со скрежетом и стонами переходил на вторую передачу). Может, четыре секунды они били, звенели, клацали, куковали все вместе, одновременно, но более чем на четыре секунды синхронного боя их не хватило. И постепенно часы затихли.

Кевин не мог сказать, почему испытал такое разочарование. А чего он, собственно, ожидал? Неужели рассчитывал, что Поп Меррилл, которого мистер Бейкер назвал философом фотоаппарата и мистером Умельцем, вынет пружину и скажет:

«Вот она. Та самая штуковина, из-за которой всякий раз, когда ты нажимал на спуск, на фотографии появлялось изображение собаки. Это собачья пружина, от одной из игрушечных собак. Какой-то шутник на сборочном конвейере полароидных камер «Солнце-660» вставил ее в твою камеру».

Кевин ожидал этого?

Нет. Но *чего-то* он ожидал.

— Не имею ни малейшего представления, в чем тут дело, — весело подмигнул мальчику Поп и потянулся за одной из трубок (они стояли в рядок на специальной подставке), начал набивать ее табаком, доставая последний из кисета с надписью на искусственной коже: «ОТРАВА». — И не могу разобрать твой «Полароид», знаешь ли.

— Не можете?

— Не могу, — чирикнул, как птичка, Поп, сунул большой палец под проволочку, соединяющую линзы очков, дернул, и очки с лысого черепа аккуратно упали на переносицу, скрыв два красных пятна на носу. — Разбираются только старые камеры.

Из кармана жилетки (естественно, он носил жилетку) Поп выудил спичку и прижал головку к пожелтевшему ногтю большого пальца правой руки. Да, этот человек мог ободрать туристов, даже если одну руку будет держать за спиной (при условии, что не ту руку, которой достает и зажигает спички). Кевин понял это даже в свои пятнадцать лет. У мистера Меррилла был свой шарм, он мог расположить человека к себе.

— Я говорю про полароидные камеры «Ленд». Не видел этих красавиц?

— Нет.

Поп с первой попытки зажег спичку, как, вероятно, и всегда; поднес ее к трубке. И теперь его слова посылали в воздух кольца дыма, которые выглядели очень мило, но пахли отвратительно.

— Жаль. Выглядели они как старинные камеры, которыми фотографы вроде Мэтью Брейди пользовались в начале века, во всяком случае, до того, как «Кодак» вышел на рынок с камерой-ящичком «Брауни».

— Что я хочу сказать (Кевин уже понял, что это любимая присказка Попа Меррилла), конечно, ей постарались придать нарядный вид: хромовые пластины, настоящая кожа; но она все равно выглядела старомодной, как те камеры, с помощью которых делались дагерротипы. Когда ты открывал полароидную камеру «Ленд», она раздвигалась, словно меха аккордеона, потому что для фокусировки изображения расстояние между линзами не могло быть меньше полуфута, а то и девяти дюймов. Они выглядели ужасно старомодными в сравнении с «кодаками» конца сороковых и начала пятидесятых годов и выдавали только черно-белые фотографии.

— Правда? — Кевин не ожидал, что его так заинтересует рассказ Меррилла.

— Да! — вновь чирикнул Поп, мигнув синими глазками, потому что дым попал под очки. — Что я хочу сказать, люди смеялись над этими камерами точно так же, как смеялись над «жуками-фольксвагенами», когда те впервые поступили в продажу... но они покупали «полароиды» точно так же, как покупали «ФВ». Потому что «жуки» потребляли мало бензина и ломались не так часто, как американские автомобили, а «полароиды» делали то, чего не могли ни «кодаки», ни «никоны», ни «минолты», ни «лейки».

— Мгновенные фотографии.

Поп улыбнулся.

— Ну, не совсем. Что я хочу сказать, там требовалось не просто нажать на кнопку, но и самому вынимать фотографию. Никаких моторчиков не было

и в помине, и они не повизгивали, как современные «полароиды». И потом, следовало приручить камеру.

— Приручить?..

— О да! — радостно чирикнул Поп, словно птичка, нашедшая жирного червяка. — Что я хочу сказать, никакой автоматики в то время не существовало. Ты выдергивал из камеры длинную полосу и укладывал ее на столе, а потом отсчитывал по своим часам ровно шестьдесят секунд. Точно шестьдесят. Если меньше, фотография получалась недодержанная, больше — передержанная.

— Это же надо! — В голосе Кевина слышалось искреннее уважение.

Не фальшивое, вызванное лишь желанием потрафить старику в надежде, что тот перестанет наконец рассказывать байки и перейдет к делу, то есть вернется от давно забытых моделей, которые в свое время тянули на чудо техники, к его собственной камере, чертовой «Солнце-660», что лежала на верстаке между выпотрошенными часами и чем-то, подозрительно напоминающим искусственный член. Уважение было искренним. Поп это сразу понял и подумал о том, с какой огромной скоростью летит экспресс технического прогресса. У Кевина было такое выражение лица, что можно было подумать, будто ему рассказывают о чем-то очень древнем, вроде деревянных вставных челюстей Джорджа Вашингтона. А речь шла о камере, которую еще тридцать пять лет назад называли уникальной. Но, разумеется, этого мальчика тридцать пять лет назад не было и в помине, ведь еще не произошла встреча того мужчины и той женщины, благодаря которым стало возможно его появление на свет.

— Что я хочу сказать, каждая фотография состояла из двух частей, верхней и нижней, между которыми находилась миниатюрная проявочная лаборатория, — продолжил Поп, сначала медленно, но по мере того,

как оживал его собственный интерес к предмету беседы, все увлеченнее и быстрее (хотя мысли о том, кто отец этого мальчика, и какой прок от такого знакомства, и что же неладно с этой камерой, так и не покидали мистера Меррилла). — По прошествии минуты ты разделял эти половинки, снимал верхнюю с нижней, очень осторожно, потому что на нижней был нанесен какой-то липкий состав, который вызывал ожоги при попадании на кожу.

— Потрясающе! — вырвалось у Кевина.

Слушал он с широко раскрытыми глазами, словно рассказывали ему о туалетах типа «сортир на два очка», которые Поп и его приятели (почти всех следовало считать приятелями, потому что друзей в детстве у Попа было мало; возможно, потому, что он готовил себя к обдиранию туристов, а ребята каким-то образом это чувствовали, как слабый запах скунса) воспринимали как само собой разумеющееся.

Интересная судьба у «камеры будущего», подумал Поп. *Всего тридцать пять лет, а для этого мальчика она ничем не отличается от сортира во дворе.*

— Негатив оставался на столе, а позитив, да, черно-белый, но *именно* черный и белый, очень четкий, лучше не придумаешь, у тебя в руках. И еще прилагался розовый пузырек размером с большой ластик, из которого следовало выдавить какой-то химический реактив с резким запахом и размазать по позитиву. Причем размазать быстро, иначе позитив сворачивался в нечто похожее на рулон туалетной бумаги.

Кевин расхохотался, сравнение показалось ему чрезвычайно удачным.

Поп помолчал, разжигая угасшую трубку.

— Какая в той камере шла химическая реакция, никто не знал, кроме сотрудников компании «Полароид», разумеется, да и то не всех, а самых *доверенных*. И еще: этот механизм ты мог *разбирать на части*.

Старик с пренебрежением посмотрел на «Солнце-660» Кевина.

— И, конечно, они часто ломались, причем в самый неподходящий момент. Однажды пришел ко мне человек с такой камерой, говорит, что она не работает, стонет, мол, теперь придется посылать на фабрику, и пройдет не один месяц, прежде чем ее вернут, и просит посмотреть. «Скорее всего я ничего не смогу сделать, — отвечал я в таких случаях. — В этих камерах разбираются только сотрудники фирмы, но посмотреть, конечно, могу». При этом я знал, что или где-то ослаб винт, или полетела пружина, или кто-то из детей засунул в ячейку для кассеты кусок орехового масла.

Поп Меррилл быстро подмигнул ему ярко-синим птичьим глазом, очень быстро, и Кевин понял, что говорит он о летних туристах.

— Что я хочу сказать, ситуация складывалась идеальная. Если я мог починить, меня восхваляли до небес. Один раз я положил в карман восемь с половиной долларов, вытащив пару ломтиков картофельных чипсов из зазора между кнопкой и пружиной, перемещающей затвор. Так вот, сынок, женщина, что пришла с камерой, еще и поцеловала меня в губы. Да, да, прямо в губы.

И Кевин за пеленой голубоватого дыма заметил, как вновь прикрылся и открылся синий глаз.

— А если починить камеру не удавалось, никто не держал на меня зла. Я хочу сказать, посетители с самого начала не верили, что такое возможно. Я оставался их последней надеждой перед тем, как положить камеру в ящик, набитый смятыми газетами, чтобы она не разбилась при пересылке по почте, и отправить ее в Шенектади.

— Но *эта* камера... — сказал Поп таким тоном, каким, наверное, все философы, от Афин Золотого века до наших дней, выражали свое отношение к чему-либо абсолютно никчемному. — Она не собирается, сынок, а *отливается*. Я могу вынуть линзы, если ты меня попросишь. Я уже заглянул в полость, куда

вставляют кассету, хотя и знал, что никаких дефектов там не увижу, и не увидел. На этом мои возможности иссякли. Еще могу взять молоток и расколоть ее, но починить? — Он развел руками. — Ничего не выйдет, сэр.

— Тогда, полагаю, мне придется... — Слова «вернуть ее на фабрику» Кевин произнести не успел, потому что Поп вновь заговорил: — Впрочем, думаю, ты и без меня это знал. Я хочу сказать, мальчик ты умный и наверняка разглядел, что корпус литой. Мне кажется, что ты принес камеру не для починки. Ведь ты знал, что я не смогу ее починить с помощью отвертки, даже если бы камера и разбиралась. Думаю, ты просто хочешь спросить, не знаю ли я, *что* с ней происходит.

— А вы знаете? — Кевин весь напрягся.

— Возможно, — невозмутимо ответил Поп Мерилл.

Он склонился над стопкой фотографий. Их было двадцать восемь, считая ту, что вынул Кевин, дабы объяснить причину своего прихода в «Империю изобилия», и ту, что Поп достал сам.

— Они разложены по порядку?

— Нет. Примерно. А разве это важно?

— Думаю, да. Они ведь чуть разные, не так ли? Отличия незначительные, но они есть.

— Да, — кивнул Кевин. — Я тоже заметил, что *некоторые* различаются, но...

— А ты можешь показать мне самую первую? Я, конечно, определю ее и сам, но время — деньги, сынок.

— Это просто. — Кевин выхватил из стопки одну фотографию. — Видите засохший крем? — И ткнул пальцем в маленькое коричневое пятнышко на белой рамочке.

— Да. — Поп не удостоил пятнышко взглядом, зато всмотрелся в саму фотографию.

Минуту спустя он выдвинул из-под верстака ящик, в который были свалены инструменты. Но в углу стоял

какой-то прибор, аккуратно прикрытый бархатным чехлом. Поп достал его, снял чехол. Это оказалось большое увеличительное стекло с выключателем на подставке. Поп положил полароидную фотографию под стекло, щелкнул выключателем. Яркий круг света лег на фотографию.

— Здорово! — воскликнул Кевин.

— Да уж, — отозвался Поп.

Но Кевин видел, что мастер его больше не слушает. Поп изучал фотографию.

Тот, кто не знал, при каких странных обстоятельствах появилась эта фотография, не понял бы, почему она удостоена такого пристального внимания. Фотография ничем не отличалась от других, сделанных приличной камерой, на хорошей пленке, человеком, которому хватало ума не закрыть пальцем объектив. Четкое, ясное изображение... и, как обычно на полароидных снимках, абсолютно статичное.

Фотография, по которой можно опознать и назвать каждый объект, но начисто лишенная внутренней глубины или настроения. В этой *бесчувственной* одномерности, возможно, не было ничего плохого. Нельзя же назвать плохим прожитый день только потому, что за это время не случилось ничего достойного телевизионной хроники. Изображенные на фотографии предметы только присутствовали, словно пустое кресло, или качели во дворе, или автомобиль у тротуара, ничем не отличающийся от любого другого, даже спущенным колесом.

И все же хватало и одного взгляда на снимок, чтобы понять: что-то не так. Кевин вспомнил ту тревогу, которую почувствовал, когда указывал, кому где встать, перед тем как сфотографировать всех. Вспомнил тот холодок, вновь пробежавший по спине, как только вспышка осветила комнату, и ту мысль: *теперь камера моя*. Забыть это он не мог, как не забыл бы силуэт увиденного на Луне человека. Кевин смотрел на эти фотографии и понимал, что предчувствовал беду.

Кажется, дует ветер, очень слабый, но очень холодный, подумал Кевин, взглянув на фотографию.

И впервые мысль о том, что он столкнулся с чем-то *сверхъестественным*, что снимки эти — действительно Знамение, уже не просто заинтриговала его. Впервые Кевин пожалел о том, что не сдал камеру в магазин или на фабрику. Теперь *камера моя*, думал он, нажимая на спуск в первый раз. Но сейчас ему хотелось дать задний ход.

Я ее боюсь, признался себе Кевин. *До смерти боюсь того, что она делает.*

Мысль эта разозлила мальчика. Он навис над плечом Попа Меррилла, мрачно уставившись в увеличительное стекло и твердо решив, что должен *смотреть* на фотографии, *изучать* их и ни при каких обстоятельствах не упустить то, что можно на них увидеть. Хотя Кевин и сомневался, что увидит нечто новенькое, потому как достаточно долго уже не отрывал от них глаз.

А видел он большого черного пса перед белым забором из штакетника. Штакетник не мог долго оставаться белым. Он мог быть таковым, только если бы кто-то — в плоском полароидном мире — выкрасил его в белый цвет. Но в это верилось с трудом: уж больно неухоженным выглядел забор. Одни штакетины обломились, другие наклонились.

Пес сидел на тротуаре перед забором. Спиной к фотографу. Хвост, длинный и пушистый, стелился по земле. Пес обнюхивал штакетник. Вероятно, подумал Кевин, забор служит, как говаривал его отец, «почтовым ящиком», возле которого окрестные собачки поднимают лапку и оставляют загадочные желтые послания, прежде чем двинуться дальше.

Кевину показалось, что пес бездомный. Шерсть длинная, спутанная. Одно ухо порвано в жестокой драке. Тень длинная, падающая на заросшую сорняками траву за забором. Кевин решил, что фотография сде-

лана или вскоре после восхода солнца, или незадолго до заката. Понять, как стоял фотограф (*какой* фотограф!), лицом на запад или на восток, не представлялось возможным.

На лужайке, слева от собаки, лежало что-то напоминающее детский красный резиновый мячик. За забором, среди травы.

И все.

— Ты что-нибудь узнаешь? — спросил Поп, водя увеличительную лупу взад-вперед над фотографией.

Вот задние лапы собаки увеличились до размеров холмов, покрытых черной растительностью. Вот три или четыре штакетины превратились в телеграфные столбы. Внезапно красное пятно в траве превратилось в детский мячик (правда, под увеличительным стеклом он раздулся до футбольного мяча): Кевин различал даже пупырышки на его поверхности. Короче, что-то новое увеличительное стекло все-таки показало, а чуть позже Кевин и сам это уловил. Но позже.

— Конечно нет, — ответил Кевин. — Почему вдруг, мистер Меррилл?

— Потому что здесь изображены вещи, — терпеливо пояснил Поп.

Его лупа продолжила медленное движение по фотографии. Кевину вспомнился кадр из фильма: луч прожектора, установленного на вертолете, ищет сбежавших заключенных.

— Собака, тротуар, забор из штакетника, который надо покрасить или снести, лужайка, требующая ухода. О тротуаре многого не скажешь. Дома нет, даже фундамент не виден, но я имею в виду собаку. Ты ее *не узнаешь?*

— Нет.

— А забор?

— Нет.

— А красный резиновый мяч? Что скажешь насчет него?

— Ничего... но вы так на меня смотрите, словно я должен что-то сказать.

— Во всяком случае, *можешь*, — кивнул Поп. — У тебя в детстве не было такого мяча?

— Кажется, нет. Не помню.

— Ты говорил, у тебя есть сестра.

— Меган.

— У нее не было такого мяча?

— Вроде бы нет. Я не обращал внимания на ее игрушки. Хотя, кажется, красный мяч у нее все-таки был, но более темный.

— Ясно. А это не ваша лужайка?

— Господи, да нет же! — В голосе Кевина прозвучала обида: он и отец холили и лелеяли лужайку у дома, и она оставалась густо-зеленой до середины октября. — К тому же забор у нас не из штакетника. — «А если бы и был из штакетника, — подумал он, — то не пребывал бы в таком непотребном виде».

Поп выключил свет, надел на увеличительное стекло чехол, осторожно поставил его в ящик. И пристально посмотрел на Кевина. Трубку мистер Меррилл давно отложил в сторону, так что дым более не скрывал его глаза. Они уже не подмигивали, а буравили мальчика.

— Ну что же, может быть, здесь изображен ваш дом до того, как вы въехали в него. Как по-твоему? Лет десять назад...

— Но десять лет назад мы уже в нем жили. — Кевин не понимал, куда клонит Поп.

— Тогда двадцать. Тридцать. Ты обратил внимание на наклон земли? Вроде бы она чуть поднимается.

— Наша лужайка перед домом... — Кевин глубоко задумался и покачал головой. — Нет, она плоская. Скорее, чуть опускается к дому. Наверное, поэтому весной в подвале иногда скапливается вода.

— Наверное, и поэтому. А как насчет лужайки за домом?

— Там нет тротуара. А по боковым сторонам... — У Кевина перехватило дыхание. — Вы пытаетесь выяснить, не фотографирует ли моя камера прошлое?

Вот когда он впервые по-настоящему испугался. Потрогал языком нёбо и почувствовал металлический привкус.

— Пока я просто задаю вопросы. — Поп забарабанил пальцами по фотографиям, а когда заговорил, то обращался скорее к себе, чем к Кевину. — На удивление странные происшествия случаются время от времени с двумя изобретениями человечества, которые давно уже вошли в наш быт. Я не говорю, что они *действительно* случаются. В противном случае очень многих придется назвать лгунами и махинаторами.

— Какими изобретениями?

— Я про магнитофоны и полароидные камеры. — Поп по-прежнему говорил то ли сам с собой, то ли с фотографиями, а Кевина в «Империи изобилия» словно и не было. — Например, магнитофоны. Ты знаешь, сколько людей утверждают, что записывали голоса мертвых на свои магнитофоны?

— Нет. — Кевин не ожидал, что голос у него внезапно сядет, но голос сел, и по каким-то причинам стало не хватать воздуха.

— Я тоже. — Поп рассеянно водил пальцем по фотографиям.

Кевин вдруг испугался, что этот большой неуклюжий палец скинет фотографии на пол; но нет, снимки едва вздрагивали под его прикосновениями.

«Заколдована», — вновь подумал Кевин, и по телу снова пробежала дрожь. Настоящая дрожь. Слава Богу, Поп этого не видел.

— Есть даже особый прием, которым они пользуются.

— Кто? — спросил Кевин.

— Кто? Если б я знал. Некоторые из них называют себя пси-инвестигейтерами, другие — вопрошателями духов, но в основном, я думаю, они валяют дурака, как те, кто балуется на вечеринках ведьминими досками.

И Поп вновь пристально посмотрел на Кевина, словно заново оценивая его.

— У тебя есть ведьмина доска, сынок?

— Нет.

— Ты когда-нибудь имел с ней дело?

— Нет.

— И не имей. Опасная штука, знаешь.

Кевин не решился сказать старику, что понятия не имеет, о какой ведьминой доске идет речь.

— Короче, они включают магнитофон в пустой комнате. Дом должен быть старый, как говорится, с историей. Ты понимаешь, что такое дом с историей?

— Догадываюсь... в котором живут привидения? — предположил Кевин и почувствовал, что немного вспотел, как на уроках алгебры, когда миссис Уиттейкер объявляет результаты контрольной.

— Можно сказать, что да. Эти... люди... им особенно нравятся дома, в истории которых есть насилие, но им сгодятся и обычные истории. Короче, они оставляют включенный магнитофон в пустой комнате, насколько мне известно, всегда ночью, обязательно захватывая полночь. На следующий день прослушивают пленку.

— Записанную в пустой комнате?

— И иногда на ней звучат голоса, — промурлыкал Поп.

Кевина снова пробрала дрожь.

— *Настоящие* голоса?

— Обычно это игра воображения. — Поп поморщился. — Но раз или два люди, которым я доверяю, говорили, что слышали настоящие голоса.

— А вы сами их слышали?

— Однажды, — коротко ответил Поп и долго молчал; Кевин уже отчаялся что-нибудь услышать, когда старик продолжил: — Одно слово. Четкое, как удар колокола. Дважды записанное в ванной пустого дома. Мужчина убил там жену в 1946 году.

— Какое слово? — спросил Кевин в полной уверенности, что ответа не получит. Но не спросить не мог.

Однако Поп ответил.

— Раковина.

— Раковина? — Кевин был в недоумении.

— Да...

— Но это ничего не значащее слово.

— Возможно, что-то оно и значит, если учесть следующее: мужчина перерезал ей горло и держал голову над раковиной, чтобы кровь не пачкала пол.

— О Боже!

— Вот-вот.

— Неужели так и было?

Поп не удосужился ответить.

— А может, пленку подделали?

— Это тоже подделка? — Поп указал на полароидные фотографии.

— Господи!

— Теперь «полароиды», — по-деловому продолжил Поп, словно писатель, закончивший одну главу и начав следующую фразой: «А тем временем в другой части леса...» — Я видел фотографии с изображениями людей, а эти люди клянутся, что в момент съемки находились в другом месте. Одну такую фотографию, знаменитую, сделала женщина в Англии. Сняла охотников на лис, под вечер возвращающихся домой. Они видны все, человек двадцать, идущие по маленькому деревянному мосту. Первые охотники уже миновали мост. В правой части фотографии, у самой дороги, стоит женщина в длинном платье и шляпке с вуалью, которая не позволяет увидеть лицо. На груди у нее медальон или часы, в руке книжка.

Когда снимок проявился, женщина-фотограф очень разволновалась. Ведь она хотела сфотографировать охотников на лис, и никого больше. Кроме них, никого около моста не было. А на фотографии появилась эта женщина. Если же приглядеться, то видно, что сквозь ее силуэт проглядывают деревья.

«Он это все выдумывает, вешает мне лапшу на уши, а когда я уйду, посмеется надо мной», — думал Кевин, зная при этом, что Поп Меррилл не из таких.

— Женщина-фотограф приехала погостить в один из больших английских особняков, которые часто показывают в образовательных телепрограммах, и когда показала там свою фотографию, хозяин дома лишился чувств. Вот это могли и приврать. Скорее всего приврали. Похоже на выдумку, не так ли? Но я видел статью, проиллюстрированную этой фотографией и портретом прабабушки хозяина дома. Судя по всему, женщина одна и та же. Хотя точно сказать нельзя: вуаль скрывала лицо. Лично мне показалось, что женщина одна и та же.

— А это не мошенничество? — выдохнул Кевин.

— Возможно, — безразлично пожал плечами Поп. — Людям свойственны всякие глупости. Взять вот моего племянника, Эйса. Отсиживает четыре года в Шоушенке. Залез в «Веселого тигра». По глупости. А шериф Пэнгборн упрятал его в тюрьму. Хотя парень заслуживал разве что хорошей выволочки.

Кевин, проявив несвойственную своему возрасту мудрость, промолчал.

— Когда призраки показываются на фотографиях, во всяком случае, люди заявляют, что на фотографии присутствуют призраки, в девяноста девяти случаях из ста это «полароиды». И почти всегда такие снимки делаются случайно. А вот фотографии с летающими тарелками и чудовищем Лох-Несс — скорее всего подделки, изготовленные в фотолаборатории.

И мистер Меррилл в третий раз подмигнул Кевину, как бы говоря: ну до чего же глупы эти беспринципные

 фотографы, имеющие в своем распоряжении отлично оборудованные лаборатории.

Кевин хотел было спросить Попа, а какие глупости проделываются с ведьминими досками, но в последний момент предпочел не раскрывать рта. И похоже, поступил правильно.

— Вот почему я и спрашивал, не увидел ли ты чего знакомого на этих полароидных фотографиях.

— Не увидел, — с жаром ответил Кевин и испугался, что Поп решит, будто он врет: на этом всегда ловила его мать: он слишком горячо гнул свое.

— Понятно. — Поп, однако, так легко поверил ему, что Кевин даже чуть не обиделся.

— Так что? — Кевин нарушил тиканье и таканье. — Поставим на этом точку, да?

— Может, и нет. Что я хочу сказать, у меня возникли кое-какие идеи. Можешь сделать еще несколько фотографий этой камерой?

— А какой смысл? Они же одинаковые.

— В том-то все и дело. Не одинаковые.

Кевин открыл рот, закрыл.

— Из них вроде бы даже складывается фильм. — И, заметив изумление в глазах Кевина, Поп торопливо добавил: — Маленький фрагмент.

— И сколько мне сделать фотографий?

— Сколько у нас уже есть? Двадцать восемь, не так ли?

— Да, думаю, что да.

— Еще тридцать, — изрек Поп после короткого раздумья.

— Зачем?

— Не хочу говорить. Во всяком случае, пока. — Он вытащил кошелек, достал десятку, помялся, с неохотой добавил еще две долларовые купюры. — Пожалуй, половину расходов это покроет.

«Да, покроет», — подумал Кевин.

— Если тебя *действительно* интересует, что за фокус выделывает эта камера, ты внесешь остальную сум-

му, не так ли? — Глаза Попа поблескивали, как у старого любопытного кота.

Кевин понимал, что Поп не просто ждет его согласия: Поп Меррилл и представить себе не мог, что парень откажется. «Если я скажу «нет», — подумал Кевин, — он просто меня не услышит. Скажет: «Ну вот мы и договорились», — и я окажусь на тротуаре с его деньгами в кармане, хочу я того или нет».

Деньги у Кевина были: полученные на день рождения.

И все-таки не следовало забывать о пробегавшем по спине холодке. О том холодке, которым веяло с этих фотографий, несмотря на их обманчиво гладкую, блестящую поверхность. Он чувствовал этот холодок, хотя фотографии, казалось, твердили обратное: «Мы всего лишь «полароиды», и, по причинам, которые мы не можем высказать и тем более объяснить, мы показываем только статические изображения». *Но холодок-то был. Откуда?*

Кевин все мялся, а ярко-синие глаза за стеклами без оправы оценивающе оглядывали его. «Я не собираюсь спрашивать, человек ты или мышь, — читалось в глазах Попа Меррилла. — Тебе пятнадцать лет, и, что я хочу сказать, в пятнадцать ты еще, конечно, не мужчина, но уже стараешься быть мышью, мы оба это знаем. И потом, ты ведь не Чужак: ты из города, так же, как и я».

— Конечно. — Легкость, прозвучавшая в голосе, не обманула ни одного из них. — Пленку я куплю сегодня, а фотографии принесу завтра после школы.

— Нет.

— Завтра вы не работаете?

— Дело не в этом, — ответил Поп, и потому, что он *тоже* был из города, Кевин терпеливо ждал продолжения. — Ты собрался отснять все фотографии разом, не так ли?

— Да. — Кевин, правда, об этом *не думал*, но полагал, что по-другому и быть не должно.

— Мне кажется, это не лучший вариант, — покачал головой Поп. — *Где* ты будешь снимать — не важно, главное — *когда*. Дай-ка поразмыслить.

Поп подумал, а затем расписал на листке время каждого снимка. Листок Кевин сунул в карман.

— Вот так! — Поп потер руки. — Значит, увидимся... через три дня?

— Да... Похоже на то.

— Держу пари, в понедельник ты будешь тихонько ждать окончания занятий, ничем не выражая своего нетерпения. — Поп в четвертый раз подмигнул Кевину. — Я хочу сказать, твои друзья не увидят, что ты идешь сюда, и не увяжутся за тобой.

Кевин покраснел и начал собирать «полароиды» с верстака, чтобы чем-то заняться.

— Я... — начал было он, но понял, что протест прозвучит неубедительно, и замолчал, уставившись на одну из фотографий.

— Что? — спросил Поп с тревогой в голосе, но Кевин его не услышал. — Такое ощущение, что теперь *и ты,* сынок, увидел призрак.

— Нет, — покачал головой Кевин. — Не призрак. Я увидел того, кто сделал эту фотографию. *Настоящего* фотографа.

— Что ты такое говоришь?

Кевин указал на тень.

Он, отец, мать, Мег и даже мистер Меррилл, похоже, принимали ее за тень дерева, которое не попало в кадр. Но тень была не от дерева. Теперь Кевин ни на йоту в этом не сомневался.

— Не понимаю, куда ты клонишь, — вырвалось у Попа.

Но Кевин знал, что старику многое понятно.

— Посмотрите на тень собаки, — показал Кевин. — А теперь взгляните сюда. — Он ткнул пальцем в левую часть фотографии. — На фотографии солнце либо встает, либо садится. Поэтому все тени длинные,

и трудно понять, кто их отбрасывает. Но я сейчас взглянул на *эту* тень, и мне словно открылась истина.

— *Какая* истина, сынок? — Поп потянулся к ящику, наверное, чтобы вновь достать увеличительное стекло, но... лупа не понадобилась. Истина открылась и ему.

— Это тень мужчины, не так ли? — спросил Поп. — Чтоб мне попасть в ад, если это не тень мужчины!

— Или женщины. Точно не определить. Это ноги. Я уверен, что ноги, но принадлежать они могут и женщине в джинсах. Или даже подростку. С такой длинной тенью...

— Да, точно не определишь.

— Это тень фотографа, не так ли?

— Да.

— Но эта тень не *моя*, — продолжил Кевин. — Фотография сделана моей камерой... как и остальные... но фотографировал не я. Тогда кто, мистер Меррилл? Кто?

— Зови меня Поп, — рассеянно ответил старик, глядя на тень; Кевин аж зарделся от гордости.

И в этот самый момент часы решили, что пора отметить прошедшие полчаса.

Глава 3

Листья начали менять цвет, когда Кевин снова пришел в «Империю изобилия». А он сам уже свыкся с тем, что ему пятнадцать.

Но вот к заколдованной камере привыкнуть он никак не мог, и это его отнюдь не радовало. Фотографии Кевин отснял точно по графику, составленному Попом, и к концу работы понял, или, во всяком случае, считал, что понял, почему Поп хотел, чтобы они были сделаны с определенными интервалами: первые десять фотографий через час, затем перерыв, чтобы камера

отдохнула, вторые десять — через два, третьи — через три часа. Последние фотографии Кевин отснял в школе. И кое-что заметил. Нечто такое, чего в начале не мог увидеть. Особенно ясно это кое-что проявилось на трех последних снимках. Они так испугали его, что Кевин решил — еще до того, как отправился в «Империю изобилия», — обязательно избавиться от «Солнца-660». Не обменять ее, этого он совсем не хотел. Выпускать камеру из своих рук и терять над ней контроль? Нет, такого Кевин допустить не мог.

Теперь камера моя, подумал он, первый раз нажимая на спуск, и мысль эта вновь и вновь возвращалась, несмотря на то что она не соответствовала действительности. Если бы камера была его, то выдавала бы одну и ту же фотографию — черного пса на фоне белого штакетника, — лишь когда на спуск нажимал он, Кевин. Но такого не происходило. Какая бы там магия ни заключалась в камере, повелевал ею не только Кевин. Такие же (ну почти такие же) фотографии получались и у отца, и у Мег, когда Кевин, точно выдерживая предложенный Попом график, дал ей пару раз нажать на спуск.

— Ты пронумеровал их, как я просил?

— Да, от одного до пятидесяти восьми. — Кевин показал Попу аккуратные кружочки с цифрой внутри в левом нижнем углу. — Но я не знаю, так ли это все необходимо. Я решил избавиться от камеры.

— Избавиться? Вроде бы в прошлый раз таких мыслей у тебя не было.

— Пожалуй, не было. Но теперь я хочу разбить ее кувалдой.

Проницательные синие глазки Попа впились в мальчика.

— Так, значит?

— Да. — Кевин не отвел взгляда. — Несколько дней назад я бы снисходительно рассмеялся над подобным решением, но теперь мне не до смеха. Я думаю, эта штука опасна.

— Вполне вероятно, что ты прав. Можешь прикрутить к ней динамитную шашку и разорвать ее к чертовой матери. Я хочу сказать, камера твоя. Но почему бы не повременить? Мне хочется кое-что сделать с этими фотографиями. Тебе, возможно, будет интересно.

— Что?

— Пока не хочу говорить, вдруг ничего не выйдет. Но к концу недели все будет сделано, и я думаю, что тогда тебе будет проще решить, как поступить с камерой.

— Я уже *решил*, — ответил Кевин и постучал пальцем по двум последним фотографиям.

— А как быть с *этим?* — спросил Поп. — Я рассмотрел снимки под увеличительным стеклом и чувствую: *должен* узнать, что это. Все равно что слово, которое вертится на кончике языка, но никак не вспоминается.

— Полагаю, я могу подождать до пятницы, — согласился Кевин, не отвечая на последний вопрос старика. — Но дольше я ждать не хочу.

— Боишься?

— Да, — честно признался Кевин. — Боюсь.

— Ты сказал своим старикам?

— Нет, разумеется, нет.

— Может, тебе захочется сказать? Захочешь сказать отцу, вот что я имею в виду. Подумай об этом, пока я сделаю то, что хочу сделать.

— Что бы вы ни задумали, в пятницу я намерен разбить эту камеру кувалдой моего отца. Мне больше *не нужна* камера. Ни «Полароид», ни какая-либо другая.

— Где она сейчас?

— В шкафу. Там она и останется до пятницы.

— В пятницу приходи в магазин. «Солнце» принеси с собой. Мы посмотрим, что вышло из моей идеи, а если желание разбить камеру у тебя останется, я сам дам тебе кувалду. Бесплатно. И колоду для колки дров, чтобы тебе было куда положить камеру.

— Договорились, — улыбнулся Кевин.

— Но *что* ты скажешь об этом родителям?

— Еще думаю. Не стоит их тревожить. — Кевин с любопытством взглянул на Попа. — Почему вы считаете, что я захочу рассказать об этом отцу?

— Если ты разобьешь свою камеру, отец разозлится на тебя. Это, наверное, и не так страшно, но он может подумать, что ты просто глуп. Или трусишка, вроде старой девы, которая звонит в полицию при каждом скрипе половицы, вот что я хочу сказать.

Кевин чуть покраснел, вспомнив, как разозлился отец, услышав, будто камера заколдована. И вздохнул. Этот аспект он как-то не продумал, но теперь, когда разговор принял такой оборот... ему не оставалось ничего другого, как признать правоту Попа. Если отец просто разозлится, Кевин это переживет. А вот если подумает, что его парень трус, или дурак, или то и другое... это сына Джона Дэлевена никак не устраивало.

Поп пристально смотрел на Кевина, читая его мысли столь же легко, как любой может прочесть газетные заголовки.

— Отец может встретиться с тобой здесь в пятницу, часа в четыре?

— Исключено, — покачал головой Кевин. — Он работает в Портленде. И возвращается домой не раньше шести.

— Если хочешь, я позвоню, — предложил Поп. — Джон придет сюда, если я попрошу.

У Кевина широко раскрылись глаза.

— Да, мы знаем друг друга. — Поп сухо улыбнулся. — Давно. Он предпочитает об этом не распространяться, о знакомстве со мной, так же как и ты, и я это понимаю. Но что я хочу сказать, я знаком с твоим отцом. Как и со многими людьми в этом городе. Ты бы удивился, сынок, если бы я тебе их перечислил.

— Как вы познакомились?

— Однажды оказал ему услугу. — Поп чиркнул о ноготь спичкой, укрывшись от Кевина за облаком дыма.

— Какую услугу?

— А вот это касается только его и меня. Как вот это дело... — он указал на стопку фотографий, — касается только меня и тебя. Вот что я хочу сказать.

— Ну... конечно... пожалуй. Должен я ему что-нибудь говорить?

— Нет! — чирикнул Поп. — Я позабочусь обо всем.

Выходя из магазина, Кевин Дэлевен знал только одно: он хотел, чтобы все это закончилось раз и навсегда.

Поп еще минут пять сидел, глубоко задумавшись. Он вынул трубку изо рта, забарабанил пальцами по столу. Табачный дым рассеялся, и Кевин бы увидел, что глаза у мистера Меррилла сейчас холодные, как декабрьский ветер.

Резким движением Поп снял с рычага телефонную трубку, позвонил в магазин фото- и видеотоваров в Льюистоне. Задал два вопроса. На оба получил положительные ответы. И вновь начал выстукивать пальцами барабанную дробь. Возможно, по отношению к мальчику он собирался поступить несправедливо, но Кевин приоткрыл завесу над тем, чего не только не понимал, но и *не хотел* понять.

Так или иначе, Поп не мог позволить мальчику сделать то, что тот задумал. Правда, мистер Умелец еще не решил, чего, собственно, хочет он сам, но все равно следовало заранее подготовиться к различным вариантам развития событий.

Подготовка еще *никому* не вредила.

Он барабанил пальцами по столу и гадал, что же увидел мальчик на фотографиях. Мальчик, вероятно, думал, будто Поп это знает или может знать, но Поп не имел ни малейшего представления, о чем идет речь. Мальчик мог сказать ему в пятницу. А мог и не сделать этого. Но если мальчик не скажет, то наверняка проговорится его отец, которому Поп в свое время одол-

жил приличную сумму, чтобы тот мог поставить деньги на исход плей-офф. Мистер Дэлевен поставил не на ту команду, но жена об этом так и не узнала.

Понятно, что отцам далеко не все известно о своих сыновьях, после того как им исполняется пятнадцать. Поп, однако, помнил, что Кевину только-только исполнилось пятнадцать, так что его отец знал о нем почти все или... мог выяснить.

Он улыбнулся и продолжал барабанить по столу до тех пор, пока все часы не начали отбивать пять часов.

Глава 4

В пятницу, в два часа дня, Поп Меррилл перевернул табличку, что висела у него на двери, с ОТКРЫТО на ЗАКРЫТО, сел за руль «шевроле» выпуска 1959 года. Машина поддерживалась в идеальном состоянии, и совершенно бесплатно, заботами Сонни Джекетта, который заведовал станцией технического обслуживания «Тексако» (и все благодаря небольшому займу, который Поп выдал Сонни в 1969 году и тем самым уберег его от крупных неприятностей. Причем Сонни, как и многие другие жители Касл-Рока, и под страхом смерти не признался бы, что знаком с Попом, а уж тем более в том, что брал у него в долг).

Поп направился в Льюистон. Город этот он ненавидел, потому что все улицы там, за исключением двух или трех, были с односторонним движением. И в этот раз, как и всегда, Поп, следуя указателям, изрядно покружил по городу. Наконец припарковал машину, причем не так уж близко от магазина, и остаток пути прошел пешком — высокий худощавый мужчина в брюках цвета хаки с отглаженными стрелками и в синей рубашке, застегнутой на все пуговицы.

Витрину магазина фото- и видеотоваров украшала карикатура, на которой человек вконец запутался в ру-

лонах кинопленки. Надпись под карикатурой гласила: УСТАЛИ БОРОТЬСЯ? МЫ ПЕРЕСНИМЕМ ВАШИ 8-МИЛЛИМЕТРОВЫЕ ФИЛЬМЫ (И ДАЖЕ ФОТОГРАФИИ!) НА ВИДЕОПЛЕНКУ!

«Еще одно чертово изобретение, — подумал Поп, открывая дверь и входя в магазин. — Только его миру и не хватало!»

Но мистер Меррилл относился к тому типу людей, которые не считали зазорным воспользоваться тем, что осуждали, если это что-то могло принести выгоду. Он бросил несколько слов продавцу, и тот сразу вызвал хозяина магазина. Они знали друг друга много лет (некоторые остряки говорили, что, возможно, с тех пор, как Одиссей отправился в свое плавание). Хозяин магазина пригласил Попа в свой кабинет, где они пропустили по рюмочке.

— Странный подбор фотографий, — заметил хозяин магазина.

— Знаю.

— А на видео они выглядят еще более странными.

— Другого я и *не ожидал*, — *невозмутимо констатировал* Поп.

— Это все, что ты можешь сказать?

— Да.

— Тогда катись к черту, — фыркнул хозяин магазина, и они по-стариковски похихикали.

Поп ушел через двадцать минут с видеокассетой и новенькой полароидной камерой «Солнце-660» в нераспечатанной коробке.

Он позвонил Кевину домой и не удивился, услышав в трубке голос его отца.

— Если ты дуришь голову моему мальчику, я тебя убью, старая змея, — без преамбулы прорычал Джон Дэлевен.

Поп услышал и изумленно-обиженный возглас Кевина: «Папа!»

Губы Попа искривились, обнажив зубы, кривые, все в камне, желтые от табака, зато свои, а не искусственные. Если бы Кевин увидел его в этот момент, то был бы очень *удивлен:* вряд ли он узнал бы в мистере Меррилле доброго мага объектива.

— Значит, так, Джон. Я лишь пытался *помочь* твоему мальчику с его камерой. Ничего больше. — Поп помолчал. — Точно так же, как когда-то помог тебе, когда ты очень уж уверовал в силу одной баскетбольной команды, вот что я хочу сказать.

Оглушающая тишина в трубке подсказала ему: Джон Дэлевен тоже мог многое сказать по *этому* поводу, но находившийся рядом Кевин успешно выступал в роли кляпа.

— Твой сын ничего об этом не знает. — Неприятная улыбка Попа стала шире. — Сказал, что это не его дело. Я бы даже не вспомнил о той ставке, если бы знал другой способ привести тебя сюда, вот что я хочу сказать. Ты должен кое-что увидеть, Джон, иначе ты не поймешь, почему мальчик хочет расколотить камеру, которую ты ему купил...

— *Расколотить?!*

— ...и почему я думаю, что это чертовски хорошая идея. Так ты придешь с ним или нет?

— Я же не в Портленде, черт побери!

— На табличку ЗАКРЫТО внимания не обращайте. — Тон Попа ясно указывал, что он привык добиваться желаемого и не собирался менять установившегося порядка. — Просто постучите.

— Кто подсказал мальчику твое имя, Меррилл?

— Я его не спрашивал, — отчеканил Поп, а затем добавил, обращаясь уже к тикающим часам и стопкам старых журналов: — Я только знаю, что он пришел. Как приходили и еще придут другие.

Дожидаясь Джона и Кевина Дэлевенов, Поп достал из коробки «Солнце-660», а коробку упрятал на самое дно корзинки для мусора, что стояла у него под

верстаком. Не спеша осмотрел камеру, зарядил прилагающейся пробной кассетой на четыре фотографии, открыв объектив. Слева от серебристого зигзага-молнии, выдавленного на корпусе, вспыхнула красная лампочка, погасла и начала мигать зеленая. Поп не удивился, почувствовав неодолимое желание на этом остановиться. «Бог ненавидит трусов», — напомнил он себе и нажал на спуск.

«Империю изобилия» залило море нестерпимо яркого белого света. Камера зажужжала и выплюнула полароидную фотографию. Поп смотрел на нее так же зачарованно, как и клан Дэлевенов, ожидая проявления первого снимка, сделанного Кевином.

Старик Меррилл говорил себе, что эта камера совсем другая, самая что ни на есть обычная, но у него все мышцы свело от напряженного ожидания. И если бы сейчас скрипнула половица, Поп наверняка бы вскрикнул.

Но половица не скрипнула, процесс проявления закончился, и на фотографии проявилось то, что и должно было проявиться: часы собранные, часы разобранные, тостеры, стопки старых журналов, перевязанные бечевкой, лампы под ужасными абажурами, оценить которые могли только англичанки из высших сословий, полки с книжками в бумажной обложке (по шесть штук за доллар) с названиями вроде «Черноволосая прелестница» или «Жар плоти», а на втором плане — пыльная витрина. На ней даже читались буквы ИМПЕР... Остальное заслоняло бюро.

Никакой зловещей фигуры над могилой, никакой кровожадной куклы в комбинезоне, размахивающей ножом.

И только сейчас, глядя на пробную фотографию, Поп понял, насколько эта история задела его за живое.

Он вздохнул, бросил снимок в корзинку для мусора, выдвинул ящик с инструментами и достал маленький молоток. Крепко ухватил камеру левой рукой, ударил по ней молотком. Не со всей силы, да этого

и не требовалось. На века срабатывали вещи в прошлом. Теперь же чудеса современной науки: синтетические материалы, новые сплавы, полимеры — бог знает что! Как ни назови, все одно — сопли. Вот какие материалы нынче стали самыми ходовыми. И не требовалось больших усилий, чтобы разбить камеру, сделанную из соплей.

Зазвенели линзы, полетели осколки пластика. Вот тут Поп призадумался. С какой стороны отлетел кусок на камере Кевина: с правой или с левой? Он нахмурился. Вроде бы с левой. Но Дэлевены едва ли об этом вспомнят, едва ли что заметят. Однако Поп никогда не надеялся на авось. Лучше заранее подготовиться ко всем неожиданностям.

Целесообразнее.

Он убрал молоток, маленькой щеточкой смел осколки стекла и пластика со стола на пол. Положил щеточку в ящик, достал разметочный карандаш и остро заточенный нож прочной стали. Карандашом обвел тот участок, что откололся от корпуса камеры, которую задела Мег, затем ножом прорезал по контуру глубокую канавку. Убрал нож и скинул новую камеру с верстака, полагая добиться того же результата, что и Мег; к тому же он ослабил пластик в нужном месте.

Все прошло как по писаному. Поп еще раз осмотрел камеру, у которой к разбитым линзам добавилась дыра в корпусе, и засунул ее под верстак.

Теперь оставалось лишь ждать прибытия Дэлевенов. Поп взял видеокассету, поднялся в свою квартирку над магазином и положил ее на видеомагнитофон, который купил, чтобы изредка смотреть порнофильмы, сел в кресло и раскрыл газету. Авиакатастрофа в Пакистане. Сто тридцать убитых. «Эти идиоты постоянно гибнут, — подумал Поп, — но оно и к лучшему. Чего плодить нищету». Он заглянул в спортивный раздел, чтобы узнать, как дела у «Ред сокс». Похоже, они сохраняли шансы на победу.

Глава 5

— О чем вы говорили? — спросил Кевин.

В доме они были вдвоем: Мег ушла в балетный класс, миссис Дэлевен играла в бридж с подругами. Обычно она возвращалась не раньше пяти часов, с большой пиццей и последними светскими новостями: кто с кем развелся, а кто только собирался развестись.

— Не твое дело, — резко ответил мистер Дэлевен.

День выдался прохладным. Поэтому мистер Дэлевен стал искать куртку. Но вдруг повернулся к сыну, который стоял в дверях уже в куртке и с полароидной камерой «Солнце-660» в руке.

— Ладно, недоговоренностей между нами никогда не было. Думаю, незачем выходить на эту тропу. Ты знаешь, что я имею в виду.

— Да, — ответил Кевин, подумав: «Я точно знаю, о чем ты говоришь, вот что я хочу сказать».

— Твоя мать об этом даже не подозревает.

— Я ей не скажу.

— Вот этого не надо, — осадил отец. — Не начинай врать, иначе не остановишься.

— Но ты же сам...

— Да, ничего ей не говорил. — Дэлевен-старший нашел куртку. — Она никогда не спрашивала, вот я и не говорил. Если мама никогда не спросит тебя, не скажешь и ты. Ты уловил разницу?

— Да. По правде сказать, уловил.

— Отлично, — кивнул мистер Дэлевен. — Отлично... именно так мы и поступим. Если мама спросит, тебе... нам... придется рассказать. Если нет — не придется. По таким законам живут в мире взрослых. Кому-то это может не понравиться, но жизнь есть жизнь. Ты готов с этим согласиться?

— Да. Полагаю, что да.

— Хорошо. Тогда в путь.

Они вышли из дома, на ходу застегивая «молнии». Ветер взъерошил волосы на висках мистера Дэлевена,

 и Кевин впервые заметил не без удивления: его отец начал седеть.

— Дело-то, в общем, пустяковое. — Похоже, говорил мистер Дэлевен сам с собой. — Как и все, что касается Попа Меррилла. Он всегда работал по мелочам, если ты понимаешь, о чем я.

Кевин кивнул.

— Он человек богатый, но источник его доходов не магазин утиля. В Касл-Роке он играет роль Шейлока.

— Кого?

— Не важно. Рано или поздно ты эту пьесу прочтешь, не такое уж у нас дерьмовое образование. Меррилл ссуживает деньгами под процент, который превышает разрешенный законом.

— А почему люди занимают у него деньги? — спросил Кевин; они шли к центру городка, под деревьями, с которых медленно слетали красные, пурпурные и желтые листья.

— Потому что не могут занять их в другом месте, — мрачно ответил мистер Дэлевен.

— То есть они некредитоспособны?

— Можно сказать, да.

— Но мы... ты...

— Да, сейчас все в порядке. Но так было не всегда. Когда мы с твоей матерью поженились, с деньгами у нас было не густо.

Отец долго молчал, а Кевин не решался задавать вопросы.

— Так вот, один парень ужасно гордился успехами «Кельтов». — Мистер Дэлевен смотрел себе под ноги, словно боялся споткнуться, упасть и сломать спину. — В плей-офф они вышли на «Филадельфийских семидесятников». Они, «Кельты», считались фаворитами, но у меня было такое чувство, что «Семидесятники» их сделают, во всяком случае, в том чемпионате.

Он взглянул на сына. Они уже спускались по склону Касл-Хиллз, направляясь к единственному в городе светофору, висящему над перекрестком Нижней глав-

ной улицы и Уотермилл-лайн. За перекрестком Оловянный мост оседлал Каслстрим. Его металлические формы четко выделялись на темно-синем фоне осеннего неба.

— В те дни я мог с кем-нибудь поспорить на пять долларов, точнее, на меньшую сумму, на четвертак или пачку сигарет.

Кевин посмотрел на отца, и тот перехватил его взгляд.

— Да, в те дни я курил. Теперь не курю и не делаю ставок. После того самого случая. Излечился, раз и навсегда.

Мы с твоей матерью были женаты уже два года. Ты еще не родился. Я работал помощником землемера и каждую неделю приносил домой сто шестнадцать долларов. За вычетом налогов.

Тот парень, что гордился «Кельтами», работал у нас инженером. Он даже на работу ходил в фирменном свитере «Кельтов», с цифрой на спине. За неделю до плей-офф он только и говорил, что хочет найти глупого смельчака, который согласится поставить на «Семидесятников», потому что иначе четыреста припасенных у него долларов не принесут прибыли.

А мой внутренний голос настойчиво твердил, что выиграют «Семидесятники», поэтому за день до начала стыковочных игр я подошел к нему во время перерыва на ленч. Сердце просто выпрыгивало из груди, такой меня разбирал страх.

— Потому что у тебя не было четырехсот долларов, — кивнул Кевин. — У этого парня они были, а у тебя не было.

Мальчик пристально смотрел на отца, начисто забыв про полароидную камеру. Ее тайна померкла перед откровением: в молодости его отец вел себя глупо, как многие другие. Значит, и он, Кевин, не застрахован от подобных глупостей, и он, Кевин, вступив в мир взрослых, может поддаться безотчетному импульсу. Как поддался его отец.

— Все правильно, сынок.

— И все-таки ты с ним поспорил.

— Не сразу. Я сказал, что, по моему разумению, «Семидесятники» выиграют, но четыреста долларов слишком крупная сумма для человека, который работает помощником землемера.

— Но ты предупредил его, что денег у тебя нет?

— Нет, Кевин. Я намекнул: мол, деньги у меня есть, только не могу позволить себе потерять такую сумму. Я сказал, что ставка в четыреста долларов для меня — слишком большой риск. Вроде бы я не лгал, но и говорил далеко не всю правду. Ты меня *понимаешь?*

— Да.

— Не знаю, что бы из этого вышло, может, и ничего, но тут звонок возвестил об окончании перерыва. А инженер возьми да предложи: «Я согласен поставить два своих против каждого твоего доллара. Мне без разницы. Мои денежки все равно останутся в моем кармане». И, прежде чем я понял, что происходит, мы ударили по рукам в присутствии десятка мужчин. Когда я в тот вечер возвращался домой и подумал о том, что скажет твоя мать, если узнает обо всем, мне пришлось свернуть на обочину. Я едва успел открыть дверцу машины, и меня вырвало.

Патрульная машина медленно катилась вдоль Харрингтон-стрит. В руках у Энди Клаттербака было ружье. Клат кивнул им, Джон и Кевин Дэлевены дружно его приветствовали. Стояла золотая осень, словно Джон Дэлевен никогда не высовывался из открытой дверцы «форда» и не блевал в дорожную пыль.

Они пересекли Главную улицу.

— Ну... можно сказать, что я едва не выиграл пари. «Семидесятники» в седьмой игре были впереди до последних секунд, а потом один из ирландцев выцарапал мяч у Хола Греера. Бросок достиг цели, и... я потерял деньги, которых у меня не было. Когда на следующий день я расплачивался с инженером, он признался, что

«в самом конце немного нервничал». И все. Меня так и подмывало выцарапать ему глаза.

— Ты заплатил ему *на следующий* день? Каким образом?

— Говорю тебе, я жил словно в лихорадке. А как только мы заключили пари, лихорадка спала. Я очень надеялся на выигрыш, но знал, что надо подстраховаться на случай проигрыша. На карту были поставлены не только доллары. Многое могло случиться, не отдай я эти деньги. Парень этот был инженером, то есть одним из моих боссов. Его стараниями меня могли уволить. Не отдай я деньги в срок, он бы нашел способ отметить это в моей характеристике. Но главное заключалось в другом.

— В чем же?

— Твоя мать ничего не знала. В молодости нужно не так уж и много, чтобы разрушить семью. Не уверен, что она развелась бы со мной из-за этого пари, но очень рад, что мне не пришлось этого выяснять. Когда лихорадка спала, я понял, что на кон поставлены не деньги, а все мое будущее.

Они уже подходили к «Империи изобилия». Джон увидел скамейку, жестом предложил Кевину сесть.

— Осталось немного. — Отец хрипло рассмеялся. — Все равно болит, хотя прошло столько лет.

Они сели, и мистер Дэлевен закончил рассказ о том, как познакомился с Попом Мерриллом.

— Я был у него вечером того дня, когда заключил пари. Сказал твоей матери, что мне надо купить сигареты. Пришел в темноте, чтобы никто меня не увидел. Из горожан. К нему обращались только те, кто попадал в какие-то передряги, а мне не хотелось, чтобы кто-либо знал о моих проблемах. Поп спросил: «Каким ветром вас занесло ко мне, мистер Дэлевен?» Я рассказал. На что он заметил: «Вы только заключили пари, а уже вбили себе в голову, что проиграете его». «Если проиграю пари, — ответил я, — то хочу твердо знать, что не проиграю при этом чего-то еще».

Он засмеялся. «Уважаю мудрых людей. Я чувствую, что могу вам доверять. Если «Кельты» выиграют, приходите ко мне. Вас я выручу. У вас честное лицо».

— И это все? — спросил Кевин; в восьмом классе они изучали систему ссуд, многое отложилось у него в памяти. — Он не попросил у тебя... э... залога?

— Людям, которые ходили к Попу, закладывать нечего, — усмехнулся отец. — Он, конечно, не из тех ростовщиков, каких изображают в фильмах: не ломает ноги не возвратившим долг. Но у Меррилла есть свои способы взять людей за горло.

— Какие способы?

— Не важно, — уклонился от прямого ответа Джон Дэлевен. — После окончания последней игры я поднялся наверх, хотел сказать твоей матери, что вновь иду за сигаретами. Она спала, и мне не пришлось лгать. Время было позднее, но в окнах Меррилла горел свет. Другого я и не ожидал.

Деньги он дал десятками. Достал их из какой-то жестянки. Одни десятки. Я хорошо это помню. Еще разглаживал мятые. Сорок десяток. Он пересчитывал их, как кассир в банке, попыхивал трубкой, поблескивал стеклами очков. Меня так и подмывало дать ему в зубы. Вместо этого я его поблагодарил. Ты понятия не имеешь, как иногда трудно сказать: «Спасибо вам». Надеюсь, никогда не узнаешь. Он ответил: «Условия вам известны, не так ли?» Я кивнул. «Вот и хорошо, — продолжил он. — В вашем случае я не волнуюсь. Что я хочу сказать, у вас честное лицо. Сначала вы расплатитесь с тем парнем на работе, а потом расплатитесь со мной. А от азартных игр держитесь подальше. Одного взгляда достаточно, чтобы понять: вы не игрок».

Я взял деньги и отправился домой, спрятал их под ковриком старого «форда» и лег рядом с твоей матерью, но до утра не сомкнул глаз. На следующий день отдал десятки инженеру, он аккуратно их пересчитал, сунул в карман рубашки и застегнул пуговицу клапана, слов-

но деньги значили для него не больше, чем какая-нибудь квитанция. Потом хлопнул меня по плечу и сказал: «Ты хороший парень, Джонни. Лучше, чем я думал. Я выиграл четыреста долларов, но проиграл двадцать Биллу Антермейеру. Он говорил, что ты принесешь деньги этим утром, а я думал, только в конце недели. Если принесешь». «Я всегда плачу долги», — отрезал я. «Конечно, конечно», — закивал он, и вот тут я действительно едва не отколошматил его.

— И какие проценты брал с тебя Поп, папа?

Джон Дэлевен повернулся к сыну:

— Этот человек разрешил тебе так называть себя?

— Да, а что?

— Будь с ним поосторожнее. Он змея. — Джон вздохнул, как бы признавая, что от ответа ему не уйти. — Десять процентов.

— Это не так уж и мно...

— В неделю.

— Но ведь это нарушение закона!

— Святая правда, — сухо ответил мистер Дэлевен, посмотрел на сына, увидел его изумление, хлопнул по плечу и рассмеялся. — Такова жизнь, Кевин. Все равно умирать.

— Но...

— Какие уж тут «но». Поп знал, что я заплачу. А я уже выяснил, что на сталелитейном заводе в Оксфорде требуются рабочие на смену с трех дня до одиннадцати вечера. Я ведь сказал тебе, что готовился к проигрышу и не ограничился походом к Попу. Твоей матери я объяснил, что могу какое-то время работать по вечерам. В конце концов, ей хотелось поменять машину, переехать в квартиру получше, положить какие-то деньги в банк на случай финансовых неурядиц. — Он рассмеялся. — Я решил приложить все силы, чтобы твоя мама так ничего и не узнала. Она, конечно, возражала против моей второй работы. Говорила, что я надорвусь, работая по шестнадцать часов в сутки. Что сталелитейные заводы опасны, там вечно

 кто-то остается без руки или ноги. Я же отвечал, что волноваться не стоит, я, мол, устроюсь в сортировочную, оплата там небольшая, зато работа сидячая, а если мне будет тяжело, уйду. Она все равно не сдавалась, говорила, что сама пойдет работать, но я ее от этого отговорил. Меньше всего мне хотелось, чтобы она работала, знаешь ли.

Кевин понимающе кивнул.

— Я обещал ей, что брошу вторую работу через шесть месяцев, максимум восемь. Они меня взяли. Только не в сортировочную, а на прокатный стан, направлять на ролики раскаленные болванки. Работа действительно была опасная: достаточно на секунду отвлечься, чтобы остаться без руки или ноги, а то и без головы. Я видел, как человеку роликами расплющило руку. Жуткое зрелище.

— Господи! — выдохнул Кевин, но мистер Дэлевен его, похоже, не слышал.

— Так или иначе, мне платили по два доллара и восемьдесят центов в час, а через два месяца я уже получал три доллара и десять центов. Это был ад. Утром и днем я работал на строительстве дороги (слава Богу, дело было весной, до наступления жары), а потом, боясь опоздать, мчался на завод. Переодевался и до одиннадцати вкалывал на прокатном стане. Возвращался домой к полуночи. Если мама меня дожидалась, а такое случалось две или три ночи в неделю, то мне приходилось тяжко. Надо было притворяться, что энергия из меня бьет ключом, а на самом деле я едва волочил ноги. Но если бы она это заметила...

— Она заставила бы тебя уйти с завода.

— Да. Заставила бы. Я рассказывал какие-то глупые истории о сортировочной, где я не работал, и гадал: что случится, если она как-нибудь приедет на завод, чтобы покормить меня обедом? Мне, конечно, удавалось дурить ей голову, но она чувствовала, что я устаю, и уговаривала уйти с работы, за которую платят такие гроши. А выходило действительно немного,

после того как свои куски отхватывали государство и Поп, — именно столько и получали в сортировочной. Платили всегда по средам, и я обращал чек в наличные до того, как бухгалтерши уходили домой.

Так что твоя мать так и не увидела ни одного чека.

В первую неделю я заплатил Попу пятьдесят долларов: сорок — проценты, десять — в счет основного долга, и остался должен триста девяносто. Я превратился в ходячего зомби.

В конце второй недели я тоже заплатил Попу пятьдесят долларов: тридцать девять — проценты, одиннадцать — в счет основного долга, и остался должен триста семьдесят девять долларов. Я напоминал себе муравья, который должен растащить гору песчинок.

На третьей неделе я чуть сам не угодил в ролики. Как же я тогда напугался! Но нет худа без добра. Я понял, что надо бросать курить. Просто удивительно, как я не подумал об этом раньше. Пачка сигарет стоила сорок центов, а я за день выкуривал две. Тратил на курево пять долларов и шестьдесят центов в неделю!

Перекур у нас был каждые два часа. Я заглянул в пачку, увидел, что осталось сигарет десять, может, двенадцать; растянул их на полторы недели и больше не купил ни пачки!

Первый месяц я еще не знал, выдержу или нет. Бывали дни, когда будильник звенел в шесть утра и я уже не сомневался, что все, сил больше нет, надо обо всем рассказать Мэри, и пусть решает, останется со мной или нет. Когда же пошел второй месяц, я понял, что, наверное, все обойдется. Основной долг уменьшился до трехсот долларов, а это означало, что каждую неделю я могу снижать его еще на двадцать пять, а то и тридцать долларов. Мне до сих пор кажется, что все решили те пять долларов и шестьдесят центов, которые я перестал тратить на сигареты.

В конце апреля мы закончили строительство дороги и получили неделю оплачиваемого отпуска. Я ска-

зал Мэри, что намерен завязать с заводом, и она этому очень обрадовалась. В ту неделю я работал на заводе по полторы смены и отдал Попу Мерриллу сто долларов. Я предупредил администрацию завода, что через семь дней увольняюсь. Мой долг настолько снизился, что я мог незаметно для твоей матери выплачивать проценты из своего обычного жалованья.

Он глубоко вздохнул.

— Теперь ты знаешь, как я познакомился с Попом Мерриллом и почему не доверяю ему. Я провел десять недель в аду, а он пил из меня все соки, чтобы снабдить моими десятками другого бедолагу, который, как и я, попал в беду.

— Как же ты, наверное, ненавидишь его!

— Нет. — Мистер Дэлевен поднялся. — Ненависти к нему у меня нет. Как и к себе. У меня была лихорадка, только и всего. Все могло закончиться гораздо хуже. Мы могли разойтись, и тогда ты и Мег не появились бы на свет. Я мог погибнуть. И вылечил меня Поп Мерриллл. Он прописал мне горькое лекарство, но очень эффективное. Труднее было забыть другое: как он записывал каждый цент в бухгалтерскую книгу, которую держал в ящике под кассовым аппаратом, и как смотрел на мешки под моими глазами и на брюки, которые стали мне велики на два размера.

Отец и сын встали, молча направились к «Империи изобилия». Перед соседним домом Полли Чалмерс сметала листья с дорожки, ведущей к крыльцу, и беседовала с шерифом Аланом Пэнгборном. Она выглядела такой молоденькой и свеженькой, с волосами, забранными в конский хвост. И он выглядел молодым и мужественным в отутюженной униформе. Но внешность часто бывает обманчивой. Даже Кевин в свои пятнадцать лет это знал. Этой весной шериф Пэнгборн потерял в автомобильной аварии жену и младшего сына. А мисс Чалмерс, как слышал Кевин, болела артритом и через несколько лет могла превратиться в ка-

леку. Видимость часто бывает обманчивой... Кевин посмотрел на обшарпанный фасад «Империи изобилия», затем на полароидную камеру.

— Он даже оказал мне услугу, — продолжил мистер Дэлевен. — Благодаря Мерриллу твой отец бросил курить. Но я этому человеку не доверяю. Будь с ним осторожен, Кевин. Говорить буду я. Все-таки я хоть немного его знаю.

Поп Мерилл поджидал их у двери: очки вскинуты на лысину, в рукаве — пара тузов.

Глава 6

— А вот и вы, отец и сын. — Поп улыбнулся, как добрый дедушка, и Кевину подумалось, что чем-то он напоминает Санта Клауса. — У вас прекрасный мальчик, мистер Дэлевен. Прекрасный.

— Я знаю, — буркнул мистер Дэлевен. — Хочу, чтобы он дальше оставался таким, поэтому и расстроился, узнав, что Кевин связался с вами.

— Печально. — В голосе Попа слышался легкий упрек. — Печально слышать такое от человека, который в трудную минуту...

— На том поставлена точка.

— Да, да, именно это я и хотел сказать.

— А вот на этом нет.

— Мы ее поставим. — Поп протянул руку к Кевину, и Кевин передал ему полароидную камеру. — Поставим сегодня. Кто-то ее сработал. Не знаю кто, но ваш мальчик хочет разбить «Солнце», потому что думает, будто оно опасно. Мне представляется, Кевин прав. Но я сказал ему: «Ты же не хочешь, чтобы твой отец принимал тебя за маменькиного сынка, не так ли?» Это единственная причина, по которой я попросил пригласить вас сюда, Джон...

— Мистер Дэлевен, если можно.

— Хорошо. — Поп вздохнул. — Я вижу, вы все еще держите на меня зло и не хотите забыть прошлое.

— Не хочу.

Кевин переводил тревожный взгляд с одного на другого.

— Это и не важно. — Лицо Попа окаменело: Санта Клаус исчез. — Я-то считаю, что не следует копаться в прошлом... правда, случается, оно дает о себе знать в настоящем. Но что я хочу подчеркнуть, мистер Дэлевен: я всегда веду честную игру, и вы это знаете.

Поп лгал великолепно, и Дэлевены — оба — ему поверили. А старшему, так тому даже стало немного стыдно.

— Наше дело касалось только нас. Вы сказали мне, что нужно вам, я — что хочу получить в обмен; вы согласились, мы оба получили желаемое и разошлись. А сейчас у нас совсем другое дело. — Тут Поп и вовсе заврался, сморозил абсолютно уж невероятное. — Здесь я никакой выгоды для себя не ищу, мистер Дэлевен. Только хочу помочь вашему мальчику. Мне он понравился.

Поп улыбнулся, снова превратившись в Санта Клауса, причем так быстро, что Кевин и забыл про то, другое выражение лица: холодное и расчетливое. Более того, Джон Дэлевен, который чуть ли не три месяца горбатился на этого Попа Меррилла, расплачиваясь за собственную глупость, мистер Дэлевен тоже забыл, что имеет дело с прожженным дельцом.

Поп повел их навстречу запаху газетной краски и тиканью часов, по пути небрежно положил камеру мальчика на верстак, на самый угол (наверное, так же, как положил ее на праздничный стол Кевин, сделав первую фотографию), а затем направился к лестнице, ведущей в его квартирку на втором этаже. Проходя мимо старого, в пыли, зеркала, Поп мельком взглянул в него, хотел посмотреть, не возьмут ли отец или сын камеру или не отодвинут подальше от края.

Он сомневался, что возьмут или отодвинут, но ведь могли.

Дэлевены на камеру даже не посмотрели, и Поп, поднимаясь по ступеням, довольно улыбнулся: «До чего же приятно иметь дело с лопухами!»

Хозяин магазина открыл дверь, и гости вошли в его квартиру.

Ни Джон, ни Кевин Дэлевен никогда не поднимались на второй этаж, и среди знакомых Джона не было ни одного, кто мог бы этим похвастаться. Собственно, ничего удивительного в этом не было: особой популярностью Поп в Касл-Роке не пользовался. Джон вообще сомневался, что у Попа есть друзья, а если и были, то не имел чести их знать.

А Кевин, поднимаясь по лестнице, думал о мистере Бейкере, своем любимом учителе. Неужели мистер Бейкер тоже попал в ситуацию, когда ему потребовалась помощь такого человека, как Поп? Невероятно... но час назад и он, сын, понятия не имел, что его отец...

Нет, лучше об этом не думать.

Один-два друга (вернее, хороших знакомых) у Попа были, но он их в квартиру не приводил. Не хотел. Квартира принадлежала только ему, и желания делить ее с кем-либо *не возникало. Он пытался под*держивать здесь чистоту и порядок, но без особого успеха. На обоях тут и там темнели пятна, в раковине лежали грязные тарелки. Хотя на столе была постелена чистая клеенка, а ведро для мусора плотно закрывала пластиковая крышка, в квартире пахло сардинами и чем-то еще, возможно, немытыми ногами. И запахом этим, похоже, пропитался не только воздух, но и стены.

Гостиная у Попа была крошечная. Здесь пахло не сардинами и не (возможно) немытыми ногами, а табачным дымом. Оба окна выходили на проулок за Мелберри-стрит. Стекла Поп вроде бы мыл, во всяком случае, протирал, но в углах оставались пыль и грязь.

Потертый ковер, кресло, диван, обитые светло-зеленым ситчиком.

Из всей обстановки новизной выделялись только большой японский телевизор с диагональю экрана в двадцать пять дюймов и видеомагнитофон. Стоящая рядом стойка для видеокассет пустовала. Все семьдесят кассет с порнофильмами на время визита Дэлевенов перекочевали в стенной шкаф.

Лишь одна лежала на телевизоре.

— Присядьте. — Поп указал на диван, подошел к телевизору, достал кассету из футляра.

Мистер Дэлевен с сомнением посмотрел на диван, будто опасался, нет ли в нем клопов, затем осторожно сел. Кевин последовал его примеру. Страх вернулся, более сильный, чем прежде.

Поп включил видеомагнитофон, вставил кассету.

— Я знаю в городе одного человека, — начал он (в Касл-Роке и соседних городках под «городом» подразумевали Льюистон), — который уже двадцать лет торгует фототоварами. Видеобизнес приглянулся ему сразу, он ни секунды не сомневался, что будущее за видео. Даже предлагал мне войти в долю, но тогда я думал, он сбрендил. Что я хочу сказать, в тот раз я ошибся, но...

— Ближе к делу, — прервал его отец Кевина.

— Я постараюсь. — В глазах Попа мелькнула обида. — Если вы не будете меня сбивать.

Кевин легонько ткнул отца локтем в бок, и мистер Дэлевен промолчал.

— Так или иначе, пару лет назад он обнаружил, что прокат видеокассет не единственный способ зарабатывать деньги. Всего за восемь сотен баксов он купил устройство, позволяющее переводить на видеопленки любительские фильмы и даже фотоснимки. На видеомагнитофоне просматривать их куда проще.

Кевин с удивлением посмотрел на Попа, а тот улыбнулся и кивнул.

— Да. Я взял все пятьдесят восемь полароидных фотографий. Ведь мы знаем, что они немного отличаются друг от друга. Я догадывался почему, но хотелось в этом убедиться. Тем более что особых усилий и прилагать не пришлось.

— Вы попытались смонтировать фильм из этих фотографий? — спросил мистер Дэлевен.

— Не попытался, — поправил Поп. — Смонтировал. Вернее, не я, а этот парень из города. Но идея принадлежала мне.

— Так *это* фильм? — Кевин понял, что сделал Поп, и разозлился: «Почему же я сам не додумался до этого?»

— Посмотрите сами. — Поп повернулся к телевизору. — Пятьдесят восемь фотографий. Этот парень, переводя на видеопленку снимки, выделяет на каждый пять секунд. И наглядишься, говорит он, и не заскучаешь в ожидании следующего. Я попросил, чтобы он дал на каждую фотографию по секунде и смонтировал их без интервалов.

Кевин вспомнил игру, которая ему очень нравилась в начальной школе. На перемене он брал маленький блокнот со страницами из прозрачной разноцветной бумаги: желтой, розовой, зеленой.

Открывал последнюю страничку и рисовал человечка в боксерских шортах и с разведенными в стороны руками. На следующей страничке изображался тот же человечек, но руки чуть приподнимались. Чуть-чуть. И так на каждой страничке, пока руки не оказывались у боксера над головой. Затем рисовался тот же человечек, только руки его с каждой страничкой опускались все ниже. Если потом странички быстро пролистать, получался мультфильм, изображающий боксера, который праздновал победу: поднимал руки, хлопал ими над головой, затем опускал руки.

По телу Кевина пробежала дрожь. Мистер Дэлевен вопросительно посмотрел на него. Кевин замотал головой и пробормотал:

— Ничего.

— Что я хочу сказать, фильм длится чуть меньше минуты. Поэтому вы должны смотреть внимательно. Готовы?

Нет, подумал Кевин.

— Полагаю, что да, — ответил Дэлевен-старший.

Он еще пытался сохранить безразличный вид, но Кевин видел, что идея увлекла отца.

— Хорошо. — И Поп Меррилл включил видео.

Кевин снова и снова твердил себе, что бояться глупо. Убеждал себя: мол, толку от этого не будет.

Да, знал, что он сейчас увидит, потому как он и Мег — оба — заметили главное: «Солнце-660» не воспроизводит один и тот же образ, как фотокопировальщик. Брат и сестра довольно быстро поняли, что фотографии фиксируют некий процесс.

— Смотри, собака двигается! — воскликнула тогда Мег.

Вместо того чтобы, как обычно, высмеять младшую сестру, Кевин ответил:

— Похоже на то... но утверждать, пожалуй, нельзя.

— А вот и *можно*, — возразила Мег. Они сидели в его комнате, и Кевин тупо смотрел на камеру. Она лежала на столе, рядом со стопкой новеньких учебников. Мег наклонила лампу поближе к столу, положила в круг света первую фотографию.

— Сосчитай столбы между хвостом собаки и правым краем фотографии.

— Это штакетины, а не столбы, — поправил ее Кевин.

— Не важно. Считай.

Он сосчитал. Четыре и часть пятой, прикрытой задними лапами собаки.

— А теперь взгляни на эту.

Мег положила перед ним полароидный снимок под номером четыре. Кевин увидел все пять штакетин полностью и часть шестой.

Поэтому он знал, во всяком случае, предчувствовал, что увидит нечто похожее на самодельный мультфильм типа того, какие сам рисовал в начальной школе.

Первые двадцать пять секунд пленка действительно напоминала мультфильм, нарисованный им во втором классе, только качеством ниже... боксер поднимал и опускал руки более плавно.

Однако фильм показывал *процесс*. Именно это завораживало всех, даже Попа. Трижды они просмотрели минутный фильм, не произнеся ни слова. Слышалось только дыхание: частое и ровное — Кевина, более глубокое — его отца, с легочными хрипами — Попа.

И первые тридцать секунд или около того...

Да, конечно, Кевин ожидал увидеть движение, которое присутствовало даже в самодельном мультфильме или в телевизионных утренних сериалах по субботам (являвшихся усложненной версией того же мультфильма), но Кевин и представить себе не мог, что в первые тридцать секунд (вернее, в двадцать восемь) полароидные фотографии сольются в единый фильм. Разумеется, не голливудский и даже не малобюджетный «ужастик», какие иногда прокручивала на видеомагнитофоне Меган, когда родители уходили в гости. Скорее любительский фильм, снятый человеком, еще не овладевшим камерой с восьмимиллиметровой пленкой.

В эти двадцать восемь секунд черный пес-беспородка перемещался вдоль забора, открывая пять, шесть, семь штакетин. Даже остановился, чтобы еще раз понюхать одну из них, наверное, читал какую-то собачью телеграмму. Затем двинулся дальше, с опущенной головой, вдоль забора, хвостом к камере. На середине первой части Кевин заметил то, что упустил раньше: фотограф *поворачивал* камеру, чтобы держать собаку в кадре. Если бы он этого не делал, черный пес просто вышел бы за кадр и на фотографии остался бы только забор. Самые правые штакетины на первых двух или трех фотографиях исчезли за белой кромкой,

новые появились у левого края. В этом никаких сомнений быть не могло: одна из правых штакетин, с отломанной верхней частью, исчезла.

Пес вновь начал что-то нюхать, а затем... поднял голову. Неповрежденное ухо поднялось, второе, сломанное, попыталось сделать то же самое, но осталось лежать пластом. Звука, конечно, не было, но Кевин мог поклясться, что собака зарычала. Она что-то унюхала. Или кого-то. Что или кого?

Кевин присмотрелся к тени, которую поначалу принял за тень дерева или столба.

Голова тени начала поворачиваться, и тут... началась вторая часть этого странного «фильма», тридцать секунд отрывочных кадров которого вызвали боль в голове и резь в глазах. «Интуиция не подвела мистера Умельца», — подумал Кевин, ему показалось, что он уже читал о чем-то подобном. Так или иначе, но Поп попал в десятку, и рассуждать на эту тему не имело смысла. Если фотографии снимались одна за другой, то «фильм» получался связный. С минимальными разрывами, но связный. Когда же промежутки между фотографиями увеличивались, начинало резать глаза: то ли они настраивались на определенную скорость фильма, то ли на череду отдельных кадров, а получалось и первое и второе, вместе взятое.

Время текло в том плоском полароидном мире. Не с той скоростью, как в этом

(реальном?)

мире, иначе солнце бы уже три раза зашло или поднялось, а собака давно бы сделала то, что хотела сделать *(если хотела)*, а если бы ничего не хотела, то просто бы убежала, оставив в кадре белый штакетник и пожухлую траву за ним, но время шло.

Голова собаки поворачивалась к фотографу, хозяину тени, рывками. Одно мгновение морду и даже часть головы заслоняло сломанное ухо. Потом появился черно-коричневый глаз, окруженный какой-то гадостью, напоминающей стухший яичный белок. Вот появилась

половина полураскрытой пасти, словно пес сейчас оскалится или зарычит. Белые пятна вдоль морды показывали, что пес немолод, и в самом конце фильма мелькало что-то белое в пасти. Вроде бы зуб или зубы.

Но более всего притягивал внимание глаз. Он нес смерть. Беспородный и безымянный пес жаждал убивать. Кевин это знал наверняка.

У него не вызывало сомнений, что ни одна полароидная женщина, полароидный мужчина или даже полароидный ребенок не давали клички этому полароидному псу. Пес родился бездомным, вырос бездомным и до старости оставался бездомным — воплощение всех собак, которые странствовали по миру, без клички и без приюта, убивали *куриц, ели из помойных* чанов, спали в канавах и под крыльцом брошенных домов. С мозгами у них было не очень, зато с инстинктами все в порядке. Этот пес...

Кевин так глубоко задумался, что едва не вскрикнул от неожиданности, когда Поп Меррилл заговорил.

— Этот человек, который фотографировал. Что я хочу сказать, если *был* такой человек. Как по-вашему, что с ним стало?

Поп «заморозил» на экране телевизора последний кадр. По картинке шла полоса. Кевину хотелось, чтобы она проходила через глаз, но нет, полоса осталась ниже. И глаз смотрел на них. Злобный, источающий смерть. Глаз этот не просто наводил страх, а ужасал. Так что ответа на вопрос Попа, пожалуй, и не требовалось. Как и не требовалось следующих фотографий, подтверждающих то, что произошло дальше. Пес, похоже, что-то услышал. Разумеется, услышал, и Кевин это знал.

Очередные картинки показали бы, как собака поворачивается, поворачивается, затем заполняет всю площадь кадра, вытесняя лужайку, забор, тротуар, тень. И наконец в кадре остается только собака.

Нападающая.

Жаждущая убить, если получится.

Кевин не узнал собственного голоса.

— Я думаю, собаке не нравится, что ее фотографируют.

Поп усмехнулся.

— Перекрутите назад, — попросил мистер Дэлевен.

— Вы хотите просмотреть весь фильм? — спросил Поп.

— Нет... только последние десять секунд.

Поп Меррилл перемотал пленку назад. Она остановилась и двинулась вперед. Собака поворачивала голову рывками, как робот, но не становилась от этого менее опасной. Кевину хотелось закричать: *Остановитесь! Хватит! Достаточно. Остановите пленку, пора разбить эту чертову камеру.* Мальчик предчувствовал: что-то должно произойти, чего он совсем, ну никак не хотел.

— Еще раз, — попросил мистер Дэлевен. — Теперь кадр за кадром. Сможете?

— Да, — кивнул Поп. — Чертова машина способна на все, разве что не гладит.

На этот раз кадры пошли с разрывом, один за другим. Теперь пес дергался не как робот, а скорее как какие-то странные часы из коллекции Попа. Дерг. Дерг. Дерг. Голова шла кругом. Скоро перед ними вновь возникнет этот ужасный глаз.

— Что это? — спросил мистер Дэлевен.

— О чем вы? — переспросил Поп, словно не знал, что именно об этом в прошлый раз не захотел говорить Кевин, что именно сей предмет окончательно склонил мальчика к решению разбить камеру.

— Под шеей пса, — уточнил мистер Дэлевен. — Ошейника нет, но у него что-то повязано, шнурок или тонкая веревка.

— Не знаю, — бесстрастно ответил Поп. — Может, знает ваш мальчик. В его возрасте зрение поострее, чем у нас.

Мистер Дэлевен повернулся к Кевину:

— Можешь ты определить, что это?

— Я... — Кевин замолчал. — Что-то маленькое.

Ему вспомнились слова отца: *Если она никогда не спросит тебя. Не скажешь и ты... По таким законам живут в мире взрослых.* А сейчас он спрашивал Кевина, не знает ли тот, что у собаки под шеей. Кевин не хотел отвечать на этот вопрос, а потому сказал неопределенное: *что-то маленькое.* Так оно и было. Только Кевин знал, что это.

Отец вроде бы говорил и про это. Пройти по острию, не свалившись в болото лжи.

Но он же не мог видеть, что там. *Не мог.* Просто знал, что это. Глаз видел, мозг предполагал, а сердце понимало. *Вот сердце и поняло, что камеру, если он прав, надо уничтожить. Надо.*

В этот момент Попа Меррилла внезапно осенило. Он выключил телевизор.

— Фотографии у меня внизу. Я привез их вместе с видеопленкой. Я видел эту штуковину, разглядывал ее в увеличительное стекло, но все-таки не понимаю, что это... но нечто знакомое, клянусь Богом. Сейчас принесу фотографии и увеличительное стекло.

— Мы тоже спустимся. — Кевин привстал. Вот этого Поп как раз и не хотел, но тут мистер Дэлевен (благослови его, Господи!) сказал, что, возможно, они захотят просмотреть пленку после того, как положат пару-тройку фотографий под увеличительное стекло.

— Вернусь через минуту. — И Поп шустро запрыгал вниз, словно птичка с ветки на ветку, прежде чем кто-то успел произнести хоть слово.

Кевин не протестовал. У него наконец-то созрела чудовищная идея, и не оставалось ничего другого, как обдумать ее.

Идея эта имела отношение к странно плоскому изображению на полароидных снимках. Все запечатленное имело только два измерения. Остальные фотографии тоже имели два измерения, но они как бы

 предполагали наличие третьего, даже если съемки производились простым «Кодаком-110». И предметы на полученных фотографиях — на которых изображалось то, чего никто не видел в видоискателе или где-то еще, — тоже были плоские, двухмерные. Все.

За исключением пса.

Пес *плоским не был*. Его изображение не только предполагало трехмерность, он *действительно* обладал третьим измерением, какое было в голограммах или стереофильмах, которые нужно смотреть в специальных очках, чтобы совместить двойные образы.

Это не полароидный пес, думал Кевин. *Он не из нашего мира, в котором сделаны эти фотографии. Это безумие, я понимаю, я знаю, что так оно и есть. Только что же это означает? Почему моя камера вновь и вновь фотографирует пса и... что фотографируют полароидный мужчина или полароидная женщина? Он или она видят пса? Если это трехмерный пес, попавший в двухмерный мир, может, он или она не видят жуткого пса... не могут видеть. Говорят, что для нас время — четвертое измерение: знаем, что оно есть, но видеть его не можем. Мы даже не чувствуем, как оно проходит, хотя иногда, когда очень уж скучно, нам вроде бы кажется, что мы чувствуем время.*

Вот тут Кевин начал понимать: все, о чем он думал сейчас, не так уж и важно, потому что есть другие, более важные вопросы, можно сказать, жизненно важные.

Например, что делает собака в *его* камере? Ей нужен он, Кевин, или все равно кто? Сначала он думал, что все равно кто, так как фотографировать мог кто угодно. Но эта вещь на шее собаки имела самое непосредственное отношение к нему, Кевину Дэлевену, и ни к кому больше. Сие означало: собака хотела что-то сделать только с ним? Если это так, то про все остальные вопросы можно забыть. Намерения пса не оставляли сомнений. Этот жуткий глаз, эта оскаленная пасть. Пес жаждал:

во-первых, выскочить из полароидного мира;
во-вторых, убить.

Там есть мужчина или женщина, думал Кевин, *с камерой в руках, которые даже не видят собаку. А если фотограф не видит собаку, то и она не видит фотографа, то есть последний в полной безопасности. Но если собака действительно трехмерная, может, она и видит то, что вне камеры, видит того, кто пользуется камерой. Может, речь все-таки не обо мне. Не только обо мне. И ее цель — тот, кто держит камеру в руках.*

Однако... вещь, повязанная на шее. Как насчет этого?

Кевин думал о черных, злобных глазах пса. Бог знает каким образом в полароидный мир попал этот пес, но, когда его начали фотографировать, он получил возможность заглянуть в *наш* мир и *захотел* перебраться сюда. В глубине души Кевин был убежден, что, вырвавшись, пес первым делом захочет убить его, — вещь на шее кричала об этом. А что потом?

После Кевина будет убивать кого угодно. Любого.

Собака шла вдоль забора. Услышала жужжание полароидной камеры. Повернулась и увидела...

Что? Свой собственный мир или Вселенную? Мир, достаточно схожий с прежним миром пса, где животному *нравилось* жить и охотиться? Не важно. С каждым новым снимком пес будет подбираться все ближе. Ближе и ближе, пока... пока что? Пока каким-то образом не вырвется наружу?

— Глупо, — пробормотал Кевин. — Так не бывает.

— Что? — Отец оторвался от своих размышлений.

— Ничего. Я говорил сам с со...

Снизу донесся вскрик Попа Меррилла.

— Черт побери!

Отец и сын переглянулись.

— Пойдем поглядим, что случилось. — Мистер Дэлевен встал. — Надеюсь, он не упал и не сломал руку. С одной стороны, хочется на это надеяться, с другой... ты понимаешь.

А если Поп снимал моей камерой, подумал Кевин. *Если внизу пес?*

Но страха в голосе старика не слышалось, только раздражение и удивление. И, разумеется, внизу они не увидели собаки размером со среднюю немецкую овчарку, выпрыгнувшей из полароидной камеры «Солнце-660» или из какой-нибудь фотографии. С тем же успехом можно пытаться протащить посудомоечную машину через замочную скважину.

Однако страх за себя, за отца, даже за Попа Мерилла не покидал Кевина.

Поп Меррилл радостно скатился со ступенек. При необходимости он бы подменил камеры прямо у них под носом. Будь мальчик один, могли бы возникнуть проблемы: Кевин уже вступил в тот возраст, когда кажется, что знаешь все и вся. Другое дело его отец, которого обвести вокруг пальца — все равно что украсть у младенца бутылочку с молочной смесью. Рассказал ли Джон сыну о той передряге в молодости? Судя по тому, как мальчик смотрел на него — иначе, настороженно, — Поп Меррилл решил: рассказал. А что еще сказал отец сыну? Позвольте угадать. «Он разрешил тебе звать его Поп? Значит, собрался обдурить тебя». Это на закуску. «Он змея подколодная, сынок». Это на первое. И уж, конечно, самое главное: «Говорить буду я, парень. Я знаю его лучше, чем ты. Положись на меня». С такими, как Дэлевен-старший, мистер Умелец разбирался, как другие люди — с жареной куриной ножкой: нежной, вкусной, сочной, с мясом, легко отделяющимся от кости.

В свое время, в более нежном возрасте, Джон Дэлевен так и не понял, что совсем не Поп, а он сам загнал себя в угол. Ведь мог пойти к жене, повиниться, и она выцарапала бы эти жалкие четыреста долларов из своей тетушки, буквально набитой сотенными. Да, какое-то время Дэлевену пришлось бы пожить в аду... Но он не просто не видел этого варианта — не мог даже

представить себе его существование. А что из- 825
менилось с тех пор, кроме времени, которое приходит и уходит, никому не помогая, никого ничему не уча? Однако он думает, что теперь ему все известно о Реджинальде Мэрионе Меррилле.

И Попа это вполне устраивало.

Он мог спокойно поменять камеры перед этим человеком, Дэлевен бы и глазом не моргнул, считая, что видит старика Попа насквозь.

Но все обернулось как нельзя лучше.

Он не приглашал госпожу Удачу на свидание, эта дама частенько динамила мужчин, когда те более всего рассчитывали на нее. Но раз леди явилась по собственному желанию... что ж, надо брать то, что плывет в руки, и угощать госпожу Удачу по высшему разряду. Эта дрянь всегда расплачивается сполна, если относишься к ней с должным уважением.

Поп быстро подошел к верстаку, наклонился, вытащил из темноты «Солнце-660» с разбитыми линзами. Положил на верстак, выудил из кармана связку ключей, быстро оглянулся, дабы убедиться, что за ним по лестнице никто не последовал, выбрал нужный ключ и открыл левую тумбу. Там хранились пригоршня золотых монет, отчеканенных еще в Трансваале, альбом с марками, одна из которых стоила шестьсот долларов, коллекция монет стоимостью примерно в девятнадцать тысяч долларов, два десятка цветных фотографий женщины с затуманенными глазами, предающейся любовным утехам с шотландским пони, и не меньше двух тысяч долларов наличными.

Деньги, которые лежали в жестянках, Поп давал взаймы. Джон Дэлевен узнал бы купюры: все те же мятые десятки.

В тумбу Поп и положил «Солнце-660», закрыл дверцу на замок, вернул ключи в карман. А затем столкнул камеру с разбитыми линзами на пол и вскрикнул: «Черт побери!» Достаточно громко, чтобы его услышали наверху.

После чего изобразил на лице печаль и сожаление.

— Поп? — позвал Кевин. — Мистер Меррилл? С вами все в порядке?

— Да, ничего не ушиб, разве что свою гордость. Полагаю, вашей камере очень уж не везет. Я открывал ящик с инструментами, неловко повернулся и задел эту чертову камеру. Она упала на пол, только на этот раз линзы разбились. Не знаю, должен извиняться или нет. Что я хочу сказать, ты ведь сам собирался...

Он протянул камеру Кевину, мальчик взял и посмотрел на разбитые линзы, дыру в корпусе.

— Ничего страшного. — Сейчас Кевин держал камеру более уверенно, не так, как раньше. — Я все равно собирался разбить ее.

— Значит, я постарался за тебя.

— Мне бы хотелось... — начал Кевин.

— Да, да. Я точно так же отношусь к мышам. Смейся, если хочешь, но, если какая-нибудь попадается в мышеловку, я бью по ней щеткой, хотя знаю, что она уже мертва. Для гарантии, вот что я хочу сказать.

Кевин чуть улыбнулся, посмотрел на отца.

— Поп сказал, что у него есть колода для колки дров, папа..

— А рядом с ней, в сарае, добрая кувалда, если ее еще никто не унес.

— Ты не возражаешь, папа?

— Камера твоя, Кев. — Мистер Дэлевен подозрительно зыркнул на Попа, но взгляд этот говорил: «Я не доверяю тебе вообще, а не в данной конкретной ситуации». — Но, если тебя интересует мое мнение, я считаю, что ты прав.

— Хорошо. — Кевин почувствовал, как тяжесть свалилась с его плеч, нет, с его сердца. Камера, у которой разбиты линзы, не годилась для съемки... но Кевин знал, что не успокоится, пока не раздробит ее на мелкие кусочки. Он вертел и вертел «Солнце-660»

в руках. Очень ему нравилось, что камере уже досталось как следует.

— Думаю, я должен оплатить вам стоимость камеры, Дэлевен, — подал голос Поп, заранее зная, какая последует реакция.

— Нет, — покачал головой Джон Дэлевен. — Давайте разобьем ее и забудем об этой безумной ис... — Он осекся. — Чуть не забыл! Мы же собирались посмотреть несколько фотографий под увеличительным стеклом. Я хочу понять, что же висит у собаки на шее. Вроде бы мне эта вещь знакома.

— Мы можем посмотреть и после того, как разобьем камеру, правда? — спросил Кевин. — Не возражаешь, папа?

— Конечно нет.

— Может, потом нам стоит сжечь и фотографии? Печь у меня есть, — вставил Поп Меррилл.

— Я думаю, это блестящая идея! — воскликнул Кевин. — Что скажешь, папа?

— Похоже, миссис Меррилл дураков не рожала.

— Да уж! — Поп самодовольно улыбнулся, укрывшись за клубами табачного дыма. — Нас было пятеро, знаете ли.

К «Империи изобилия» Кевин и его отец шагали под густо-синим небом ясного осеннего дня. Теперь же, в половине пятого, ветром натянуло облака и с минуты на минуту мог пойти дождь. От холодного порыва ветра Кевина пробрала дрожь. Если долго оставаться на улице, можно и замерзнуть. Но таких планов у него не было и в помине. Мать должна прийти через полчаса. Кевин старался предугадать, о чем она спросит, узнав, что отец ушел с ним, и что ответит отец.

Но Кевин отбросил мысли о будущем и вернулся в настоящее. Благо надо закончить одно дело.

В маленьком дворике за домом Кевин поставил «Солнце-660» на колоду для колки дров. Поп Меррилл протянул ему кувалду. Гладкая, заполированная тыся-

чами прикосновений рукоятка, головка ржавая, словно кувалду не раз оставляли под дождем. «Ничего, — думал Кевин, — сойдет и такая. Ржавчина не помешает». Полароидная камера, с разбитыми линзами, дырой и трещиной в корпусе, выглядела хрупкой и совсем не опасной на иззубренной колоде, предназначенной все-таки для того, чтобы на нее ставили ясеневый или кленовый кругляк и разваливали его надвое.

Кевин взялся за рукоятку кувалды, сжал пальцы.

— Ты уверен, сынок, что это надо? — спросил мистер Дэлевен.

— Да.

— Хорошо. — Мистер Дэлевен взглянул на часы. — Приступай.

Поп стоял в стороне, засунув руки в карманы и попыхивая трубкой. Переводил взгляд с отца на сына и молчал.

Кевин поднял кувалду и со всей силы обрушил ее на камеру, как на самого ненавистного врага.

«Слишком сильный замах, — подумал он. — По камере не попаду, но ногу себе сломаю. А «Солнце-660» останется на колоде — жалкий кусок пластмассы, который может расколоть и ребенок. Даже если не жахну себе по ноге. Поп все это увидит. Он ничего не скажет, что тут говорить. Достаточно и взгляда».

Промелькнула и другая мысль: *Не важно, попаду я по камере или нет. Она заколдована, это волшебная камера, мне ее НЕ РАЗБИТЬ. Кувалда просто отлетит от нее, как отлетают пули от груди Супермена.*

Ни о чем больше Кевин подумать не успел: кувалда опустилась точно на полароидную камеру. Он действительно размахнулся слишком сильно, но повезло. И кувалда не отскочила, чтобы треснуть Кевина между глаз и убить его, как часто показывают в «ужастиках».

А вот «Солнце-660» взорвалось. Кусочки черного пластика полетели во все стороны. Прямоугольник с черным квадратом — Кевин понял, что это фотогра-

фия, остававшаяся в кассете, — упал на землю рядом с колодой.

Какое-то мгновение во дворе стояла такая тишина, что они слышали не только шум машин на Главной улице, но и крики детей, играющих в салки на автостоянке за пустующим «Окружным магазином» Уэрделла, который обанкротился два года назад.

— Вот и все, — первым заговорил Поп. — Ты маханул кувалдой, как Пол Буньян, Кевин! Готов поцеловать свинью, если это не так. Оставьте. — Теперь он обращался к мистеру Дэлевену, подбиравшему с земли куски пластика. — Каждую неделю ко мне приходит парень, вроде бы особо и делать тут нечего, но если бы не он... боюсь, двор превратился бы в свалку.

— Тогда пойдем в дом и рассмотрим фотографии под увеличительным стеклом. — Мистер Дэлевен выпрямился, бросил осколки в ржавую бочку, переделанную под мусоросжигательную печь, отряхнул руки.

— Не возражаю, — кивнул Поп.

— А потом сожжем фотографии, — напомнил Кевин. — Не забудьте об этом.

— Я не забыл, — ответил Поп. — Мне тоже кажется, что так будет лучше.

— Господи! — вырвалось у Джона Дэлевена.

Он склонился над увеличительным стеклом. В круге света лежала предпоследняя фотография. Та самая, на которой наиболее отчетливо проявился собачий «ошейник». На последнем снимке собака уже чуть повернула голову.

— Кевин, посмотри сюда. Неужели это то, о чем я думаю?

Кевин взглянул. Хотя заранее знал, что увидит. Должно быть, точно так же смотрел Клайд Томбоу на первую фотографию Плутона. Томбоу знал, что она должна там быть, на это указывали изменения орбит Нептуна и Урана. Однако знать — это одно, а увидеть в первый раз — совсем другое.

Кевин выключил подсветку и вернул фотографию Попу. Повернулся к отцу.

— Да. Это то, о чем ты думаешь. — Голос ровный, бесстрастный.

Поп подождал, а потом, чувствуя, что продолжения не последует, взял инициативу в свои руки.

— Не томи! Что там такое?

Мальчику не хотелось говорить об этом раньше. Не хотелось и теперь. Вроде бы причины молчать не было, но...

Хватит упрямиться, одернул он себя. *Когда требовалась помощь, Поп тебе помог, и какая разница, как он зарабатывает на жизнь. Скажи ему, сожги фотографии и выметайся отсюда, пока эти чертовы часы не начали отбивать пять часов.*

Да. Если он еще *будет* здесь, когда они зазвенят, чаша переполнится. Он просто сойдет с ума, и его, кричащего о живых псах в полароидных мирах и о камерах, которые раз за разом выдают одну и ту же фотографию, отвезут в психушку.

— Полароидную камеру мне подарили на день рождения, — сухо ответил Кевин. — А у пса на шее повязан другой подарок.

Поп медленно поднял очки на лысый череп, воззрился на Кевина.

— Что-то я тебя не понимаю, сынок.

— У меня есть тетя. Вернее, двоюродная бабушка, но нам ее так называть не велено, потому что она не хочет казаться такой старой. Тетя Хильда. Муж тети Хильды оставил ей много денег, мама думает, больше миллиона долларов, но тетя очень прижимистая.

Он замолчал, чтобы отец мог с ним не согласиться, но мистер Дэлевен лишь мрачно усмехнулся и кивнул. Поп Меррилл, который все это знал (мало что в Касл-Роке и окрестных городках ускользало от его внимания), терпеливо ожидал продолжения.

— Каждые три года тетя проводит с нами Рождество, и это единственные дни, когда мы посещаем цер-

ковь, потому что тетя Хильда ходит в церковь. Когда она приезжает, мы едим много брокколи. У моей сестры от брокколи пучит живот, но тетя Хильда обожает брокколи, так что деваться нам некуда. Летом я прочитал книжку «Большие ожидания», в которой одна дама буквально списана с тети Хильды. Она обожала трясти деньгами перед своими родственниками. Звали ее мисс Хэвишем, и когда она говорила: «Лягушка», — люди прыгали. Мы тоже прыгаем, и в этом ничем не отличаемся от остальных родственников.

— В сравнении с твоим дядей Рэнди твоя мать даже не подпрыгивает, — неожиданно вставил мистер Дэлевен; Кевин подумал, что отец шутит, но в голосе слышалась неприкрытая горечь. — Когда тетя Хильда говорит «лягушка» в доме Рэнди, там все взлетают до потолочных балок.

— Так или иначе, — продолжил Кевин, обращаясь к Попу, — на каждый день рождения тетя присылает мне один и тот же подарок. То есть они, может, чем-то и отличаются, но в принципе одинаковые.

— И что она тебе присылает, сынок? — полюбопытствовал Поп.

— Галстук-шнурок. Как тот, какие носили в свое время артисты джаза. Он может отличаться цветом, зажимом, но это всегда галстук-шнурок.

Поп включил свет, схватил увеличительное стекло, прильнул к нему.

— Боже святый! — Он выпрямился. — Галстук-шнурок! Именно так! Почему же я сразу не понял?

— Потому что собакам обычно его не надевают на шею, — ответил Кевин.

Они провели в доме Попа не более сорока пяти минут, но мальчику казалось, что лет пятнадцать. *Главное — камера уничтожена,* вновь и вновь повторял он себе. *Осталась кучка осколков. Нет нужды вспоминать всю королевскую конницу и всю королевскую рать: даже все работники фабрики по производству «полароидов»*

 в Шенектади не смогут собрать эту крошку воедино.

И слава Богу. Кевину вполне хватило того, что было. И в следующий раз он предпочел бы встретиться с чем-то сверхъестественным лишь на девятом десятке жизни. Но никак не раньше.

— И потом, галстук очень маленький, — заметил мистер Дэлевен. — Из коробки Кевин доставал его при мне, и мы все знали, что там лежит. Занимало нас только одно: какой зажим будет в этом году. Мы еще шутили по этому поводу.

— И что на зажиме?

— Птичка, — ответил Кевин. — Я уверен, что дятел. Это мы и видим на шее собаки. Галстук-шнурок с зажимом в виде дятла.

— Господи! — Попу и не надо было скрывать свое изумление.

Мистер Дэлевен резким движением собрал все полароидные снимки.

— Давайте все это сожжем.

Отец и сын добрались до дома в десять минут шестого, когда уже начал накрапывать дождь. «Тойоты» миссис Дэлевен на подъездной дорожке не оказалось: она снова уехала. На столе лежала записка, прижатая солонкой и перечницей. Кевин развернул записку, и из нее выпала десятидолларовая купюра.

Дорогой Кевин!

За бриджем Джейн Дойон пригласила меня и Мег пообедать в «Золотом дне», потому что муж уехал по делам в Питтсбург, а ей не хочется сидеть дома одной. Я, конечно же, согласилась. Ты знаешь, как Мег нравится быть «одной из девочек». И, надеюсь, не будешь возражать против того, чтобы откушать «в гордом одиночестве». Почему бы тебе не заказать пиццу и газировку для себя, а твой отец сам сделает заказ, когда вернется домой. Он не любит разогретую

пиццу, и ты знаешь, что ему захочется запить ее парой банок пива.

Целую, мама.

Они переглянулись, как бы говоря друг другу: *что ж, одной проблемой меньше, не надо ничего объяснять матери.* Очевидно, ни она, ни Мег не заметили, что машина мистера Дэлевена стоит в гараже.

— Ты не хочешь, чтобы я... — Заканчивать фразу ему не пришлось.

— Да, проверь, — кивнул отец.

Кевин взлетел по лестнице, вбежал в свою комнату и бросился к шкафу. В нижнем ящике он держал ненужные вещи, которые не решался выбросить. Дедушкины карманные часы, красивые, массивные... но такие ржавые, что ни один из мастеров Льюистона не брался за их починку. Компанию часам составляли две пары запонок, две запонки-одиночки, плейер, зажевывавший пленку, и, разумеется, тринадцать галстуков-шнурков, которые тетя Хильда присылала ему на тринадцать дней рождения.

Он вытащил их один за другим, пересчитал. Двенадцать вместо тринадцати. Порылся в ящике, пересчитал вновь. Все равно двенадцать.

— Одного нет?

Кевин, сидевший на корточках, вскрикнул и вскочил.

— Извини. — Мистер Дэлевен застыл на пороге. — Не хотел тебя пугать.

— Все нормально. Я просто... нервничаю. Глупо.

— Отнюдь. — Мистер Дэлевен перехватил взгляд сына. — Когда я впервые увидел эту пленку, то перепугался насмерть. Я уже думал, что мне придется открывать рот и кулаком заталкивать желудок обратно.

Кевин с благодарностью смотрел на отца.

— Его там нет, не так ли? — спросил мистер Дэлевен. — Галстука с дятлом?

— Нет.

— Ты держал «Солнце» в этом ящике?

Кевин медленно кивнул.

— Поп... мистер Меррилл... сказал, что камере надо давать отдыхать. И снимки делать по составленному им графику. — Какая-то мысль мелькнула, но тут же исчезла. — Так что я держал ее здесь.

— Сынок...

— Да?

Они встретились взглядом, Кевин неожиданно улыбнулся. Словно луч солнца прорвался сквозь облака.

— Чего улыбаешься? — спросил мистер Дэлевен.

— Вспомнилось, что я при этом чувствовал, — ответил Кевин. — Я так сильно размахнулся кувалдой...

Заулыбался и мистер Дэлевен.

— Я даже испугался, что ты заедешь ею себе по...

— ...а потом *БА-БАХ!*..

— ...и осколки во все стороны.

— *БА-БАХ*, и ее нет! — закончил Кевин.

Они рассмеялись, и Кевин удивился своим ощущениям: он чуть ли не радовался тому, что все это произошло с ним. Чувство безмерного облегчения — что могло быть приятнее!

— Ее нет, — повторил Кевин. — Не так ли?

— Она уничтожена, как Хиросима в тот день, когда на нее сбросили атомную бомбу, — ответил мистер Дэлевен. И тут же добавил: — Разлетелась на мелкие осколки, вот что я хочу сказать.

Кевин посмотрел на отца и расхохотался. Мистер Дэлевен присоединился к сыну. Они заказали пиццу. Когда Мэри и Мег Дэлевен приехали в двадцать минут восьмого, отец и сын все еще смеялись.

— Вижу, вы тут неплохо спелись, — не без удивления отметила миссис Дэлевен: что-то в смехе мужа и сына ей не понравилось: примерно так же смеялись люди, чудом избежавшие автоаварии. — Не хотите пригласить в свою компанию дам?

— Холостяки тоже могут хорошо проводить время, — ответил мистер Дэлевен.

— Очень даже хорошо, — поддакнул Кевин.

— Вот что мы хотели сказать, — подвел итог его отец.

Они переглянулись и снова зашлись смехом. Мег, в полном недоумении, посмотрела на мать.

— Мама, почему они так странно ведут себя?

— Потому что у них обоих есть пенисы, дорогая, — ответила миссис Дэлевен. — Повесь в шкаф свое пальто.

Поп Меррилл проводил Дэлевенов и запер за ними дверь. Выключил все лампы, кроме той, что висела над верстаком, открыл ключом тумбу-сейф и, достав «Солнце-660», пристально всмотрелся в него. Полароидная камера пугала и Джона Дэлевена, и Кевина Дэлевена — в этом у Попа сомнений не было. Камера пугала и его. Попа Меррилла. Но положить на колоду и расшибить в лепешку? Это чистое безумие.

Есть же способ заработать на этой камере.

Наверняка есть.

Поп вернул камеру на место. Пусть полежит, а утром он придумает, что делать с этой странной штукой. Собственно, у Попа уже была чертовски хорошая идея.

Он выпрямился, выключил свет и в темноте без труда нашел путь к лестнице. Но, поднявшись на несколько ступеней, вдруг остановился.

Его охватило желание, необычайно сильное желание вернуться и снова посмотреть на камеру.

Ради чего? Кассет у него не было... да и не хотелось ею фотографировать. Если у кого-то возникнет желание сделать несколько снимков, чтобы понаблюдать за телодвижениями пса, то, пожалуйста, камера продается. Только плати. Он же, Поп Меррилл, скорее согласится войти в клетку со львами. Даже без кнута.

Однако...

— Пусть лежит, — вырвалось у старика, и звук собственного голоса заставил его вздрогнуть.

Поп больше ни разу не остановился, поднимаясь к себе в квартиру.

Глава 7

Под утро Кевину Дэлевену приснился кошмар. Такой жуткий, что, проснувшись, он мог вспомнить лишь отдельные его части, словно отрывки мелодии, вырывающиеся из поврежденного динамика.

Он вошел в ничем не примечательный маленький городок. С рюкзаком на спине. Назывался городок Оутли, и почему-то Кевин думал, что находится он в Вермонте или северной части штата Нью-Йорк. «Вы знаете кого-нибудь в Оутли?» — спросил он старика, который толкал перед собой тележку с каким-то хламом. Кевин сразу понял, что этот старик — бродяга. «Убирайся! — завопил старик. — Убирайся! Вор! Мерзкий вор! Мерзкий вор!»

Кевин перебежал на другую сторону улицы, испуганный скорее воплями старика, а не тем, что кто-то может принять его за вора. А бродяга кричал ему вслед: «Это не Оутли! Это Хильдасвилл! Убирайся из города, мерзкий вор!»

И тут до Кевина дошло, что это не Оутли, не Хильдасвилл или какой-то другой город с нормальным названием. Но разве может совершенно ненормальный город иметь нормальное название?

Все улицы, дома, автомобили, знаки, редкие прохожие имели два измерения. Высоту, длину... но не глубину. Навстречу шла женщина, похожая на учительницу бальных танцев Мег, только потяжелевшую на сто пятьдесят фунтов. В розовых брючках. Как и бродяга, она катила перед собой тележку. Одно колесо скрипело. В тележку были свалены полароидные камеры «Солнце-660». Женщина подозрительно поглядывала на Кевина, а когда они поравнялись, исчезла. Тень осталась, поскрипывание колеса осталось, а самой женщины будто и не было. Потом она появилась вновь, оглянулась, на плоском лице застыла подозрительность. Тут Кевин понял, почему женщина

исчезала: в плоском мире не существовало «бокового зрения», не могло существовать.

Это Полароидсвилл, подумал он и с облегчением, и с ужасом. *Значит, все это только снится.*

Потом он увидел забор из белого штакетника, пса и стоящего в ливневой канаве фотографа. С очками, поднятыми на лысый череп. Попа Меррилла.

Что ж, сынок, вот ты его и нашел, — изрек двухмерный полароидный Поп, не отрывая глаза от видоискателя. — *Собака здесь, прямо перед тобой. Та самая, что вырвалась из игрушки, сработанной в Шенектади. ТВОЯ собака, вот что я хочу сказать.*

И тут Кевин проснулся, в своей постели, испугавшись, что кричал во сне, а еще больше того, что вдруг это вовсе и не сон.

Однако все *вокруг* него, все имело три измерения.

Он вернулся в свой мир. Но что-то его все равно тревожило.

Глупый сон, подумал Кевин. *Почему ты пришел ко мне? Все же кончено. Фотографии сожжены, все пятьдесят восемь. И камера раз...*

Мысль оборвалась, потому что вновь возникло ощущение, будто что-то не так.

Это еще не конец. Не к...

Додумать Кевин не успел, потому что крепко заснул. А наутро помнил лишь обрывки кошмара.

Глава 8

Это время — две недели после приобретения полароидной камеры «Солнце-660» — стало, пожалуй, самым неприятным и *унизительным* периодом в жизни Попа Меррилла. Многие в Касл-Роке сказали бы, что так ему и надо. Только в Касл-Роке об этом никто не узнал... да и мнение жителей городка нисколько не интересовало Попа. Ему было на них наплевать.

838 Но кто бы мог поверить, что Спятившие так подведут его? Поневоле задумаешься, а не теряешь ли ты хватку.

Не дай Бог.

Глава 9

В сентябре у Попа не возникало сомнений, что он сможет продать полароидную камеру. Его занимало другое: как скоро и за сколько.

Дэлевены что-то говорили про сверхъестественность, и Поп не стал их поправлять, хотя и знал, что «Солнце-660», по классификации пси-инвестигейтеров, относится к разряду паранормальных явлений, а не сверхъестественных. Если бы Меррилл сказал им об этом, то Дэлевены могли задуматься: «А почему, собственно, владелец маленького магазинчика подержанных вещей так хорошо знаком со столь специфической терминологией?» А Поп действительно хорошо знал и терминологию, и весь предмет, потому что это знание приносило большую прибыль: он очень неплохо зарабатывал на группе людей, которых ласково звал «мои Спятившие».

Именно Спятившие прослушивали пустые комнаты с помощью дорогой звукозаписывающей аппаратуры, потому что свято верили в невидимый мир и хотели доказать его существование. Или так же упорно стремились пообщаться с друзьями или родственниками, которые покинули этот мир (они говорили только так: «покинули», поскольку друзья и родственники Спятивших никогда не могли бы просто «умереть»).

Спятившие не только владели и пользовались ведьминими досками, они регулярно разговаривали с «проводниками» в «ином мире» (не небеса, не ад — только «иной мир»), которые связывали их с друзьями, родственниками, королевами, умершими рок-звездами,

даже с архизлодеями. Поп знал одного Спятившего из Вермонта, который дважды в неделю беседовал с Гитлером. Гитлер много чего понарассказывал. Оказывается, он предлагал заключить мир в январе 1943 года, но сукин сын Черчилль отверг его предложение. Гитлер также сказал Спятившему, что Пол Ньюмен — инопланетянин, родившийся в пещере на Луне.

Спятившие так же регулярно собирались на сеансы, как наркоманы посещали своих пушеров. Они покупали хрустальные шары и амулеты, которые гарантированно приносили счастье, они организовывали общества и занимались изучением домов, в которых обитали привидения. Они фиксировали все постукивания, перемещения по воздуху столов и стульев и, разумеется, появление призраков. По дотошности и терпению с ними могли сравниться только орнитологи.

Большинство из Спятивших черпали в своем занятии положительные эмоции. Некоторым не везло. К примеру, одному господину из Уолфборо. Он повесился в знаменитом Текамсе-Хаузе, где в восьмидесятых и девяностых годах прошлого столетия хозяин днем кормил бродяг, а по ночам закусывал кем-то из них в подвале своего дома. Кости бросал на пол. Он убил и съел, по разным подсчетам, от двенадцати до тридцати пяти человек. Этот господин из Уолфборо оставил записку, которую положил на свою ведьмину доску: «Не могу выйти из дома. Все двери заперты. Я слышу, как он ест. Испробовал все средства. Ничего не помогает».

«И ведь бедняга действительно думал, что слышит», — сказал себе Поп, узнав эту историю от человека, которому верил.

Был еще господин из Данвича, штат Массачусетс, которому Поп однажды продал «горн духов». Этот господин отправился с рупором на кладбище. Что он там делал, осталось загадкой, потому что последние шесть лет этот господин провел в камере для буйнопомешанных в Аркхэме. На кладбище он уходил черноволосым.

Утром его нашли кричащим от страха и седым как лунь.

Одна женщина в Портленде потеряла глаз во время сеанса с ведьминой доской. Мужчина в Кингстоне, штат Род-Айленд, потерял три пальца на правой руке, когда неожиданно захлопнулась задняя дверца автомобиля, в котором двое подростков покончили с собой. Старушка оказалась в Массачусетской мемориальной больнице после того, как во время спиритического сеанса взбесившаяся кошка, Клодетт, откусила хозяйке ухо.

Во что-то Поп верил, во что-то — нет. Духи, сеансы, хрустальные шары, горны духов — ему все это было до лампочки. С точки зрения Реджинальда Попа Меррилла, все Спятившие могли бы провалиться в тартарары или улететь на Луну.

Но, разумеется, после того, как один из них выложит энное количество хрустящих купюр за камеру Кевина Дэлевена.

Поп называл этих фанатиков Спятившими потому, что большинство из них (иногда ему так и хотелось сказать — все) вышли на пенсию, купались в деньгах и просто умоляли, чтобы им пощипали перышки. Если ты соглашался потратить пятнадцать минут, кивая и поддакивая заверениям в том, с какой легкостью они могут отличить настоящего медиума от самозванца, если ты соглашался те же четверть часа слушать какие-то малопонятные звуки, доносящиеся из динамиков магнитофона, изображая на лице благоговейный восторг, тогда ты без труда мог впарить им за сто долларов пресс-папье стоимостью в четыре доллара, рассказав, что какой-то мужчина увидел в нем свою умершую мать. Стоило только улыбнуться, и они выписывали тебе чек на двести долларов. Стоило только сказать доброе слово, и они выписывали чек на две тысячи долларов. А если улыбку сопровождало слово, они просто протягивали тебе чековую книжку и просили написать требуемую сумму.

Поп всегда с легкостью обводил Спятивших вокруг пальца.

Но с камерой Кевина вышла осечка.

Поп не держал в кабинете картотечного ящичка с маркировкой «Спятившие». Не было у него ящичков «Нумизматы» и «Филателисты». И картотеки не было. В лучшем случае на ее роль претендовала старая записная книжка, которую Поп постоянно носил в заднем кармане брюк и которая, как и бумажник, в конце концов приняла форму его ягодицы. Свои архивы Поп держал там же, где и все подобные специалисты: в голове. Ему приходилось иметь дело с восемью Спятившими. Самым богатым из них был удалившийся от дел промышленник по фамилии Маккарти.

Этот миллионер жил на собственном острове в двенадцати милях от побережья. Он не доверял лодкам, катерам или яхтам, а потому нанял пилота, который при необходимости доставлял его на материк и обратно.

Поп поехал к мистеру Маккарти 28 сентября, через день после того, как приобрел камеру у Кевина (он, конечно, не расценивал сие деяние как ограбление: мальчик в конце концов собирался разнести камеру вдребезги, так что лично Поп ни в чем не ущемил права Кевина). До частной взлетно-посадочной полосы к северу от Бутбей-Харбора Поп добрался на своем стареньком, но отлично работающем автомобиле. Потом, сцепив зубы, прищурив глаза, ухватившись за стальной ящик, в котором лежала полароидная камера «Солнце-660», и сжавшись в комок, он со страхом ждал того момента, когда «бичкрафт» Спятившего, попрыгав по кочкам земляной взлетной полосы, поднимется в воздух. А потом думал только о том, что они вот-вот рухнут вниз. Это путешествие он уже проделывал дважды и каждый раз клялся себе, что больше на такое не отважится.

Вскоре они уже летели над Атлантическим океаном, от поверхности которого их отделяли какие-то

пятьсот футов. Пилот трещал без умолку. Поп кивал и изредка поддакивал, но мысли его были заняты совсем другим.

Наконец впереди показался остров с коротенькой посадочной полосой и просторным особняком, сложенным из блоков известняка и бревен. Пилот бросил «бичкрафт» вниз, оставив желудок Попа трепыхаться в воздухе над ними. Они крепко ударились о землю, но самолет, к изумлению Попа, не развалился, а покатился вперед и замер, не доехав до края полосы.

Убедившись, что остался жив и невредим, Поп прежде всего подумал о том, что Бог — еще одна выдумка Спятивших... по крайней мере на время перелетов в этом ужасном летающем гробу.

— Отличный день для полета, не так ли, мистер Меррилл? — спросил пилот, откидывая трап.

— Лучше не бывает, — буркнул Поп и поспешил к дому, в дверях которого, широко улыбаясь, уже стоял *его* Спятивший.

Поп пообещал показать «самую удивительную вещь, которую ему довелось видеть», и Седрик Маккарти сгорал от нетерпения. «Ему достаточно одного взгляда, чтобы ухватить наживку», — решил Поп. Однако сорок пять минут спустя он возвращался на материк, не замечая тряски и воздушных ям, в которые то и дело нырял «бичкрафт». Мысли Попа были о...

Он нацелил полароидную камеру на Спятившего и сфотографировал его. В ожидании, пока проявится первая фотография, Спятивший сфотографировал Попа... и когда полыхнула вспышка, не услышал ли Поп Меррилл чего? Не услышал ли он низкого, приглушенного рычания черного пса? Или причиной всему — старческое разыгравшееся воображение?

Однако...

Седрик Маккарти, удалившийся от дел промышленник, а теперь номер один в списке Спятивших, с детским любопытством наблюдал за процессом проявления, а когда наконец изображения стали четкими,

на его лице отразились недоумение и даже презрение. И безошибочная интуиция Попа, отточенная пятьюдесятью годами уговоров, мягкого убеждения, намеков на наличие другого жаждущего покупателя, подсказала, что его обычно надежные методы на этот раз не сработают. В мозгу Седрика Маккарти вспыхнул большой оранжевый трафарет: НЕ ПОКУПАТЬ.

Но почему? Черт побери, *почему?*

На фотографии, сделанной Попом, белый блеск, подмеченный Кевином, превратился в зуб. Только не в зуб, а в клык. На фотографии, сделанной Маккарти, появились и соседние клыки.

«У этой чертовой собаки не пасть, а медвежий капкан», — подумал Поп. Перед мысленным взором возникла своя же рука, попавшая в эту пасть. Собака не кусала руку, не вцепилась в нее мертвой хваткой, а просто отхватила, как отхватывает двуручная пила тонкую ветку. А если собака вцепится ему в пах? Если...

Но Маккарти что-то сказал и ждал ответа. Поп посмотрел на потенциального клиента, и последняя надежда на успешное завершение сделки растаяла как дым.

Спятивший, который мог провести с тобой весь день, пытаясь вызвать дух твоего дорогого, безвременно ушедшего дяди Неда, исчез. Его место занял другой Седрик Маккарти: трезво мыслящий реалист, который двенадцать лет подряд входил в публикуемый журналом «Судьба» список самых богатых людей Америки. И не потому, что ему досталось приличное наследство, которое он не растратил, а приумножил: Маккарти был гением прикладной аэродинамики и с большим успехом реализовывал свои знания на практике. Конечно, по богатству он не мог сравниться с Говардом Хьюзом, но в конце жизни и не обезумел, как Хьюз. Правда, если речь шла о пси-феномене, Маккарти тут же становился Спятившим. Вне этой области он был акулой, рядом с которой Поп Меррилл выглядел жал-

ким карасем, лениво плавающим в мутном пруду.

— Извините. Немного отвлекся, мистер Маккарти.

— Я сказал, что это весьма занимательно. Особенно если учесть, что снимки чуть разнесены во времени. Как это делается? Камера в камере?

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Нет, не камера. — Маккарти, рассуждая сам с собой, взял «Солнце-660» и потряс у уха. — Скорее какой-то лентопротяжный механизм.

Поп смотрел на Маккарти, действительно не понимая, о чем тот ведет речь... только видел, что трафарет «НЕ ПОКУПАТЬ» все еще стоит перед глазами его Спятившего. Вынести эту чертову тряску в самолете (а ведь скоро лететь назад), и все зря. Но почему? *Почему?* Он-то был убежден, что клиент купит, на все сто процентов. Маккарти поверил бы Попу, скажи он, что Бруклинский мост — спектральная иллюзия из «потустороннего мира». Так *почему?*

— Пазы, ну конечно! — радостно воскликнул Маккарти. — *Пазы!* Кольцевой конвейер на блоках с встроенными пазами. В каждом пазе полароидная фотография этого пса. Временной разрыв предполагает... — он еще раз внимательно рассмотрел фотографии, — ...да, собаку могли снять на пленку, а затем каждый кадр перенести на отдельную полароидную фотографию. Когда нажатием кнопки высвобождается затвор объектива, снимок вываливается из паза и появляется в щели. Затем батарейка поворачивает несущую ленту на один шаг, устанавливая следующий паз напротив щели... и voilà!

Улыбка сползла с лица Маккарти, и мистер Умелец внезапно увидел человека, который, возможно, шел к богатству по трупам своих конкурентов... причем миллионеру это нравилось.

— Джо доставит вас обратно на материк. — Ледяной, безразличный голос. — Получилось у вас неплохо, мистер Меррилл... — И Поп вдруг понял, что этот че-

ловек больше никогда не назовет его просто по имени. — На этот раз вы перегнули палку, хотя уже давно дурачили меня. На сколько вы меня надули? Все остальное, что вы мне продали, такая же дрянь?

— Я не надул вас ни на цент. — Что-что, а лгать Поп умел. — Я не продал вам ни одной подделки и сейчас абсолютно уверен в том, что это действительно необычная камера.

— Меня от вас тошнит. — Маккарти брезгливо поморщился. — Не потому, что я вам доверял, я доверял и другим мошенникам и лжецам. Не потому, что вы брали мои деньги. Слава Богу, их у меня предостаточно. Тошнит меня потому, что *такие люди, как вы,* в темные века пытались научными методами объяснить пси-феномены. А привело это к тому, что теперь над теми, кто занимается этим серьезно, смеются и считают их чокнутыми. Утешает только одно: такие, как вы, рано или поздно совершают роковую ошибку. Вас обуревает жадность, и вы пытаетесь продать даже такую вот нелепицу, как эта камера. Я хочу, чтобы вы покинули мой остров, мистер Меррилл.

Поп сунул трубку в рот, дрожащей рукой достал спичку. И тут же палец Маккарти ткнулся ему в грудь. Глаза Спятившего горели ледяной яростью.

— Если вы разожжете эту гадость, я прикажу Джо вынуть ее у вас изо рта и высыпать угли в ваши штаны. Поэтому, если не хотите покинуть мой дом с поджаренной задницей, я бы рекомендовал...

— Что вы такое говорите, мистер Маккарти? — заблеял Поп. — Эти фотографии выскочили из камеры непроявленными. *Проявление шло у вас на глазах!*

— Такую эмульсию может составить любой ребенок с помощью набора химических реагентов стоимостью в двенадцать долларов, — холодно ответил Маккарти. — Это не тот состав, который использует фирма «Полароид», но достаточно близкий. Ты экспонируешь полароидные фотографии или изготавливаешь из кадров кинопленки, затем в обычной фотолаборато-

рии покрываешь своей эмульсией. Выскакивая из камеры, они выглядят как любая непроявленная полароидная фотография. Серый квадрат в белой рамке. На свету эмульсия домашнего приготовления претерпевает химические изменения и становится прозрачной или испаряется, открывая картинку, сделанную заранее. Джо?!

Прежде чем Поп успел произнести хоть слово, сильные руки подхватили его и вынесли из гостиной. Впрочем, он и не хотел ничего говорить. Среди всего прочего хороший бизнесмен должен знать, когда проиграл. Хотя старику и хотелось крикнуть: «Когда какая-то крашеная дура с хрустальным шаром, заказанным в журнале «Судьба», заставляет летать книгу, лампу или нотный лист по темной комнате, вы млеете от восторга, а когда я показываю вам камеру, которая выплевывает фотографии из *другого мира*, вы вышвыриваете меня за дверь! Вы просто спятили, в этом нет ни малейшего сомнения. Ну и черт с вами! В море есть и другая рыбка!»

Насчет другой рыбки Поп не ошибся.

5 октября он сел в свой автомобиль и поехал в Портленд навестить Сестер-Вонючек.

Так он называл двух однояйцевых близняшек, которые жили в Портленде. Лет восьмидесяти, выглядели они старше Стоунхенджа. Обе непрерывно курили «Кэмел», с семнадцати лет, о чем с радостью сообщали всем своим знакомым. И никогда не кашляли, хотя на двоих выкуривали в день шесть пачек. Изредка покидая особняк из красного кирпича, они выезжали в свет на «линкольне-континентале» выпуска 1958 года, который очень смахивал на катафалк.

За рулем лимузина сидела чернокожая женщина, ненамного моложе Сестер-Вонючек. Женщина-шофер то ли была глухонемой, то ли обладала талантом, дарованным Богом только избранным: молчаливостью. Точного ответа Поп так и не узнал. У старушек она

работала добрых тридцать лет: управляла их автомобилем, что-то стирала, косила траву на лужайке, подстригала зеленые изгороди, иногда относила к почтовому ящику письма, написанные Сестрами-Вонючками бог знает кому. (Поп не знал, допускают ли чернокожую женщину в дом, потому что никогда не видел ее там и за все это время ни разу не слышал, чтобы это удивительное создание произнесло хоть слово.)

Особняк красного кирпича располагался в районе Брэм-Холл, который в Портленде играл ту же роль, что Бикон-Хилл в Бостоне. В последнем, как известно, Кэботы говорили только с Лоуэллами, а те — лишь с Господом Богом, но Сестры-Вонючки и их немногочисленные сверстники твердо знали, что Лоуэллы «бросили» себе отводку через несколько лет после того, как Диры и их портлендские одногодки провели в городке основную линию связи.

Разумеется, ни один человек в здравом уме не назвал бы старушек Сестрами-Вонючками, глядя в их одинаковые сморщенные личики. Лишь в той компании, где отсутствовали болтуны и сплетники, они становились Сестрами-Вонючками. Звали же их мисс Элиусиппус Дир и миссис Мелиусиппус Веррилл. Их отец, дабы продемонстрировать, что он не только истовый христианин, но и человек незаурядной эрудиции, назвал дочерей именами двух из трех близнецов, которые стали святыми... только все трое были мужчинами.

Муж Мелиусиппус умер давным-давно, в сорок четвертом году, во время морского сражения в заливе Лейте, но она оставила себе его фамилию, задав этим всем друзьям и знакомым нелегкую задачу: определять, кто из сестер мисс Дир, а кто — миссис Веррилл. Впрочем, старушки предпочитали, чтобы их называли не по фамилиям, а по именам. Причем имена эти должны были слетать с языка так же легко, как дерьмо вылетает из смазанной вазелином задницы. Стоило ошибиться раз, они дергали носиком, и на шесть месяцев такой

человек впадал в немилость. После повторной ошибки этого человека в красный особняк больше не допускали.

По пути Поп постоянно повторял про себя их имена: «Элиусиппус. Мелиусиппус. Элиусиппус и Мелиусиппус. Да. Все так». Камера, уложенная в стальную коробку, покоилась на сиденье рядом.

Как выяснилось чуть позже, ему повезло лишь в том, что при обращении к Сестрам-Вонючкам он не допустил ни единой ошибки. Остальное пошло наперекосяк. Желания приобрести камеру у них оказалось не больше, чем у мистера Маккарти... хотя Поп, потрясенный до глубины души встречей с промышленником, с самого начала намеревался снизить цену на десять тысяч долларов, то есть запросить всего лишь пятьдесят процентов от суммы, которую поначалу надеялся выручить за камеру.

Пожилая чернокожая женщина собирала граблями листву, обнажая, несмотря на октябрь, зелененький, как сукно бильярдного стола, газон. Поп ей кивнул. Она посмотрела на гостя, *сквозь* него, и продолжила свое занятие. Поп нажал кнопку звонка, и в глубинах дома что-то звякнуло. Особняк, в котором проживали Сестры-Вонючки, уступал многим старым домам Брэм-Холла, но все равно производил впечатление. Возможно, своей мрачностью. Звон, казалось, плыл по комнатам и коридорам, вызвав у Попа неожиданную ассоциацию: телега, собирающая мертвецов, медленно катится по улицам охваченного чумой Лондона, и возница бьет в колокол и кричит: «Выносите мертвых из домов! Выносите мертвых из домов! Ради всего святого, выносите мертвых из домов!»

Сестра-Вонючка, открывшая дверь через сорок секунд, казалась не только мертвой, но и набальзамированной: мумия, в рот которой кто-то ради шутки сунул дымящийся «бычок».

— Меррилл. — Темно-синее платье, подсиненные волосы.

Слово это она произнесла тоном, каким великосветской даме положено говорить с торговцем, который забрел в их дом по ошибке. Но Поп видел, что ее, как и этого сукина сына Маккарти, разбирает любопытство. Просто Сестры-Вонючки родились в Мэне, выросли в Мэне и намеревались умереть в Мэне, тогда как Маккарти приехал откуда-то со Среднего Запада, где не учили с детства умению не сказать лишнего слова.

Тень мелькнула в дальнем конце холла. Вторая сестра. Да, уж очень им хочется знать, чего это мистер Меррилл к ним приехал! У Попа даже появилась надежда слупить с них двенадцать тысяч. А может, и все четырнадцать.

Поп знал, что он может спросить: «Имею я честь говорить с мисс Дир или с миссис Веррилл?» Вежливо, корректно. Но, уже имея дело с этими мешками костей, Поп знал, что Сестра-Вонючка, открывшая дверь, ничем не выразит своего неудовольствия, однако на сделке он потеряет никак не меньше тысячи долларов. Они очень гордились своими экзотическими мужскими именами и проявляли большую благосклонность к тому, кто пытался произнести их правильно, чем к трусу, избирающему более легкий путь.

Поэтому, мысленно помолившись Господу, дабы тот не дал языку подвести его. Поп с головой бросился в омут: «Вы Элиусиппус или Мелиусиппус?» Выражение его лица однозначно говорило о том, что ему все одно: Элиусиппус и Мелиусиппус или Джоан и Кейт.

— Мелиусиппус, *мистер* Меррилл. — Столь быстрый переход от «Меррилла» к «мистеру Мерриллу» совсем убедил Попа, что все пройдет гладко. — Не соблаговолите войти?

— Премного вам благодарен. — И Поп вошел в мрачные глубины особняка Диров.

— *О Боже!* — вырвалось у Элиусиппус Дир, когда полароидная фотография начала проявляться.

— Какой же он *страшный!* — добавила Мелиусиппус Веррилл с нескрываемыми отвращением и страхом.

Пес становился все ужаснее. Поп не мог этого не признать. Заметил он и кое-что еще: время в полароидном мире ускорило свой ход.

Поп усадил Сестер-Вонючек на софе для демонстрационного снимка. Яркая вспышка на мгновение осветила комнату, превратив ее в связующее звено между миром живых и миром мертвых, в последнем из которых существовали два этих реликта.

Только на фотографии, выползшей из щели, проявилось изображение не Сестер-Вонючек, застывших бок о бок на софе, а черного пса, полностью повернувшегося мордой к камере и невидимому фотографу, который продолжал снимать это чудовище. Теперь уже все зубы попали в кадр, пес чуть наклонил голову. «И будет пригибать еще ниже во время прыжка, — подумал Поп, — преследуя две цели: прикрыть уязвимое место на шее и занять наилучшую позицию для того, чтобы безошибочно вгрызться в жертву и вырвать из нее основательный клок плоти и костей».

— Как это *ужасно!* — Элиусиппус поднесла мумифицированную руку к своему горлу.

— *До неприличия!* — эхом откликнулась Мелиусиппус, зажигая новую сигарету от окурка: рука ее так дрожала, что она едва не прижгла уголок рта.

— И абсолютно НЕ-ОБЪ-ЯС-НИ-МО! — торжествующе добавил Поп, думая: «Жаль, что тебя здесь нет, Маккарти, говнюк ты эдакий. А так хочется, чтобы был! Вот две дамы, которые много чего повидали, не думают, что эта камера — жалкая подделка».

— Она показывает то, что уже случилось? — прошептала Мелиусиппус.

— Или то, что *должно* случиться? — спросила Элиусиппус тем же благоговейным шепотом.

— Не знаю, — ответил Поп. — Наверняка я могу сказать только одно: мне довелось много чего повидать, но такое я вижу впервые.

— Меня это не удивляет! — воскликнула Элиусиппус.

— Меня тоже! — не отстала от нее Мелиусиппус.

Поп чувствовал, что разговор вот-вот зайдет о цене, а это вопрос деликатный для всех, особенно для Сестер-Вонючек. Когда дело доходило до торговли, они требовали чрезвычайно нежного обхождения, словно две девственницы (впрочем, Поп полагал, что по крайней мере одна в таком состоянии и пребывала). Он уже собирался произнести ключевые слова: «У меня и в мыслях не было продать вам эту камеру, но...» (трюк, конечно, старый как мир, но всегда срабатывающий со Спятившими. Им *нравилось слышать такие слова, как* маленьким детям нравится слушать одни и те же сказки). Но не успел, так как заговорила Элиусиппус:

— Я, конечно, не могу выражать мнение моей сестры, мистер Меррилл, но мне будет как-то не по себе, если вы... — пауза, — будете показывать нам то, что привезли с собой, предварительно не убрав с наших глаз эту камеру... или как там называется эта жуткая штука. Если вас не затруднит, унесите ее обратно в машину.

— Абсолютно с тобой согласна. — Мелиусиппус затушила наполовину выкуренную сигарету в пепельнице, напоминающей рыбу.

— Фотографии *призраков* — это одно, — продолжила Элиусиппус. — В них есть определенная...

— *Величественность*, — вставила Мелиусиппус.

— Да! Величественность! Но этот *пес*... — Старушку даже передернуло. — Он словно готов выпрыгнуть из фотографии и *укусить* кого-то из нас.

— Нас *всех*, — поправила сестру Мелиусиппус.

До последних фраз Поп уже подумал, что сестры сделали первый ход в тонкой игре, итогом которой станет цена покупки. Да только одинаковый тон, их одинаковые голоса, неотличимые, как фигуры и лица, го-

ворили об обратном. Камера «Солнце-660» — паранормальная, тут сомнений у них не было, но *слишком* паранормальная для их восприятия. Они не торговались. Сестры-Вонючки не притворялись, не вели сложную игру, чтобы сбросить цену. Когда старушки говорили, что им не нужна камера, производящая на свет Божий такие странные фотографии, сие именно это и означало. И уж естественно, они не хотели верить, что Меррилл намеревался продать им эту камеру и только ради этого приехал.

Поп оглядел гостиную. Совсем как комната старухи в «ужастике», который он однажды смотрел по видео, жуткое барахло под названием «Сожженные подношения», в котором здоровяк средних лет пытался утопить сына в плавательном бассейне, причем оба полезли в воду одетыми. Комната героини была набита фотографиями. Они стояли на столах и каминной доске в разнообразных рамочках, они покрывали стены так плотно, что из-под них едва проглядывали обои.

О гостиной Сестер-Вонючек он такого сказать не мог, но фотографий хватало и здесь. Число их едва ли превышало сто пятьдесят, но в маленькой и темной комнате казалось, что их в три раза больше. Некоторые Поп видел лишь мельком, другие знал лучше, потому что сам же и продал их Сестрам-Вонючкам.

Всего «фотографий призраков», как называла их Элиусиппус, в коллекции сестер было гораздо больше: никак не меньше тысячи. И разместили их в остальных четырнадцати комнатах особняка. Поп видел их все. Он относился к тем нескольким счастливчикам, кому Сестры-Вонючки показали всю экспозицию. Но в гостиной они держали самые ценные фотографии.

Жемчужина коллекции стояла в гордом одиночестве на «стенвее» под высокими окнами. На ней труп левитировал в присутствии пятидесяти или шестидесяти обалдевших от ужаса родственников и друзей, пришедших, чтобы проводить покойного в последний путь. Разумеется, это была подделка. Любой десятилет-

ний ребенок, нет, даже восьмилетний, сразу бы понял, что это подделка. В сравнении с ней фотографии танцующих эльфов, которые так удивили Артура Конан-Дойла в конце его жизни, казались шедевром. В общем, оглядывая гостиную, Поп отметил только две фотографии, которые не попадали в категорию откровенных подделок. Требовалось более тщательное исследование, чтобы определить, как их сработали.

Однако эти две древние старушенции, которые собирали «фотографии призраков» всю жизнь и объявили, что являются ведущими экспертами в этой области, сейчас — когда он показал им не просто паранормальную *фотографию*, но паранормальную *камеру*, которая не ломалась после хитрого фокуса, как та, что «сфотографировала» женщину-призрак, наблюдающую за охотниками на лис, — они повели себя как девочки-школьницы на фильме ужасов. Эта камера могла *фотографировать* и *фотографировать*. Интересно, сколько денег они потратили на эти *подделки?* Тысячи долларов? Десятки тысяч? *Сотни...*

— ...показать нам? — спросила Мелиусиппус.

Поп Меррилл заставил свои губы разойтись в улыбке.

— Покорно прошу меня извинить. Засмотрелся на ваши сокровища, вот мои мысли и пошли гулять сами по себе. Наверное, такое может случиться с каждым из нас.

— Нам по восемьдесят три года, но мысли *у нас* не «гуляют», а разум *у нас* чист как стеклышко, — с явным неодобрением ответила Элиусиппус.

— Свежевымытое стеклышко, — добавила Мелиусиппус. — Я спросила, не хотели бы вы показать нам новые фотографии... разумеется, после того, как унесете отсюда эту ужасную штуку.

— Уж не помню, когда мы видели действительно хорошие новые фотографии. — Элиусиппус закурила очередную сигарету.

— Прошлым месяцем мы ездили в Провиденс, на конгресс паранормальных явлений, — начала Мелиусиппус, — и хотя лекции нам понравились...

— ...мы узнали много интересного...

— ...среди фотографий *преобладали* подделки. Даже десятилетний ребенок...

— *...семилетний!..*

— ...понял бы, что это подделка. Вот мы и... — Мелиусиппус запнулась, на ее лице отразилась обида. — Я удивлена, мистер Меррилл. Должна признаться, мистер Меррилл, я даже озадачена.

— И я хотела сказать то же самое, — поддакнула Элиусиппус.

— Почему вы принесли эту ужасную вещь? — дуэтом спросили Мелиусиппус и Элиусиппус.

У Попа возникло такое сильное желание ответить: «Потому что я не знал, какие вы трусливые сучки», — что на какое-то мгновение он даже решил, будто озвучил эту фразу, и застыл в ожидании истошных криков.

Мысль о том, что ужасные слова произнесены, прожила, может, доли секунды. Но потом, когда Поп у себя дома лежал без сна среди десятка тикающих и такающих часов, он часто жалел, что Сестры-Вонючки не услышали и этого, и многого другого.

Разумеется, инстинкт самосохранения не позволил ему раскрыть рта. Да, Поп Меррилл получил бы безмерное удовлетворение, поставив Сестер-Вонючек на место, но удовлетворение это длилось бы очень недолго. А вот если бы погладил их по шерстке, чего, собственно, они и ожидали, потому что всю жизнь этих миллионерш гладили по шерстке и облизывали, у него оставалась бы возможность и дальше всучивать им «фотографии призраков», зарабатывая на этом немалые деньги. Потому как ему не верилось, что в ближайшие годы старухи умрут от рака легких или еще от какой болезни.

В конце концов, в списке были и другие Спятившие, хотя список этот, который Поп освежил в памяти после злополучного посещения Седрика Маккарти, стал намного короче. Двое умерли, а еще один учился плести корзины в роскошной частной психиатрической клинике, куда принимали только баснословно богатых и безнадежно безумных.

— Вообще-то я привез камеру, просто чтобы вы смогли взглянуть на нее. Что я хочу сказать, — торопливо добавил он, увидев, что сестры разом подобрались, — мне же известно, сколь сведущи вы в этой области.

Сестрички мгновенно расцвели, обменялись самодовольными взглядами. Попу очень хотелось смочить пару пачек сигарет бензином, засунуть в их тощие старческие задницы и чиркнуть спичкой. «Вот тогда бы вы задымили. Задымили, как заводские трубы» — вот что он хотел сказать.

— Я думал, что вы посоветуете мне, как быть с этой камерой. вот что я хочу сказать, — закончил он комплимент.

— Уничтожьте ее, — без запинки ответила Элиусиппус.

— Я бы воспользовалась динамитом, — добавила Мелиусиппус.

— Сначала кислотой, *потом* динамитом, — уточнила Элиусиппус.

— Точно, — кивнула Мелиусиппус. — Камера опасна. Не нужно даже смотреть на этого дьявольского пса, дабы понять что к чему.

Однако она посмотрела. Обе они посмотрели. И у обеих лица перекосило от страха и отвращения.

— Я просто чувствую исходящее от нее *зло!* — воскликнула Элиусиппус, совсем как школьница, играющая колдунью в «Макбете». — Уничтожьте ее, мистер Меррилл. До того как произойдет что-то ужасное. До того как, возможно, я подчеркиваю, мистер Меррилл, *возможно*, она уничтожит вас.

— Да будет вам. — Попу от этих слов действительно стало как-то не по себе. — Это уж перебор. Что я хочу сказать, вы же видите всего лишь камеру.

— Несколько лет назад планшет оставил нашу бедную Колетт Симиню без глаза. А ведь планшет — это всего лишь кусок фибрового картона, — заметила Элиусиппус Дир.

— Но только до тех пор, пока глупые, *глупые* люди не начинают хватать его руками и не пробуждают его, — добавила Мелиусиппус.

Слова иссякли. Поп поднял камеру за ремень, не касаясь ее самой, убеждая себя, что делает это только ради спокойствия Сестер-Вонючек, и встал.

— Что ж, вы — эксперты.

Старушенции просияли.

«Да, — решил Поп, — приходится отступить. Делать нечего... во всяком случае, пока. Но моя песенка еще не спета. Не выгорело здесь, выгорит в другом месте».

— Не смею более отнимать у вас время, и я, конечно же, не хотел причинять вам какие-либо неудобства.

— Но вы и не причинили! — Элиусиппус также встала.

— В эти дни у нас так мало гостей! — Мелиусиппус последовала ее примеру.

— Положите камеру в автомобиль, мистер Меррилл, — продолжила Элиусиппус, — а потом...

— ...возвращайтесь и выпейте с нами чаю.

— *Хорошего* чаю!

Более всего Попу хотелось выбраться из этого дома, сказав на прощание: «На кой хрен мне ваш чай. Не хочу больше видеть ваши постные рожи». Но он поклонился и ответил вежливым отказом:

— Я бы с удовольствием, но, к сожалению, у меня назначена еще одна встреча. Я бываю в Портленде не так часто, как хотелось бы. («Если уж ты солгал один раз, чего уж на этом останавливаться», — говаривал Попу его отец, и этот совет Поп принял близко к серд-

цу.) — Он взглянул на часы. — Я уже опаздываю. Вы, девочки, заставили меня забыть о времени, и, по моему разумению, я не первый мужчина, с кем такое случилось.

Сестры-Вонючки захихикали и одинаково покраснели, словно две очень старые розы.

— Да ну что вы, мистер *Меррилл!* — воскликнула Элиусиппус.

— Пригласите меня еще раз. — Поп улыбнулся так, что едва не достал ушей кончиками рта. — Пригласите меня, и я приеду прежде, чем вы успеете моргнуть.

Он вышел из дома, кто-то из старушек быстро закрыл за ним дверь. «Должно быть, они боятся, что солнечный свет повредит их поддельные фотографии призраков», — мрачно подумал Поп, посмотрел на чернокожую женщину, которая все еще сгребала листья, и нажал на спуск. Импульсивно, как некоторые бросают автомобиль на встречную полосу, чтобы задавить перебегающего дорогу скунса или енота.

Губы у чернокожей женщины дрогнули, и, к удивлению Попа, она начертила рукой в воздухе знак, отгоняющий дьявола.

Он сел в машину и задним ходом покатил с подъездной дорожки. Когда бампер уже завис над мостовой, Поп обернулся, чтобы посмотреть, свободна ли дорога, и его взгляд невольно упал на только что отснятую полароидную фотографию. Она еще не полностью проявилась, еще остался молочный налет, свойственный всем проявляющимся полароидным фотографиям.

Однако Поп Меррилл увидел достаточно, чтобы сердце его чуть не выскочило из груди.

Случилось то, что предугадал Кевин. Собака закончила поворот и теперь двинулась к камере и к тому, кто держал ее в руках... А держал-то камеру *он*, не так ли? *Он*, Реджинальд Мэрион Поп Меррилл, поднял камеру и сфотографировал чернокожую женщину, ра-

ботавшую в саду. Словно обиженный ребенок, которого отец отлупил ремнем, расстреливает из своей мелкашки бутылку, поставленную на заборе, потому что не может пристрелить отца, но должен как-то дать выход распирающей его злости.

Пес приближался. Юный Кевин понял, что произойдет потом, и опытный Поп понял бы, если б призадумался над этим. Но не призадумался, потому что мысли его были заняты одним: как бы заработать на камере. И только теперь ему стало окончательно ясно, откуда исходит главная угроза.

Она приближается. Поп застыл в ужасе. *Господи, она приближается! Эта собака приближается.*

Но собака *не просто приближалась*: она *нападала*.

Тело пса вытянулось. Грудь увеличилась в ширину, грудь с могучими мышцами.

Зубы стали больше. Длиннее. Острее. Попу внезапно вспомнился сенбернар Джо Камбера, Куджо, тот самый, что загрыз Джо, старика Гэри Первера и Большого Джорджа Баннермана. Собака взбесилась. Она загнала женщину и мальчика в автомобиль, и через два или три дня мальчик умер. Вот теперь Поп гадал: не такое ли видели они перед собой теми долгими часами в раскаленном на солнце автомобиле? Не эти ли мутные, красные глаза, длинные острые зубы...

Его размышления прервал гудок.

Поп вскрикнул, сердце его часто-часто забилось.

Фургон по широкой дуге объехал его седан. Водитель высунул в открытое окно кулак с поднятым вверх средним пальцем.

— Сам пошел... сучий сын! — выкрикнул Поп.

Начал выворачивать руль, ткнулся задними колесами в бордюрный камень на противоположной стороне улицы, случайно нажал клаксон и лишь после этого уехал. Но, миновав три квартала, остановил машину у тротуара и сидел за рулем минут десять, ожидая, пока руки перестанут дрожать.

На том и закончился визит к Сестрам-Вонючкам.

Следующие пять дней Поп обдумывал, на ком из оставшихся Спятивших остановить свой выбор. Сумма, которую он рассчитывал получить за камеру (двадцать тысяч долларов — от Маккарти, десять — от Сестер-Вонючек, хотя ни в том, ни в другом случае до обсуждения цены дело не дошло), уменьшалась по мере приближения к концу списка. Наконец он остановился на Эмори Чаффи, зная, что тут он может рассчитывать максимум на две с половиной тысячи.

Чаффи, надо сказать, так и остался для Попа загадкой, как и все Спятившие, с которыми приходилось иметь дело Попу не один десяток лет.

Эмори Чаффи *верил* в «потусторонний мир», но только его отличало полное отсутствие воображения. И просто удивительно, что в такой голове могли возникнуть какие-то мысли о «потустороннем». Более того, этот человек еще и платил немалые деньги за некие объекты, имеющие отношение к тому, другому миру. Вот это Попа просто поражало. Так что Поп поставил бы Чаффи в начало списка, если бы не одно удручающее обстоятельство: денег у Чаффи было куда меньше, чем у любого из богатеньких Спятивших Попа. От большого семейного состояния, доставшегося Эмори Чаффи, остались самые крохи. Поэтому запрашиваемая за камеру цена снова резко упала.

Поп свернул на заросшую травой подъездную дорожку когда-то одного из лучших летних коттеджей у озера Сибаго, а теперь ставшего одним из самых обшарпанных коттеджей (особняк Чаффи в Брэм-Холле продали для уплаты налогов пятнадцать лет назад) и подумал: *Если кто-то и купит эту чертову камеру, так только Эмори.*

Единственное, что тревожило Меррилла, и тревожило все больше и больше по мере того, как он опускался по списку потенциальных покупателей, так это демонстрационная часть. Он мог сколько угодно расписывать достоинства камеры, но даже такой болван,

 как Эмори Чаффи, не стал бы выкладывать денежки только за слова.

Иногда Поп думал, что допустил серьезную ошибку, попросив Кевина отснять все эти фотографии, чтобы сделать из них видеофильм. Скорость времени в нашем мире (как и Кевин, Поп все-таки считал этот мир реальным) и в другом, полароидном, была разной. В полароидном время текло более медленно... Но не ускорялось ли оно по мере приближения собаки к камере? Поп склонялся к мысли, что ускорялось. Чтобы зафиксировать движения собаки вдоль забора, требовалось несколько фотографий. Теперь же каждая последующая не оставляла никакого сомнения в том, что расстояние между собакой и камерой резко сокращается. Словно время в полароидном мире старалось догнать время в мире реальном, стать с ним синхронным.

Конечно, и в этом не было ничего хорошего. Но беда не приходит одна.

Он же имел дело *не с бездомным псом*, черт побери!

Поп не знал, кто это, но нисколько не сомневался, что совсем *не собака*.

Он думал, что имеет дело с собакой, когда *видел*, как та обнюхивала забор, который теперь остался в добрых десяти футах позади. Она *выглядела* собакой, правда, злобной собакой, и когда повернулась к камере мордой.

Но теперь Поп *видел* в ней существо, которого никогда не было ни на сотворенной Богом Земле, ни даже в аду Люцифера. Вот это очень тревожило старика: те немногие, кому он показывал фотографии, ничего *такого* не видели. Они неизменно морщились, говорили, какой же это отвратительный, мерзкий пес, но не более того. Ни один из них не предположил, что пес в камере Кевина превращается в какое-то чудовище по мере приближения к фотографу. По мере приближения к линзам, которые могли служить неким барьером между тем и этим мирами.

Поп вновь подумал (как когда-то Кевин): *Но пес никогда не сможет выпрыгнуть в наш мир. Никогда. Потому что эта тварь — ЖИВОТНОЕ, жуткое, страшное, маленьким детям кажется, что такие вот прячутся в шкафах и углах, когда мама выключает свет. Но это всего лишь ЖИВОТНОЕ, а потому случится следующее: будет последняя фотография, на которой получится размытое пятно. Если этот дьявольский пес прыгнет, а именно это он и собрался сделать, то камера или сломается, или в белой рамке будут только черные квадраты, потому что нельзя фотографировать с разбитыми линзами. А тот, кто держит камеру в руках, наверняка ее выронит, когда на него прыгнет этот пес, и камера разлетится на куски. Чего еще можно ждать от пластиковой коробки при ударе о бетонную поверхность?*

Эмори Чаффи вышел на облупившееся крыльцо в блейзере, который когда-то был густо-синим, но после многих чисток принял серый оттенок униформы лифтера. Высокий лоб Эмори Чаффи уходил вверх, плавно переходя в лысину и исчезая под редкими волосами. Его широкая улыбка выставляла напоказ гигантские передние зубы, которые придавали ему сходство с Багсом Банни*, только катастрофически поглупевшим Багсом.

Поп взялся за ремень камеры (Господи, как же он ее ненавидел!), помахал Эмори рукой и ответил вымученной улыбкой.

Дело, в конце концов, есть дело.

— Уродливая псина, не так ли?

Чаффи изучал почти полностью проявившуюся полароидную фотографию. Поп, радуясь искреннему интересу и любопытству Чаффи, подробно рассказал, на что способна камера. Потом Поп протянул ему «Солнце», как бы приглашая сделать снимок.

---

* Багс Банни — бесстрашный кролик, герой многих мультфильмов.

И Чаффи, сверкнув зубастой улыбкой, навел камеру на продавца.

— Только не меня, — затараторил и замахал руками Поп. — Меня фотографировать не надо. Я бы предпочел, чтобы мне в голову целились из ружья, а не из этой камеры.

— Да уж, вы знаете, как продать товар! — восхищенно ответил Чаффи и повернулся с камерой к панорамному окну, из которого открывался великолепный вид на озеро. (За годы, пока семейство Чаффи проматывало накопленные в первой мировой денежки, вид этот нисколько не изменился.)

Спятивший нажал на спуск.

Камера зажужжала.

Попа передернуло. Он обратил внимание, что теперь его передергивало всякий раз, когда он слышал это негромкое жужжание. Он еще пытался контролировать себя, но понял, что это бесполезно.

— Да, сэр, один и тот же ужасный пес, — повторил Чаффи, вглядевшись в проявленную фотографию, и Поп не без удовлетворения отметил, что зубастая улыбка наконец-то сползла с его лица.

Камера умела сгонять улыбки.

И все же он понимал, что Чаффи не видит того, что открылось ему, Попу Мерриллу. Впрочем, он не очень удивился: был к этому готов. Ему, конечно, удалось удержать на лице маску бесстрастности, но внутри все тряслось от страха. Поп отдавал себе отчет в том, что, откройся Чаффи истина, бедняга после первой же фотографии бросился бы со всех ног к ближайшей двери.

Пес (конечно, не пес, но надо же как-то его называть!) еще не прыгнул на фотографа, но уже готовился к этому. Задние лапы напружинились, тело приникло к потрескавшемуся тротуару. Чем-то пес напоминал Попу подростка за рулем мощного автомобиля, стоящего на светофоре. Ему не терпится сразу рвануть с места, он уже давит на педаль газа, чтобы, отжав

сцепление, бросить машину вперед, обжигая широкие шины о шершавый асфальт.

Морда собаки стала неузнаваемой. Огромный злобный глаз, черный нос с двумя ноздрями-дырами. И вроде бы из ноздрей валил пар, как дым из жерла вулкана. *Может... может быть, у меня опять разыгралось воображение? Какая разница,* думал Поп. *Ты продолжай щелкать затвором объектива или дозволяй другим людям щелкать затвором объектива и все узнаешь, не так ли?*

Но он не хотел *этого* узнавать. Поп взглянул на этого черныша, со шкурой в репьях, шерстью, торчащей дыбом, хвостом, похожим на некое средневековое оружие. Взглянул на тень, отбрасываемую фотографом, и увидел, что она тоже изменилась. Одна из ногтеней отступила назад, отступила *далеко*, даже с учетом восходящего или заходящего солнца. Почему-то Поп решил, что солнце заходит и скоро полароидный мир провалится в ночь.

Фотограф в том мире наконец-то понял, что объект съемки не собирается спокойно позировать; в его намерения это и не входило. Он хочет есть, а не оставаться на месте.

Есть и — возможно, пес сам этого не понимал — покинуть полароидный мир.

А ты это выясни, язвительно сказал внутренний голос. *Давай! Продолжай фотографировать! Вот все и узнаешь! В ИЗБЫТКЕ! Мало не покажется!*

— И вы, сэр, потрясающий продавец. — Эмори Чаффи, похоже, говорил уже давно, но Поп уловил только последнюю фразу.

И тут же вспомнил о Маккарти.

— Если вы думаете, что это какой-нибудь фокус...

— Фокус? *Отнюдь!* Ни в коем разе! — Зубастая улыбка снова вернулась к Чаффи, и он развел руками. — Но боюсь, о покупке мною этого конкретного предмета не может быть и речи, мистер Меррилл. Я очень сожалею, но...

— Почему? Если вы не думаете, что эта чертова камера — ловкая подделка, тогда почему не хотите ее купить? — Поп и сам был удивлен своей яростью.

Он никогда так не говорил с потенциальным покупателем. И едва ли заговорит вновь. Но очень уж ему хотелось отделаться от этой хреновины.

На лице Чаффи отразилось недоумение, словно он не знал, какими словами должен объяснить очевидное для него решение. В этот момент он напоминал старательного, но не очень способного учителя подготовительной школы, который старается научить умственно отсталого ребенка завязывать шнурки.

— Но камера же ничего не делает, не так ли?

— Ничего *не делает?* — Поп уже кричал.

Он и представить себе не мог, что способен до такой степени потерять контроль над собой. Что с ним сталось? Или на него так влияла *камера?*

— Ничего не делает? Вы что, ослепли? Она же фотографирует *другой* мир! Делает фотографии, которые фиксируют происходящее в другом мире, *куда* бы вы ее ни наводили в *нашем* мире. И этот... это... это *чудовище*...

Ну вот. Все-таки перегнул палку. Слишком далеко зашел. Он это ясно видел по взгляду Чаффи.

— Но снимает всего лишь собаку, не так ли? — спросил Чаффи тихо, успокаивающим тоном. Тоном, которым пытаются умаслить сумасшедшего, пока медсестры бегут к шкафчику, где хранятся шприцы с успокаивающим.

— Да. — В голосе Попа звучала усталость. — Всего лишь собаку. Но вы же сказали, что она отвратительная и злобная.

— Совершенно верно, совершенно верно, сказал, — слишком уж быстро согласился Чаффи, и Поп подумал, что оторвет голову этому болвану, если его улыбка станет еще шире. — Но... вы, конечно, понимаете, мистер Меррилл... какую проблему представля-

ет собой эта камера для коллекционера. *Серьезную* проблему.

— Нет, боюсь, что не понимаю, — ответил Поп, хотя, пройдя весь список Спятивших, список, который поначалу казался таким многообещающим, уже начал соображать что к чему. Уже представлял себе, *какой* букет проблем таит в себе эта полароидная камера «Солнце-660». Что же касалось Эмори Чаффи... кто знает, о чем тот мог подумать?

— Одно дело — фотографии призраков. — Попу хотелось задушить Чаффи за этот педантичный тон. — Но это не фотографии призраков. Это...

— Это и *не обычные* фотографии!

— Абсолютно с вами согласен. — Чаффи чуть нахмурился. — Но *что это* за фотографии? Трудно сказать, не так ли? Я вижу перед собой обычную камеру, которая фотографирует собаку, готовящуюся к прыжку. И как только собака прыгнет, она исчезнет из кадра. После этого возможны три варианта. Камера начнет выдавать обычные снимки, фотографировать то, на что ее наводят. Она может больше ничего не фотографировать, потому что ее единственная задача — заснять эту собаку — выполнена. Или она может и дальше фотографировать белый забор и неухоженную лужайку за ним.

Чаффи помолчал. Видимо, подбирал слова, затем продолжил:

— Я думаю, кто-то может появиться на фотографии, через сорок снимков или через четыреста, но только если фотограф не изменит угол наклона камеры, а раньше он этого не делал, и в кадр попадут только ноги. — И тут Спятивший развеял последние надежды Попа. — Разумеется, мистер Меррилл, вы мне показали такое, чего я никогда не видел. Нет никаких сомнений, что это паранормальное явление, но очень уж скучное.

Искренность ответа Чаффи побудила Попа повторить вопрос, хотя он и опасался, а не решит ли Чаффи, что у него помутилось в голове.

— Так вы полагаете, это обычный пес?

— Ну конечно же! — В голосе Чаффи слышалось легкое удивление. — Дворняжка, и с отвратительным характером. — Он вздохнул. — Эти фотографии не будут восприняты серьезно. Я имею в виду, что не будут восприняты серьезно теми, кто не знаком с вами лично, мистер Меррилл. Людьми, которые не знают о вашей честности и надежности в такого рода делах. Это очень похоже на фокус, знаете ли. Причем не очень-то ловкий фокус. Что-то из набора начинающего иллюзиониста.

Две недели назад Поп начал бы яростно возражать. Но случиться это могло лишь до того, как его практически вышвырнули из дома мерзавца Маккарти.

— Ну что ж, раз это ваше последнее слово... — Поп поднялся и взял камеру за ремень.

— Мне очень жаль, что вам пришлось ехать сюда из-за такой мелочи. — Губы Чаффи вновь разошлись, обнажив огромные зубы. — Я как раз собирался приготовить сандвич, когда вы подъехали. Не составите мне компанию, мистер Меррилл? Сандвичи я готовлю очень вкусные. Добавляю хрена и бермудского лука. Это мой фирменный секрет. А потом...

— Я — пас, — с тяжелым вздохом прервал его Поп.

Как и в гостиной Сестер-Вонючек, у него возникло жгучее желание поскорее убраться отсюда. Поп определенно испытывал аллергию на те места, где он играл, но не выигрывал. Что-то в последнее время число таких мест резко возросло. Слишком резко.

— Я уже пообедал, вот что я хочу сказать. И мне пора домой.

Чаффи добродушно рассмеялся:

— Лишняя нагрузка на организм ни к чему.

— Вот-вот, — кивнул Поп и, простившись, покинул дом, сырой и холодный (каково в нем в феврале, Поп и представить себе не мог); казалось, что никогда еще старик Меррилл не испытывал такого наслаждения от свежего хвойного воздуха.

Поп сел в машину, завел мотор. Эмори Чаффи в отличие от Сестры-Вонючки, выпроводившей его за порог и тут же закрывшей дверь, словно она боялась, что солнце превратит ее в пыль, как вампира, стоял на крыльце, разинув рот в идиотской улыбке, и махал рукой, словно отправлял Попа в океанский круиз.

И тут, не думая, *точно* так же, как он сфотографировал чернокожую старуху, сгребающую листья, Поп щелкнул Чаффи и разваливающийся дом — последнее, что осталось от семейного состояния. Он не помнил, как взял камеру с пассажирского сиденья, куда с отвращением ее бросил, прежде чем захлопнуть дверцу, не помнил, каким образом «Солнце» вновь оказалось в его руках и как он нажимал на спуск. Услышал лишь жужжание механизма, выталкивающего из корпуса очередную молочно-серую фотографию. Звук этот безжалостно ударил по его нервным окончаниям, заставив Попа взвыть от боли. Такое бывает, когда внезапно касаешься чего-то очень холодного или очень горячего.

До него донесся смех Чаффи; сфотографировать его напоследок — отменная шутка. Но, прежде чем Поп выхватил фотографию из щели, он вроде бы услышал глухое рычание, как если бы он сидел под водой, а невдалеке проплыл мощный катер с мотором. И на мгновение Меррилл почувствовал, как камера *раздулась* у него в руках, словно ее распирало гигантское внутреннее давление. Поп открыл бардачок, бросил туда фотографию и захлопнул крышку так быстро, что прищемил палец.

Нервно подал машину назад, едва не врезался в одну из елей, что росли вдоль подъездной дорожки, и долго еще в ушах у него стояли раскаты смеха Эмори Чаффи: «Ха! Ха! Ха! Ха!»

Сердце стучало в груди, в голове кто-то колотил кувалдой, вены на висках вздулись и бешено пульсировали.

Постепенно Поп взял в себя в руки. Пять миль, и маленький человечек в голове опустил кувалду.

Десять миль (почти половина расстояния до Касл-Рока), и успокоилось сердцебиение. И тогда Поп сказал себе: «Ты не будешь смотреть на нее. НЕ БУДЕШЬ. Пусть эта чертова фотография там и лежит. Незачем тебе смотреть на нее и незачем тебе делать новые фотографии. Время списать эту хреновину на убытки. *Пора сделать то, что ты не позволил сделать мальчику.*

Дорога вывела его к Касл-Вью, со стоянкой для автомобилей и обзорной площадкой, с которой открывался незабываемый вид на западную часть штата Мэн и половину штата Нью-Хэмпшир. Поп свернул на стоянку, заглушил двигатель, открыл бардачок, вытащил фотографию, которую сделал помимо своей воли. Точно так же лунатик не знает, что делает во сне. Фотография, разумеется, полностью проявилась. Химические реагенты под молочно-серым квадратом сработали как обычно. Темнота или свет — для полароидной фотографии никакого значения это не имело.

Псевдопес сжался, как пружина, изготовившись к прыжку. Клыки стали до неприличия огромными. Как губы могли скрывать такую пасть? Как пес мог жевать такими челюстями? Не собака, а прямо-таки пещерный медведь. Такой собачьей пасти видеть Попу не доводилось. Заболели глаза, снова начала раскалываться голова. Даже мелькнула мысль, уж не сходит ли он с ума.

Почему бы не избавиться от камеры прямо сейчас? — внезапно подумал Поп. *Проще простого. Вылез из кабины, подошел к парапету, бросил вниз. И все. Прости-прощай.*

Но сие было бы деянием импульсивным, а Поп принадлежал к племени трезвомыслящих. Душой и телом, вот что я хочу сказать. Он ничего не делал под влиянием момента, чтобы потом не сожалеть, и...

Если ты этого не сделаешь, потом пожалеешь, шепнул внутренний голос.

Но нет. Нет и нет. Человек не может идти против своей природы. Это неестественно. Он должен подумать. Убедиться, что это правильное решение.

Поп нашел компромисс — выбросил фотографию и быстро уехал. Минуту или две его мучил приступ тошноты. Потом ему полегчало. Вернувшись в магазин, Поп достал из кармана связку ключей, нашел нужный, отомкнул дверцу ящика, в котором хранилось «самое дорогое», уже хотел положить туда камеру, но рука зависла на полпути. Перед его мысленным взором возникла колода для колки дров, ясно и отчетливо, словно на фотографии.

Он подумал: *Что значит — человек не может идти против своей природы? Чушь собачья, и ты это знаешь. Человеку не свойственно есть землю, но ты съешь целую миску, если прикажет тебе другой человек, вдавив в твой висок дуло пистолета. Ты прекрасно знаешь, что пора сделать то, что сделал бы мальчик, если б ты ему не помешал. В конце концов, ты в это денег не вкладывал.*

Вот тут запротестовала другая часть его мозга: *Вкладывал, конечно, вкладывал, черт побери! Мальчишка разбил совершенно новую полароидную камеру. Правда, по незнанию, но это ничего не меняет. Она же стоила сто тридцать девять долларов!*

— Бред какой-то! — пробормотал Поп. — Дело-то не в этом! Не *в деньгах!*

Нет, уж конечно, не в чертовых деньгах. Это он мог признать с чистой совестью. Поп мог себе позволить такую трату. Поп многое мог себе позволить, включая собственный особняк в Брэм-Холле, аристократическом районе Портленда, и новенький «мерседес» в гараже. Поп, конечно, никогда не думал о таких покупках, предпочитая складывать свои денежки в кубышку, но это не означало, что он не мог купить дом и автомобиль, возникни у него такое желание.

Нет, дело не в деньгах. Речь шла о том, что важнее денег. *Не хотелось выглядеть дураком.* Поп принципиально *не хотел выглядеть дураком*, а если такое случалось, то долго не находил себе места, словно человек, под одежду которого забрались красные муравьи.

Взять, к примеру, тот чертов проигрыватель. Когда Поп выяснил, что торговец антиквариатом из Бостона, по фамилии Донахью, нагрел его на пятьдесят баксов, продав граммофон «Виктор-Графф» модели 1915 года (потом выяснилось, что это более распространенная модель 1919 года), Поп недоспал на добрые триста баксов, строя планы мести (один изощреннее другого). Как же он честил себя! Еще бы, его, Попа Меррилла, какой-то горожанин обвел вокруг пальца, словно мальчишку! Иногда он представлял себе, как этот мерзавец рассказывает своим партнерам по покеру о том, с какой легкостью он все это провернул, что такой деревенщине, как Поп Меррилл, можно всучить и Бруклинский мост, потому что у того не найдется другого ответа, кроме: «Сколько?» А потом они все покатывались от хохота в клубах сигарного дыма (почему-то он всегда видел их сидящими за столом).

Вот и эта история с полароидной камерой ужасно давила на Попа, но он еще не хотел поставить в ней точку.

Пока не хотел.

Ты спятил, корил его внутренний голос. *Только сумасшедший может продолжать эти игры.*

— Я просто так не сдамся! — пробормотал Поп, окруженный тикающими и такающими часами. — *Будь я проклят, если сдамся!*

Это не означало, что он и дальше не будет ездить по округе, пытаясь сбыть эту чертову камеру, но вот использовать ее по назначению старик точно не собирался. Поп полагал, что осталось еще три «безопасных» снимка, может даже, и все семь, но лично сам в испытатели не рвался. Отнюдь.

А что-то могло и подвернуться. Как знать. И едва ли камера причинит кому-то вред, если будет лежать в запертом ящике, не так ли?

— Разумеется, нет, — согласился Поп сам с собой, положил камеру, запер ящик, сунул ключи в карман и повернул табличку на двери надписью ОТКРЫТО.

На данный момент мистер Меррилл решил волнующую его проблему.

Глава 10

Поп проснулся в три утра, мокрый от пота, со страхом вглядываясь в темноту. Часы только что отбили три, и их стрелки двинулись по следующему кругу.

Его разбудил не бой часов — хотя мог бы, — потому что очнулся Поп не в своей постели, а внизу, в магазине. «Империя изобилия» напоминала пещеру тьмы, по которой гуляли тени, созданные светом уличных фонарей, все-таки проникающим через пыльные стекла витрин.

Разбудил его *не бой* часов, а *вспышка!*

Поп ужаснулся, заметив наконец, что стоит в пижаме у верстака с «Солнцем-660» в руках. Он заметил, что открыт и ящик, в котором хранилась полароидная камера. Заметил, что, хотя и сделал только одну фотографию, палец его продолжал жать на спуск, вновь и вновь приводя в действие затвор объектива. Поп сделал бы много фотографий, но ему просто повезло: в кассете оставалась только одна непроявленная заготовка.

Поп навел камеру на витрины, видоискатель с трещинкой-волоском находился на уровне открытого, но спящего глаза. Оказавшись на уровне грудной клетки, руки задрожали, плечи и локти свело. Руки упали, пальцы разжались, камера вывалилась из них в выдвинутый ящик. Фотография, которую он все же успел сделать, уже выползла из щели, зацепилась за край

 ящика и, покачавшись на нем, полетела не в ящик, а на пол.

Меррилл попытался сесть в кресло на колесиках, стоящее сзади. Ноги начали сгибаться, но на полпути мышцы, подходящие к коленным суставам от голени и бедра, словно замерзли. Так что Поп не сел, а рухнул в кресло. Оно покатилось назад, уперлось в картонную коробку, набитую старыми журналами, и остановилось.

Поп опустил голову, словно борясь с головокружением, посидел не шевелясь. Сколько прошло времени, он потом сказать не мог. Может, даже немного поспал. Кровь стучала в виски, билась о лоб. Возможно, Поп слишком долго просидел с наклоненной головой. Но он чувствовал, что может встать, он знал, что должен сделать. Что-то непонятное сумело крепко скрутить его, заставить ходить во сне, заставить (все его существо возмущалось против глагола «заставйть», но мог ли он подобрать другой?) делать фотографии. Чего уж больше? Он понятия не имел, что это такое, но в одном сомнений уже не осталось: с этим следовало покончить раз и навсегда.

Пора сделать то, что следовало с самого начала разрешить мальчику, подумал Поп.

Да. Но не сейчас, не этой ночью. Он совершенно вымотан, взмок как мышь, дрожит. Ему бы забраться по лестнице на второй этаж, не то что махать кувалдой. Конечно, он мог бы обойтись и более простыми средствами: достать камеру из ящика, бросить на пол, поднять, снова бросить... но уж себе-то Поп врать не стал. В эту ночь он больше не хотел иметь ничего общего с камерой.

Для этого будет время утром. Едва ли за несколько часов камера сможет натворить что-то еще: кассета с заготовками опустела.

Поп запер ящик. Медленно, словно глубокий старик, поднялся и, волоча ноги, поплелся к лестнице. Он отдыхал на каждой ступеньке, вцепившись в перила (тоже не слишком прочные) одной рукой, держа связку

ключей в другой. Наконец добрался до верхней площадки. Когда Поп закрыл за собой дверь квартиры, ему стало чуть легче. Он сразу лег в кровать, не чувствуя идущего от белья тяжелого запаха: простыни он менял раз в месяц и полагал, что чаще и не надо.

Я не засну, подумал он.

Нет, заснешь, возразил внутренний голос. *Заснешь, потому что должен. Иначе утром у тебя не будет сил взять кувалду, разнести на куски эту чертову камеру и подвести черту под этим кошмаром.*

Стоило подумать так, и его тут же сморил сон, остаток ночи Поп провел без сновидений, даже не пошевельнувшись. Он проспал, впервые за добрые десять лет. И, проснувшись, с изумлением услышал, что часы внизу отбили лишний удар: восьмой. Потом ему вспомнилась прошедшая ночь. Теперь, при свете дня, все представлялось ему несколько иначе. Неужели он правда чуть не лишился чувств? А может, это естественное состояние лунатика, которого внезапно будят?

Но нужно ли копаться в нюансах? Яркий утренний свет не изменил главного: он *ходил* во сне, он *сделал* по меньшей мере одну фотографию и *сделал бы* больше, если б кассета была полной.

Поп встал, оделся, спустился вниз с твердым намерением разнести камеру на куски еще до завтрака.

Глава 11

Кевину очень хотелось, чтобы его первый визит в двухмерный город Полароидсвилл оказался и последним, но — увы! — такого не получилось. Тринадцать последующих ночей этот сон возвращался. Если же кошмару случалось взять отпуск (*Мы расстаемся, Кев, но ненадолго, не возражаешь?*), то в следующую ночь он посещал мальчика дважды. Теперь Кевин точно знал, что это всего лишь сон, и, как только сон

начинался, говорил себе, что для его завершения ему достаточно заставить себя проснуться. *Черт побери, всего лишь заставить себя проснуться!* Иногда он все-таки просыпался, иногда погружался в более глубокий сон, но ни разу мальчику не удавалось *заставить себя проснуться.*

Теперь он бродил только по Полароидсвиллу; ни Оутли, ни Хильдасвилл в его сне более не возникали. И, как *на фотографиях*, с каждым сном он продвигался все дальше. Он уже разобрался, что же все-таки лежит в тележке мужчины, которого он встретил первым: много всякой всячины, но главным образом часы, все из «Империи изобилия», но не настоящие часы, а как бы их фотографии, вырезанные то ли из журналов, то ли откуда-то еще и каким-то непонятным образом уложенные в тележку. Непонятным, потому что тележка была двухмерная, то есть не имела глубины, как и сами часы. Однако они там лежали, и старик отгонял Кевина, звал вором и требовал, чтобы тот убрался отсюда... Только в одном из последних снов он еще и сказал, что отсюда не выбраться. «Я знаю, что Поп ищет тебя! Значит, дела у тебя плохие!»

Толстая женщина, которая не могла быть толстой, будучи плоской, появлялась следом. Она катила тележку с полароидными камерами «Солнце». И тоже говорила с Кевином, когда он проходил мимо: «Будь осторожен, сынок. — Голос громкий, невыразительный, как у глухого. — Собака Попа сорвалась с поводка, а она очень злая. Загрызла трех или четырех человек на ферме Трентона в Камбервилле, прежде чем прибежала сюда. Ее фотографию сделать очень трудно, и уж совсем невозможно, если у тебя нет камеры».

Она наклонялась, чтобы взять одну из камер, иной раз брала и протягивала ему. Кевин вроде бы от камеры не отказывался, хотя и не понимал, с чего это женщина решила, что он хочет сфотографировать собаку. Он и не хотел ее фотографировать, но отказываться от подарка невежливо, не так ли?

Правда, особого значения его желания и не имели. Они двигались навстречу на удивление медленно, плавно, словно под водой, но всякий раз проходили мимо друг друга. Когда Кевин вспоминал эту часть сна, перед его глазами всплывала знаменитая картина Микеланджело на потолке Сикстинской капеллы: Бог и Адам протягивают друг другу руки, их пальцы совсем близки, но все же не соприкасаются.

Затем женщина на мгновение исчезала, потому что не имела глубины, и возникала вновь уже вне пределов досягаемости. *Неплохо бы вернуться к ней*, думал Кевин, когда сон доходил до этого места, но вернуться не мог. Ноги упрямо несли его к забору из белого штакетника, к Попу Мерриллу и собаке... Только черный пес уже не был черным псом, а превратился в какое-то ужасное огнедышащее чудовище вроде дракона. Морда у собаки вытянулась, как у свиньи, а из длинной пасти торчали жуткие клыки. Поп и полароидный пес поворачивались к нему одновременно, и Поп поднимал камеру к правому глазу, камеру *Кевина*. Мальчик это точно знал — по отбитому куску пластика на боку. Левый глаз он закрывал. Очки, задвинутые на лысый череп, блестели на солнце. Поп и пес были трехмерными. Только они одни во всем маленьком городке из сна.

— Это он! — пронзительно и страшно кричал Поп. — Он — вор! Фас! *Что я хочу сказать, выпусти ему кишки!*

Выкрикнув эти слова, он нажал на спуск, полыхнула вспышка, и Кевин повернулся, чтобы убежать. Сон прервался на этом во вторую ночь. А с каждой последующей сон чуть-чуть удлинялся. Он снова двигался плавно и медленно, словно под водой. Кевин как бы *видел* себя со стороны: грациозно поворачивающийся танцор, руки, двигающиеся, словно лопасти пропеллера, подол рубашки, вылезающий из брюк.

И вот он уже бежит, бежит туда, откуда пришел, вот правая нога медленно поднимается и плывет над тротуаром, прежде чем опуститься на него. Теперь левая... Подошвы кроссовок расплющиваются, когда на

них ложится вес всего тела, из-под ног летят маленькие камешки.

Он бежал медленно, да, разумеется, медленно, и полароидный пес, безымянная, бездомная дворняга, появившаяся неизвестно откуда, тоже преследовала его медленно... но *не так* медленно.

На третью ночь кошмар перешел в глубокий сон как раз в тот момент, когда Кевин стал медленно-медленно поворачивать голову, чтобы посмотреть, как далеко от него собака. Четвертая ночь обошлась без кошмара. Зато на пятую он приснился Кевину дважды. Сначала он повернул голову наполовину, так что увидел часть улицы. Во второй раз успел повернуть голову еще на несколько градусов и увидел пса, бегущего по его следу. Передние лапы оставляли зазубрины на бетоне, потому что пес бежал, выпустив когти... а сзади из каждой лапы, чуть повыше ступни, торчала шпора. Красноватые глаза не отрывались от Кевина. Дым с искрами вырывался из ноздрей. *Господи, Господи, у него огненная пасть*, подумал Кевин, и... тут его разбудил будильник. Весь в поту, мальчик лежал свернувшись клубочком у самой стены, вновь и вновь шепча: «...огненная пасть, огненная пасть, огненная пасть».

Ночь за ночью собака продолжала настигать его, убегающего по тротуару. Даже не поворачивая головы, Кевин на слух определял, что полароидный пес сокращает расстояние. Он ощущал тепло в промежности и понимал, что мог от страха надуть в штаны, хотя все чувства в этом странном мире вроде бы притуплялись. Он слышал, как пес скрежетал когтями по бетону, слышал горячее дыхание, вырывавшееся из пасти, ощерившейся громадными клыками.

И в ту ночь, когда Поп очнулся на первом этаже, во сне спустившись туда, достав камеру и сделав фотографию, Кевин *почувствовал* дыхание полароидного пса на своих ягодицах. Он уже знал, что пес совсем рядом, что в следующий момент прыгнет ему на спину, а потом острые клыки вонзятся ему в шею, с хрустом

сдирая с позвоночника кожу и мясо. *Мог ли* он по-прежнему думать, что это всего лишь дурной сон? Едва ли.

Кевин проснулся у себя дома в тот самый момент, когда Поп еле-еле поднялся по ступеням и отдыхал на лестничной площадке перед своей квартирой. Проснулся Кевин, сидя на кровати, по пояс обернутый в одеяло, мокрый от пота и весь в мурашках. На животе, груди, спине, руках, даже на лице.

И думал он не о приснившемся кошмаре, во всяком случае, не только о кошмаре. *Что-то не так, цифра не та, там была тройка, но ее никак не могло...*

Тут Кевин откинулся на подушку и мгновенно заснул.

Будильник разбудил его в половине восьмого, как и в любой другой учебный день. Он сел на кровати, глаза его широко раскрылись, и внезапно все встало на свои места. Он расколотил у Попа не свою полароидную камеру. Вот почему ему из ночи в ночь снился один и тот же кошмар. Поп Меррилл, этот старый добрый кудесник, умевший починить любую камеру, часы или другой механизм, с необычайной легкостью обвел его и отца вокруг пальца, как шулер обыгрывает в карты новичка в каком-нибудь старом вестерне.

Его отец...

Он услышал, как хлопнула входная дверь, и пулей бросился к двери, передумал, подбежал к окну, распахнул его и заорал во все горло:

— Папа!

В тот самый момент, когда мистер Дэлевен садился в машину, чтобы уехать на работу.

Глава 12

Поп вытащил из кармана кольцо с ключами, отпер «особый» ящик, выдвинул его и взялся за ремень, стараясь не прикасаться к камере. Посмотрел на «Солн-

це-660» в надежде, что при вчерашнем падении линзы разбились, но, как говаривал его отец, дьявольским созданиям всегда везет. Вот и с полароидной камерой Кевина на этот раз ничего не случилось. Разве что откололся еще кусочек пластика.

Поп задвинул ящик и, поворачивая ключ, увидел лежащую на полу фотографию. Изображением вниз. Не взглянуть на снимок он не мог, как не могла жена Лота не взглянуть на погибающий Содом. Поп неслушающимися пальцами поднял с пола фотографию.

Пружина псевдособаки начала распрямляться. Передние лапы едва оторвались от земли, но в железных мышцах тела и задних лап, скрытых под черной шерстью, накопленная потенциальная энергия уже переходила в кинетическую. Поп отчетливо это видел. Морда и голова собаки стали чуть размытыми, пасть раскрылась еще шире. Он буквально слышал, как нарастало рвущееся из горла рычание.

Тень-фотограф вроде бы попытался отступить еще на шаг. Но что толку? Дым вырывался из ноздрей собаки-чудовища; все точно, *дым*, клубы дыма валили из уголков пасти, за стеной зубов. Любой человек отступил бы в ужасе от такой зверюги (*конечно*, это был мужчина, раньше, возможно, мальчик, подросток, но теперь точно мужчина. Так кому же принадлежала камера?)... но у этого человека не было ни единого шанса на спасение. Этот человек мог устоять на ногах или, споткнувшись, упасть на землю. Вся разница заключалась лишь в том, как он умрет: стоя на ногах или плюхнувшись на задницу.

Вот так, держа за ремень полароидную камеру «Солнце-660» Кевина Дэлевена, которая нынче стала его полароидной камерой «Солнце-660», Поп и направился в сарай. Остановиться он намеревался лишь один раз, на секунду, — чтобы подхватить кувалду. Поп уже был у дверей, когда полыхнула мощная, ослепительно белая беззвучная вспышка, но не перед глазами, а за ними, в его мозгу.

Он повернул назад. Теперь глаза Попа были пустыми, как у человека, временно ослепшего от яркого света. Прошел мимо верстака, камеру он теперь держал обеими руками на уровне груди, словно драгоценную вазу или какую-то реликвию. На полпути между верстаком и входной дверью находился шкаф, уставленный часами. Слева от него из стены торчал крюк, а на нем висели еще одни часы, имитация старинных немецких часов с кукушкой. Поп взялся за крышу домика и, не обращая внимания на переплетающиеся цепи противовесов, стащил часы с крюка. Маленькая дверца под крышей домика распахнулась, деревянная птичка высунула клюв, показался удивленный глаз. Прокуковала она один раз, как бы возмущаясь столь грубым обхождением, и вновь спряталась в домике.

Поп повесил полароидную камеру «Солнце-660» на крюк и понес часы с кукушкой к двери в сарай. Глаза его по-прежнему оставались пустыми. Часы он держал за крышу домика, не замечая, что в корпусе что-то гремит и трещит, не замечая, как один из противовесов ударился об угол, отскочил и укатился, оставляя дорожку на слое годами копившейся пыли. Двигался Поп с бездумной целенаправленностью робота. В сарае он задержался ровно на столько, сколько потребовалось для того, чтобы ухватить кувалду за гладкую, отполированную тысячами прикосновений рукоятку. Теперь у него были заняты обе руки, поэтому задвижку подцепил локтем левой, открыл дверь и вышел во двор.

И прямиком направился к колоде, поставил на нее часы с кукушкой, сработанные на манер немецких часов. Постоял над ними, уже обеими руками взявшись за кувалду. Глаза на его ничего не выражающем лице оставались пустыми, ничего не видящими, однако часть мозга сохраняла способность к мышлению и могла отдавать команды к действию. Эта часть мозга видела не старенькие часы с кукушкой, теперь безнадежно сломанные, а полароидную камеру Кевина. Эта часть мозга верила, что Поп спустился вниз, достал

 полароидную камеру из ящика и прямиком вышел во двор, задержавшись лишь для того, чтобы по пути подхватить кувалду.

И эта часть мозга потом напомнила бы ему о том, что произошло. И напоминала бы до тех пор, пока не возникла необходимость напоминать ему что-то другое.

Поп Меррилл занес кувалду над правым плечом и с размаху опустил ее вниз. Не с такой силой, как Кевин, но хватило и этого. Кувалда обрушилась на крышу кукушкиного домика, и куски пластмассы, дерева, пружинки и шестеренки разлетелись в разные стороны. А для той части мозга Попа, которая запоминала увиденное, по двору разлетались осколки корпуса и линз полароидной камеры «Солнце-660».

Поп смотрел невидящими глазами на то, что осталось. Птичка, которая для Попа выглядела как кассета с заготовками фотографий, лежала на боку, похожая на дохлую птичку из мультфильма. Каким-то чудом она совершенно не пострадала от удара кувалды. Наглядевшись, Поп повернулся и зашагал к сараю.

— Вот так, — пробормотал он. — *Дело* сделано.

Кто-либо стоящий рядом мог бы не разобрать слов, но совершенно точно услышал бы безмерное облегчение в его голосе.

— Дело *сделано*. Теперь волноваться не о чем. Что теперь? Надо купить трубочного табака.

Но когда пятнадцать минут спустя он пришел в аптечный магазин, расположенный на другой стороне улицы, то купил не трубочный табак (хотя потом *вспомнил бы*, что ходил туда именно за табаком), а кассету.

Кассету для полароидной камеры.

Глава 13

— Кевин, я опоздаю на работу, если не уеду...

— Можешь им позвонить? Можешь? Позвонить и сказать, что ты задержишься, а может, вообще не

сможешь сегодня выйти на работу? Если дело *очень-очень* важное?

— Что-то случилось? — спросил мистер Дэлевен.

— Сможешь?

Миссис Дэлевен уже стояла в дверях комнаты Кевина. Из-за ее спины выглядывала Мег. Обе с любопытством поглядывали на высокого мальчика в трусиках.

— Полагаю, что... да, смогу. Но не буду звонить, пока ты не объяснишь, в чем дело.

Кевин понизил голос, стрельнул взглядом в сторону двери.

— Насчет Попа Меррилла. И камеры.

Мистер Дэлевен вошел в дом, поднялся на второй этаж, шепнул что-то жене, затем переступил порог комнаты Кевина и, несмотря на протесты Мег, плотно закрыл за собой дверь.

— Что ты сказал маме? — полюбопытствовал Кевин.

— Сказал, у нас мужской разговор. — Мистер Дэлевен чуть улыбнулся. — Полагаю, мама думает, что ты хочешь поговорить со мной об онанизме.

Кевин покраснел.

Лицо мистера Дэлевена вновь стало серьезным.

— Но речь пойдет не об этом, не так ли? Я имею в виду, ты знаешь о том...

— Знаю, знаю, — торопливо оборвал его Кевин.

Он, конечно, не собирался говорить отцу (впрочем, если бы и захотел сказать, то не знал, сможет ли подобрать нужные слова) о том, что его удивило больше всего. Он, естественно, предполагал, что отец знает о суходрочке, пожалуй, об этом не мог не знать ни один мужчина, но вот то, что об этом знает и мать, стало для него в некотором смысле откровением.

Впрочем, сейчас было не до этого. Все эти досужие рассуждения не имели ни малейшего отношения к ночным кошмарам, поэтому Кевин решил вернуться к главному.

— Я сказал, что хочу поговорить с тобой о Попе. И ночных кошмарах, которые мучают меня. Но боль-

ше всего о камере. Потому что Поп каким-то образом сумел ее украсть, папа.

— Кевин...

— Знаю-знаю, я сам разнес ее на куски. Разнес камеру, но не *свою*. И это еще не самое худшее. Беда в том, что Поп *все еще делает ею фотографии!* И собака *вот-вот* вырвется! Когда это случится, я думаю, она меня убьет. В другом мире она уже пр... произ...

Не закончив фразу, Кевин... разрыдался. Это для него было неожиданно.

К тому времени, когда Джон Дэлевен успокоил сына, часы показывали без десяти восемь. Так что Дэлевен-старший смирился с тем, что на работу сегодня опоздает. Он прижимал мальчика к себе, поглаживал по плечу, думая о том, что случилось действительно нечто ужасное. Ему, правда, не верилось, будто все дело в каких-то снах: мистер Дэлевен предполагал, что причина, если хорошенько покопаться, все-таки кроется в сексе.

Теперь Кевин только дрожал да лишь изредка всхлипывал, и мистер Дэлевен подошел к двери, приоткрыл ее в надежде, что жена увела Мег вниз. Так и было: коридор пустовал. «Это нам только на руку», — подумал он, возвращаясь к Кевину.

— Ты уже можешь говорить?

— Поп взял мою камеру, — просипел Кевин, глядя на отца мокрыми, покрасневшими глазами. — Не просто взял, но еще и пользуется ею.

— Это тебе и *приснилось?*

— Да... и еще я кое-что вспомнил.

— Кевин... это была *твоя* камера. Извини, сынок, но твоя. Я даже заметил скол на боку.

— Вероятно, он позаботился и об этом.

— Кевин, мне кажется, это довольно...

— Послушай! — с жаром воскликнул Кевин. — Можешь ты меня *выслушать?*

— Да, конечно. Говори.

— Мне вспомнился тот момент, когда Поп передал мне камеру, перед тем как мы вышли во двор. Помнишь?

— Да...

— Я посмотрел на маленькое окошечко, в котором видна цифра, показывающая число оставшихся кадров. И увидел цифру три, папа! Там была цифра *три!*

— Пусть так. И что из этого?

— В камере стояла *кассета* с заготовками фотографий! Стояла! Я знаю, потому что помню, как одна из заготовок выскочила после удара кувалдой. Черненькая такая. Выскочила и упала на землю.

— Повторяю, и что из этого?

— *В камере, которую я отдавал Попу, кассеты не было!* Вот в чем дело. Я сделал двадцать восемь фотографий. Он хотел, чтобы всего получилось пятьдесят восемь. Я мог бы купить еще кассет, если бы знал, что Поп решил сделать с фотографиями, а может, и не стал бы их покупать. Тогда я уже боялся этой камеры...

— Да, я тоже немного боялся.

Кевин уважительно взглянул на отца.

— Боялся, ты?

— Да. Продолжай. Думаю, я уже понимаю, куда ты клонишь.

— Что я хочу сказать, он дал мне деньги на кассеты. Но не на все. Даже не на половину. Он — *злой обманщик*, папа.

Джон Дэлевен невесело улыбнулся.

— Это точно, сынок. Причем мастер своего дела. Но ты продолжай. Хочу выслушать тебя до конца.

Кевин взглянул на часы. Почти восемь. Никто из них не знал, что через две минуты Поп проснется и будет делать одно, а помнить совсем другое.

— Так вот, дело в том, что больше я купить кассет не мог. И потратил все деньги, которые у меня были, на три кассеты. Мне пришлось даже занять доллар у Меган, за что я разрешил ей сделать несколько снимков.

— То есть ты и Мег отсняли все, что у вас было? До последнего кадра?

— Да! *Да!* Он же сказал, что фотографий пятьдесят восемь! А после того, как я отдал ему все фотографии, и до того, как мы пришли к Попу, кассет я больше не покупал. Так что камеру я принес в магазин пустую, папа! И в маленьком окошке должен был стоять ноль! Я это видел, я помню! Если я разбил свою камеру, как могла показаться в окошке цифра три?

— Он *не мог*... — Мистер Дэлевен не договорил, лицо его помрачнело.

Он знал, что мог, конечно. Поп мог, но ему, Джону Дэлевену, очень уж не хотелось верить в то, что Поп поменял камеры. Выходит, предыдущая встреча с Попом не стала ему, Джону Дэлевену, хорошим уроком и старикан вновь, как и в прошлый раз, обдурил его, да еще и его сына.

— Не мог *что?* О чем ты думаешь, папа? Ты что-то вспомнил?

Все очень просто. Джону Дэлевену вспомнилось, как шустро Поп бросился вниз, за полароидными фотографиями, дабы отец и сын смогли рассмотреть, что болтается под шеей пса. Они таки рассмотрели и увидели, что это галстук-шнурок, последний подарок тети Хильды, с зажимом в виде птички, скорее всего дятла.

Мы можем пойти с вами, вроде бы сказал Кевин, но Поп ускакал один, его прямо-таки как ветром сдуло. Отмахнулся, сказав «*я на минуту*» или что-то в этом роде. «Дело в том, — не мог не признать мистер Дэлевен, — что я не обратил внимания на слова и поведение Попа, потому что хотел вновь поскорее увидеть этот чертов видеофильм. А вот у нас на глазах Поп никогда не решился бы обменять камеры. Хотя...» С неохотой мистер Дэлевен признал, что не только решился бы, но и обменял. Ведь этот сукин сын сделал все, чтобы задурить голову и ему, и Кевину! А раз они остались наверху, а вниз Поп спустился один, то мог поменять не одну камеру, а двадцать, времени ему хватило за глаза!

— Папа?

— Похоже, мог поменять, — выдавил мистер Дэлевен. — Но зачем?

Кевин лишь покачал головой. На этот вопрос ответить он не мог. Конечно, мальчик не мог. А вот мистер Дэлевен ответ этот нашел, и на душе у него полегчало. Может, честным людям *нет нужды* вновь и вновь изучать простейшие истины? Может, некоторые из этих истин запоминаются надолго, если не навсегда? И достаточно четко сформулировать вопрос, чтобы ответ выскакивал сам собой. Зачем Попы Мерриллы этого мира что-либо делают? Чтобы получить прибыль. Вот она, эта причина, главная причина, единственная причина. Кевин хотел уничтожить камеру. Мистер Дэлевен, просмотрев видеофильм, сделанный по заказу Попа, согласился с сыном. Из всех троих кто мог заглянуть чуть дальше?

Разумеется, Поп. Только он, Реджинальд Мэрион Поп Мерриллл.

Джон Дэлевен сидел на кровати Кевина, обняв его за плечи. Теперь он встал.

— Одевайся. Я спущусь и позвоню на работу. Предупрежу, что могу не прийти совсем.

Мысленно он уже разговаривал с Брэндоном Ридом, но эти мысли не помешали Джону увидеть, как просиял Кевин, как тревога растаяла на лице мальчика. Мистер Дэлевен улыбнулся. Его сын пока не стал взрослым. Отец еще в состоянии и утешить его, и помочь решить возникшие у него проблемы.

— Я думаю, мы должны навестить Попа Мерриллла. — Мистер Дэлевен направился к двери и бросил взгляд на часы. (Десять минут девятого. Как раз в это время в «Империи изобилия» кувалда обрушивалась на псевдонемецкие часы с кукушкой.) — Обычно Поп открывает магазин в половине девятого. Думаю, к этому времени мы и подъедем. Если, конечно, ты быстренько оденешься.

Джон Дэлевен взялся за ручку двери, губы его изогнулись в холодной улыбке. Улыбался он не сыну.

— Я думаю, этому продавцу придется кое-что объяснить, вот что я хочу сказать.

Глава 14

Касл-рокский «Супераптечный магазин Ла Вердье» никак не укладывался в категорию аптечных магазинов. Иначе говоря, аптечным он был в последнюю очередь. Словно кто-то перед самым открытием вспомнил, что в названии есть-таки слово «аптечный». Видимо, менеджеры компании, открывая очередной магазин «Ла Вердье», просто поленились чуть изменить вывеску, чтобы она более точно соответствовала предлагаемому набору товаров и звучала как «Супермагазин Ла Вердье». А потом кто-то из ответственных лиц отложил открытие на день или два, чтобы установить в магазине рецептурный прилавок размером с телефонную будку, найдя ему место в самом дальнем и темном углу, до которого добредет лишь самый любопытный из покупателей.

Так что «Супераптечный магазин Ла Вердье» больше смахивал на обычную «центовку»*. В Касл-Роке последней настоящей «центовкой» был «Магазин Бена Франклина», длинный зал с паркетным полом и свисающими с потолка шарами-люстрами. Он закрылся в 1978 году, уступив место салону видеоигр и видеофильмов, в котором по вторникам проводился «День взрослых», когда в один из залов не допускались покупатели моложе двадцати лет.

В «Ла Вердье» продавалось все то же, что и в прежнем «Бене Франклине», только товары купались в ярком свете флуоресцентных ламп, отражая его своими сверкающими обертками. «Купи меня! — казалось, кричал каждый товар. — Купи меня, или ты можешь умереть! Или может умереть твоя жена! Или твои дети! Или твой лучший друг! Возможно, все сразу! Почему? Откуда мне знать? Я — безмозглый товар, лежащий на полке «Ла Вердье»! Но ты чувствуешь, что это так? Ты

---

* Магазин товаров повседневного спроса типа «Тысячи мелочей».

знаешь, что так и будет! Поэтому купи меня, и все будет в порядке. Так ПОКУПАЙ! НЕМЕДЛЕННО!»

В одной секции продавалась галантерея, в двух — средства первой помощи и патентованные лекарства, не требующие рецепта врача, еще в одной — видео- и аудиокассеты, как пустые, так и с записями. На длинной полке стояли журналы и книги в мягкой обложке. У одного кассового аппарата покупателя ждал прилавок с зажигалками, у второго — с часами. Третий прилавок прятался в темном углу, где скучал фармацевт. Сладости и игрушки продавались в отдельной секции, за исключением периода от Дня Всех Святых* до Рождества, когда и первые, и вторые отвоевывали у остальных товаров еще два отдела. А в эту осень прямо перед входной дверью, можно сказать, на самом видном месте, в «Супераптечном магазине Ла Вердье» появился еще один красочно украшенный прилавок с ярким, привлекающим взгляды названием «ОСЕННИЙ ФОТОФЕСТИВАЛЬ». Возможно, появление этой секции указывало на наличие «иного мира», о существовании которого Кевин Дэлевен даже не догадывался, а Попа Меррилла мир этот интересовал только в одном аспекте: можно на нем заработать деньги или нет.

Стенд украшали осенние листья, а среди них в ярком свете купались фотоаппараты «Кодак» и полароидные камеры, в том числе и «Солнце-660». Нашлось место и для сопутствующих товаров: чехлов, альбомов, пленок, автономных электрических вспышек. Венчала это все старомодная тренога, напоминающая смертоносные машины марсиан из классического романа «Война миров» Герберта Уэллса. На треноге висела табличка с приятной вестью для покупателей: на этой неделе все полароидные камеры и сопутствующие им товары продаются со значительной скидкой.

В половине девятого утра, через полчаса после открытия «Ла Вердье», единственным покупателем в ма-

* 31 октября.

газине был Поп Меррилл. Таблички о скидке он даже не заметил, а прямиком прошествовал к единственному открытому прилавку, на который Молли Дархэм как раз выкладывала часы.

«Ага, вот и Старина Глазастик пожаловал», — подумала она и скорчила гримаску. Попу удавалось устраивать целое представление из покупки трубочного табака «Принц Альберт». Старик всегда подходил к ее кассе, даже если приходилось выстоять очередь. Молли думала, что это очень даже его устраивало. Обычно оплата одной покупки занимала максимум тридцать секунд, но когда дело касалось Глазастика, Молли радовалась, если он отходил от кассы через три минуты.

Деньги он хранил в потертом кожаном кошельке, закрепленном на поясе цепочкой. Доставал кошелек, не отрывая взгляда от Молли, можно сказать, разогреваясь, потом открывал его. Наверху у него лежали бумажные деньги, купюры грязные, затертые, такие в руки брать не хотелось, под ними позвякивала мелочь. Поп вытаскивал один доллар, потом толстыми пальцами прижимал остальные бумажки к стенке кошелька (он никогда не доставал два доллара, зачем лишать себя удовольствия?) и начинал выуживать из глубины монеты. В кошелек он даже не смотрел, предоставляя отбор монет пальцам.

Глаза занимались другим делом. Они ползали по ее буферам, животу, бедрам, вновь возвращались к буферам. Никогда не поднимались до лица, даже до рта, хотя именно рот чаще всего привлекает мужчин. Попа Меррилла привлекало другое: ее тело. Когда же он наконец набирал нужную сумму (Молли казалось, что на это уходила целая вечность) и покидал магазин, у нее возникало неодолимое желание принять душ.

Вот и теперь, увидев Попа Меррилла, она вся подобралась, готовясь к очередной экзекуции. «Ничего страшного, — успокаивала себя Молли, — он всего лишь смотрит на меня. Пора бы к этому привыкнуть. На меня все время таращатся». Все так, но не совсем.

Потому что Поп Меррилл очень уж отличался от мужчин, которые не отказывали себе в удовольствии полюбоваться ее роскошными формами. И не только тем, что Поп был стариком. Его взгляд, казалось, имел вес. Он давил, а глаза Попа буквально ощупывали ее тело, каждую выпуклость, каждую ложбинку. При встрече с Глазастиком Молли сожалела, что не ходит на работу в монашеском одеянии. Или в броне.

Но она помнила любимую фразу матери: «Чего нельзя избежать, то приходится терпеть, милая Молли». Так что, пока кто-то не придумал способа взвешивать взгляды, чтобы запретить наиболее похотливые, и пока Поп Меррилл не сдох, чем доставил бы немалое удовольствие многим жителям Касл-Рока, Молли не оставалось ничего другого, как мириться с неизбежным.

Правда, в тот день ее ждал приятный сюрприз. Во взгляде Попа она не увидела никаких чувств. Собственно, он смотрел не на Молли, а сквозь нее. Молли показалось, что Поп весь в своих мыслях и ему сейчас ни до чего. А мысли эти были далеко-далеко.

— Могу я вам чем-нибудь помочь, мистер Меррилл? — спросила Молли, а ноги уже несли ее к полке с табаком.

С Мерриллом все следовало делать быстро, потому что, поворачиваясь к нему спиной, девушка чувствовала, как липкий взгляд торопливо ощупывает ее ягодицы, потом пробегает по ногам и вновь принимается за прежнее занятие, чтобы все успеть до того, как Молли повернется к нему лицом.

— Да, — ровным, бесстрастным голосом ответил он, словно обращался к банкомату; сегодня девушка не вызывала у него ни малейшего интереса, и Молли это более чем устраивало. — Я бы хотел... — Тут он произнес слово, которое Молли не поняла.

Слово, которое она никогда не слышала. Какой-то невообразимый набор звуков. Вроде бы он сказал «тойфилмакко». Такого товара у них точно не было. Может, он назвал какое-то новое лекарство?

— Простите, мистер Меррилл?

— Пленку, — ясно и отчетливо произнес он.

Тут Молли решила, что он и в первый раз произнес именно это слово, просто ее уши услышали не пойми что.

— Какую пленку желаете?

— Для полароидной камеры, — ответил Поп. — Две кассеты.

Продавщица, конечно, не могла знать, что происходит, но у нее не осталось ни малейшего сомнения, что старичок, у которого самые грязные мысли во всем Касл-Роке, сегодня явно не в себе. Взгляд его плавал, а голос... почему-то голос напомнил Молли ее пятилетнюю племянницу Эллен, но она никак не могла уловить связи.

— Для какой модели, мистер Меррилл? — Пожалуй, спросила она резковато, но Поп Меррилл ничего не замечал. Поп Меррилл потерялся в далеком далеке. Смотрел не на нее, а на полку с сигаретами за левым плечом Молли. Наконец последовал ответ. Слова он будто выплевывал:

— Для полароидной камеры «Солнце». Модель 660.

Тут до нее дошло, откуда эти мысли об Эллен. В тот самый момент, когда Молли сказала ему, что должна взять кассеты с выставочного стенда. У племянницы был большой мягкий плюшевый медведь-панда, которого она, по причинам, ведомым только ей или какой-либо другой маленькой девочке, назвала Полетт. Где-то внутри Полетт стояло электронное устройство с чипом памяти, в котором хранились четыре сотни коротких простых предложений вроде «Мне нравится обниматься, а тебе?» или «Хочу, чтобы ты никогда не уходила». Стоило надавить Полетт повыше пушистого пупка, как после паузы раздавалась одна из этих коротких фраз; слова произносились отрывисто, будто выплевывались, отстраненным, лишенным эмоций голосом, тон которого резко контрастировал со смыслом произносимого.

Молли постоянно ждала от Полетт какого-то подвоха. Всякий раз, когда Эллен надавливала кулачком на мягкий живот медведя, ей казалось, что сейчас медвежонок удивит всех (за исключением тети Молли из Касл-Рока), сказав, что он действительно думает, например: «Этой ночью, после того, как вы уснете, я вас задушу», — или что-нибудь попроще, вроде: «У меня есть нож».

В то утро Меррилл говорил как плюшевый медведь. И пустым взглядом ничем не отличался от него. Молли всегда думала, что хуже похотливого взгляда этого старика ничего быть не могло. Как выяснилось, могло.

Молли направилась к выставочному стенду, впервые не ощущая ягодицами липкого, ощупывающего взгляда, и постаралась как можно быстрее найти то, о чем просил Поп Меррилл. Она нисколько не сомневалась, что смотрит старик куда угодно, только не на нее. Тут Молли не ошиблась. Когда она взяла кассеты (скинув пару листьев с одной из них) и пошла к прилавку, Поп по-прежнему смотрел на стойку с сигаретами, вроде бы внимательно изучая ассортимент. Но через секунду или две Молли поняла, что он смотрит, но ничего не видит. Глаза его наполняла божественная пустота.

Пожалуйста, скорее уйди отсюда, мысленно взмолилась Молли, *пожалуйста, возьми эти кассеты и уйди. Пожалуйста.*

Если бы Поп прикоснулся к ней с такой пустотой в глазах, Молли бы закричала. Точно бы закричала. И почему магазин так пуст? Почему нет других покупателей? Она бы предпочла шерифа Пэнгборна, но, раз он вроде бы обручился, сошел бы и кто угодно. Молли предполагала, что мистер Константин, фармацевт, где-то в магазине, но рецептурный прилавок находился в доброй четверти мили от нее. Она знала, что рецептурный прилавок не может находиться так далеко, тут она сильно загнула, но мистер Константин ни-

чем не смог бы ей помочь, пожелай старик Поп Меррилл прикоснуться к ней. А если мистер Константин пошел в кафетерий «Нэн» выпить чашечку кофе с мистером Китоном, помощником члена городского управления? Если случается что-то из ряда вон выходящее, почему оно должно случиться в тот самый момент, когда ты одна?

«У него не все в порядке с головой», — подумала Молли и тут же услышала свой наигранно-веселый голос:

— Вот ваши кассеты, мистер Меррилл.

Она положила кассеты на прилавок и невольно подалась налево, под защиту кассового аппарата: ей стало чуть легче.

Из брючного кармана Поп Меррилл выудил свой затертый, многое повидавший кошелек, и ее негнущиеся пальцы отбили на кассовом аппарате совсем не ту сумму, которую следовало получить. Правда, со второго раза удалось пробить правильно.

Поп Меррилл уже протягивал ей две десятки.

Она говорила себе, что десятки эти просто помялись и истерлись, что они, возможно, не такие старые, хотя и выглядели старыми. На том, правда, бег ее мыслей не остановился. Внутренний голос забубнил, что десятки не просто мятые, они мятые и склизкие. И старыми их назвать нельзя, эпитет «старые» к ним совсем не подходит. Для этих денежных знаков не годился даже термин «древние». Это были доисторические десятки, отпечатанные до того, как родился Христос, до того, как построили Стоунхендж, до того, как первый низколобый, без шеи, неандерталец вылез из пещеры. Десятки эти принадлежали к тому времени, когда Господь Бог еще был ребенком.

Молли не хотела прикасаться к ним.

Но ей не оставалось ничего другого, как прикоснуться.

Покупатель ждал сдачи.

Невероятным усилием воли она заставила себя взять купюры, как можно быстрее затолкала их в ящи-

чек выдвижной панели кассового аппарата, зацепилась ногтем, но даже не заметила пронзительной боли: ей было не до того. «Правда, вести себя как девочка-подросток перед первой менструацией тоже непростительно», — сказала себе Молли.

Теперь она стремилась как можно быстрее набрать сдачу, но, даже вытаскивая другие купюры, она не могла забыть, какие ощущения вызвали у нее две десятки этого Меррилла. Они буквально кишели микробами, которые, казалось, шевелились под подушечками его пальцев. Миллиардами микробов, огромных микробов, видимых невооруженным глазом, и все они хотели переползти на ее кожу, заразить ее неведомыми миру болезнями.

Но покупатель ждал сдачи.

Молли попыталась сконцентрироваться на сдаче, сжала губы так, что они побелели. Четыре долларовые бумажки не хотели, просто не желали вылезать из-под валика, который удерживал их в ящичке. Теперь надо добавить к ним десятицентовик, но... Господи, в кассе ни одного десятицентовика! Да что же это такое происходит, черт побери! Почему она так долго обслуживает этого странного старика, и именно в то утро, когда он, впервые в истории, хочет побыстрее уйти из магазина?

Наконец Молли выудила пятицентовую монету, всем своим существом чувствуя его молчаливое присутствие (она опасалась, что, подняв голову, увидит Меррилла совсем рядом с собой, перегнувшегося через прилавок), потом три по центу, четыре, пять... но последняя выскользнула из ее пальцев и упала в ящичек к четвертакам, и Молли пришлось вновь охотиться за ней похолодевшими, онемевшими пальцами. Пятый цент тоже едва не выпал из дрожащих пальцев, она почувствовала пот на шее и на узкой полоске кожи между носом и верхней губой. И вот, крепко сжимая монеты в кулаке и надеясь на то, что старик не протянет руку, что ей не придется прикасаться к его сухой, чешуйчатой коже, но предчувствуя, что протянет,

Молли подняла глаза и натянула на лицо радостную «ла-вердьевскую» улыбку, от которой едва не лопнули окаменевшие мышцы. Девушка старалась убедить себя, что ничего страшного все равно не произойдет: Поп возьмет сдачу и уйдет. Но внутренний голос твердил другое, и мысленным взором она внезапно увидела, как эта сухая рука, скорее похожая на лапу птицы, хватает не сдачу, а ее руку. Молли гнала от себя эти образы, не желала их видеть, но...

Когда она наконец подняла голову, улыбка исчезла со скоростью курьерского поезда.

В магазине, кроме нее, никого не было.

Поп ушел.

Ушел, пока она уговаривала себя и набирала сдачу.

Молли начала бить мелкая дрожь. Если и требовалось доказательство того, что старик не в себе, то более убедительного она и представить себе не могла. Такое не оставило бы сомнений даже у самого закоренелого скептика. Впервые на ее памяти (и на памяти всего городка, она могла бы на это поспорить и наверняка выиграла бы) Поп Меррилл, который отказывался дать официанту чаевые даже в тех редких случаях, когда обедал в ресторане, ушел с покупкой, не дождавшись сдачи.

Пальцы Молли разжались, четыре долларовые купюры, пятицентовик и пять монет по одному центу упали на стеклянный прилавок. Молли не хотела прикасаться к этим деньгам.

Но более всего не хотела вновь увидеть Попа Меррилла.

Глава 15

Пустота в глазах Попа сохранилась и после того, как он покинул «Ла Вердье». Оставалась и когда он пересекал тротуар с кассетами в руке. Пустота исчезла, уступив место тревожной настороженности, лишь ко-

гда он ступил в ливневую канаву и... замер. Одной ногой на тротуаре, другой — среди окурков и пакетиков из-под чипсов. Поп, которого Молли видела в магазине, уступил место другому Попу, которого Молли также никогда не видела, но которого прекрасно знали те, кого старик без труда обводил вокруг пальца. Не Меррилл-сладострастник и не Меррилл-робот, а Меррилл — хитрый и коварный зверь. И этот Меррилл такой свой образ предпочитал не демонстрировать публично. Поп полагал, что нет нужды всем знать, каков он на самом деле, каково его истинное «я».

Однако в то утро хозяин «Империи изобилия» потерял контроль над собой, да и улица пустовала, так что его никто не видел. А перед тем, кому бы он попался навстречу, предстал бы не Меррилл — философ точной механики, и даже не Меррилл — ловкий торговец. Случайный прохожий увидел бы *душу* Меррилла. Внешне Поп в тот момент очень уж напоминал голодного бездомного пса, пробравшегося в сарай, где забивают кур, и замершего, навострив уши, чуть склонив голову, оскалив клыки: услышал какой-то звук в доме фермера и думает о ружье с двумя широкими дырами, образующими цифру восемь. Пес, конечно, не знает, что есть цифра восемь, но может предугадать, откуда исходит угроза, на то ему и даны инстинкты.

На другой стороне улицы Поп видел желтоватый фасад «Империи изобилия», чуть в стороне от пустующего здания, в котором раньше находилась «Деревенская прачечная», кафетерия «Нэн», магазина готового платья, в котором хозяйничала правнучка Эвви Чалмерс, Полли (о ней мы поговорим в другой раз).

Стоянки для автомобилей перед каждым из магазинов пустовали... Однако на одну как раз сейчас въезжал «форд». Поп узнал этот автомобиль. В утренней тишине далеко разносился шум работающего двигателя. Затем двигатель заглох, вспыхнули и погасли тормозные огни. Поп вытащил ногу из сливной канавы и попятился к магазину «Ла Вердье». Остановился у са-

мого угла — все тот же пес, настороженно прислушивающийся к каждому звуку, трезво оценивающий, веет от этого звука смертью или нет.

Дэлевены вышли из машины и направились к «Империи изобилия». Старший нетерпеливо заколотил в дверь. Удары донеслись до Попа так же отчетливо, как и шум работающего двигателя. Последовала пауза, Дэлевены прислушались, затем удары вновь посыпались на дверь. Не требовалось большого ума, чтобы понять, что Джон кипит от ярости.

Они знают, подумал Поп. *Каким-то образом они узнали. Чертовски хорошо, что я разбил эту чертову камеру.*

Он постоял не шевелясь, лишь глаза обшаривали улицу, потом обогнул угол аптечного магазина и скрылся в проулке между «Ла Вердье» и соседствующим с ним банком. Двигался он быстро и уверенно, словно скинул лет пятьдесят.

В это утро, решил Поп, целесообразнее добираться до дома по задворкам.

Глава 16

Не получив ответа, Джон Дэлевен в третий раз принялся барабанить в дверь, да так, что жалобно задребезжали стекла. Даже отшиб себе руку, и боль заставила Джона почувствовать, насколько же он зол. Гнев этот его не удивил. Если Меррилл сделал то, о чем говорил Кевин, а отец чувствовал, что сын не ошибся, то у Джона Дэлевена были все основания так злиться. Удивило его другое: до этого момента он и не подозревал, что так разгневан.

Похоже, я не так уж хорошо себя знаю, как считал. И мысль эта немного успокоила его. Джон даже чуть улыбнулся.

А вот Кевин не улыбался. Его тревога росла.

— Вариантов немного. — Мистер Дэлевен повернулся к сыну. — Или Меррилл ушел по делам, или сидит наверху и не отвечает, или понял, что мы обо всем догадались, и удрал с камерой. — Помолчал, а затем рассмеялся. — Впрочем, есть и четвертый вариант. Может, он умер во сне.

— Не умер. — Кевин прижался носом к грязной, пыльной стеклянной панели двери.

Лучше б он никогда не открывал эту дверь! Мальчик заслонил ладонями глаза так, чтобы солнечный свет не мешал видеть то...

— Посмотри!

Мистер Дэлевен так же прижался носом к стеклу. Они стояли бок о бок, спиной к улице, вглядываясь в полумрак «Империи изобилия».

— Что ж, — вырвалось наконец у мистера Дэлевена. — Если он и удрал, то все свое дерьмо оставил...

— Да... но я не про это. Ты ее увидел?

— Увидел что?

— Висит на крюке. Рядом со шкафом, на котором часы.

Мгновение спустя мистер Дэлевен ее разглядел: полароидную камеру, свисающую на ремне с крюка. Ему даже показалось, что он видит дырку сбоку, но, возможно, это лишь почудилось.

Но нет, ему не почудилось.

Улыбка Джона растаяла, как только он осознал, что чувствует то же, что и Кевин: давящую неотвратимость того, что должно свершиться, четкое ощущение того, что этот вроде бы простой, но очень опасный механизм по-прежнему работает... и в отличие от многих часов Попа работает без сбоя.

— Ты думаешь, Меррилл сидит наверху и ждет, пока мы уйдем? — вслух спросил мистер Дэлевен самого себя.

Замок на двери выглядел новым и дорогим, но он готов поставить последний доллар на то, что от хорошего удара замок вылетит из старого дерева. Не зря же

 говорят: замок хорош только в крепкой двери. Но люди об этом редко задумываются.

Кевин повернулся к отцу. Выражение его лица потрясло Джона Дэлевена. Он подумал: *Интересно, как часто у отца появляется возможность увидеть, каким будет его сын, когда вырастет? Не всегда, конечно, лицо мальчика будет таким напряженным, таким вымученным. Господи, как я на это надеюсь!*

Но оно будет выглядеть именно так. Боже мой, в какого симпатичного парня он вырастет!

На мгновение Джон забыл о настоящем, но только на мгновение. Если и оторвался от реальности, то никогда не забывал, что она здесь, никуда не делась.

— Что будем делать, папа? — прохрипел Кевин. — Что?

— Ты хочешь вломиться в магазин? Я не возражаю.

— Еще нет. Может, мы сможем обойтись без этого. Не думаю, что Меррилл в магазине... но он где-то неподалеку.

Ты же не можешь этого знать, подумал мистер Дэлевен. *Не можешь даже предугадать.*

Но его сын знал, и почему-то отец верил ему. Какая-то связь установилась между Попом и Кевином. Какая-то? Чушь собачья. Отец прекрасно понимал, что это за связь. Их связывала чертова полароидная камера, висевшая на крюке. И чем дольше она работала, чем дольше вертелись невидимые ему шестерни, тем меньше это нравилось мистеру Дэлевену.

Надо разбить камеру, думал он. *Надо скорее разбить камеру.*

— Ты уверен, Кев?

— Давай зайдем со двора. Попробуем ту дверь.

— Там ворота. Он их запирает.

— Может, мы сможем перелезть через забор.

— Попробуем, — кивнул мистер Дэлевен и поспешил за сыном в проулок, спрашивая себя при этом: «А не сошел ли я с ума?»

Ворота открылись от легкого толчка. Так уж получилось, что Поп забыл их запереть. Мистеру Дэлевену не очень-то хотелось лезть через забор, тем более свалиться с него и что-нибудь сломать, но и открытые ворота его тоже не порадовали. Тем не менее они вошли во двор Попа, заваленный не пойми чем, не говоря уже об опавших листьях.

Дэлевены оказались у колоды для колки дров как раз в тот момент, когда Поп выходил на Тутовую улицу, в квартале к западу. Он намеревался дойти до здания и участка, принадлежащих лесозаготовительной компании Уолфа Джоу. Хотя грузовики для перевозки опилок уже катили по дорогам западного Мэна, а на лесопилках давно визжали пилы, в конторе первый человек появлялся ровно в девять утра, то есть через пятнадцать минут. Сзади участок лесозаготовительной компании огораживал высокий забор. За забором находился двор «Империи изобилия». Ключ у Попа от запертых ворот был.

Кевин уставился на колоду. Мистер Дэлевен проследил за взглядом сына, и его брови удивленно взлетели вверх. Он открыл рот, дабы спросить, а что все это значит, но закрыл, не произнеся ни слова. Потому как и без Кевина сообразил что к чему. Мистер Дэлевен уже понимал: творится нечто более чем *странное* (не хотелось говорить сверхъестественное), и Поп прямым образом во всем этом замешан. Мистер Дэлевен понял еще одно: импульсивные поступки в данной ситуации могут привести к необратимым последствиям. Которых очень хотелось избежать.

Сначала Джону показалось, что он смотрит на остатки полароидной камеры. Разумеется, это подбросил глазам его разум, стремящийся найти рациональное объяснение. Но то, что лежало на колоде и рядом с ней, никоим образом не напоминало полароидную камеру. Все эти шестерни, оси, пружинки скорее были от часов. Тут мистер Дэлевен увидел мертвую мульт-

фильмовскую птичку и догадался, что это было. Хотел уже узнать у Кевина, зачем Поп притащил во двор часы с кукушкой, положил на колоду для колки дров и разнес вдребезги ударом кувалды, но немного подумал и решил не спрашивать. Тем более что ответ становился ясен. Мистеру Дэлевену он не нравился: какой-то безумный получался ответ...

Часы с кукушкой надо куда-то вешать. Этого требовали маятниковый рычаг и противовесы. И куда вешают часы с кукушкой? Естественно, на крюк.

Торчащий из стены крюк.

Такой вот крюк, на котором сейчас висела полароидная камера Кевина.

Вот *теперь* мистер Дэлевен заговорил. И слова его словно донеслись издалека:

— Что с ним происходит, Кевин? Он сошел с ума?

— *Не сошел*, — ответил Кевин, не отрывая глаз от разбитых часов, и голос мальчика тоже пришел откуда-то со стороны. — Его *свели с ума*. Это сделала камера.

— Мы должны ее разбить! — воскликнул мистер Дэлевен; слова эти зазвучали в его ушах прежде, чем сорвались с языка.

— Рано, — покачал головой Кевин. — Сначала мы должны пойти в аптечный магазин. У них распродажа.

— Распродажа чего? — спросил мистер Дэлевен.

Сын коснулся его руки. Кевин стоял подняв голову, словно принюхивающийся олень. В этот момент мальчик казался не просто красивым — божественным, напоминая молодого поэта в час его смерти.

— *Что* такое? — встревоженно спросил мистер Дэлевен.

— Ты ничего не слышал? — Настороженность уступила место сомнению.

— Машину на улице, — ответил мистер Дэлевен.

«На сколько я старше сына? — неожиданно подумал он. — На двадцать пять лет? Господи, не пора ли мне вспомнить о том, что я взрослый?» Неординарность ситуации давила на Джона.

Он чувствовал, что зрелостью тут не возьмешь, но предложить ничего не мог.

— Других звуков точно не было, папа?

— Нет. Кевин, ты очень уж нервничаешь. Возьми себя в руки, а не то... — («Что — не то?» Но Джон знал, что хотел добавить, и невесело рассмеялся.) — А не то мы убежим, как два перепуганных кролика.

Кевин задумчиво посмотрел на отца, словно пробудился от глубокого сна, точнее, вышел из транса, и кивнул.

— Пошли отсюда.

— Кевин, но зачем? Что ты задумал? Он, может быть, наверху, просто не хочет выходить к...

— Я скажу тебе, когда мы выберемся отсюда. *Пошли.* — Мальчик буквально тащил отца со двора Попа, а затем и с проулка, ведущего к улице.

— Кевин, ты хочешь оторвать мне руку? — спросил мистер Дэлевен, когда они вернулись на тротуар.

— Он точно там был, — объяснил Кевин. — Прятался. Ждал, пока мы уйдем. Я почувствовал его присутствие.

— Он там... — Мистер Дэлевен остановился, потом снова зашагал. — Хорошо, он там был. Допустим, он был в магазине. Может, нам вернуться и взять его в оборот? — Отец помолчал и, смирившись с тем, что сразу они не вернутся, добавил: — *Где* он был?

— С другой стороны забора. — Взгляд Кевина плавал, и отцу это совсем не нравилось. — Меррилл уже побывал там. Получил то, что хотел. Нам надо поторопиться.

Кевин собрался перейти на другую сторону улицы, где располагался магазин «Ла Вердье». Мистер Дэлевен схватил его, как кондуктор «зайца», пытающегося прошмыгнуть в вагон без билета.

— *Кевин, что ты такое говоришь?*

Вот тут Кевин все и сказал. Посмотрел на отца и сказал.

— Пойдем, папа. Пожалуйста. Речь идет о моей жизни. — В его глазах застыла мольба. — Пес уже рядом. Мы не можем просто ворваться в дом и разбить камеру. Уже поздно. Пожалуйста, не останавливай меня. Пожалуйста, не буди меня. Речь идет о моей *жизни*.

Мистер Дэлевен хотел предпринять еще одну попытку, чтобы устоять перед всем этим безумием, но... сдался.

— Пошли! — Он снова схватил сына за локоть и увлек к аптечному магазину. — Сделаем то, что ты считаешь необходимым... Времени нам хватит?

— Я в этом не уверен, — ответил Кевин и с неохотой добавил: — Боюсь, что нет.

Глава 17

Поп ждал за деревянным забором, подглядывая за Дэлевенами через замочную скважину. Пачку табака он засунул в задний карман, чтобы пальцам ничто не мешало сжиматься и разжиматься, сжиматься и разжиматься.

Вы на моей территории, лихорадочно стучало в виски. Попу более всего хотелось добраться до этих Дэлевенов, растоптать, убить. *Вы на моей территории, черт побери, вы на моей территории!*

Конечно, следовало призвать закон и обрушить его на головы этих негодяев. Вот что следовало сделать. И Меррилл бы это непременно сделал, если бы они не стояли над обломками камеры, которую мальчик должен был собственноручно уничтожить две недели назад. Поп полагал, что и в этой ситуации удалось бы призвать их к порядку, но в то же время старик хорошо знал, как относятся к нему в этом городе. Пэнгборн, Китон, все остальные.

Шваль — вот что о нем думали в Касл-Роке. Шваль. *До тех пор, пока сами не загоняли себя в угол*

Пальцы сжимались и разжимались, сжимались и разжимались.

Дэлевены разговаривали, но Поп их не слушал. Он весь кипел от ярости. Внутренний голос без устали твердил: *Они на моей территории, и я ничего не могу с этим поделать! Они на моей территории, и я ничего не могу с этим поделать! Будь они прокляты! Будь прокляты!*

Наконец Дэлевены ушли. Как только Поп услышал скрип старых ворот, он сунул ключ в замок и отомкнул его. Проскользнул во двор, миновал дверь черного хода и побежал, как молодой, прижимая руку к правому бедру, словно в этом месте ему досаждала боль. Но ничего не болело. Просто Поп боялся, что у него из кармана выпадут ключи или кошелек, которые и подхватят затаившиеся Дэлевены. Попа не удивило бы, если бы отец и сын спрятались в засаде, поджидая его. «Если имеешь дело с подонками, то надо ожидать от них поведения подонков», — в бешенстве думал он.

Поп вытащил ключи из кармана, они звякнули. Поп — его лицо перекосилось от страха — взглянул через плечо, не высунулась ли откуда глупая физиономия Кевина. Но нет, никто ниоткуда не высунулся.

Пока.

Он нашел нужный ключ, вставил в замок, повернул. Дверь в магазин открылась. Поп переступил порог, тут же закрыл ее за собой да еще задвинул засов. Облегченно вздохнул и прошел в свою «Империю изобилия». Тут он чувствовал себя как дома. Мог бы пройти этими узкими коридорами хоть во сне... тот факт, что и *ходил*, на какое-то время исчез из его памяти, как и многое другое.

Маленькое грязное окошко смотрело на узкий проулок, по которому прошли Дэлевены, чтобы попасть на его территорию. Сквозь немытые стекла виднелась и часть улицы.

Поп пробрался к окну между стопок никому не нужных старых журналов. Увидел спины Дэлевенов. Догадался, что отец и сын идут в «Ла Вердье». Наверное, будут там спрашивать о нем. Но что им с может сказать эта сучка продавщица? Что мистер Меррилл был и ушел. А что еще?

Что он купил две упаковки трубочного табака.

Поп улыбнулся.

За *это* его не повесят.

Поп нашел коричневую сумку, вышел с ней во двор, пошел было к колоде для колки дров, но передумал и повернул к воротам. Зачем повторять допущенные ошибки?

Заперев ворота, он вернулся к колоде, собрал кусочки разбитой «поларoидной камеры». Работал он быстро, но старался ничего не пропустить и ничего не оставить. Поднял с земли все, за исключением разве самых мелких осколков и щепочек.

Полицейские эксперты, возможно, смогут идентифицировать валяющийся на земле мусор. Поп видел, как это делается в телевизионных полицейских сериалах (видеофильмы про полицию он не смотрел принципиально): мужчины и женщины с умным видом ползают по месту преступления, с щеточками, пылесосами, даже пинцетами, что-то подбирают, складывают в пластиковые пакетики. Управление шерифа Касл-Рока специального снаряжения не имело. И Поп сомневался, что Пэнгборн уговорит полицию штата прислать своих экспертов, даже если шерифа убедят обратиться в полицию штата.

Да и не смогут Дэлевены обвинить его в краже поларoидной камеры. А если начнут объяснять что к чему, их примут за сумасшедших.

Собрав остатки «камеры», Поп ретировался в магазин, открыл «особый» ящик, сунул в него коричневую сумку, задвинул ящик, запер и убрал ключи в карман. С *этим* вопрос решен. Поп все знал и об ордере

на обыск. Скорее в аду пойдет снег, чем Дэлевены уговорят Пэнгборна обратиться в окружной суд с просьбой выписать такой ордер. Нет, он избавится от остатков камеры задолго до того, как шериф получит-таки ордер на обыск. А избавляться от нее прямо сейчас опаснее, чем упрятать под замок. Дэлевены могут снова прийти и застать его за этим делом. Лучше переждать.

Потому что они *обязательно* вернутся.

Поп Меррилл в этом ни на секунду не сомневался, как не сомневался в том, что его фамилия Меррилл.

Позже, когда уляжется вся суета, он сможет подойти к мальчику и сказать: *Да, все так. Я сделал все то, о чем ты думаешь. А теперь почему бы нам не забыть прошлое? Будем считать, что мы друг друга не знаем... хорошо? Мы можем себе это позволить. Тебе так не кажется, по крайней мере сейчас, но можем. Смотри сам... ты хотел разбить камеру, так как считал, что она опасна, а я хотел ее продать, потому что считал, что она может принести прибыль. Как выяснилось, ты был прав, а я ошибался, по-моему, можно считать, что ты мне отомстил. Если бы ты знал меня лучше, других объяснений тебе не потребовалось бы. Не так уж много наберется людей в городе, перед которыми я признавал свои ошибки. Мне это очень неприятно, вот что я хочу сказать, но не в этом дело. Даже если я ошибаюсь, то предпочитаю никому в этом не признаваться. И потом, парень, я сделал то, что ты хотел сделать с самого начала. Мы прошли один и тот же путь, вот что я хочу сказать, и, считаю, можем больше не поминать прошлое. Я знаю, что ты обо мне думаешь; знаю, что я о тебе думаю; и ни один из нас не будет выдвигать другого на пост руководителя парада в честь Дня независимости. Но с этим можно жить, не так ли? Что я хочу сказать, мы оба рады тому, что проклятой камеры больше нет, так давай поставим на этом точку и разойдемся в разные стороны.*

Но такой монолог Поп Меррилл мог произнести позже — при благополучных обстоятельствах, — если бы вообще решился произнести. Сначала все должны успокоиться. А сейчас каждый из них готов вырвать у него из задницы кусок мяса, как

(пес на полароидной фотографии)

как... ну, не важно, мало ли с кем их можно сравнить. Главное, вести себя как всегда, заниматься обычными делами и изображать из себя невинное дитя, когда Дэлевены вновь появятся в магазине.

Потому что они *обязательно* появятся.

Но бояться этого не стоит. Бояться не стоит, потому что...

— Потому что ситуация под контролем, — прошептал Поп. — Что я хочу сказать, *вот так*.

Он подошел к входной двери, перевернул табличку с «Закрыто» на «Открыто» (потом вновь повернул ее на «Закрыто», но не заметил этого). Вот так, начало положено. А теперь? Притворимся, что этот день никак и ничем не отличается от любого другого. Изобразим изумление, когда они прибегут, готовые умереть за то, что уже давно мертво и похоронено.

Итак... каким же заниматься делом, когда они явятся с шерифом Пэнгборном или без него?

Взгляд Попа упал на часы с кукушкой, висевшие на крюке рядом с красивым шкафом, который он купил на распродаже в Сибаго месяц или полтора назад. Не очень хорошие часы, дешевка, но если их подновить, то, возможно, удастся продать лыжникам, которые появятся здесь через месяц-другой, кому-нибудь из тех, кому нужны настенные часы для летнего коттеджа. Почему нет? В сельском доме они могут и смотреться. Вряд ли кто из этих лыжников поймет, что покупка таких часов не решение проблемы, а лишняя головная боль.

Поп мог бы пожалеть этого лыжника, но считал своей главной задачей никогда не разочаровывать покупателя. *Раз человек хочет* что-то купить, значит, ему

это *надо*, а он, Поп, должен зарабатывать на жизнь, не так ли?

Да. Значит, Поп будет сидеть за верстаком и возиться с часами, проверяя, ходят ли они вообще, а если ходят, то как точно. И Дэлевены, появившись в магазине, застанут его за этим занятием. А может, заглянут и другие покупатели. Он на это надеялся, хотя летний сезон уже закончился, а зимний еще не начался. Покупатели, конечно, хорошо, но главное — как будет выглядеть он сам: обычный человек, которому нечего скрывать, занятый привычным делом в самый что ни на есть обычный день.

Поп подошел к крюку, снял «часы с кукушкой», осторожно, чтобы не запутались цепи противовесов. Понес часы к верстаку, что-то напевая себе под нос. Положил их на верстак, потом ощупал задний карман. Трубочный табак. Только что купленный. Хорошее дело.

Поп подумал о том, что неплохо бы покурить, прежде чем браться за работу.

Глава 18

— Ты не можешь знать, что Поп тут побывал, — неуверенно протестовал мистер Дэлевен, когда они вошли в «Супераптечный магазин Ла Вердье».

Не отвечая, Кевин направился к прилавку, за которым стояла Молли Дархэм. Все ее волнения, связанные с недавним появлением Попа Меррилла, остались позади, чувствовала она себя куда лучше. История эта теперь казалась ей довольно-таки глупой, словно кошмар, после которого просыпаешься и думаешь: *И я ЭТОГО боялась? Как я могла подумать, что такое может случиться со мной, даже во сне?*

Но когда Молли увидела перед собой побледневшее лицо Дэлевена-младшего, то *поняла*, что испугать-

 ся еще как можно, даже того, что случается только во сне.

— Здесь побывал Поп Меррилл. — В голосе Кевина не слышалось вопросительных интонаций. — Что он купил?

— Пожалуйста, извините, — вмешался мистер Дэлевен. — Мой сын не очень хорошо себя чув...

Тут он взглянул на Молли и замолчал: она выглядела так, словно увидела человека, которому только что оторвало руку.

— Мой Бог! — выдохнула продавщица.

— Он купил пленку? — спросил Кевин.

— Что с ним такое? — ответила Молли вопросом на вопрос. — Я заметила, что с ним что-то не так, как только старик вошел в магазин. Что с ним? Он... что-то сделал?

Господи, подумал Дэлевен. *Кевин ЗНАЛ. Значит, все это правда.*

И в этот самый момент мистер Дэлевен принял историческое решение: сдаться. Полностью и окончательно. Он, отец, вверил себя в руки пятнадцатилетнего сына.

— Мистер Меррилл купил пленку, не так ли? — настаивал Кевин; у Молли задрожали губы. — Полароидную кассету. Оттуда. — Мальчик указал на выставочный стенд.

— Да. — Теперь Молли побледнела, как и Кевин; на ее щеках остались лишь пятна наложенных утром румян. — Он был такой... странный. Словно говорящая кукла. Что с ним случилось? Почему...

Но Кевин уже повернулся к отцу:

— Мне нужна камера. Немедленно. Полароидная камера «Солнце-660». Такие здесь есть. Они выставлены на стенде. Видишь?

Несмотря на принятое решение, мистер Дэлевен все-таки попытался воззвать к здравому смыслу.

— Зачем... — начал он, но Кевин оборвал его.

— *Я не* ЗНАЮ *зачем!* — выкрикнул он.

Молли Дархэм аж подпрыгнула. Кевин Дэлевен пугал ее не меньше, чем Поп Меррилл. Чего ей больше всего хотелось, так это убежать домой, подняться в спальню, залезть в постель и укрыться с головой одеялом.

— Но мы должны ее иметь, папа! Время на исходе!

— Дайте мне одну из этих камер, — попросил мистер Дэлевен, дрожащими руками доставая бумажник и не замечая, что Кевин уже бежит к выставочному стенду.

— Берите любую, — услышала Молли свой дрожащий голос. — Берите любую и уходите!

Глава 19

А в «Империи изобилия» Поп Меррилл, искренне верящий в то, что чинит дешевые часы с кукушкой, вставил кассету в полароидную камеру Кевина. Захлопнул крышку. Послышалось жужжание, и камера «выплюнула» картонный квадратик. *Такое ощущение, что у чертовой кукушки фарингит,* подумал Поп. *Наверное, где-то проскальзывает шестеренка. Это я вылечу.*

— Я тебя починю. — Поп поднял камеру.

Приложился пустым глазом к видоискателю с трещиной на стекле, тоненькой, как волосок. Навел «Солнце-660» на входную дверь, хотя никакого значения *это* уже не имело. Куда бы он ни направлял ее, нацелена она была на некого черного пса, к созданию которого Бог не имел ни малейшего отношения, в маленьком городке, названном для удобства Полароидсвиллом, который также возник не по воле Господа.

ВСПЫШКА!

С тем же негромким жужжанием из камеры Кевина выползла новая фотография.

— Может, я не только научу тебя говорить, птичка, — удовлетворенно пробормотал Поп. — Что я хочу сказать, может, ты у меня и запоешь. Этого я тебе не обещаю, но попытаюсь.

Поп холодно улыбнулся и вновь нажал на спуск.

ВСПЫШКА!

На полпути к «Империи изобилия» Джон Дэлевен увидел беззвучную белую вспышку, подсветившую грязные витрины магазина. *Вспышка* была беззвучной, но следом за ней донеслось низкое, глухое громыхание, вроде бы идущее из все того же магазина старика... но только потому, что именно там оно могло прорваться наружу. Хотя скорее всего исходило-то это громыхание из-под земли... только в земле хватило бы места тому, кто мог так рычать.

— Бежим, папа! — крикнул Кевин. — *Он уже фотографирует!*

Вспышка повторилась, полыхнув белым в витринах «Империи изобилия». Вновь донесся глухой рев, словно какое-то невообразимо ужасное животное пробуждалось ото сна.

Разум мистера Дэлевена отказывался понимать происходящее вокруг. Он хотел объяснить, что полароидная камера не может дать такой сильной вспышки, но Кевин уже мчался к магазину.

Побежал и мистер Дэлевен, на этот раз совершенно ясно понимая, что ему необходимо сделать: схватить сына за воротник и утащить отсюда, прежде чем случится нечто жуткое.

Глава 20

Вторая полароидная фотография, сделанная Попом, окончательно вытолкнула из щели первую, и она тяжело упала на верстак. Куда тяжелее, чем мог бы

упасть химически обработанный кусочек картона.

Полароидный пес занимал уже весь квадрат фотографии. Огромная голова, черные пещеры глаз, дымящаяся зубастая пасть. Череп напоминал по форме пулю или каплю. В кадр попадали только вершины штакетин, все остальное закрывали мощные плечи этой твари.

Под шеей у полароидного пса болтался галстук-шнурок, подаренный Кевину на день рождения богатой тетей Хильдой.

— Получается, сучье вымя! — воскликнул Поп. Его глаза ослепли от ярких вспышек. Он не видел ни полароидной камеры, ни пса. Только безголосую кукушку, которую он яростно чинил. — Ты у меня запоешь, черт бы тебя побрал! Я *заставлю* тебя запеть!

ВСПЫШКА!

Третья фотография вытолкнула из щели вторую. Падала она очень быстро, скорее как камень, а не кусочек картона, и, ударившись о верстак, выщибла из деревянной поверхности несколько щепок.

На этой фотографии голова получилась более размытой, словно не в фокусе, тело превратилось в колонну плоти, странным образом ставшую трехмерной.

С третьей фотографией, все еще торчавшей из щели, случилось невозможное: морда полароидного пса как бы вернулась в фокус. Невозможное потому, что пасть приблизилась к линзам вплотную, напоминая морду какого-то морского чудовища, находящегося под тем тонким слоем воды, который называется поверхностью.

— Все-таки она еще не поет как полагается, — буркнул Поп.

И его палец снова нажал на спуск.

Глава 21

Кевин взбежал по ступеням магазина «Империя изобилия».

Отец потянулся за ним, но, промахнувшись на дюйм, схватил только воздух, а не воротник рубашки. Потерял равновесие, упал, успев выставить вперед руки, и ударился о вторую сверху ступеньку. Маленькие занозы впились в ладони.

— Кевин!

Мистер Дэлевен поднял голову в тот самый момент, когда мир поглотила очередная вспышка. На этот раз проревело громче. Словно обезумевшее животное доламывало клетку, в которой сидело. Джон увидел сына, застывшего в ослепительной белизне, словно превратившегося в фотографию: подбородок прижат к груди, ладонь прикрывает глаза от слепящего блеска. Джон увидел, как зазмеились трещины по стеклу витрин.

— *Кевин, оста...*

Стекла брызнули дождем осколков, и мистер Дэлевен инстинктивно нагнул голову. Стекло летело, как шрапнель. Осколки попали в волосы, поцарапали щеки, но ни один из них не вонзился ни в мальчика, ни в мужчину: витрины разлетелись чуть ли не в пыль.

Послышался резкий удар, и мистер Дэлевен увидел, что Кевин сделал то, о чем подумал он сам, когда чуть раньше они стояли перед дверью магазина Попа Меррилла: мальчик ударил плечом, и новый замок выломал старое дерево.

— КЕВИН, ЧЕРТ ПОБЕРИ! — проревел мистер Дэлевен.

Он встал, споткнулся, упал на одно колено, но снова поднялся, на этот раз устоял на ногах и бросился за сыном.

Что-то случилось в этих часах с кукушкой. Что-то *нехорошее*.

Они били и били, правда, уже плохо, но этим дело не ограничивалось. Прямо в руках Попа они становились все тяжелее... и вроде бы горячее.

Поп посмотрел вниз и чуть не закричал от ужаса. Не закричал только потому, что челюсти ему, казалось, сцепили проволокой.

Внезапно он понял, что до этого ничего не видел. Он вдруг осознал, что держит в руках совсем не часы с кукушкой.

Он попытался разжать пальцы, мертвой хваткой вцепившиеся в камеру, и, к своему ужасу, почувствовал, что не в силах это сделать: пальцы не подчинялись. Камера становилась все тяжелее. А температура ее все нарастала. Между растопыренных, с побелевшими ногтями, пальцев темно-серый пластик корпуса начал дымиться.

Указательный палец правой руки пополз вверх, к красной кнопке спуска, совсем как муха-калека.

— Нет, — пробормотал Поп, потом добавил с мольбой: — *Пожалуйста...*

Палец не обратил внимания на его просьбу. Добрался до красной кнопки и лег на нее в тот самый момент, когда Кевин ударом плеча вышиб дверь. Зазвенели разбивающиеся стеклянные панели.

Поп не давил на кнопку. Даже слепой, даже ощущая, как начинают поджариваться и обугливаться подушечки его пальцев, Поп не давил на кнопку. Но его палец лежал на ней, а вес камеры увеличился вдвое, втрое. Он не пытался убрать палец с кнопки. Какой прок от попытки остановить летящую по своей орбите планету Юпитер?

— Брось ее! — откуда-то из темноты донесся крик мальчика. — Брось ее, *брось!*

— *Нет!* — крикнул в ответ Поп. — *Что я хочу сказать.* Я НЕ МОГУ!

Кевин стоял, широко расставив ноги, склонившись над камерой, которую они только что взяли в «Ла Вердье». Он уже нажал кнопку, поднимающую перед-

нюю часть камеры, открыл паз и теперь пытался вставить в него кассету, которая отказывалась влезать. Словно камера предала Кевина, из солидарности со своей полароидной сестрой.

Поп снова закричал, из его горла исторглись не слова, а вопль страха и боли. До ноздрей Кевина долетели запахи плавящегося пластика и горящей плоти. Он увидел, что полароидная камера *тает*, буквально тает в застывших руках старика. Квадратный силуэт менялся: углы скруглялись. Вместо того чтобы треснуть и выскочить из меняющего форму корпуса, линзы удлинялись и загибались, превращаясь в два гротескных глаза, словно на маске жестокой трагедии.

Темный пластик нагрелся до такой степени, что превратился в расплавленный воск. Он тек по пальцам Попа Меррилла, по рукам, оставляя глубокие канавки. Пластик прижигал плоть, и Кевин видел, как по краям канавок выступала кровь и капли, шипя, словно раскаленный жир, падали на верстак.

— Твоя кассета в обертке! — крикнул мистер Дэлевен, выводя Кевина из шока. — Сними обертку! Дай мне кассету!

Дэлевен-старший протянул руку, сильно толкнув Кевина, едва не сбив его с ног. Выхватил кассету, разорвал фольгу и вынул из нее содержимое.

— ПОМОГИТЕ МНЕ! — кричал Поп. Эти слова были последними, которые можно было понять.

— Скорее! — Мистер Дэлевен сунул кассету Кевину в руки. — Скорее!

Шкворчание жарящейся плоти. Горячая кровь на верстаке, отдельные капли сливались в ливень по мере того, как пластик добирался до больших артерий. Пластик окольцевал левое запястье Попа, и лопнули вены, находящиеся у самой поверхности, разгерметизированный поток крови хлынул, а сердце толчками гнало и гнало наружу все новые порции.

Поп завыл, как смертельно раненное животное.

Кевин никак не мог загнать кассету в паз.

— *Черт!* — вырвалось у него.

— *Не той стороной!* — завопил мистер Дэлевен.

Он хотел выхватить камеру у Кевина, но тот увернулся, оставив в руках отца клок рубашки, и перевернул кассету. Она чуть не выпала, но Кевин сумел удержать ее, вставил, захлопнул крышку. Камера зажужжала, выплевывая картонку.

Поп завопил вновь и...

ВСПЫШКА!

Глава 22

На этот раз они словно оказались в центре солнца, которое внезапно стало другим — суперновым. Кевин почувствовал, как его тень отделилась от него и впечаталась в стену. Может, так оно и было, потому что вся стена за мальчиком обуглилась и пошла трещинками, кроме того места, куда легла его тень. На стене запечатлелся силуэт Кевина, с отставленным локтем, — в тот самый момент, когда он поднимал камеру к лицу.

Верхняя часть камеры, которую держал Поп, с чавканьем отскочила. Полароидный пес зарычал так, словно рядом громыхнул гром. Зазвенели разбитые стекла на циферблатах часов, мелкие осколки полетели во все стороны.

На этот раз камера не стонала и не жужжала, она вскрикнула, громко, пронзительно, словно женщина, умирающая в родах. Из щели выползла дымящаяся фотография. Тут же начала плавиться и сама щель, один ее угол потащило вниз, второй — вверх; щель растянулась, словно беззубый рот. На блестящей поверхности последней фотографии, еще торчащей из плавящейся щели, начал образовываться пузырь.

Кевин наблюдал как зачарованный, стремясь взглядом прорвать пелену прыгающих белых точек, которую последняя вспышка повесила перед его глазами. По-

лароидный пес снова зарычал. Чуть тише, но звук этот исходил не из-под земли, а из фотографии, отчего стало только страшнее.

Часть пластика выплеснулась на шею Попа Меррилла, превратившись в ожерелье. Внезапно вскрылись яремная вена и сонная артерия, кровь брызнула вперед и вверх. Голову Попа отбросило назад.

Пузырь на камере рос. Края увеличивающейся фотографии начали раздирать щель. Они расходились и расходились, словно сделана была фотография не из картона, а из какого-то растягивающегося материала. Фотография прыгала взад-вперед, напомнив Кевину ковбойские сапожки, которые ему подарили на день рождения два года назад. Они были узки в голенищах, поэтому ноги приходилось вставлять в них рывками.

Края фотографии прорезали пластик так же легко, как острый нож режет нежное мясо. Дымящиеся капли серого пластика полетели вниз. Одна упала на стопку старых журналов «Популярная механика» и прожгла глубокую дыру.

Пес снова зарычал, злобно, кровожадно. Ясно было, что на уме у него только одно — рвать и убивать.

Фотография уже напоминала бесформенный колокол. Еще мгновение, и она, вырвавшись из щели, полетела на стол со скоростью брошенного в стену камня.

— Что происходит? — просипел мистер Дэлевен. — Господи, Кевин, *что здесь происходит?*

Кевин услышал свой голос, отстраненный, бесстрастный:

— Он рождается.

Глава 23

Поп Меррилл умер, откинувшись на спинку стоящего у верстака кресла, в котором просидел, наверное, полжизни, если не больше. Сидел и курил; сидел и чи-

нил часы и прочую механику, которая потом какое-то время работала, во всяком случае, многое он успевал продать; сидел и одалживал деньги, уже под покровом ночи, тем, кто не мог занять их где-либо еще. Поп Меррилл умер, глядя в потолок, с которого его же кровь капала ему на щеки и в широко раскрытые глаза.

Кресло перевернулось и выкинуло хозяина «Империи изобилия» на пол. Из карманов вывалились кошелек и связка ключей.

А на его верстаке полароидная фотография продолжала жить своей жизнью. Ее края продолжали расползаться, и Кевин чувствовал, как неведомое ему существо, одновременно уже живое и еще не живое, стонет в ужасных муках рождения.

— Мы должны отсюда уйти, — выдохнул отец Кевина.

Взгляд Джона Дэлевена не отрывался от этой растущей на глазах фотографии, которая уже скрыла под собой половину верстака Меррилла.

Она больше ничем не напоминала фотографию, раздувалась, словно щеки человека, набравшего полный рот воздуха. Сверкающий пузырь, в фут высотой, ходил ходуном. Его поверхность переливалась странными, невиданными цветами, маслянисто блестела. Раскаты рева, раздраженного, злобного, голодного, накатывали один на другой.

Отец взял сына за плечо, но Кевин резко вывернулся, и пальцы старшего Дэлевена лишь порвали ему рубашку. Голос мальчика звучал предельно спокойно.

— Нет... он бросится за нами. Думаю, ему нужен я, потому что с Попом пес уже разделался. Ведь камера принадлежала мне. Но на этом он не остановится. Пес сожрет и тебя. И это тоже его не остановит.

— Но ты ведь ничего не можешь поделать! — закричал отец.

— Могу, — ответил Кевин. — У меня есть один шанс.

И поднял камеру.

Края фотографии достигли краев верстака. Вместо того чтобы свеситься вниз, они закруглились вверх, продолжая удлиняться и извиваться. Они напоминали теперь крылья, снабженные легкими, и еще пытались натужно дышать.

Вся пульсирующая поверхность продолжала растягиваться и расширяться. То, что было плоским, превратилось в гигантский нарост, словно наполненный вонючей жидкостью. От нароста тянуло гнилью.

Рев не прекращался, пес рвался наружу, и некоторые из часов только что отдавшего Богу душу Попа Меррилла внезапно начали отбивать то ли полночь, то ли полдень. Словно протестуя против появления пса в этом мире.

Паническое желание бежать из магазина куда глаза глядят оставило мистера Дэлевена. В душе разлилось необъяснимое спокойствие, предтеча летаргического сна.

Кевин держал видоискатель камеры у глаза. Он лишь несколько раз охотился на оленей, но помнил, что испытывает человек, когда приходит его черед ждать. Ждать, затаившись, с ружьем на изготовку, в то время как другие охотники с криками идут по лесу, надеясь выгнать зверя на открытое пространство, где ты поджидаешь его. И не надо бояться, что ты подстрелишь кого-то из охотников, у тебя есть возможность сосредоточиться только на олене.

У тебя есть время спросить себя: «*Сможешь* ли ты попасть в зверя, когда и если он появится?» У тебя есть время задаться вопросом: «*Заставишь* ли ты себя выстрелить?» Еще можно надеяться, что олень так и останется гипотетическим и тебе не придется принимать решение, стрелять или не стрелять. Один раз олень появился, вышел на лежащего в засаде Билла Робер-

сона, приятеля отца. Мистер Роберсон положил пулю, куда ее и следовало положить, между плечом и грудью оленя, и потом егерь снимал их рядом с добычей, мощным самцом, который делал честь любому охотнику.

Готов спорить, ты жалеешь, что стрелять довелось не тебе, не так ли? — спросил егерь, взъерошив волосы Кевина (ему тогда было двенадцать, он как раз начал вытягиваться вверх, чтобы через семнадцать месяцев дорасти практически до шести футов, то есть его еще не возмущало желание кого-то из взрослых ерошить ему волосы). Кевин тогда кивнул, оставив свой секрет при себе: он *радовался*, что стрелять пришлось не ему, он не знал, хватило бы ему духу выстрелить, а если б хватило, возникла бы еще одна проблема: уложить оленя одним выстрелом. Опять же, он не знал, сумел бы он выстрелить еще раз, если бы сразу не свалил оленя, хватило бы ему сил на преследование раненого животного.

Поэтому Кевин улыбнулся егерю и кивнул, а отец сфотографировал их в этот момент, и у мальчика отпала необходимость отвечать: «Нет. Не хотел бы я быть на месте мистера Роберсона. Мир предлагает каждому множество испытаний, и в двенадцать лет еще рано показывать, чего ты стоишь. *Я рад*, что стрелял мистер Роберсон. *Я еще не готов к испытаниям, выпадающим на долю мужчин*».

А теперь Кевин был в засаде, не так ли? И зверь выходил на него, разве нет? На этот раз не мирное травоядное, а хищник-убийца, огромный и злобный, способный зараз проглотить тигра. Этот зверь хотел убить его, причем это должно стать только началом. И только он, Кевин Дэлевен, может остановить этого зверя.

Мысль о том, чтобы передать полароидную камеру отцу, промелькнула и тут же исчезла. Ведь в глубине души он знал: передать камеру — все равно что убить отца и покончить жизнь самоубийством. Отец *не верил*

в то, что сможет остановить зверя. И камера не сработает для его отца так, как надо, даже если он не будет стоять столбом и сумеет вовремя нажать на спуск.

Камера Кевина сработает *только* для Кевина.

Вот он и ждал, когда придет время показать, что достоин выдержать испытание, предложенное ему жизнью. Стоял, всматриваясь в видоискатель, как в прицел ружья, наведя камеру на фотографию, которая продолжала увеличиваться, заставляя блестящий переливающийся пузырь расти в ширину и в высоту.

И вот наконец начался переход полароидного пса в этот мир. Камера словно налилась свинцом, когда рев зверя буквально сотряс весь дом. Фотоаппарат задрожал в руках Кевина, он почувствовал, что влажные пальцы готовы вот-вот разжаться. Но он еще крепче сжал камеру; на лице появилась улыбка отчаяния. Пот заливал глаза. Дернув головой, Кевин отбросил со лба волосы, вновь прильнул к объективу, и в этот момент «Империю изобилия» наполнил резкий звук рвущейся ткани, прочной ткани, которую разрывали крепкие руки.

На сверкающей поверхности пузыря появилась щель. Из нее вырвался красный дым.

Зверь взревел злобным, несущим смерть ревом. Гигантская пасть с острыми клыками сунулась в щель — в этот мир.

Отчаянно, безумно били часы.

Мистер Дэлевен вновь схватил Кевина, дернул так сильно, что Кевин ударился зубами о пластиковый корпус камеры, и она едва не выпала из его рук и не разбилась об пол.

— *Снимай!* — Отец перекричал рев зверя. — *Снимай, Кевин, если хочешь снимать, снимай прямо сейчас,* СЕЙЧАС, *Господи, он же...*

Кевин вырвался.

— Еще рано, — возразил мальчик. — Еще не...

На голос Кевина зверь *откликнулся* ревом. Полароидный пес рвался неведомо откуда, раздувая пузырь. Внезапно полароидный пес поднялся, высунув уже всю голову в реальный мир. Голова эта напоминала перископ... только вместо линз на Кевина смотрели безумные от ярости глаза.

Пузырь теперь облегал шею. Пес снова заревел, и из пасти вырвался язык красно-желтого пламени.

Джон Дэлевен отступил на шаг, зацепился за столик, на котором лежали пачки старых номеров журнала «Странные истории и фантастические пространства». Столик покачнулся, мистер Дэлевен потерял равновесие и вместе со столиком рухнул на пол. Полароидный пес вновь заревел, потом опустил голову и рванулся. Щель стала шире. Огненный язык вырвался из пасти зверя, превращая ткань в золу. Кевин увидел, что на шнурке-галстуке висит уже не зажим в форме птицы, а похожий на ложку инструмент, с помощью которого Поп Меррилл чистил трубку.

И мальчик окончательно успокоился. За спиной в изумлении и страхе кричал отец, пытающийся освободиться от столика, с которым повалился на пол, но Кевин не обращал на это ни малейшего внимания. Крик доносился откуда-то издалека.

Все нормально, папа, думал он, держа вылезающую из пузыря тварь в квадрате видоискателя. *Все в порядке, разве ты не видишь? Все будет хорошо, потому что... амулет, который висит на шее полароидного пса, изменился.*

И еще успел подумать, что у зверюги все-таки был хозяин... и этот хозяин наконец-то понял, что натравливать пса надо не на Кевина.

А может, в этом странном городе Полароидсвилле и живет ловец собак? Должен жить, иначе почему вдруг во сне появилась толстая женщина? Именно толстуха сказала Кевину, что он должен делать, то ли потому, что знала сама, то ли ловец собак подпустил ее в сон, чтобы Кевин увидел толстуху и все понял сам: двухмерную толстую женщину с двухмерной тележкой,

наполненной двухмерными полароидными камерами. *Будь осторожен, мальчик. Собака Попа сорвалась с поводка, и она очень злобная... Очень трудно сфотографировать ее, и уж совсем невозможно, если у тебя нет камеры.* Что-то такое она сказала.

Теперь мальчик приобрел камеру, не так ли? Он не знал, получится ли все, как обещала женщина, но камера у него теперь была.

Пес повертел головой, пока его взгляд не остановился на Кевине Дэлевене. Губы еще шире разошлись, обнажая страшные клыки, пасть открылась, из горла повалил дым, пес грозно зарычал. Матовые шары ламп под потолком магазина разлетелись вдребезги, усыпав пол осколками. Пес рванулся, широкая грудь прорвала ткань, разделявшую два мира.

Палец Кевина лег на кнопку спуска полароидной камеры.

Пес снова рванулся, теперь высвободились передние лапы, со шпорами, которые тут же вонзились в деревянную поверхность верстака, оставив глубокие дыры. Кевин слышал, как вырываются *неизвестно откуда* задние лапы, и знал, что в его распоряжении остаются считанные секунды. Еще рывок, и пес прыгнет со стола, в мгновение ока покроет разделяющее их расстояние, своим огненным дыханием подожжет брюки и тут же вонзится страшными клыками ему в живот.

— Скажи: «чи-из»*, сучье вымя! — приказал Кевин.

И надавил на кнопку.

Глава 24

Вспышка была такой ослепляющей, что это мгновение чуть ли не полностью выпало из сознания Ке-

---

* Сыр *(англ.)*. При произнесении этого слова губы складываются в улыбку, поэтому «чи-из» говорят при фотографировании.

вина: потом — когда все кончилось — он эту вспышку так и не вспомнил. Его камера не выросла в размерах, не начала плавиться. Просто в ней три или четыре раза подряд что-то хрустнуло. То ли трескались линзы, то ли лопались какие-то пружины.

В белом зареве он увидел, как полароидный пес застыл. Идеальная черно-белая полароидная фотография: голова отброшена назад, каждая шерстинка стоит торчком. Клыки сияли белизной костей, пролежавших тысячелетия в стерильной пустоте каверн, оставленных водой. Глаза и те стали белыми, как у греческих статуй. Лишь дымок продолжал струиться из ноздрей и открытой пасти.

Эта фотография была совершенно не похожа на все остальные, виденные Кевином: черно-белая, а не цветная, и трехмерная, а не *двухмерная. Он словно видел* перед собой живое существо, вдруг обратившееся в камень после взгляда, неосторожно брошенного на Медузу.

— Спекся наконец, сукин ты сын! — истерично прокричал Кевин.

И, словно соглашаясь с ним, застывшие передние лапы оторвались от стола; полароидный пес стал исчезать в дыре, из которой появился; сначала медленно, затем все быстрее. С глухим рокочущим звуком, будто сползающая со склона лавина.

Что я увижу, если подбегу и загляну в тоннель, утягивающий полароидного пса? — подумал Кевин. *Увижу я тот дом, тот забор, старика с тележкой, вытаращившегося в изумлении на лицо гиганта, не мальчика, а МАЛЬЧИКА, который смотрит на него из дыры в безоблачном небе? Засосет меня эта дыра? Или случится что-то другое?*

Но Кевин не побежал, а выронил «Полароид» и закрыл лицо руками.

Только Джон Дэлевен, лежа на полу, увидел завершающий акт: мембрану, образовывавшую пузырь,

тоже стало втягивать. Раздался сильный хлопок. Мембрану засосало в дыру, вслед за ней и лежащие на столе полароидные фотографии, сделанные стариком. Поверхность верстака вновь стала ровной и гладкой.

Его сын стоял посреди магазина, закрыв лицо руками, и плакал.

— Кевин! — Мистер Дэлевен поднялся и обнял мальчика за плечи.

— Я должен был сделать фотографию, — говорил Кевин сквозь слезы и ладони. — Только так мы могли избавиться от него. Я должен был сфотографировать это чудовище. *Вот* что я хочу сказать.

— Да. — Отец крепче прижал мальчика к себе. — Да, и ты сфотографировал.

— Я все равно что застрелил его, папа. Ты понимаешь? — Взгляд Кевина был полон боли и страдания.

— Да, — кивнул мистер Дэлевен и поцеловал сына в горячую щеку. — Понимаю. Пойдем домой.

И повел Кевина к двери, подальше от окровавленного, обожженного тела старика (мистер Дэлевен надеялся, что Кевин не заметил труп, но знал, что обязательно увидит, если они еще какое-то время пробудут в магазине). Кевин уперся.

— А что скажут люди? — спросил Кевин тоном чуть ли не старой девы, и мистер Дэлевен невольно рассмеялся.

— Пусть говорят что хотят. До правды им никогда не докопаться, да и сомневаюсь, что кто-то попытается. — Он помолчал. — Меррилла в городе не любили, знаешь ли.

— Я бы не захотел докапываться до правды, — прошептал Кевин. — Пойдем домой.

— Да. Я люблю тебя, Кевин.

— Я тоже люблю тебя, — ответил Кевин и, взяв отца за руку, вывел его из дыма и затхлости в яркий свет осеннего дня.

Эпилог

Кэвину Дэлевену исполнилось шестнадцать лет, и он получил то, что хотел: персональный компьютер и принтер. Игрушка стоила тысячу семьсот долларов. Годом раньше его родители не могли бы позволить такого подарка, но в январе, через три месяца после трагедии в «Империи изобилия», тетя Хильда тихо умерла во сне. Она действительно ЧТО-ТО СДЕЛАЛА для Кевина и Мег, вернее, МНОГО СДЕЛАЛА для всей семьи. После прохождения завещания через суд по наследственным делам и уплаты налогов Дэлевены стали богаче на семьдесят тысяч долларов.

— Как здорово! Спасибо вам огромное! — кричал Кевин и целовал мать, отца и даже сестру.

Мег, повзрослев на год, все так же хихикала, но уже не уклонялась от поцелуев. И Кевин не мог решить, хорошо это или плохо. Вторую половину дня он провел наверху, запуская проверочную программу. Около четырех часов спустился вниз, заглянул в кабинет отца.

— Где мама и Мег?

— Поехали в торговый центр... Что случилось, Кевин?

— Тебе лучше подняться наверх, — пробубнил мальчик.

У двери своей комнаты он повернулся к отцу. Бледный как полотно. «Придется еще приплатить», — думал мистер Дэлевен, поднимаясь на лестнице следом за сыном. Естественно. Разве не этому научил его Поп Меррилл? Долг, который ты берешь, — ерунда.

А вот горбатят тебя проценты.

— Мы можем взять другую машину? — спросил Кевин, указывая на компьютер со светящимся монитором.

— Не знаю. — Мистер Дэлевен подошел к столу. Кевин держался позади, наблюдал. — Наверное, *если возникнет* такая...

926 Он не договорил, всматриваясь в экран.

— Я запустил программу текстового редактора. И напечатал: «Быстрая рыжая лиса перескочила через ленивую спящую собаку», — сказал Кевин. — Только принтер выдал мне совсем другое.

Мистер Дэлевен перевел взгляд на распечатку. Его руки и лоб похолодели. Он прочитал:

Пес опять сорвался.
Он не спит.
Он не ленивый.
Он ищет тебя, Кевин.

«Начальный долг — ерунда, — снова подумал мистер Дэлевен. — А вот проценты... тебя ломают проценты».

На листке было еще две фразы:

Пес очень голоден.
И он ОЧЕНЬ зол.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ. Ровно в полночь. *Перевод В.А. Вебера* . 3

ЛАНГОЛЬЕРЫ. Один после полуночи. *Перевод В.А. Вебера*. 13

СЕКРЕТНОЕ ОКНО, СЕКРЕТНЫЙ САД. Два после полуночи. *Перевод О.А. Мышаковой* . 309

БИБЛИОТЕЧНАЯ ПОЛИЦИЯ. Три после полуночи. *Перевод А.В. Санина*. . 499

НЕСУЩИЙ СМЕРТЬ. Четыре после полуночи. *Перевод В.А. Вебера* 751

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Кинг Стивен

ЧЕТЫРЕ ПОСЛЕ ПОЛУНОЧИ

Сборник

Ответственный редактор *А. Батурина*
Компьютерная верстка: *П. Рыдалин*
Технический редактор *Т. Полонская*

Подписано в печать 11.10.2018. Формат 76x100 $^{1}/_{32}$
Усл. печ. л. 40,81. Доп. тираж 4000 экз. Заказ Э-5065
Отпечатано в типографии ООО «ИНФО СИСТЕМ»
420044, г. Казань, пр. Ямашева, д. 36Б

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.11.1 — книги, брошюры печатные

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звёздный бульвар, дом 21, строение 1, комната 705, пом. I, 7 этаж.
Наш электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru
ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic

«Баспа Аста» деген ООО
129085, Мәскеу қ., Звёздный бульвары, 21-үй, 1-құрылыс, 705-бөлме, I жай, 7-қабат.
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz
Интернет-дукен: www.book24.kz
Импортёр в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».
Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.
Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию в Республике Казахстан:
ТОО «РДЦ-Алматы»

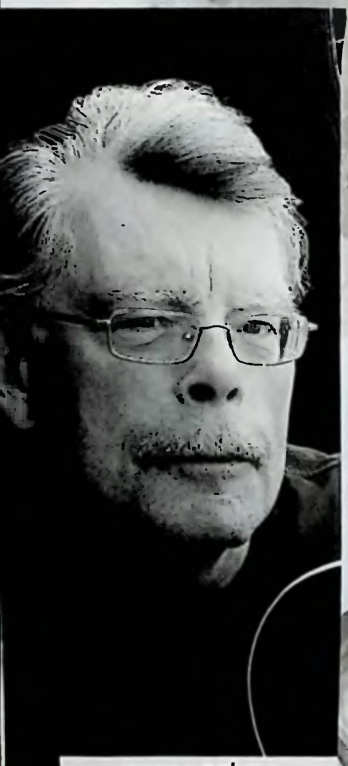
Қазақстан Республикасында дистрибьютор
және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Четыре повести в одной книге — необычайно увлекательные и захватывающие. Четыре сюжета — настолько оригинально выстроенные, что от них невозможно оторваться...
Одиннадцать пассажиров авиалайнера понимают, что внезапно оказались во власти ужасных тварей — лангольеров...
На снимках, сделанных «Полароидом», вновь и вновь появляется чудовищный монстр, и он все ближе подкрадывается к владельцам камеры...
Писателя опутывает липкая паутина страха — ведь шаг за шагом он обращается в того, кого прежде видел лишь в ночных кошмарах...
В библиотеке маленького городка просыпаются темные силы — из глубин параллельного мира выходит безжалостный мститель-полицейский, готовый убивать...

www.ast.ru
ISBN: 978-5-17-096895-4
9 785170 968954

Стивен Кинг — один из самых популярных писателей нашего времени.
Его читают подростки и взрослые, женщины и мужчины — все, кто стремится лучше понять себя и других, а также изменчивый и непредсказуемый мир, в котором мы живем.
Стивену Кингу подвластны все жанры: он — автор великолепных романов, потрясающих повестей и блистательных рассказов.
Среди шедевров Мастера — полное мистики и саспенса «Сияние», приоткрывающая тайны человеческого сознания «Мертвая зона», удивительно трогательная и в то же время невероятно жесткая «Зеленая миля», леденящая кровь «Кэрри», «жемчужина» фэнтези «Темная Башня» и многое-многое другое...